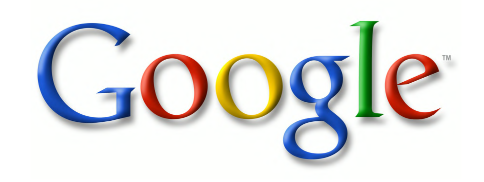

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, НЕДОЗВОЛЕННЫХЪ ЦЕНЗУРОЮ

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, НЕДОЗВОЛЕННЫХЪ ЦЕНЗУРОЮ

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, НЕДОЗВОЛЕННЫХЪ ЦЕНЗУРОЮ

ВЪ 1862 ГОДУ

НАПЕЧАТАНЪ ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ Г. УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ДЛЯ КОММИСІИ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ

Т. I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА
1862

СТАТЬИ

КАСАЮЩІЯСЯ ПОЛИТИКИ, АДМИНИСТРАЦІИ И Т. П. ПРЕДМЕТОВЪ

СТАТЬИ

КАСАЮЩІЯСЯ ПОЛИТИКИ, АДМИНИСТРАЦІИ И Т. П. ПРЕДМЕТОВЪ

1.

Областныя земскія собранія и совѣты.

По естественно-историческому закону свободнаго областнаго самоустройства нашего народа, изъ совокупности сельскихъ и городскихъ міровъ должны были сложиться и слагались *областные земскіе міры*. А изъ совокупности городскихъ и сельскихъ мірскихъ сходовъ, посредствомъ выборнаго представительства, должны были и начинали огранизоваться *областные земскіе съѣзды*, *земскіе совѣты или думы*.

Изучая по источникамъ исторію колонизаціи, постройки великорусскихъ областей среди чудскихъ, финскихъ земель, слѣдя за историко-колонизаціоннымъ движеніемъ народа, крестьянства, изъ области въ область, изъ мѣстечка въ мѣстечко, мы подмѣтимъ въ *земскомъ устроеньи* нашего народа четыре главныя характеристическія черты областнаго строя и дѣленія. Первая черта —*естественность*. Когда только что еще основывались области, жизнь народная шла по слѣдамъ естественныхъ, опредѣлительныхъ условій. Не было искусственнаго росписанія, распредѣленія народонаселенія, а было естественное, свободное, колонизаціонное распредѣленіе народа *по землѣ и по водѣ*, какъ характеристично выражено въ актахъ. Отсюда проистекало и областное земское строенье. Области устроялись и разграничивались по рѣкамъ, по волокамъ, или междуозернымъ и рѣчнымъ оазисамъ, вообще, по естественнымъ, географическимъ или топографическимъ очертаніямъ, или, какъ выражено въ актахъ, по *раздѣламъ земли и воды*. Земля и вода опредѣляли территоріальный

*

строй, географическое очертаніе и мѣстную особность, земскую самобытность областныхъ общинъ. При естественныхъ условіяхъ земли и воды, имѣлъ также свою долю вліянія на областное дѣленіе, на областную организацію и распредѣленіе другой естественный элементъ—этнографическій, племенный. Разумѣется, это было въ тѣхъ земляхъ, гдѣ славяно-русская колонизація распространялась среди инородческихъ племенъ. По этой географической и территоріально-этнографической очерченности, по этому земскому устроенью, области назывались *землями*—то по рѣкамъ, или, говоря языкомъ актовъ, по *рѣчнымъ предѣламъ*, напримѣръ, земля двинская;—то по племенамъ, напримѣръ, *земля чудская*, *земля пермская*. Система рѣчнаго, и вообще естественнаго, географически-колонизаціоннаго земскаго строенья областей такъ глубоко лежала въ основѣ областнаго дѣленія Россіи, что даже въ XVII вѣкѣ, въ эпоху приказно-правительственной колонизаціи и устройства областей, соблюдалась въ колонизаціи и земскомъ устройствѣ вновь завоеванныхъ земель. Напримѣръ, Сибирь, на основаніи системъ рѣчныхъ и сообразной съ ними территоріальной преемственности, послѣдовательности колонизаціи по рѣкамъ, дѣлилась на *разряды*. Группа всѣхъ поселеній, происшедшихъ изъ перваго, по царскому указу поставленнаго города на извѣстной рѣчной системѣ, и связанныхъ этою системою въ одно цѣлое, образовала *разрядъ*. Такъ, напримѣръ, колонизовался разрядъ верхотурскій, разрядъ тобольскій, разрядъ томскій, и т. д.

Другая черта естественно-историческаго, колонизаціоннаго областнаго дѣленія—территоріальная *особность*, земская самостоятельность, автономія областей. Каждая *земля* или *область*, обособляясь, разграничиваясь особою рѣчною системою, *рѣчнымъ предѣломъ*, или *раздѣломъ земли и воды*, естественно образовала самостоятельное цѣлое. Отсюда эта долговременная историческая самобытность, напримѣръ, новгородской земли, двинской земли, пермской земли, московской или ростовско-суздальской земли, казанскаго царства, астраханскаго царства, сибирскаго царства. Отсюда это раздѣленіе областей на *удѣлы* и борьба ихъ за волости, за границы. Стремленіе областей къ особности, основывавшееся на рѣчныхъ системахъ, или на топографическихъ условіяхъ, иногда доходило до крайней мелочности, до чрезвычайной дробности. Въ этомъ заключался общественный недостатокъ областнаго строя древней Россіи, хотя при высшемъ разви-

тіи гражданственности, онъ, мало-по-малу, естественно могъ бы быть устраненъ.

Особность, автономія областей выражалась еще въ ихъ *городовомъ дѣленіи*. Съ прекращеніемъ удѣльно-вѣчеваго федеративнаго союза областей въ формѣ *земли русской*, съ началомъ *московскаго государства*, хотя и не уничтожилось первоначальное земское дѣленіе областей на *земли*, но преимущественно стало господствовать это *городовое дѣленіе*, данное также прежнею колонизаціонною и бытовою жизнію народа. Области подраздѣлялись по древнѣйшимъ, первоначальнымъ городамъ. Такъ какъ колонизація уѣздовъ городовыхъ волостей шла первоначально изъ первичныхъ, древнѣйшихъ городовъ по слѣдамъ хозяйственныхъ путей, ухожаевъ и выѣздовъ горожанъ, въ предѣлахъ извѣстной рѣчной системы, или топографически обособленной территоріи, то въ каждой области, или въ каждомъ уѣздѣ древнѣйшій, первоначальный городъ, образуя въ нѣкоторомъ отношеніи метрополію своего уѣзда, составлялъ центръ. Именами городовъ обозначались области. Областные города съ ихъ уѣздами всѣ были равноправны, самобытны и союзны. Во имя равенства, равноправности, они назывались въ актахъ, во взаимныхъ перепискахъ, *братьями*, во имя автономіи — *господами*. Во имя союзности, федеративности, областныя города порѣшили на своихъ земскихъ совѣтахъ въ смутное время *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи*. Сознаніе равенства, равноправности такъ было живо въ нихъ, что и въ то время, когда уже Москва возвысилась въ столицу царей, они обнаружили притязаніе *указывать* Москвѣ, вопреки ея исключительной притязательности на *указыванье*. Вслѣдствіе чего, представители Москвы въ смутное время, въ отвѣтъ притязаніямъ областныхъ городовъ, должны были отвѣчать имъ, что «прежде-де ни которые городы не указывали Москвѣ, ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Казань, ни Астрахань, а Москва-де указывала всѣмъ городамъ.....» Несмотря на новое возвышеніе Москвы на степень столицы, послѣ избранія царя въ 1613 г., вслѣдствіе схода всѣхъ городовъ подъ Москву, дѣленіе областей *по городамъ* продолжалось до самаго XVIII столѣтія, и на немъ основано было учрежденіе воеводствъ.

Вслѣдствіе вольно - народнаго колонизаціоннаго самоустройства областныхъ общинъ, по отдѣльнымъ рѣчнымъ системамъ и другимъ естественнымъ очертаніямъ, въ формѣ самобытныхъ *земель*

и городовъ съ уѣздами или *волостями*, въ нихъ, естественно, должны были развиваться начатки самобытнаго, общиннаго, земскаго самоуправленія. Устроясь сами собою, на особныхъ рѣчныхъ системахъ и земляхъ, и постоянно стремясь быть *особно, опроче* или *удѣльно*, областныя общины вмѣстѣ съ тѣмъ естественно и управлялись сами собою, *межъ себя*. По земской территоріально-колонизаціонной связи городовъ съ ихъ уѣздами, волостями и пригородами, въ главныхъ, старѣйшихъ, первоосновныхъ городахъ каждой области развивались зачатки, обычаи *областныхъ вѣчевыхъ сходовъ*. «Новгородцы бо изначала, говоритъ лѣтопись, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти (волости), яко же на душу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ» (тавр. л. подъ 1176 г., стр. 160). Въ частности, видимъ ясные зачатки областнаго народосовѣтія, областныхъ сходовъ въ новгородской области или землѣ. Напримѣръ, «въ лѣто 1137, по словамъ лѣтописи, *новгородцы* призваша *псковичей* и *ладожанъ*, и *сдумаша*, яко изгонити князя своего Всеволода» (1 новг. л. стр. 7). По случаю размолвки или *нелюбья* съ князьями низовскими, или съ нѣмцами, также собирались въ Новгородѣ земскіе люди со всей новгородской области. Напримѣръ въ 1270 г. «*совокупися* въ Новгородѣ вся волость новгородская, псковичи, ладожане, корѣла, ижера и вожане» (16, стр. 62). Въ вятской землѣ видимъ такое же областное самоуправленіе. Въ хлыновской лѣтописи сообщается такое преданіе: «начали вятчане общежительствовать, самовластвуя, управлялись и владѣлись своими жителями, и нравы свои отеческіе, и законы, и обычаи новгородскіе сохраняли много лѣтъ, до обладанія великихъ князей русскихъ, и прозвались вятчане по рѣкѣ Вяткѣ. Самовластцы были 278 лѣтъ». Обычай областнаго *земскаго совѣта* вятчане сохраняли до послѣдняго часу своей земско-областной свободы. И въ послѣдній разъ, когда московскіе воеводы рѣшительно требовали отъ вятчанъ выдать крамольниковъ и измѣнниковъ, въ Вяткѣ были въ сходкѣ представители всей земли, совѣтные люди. Самовластные вятчане отвѣчали воеводамъ: «дайте намъ, господа, сроку до завтра: мы это *ваше слово скажемъ всей землѣ*».

Пока еще строились, колонизовались земско-вѣчевые областные міры, въ эпоху особной жизни и удѣльной борьбы, эти зачатки, *починки* областнаго народосовѣтія и самоуправленія не успѣли

получить правильное, систематически опредѣленное юридическое устройство. Земско-областная жизнь только что развивала, организовала ихъ изъ непосредственныхъ данныхъ, опытовъ, выводовъ внутренняго, мѣстнаго, особо-областнаго самоустройства, саморазвитія и внѣшнихъ земско-союзныхъ, между-областныхъ взаимноотношеній и взаимодѣйствій. Какъ съ *починковъ* начиналось колонизаціонное, земское самоустройство областныхъ общинъ, такъ съ починковъ же начиналось и ихъ юридическое саморазвитіе, ихъ областное самоуправленіе. И несмотря, однакожъ, на этотъ починочный, элементарный, первоосновный характеръ, обычай областнаго самоуправленія, областныхъ сходовъ и земскихъ совѣтовъ укоренился въ духѣ, въ привычкахъ народа. Когда московская централизація, какъ сѣтью или цѣпями, охватила всѣ областныя общины, приказно-правительственными властями, намѣстниками, волостелями, праветчиками и ихъ пошлинными людьми, областныя общины, особенно сѣверо-поморской, новгородской федераціи, тотчасъ ощутили всю несвойственность, весь гнетъ этихъ властей, и все преимущество излюбленнаго областнаго самоуправленія. Во второй половинѣ XVI столѣтія, во многихъ областяхъ началось сильное оппозиціонное движеніе противъ областнаго приказнаго начальства, въ пользу излюбленнаго, общинно-областнаго самоуправленія и самосуда. Стали происходить мѣстные земскіе сходы и совѣты. На совѣты эти сходились излюбленные выборные, какъ изъ главныхъ областныхъ городовъ, такъ и *со всѣхъ ихъ уѣздовъ*, изъ всѣхъ волостей и становъ, *со всѣхъ земель областныхъ*. На сходахъ этихъ выбирали излюбленныхъ головъ и старостъ, составляли общинно-областныя челобитныя царю и посылали ихъ съ выборными ходоками «во всѣхъ мѣсто» въ Москву. Въ этихъ мірскихъ, земскихъ челобитныхъ своихъ, областныя общины единогласно изображали въ самыхъ мрачныхъ чертахъ царскихъ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, высказали противъ нихъ свою опозицію, доходившую до безпощаднаго убійства ихъ и просили у царя права «отставить намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ и на мѣсто ихъ выбрать самимъ, изъ своихъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ людей, старостъ и головъ, кого они межъ себя излюбятъ и выберутъ». Царь Иванъ Грозный безпрекословно уступалъ такое право самоуправленія областнымъ общинамъ. По поводу постоянныхъ жалобъ областныхъ общинъ, городскихъ и волостныхъ [illegible], на намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ

онъ издалъ даже уставную грамоту о повсемѣстной замѣнѣ приказноправительственнаго областнаго управленія общиннымъ, земскимъ, «излюбленнымъ» выборнымъ самоуправленіемъ. Въ этой граматѣ, какъ бы давая отчетъ всему областному земству, онъ писалъ: «что напередъ сего мы жаловали бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, причиняютъ имъ продажи и убытки большіе: а отъ намѣстниковъ и волостелей и ихъ пошлинныхъ людей, намъ много докуки и челобитья, что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на поруки не даются, бьютъ ихъ, и оттого между ними поклепы и тяжбы большія.... И мы, жалуя крестьянство, намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили. А для того, чтобъ крестьянству продажъ и убытковъ не было, и намъ бы отъ посадскихъ и волостныхъ людей челобитья и докуки не было на намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ, мы велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею».

Какъ первоначально областныя общины сами собою устроились путемъ вольно народной колонизаціи, по рѣчнымъ системамъ, такъ и теперь въ чертѣ тѣхъ же территоріальныхъ или земскорѣчныхъ округовъ требовали и самоуправленія. Чтобъ яснѣе изобразить составъ и характеръ областнаго самоуправленія въ древней Россіи, изложимъ хоть въ отрывкахъ двѣ уставныя граматы: важскую въ 1552 году и двинскую 1556 года.

По рѣкѣ Вагѣ, впадающей въ Двину и образующей съ своими притоками особую рѣчную систему, основана была среди Чуди область *Вага* или *земля важская*, колонизованная новгородцами, преимущественно бывшими новгородскими посадниками своеземцовыми, разными переселенцами-боярами, заселявшими по р. Вагѣ до 13 волостей боярщинъ, и разными посадскими и крестьянами выходцами новгородскими, онежскими и заволоцкими. Область эта состояла изъ становъ: шенкурскаго, подвинскаго, ровдинскаго, вельскаго, верховажскаго, ледцкого, паденги, кокшенги, слободы великой. Вотъ, жители всей этой важской земли, «важане, шенкурцы и вельскаго стану *посадскіе люди* и *всего важ-*

скаго уѣзда становые и волостные *крестьяне* излюбили и выбрали изъ среды своей 20 выборныхъ излюбленныхъ головъ лучшихъ людей, «кого они излюбили всѣ важане, шенкурцы, *посадскіе* люди и *становые* и *волостные крестьяне*, кому у нихъ межъ посадскими людьми и становыми и волостными о всякихъ дѣлахъ земскихъ управа чинить». Затѣмъ, всѣ же важане, всѣ посадскіе люди и становые и волостные крестьяне всѣхъ посадовъ и всего важскаго уѣзда вмѣстѣ, выбрали отъ каждаго посада и стана по 3 выборныхъ ходока, земскихъ челобитчиковъ, всего 21 человѣка, «во всѣхъ людей мѣсто шенкурцевъ и вельскаго стану посадскихъ людей и всего важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ крестьянъ, которые станы приписаны судомъ къ Шенкурьѣ къ посаду и къ вельскому посаду». Выборнымъ этимъ они вручили такого рода общинно-областную челобитную къ царю объ отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей и о предоставленіи имъ права свободнаго областнаго самоуправленія посредствомъ излюбленныхъ головъ, выборныхъ отъ всѣхъ посадовъ, становъ и волостей важской земли, отъ всего важскаго уѣзда. «Что намъ били челомъ, а сказывали, что-де у нихъ въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многіе деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ важскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамать, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ и отъ костарей, а выжеского-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити немочно, и отъ того-де у нихъ въ станѣхъ и въ волостяхъ многіе деревни запустѣли и крестьяне-де у нихъ отъ того насильства и продажъ и татебъ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и изъ волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные-де посадскіе люди и становые и волостные кой-куда безвѣстно разбрелись нарозно, и на тѣхъ-де на достальныхъ на посадскихъ людѣхъ и на становыхъ и на волостныхъ крестьянѣхъ наши важескіе намѣстники и ихъ тіуны кормъ свой, а праветчики и доводчики поборъ свой, емлютъ на нихъ сполна, а тѣмъ-де посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ достальнымъ крестьяномъ впередъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тянуть сполна немочно: и намъ бы важанъ, шенкурцовъ, и вельскаго стану посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ

крестьянъ, которые станы и волости тянутъ въ Шенкурье и къ вельскому стану къ посаду, шенкурцовъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ Ивашка Юрьева съ товарищи, да подвинского стану Ивашка Нараболду съ товарищи, да лецкого стану Ѳедка Тимоѳеева съ товарищи, да ровдинскаго стану Степанка Степанова съ товарищи, всѣхъ двѣнадцать человѣкъ, да вельского стану посадскихъ людей и становыхъ Ромашка Онаньина съ товарищи, да слободскаго стану Васюка Павлова съ товарищи да кокшенскаго стану Олферка Степанова съ товарищи, девяти человѣкъ, и во всѣхъ посадскихъ людей шенкурцовъ и вельского стану и становыхъ и волостныхъ хрестьянъ, которые станы и волости судомъ приписаны къ Шенкурьѣ и къ вельскому стану, пожаловати, намѣстника у нихъ на Вагѣ, въ шенкурскомъ стану на посадѣ и вельскомъ стану на посадѣ тіуна отставити; а велѣти бы намъ на Вагѣ, въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ вельскомъ стану на посадѣ учинити, по ихъ челобитью, изъ ихъ посадскихъ людей выборныхъ лутчихъ людей, кого они излюбили всѣ важане, шенкурцы посадскіе люди и становые и волостные крестьяне, которые станы и волости приписаны судомъ къ Шенкурьѣ къ посаду, десяти человѣкъ (имена); а въ Вельску на посадѣ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ, которые станы и волости приписаны къ вельскому посаду, десятижъ человѣкъ (перечисляются), кому у нихъ межъ посадскими людьми становыми и волостными, въ душегубствѣ, и въ татьбѣ, и въ и разбоѣ съ поличнымъ, и въ косторѣхъ, и о всякихъ дѣлѣхъ земскихъ управа чинить по нашему судебнику; а разбойные бъ имъ дѣла дѣлать и судить, обыскивая, и виноватыхъ по обыску казнити и истцомъ съ разбойники и въ татиныхъ дѣлѣхъ и съ костари и во всякихъ земскихъ дѣлѣхъ управа чинити безволокитно, по нашему жъ судебнику; а пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ со всякихъ и съ разбойныхъ дѣлъ не имати, а за намѣстничь бы и за тіуновъ кормъ, и за присудъ, и за корчму, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ, и за пятно, и за всѣ намѣстничьи и за тіуновы пошлины, и за праветчиковы и за доводчиковы за всѣ поборы, и за всякіе доходы, опричь нашихъ оброковъ, за бѣлку и за горностаи, и ямскихъ и пищальныхъ денегъ, и посошные службы, и городового дѣла, и полоняничныхъ денегъ, и иныхъ пошлинъ, велѣти бы на нихъ положити оброкомъ денгами; а на пустые бъ мѣста

на Вагѣ, въ Шенкурьѣ и въ вельскомъ стану на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостяхъ на пустоши и на пусты деревни крестьянъ называти.»

Царь утвердилъ эту челобитную важскихъ областныхъ уполномоченныхъ ходоковъ, «во всѣхъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ крестьянъ мѣсто: на Вагѣ, въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ Вельскѣ на посадѣ, важскому намѣстнику въ Шенкурьѣ и въ вельскомъ стану важскаго намѣстника тіуну и его пошлиннымъ людямъ, и въ станахъ и въ волостяхъ, впередъ быть не велѣлъ; а велѣлъ у нихъ быть, по ихъ челобитью, на Вагѣ, въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ вельскомъ стану на посадѣ излюбленнымъ головамъ, которыхъ людей шенкурцы посадскіе люди, и становые, и волостные, себѣ излюбили». Важская община обязалась, за эту свободу самоуправленія, платить въ казну полторы тысячи рублей въ годъ, опричь царскаго оброку и другихъ царскихъ пошлинъ. Разнообразны и тяжелы были эти оброки и пошлины; но областныя общины лучше соглашались платить ихъ, чтобы только освободиться отъ намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ, тіуновъ и пошлинныхъ людей. «А вѣдаютъ и судятъ важанъ—сказано далѣе въ уставной важской граматѣ—шенкурцевъ посадскихъ людей, и становыхъ, и волостныхъ, которые приписаны въ Шенкурьѣ къ посаду, ихъ излюбленные головы Илья Фенютинъ съ товарищи десять человѣкъ, которыхъ излюбили шенкурцы посадскіе люди, и становые, и волостные, а вельскихъ посадскихъ людей, и становыхъ, и волостныхъ, которые приписаны судомъ къ вельскому посаду, судятъ ихъ излюбленные головы Павелъ Семеновъ сынъ Муравьевъ съ товарищи десять же человѣкъ, которыхъ шенкурцы, и вельскіе посадскіе лѣса, и становые и волостные крестьяне излюбили, тѣ межъ ихъ во всякихъ дѣлѣхъ и по кабаламъ управу чинятъ по нашему судебнику, на чемъ оникъ крестному цѣлованью приведены, безовсякіе хитрости; да прибрати имъ въ Шенкурьѣ на посадѣ, всѣми посадскими людьми и становыми и волостными, которые приписаны къ Шенкурью, діяка земскаго, да въ Вельску на посадѣ, потому жъ прибрати всѣми посадскими людьми и становыми и волостными, которые приписаны къ вельскому посаду, діяка жъ земскаго, кому излюбленныхъ головъ всякіе дѣла писати, кто бъ имъ въ земскіе діяки любъ былъ, да и къ цѣлованью имъ тѣхъ діяковъ привести по той же записи, по которой записи они сами

къ цѣлованью приведены, да и запись къ тѣмъ излюбленнымъ головамъ послана».

Затѣмъ, въ уставной граматѣ опредѣлены судныя права излюбленныхъ головъ. Предоставлена имъ полная свобода земско-областной круговой поруки, суда и управы, *какая люба будетъ всей ихъ землѣ*. Только контроль надъ судомъ излюбленныхъ головъ, по изстаринному обычаю, предоставлялся всему областному земскому міру—посадскимъ и становымъ людямъ, и волостнымъ крестьянамъ.

«А на судѣ—сказано, между прочимъ, въ граматѣ—и въ обыску и во всякихъ дѣлахъ у излюбленныхъ головъ, у шенкурцовъ у десяти человѣкъ, быти шенкурцамъ посадскимъ людемъ, и становымъ и волостнымъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурью, а у вельскихъ излюблепныхъ головъ, у Павла у Муравьева съ товарищи, у десяти жъ человѣкъ быти вельскимъ посадскимъ людемъ, и становымъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, коликимъ будетъ пригоже, чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ, силы и обиды и продажи безлѣпичные не было.» Далѣе, въ уставной граматѣ начертаны правила: «о держаньи питья на продажу», объ обереженіи всѣхъ посадскихъ людей, и становыхъ и волостныхъ, отъ взаимныхъ и постороннихъ обидъ и насилій и пр. Дѣловодцы, дьяки, должны быть тоже излюбленные выборные, и подъ строжайшимъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ всей областной общины. «А судные и обыскные всякіе дѣла у излюбленныхъ головъ записывати земскому дьяку, котораго излюбя выберутъ себѣ всѣ шенкурцы посадскіе люди, и становые и волостные, которые приписаны судомъ къ Шенкурью, а другаго дьяка выберутъ вельскаго стану посадскіе люди, и становые и волостные, которые приписаны къ вельскому посаду; а у записки, и у всякихъ дѣлъ сидѣти излюбленнымъ ихъ головамъ, въ Шенкурьѣ на посадѣ Ильѣ Фенютину, съ товарищи десяти человѣкомъ, а въ Вельску на посадѣ Павлу Муравьеву съ товарищи десяти жь человѣкамъ, а съ ними лутчимъ людемъ посадскимъ, и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, и велѣти имъ всякіе дѣла записывати передъ собою, да тѣ записки всякихъ дѣлъ держати за своими печатьми, а земскому діяку безъ нихъ судныхъ дѣлъ и обыскныхъ и всякихъ дѣлъ не записывати и у себя не держати ни которыми дѣлы.» Областной общинѣ, по ея челобитью, предоставлялось, по прежнему обычаю, право земскаго колонизаціон-

наго самоустройства: «А на пустые имъ мѣста дворовые, въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ, хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того.»

По Двинѣ рѣкѣ и ея мелкимъ притокамъ, вверхъ, до устья Ваги, колонизовалась гостями, промышленниками, боярами, боярскими рабами монастырскими поселеніями и разными повольниками и «сбойчатыми людьми» такъ-называемая въ лѣтописяхъ и и актахъ *двинская земля*, или, какъ иначе она называлась по рѣкѣ, *Двина*. Въ 1556 году жители этой области, подобно важской землѣ, испросили себѣ уставную грамату объ излюбленномъ выборномъ самосудѣ, съ согласіемъ платить за то въ казну, въ опредѣленный срокъ, по 20 рублей съ сохи московскаго числа, да пошлинъ по два алтына съ рубля, сверхъ ямскихъ денегъ, посошной службы, обежной дани, городоваго дѣла и другихъ казенныхъ пошлинъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, согласно съ ихъ челобитьемъ, далъ имъ уставную грамату, и въ ней утвердилъ такія общія положенія: «Се азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи, пожаловалъ есми двинянъ нижные половины, посадскихъ людей колмогорцовъ, ивановскаго и никольскаго приходу, сотскаго и старосту Ѳедка Обросимова сына Шуигина, и во всѣхъ хрестіянъ мѣсто посадскихъ и около-городныхъ всее двинскіе земли: намѣстникомъ есми своимъ двинскимъ, и ихъ тіуномъ судити, и кормовъ и всякихъ доходовъ имати, и доводчикомъ и праветчикомъ ихъ въѣзжати къ нимъ не велѣлъ; а за намѣстничи и за ихъ пошлинныхъ людей и за всякіе доходы велѣлъ есми ихъ пооброчити... А кому ихъ судити и управа межъ ихъ чинити, и тѣ пошлины сбирати и въ нашу казну привозити, колмогорцы и посадскіе и волостные люди нижные половины выбирали въ излюбленные головы изъ колмогорскаго приходу Степанка Окулова сына да Инюту Поплевина: и тѣмъ ихъ выборнымъ судьямъ, которыхъ они излюбили, Степанку Окулову да Инютѣ Клементьеву съ товарищи, которые въ грамотѣ имены писаны, намѣстничи и тіуни и доводчиковы и праветчиковы доходы сбирая, къ Москвѣ привозити и платити въ нашу казну, діяку нашему Путилу Нечаеву, а съ ними дви-

няномъ, колмогорцомъ посадскимъ людемъ и волостнымъ, человѣкамъ пяти или шести лутчимъ, счету для... А тѣмъ ихъ выборнымъ судьямъ, Степанку Окулову да Инютѣ Поплевину съ товарищи, межъ хрестьянъ двинянъ, колмогорцовъ посадскихъ людей и волостныхъ, во всякихъ дѣлѣхъ судити и управа межъ ихъ чинити, по нашему крестному цѣлованію и по указу, по новому судебнику; а судебникъ, по чему судити и управа межъ крестьянъ чинити, данъ выборнымъ судьямъ Степанку Окулову да Инютѣ Поплевину съ товарищами за дьячьею приписью. Да выборнымъ же судьямъ на Колмогорахъ, на посадѣхъ, и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ на нижней половинѣ, выбрати соцкихъ, и пятидесяцкихъ и десяцкихъ, которые бъ были добры и прямы, и всѣмъ крестьянамъ любы: и учинити имъ на Колмогорахъ на посадѣ, и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ на нижней половинѣ сотниковъ, да во всякой сотни дву человѣкъ пятидесятниковъ, десять человѣкъ десятниковъ, и велѣти тѣмъ сотникомъ и пятидесятникомъ и десятникомъ, всякому въ своей сотни, и въ пятидесятни, и десятни, беречи того накрѣпко, чтобъ у нихъ на Колмогорахъ на посадѣ, и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ на нижней половинѣ татей и разбойниковъ, или къ кому лихимъ людемъ пріѣзду, и корчемъ, и ябедниковъ, и подписчиковъ, и всякихъ лихихъ людей не было... А на судѣхъ и въ обыскѣхъ, и во всякихъ дѣлѣхъ, у выборныхъ судей, колмогорцемъ посадскимъ людемъ и волостнымъ быти лутчимъ людемъ, чтобъ у нихъ силъ и обидъ и продажъ безлѣпичныхъ не было... А судити выборнымъ судьямъ хрестьянъ по ихъ животамъ, и по нашей уставной грамотѣ; а кто на комъ взыщетъ не по своимъ животамъ и не по промысломъ, и выборные судьи того обыскавъ иски отставливать; а судити имъ и сыскивати во всякихъ дѣлѣхъ и управа чинити безъ поль.» Въ случаѣ общихъ дѣлъ посадскихъ и волостныхъ людей двинскихъ съ иными иволостными людьми, назначался *общій съѣздъ* выборныхъ судей, и съ ними лучшихъ людей, выбранныхъ отъ всѣхъ посадскихъ и волостныхъ людей. «А случится у нихъ—сказано въ граматѣ,—каково вообщее дѣло, промежъ посадскихъ людей и волостныхъ съ иными волостными людьми, и тѣ ихъ выборные судьи, а съ ними тѣхъ же посадскихъ и волостныхъ людей *съѣзжаются лутчіе люди всѣ вмѣстѣ*, и тѣхъ людей судятъ вообще во всякихъ дѣлѣхъ, и управу межъ ихъ чинятъ по нашему новому судебнику.» Для

обезпеченія справедливости, или для контроля надъ выборными земскими дьяками по дѣламъ дѣловодства излюбленнаго областнаго самоуправленія, положено было въ уставной грамотѣ «судные и обыскные и всякіе дѣла у выборныхъ судей записывати земскимъ дьякомъ, *а у записки у всякихъ дѣлъ сидѣти выборнымъ судьямъ и лутчимъ людемъ*; а велѣти записывати передъ собою, да тѣ записки всякихъ дѣлъ держати выборнымъ судьямъ за своими печатьми, а земскимъ дьякамъ безъ нихъ дѣлъ судныхъ и обыскныхъ всякихъ не записывати, и у себя не держати. А учнетъ земской дьякъ какіе дѣла записывати одинъ, не передъ выборными судьями, или которое дѣло держитъ у себя, а кто ихъ въ томъ уличитъ: и выборнымъ судьямъ и земскимъ дьякомъ быти отъ меня царя и великаго князя въ томъ кажненнымъ.»

Довольно приведенныхъ примѣровъ. Слѣдя единственно за исторіей народа, жизни народной, за проявленіемъ собственно народныхъ стремленій, инстинктовъ, исканій, дѣйствій, страданій, движеній, мы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаемся на такихъ фактахъ земско-областныхъ стремленій къ свободному самоустройству и самоуправленію, каковы указанные случаи. Пусть историки государства, правительства, централизаціи, администраціи, воины подробно разсказываютъ біографіи царей, разсказываютъ про войны крымскія, турецкія, про войны польскія, про московскіе приказы и петербургскія коллегіи и проч. и проч. Мы хотимъ знать въ историческомъ рожденіи, ростѣ и воспитаніи нашего народа одно только то, что тяжкое перестрадалъ, перенесъ народъ, чего хорошаго, истиннаго, живаго, свободнаго хотѣлъ онъ съ молоду, со временъ вѣчеваго младенчества. Перелистывая мимо напечатанную напр. рядомъ, въ томъ же томѣ актовъ историческихъ, какую-нибудь отпись дьяка Истомы Ноугородова въ пріемѣ денегъ посошныхъ съ важскаго посада и уѣзда и т. п., мы посовѣтуемъ лучше молодымъ воспитанникамъ, изучающимъ русскую исторію, выучить,—вмѣсто нѣсколькихъ страницъ исторіи Устрялова, важскую или другую какую-нибудь уставную грамату, особенно общинно-областную челобитную объ излюбленномъ самоуправленіи. Слѣдя за исторіей народнаго просвѣщенія и грустно зная, что въ XVI столѣтіи во всей полнотѣ господствовало въ народѣ невѣжество и суевѣріе, несмотря на московско-византійскія творенія, въ родѣ «Просвѣ-

тителя» Іосифа Волоцкаго, мы, однакожъ, порадуемся за эти движенія, хоть и грубоватые, мужиковатые, но естественные, здоровые, истинные порывы юной, кипучей народной жизни къ излюбленному саморазвитію и самоуправленію. Проходя мимо исторіи московскихъ монастырей и приказовъ, мы укажемъ, какъ на фактъ народнаго стремленія къ свободной жизни, какъ на фактъ способности народа къ саморазвитію, къ самоуправленію, укажемъ на уставную грамату области холмогорской, двинской, —гдѣ народная исторія отмѣтила цѣлые роды простыхъ земскихъ людей, посадскихъ, ознаменовавшихъ себя честною, любою всей мѣстной землѣ службою въ излюбленныхъ старостахъ, про которыхъ у насъ молчитъ обыкновенно исторія правительственная, оффиціальная,—гдѣ послѣ родился и великій Ломоносовъ... Пусть одиноко, тускло виднѣются эти факты излюбленнаго областнаго самоуправленія изъ-за московскихъ и областныхъ приказовъ, въ грубой, невѣжественной темнотѣ среднихъ вѣковъ, но важно ужъ и то, что свѣтъ и во тмѣ свѣтился. Важно это проявленіе съ дѣтства истинныхъ, естественныхъ инстинктовъ, природнаго такта, природныхъ дарованій и стремленій юнаго, могучаго, богатырскаго народа... Дорогъ этотъ младенческій, инстинктивный, безсознательный лепетъ народа объ излюбленномъ земско-областномъ самоуправленіи и самосудѣ. Дорогъ и поучителенъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе грустно и жалко то, что при теперешней забитости народа, областныя общины не обнаруживаютъ и той смѣлости и требовательности самоуправленія, какую обнаруживали въ свои младенческія времена, и теперь масса народа осталась на той же ступени образованія, на какой была въ XVI и XVII вѣкахъ (кромѣ немногихъ исключеній). Важный фактъ и тотъ, что самъ Грозный царь, въ борьбѣ съ удѣльнымъ, олигархическихъ вельможествомъ и боярствомъ, создавая причудливую опричнину и земщину, почувствовалъ необходимымъ опираться на областныя земскія общины. Въ зачаткахъ, въ починкахъ, въ самыхъ слабыхъ попыткахъ ихъ къ излюбленному самоуправленію и самосуду было больше здоровыхъ задатковъ, была крѣпче опора, были естественнѣе и потому истиннѣе стремленія, чѣмъ въ отжилыхъ, противонародныхъ удѣльно-олигархическихъ притязаніяхъ московскаго вельможества и боярства. Это доказала земско-областная исторія и въ смутное время.

Да, какъ ни была еще юна, неразвита, невыработана жизнь

областныхъ общинъ въ XVI вѣкѣ, но она тотчасъ же, хоть инстинктивно, ощутила всю неестественность навязанной опеки и тяготѣнья надъ собою непрошенныхъ приказныхъ кормленщиковъ. Значитъ, еще съ дѣтства, съ молоду, организмъ нашего народа не терпѣлъ, извергалъ отъ себя приказно-правительственный элементъ, хотя инстинктивно чувствовалъ необходимость свободнаго саморазвитія, способенъ былъ излюблять и выбирать излюбленныхъ головъ и судей, хотя и грубы, невѣжественны, суевѣрны были жители такихъ областныхъ общинъ, какъ важская, двинская. Значитъ, и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, несмотря на всѣ тяжкія историческія обстоятельства большею частью неправильнаго, деспотически-отеческаго воспитанія, эти областныя общины все таки будутъ способны къ излюбленному самоуправленію. Пусть только очнутся и встанутъ отъ вѣковаго сна, забитости и рабства.

Спустя 50 лѣтъ послѣ требованія областями областнаго народосовѣтія и самоуправленія, послѣ завоеванія, покоренія новыхъ провинцій, цѣлыхъ царствъ: сибирскаго, казанскаго, астраханскаго, насталъ страшный судъ областныхъ земскихъ общинъ съ Москвою, съ московской централизаціей. Настала *великая рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго князя московскаго царствія*. И въ это страшное, безгосударное, смутное время, областныя общины опять ясно обнаружили, высказали потребность *областныхъ земскихъ совѣтовъ* и способность къ ихъ устройству.

Представьте то стратное, смутное время, какое ознаменовало избраніе донынѣ царствующей династіи. Разрозненность областныхъ общинъ была страшная, *шатость великая* грозила *послѣднимъ временемъ*, окончательнымъ, всецѣлымъ разрушеніемъ самыхъ основъ государства, Россіи, народа. Весь міръ закачался, и русскій, и инородческій, и великорусскій, и малорусскій, и польскій, и литовскій, и татарскій, чуваше-черемисскій, и сибирскій. Москва въ отчаяніи рыдала и взывала къ народу, *къ господамъ-братьямъ*—областнымъ городамъ: «помяните едино: только коренное основаніе крѣпко: то и древо неподвижно; только корени не будетъ, къ чему прилѣпиться». Дикій разгулъ страстей проявился во всей необузданности. «Увы намъ окаяннымъ!» взывали тогда печальники народа—«зломысленные вѣтри внаглѣ возвѣяша, *страстное море восколебася, тучею страстей врьюще!*... Повсюду «воров-

скіе люди разбойнически кровь людскую несытнѣ проливали, чужія имѣнья грабили, женъ и дѣвъ насиловали, злоказненно, злодѣйски рвались до конца разорить всю Россію.» А, между-тѣмъ, невѣжество и суевѣріе было крайнее: въ колокола вѣрили такъ же, какъ въ образа; въ первомъ самозванцѣ видѣли антихриста; видѣли разныя чудесныя видѣнія, и трубили объ нихъ на весь міръ. Казалось, погибнуть должна была зашатавшаяся земля русская, разкознившаяся на всѣ свои составныя части—области. И что жъ, однакожъ? Послѣ царской грозы Ивана-Грознаго, и въ это страшное, безгосударное, грозно-народное время, областныя общины явились спасительными для государства, нашли сами въ себѣ столько здравыхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, проявили столько чувства, столько потребности и силы самосохраненія, самовѣщательности и самоустройства, что *мірскими совѣтами* своими совершили *великое земское дѣло*, спасли Россію, создали великую земскую федерацію. Грубы, мужиковаты были областные земскіе совѣты въ смутное время; нестройны, полуорганизованны, уродливы были формы ихъ; грубы, мужицки ихъ отписки и отвѣстья—но они спасли Россію: созвали земскихъ людей, созвали всѣ областные города въ сходъ подъ Москву, могучимъ голосомъ народнымъ, могучимъ сходомъ народнымъ произвели сборъ всей земли, создали *совѣтъ всей земли*, великій *земскій соборъ*, великое, всенародное и истинное рѣшеніе котораго, къ горю, злосчастію народному, деспотически злоупотреблено въ послѣдующія времена...

Крестоцѣловальными записями своими областные земскіе совѣты создали или возобновили въ широкихъ размѣрахъ, простерли на весь земско-областный союзъ, міръ, *поруку круговую*. Великое, всенародное союзно-вѣчевое слово *о любви, совѣтѣ и соединеньи*, пролетѣвшее по всѣмъ областямъ, изъ устъ самихъ же областныхъ общинъ, въ эпоху страшной, великой розни ихъ, *сходъ всѣхъ городовъ* подъ Москву, по зову того великаго земскаго слова, *сборъ всей земли*, великій *земскій совѣтъ* 1613 года—вотъ историческія доказательства естественной способности областныхъ общинъ къ *земскимъ совѣтамъ*, къ федеративному союзу, или къ любви, *совѣту* и соединенью и къ *земскимъ соборамъ*.

А самые грубые, нестройно-организованные были эти областные земскіе совѣты, которые спасли Россію въ смутное время.

На нихъ участвовали мужики—посадскіе и волостные... Вотъ общія черты ихъ.

Полный составъ областныхъ земскихъ совѣтовъ во всѣхъ областныхъ отпискахъ опредѣляется обыкновенно такъ: «всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне и всѣ земскіе люди», или: «всѣ посадскіе земскіе люди и всего уѣзда становые и волостные старосты и цѣловальники и всѣ крестьяне; всѣ мірскіе люди—посадскіе, старосты и цѣловальники и волостные крестьяне, и всѣ земскіе люди»; или: «господа всея земли старосты и цѣловальники, и всѣ крестьяне, господа жилецкіе и всякіе люди»; или: «дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служивые люди, и посадскіе и волостные старосты, и цѣловальники и всѣ земскіе люди; архимандриты, игумены, протопопы, попы и дьяконы, и гости и торговые и посадскіе люди и уѣздные и всеѣ земли нижегородскія, или пермскія или вятскія, всѣ крестьяне и т. п. Въ частности, въ нижегородской землѣ и въ казанскомъ царствѣ, на совѣтѣ всей земли участвовали и *иноземцы*—литва, нѣмцы и инородцы—князья, мурзы и татары, чуваши, черемисы и вотяки (Ак. эксп. т. II, № 104, стр. 190, 197). Само собою разумѣется, что не всѣ же областные жители сходились въ главные областные города на земскіе совѣты, а только выборные изъ нихъ, да кто хотѣлъ или прилучался въ городѣ во время мірскаго совѣта. Въ полномъ составѣ областные и земскіе съѣзды и думы городскихъ, уѣздныхъ или волостныхъ людей вмѣстѣ назывались *земскими совѣтами*, иначе *общими совѣтами*, *мірскими совѣтами*, *совѣтами при всемъ народѣ*, и просто *міромъ*, *всѣмъ міромъ*, или еще обширнѣе, *всемірными совѣтами*. Такъ князь Пожарскій, въ 1612 г. 7 апрѣля писалъ отъ лица ярославскаго земскаго собранія и совѣта въ Соли-Вычегодской: «и *вамъ*, господа, пожаловати помня Бога и свою православную христіанскую вѣру, *совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ*, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ, чтобъ намъ, по совѣту всего государства, выбрати общимъ совѣтомъ государя .. И по *всемірному своему совѣту* пожаловати-бъ вамъ прислати къ намъ, въ Ярославль, изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписати, за своими руками» (А. э. №203, т. II). Безъ мірскаго совѣта не могъ разойтись изъ областнаго города сходъ уѣздныхъ, иногородныхъ людей. Въ отпискѣ во-

логодскаго иногородца Василья Вербышева къ вычегодцамъ, отъ 13 января 1609 г., напримѣръ, замѣчено: «Вологжане намъ всѣмъ инородцамъ, а мы инородцы вологжанамъ крестъ цѣловати, что стоять крѣпко, другъ друга не подати и съ города *безъ совѣту мірскаго* не сойти». Дѣла или предметы сужденія областныхъ земскихъ совѣтовъ были различные. Въ смутное время, въ эпоху розни областей, они преимущественно обсуждали вопросъ о земско-областной федераціи, о любви, совѣтѣ и соединеніи, или *сборѣ, сходѣ всей земли*, объ устройствѣ великаго общенароднаго земскаго собора, объ очищеніи московскаго государства отъ польскихъ и литовскихъ людей, объ устраненіи общими земскими совѣтами исключительныхъ олигархическихъ притязаній боярства и военно-демократическихъ стремленій казачества, о сборѣ ратныхъ людей, и вообще о *ратномъ и земскомъ дѣлѣ*. Областные земскіе міры, на своихъ сходахъ городскихъ или посадскихъ и уѣздныхъ или волостныхъ людей, горожанъ и крестьянъ, на сходахъ *всей земли* областной, своимъ земскимъ, мірскимъ самосудомъ произносили приговоры надъ земскими преступниками. Напримѣръ, въ январѣ 1609 года вятчане отписывали къ устюжанамъ, «*всѣмъ устюжскимъ* земскимъ людямъ *вся вятская земля* челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ году, генваря въ 12 день, вятчанамъ Слободского города, вѣдомой воръ, чувашка Яковлевъ привезъ на Вятку изъ Яранскаго города листъ воровской, чтобъ по тому воровскому листу намъ, всей вятской землѣ, вору крестъ цѣловать. И мы, *поговоря съ вятчаны*, того вора пытали и его чувашку за воровство *всею вятскою землею приговорили* повѣсити; а для береженья отъ черемисъ всѣ люди по головамъ на Вяткѣ въ сборѣ. И тебѣ, господине, ся грамота велитъ вычесть *во весь міръ*» (А. э. т. II, № 100).

Областные земскіе совѣты, сходы, на которыхъ участвовали вмѣстѣ съ мірскими земскими людьми и чины церковные, имѣли мірское полномочіе, земское, народное право дѣлать не только гражданскія, мірскія, земскія, но и религіозныя постановленія. Такъ въ 1611 году вычегодцы, получивъ отписки разныхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ—ярославскаго, нижегородскаго, устюжскаго, вологодскаго, писали къ пермичамъ: «Въ Пермь великую боярину и воеводѣ господину Матвѣю Михайловичу, и архимандритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и діакономъ и всему освя-

щенному собору, и земскимъ людямъ, судьямъ, и старостомъ и цѣловальникомъ и гостемъ, и торговымъ и уѣзднымъ, и волостнымъ, и жилецкимъ людемъ, Иванъ Чепчюговъ, Максимъ и Микита, и Андрей и Петръ Строгановы, и сольвычегодскіе архимандриты, игумены, протопопы, и попы, и діаконы, и судьи, и старосты, и цѣловальники, и посацкіе, и уѣздные и всякіе люди челомъ бьютъ...

«По совѣту, господа, всей земли московскаго государства, во всѣхъ городѣхъ, всѣми православными народы приговорили, по совѣту священнаго собора, архимандритовъ и игуменовъ и поповъ, поститись, а пищи и питія отнюдь воздержаться три дни, ни причаститися ни къ чему и съ малыми млекососущими младенцы; и по приговору, господа, во всѣхъ городѣхъ православные христіане постилися, по своему изволенію, отъ недѣли и до субботы, и постилися три дни». Рѣшенья, отписки, отвѣстья, граматы областныхъ земскихъ міровъ, по приговорамъ земскихъ или мірскихъ совѣтовъ, назывались *совѣтными списками* и *приговорами* (А. э. т. II, стр. 268). Подписывались они не только выборными земскими судьями, старостами и цѣловальниками, но и мірскими земскими людьми. Напримѣръ, вологжане, дворяне и дѣти боярскіе, и посадскіе и волостные старосты, и цѣловальники, и всѣ земскіе люди въ отпискѣ своей къ устюжанамъ, между прочимъ, замѣтили: «пишите вы къ намъ о совѣтѣ, о ратномъ и о земскомъ дѣлѣ, а къ воеводѣ и къ дьяку не пишете... и намъ въ томъ сумлѣнье, что вы къ нимъ о совѣтѣ не пишете; а сѣ граматеи присылаютъ къ Устюгу и къ Солѣ *за руками* старостъ и цѣловальниковъ и *мірскихъ людей*» (16 № 99). Областныя отписки и граматы читались на областныхъ мірскихъ сходахъ или совѣтахъ, читались *всему міру*, *во весь міръ*. Такъ 26 января 1609 г. князь Михайло Ухтомскій, да Василій Ивановъ, и вятскіе старосты, и цѣловальники, и земскіе люди челомъ били въ Пермь *пермскимъ старостамъ*, и *цѣловальникамъ*, и *всей пермской землѣ*: «вамъ бы грамату (присланную изъ Нижняго) велѣти вычесть *во весь міръ*, *вслухъ*» (№ 104). Въ свою очередь, Великая Пермь, приказные люди, и земскіе старосты, и цѣловальники и крестьяне *всея пермскія земли,* по своему земскому совѣту, между прочимъ, доносили всему духовенству, и гостямъ, и торговымъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ и *всеѣ нижегородскія земли* всѣмъ

крестьянамъ: «мы тое грамоту (что прислали изъ вятской земли) въ Перми великой, *во всемъ міръ чли*» (№ 105). Точно также важныя вѣсти, принесенныя какимъ нибудь человѣкомъ и касавшіяся живыхъ областныхъ интересовъ, сказывались на областныхъ мірскихъ собраніяхъ, *на совѣтъ при всемъ народѣ*. Потомъ, по обсужденіи этихъ вѣстей, областные земскіе совѣты дѣлали соотвѣтственныя распоряженія, составляли отписки и отправляли ихъ, въ какую область нужно было. Вотъ, напримѣръ, въ Устюгѣ былъ *земскій сходъ и совѣтъ всего народа*, всѣхъ мірскихъ людей устюжскихъ посадскихъ, старостъ и цѣловальниковъ, и волостныхъ крестьянъ, 1608 г. 20 ноября. На томъ *совѣтѣ всего народа* составлена была отписка устюжанъ къ вычегодцамъ, между прочимъ, о присылкѣ выборныхъ изъ усольской земли для обсужденія и принятія мѣръ противъ мятежниковъ и о взаимной присягѣ дѣйствовать за-одно. Вотъ отрывки изъ этой отписки устюжскаго *народнаго совѣта*: «Господину Поспѣлу Елисѣевичу и всѣмъ усольскимъ людемъ, и волостнымъ крестьяномъ, и старостомъ и цѣловальникомъ и всѣмъ людемъ, Иванъ Стрешневъ, да подъячей Шестой Копнинъ и всѣ мірскіе люди устюжане посадскіе, старосты и цѣловальники, и волостные крестьяне челомъ бьютъ... московскій жилецъ, а устюжскій кабацкій откупщикъ Михайло Ивановъ сказывалъ *на совѣтѣ, при всемъ народѣ*, что божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, сдѣлалось надъ Ростовомъ: пришедъ литовскіе люди въ Ростовъ, ихъ плоштвомъ, потому что жили просто, совѣту де и обереганья не было, и литовскіе де люди Ростовъ весь выжгли и людей присѣкли, и съ митрополита Филарета санъ сняли и поругалися ему, посадя де на возокъ съ женкою, да въ полки свезли... Да съ Вологды пріѣзжій приставъ устюжскій Поспѣлко Усовъ *при всемъ же народѣ сказывалъ* намъ: при немъ же-де присланы изъ полковъ два сына боярскіе, Козма Кадниковъ, а другому имени не упомнитъ, и чли при всемъ народѣ, а писана къ мірскимъ людемъ, ко всей землѣ на Вологду грамота, и туде грамоту онъ слышалъ какъ, недѣли съ двѣ... И мы, господине, *поговорили съ устюжаны съ посадскими людьми и съ волостными крестьянами*: какъ, коимъ обычаемъ тѣмъ дѣломъ промыслити, тако къ намъ на Устюгъ также, какъ и къ Вологдѣ и къ Тотьмѣ, пришлютъ наказы и цѣловальную запись, и намъ цѣловать ли крестъ или стояти крѣпко? И устюжане, гос-

подине, *посадскіе люди и волостные крестьяне съ нами говорили накрѣпко*, что креста цѣловати тому, который называется царемъ Дмитріемъ, не хотятъ; а хотятъ стояти накрѣпко, и людей сбирати хотятъ тотчасъ со всего устюжскаго уѣзда поворотно головами. И тебѣ, господине, Поспѣлъ Елисѣевичъ, помыслити у Соли у Вычегоцкія съ Строгановыми, съ Максимомъ и съ Никитою и *со всею усольскою землею*, что ихъ мысль: хотятъ ли они съ нами и съ устюжаны стояти крѣпко о томъ дѣлѣ и совѣтъ съ нами крѣпко о томъ дѣлѣ держатъ ли? Да только, господине, ваша мысль будетъ единака съ нами, и тебѣ бы, господине, *поговоря съ Строгановыми со всею усольскою землею*, тебѣ, Поспѣлу, и вамъ, Максиму и Никитѣ, и посадскимъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, человѣкомъ пяти, или шти, или десяти пріѣхать пожаловати къ намъ къ Устюгу вскорѣ для того совѣту» (А. э. II, № 88).

Изъ этого примѣра, между прочимъ, видно и то, что, въ случаѣ нужды, одна областная община, отписывая свой земскій совѣтъ, требовала думы и совѣта у другаго областнаго міра. Въ томъ же 1608 году, 30 ноября, устюжане, *отписывая свой земскій совѣтъ* вычегодцамъ и спрашивая *ихъ мысль и совѣтъ о земскомъ дѣлѣ*, просили ихъ составить мірскую думу, мірской совѣтъ. Именно: «всѣ устюжане посадскіе люди и волостные крестьяне челомъ били *всѣмъ усольцамъ посадскимъ и волостнымъ* старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ земскимъ людямъ: вамъ бы къ намъ отписати: что ваша мысль? А пишемъ къ вамъ всякія вѣсти и совѣтъ свой о всякомъ государевомъ дѣлѣ и земскомъ, а вы къ намъ ничего совѣту своего не пишете.... Пожалуйте *помыслите съ міромъ крѣпко*» (А. э. II, № 89). Изъ этой отписки устюжанъ узнаемъ, между прочимъ, что въ важныхъ случаяхъ, въ областныхъ городахъ происходили сходы по ночамъ. Именно, въ отпискѣ сказано, по случаю вѣсти о граматѣ, пришедшей изъ Галича въ Тотьму: «Тотмичи, *въ ночь* и Козьма (Строгановъ) *сбиралъ тайно... Тотемской Соли лутчихъ людей—ночью* и тое государеву грамоту *имъ чли всѣмъ*».

Длинно было бы разсматривать всѣ земско-совѣтныя отписки областныхъ общинъ, чтобъ собрать всѣ извѣстія объ областныхъ земскихъ совѣтахъ. Кто пожелаетъ подробнѣе изучить ихъ, тѣмъ рекомендуемъ разсмотрѣть ихъ во 2 томѣ актовъ археографической экспедиціи. Въ нашемъ же бѣгломъ очеркѣ огра-

ничимся общимъ замѣчаніемъ объ организаціи и взаимномъ отношеніи областныхъ земскихъ совѣтовъ. Какъ области дѣлились по городамъ, такъ что каждый главный, древнѣйшій *городъ съ его уѣздомъ*, соединеннымъ съ нимъ неразрывно историко-колонизаціонною и географическою земскою связью, составлялъ особый, самобытный земскій міръ, такъ и въ каждомъ такомъ городѣ составлялся, организовался свой особый *земскій*, *мірскій совѣтъ*, изъ схода, собранья *всѣхъ земскихъ людей—городскихъ* или *посадскихъ и уѣздныхъ*, или *волостныхъ* крестьянъ вмѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ всѣ города съ ихъ уѣздами, или всѣ областныя общины, міры, по взаимной равноправности и общей мѣстно-областной автономіи, какъ было сказано выше, назывались въ отношеніи другъ къ другу *господами и братьями*. Происшедши всѣ путемъ одного славяно-русскаго колонизаціоннаго земскаго устроенья, на одной великой землѣ, объединенной, связанной великими рѣчными системами, всѣ областные города съ ихъ уѣздами образовали одинъ общій, великій союзъ, обще-русскій земскій міръ. Эту земскую федеративную связь свою они утвердили, упрочили еще болѣе, послѣ великой розни, въ смутное время, на своихъ областныхъ, уѣздно-городовыхъ земскихъ мірскихъ совѣтахъ общимъ рѣшеньемъ и *добрымъ договоромъ—быть въ сходѣ всѣмъ городамъ*, *быть въ любви*, *въ совѣтѣ и въ соединеньи*. Но при этомъ общемъ федеративномъ, обще-городовомъ, земскомъ союзѣ, областные города съ ихъ уѣздами распадались на отдѣльные міры, союзы или разряды, комбинируясь въ такія группы или міры преимущественно историко-колонизаціонною или естественною географическою связью. Сообразно съ этими и областные земскіе совѣты комбинировались въ союзные, федеративные совѣты. Города подраздѣлялись на *поморскіе*, связанные полярно балтійскою или сѣверо-поморскою, сухоно-вычегодско-двинскою системою, и образовавшіеся путемъ новгородской колонизаціи, *верховскіе* и *подмосковные*, образовавшіеся путемъ ростовско-суздальской колонизаціи на системѣ Верхней и Средней Волги; на *понизовые* и *запольскіе*, *горные* и *луговые*, начиная отъ Нижняго и до Астрахани, на *замосковные* и на *украйные*, *зарѣчные*, *рязанскіе* и *сѣверскіе*, на *сибирскіе*. Сообразно съ такимъ раздѣленіемъ городовыхъ, областныхъ, земскихъ общинъ или союзовъ, составлялись и совѣты земскіе, общинно-областные. Изъ совокупности этихъ мелкихъ земско-об-

ластныхъ городовыхъ союзовъ, міровъ и ихъ совѣтовъ слагались болѣе обширныя федераціи или общинно областные земскіе міры и совѣты. Такъ *поморскіе города*, лежащіе на сухоно-двинской и вычегодской рѣчной системѣ, комбинируясь около Вологды, Устюга и Соли Вычегодской, образовали свой союзъ, свою федерацію и свой земскій совѣтъ, между собою переписывались о томъ, чтобы быть въ совѣтѣ и въ соединеньи со всею землею. «Великое пресловущее государство» Великій Новгородъ, вмѣстѣ съ Псковомъ и со всею областью пятинъ, составилъ свой земскій міръ и совѣтъ. Этотъ областный земскій совѣтъ отличался въ смутное время особенною самобытностью, самораспорядительностью, долго былъ въ розни съ ярославско-московскимъ земскимъ совѣтомъ. Тверь, Торжокъ, Ржевъ, Зубцовъ и Погорѣлое Городище, Кашинъ, Бѣжецкъ и Угличъ образовали свой союзъ и совѣтъ. Нижній Новгородъ, Владиміръ, Кострома и всѣ средневолжскіе города, подмосковные, составили свою федерацію, съ которой началось общее федеративное движеніе, и прежде всѣхъ новгородскихъ, сѣверо-поморскихъ и пермскихъ областныхъ городовъ, образовали свой федеративный земскій совѣтъ въ Ярославлѣ. Имъ принадлежала иниціатива или главная забота возбужденія всѣхъ этихъ областей на *благоизбранный земскій совѣтъ*, о спасеніи Москвы. Замосковные города Калуга, Серпуховъ, Тула, Рязань, всѣ украйные и сѣверскіе города были особо *въ собраньѣ и совѣтѣ*. Пермская земля, вмѣстѣ съ Верхотурьемъ, вслѣдствіе историко-колонизаціонной связи, образовала свою федерацію, свой союзъ областныхъ земскихъ, мірскихъ совѣтовъ; на общемъ земскомъ совѣтѣ своемъ, по цѣловальной записи всего міра, согласилась быть со всею землею въ совѣтѣ и въ соединеньи. 17 августа 1611 г. пермичи отписывали въ Москву: «въ грамотахъ во всѣхъ писано, чтобъ имъ быть со всею землею въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньи. И мы, господа, въ Перми Великой, въ Чердыни тѣ всѣ грамоты и цѣловальную запись *во всемъ мірѣ чли*, и по записи мы, пермскіе посадскіе и уѣздные крестьяне крестъ цѣловали на томъ, чтобы намъ всѣмъ православнымъ крестьянамъ со всею землею быть въ соединеньи... и на Верхотурье о томъ писали, и списавъ со всѣхъ грамотъ и съ цѣловальной записи, списки къ нимъ послали» (А. и. II № 189 и 191). «*Вся земля казанскаго государства*, съ Свіяжскомъ, съ Чебоксарами и со всѣми понизовыми городами, въ совокуп-

ности съ татарами, чуваши и черемисами, горными и луговыми, и вотяками», образовала свой казанскій земскій совѣтъ. На этомъ казанскомъ, понизовомъ земскомъ совѣтѣ русскіе и инородцы, между прочимъ, опредѣляли такія общія начала политическаго дѣйствованія: «мы всякіе люди, *вся земля казанскаго государства*, и князья и мурзы, и татары, и чуваши, и черемиса, и вотяки сослалися съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами повольскими, и горными, и луговыми, и съ горными и луговыми татарами, и съ луговою черемисою *положили* на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, и за московское и за казанское государство стоять, и другъ друга не побивать и не грабить, дурна ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, и ему указъ учинить съ приговору, смотря по винѣ; и воеводъ, и дьяковъ, и головъ, и всякихъ приказныхъ людей въ города не пущать, и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ по прежнему; и казаковъ въ городъ не пущать, и стоять на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ Богъ на московское государство государя, а выбрать бы намъ на московское государство государя всею землею россійской державы, а буде казаки начнутъ выбирать государя по своему изволенью, не сославшись со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣть.»

Таковы были зачатки областныхъ земскихъ совѣтовъ въ смутное время, въ эпоху великой розни и политической самобытности, самодѣятельности областей, въ эпоху новаго, земско-союзнаго самоустройства ихъ, въ духѣ любви, совѣта и соединенья. Если уважать, цѣнить свободныя и здоровыя, органическія созданія жизни народной, не отдѣльныхъ личностей, а *цѣлыхъ* общинъ и *всѣхъ* областныхъ земскихъ общинъ; если признавать, что жизнь каждаго народа внутренно, естественно самозаконна, самоопредѣляема, какъ жизнь народнаго организма, народной природы, живущей и развивающейся такъ же естественно, по своимъ внутреннимъ, естественнымъ законамъ, своимъ внутреннимъ, естественнымъ, органическимъ силамъ, какъ вся органическая жизнь; если признавать за жизнью народною, за естественными силами и законами народной природы, народнаго организма естественное право творчества, саморазвиваемости и свободной самоопредѣляемости, свободнаго самоустройства и саморазвитія—то правда народной исторіи требуетъ сказать, что такія естественныя органическія созданія жизни всего русскаго народа, всѣхъ нашихъ

областныхъ общинъ, какъ зачатки областныхъ земскихъ совѣтовъ, стоятъ и въ наше время вниманія, могутъ быть глубоко поучительнымъ урокомъ для современныхъ нашихъ областныхъ общинъ... Пусть были грубы, для историковъ централизаціонной государственности вовсе незамѣтны эти *починки* областныхъ земскихъ совѣтовъ. Такъ, вѣдь, то былъ XVII вѣкъ, вѣкъ грубаго невѣжества и суевѣрія всеобщаго; то было страшное смутное время, когда зашатались еще нисколько неокрѣпшія, насильственнымъ завоеваніемъ мноченныя основы русскаго политическаго союза, когда забунтовалъ, страшно задвигался весь міръ инородческій, съ трудомъ Москвой завоеванный, и весь міръ русскій, земско-областный, тоже съ *большимъ насиліемъ московскимъ* покоренный, по словамъ лѣтописей; то, наконецъ, была пора еще непосредственно натуральнаго, практически бытоваго непосредственно опытнаго народнаго политическаго самоустройства. И въ ту, однакожъ, эпоху народъ нашъ, наши областныя общины съумѣли создать областные земскіе совѣты, и на нихъ порѣшить спасеніе, возсозданіе Россіи. Для насъ, въ настоящее время, неважны, отжили грубыя, полуустроившіяся формы областныхъ земскихъ совѣтовъ смутнаго времени. Для насъ только дорогъ народно-жизненный принципъ ихъ. Для насъ важенъ тотъ историческій опытъ и фактъ, что областныя общины; и въ эпоху безсознательной, непросвѣщенной политической самодѣятельности, притомъ въ эпоху самую страшную, безгосударную, все таки обнаружили хоть непосредственно-природную способность къ мѣстному земскому народосовѣтію. Значитъ, и въ вѣкъ начинающагося просвѣщенія массъ, областныя общины, по однимъ простымъ, необразованнымъ, но здоровымъ силамъ народной натуры, да по одной тяжкой, вѣковой, практической наукѣ опыта, могутъ быть способны къ мѣстному народосовѣтію и саморазвитію.

Царь Михаилъ Өедоровичъ, избранный всѣмъ народомъ, всею землею, по записи, какая дана была по совѣту всей земли, не нарушалъ изданныхъ жизнью народною зачатковъ областныхъ, земскихъ сходовъ и совѣтовъ. Напротивъ, онъ давалъ имъ офиціальное подтвержденіе, прибѣгалъ къ ихъ помощи; самъ назначалъ областные земскіе сходы, напримѣръ, для обсужденія податной системы, для избранія выборныхъ на московскій земскій соборъ... Такъ, назначая земскій соборъ въ 1619 г., по слу-

чаю всеобщихъ жалобъ областныхъ общинъ на писцовъ, дозорщиковъ, сборщиковъ дани, на сильныхъ людей, бояръ и проч., онъ разослалъ окружныя граматы по всѣмъ главнымъ областнымъ городамъ. Въ граматахъ этихъ, давая отчетъ всему областному міру, земству, въ томъ, на чтó вопіяли разныя областныя общины въ своихъ общинныхъ земскихъ челобитныхъ, изображая печальное состояніе народа и *скорбь конечную*, предписывалъ *сходиться* по соборнымъ церквамъ областнымъ жителямъ, не только горожанамъ—боярамъ, дѣтямъ боярскимъ, духовенству, но и *уѣзднымъ* жителямъ — крестьянамъ, и на сходахъ этихъ, обговорясь, посовѣтовавъ межъ себя о мѣстныхъ народныхъ нуждахъ, послать выборныхъ лучшихъ и разумныхъ людей въ Москву, на земскій соборъ. Напримѣръ, въ окружной новгородской граматѣ такимъ-образомъ предписывается сходъ городскихъ и уѣздныхъ жителей новгородскаго государства: «Какъ къ вамъ ся наша грамата придетъ, и вы бъ велѣли быть въ соборной церкви Софіи, Премудрости божіей, архимандритомъ, игуменомъ и всему освященному собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, *и посадскимъ, и уѣзднымъ, и всякимъ людямъ новгородскаго государства*; а какъ сойдутся, и вы бъ сю нашу грамату велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ; а прочетши бъ сю грамату, велѣли бъ духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ, и всякимъ людямъ, выбрать изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ... и выборные на нихъ списки дали за руками и отпустили бы ихъ къ намъ, къ Москвѣ, чтобъ намъ *всякія ихъ нужи и тѣсноты, разоренія и всякіе недостатки были вѣдомы*» (Собр. госуд. грам. III, стр. 210). Точно такими же окружными граматами заказывались сходы городскихъ и уѣздныхъ жителей по всѣмъ другимъ областямъ. Напримѣръ, и въ окружной граматѣ, въ Галичъ, *всеуѣздному*, выборному, губному старостѣ, тоже предписано было, чтó и новгородцамъ: «И какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ, и ты бы велѣлъ быть въ соборной церкви архимандритамъ, игуменамъ, и прóтопопамъ, и попамъ, и всему священническому собору, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и посадскимъ, и *уѣзднымъ, и всякимъ людямъ галицкихъ пригородовъ и уѣздовъ*; а какъ *сойдутся*, и ты бы сю нашу грамату велѣлъ прочесть всѣмъ людямъ вслухъ; а прочетши сю нашу грамату, велѣлъ бы духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ,

и всякимъ людямъ, *выбрать изо всѣхъ чиновъ* людей добрыхъ и разумныхъ и проч.» (А. э. III, стр. 105).

Вотъ и въ этихъ фактахъ для насъ, въ настоящее время, неваженъ *указный и церковно-соборный* характеръ *всеуѣздныхъ* сходовъ и выборовъ, неважны грубыя формы этихъ сходовъ, какія могли быть въ XVII-мъ вѣкѣ. Но для насъ опять важны тутъ, во первыхъ, историческое существованіе, историческій фактъ областныхъ, всеуѣздныхъ земскихъ сходовъ; во вторыхъ— принципъ ихъ. Стóитъ указанія только тò, что у народа, у областныхъ общинъ былъ уже выработанъ прежде самобытною, свободно-бытовою, земско-областною жизнью *обычай* областныхъ, всеуѣздныхъ земскихъ сходовъ и совѣтовъ, и что новоизбранный всею землею царь призналъ необходимымъ уважить этотъ народный обычай и дать ему официальное, законное, юридическое значеніе. Если же указное, приказное назначеніе и устройство областныхъ, земскихъ сходовъ и совѣтовъ ослабляло ихъ силу; если, потомъ, областные земскіе совѣты мало-по-малу были вытѣснены областными приказами и другими приказными учрежденіями, такъ въ этомъ народъ невиноватъ... Это доказала страшная, повсемѣстная оппозиція и борьба земскихъ общинъ съ приказнымъ начальствомъ, ознаменовавшая все царствованіе Алексѣя Михайловича, и вообще всю вторую половину XVII-го столѣтія. Недаромъ, на земскомъ соборѣ 1642 года, выборные жаловались царю на воеводъ, на разорительность ихъ областнаго управленія для торгующихъ классовъ, и недаромъ вспоминали при этомъ, что прежде воеводъ не бывало, и посадскіе люди судилися сами межъ себя.

Оканчивая бѣглый очеркъ зачатковъ областныхъ земскихъ сборовъ и совѣтовъ въ древней Россіи, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣтокъ и вопросовъ.

«Тотъ не историкъ—сказалъ въ одной лекціи покойный Грановскій—кто и на днѣ самаго чернаго, грязнаго сердца, не можетъ узнать брата, только отдаленнаго отъ него вѣками». Тотъ не историкъ, смѣемъ добавить и мы отъ себя, кто не съумѣетъ узнать въ исторіи самыхъ темныхъ вѣковъ, въ самыхъ грубыхъ, буйныхъ, дикихъ проявленіяхъ и созданіяхъ, непосредственно-натуральныхъ, физическихъ силъ народныхъ, проблесковъ вѣчныхъ истинъ, простыхъ, но вѣчно-жизненныхъ, естественныхъ началъ, здоровыхъ, истинныхъ, полножизненныхъ порыванiй, инстинк-

товъ и стремленій юныхъ, могучихъ силъ народныхъ. Законы историческаго роста, воспитанія и развитія народнаго организма такъ же естественны и вѣчны, какъ законы природы. Народъ—это многочисленный, общественный организмъ, это—природа, живущая и развивающаяся по своимъ естественнымъ законамъ, въ связи и взаимодѣйствіи съ внѣшней физической природой. Исторія народа — это прежде всего естественная исторія его внутренняго, жизненно-органическаго саморазвитія, постепенное раскрытіе естественныхъ, природныхъ силъ, дарованій, инстинктовъ народнаго организма, народнаго *прироженья*, какъ говорили наши предки въ смутное время. Значитъ, народный организмъ, еще будучи юнымъ, въ самые младенческіе вѣка своего историчеткаго роста и воспитанія, въ самыхъ дѣтскихъ, такъ-сказать, движеніяхъ, желаніяхъ и поступкахъ, естественно, безсознательно, инстинктивно, по законамъ своихъ внутреннихъ силъ, можетъ обнаруживать свои природныя дарованія, порывы и стремленія, которые, при благопріятныхъ обстоятельствахъ историческаго воспитанія, въ послѣдующіе вѣка, могутъ и должны раскрыться уже не инстинктивно, а разумно-сознательно, просвѣщенно. И съ этой точки зрѣнія, вовсе не славянофильствомъ будетъ — какъ, пожалуй, могутъ подумать строгіе систематоры-государственники, теоретики-цивилизаторы—то изученіе народной исторіи, которое физіологически анализируетъ прошедшую народную исторію, какъ организмъ, старается углубляться собственно въ историческія проявленія духа народнаго, въ свободное историческое самовыраженіе, самоустройство, саморазвитіе, въ свободную жизнедѣятельность самого народа — то изученіе, которое старается познать факты народной жизни, какъ члены, какъ жизненныя органическія отправленія, имѣющія живую связь между собою и съ цѣлымъ народнымъ организмомъ, различить въ нихъ историческое, нормальное значеніе, исчезающее вмѣстѣ съ стариной, и внутренній, всевременный, вѣчный, жизненно-разумный смыслъ и значеніе въ организмѣ народномъ и, на основаніи такого анализа, познаванія и различенія дѣлать выводы о внутреннихъ силахъ, дарованіяхъ, задаткахъ и стремленіяхъ народа. Такой анализъ естественной, свободно-бытовой, внутренней исторіи собственно самого народа, народной жизни, вовсе не есть желаніе невозможнаго, неестественнаго возстановленія отжившей старины, а это ни больше, ни меньше, какъ попытка изученія физіологіи исторіи, которая теперь

въ высшей степени у насъ необходима и желательна. Только при этомъ физіологическомъ изученіи исторіи народнаго организма, мы поймемъ истинную степень и силу жизненности, естественности, воспитательности и благоустроительности, благодѣтельности для массы народнаго организма, для различныхъ составныхъ частей его, всѣхъ реформъ, всей правительственной, централизаціонной, политической системы петровской эпохи, всѣхъ центральныхъ и губернскихъ, бюрократическихъ учрежденій, и проч.

Знаменитый государственный сановникъ Мордвиновъ въ свое время энергически доказывалъ, вопреки убѣжденіямъ современныхъ ученыхъ бюрократовъ и государственниковъ, что не народъ существуетъ для государства или правительства, а государство и правительство существуютъ для народа, и что общее государственное благо состоитъ изъ частнаго народнаго блага. Если это такъ, то, выслушавши только самъ народъ, во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, во всѣхъ деревушкахъ, во всѣхъ захолустьяхъ, разузнавши дѣйствительную степень его довольства или недовольства тѣми или другими политическими учрежденіями, степень правосудія или страданія народа отъ безправія во всѣхъ мѣстахъ и захолустьяхъ государства, степень невѣжества, забытости, деморализаціи или образованности и возможности образованія провинціальныхъ массъ подъ казенной, народообразовательной опекой, степень матеріальной обезпеченности и возможности матеріальнаго обезпеченія подъ казенной, экономической опекой надъ народнымъ трудомъ и производительностью, при существующей казенной системѣ поборовъ и повинностей и проч.; только разузнавши все это на опытѣ, въ практикѣ, въ самой дѣйствительной жизни народа, въ разныхъ областяхъ и мѣстечкахъ; только взвѣсивши все это съ человѣческимъ сочувствіемъ и опытнымъ знаніемъ, мы можемъ вѣрно отвѣтить на вопросы: правильно ли, истинно ли было историческое воспитаніе провинціальныхъ массъ народа, подъ опекой централизованнаго правительства, и насколько благодѣтельно, просвѣтительно, благоустроительно было для народа государственно-бюрократическое руководительство; приводило ли оно, и ведетъ ли провинціальныя массы народныя къ необходимому результату воспитанія—къ общественному самосознанію, а отсюда—и къ самоуправленію, и благоденствуютъ ли, довольны ли провинціальныя массы своимъ государственнымъ положеніемъ? Пусть кабинетная, сухая, черствая, подъ-

часъ даже безсердечно-холодная отвлеченность разсуждаетъ «объ абстрактной *государственной идеѣ*, и глумится надъ идеей *живаго народа*», а обращаясь къ дѣйствительному государственному положенію нашихъ провинціальныхъ общинъ, провѣря лично, самоопытно, собственнымъ наблюденіемъ дѣйствительный, жалкій бытъ, дѣйствительныя нужды огромныхъ массъ провинціальнаго народонаселенія, хоть въ немногихъ областныхъ, особенно украинныхъ пунктахъ имперіи — и въ русскихъ, и въ инородческихъ мѣстностяхъ — мы все-таки никакъ не можемъ помирить *живаго* горя-злосчастья *народнаго* съ *безжизненно-абстрактной, кабинетной государственной* идеей! И объ этомъ мы поговоримъ въ особой статьѣ — объ историческомъ значеніи центральныхъ и губернскихъ учрежденій правительственныхъ для развитія и благоденствія народныхъ, провинціальныхъ массъ. А теперь выскажемъ нѣсколько общихъ мыслей объ областныхъ земскихъ собраніяхъ и совѣтахъ, по поводу представленнаго нами историческаго очерка. Историческій фактъ даетъ только общую основную мысль, а выводы изъ этой основной мысли уже невольно, сами собою, напрашиваются.

Мы сказали уже, что въ настоящее время для насъ важны вовсе не эти старыя, грубыя, отжившія формы областныхъ земскихъ совѣтовъ, а важенъ только этотъ природный, здравый смыслъ, инстинктъ, тактъ народный, проявившійся въ образованіи, въ починкахъ ихъ. Если въ эпоху чисто-природнаго, непосредственно-натуральнаго самоустройства своего, областныя земскія общины выработывали починки областныхъ земскихъ собраній и совѣтовъ — значитъ, ихъ вызывала сама органическая жизнь областныхъ массъ, требовали законы и потребности естественной народной жизни областной. Если же, въ грубую эпоху свободнаго самоустройства областнаго земства, естественная, безсознательная, непосредственно-натуральная жизнь народа, въ разныхъ областяхъ, выработывала мѣстные земскіе совѣты, то въ настоящее время всѣ сознанные, насущные, вопіющіе вопросы жизни народной, разомъ поднятые великой, провинціальной реформой—преобразованіемъ быта огромнѣйшаго и самаго важнаго большинства провинціальнаго народонаселенія—крестьянства, и превышающія бюрократическія силы и средства центральнаго правительства — всѣ эти тревожно-безпокоющіе народъ, живо-трепещущіе вопросы народные требуютъ скорѣйшей децентра-

лизаціи народо-управительной, народно-экономической, юридической, требуютъ призванія и спроса самихъ мѣстныхъ общинъ, какъ лучше устроить ихъ бытъ и управленіе, требуютъ народныхъ, земскихъ, повсемѣстныхъ областныхъ совѣтовъ. Опытъ показываетъ всю несостоятельность или неудобоприложимость централъно и секретно-бюрократическаго рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ, сочиненія мѣстныхъ учрежденій. Просвѣщенное, глубоко-внимательное наблюденіе надъ областной жизнью, справедливый, просвѣщенный взглядъ на права и интересы областныхъ общинъ, данныя, выводы наукъ—статистики, политическаго права, политической экономіи, исторіи, этнографіи и географіи,—наконецъ, опыты просвѣщеннѣйшихъ конституціонныхъ государствъ со всею очевидностью и неприкосновенностью доказываютъ всю необходимость призванія самихъ мѣстныхъ, областныхъ народныхъ силъ—умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ—къ свободному мѣстному самоустройству и саморазвитію народа, для того, чтобы оно было благоуспѣшно, умѣстно-примѣнимо, благоустроительно, жизненно и излюбленно самими общинами.

Кто только изъ просвѣщенно-мыслящихъ и гуманно-чувствующихъ людей перебывалъ и переживалъ въ разныхъ провинціяхъ и захолустьяхъ имперіи всероссійской, видѣлъ и слышалъ невѣдомый и неслышный для правительства вопль и стонъ раздирающаго сердце, дѣйствительнаго, простонароднаго горя-злочастья, въ невѣдомыхъ правительствамъ, отдаленныхъ захолустьяхъ, въ какихъ-нибудь закрытыхъ лѣсомъ, тайныхъ деревушкахъ, въ хижинахъ, о которыхъ и не знаютъ ни сердце царево, ни сердца гуманно-просвѣщенныхъ жителей столицъ; кто только видѣлъ и слышалъ одинъ этотъ стонъ и вопль въ захолустьяхъ провинцій, тотъ невольно придетъ къ сознанью, къ чувству всей необходимости ближайшаго, непосредственно-мѣстнаго дознаванія и представительства народныхъ нуждъ. Далѣе, всѣ, кто изъ горемычныхъ, несчастныхъ провинціаловъ переѣздилъ за тысячи верстъ въ Петербургъ по своимъ горько-слезнымъ дѣламъ, испыталъ разоренье отъ нихъ, перенесъ бездну мукъ, утратилъ здоровье, кто читалъ или слышалъ сотни такихъ вопіющихъ провинціальныхъ горько-слезныхъ народныхъ дѣлъ, безсердечно, безучастно переписываемыхъ въ петербургскихъ присутствіяхъ бюрократическими борзописцами, скрипачами живаго горя народнаго, или недвижимо валяющихся въ пыльныхъ связкахъ, или безъ

рѣшенья сдаваемыхъ въ архивъ—всѣ, кто глубоко продумалъ, глубоко прочувствовалъ такое рѣшенье дѣлъ провинціальной жизни, также невольно придутъ къ сознанію необходимости административной и юридической децентрализаціи.

И вѣковой историческій и современный опытъ показываютъ ясно, какъ день, что областныя общины, расположенныя на огромныхъ пространствахъ обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства, до-тѣхъ-поръ не могутъ достигнуть надлежащаго равноправнаго юридическаго и соціальнаго благоустройства, равномѣрнаго умственнаго просвѣщенія, равномѣрнаго экономическаго благосостоянія и проч., покуда нѣтъ децентрализаціи политико-географической, административной, законодательной или юридической, народно-экономической, народно-образовательной и проч., и покуда централизація не замѣнена федераціей. Областныя общины до-тѣхъ-поръ не могутъ имѣть правильнаго юридическаго и соціальнаго саморазвитія, пока нѣтъ у нихъ своихъ излюбленныхъ выборныхъ юридическихъ учрежденій, пока стонъ и вопль неотвратимой, безпомощной нищеты, нарушеннаго права, безсовѣстно неоплаченнаго труда, вопіющей обиды не будутъ слышны изъ каждой деревушки, изъ каждой хижинки, мазанки, соломянки, берестянки, юрты войлочной и проч., покуда безправіе, произволъ и насиліе тутъ же, на мѣстѣ преступленія, пока слѣдъ горячъ, не будутъ истребляемы правосудіемъ мѣстнымъ, излюбленно-народнымъ, юридически-образованнымъ самосудомъ, пока произволъ и самовластіе мѣстныхъ начальниковъ не будутъ устранены областными народными совѣтами и выборными правленіями. Это такія истины, которыя сознавали и офиціально высказывали уже нѣкоторые госуд. члены нашего правительства. «Иго самовластія мѣстныхъ начальниковъ—писалъ еще въ 1818 году мин. внутр. дѣлъ Козодавлевъ, въ офиціальной запискѣ императору Александру I—во всякой губерніи вредно и терпимо быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ отдаленной Сибири, откуда жалобы и стоны страждущихъ едва ли до высшаго начальства достигать могутъ, а ежели и достигнутъ, то тогда уже, когда зло отвратить поздно и страждущій подъ страданіемъ изнеможетъ. Съ управленіемъ государственными дѣлами, самовластіе мѣстныхъ начальниковъ также несовмѣстно, а случается, что самовластный поступокъ мѣстнаго начальника иногда приводитъ въ такую запутанность дѣло, что казна ни убытковъ своихъ возвратить,

ни испорченному дѣлу порядочнаго направленія скоро дать не можетъ... Не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ, скажу я кратко, что власть ихъ, какъ мнѣ кажется, должно ограничить, а не распространять и не усиливать оную. Учрежденіе верховнаго сибирскихъ губерній правительства, совѣта или коммисіи изъ лицъ, частію опредѣляемыхъ отъ правительства, частію избираемыхъ изъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ ограничить власть начальника.» Такимъ-образомъ, и въ Новой Россіи мысль объ областныхъ земскихъ совѣтахъ не новая. Къ ней невольно приводятъ не только всѣхъ частныхъ просвѣщенно-мыслящихъ людей — провинціаловъ и столичныхъ, но и самыхъ правительственныхъ дѣятелей, невольно убѣждаютъ въ ней и горькій вѣковой опытъ управленія провинціями, особенно отдаленными, и жалкій юридическій бытъ провинціальныхъ массъ. Точно также, областныя общины до-тѣхъ-поръ не могутъ имѣть естественнаго, равномѣрнаго экономическаго саморазвитія и благосостоянія, пока мѣстныя, естественныя данныя и условія между ними распредѣлены неправильно, неравномѣрно, и покуда эти естественныя данныя или матеріалы непосредственнаго народнаго благосостоянія и обезпеченія не предоставляются прежде всего, болѣе всего и главнымъ образомъ въ пользу самихъ областныхъ общинъ, естественно, географически обладающихъ ими, своимъ трудомъ добывающихъ ихъ, а поглощаются общей, государственной, отдаленно-столичной казной и подъ покровомъ ея— чиновничьимъ воровствомъ. У насъ же, изъ употребленія областныхъ земскихъ сборовъ (21.202,234 р.) оказывается, что около $^3/_4$ ихъ имѣютъ предметомъ удовлетвореніе такъ называемыхъ государственныхъ повинностей (слишкомъ 15.500,000 р.), и лишь нѣсколько болѣе $^1/_5$ идетъ на удовлетвореніе повинностей губернскихъ, мѣстныхъ (около 4.500,000 р.). «О провинціальныхъ финансахъ нашихъ вообще надо замѣтить—по справедливому замѣчанію статистич. руководства Кольба*—что налоги сосредоточиваются въ министерствѣ; распоряжаются ими не общины, которымъ они принадлежатъ, а центральная администрація. Деньги, платимыя жителями для потребностей своей провинціи, поступаютъ, предварительно пройдя нѣсколько инстанцій, въ министерство, и оттуда возвращаются опять тѣмъ же порядкомъ въ провинціальныя кассы. Весьма вѣроятно, что на этомъ длин-

*

номъ пути кое-что теряется и не доходитъ по назначенію.» Мѣстныя естественныя богатства до такой степени мало употребляются прежде всего въ пользу тѣхъ провинцій, гдѣ преимущественно сосредоточиваются и кѣмъ разработываются, что, напр., Восточная Сибирь, изъ всего количества получаемаго въ Россіи золота—1,571 пуда (въ 1858 г.), добывая 1,014 пудовъ, какъ напр. въ 1859 г., или 4,044 п., какъ въ 1860 г. на частныхъ пріискахъ, доселѣ не только не процвѣтаетъ европейскимъ устройствомъ, но и чрезвычайно мало колонизована, такъ что на пространствѣ 177,374,4 кв. м. живетъ только 1.220,475 жителей; на 1 кв. м. приходится около 7 человѣкъ. При чрезмѣрной экономической централизаціи, областные города могутъ располагать въ свою пользу самыми скудными доходами, и то несвободно, не туда или не такъ, по произволу губернскаго начальства. Въ распредѣленіи доходовъ между городами господствуетъ поразительно-несоразмѣрно централизація капиталовъ. Напр., изъ всей суммы доходовъ, поступившихъ въ 1856 г. въ пользу 620 городовъ, состоявшей изъ 11.537,607 р. сер., доходы одного С.-Петербурга составляли 3.637,385 р., а доходы 601 города, всѣхъ вмѣстѣ, только 3.650,967, или только на 5 городовъ—С. Петербургъ, Москву, Одессу, Ригу и Саратовъ—приходится 6.533,873 р., а на остальные 615 городовъ, на всѣ вмѣстѣ, только 5.053,734 р. При такой неравномѣрной централизаціи капиталовъ, очевидно областныя города и ихъ провинціи не могутъ успѣшно цивилизоваться и развиваться. Только при децентрализаціи естественно-экономической, могутъ возбудиться къ наибольшей дѣятельности и производительности областныя народныя силы, могутъ усилиться областные производительные труды и операціи; можетъ съ большей энергіей совершаться и съ большею поступательностью возрастать, преуспѣвать мѣстное физико-географическое, естественное самопознаніе областныхъ общинъ, изученіе и изысканіе новыхъ естественныхъ силъ, средствъ и источниковъ областнаго благосостоянія. Потому что, только при саморазвитіи, при самопопеченіи экономическомъ, при преслѣдованіи собственныхъ своихъ интересовъ, можетъ быть въ областныхъ общинахъ усиленная энергія и конкуренція труда, изыскательности, предпріимчивости и проч. Да притомъ, трудъ и производства труда, только при децентрализаціи экономической, административной и юридической, могутъ быть болѣе

гарантированы особыми мѣстными учрежденіями, или, въ случаѣ нарушенія и препятствій, могутъ быть скорѣе возстановляемы въ своемъ теченіи. Далѣе, до-тѣхъ-поръ въ областныхъ общинахъ, въ разнообразныхъ этнографическихъ массахъ мѣстныхъ, не можетъ быть равномѣрно и правильно распространено необходимое просвѣщеніе, покуда существуетъ казенная централизація народно-образовательная, пока, на пространствѣ 392,000 кв. м., для 72 миліоновъ народонаселенія, для 52 губерній будетъ существовать только 8 университетовъ, съ 5,280 воспитанниками, да какихъ-нибудь прочихъ высшихъ (спеціальныхъ) учебныхъ заведеній 15, да 117 гимназій, и эти учебныя учрежденія будутъ сосредоточены только въ губернскихъ городахъ, а большая часть притомъ только въ столичныхъ. До-тѣхъ-поръ, просвѣщеніе не можетъ съ большимъ успѣхомъ и плодотворностью прививаться къ областнымъ массамъ народнымъ, покуда оно не составляетъ для нихъ свой собственный, кровный и первый, насущный вопросъ, не составляетъ жизненную потребность самихъ областныхъ общинъ, для ихъ же собственнаго наилучшаго, наиболѣе просвѣщеннаго, раціональнаго саморазвитія, и юридическаго и экономическаго. Только при живомъ чувствѣ самими областными общинами всей необходимости просвѣщенія массъ, просвѣщенія умовъ, просвѣщенія труда земледѣльческаго, торговаго, ремесленнаго и проч., только при этомъ условіи возможно изысканіе самими же областными общинами средствъ и способовъ учрежденія училищъ, для скорѣйшаго и равномѣрнаго образованія областныхъ массъ. Только при томъ условіи, великая задача XIX вѣка—задача просвѣщенія массъ раздѣлится по частямъ, падетъ равномѣрно на весь народъ, на всѣ умственныя, нравственныя и матеріальныя силы и средства народа. А это условіе, и, слѣдовательно, скорѣйшее и равномѣрное просвѣщеніе массъ невозможно до тѣхъ поръ, пока областныя общины не имѣютъ умственной и нравственной самодѣятельности, умственнаго самоуправленія и саморазвитія, и вообще не имѣютъ самораспорядительности. А только пусть допустится въ областныхъ общинахъ свобода самообразованія—тотчасъ почувствуется насущная нужда въ немъ и найдутся средства. На собраніи депутатовъ въ 1667 г. для сочиненія новаго уложенія, купечество требовало же: «чтобы его госпиталямъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ состоять въ вѣдомствѣ однихъ только магистратовъ, другимъ же ни-

какимъ правительствамъ въ нихъ никакой власти не имѣть и никого въ нихъ не опредѣлять, и чтобъ магистратамъ о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе» и проч.

Наконецъ, нечего и говорить о томъ, что до тѣхъ поръ находящіеся въ провинціяхъ, въ числѣ 8 милліоновъ и 95 племенныхъ различій, инородцы, которыхъ покорившее правительство обязано облагодѣтельствовать и цивилизовать, не выйдутъ изъ состоянія первобытной дикости и грубости, пока не будутъ облагодѣтельствованы и оживлены просвѣщеніемъ и европейскою общечеловѣческою гражданственностью, пока не усилены, не обращены будутъ въ самыхъ мѣстныхъ общинахъ людьми, просвѣщенно-человѣколюбивыми, истинно-человѣчныя, гуманныя мѣры и способы для ихъ саморазвитія. Централизація смогла ихъ стянуть въ общее тягло, въ общую массу податнаго и повиннаго земства, но она не могла ихъ не только просвѣтить, гуманизировать, возвысить на степень общечеловѣческой гражданственности, а еще болѣе деморализировала ихъ до убійственности, до жалости. Подъ гнетомъ ея инородцы *вымираютъ*, а не оживляются ни физически, ни умственно, ни нравственно. Фактъ грустный, но въ высшей степени достовѣрный! Между тѣмъ, самъ народъ русскій, когда свободно самоопредѣлялся, давалъ инородцамъ мѣста и равноправность на своихъ областныхъ земскихъ сходкахъ и совѣтахъ. Новгородцы дружно съ чудью, съ мерей и кривичами, на общемъ совѣтѣ съ ними, порѣшили призвать князей. Въ смутное время инородческіе представители, наравнѣ съ русскими, участвовали на областныхъ земскихъ совѣтахъ, какъ напримѣръ, въ казанскомъ царствѣ и въ нижегородской области. И на великомъ обще-русскомъ земскомъ совѣтѣ 1613 года, инородческіе представители участвовали въ избраніи царя, наравнѣ съ русскимъ земствомъ. Вѣдь грубы были всѣ эти земскія собранія въ древнія, невѣжественныя времена, а все таки призваніе инородцевъ къ участію на нихъ гуманно, человѣчно, справедливо для всѣхъ временъ.

Глубоко убѣдившись во всѣхъ этихъ простыхъ, но естественныхъ истинахъ, мы, на основаніи самобытныхъ историческихъ стремленій русскаго народа, русскихъ областныхъ общинъ, невольно приходимъ къ тому убѣжденію, что областные земскіе совѣты, въ каждомъ обширнѣйшемъ государствѣ, а въ Россіи въ особенности, составляютъ теперь существенную, жизненную по-

требность для истиннаго, дѣйствительнаго благоустройства массъ народа. Будучи устроены изъ выборныхъ отъ всѣхъ деревушекъ или областей и отъ всѣхъ городовъ, или отъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ міровъ и мірскихъ сходокъ въ каждой областной общинѣ—областныя земскія собранія и совѣты де централизуютъ, равномѣрно распредѣляютъ по частямъ, по мѣстамъ, благоустроительныя силы, средства и заботы, уполномочиваются, по ихъ избранію, сказываютъ за самыя же областныя общины, что́ имъ нужно, и ка́къ, какими силами и средствами лучше устроиться имъ и удобнѣе удовлетворять всѣмъ ихъ мѣстнымъ, прямымъ, истинно извѣданнымъ на мѣстѣ нуждамъ. На этихъ областныхъ земскихъ собраніяхъ и совѣтахъ, во первыхъ, на основаніи точныхъ мѣстныхъ данныхъ, можетъ быть обсуждено и опредѣлено гдѣ нужно, новое раздѣленіе или взаимное сліяніе, соединеніе областей, какого требуетъ естественная жизнь народа, географическія и этнографическія условія, экономическія отправленія и т. п. И свѣдѣнія статистическія, географическія, этнографическія областнымъ мѣстнымъ земскимъ совѣтамъ могутъ быть сообщаемы и скорѣе и точнѣе, чѣмъ свѣдѣнія казенныя, бюрократическія, потому что для своихъ собственныхъ цѣлей, нуждъ, интересовъ, областныя общины скорѣе почувствуютъ необходимость такихъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній и больше найдется мѣстныхъ способныхъ охотниковъ для мѣстнаго естествознанія, для мѣстныхъ изслѣдованій географическихъ, статистическихъ, народно-хозяйственныхъ, этнографическихъ и т. п. Затѣмъ на областныхъ земскихъ совѣтахъ, выборные отъ всѣхъ областныхъ мѣстныхъ міровъ или обществъ городскихъ и сельскихъ, отъ всей области, на основаніи фактовъ, опытовъ мѣстной юридической практики, жизни, мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, могутъ составить и развивать областныя уставныя граматы, или областныя, мѣстныя, земскія уложенія, законы, какъ необходимые органы цѣлаго союзно-государственнаго законодательства или уложенія. Такіе мѣстные законы, естественно, могутъ и должны быть болѣе любы, излюбленны какъ русскимъ, такъ и нерусскимъ жителямъ областной общины, потому что они проистекаютъ прямо изъ ихъ жизненныхъ нуждъ, вопросовъ, опытовъ и обычаевъ. Если въ грубыя, темныя времена Грознаго царя, наши областныя общины излюбляли мѣстныя уставныя граматы, умѣли ими пользоваться—значитъ, ихъ требовали естественные законы

и потребности областной жизни. Далѣе, областныя земскія собранія и совѣты могутъ устроить областныя земскія думы или правительства изъ выборныхъ отъ всѣхъ областныхъ міровъ или отъ городскихъ и сельскихъ мірскихъ сходовъ, если признаютъ необходимымъ, могутъ избрать излюбленныхъ головъ, старостъ, судей, надзорщиковъ за благочиніемъ и проч., вообще устроить излюбленный областный самосудъ, областное самоуправленіе, областное излюбленное полицейское самосохраненіе. Въ то же время, провинціальныя собранія, въ разныхъ отдѣлахъ своихъ, могутъ скорѣе обсудить и правильнѣе устроить, смотря по мѣстнымъ даннымъ и условіямъ, податную систему, преобразованіе натуральныхъ повинностей въ денежныя, публичныя работы, мѣстное сельское хозяйство, средства для уничтоженія нищенства, для охраненія и поддержанія народнаго здоровья, и проч., и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, областныя земскія собранія и совѣты могутъ устроять, насчетъ сборовъ, установленныхъ правильно и равномѣрно для всѣхъ классовъ областнаго земства на пользу его же самого, могутъ устроить областные земскіе университеты, медицинскія академіи, земледѣльческія академіи или институты и проч. и способствовать скорѣйшему, равномѣрному распространенію жизненно-необходимыхъ училищъ по всѣмъ областнымъ городамъ и волостямъ, для всѣхъ народностей, гдѣ есть инородцы. Точно также, при областныхъ земскихъ совѣтахъ скорѣе могутъ устроиться областные земскіе банки и различныя общеполезнныя и, особенно нужныя для областнаго края, общества. Наконецъ, изъ областныхъ земскихъ совѣтовъ могутъ быть выбраны, въ самомъ же началѣ ихъ организаціи, для одновременнаго новаго устройства всей земли—могутъ быть выбраны и выбираемы потомъ депутаты на обще-областный, всенародный земскій соборъ, или совѣтъ, для устройства и блюденія федеративныхъ отношеній всѣхъ областей, для изданія обще-областной, земской уставной граматы или общаго земскаго уложенія, для дальнѣйшаго исправленія и усовершенствованія его, на основаніи новыхъ фактовъ и опытовъ областной и федеративной жизни всей земли, всего государства, для управленія общими всей странѣ дѣлами, общимъ бюджетомъ, общими внѣшними сношеніями, и проч.

Въ заключеніе скажемъ, что и сами провинціальныя массы нашего народа, какъ ни забиты, какъ ни грубы и невѣжествен-

ны, однакожъ, давно обнаруживаютъ потребность и стремленіе къ самоуправленію. Хотя и грустная, но положительно извѣстная историческая и современная правда, что массы правинціальнаго земства почти всегда питали чувство опозиціи, недовѣрія, антипатіи и антагонизма къ существующему бюрократическому, губернско-областному управленію и приказному начальству. Давно уже областныя общины инстинктивно чувствуютъ необходимость выборныхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ и правленій. А какъ централизованное и централизовавшее все правительство рѣшительно шло противъ народнаго выборнаго самоуправленія, то общины, при первомъ удобномъ случаѣ, требовали, покрайней мѣрѣ, права собственнаго контроля и надзора за губернскими присутственными мѣстами, требовали учрежденія въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ выборныхъ депутатскихъ собраній. Напр., въ собраніи знаменитой коммисіи 1767 г. для сочиненія проекта новаго уложенія, депутаты отъ всѣхъ областей единогласно представляли въ наказахъ отъ своихъ мѣстъ: «о притѣсненіяхъ разнымъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ». Городскіе жители всѣхъ областей требовали при этомъ «выбора изъ купечества особливыхъ депутатовъ и дозволенія имъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ». Однодворцы и хлѣбопашцы представили «о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и объ опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ, для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей, особливыхъ членовъ, о бытіи для дѣлъ со стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи въ присутственныхъ мѣстахъ, о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній и проч.» Значитъ, областные жители, наученные горькимъ опытомъ, ужъ не довѣряли губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, сильно тяготились ими, когда требовали, чтобъ составъ ихъ былъ, покрайней мѣрѣ, на половину или на треть изъ выборныхъ отъ областей и чтобъ судопроизводство и дѣлопроизводство ихъ находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ областныхъ выборныхъ. Въ XIX столѣтіи, несмотря на внѣшнее, форменное упорядоченіе и наибольшую систематизацію губернскихъ правленій и другихъ присутственныхъ мѣстъ, жизнь областная все-таки не клеилась по формамъ ихъ, не улучшалась, не благоустроялась, не шла впередъ отъ бумаговодства и дѣлохожденія. Жизнь об-

ластнаго купечества и крестьянства, коснѣя въ старинѣ, стала пролагать себѣ другую дорогу. Не примиряясь съ формами губернскихъ правленій и канцелярій, она стала укладываться, помимо всѣхъ сдержекъ, въ свои, хоть уродливые, но самобытные формы и уставы. Старообрядческія общества, давно признавшія губернскія учрежденія антихристовыми установленіями, стали устроять свои областныя собранія и конторы самоуправленія. Таковы, напр., были раскольничьи собранія въ 1809 году въ Москвѣ, гдѣ присутствовали представители почти изъ всѣхъ верхне и средне-волжскихъ городовъ, и въ 1814 году въ Петербургѣ. Въ январѣ 1818 г. было общее областное собраніе старообрядцевъ Оренбургской, Пермской и Тобольской губерній. На этомъ собраніи составлено было ими общее прошеніе на Высочайшее имя о прекращеніи притѣсненій со стороны губернскаго начальства и о дозволеніи имъ полной свободы вѣроисповѣданія и быта. При прошеніи приложено было 11 писемъ отъ 1370 человѣкъ. Апрѣля 30 дня было новое общее собраніе екатеринбургскаго старообрядческаго общества и выборныхъ изъ прилежащихъ селеній Сибири. На этомъ собраніи тоже обсуждали вопросъ о своемъ мѣстномъ самоуправленіи. Именно, въ находящемся у насъ документѣ такъ сказано: «1818 года апрѣля 30 дня екатеринбургское старообрядческое общество съ прилежащими селеніями Сибири, будучи въ общемъ собраніи, по выслушаніи всеподданнѣйшаго прошенія, екатеринбургскими купцами Акимомъ Рязановымъ и Ѳомой Кузнецовымъ Его Императорскому Величеству поданнаго, въ дополненіе присогласовали».

Въ 4 пунктѣ: «Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ имѣть по дѣламъ своимъ собственное свое между собою начальство изъ попечителей подъ именемъ конторы; попечителямъ симъ дозволить имѣть конторскую печать и состоящимъ въ обществѣ священникамъ и дьяконамъ выдать для проѣзда во всѣ селенія старообрядцевъ открытые виды».

Въ 5 пунктѣ: «Священникамъ симъ и дьяконамъ Всемилостивѣйше предоставить быть вѣдомымъ единственно старообрядческой конторѣ, которая о поставленіи ихъ имѣетъ доносить съ приложеніемъ подлинныхъ ставленныхъ граматъ, и быть подчиненными г. министру внутреннихъ дѣлъ».

Въ 8 пунктѣ: «Съ того времени старообрядцы по части духовныхъ дѣлъ состоять должны единственно въ зависимости ста-

рообрядческой конторы, потому метрическія книги о вновь родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся должны быть доставляемы со стороны попечителей въ старообрядческую контору, а со стороны конторы въ казенныя палаты».

«Въ заключеніе, старообрядцы испрашиваютъ Высочайшаго благоволенія старообрядческой конторѣ, чтобы начальство и присутственныя мѣста попечителей ихъ не стѣсняли и по отношенію попечителей оказывали всякую помощь, защиту и покровительство».

И не раскольники только, но и другіе малообразованные классы народа теперь сознаютъ потребность инаго, народнаго устройства областнаго управленія. Намъ доводилось слышать отъ провинціальныхъ купцовъ такого, напримѣръ, рода разсужденіе, что «настоящія, истинныя губернскія правленія должны быть выборныя изъ всего областнаго земства, изъ городскихъ и сельскихъ обществъ.»

Наконецъ, не можемъ не обратить вниманія на многознаменательный опытъ Франціи — опытъ, показавшій всю удачность и пользу мѣстнаго самоуправленія провинціальныхъ собраній. Эта попытка провинціальныхъ собраній во Франціи, какъ извѣстно, произведена была при Людовикѣ XVI, по плану Тюрго и Некера. По мысли Тюрго, предполагалось учредить въ каждой общинѣ выборное собраніе; избирателями должны были быть исключительно мѣстные землевладѣльцы, имѣющіе извѣстный доходъ, безъ различія сословій; наравнѣ съ сельскими обществами, подобныя учрежденія должны были образоваться и въ городскихъ обществахъ. Эти собранія должны были заниматься распредѣленіемъ податей, распоряженіемъ общественными работами и попечительствомъ о бѣдныхъ. На нихъ же возлагался выборъ членовъ въ окружныя собранія; послѣднія съ своей стороны должны были выбирать членовъ въ провинціальныя собранія, и уже провинціальныя собранія назначали членовъ въ генеральные штаты. Тюрго такимъ образомъ совершенно устранялъ сословный элементъ. Но какъ это тогда еще невозможно было во Франціи, то Некеръ, при всемъ личномъ несочувствіи къ сословнымъ началамъ, понимая, однакожъ, ихъ силу въ господствовавшемъ мнѣніи, предложилъ Людовику XVI проектъ мѣстнаго самоуправленія, съ выборами отъ сословій; планъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ королемъ. Въ запискѣ, представленной королю, Не-

керъ высказалъ о злоупотребленіи власти со стороны интендантовъ такія истины, которыя точь-въ-точь идутъ къ нашимъ губернаторамъ. «Едва ли заслуживаетъ названіе администраціи—замѣчалъ онъ—порядокъ вещей, при которомъ всѣ дѣла въ провинціи зависятъ отъ произвола одного лица—интенданта. Этому человѣку, находящемуся часто въ отсутствіи, иногда хорошо знакомому съ бытомъ провинціи, но часто совершенно непосвященному въ мѣстныя потребности, предоставлено безусловное распоряженіе самыми важными дѣлами общественнаго порядка и мѣстныхъ интересовъ. Могутъ ли предшествующія, исключительно бюрократическія занятія интенданта подготовить его къ удовлетворительному исполненію тѣхъ обязанностей, которыя на него возлагаются? Несознавая, большею частію, самой важности этихъ обязанностей, онъ обыкновенно смотритъ на свое положеніе, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія. Зная, что онъ часто занимаетъ свое мѣсто только временно, можетъ ли онъ дѣйствительно заботиться о благосостояніи порученной ему провинціи, предвидя, что многое ему неудастся докончить и исполненіе начатаго придется предоставить своему преемнику. Увѣренные большею частію, что легче сдѣлать карьеру интригами, чѣмъ усиленнымъ и совѣстливымъ трудомъ, эти лица только и помышляютъ о томъ, какъ бы урваться въ Парижъ, сваливая исполненіе всѣхъ возложенныхъ на нихъ обязанностей на своихъ дѣлопроизводителей.» Въ заключеніе, Некеръ высказываетъ ту справедливую мысль, что хоть бы геній былъ главный начальникъ провинціи, все-таки сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ неудобно, и что провинціальныя собранія несравненно лучше личнаго управленія, чѣмъ (?) самые естественные органы областнаго устройства и управленія. «Въ постоянной коммисіи, состоящей изъ главнѣйшихъ землевладѣльцевъ провинціи—говоритъ онъ—совокупность познаній и непрерывность работъ придаютъ значеніе даже дѣятельности посредственныхъ умовъ; публичность обсужденія вынуждаетъ къ честности; если полезное дѣло исполняется при такихъ средствахъ медленнѣе, чѣмъ при руководствѣ геніальныхъ личностей, то по крайней мѣрѣ достигнутые результаты остаются прочнымъ достояніемъ извѣстной мѣстности и въ существованіи своемъ не зависятъ отъ личнаго произвола; между тѣмъ какъ самый благомыслящій и мудрый интендантъ можетъ быть замѣненъ другимъ, который испортитъ все дѣло, нача-

тое его предшественникомъ.» На основанiи такихъ соображенiй, съ 1778—1787 годъ постепенно открыты были провинцiальныя собранiя въ Берри, Гiенѣ, Дофине, Бургундiи, Шампани, Пикардiи, Суассонѣ, Генегау, Иль-де-Франсѣ и Орлеанской провинцiи. Предполагая въ особой статьѣ объ областныхъ учрежденiяхъ подробно разсмотрѣть организацiю и обширную дѣятельность этихъ собранiй, по сочиненiю Лаверня «Les assemblées provinciales en France avant 1789» (*), мы здѣсь замѣтимъ только, что результаты широкой дѣятельности французскихъ провинцiальныхъ собранiй были въ высшей степени плодотворны. Предметами занятiй ихъ были: устройство выборныхъ собранiй, преобразованiе натуральныхъ повинностей въ денежныя и распредѣленiе денежныхъ налоговъ, мѣры для улучшенiя сельскаго хозяйства, собиранiе статистическихъ свѣдѣнiй, общественныя работы, осушенiе болотъ, уничтоженiе нищенства, и тому подобные вопросы мѣстнаго интереса были возбуждены почти въ каждомъ изъ нихъ. Бо̀льшая часть этихъ вопросовъ были уже совсѣмъ разрѣшены провинцiальными собранiями, и разрѣшены въ высшей степени удовлетворительно. «Обозрѣвая дѣятельность провинцiальныхъ собранiй — скажемъ словами Тернера—не можемъ не подивиться массѣ возбужденныхъ вопросовъ и значительности достигнутыхъ результатовъ, если принять въ соображенiе кратковременность существованiя этихъ полезныхъ учрежденiй. Не служитъ ли это обстоятельство лучшимъ возраженiемъ противъ доводовъ тѣхъ централизаторовъ, которые утверждаютъ, что одною изъ причинъ, затрудняющихъ развитiе мѣстнаго самоуправленiя, бываетъ недостатокъ въ странѣ людей; способныхъ принять на себя управленiе дѣлами мѣстнаго интереса. Не доказываетъ ли этотъ фактъ, напротивъ, что гдѣ является дѣйствительная потребность въ способныхъ людяхъ, гдѣ открывается поприще для ихъ дѣятельности—дѣятельности не бюрократической, а живой, непосредственной, тѣсно связанной съ практическою жизнью—тамъ находятся и люди, способные для исполненiя возлагаемыхъ на нихъ общественнымъ довѣрiемъ обязанностей! Печальнымъ исключенiемъ была бы та страна, гдѣ въ минуту

(*) Желающимъ теперь познакомиться съ этимъ предметомъ рекомендуемъ статью г. Тернера, напечатанную въ «Рускомъ Вѣстникѣ», въ январской книжкѣ 1862 года: «Попытки мѣстнаго самоуправленiя во Францiи».

надобности не нашлось бы необходимыхъ дѣятелей. Исторія доказываетъ непреложно, что гдѣ правительство обращается къ обществу съ довѣріемъ, предоставляя ему нравственно и логически возможный кругъ дѣятельности, тамъ на призывъ правительства и общественнаго мнѣнія всегда являются способные дѣятели. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этой мысли служили французскія провинціальныя собранія... Если, несмотря на всѣ препятствія, сверху — со стороны органовъ центральной власти, и снизу—со стороны непонимавшаго ихъ сначала народа, провинціальныя собранія въ самое кратковременное существованіе могли достигнуть значительныхъ, полезныхъ результатовъ, то лишь благодаря живой энергіи ихъ дѣятельности, проникнутой патріотическимъ духомъ, который въ общемъ дѣлѣ сковалъ всѣ сословія въ единство, какого мы ни до того, ни послѣ того уже не видимъ во Франціи. Казалось, будто всякіе эгоистическіе интересы касты исчезли въ лицахъ, сходившихся на этихъ собраніяхъ; ихъ занимала единственно забота о благосостояніи страны и о необходимыхъ, для достиженія этой цѣли, учрежденіяхъ и мѣрахъ. Въ этомъ дѣлѣ, ни одно изъ сословій, ни дворянство, ни духовенство, ни среднее, ни сельское сословіе, не отставали одно отъ другаго. Въ этой общей гармоніи, въ этомъ истинно патріотическомъ чувствѣ, проникавшемъ провинціальныя собранія, не было ничего утопическаго; это не были тѣ теоретическія увлеченія, которыя высказывались впослѣдствіи въ центральныхъ парижскихъ собраніяхъ, въ мѣрахъ, чуждыхъ дѣйствительной жизни и неимѣвшихъ потому дѣйствительной силы. Дѣятельность провинціальныхъ собраній непосредственно вызывалась мѣстными практическими интересами, и результаты ея прямо обращались въ практическую жизнь страны. Чтобы судить о духѣ, которымъ были проникнуты тогда общественные дѣятели, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ рѣчи, произнесенной архіепископомъ Талейранъ Перигоромъ, предсѣдателемъ провинціальнаго собранія Шампани, при открытіи этого собранія: «Изученіе общественной администраціи—говоритъ онъ—возвышаетъ духъ, занимая умственныя способности. Время, употребленное на сужденія и размышленія о предметахъ государственной экономіи, наполняетъ сердце пріятными впечатлѣніями; оно удовлетворяетъ той настоятельной потребности, которую ощущаетъ каждый человѣкъ, быть полезну своимъ согражданамъ. Въ этомъ дѣлѣ

сама работа несетъ съ собою награду; въ этомъ дѣлѣ душа можетъ спокойно наслаждаться успѣхами ума». Слѣдовательно, провинціальныя собранія представляютъ лучшій исходъ для спокойнаго выраженія мучащихъ честнаго гражданина идей и устраняютъ или ослабляютъ возможность аномальныхъ увлеченій и порывовъ натуръ неспокойныхъ, энергическихъ. Въ пользу провинціальныхъ собраній говоритъ и то, что сама французская революція успѣла осуществить только часть той обширной программы реформъ, которая была задумана провинціальными собраніями. Желая разрѣшить гордіевъ узелъ разомъ и насильственно, революція не могла придти къ удовлетворительному результату. Можно предположить, что еслибы полезная дѣятельность провинціальныхъ собраній не была прервана, то политическое и административное преобразованіе Франціи совершилось бы, хотя и болѣе медленнымъ, но болѣе существеннымъ образомъ.»

Такимъ образомъ, и плодотворный опытъ французскихъ провинціальныхъ собраній передъ революціей представляетъ поучительный урокъ въ дѣлѣ устройства областныхъ земскихъ собраній и совѣтовъ. Послѣ счастливаго опыта Франціи, къ сожалѣнію, прерваннаго революціей, смѣло можемъ заявлять и въ нашей литературѣ, передъ нашимъ народомъ и правительствомъ, глубокую потребность и всю возможность учрежденія провинціальныхъ собраній и совѣтовъ. Въ Россіи они настоятельно нужны для дѣйствительнаго, истиннаго улучшенія быта огромнаго провинціальнаго народонаселенія, доселѣ коснѣющаго въ состояніи старо-русскаго домостроевскаго невѣжества, въ рутинѣ патріархальнаго, непосредственно-натуральнаго хозяйства, и особенно страдающаго отъ крайней безпечности и воеводской притѣснительности областнаго приказнаго чиноначалія. Происшедши сами изъ захолустья провинціи, имѣвши возможность присмотрѣться къ быту народному, отъ заленскихъ мѣстностей до Казани, зная жалкій бытъ крестьянъ въ отдаленныхъ лѣсныхъ деревняхъ, зная полудикій бытъ разныхъ инородцевъ въ ихъ кочевыхъ улусахъ, зная ужасы деспотизма чиновничьяго въ украйныхъ провинціяхъ, мы съ мучительнымъ томленіемъ ждемъ учрежденія провинціальныхъ собраній и совѣтовъ. Иначе, провинціальныя массы народа, улучшаемыя на бумагѣ, въ Петербургѣ, никогда не дождутся истиннаго, дѣйствительнаго, мѣстнаго улуч-

шенія своего быта; напротивъ, все больше и больше будутъ деморализироваться, закоснѣвать въ рутинѣ и неспособности ни къ какой полезной и необходимой иниціативѣ. Наконецъ, и потому необходимы провинціальныя собранія въ Россіи, что учрежденіе для управленія о губерніяхъ отживаетъ свой вѣкъ, и давно уже сознана его неудобность для многихъ провинцій. Еще графъ Воронцовъ при императорѣ Александрѣ I писалъ, что учрежденіе для управленія въ губеріяхъ не идетъ ко многимъ провинціямъ, особливо ко вновь завоеваннымъ, которыя имѣли у себя свое лучшее устройство, и къ азіатскимъ, по мѣстнымъ условіямъ и по характеру и нравамъ жителей, особенно инородныхъ, и что уже въ концѣ XVIII столѣтія чувствовалась необходимость отмѣны учрежденія для управленія губерній. Провинціальные земскіе собранія и совѣты, зачатки которыхъ были и въ древней, народной Россіи, представляютъ лучшій способъ для преобразованія губернскихъ учрежденій и лучшую, самую естественную замѣну ихъ.

2.

Замѣтки объ областныхъ учрежденіяхъ въ Россіи.

Въ настоящее время, когда многіе общественные вопросы, какъ, напримѣръ, откупная система питейнаго сбора, закрытое судопроизводство и отсутствіе гласности въ литературѣ подверглись свободному и безпристрастному обсужденію, не сдѣлаемъ, полагаю, скачка, если попросимъ гласности еще для одного современнаго вопроса тоже не послѣдней важности. Значеніе его, можетъ быть, не столь рѣзко выдается наружу, какъ отмѣна откуповъ, публичность суда и свободное выраженіе въ печати общественнаго мнѣнія, которыхъ дѣйствіе распространяется на всѣ стороны народной жизни, которыя въ исторіи многихъ государствъ западной Европы или очень недавно вышли изъ ряда задачъ, стоящихъ на очереди къ разрѣшенію, или еще и въ настоящее время проходятъ процессъ исторической работы. Они говорятъ нашему воображенію, на нихъ останавливается наше чувство.

Предметъ, о которомъ мы намѣрены говорить, не можетъ стать въ уровень ни съ сотнями милліоновъ, составленныхъ изъ трудовыхъ грошей простаго народа, которые онъ переносилъ въ руки монополистовъ-откупщиковъ, ни съ тою безполезною разстройкою времени, труда, капиталовъ и народной силы, которую влечетъ за собою медленное закрытое судопроизводство, ни даже съ тѣмъ младенческимъ невѣжествомъ націи, которая не имѣетъ въ журналистикѣ органа своего общественнаго мнѣнія.

Выводимый нами вопросъ—это существующія въ настоящее время наши уѣздныя и городскія учрежденія, составляемыя изъ лицъ, назначаемыхъ въ должности по выборамъ дворянскимъ и

городскимъ; замѣчаемый недостатокъ отвѣтственности послѣднихъ передъ ихъ вѣрителями, и въ связи съ нимъ—стѣсненіе самостоятельный дѣятельности низшихъ органовъ судебной и административной власти областнымъ центральнымъ надзоромъ.

Кажется, теперь ждутъ у насъ публичнаго и устнаго судопроизводства, съ его присяжными и адвокатурою; но пока не сказано послѣднее слово существующимъ уѣзднымъ и городскимъ учрежденіямъ, изученіе послѣднихъ, ихъ достоинствъ и недостатковъ, думаемъ, не можетъ быть безполезно.

Опредѣлить, въ какой степени невыгодны послѣдствія слабой отвѣтственности выбранныхъ передъ избирателями, для правильности суда и администраціи, безъ сомнѣнія, столько же представляетъ затрудненій, сколько и всякое опредѣленіе мѣры и свойства нравственныхъ вліяній. На этотъ разъ, изслѣдованіе встрѣчаетъ еще больше препятствій. Для отправленія суда и исполненія различныхъ административныхъ обязанностей (у насъ) кромѣ выбранныхъ отъ дворянства, городскихъ или сельскихъ сословій, существуютъ мѣста и лица, со службою по назначеніямъ правительства. Опредѣлить мѣру дѣйствительнаго участія тѣхъ и другихъ въ очевидныхъ результатахъ ихъ оффиціальной дѣятельности и отвлечь это участіе отъ всѣхъ постороннихъ причинъ—чрезвычайно трудно и едва ли возможно.

Учрежденія, о которыхъ мы говоримъ, составляются изъ однихъ представителей извѣстныхъ сословій и потому вопросъ о нихъ, повидимому, есть вопросъ не общенародныхъ, а сословныхъ интересовъ. Всѣ же сословные интересы, а тѣмъ болѣе дворянскіе, имѣютъ противъ себя предубѣжденіе. Не забудемъ при этомъ, что судъ выборныхъ дворянскаго сословія даетъ рѣшенія по дѣламъ не только дворянскимъ, но и по тѣмъ, въ которыхъ участвуютъ лица всѣхъ податныхъ, свободныхъ и несвободныхъ, сельскихъ состояній вмѣстѣ съ дворянами или и безъ нихъ. Земская полиція, дѣйствуя въ кругѣ предоставленной ей власти на всемъ пространствѣ уѣзда, хотя и имѣетъ въ своемъ составѣ выбранныя лица изъ государственныхъ крестьянъ, призываемая для участія въ рѣшеніи кретьянскихъ дѣлъ, но, по преобладаемому въ ней вліянію дворянскихъ чиновниковъ, какъ представителей образованнѣйшаго сословія, она получаетъ свой характеръ отъ служебной ихъ дѣятельности и моральнаго настроенія.

Все это достаточно для того, чтобы возвысить уровень вопроса

о недостаткахъ уѣздныхъ судовъ и земскихъ полицій, кругъ дѣйствій которыхъ не ограничивается интересами одного дворянскаго сословія. Такое положеніе, сообщаемое уѣздному дворянскому чиновнику существомъ его обязанностей, требуетъ отъ должностнаго лица умственныхъ и нравственныхъ качествъ, съ которыми подвизающійся на поприщѣ многотрудной дѣятельности возвышался-бы убѣжденіемъ надъ личными и сословными разсчетами, всегда и во всѣхъ случаяхъ достигая въ строгомъ и разумномъ исполненіи законовъ справедливости и порядка.

Не таково нравственное значеніе нашихъ уѣздныхъ дворянскихъ чиновниковъ. Общественное мнѣніе, а за нимъ и литература совсѣмъ не отличаютъ ихъ отъ другихъ чиновниковъ. Послѣдняя съ одинаковымъ усердіемъ рисуетъ намъ нравственную испорченность секретарей губернскихъ правленій, уѣзднаго и земскихъ судовъ, становаго пристава, совѣтниковъ, судьи и исправника. Для главнаго представителя уѣздной полиціи, кажется, Щедринъ въ своихъ губернскихъ очеркахъ менѣе всего пожалѣлъ сатирической соли, а земскіе исправники, по большей части, дворянскіе чиновники.

Съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, главнѣйшимъ образомъ, у насъ составляется дворянствомъ, конечно, согласны и дворяне. Жалоба на чиновниковъ всеобщая. Кого чтеніе или общежитіе, не говоря уже о непосредственномъ наблюденіи дѣйствительности серьезныхъ сторонъ русской жизни, познакомили съ нашими присутственными мѣстами и чиновниками, тотъ знаетъ ходящіе нападки на тѣхъ и другихъ.

Дворяне бранятъ своихъ выбранныхъ чиновниковъ не меньше прочихъ. Оправдывать ихъ никто не думаетъ, какъ-бы они совсѣмъ не были представителями сословія, какъ будто ихъ порицатели не сами виновники ихъ избранія. Но, въ защиту чести сословія, повторяется столько-же общее оправданіе неудачныхъ выборовъ, какъ и порицаніе служебной дѣятельности чиновниковъ. Дворяне избрали недостойныхъ потому, что по закону они должны были выбрать полное число лицъ: всѣ-же люди благонамѣренные и вмѣстѣ бѣдные, благонамѣренные и въ тоже время хорошаго состоянія, упорно отказываются отъ службы, первые потому, что они бѣдные, а вторые потому, что ихъ состояніе позволяетъ имъ жить безъ службы. Нужно было предоставлять

должности тѣмъ, кто ихъ хотѣлъ, — и вотъ причина того, что выборъ палъ на людей недостойныхъ.

Не вѣрить этому оправданію трудно, да и какъ объяснить противное ему? Почему дворянское сословіе, которое постоянно въ своей средѣ считаетъ лица, занимавшія должности въ военной службѣ, морской и гражданской, начиная отъ низшей ея ступени въ канцеляріи до высшихъ почетныхъ мѣстъ, и воспитываетъ въ своемъ кругу будущихъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы — почему, говоримъ, оно не можетъ назначить достойныхъ людей, для замѣщенія должностей, предоставленныхъ его выборамъ. Вѣдь никто другіе служатъ по назначенію отъ правительства, какъ не тѣ-же дворяне. Служатъ они въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Варшавѣ, во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, даже въ Охотскѣ, Петропавловскѣ, Колѣ и Озургетахъ. Конечно, не удовольствія и удобства столичной или губернской жизни, не среда лучшаго общежитія отзываютъ ихъ отъ службы по выборамъ дворянства. Просто-на-просто они предпочитаютъ должности по назначенію правительства тѣмъ, которыя раздаетъ дворянство.

Цѣлому сословію нельзя вмѣнить нелестныхъ качествъ неразборчивости космополитовъ—по ошибочному воспитанію и отсутствію духовныхъ связей съ мѣстами рожденія и воспитанія. По опыту мы знаемъ, что, не безъ сердечной горести, оставляютъ молодые дворяне родину, для службы гдѣ нибудь въ отдаленныхъ губерніяхъ. Между ними есть много такихъ, которыхъ благонамѣренный умъ способенъ оцѣнить ту сумму нравственныхъ наслажденій, которою награждается добросовѣстная служба въ уѣздѣ, гдѣ, начиная отъ факта избранія въ должность до видимыхъ результатовъ полезной дѣятельности, все привѣтливо отзывается нашему сердцу, поощряетъ и спасаетъ насъ отъ зачерственія души. Этого нельзя вполнѣ примѣнить къ городскимъ сословіямъ, которыя не всосали еще, такъ сказать, въ кровь и плоть потребности просвѣщенія.

Тѣмъ не менѣе, полагаемъ, безошибочно можно сказать, что въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ мѣщанское сословіе и купечество всегда могутъ указать, одни больше, другіе меньше, своихъ согорожанъ, получившихъ воспитаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и отправляющихъ различные роды государственной и частной службы. Почему, повторяемъ, эти люди не упо-

требляютъ своей полезной дѣятельности для службы обществамъ, изъ которыхъ происходятъ?

Вѣрно, что способнѣйшее и лучшее дворянство и просвѣщенные горожане уходятъ отъ уѣздной и городской службы по выборамъ своихъ сословій. И уходятъ они, не смотря на то, что эта служба не обременяетъ исполняющихъ ее тѣми невыносимыми условіями, которыя тяготѣютъ надъ индійскими субадарами *) и другими фискальными чиновниками азіатскихъ государствъ, безъ пощады отвѣтственныхъ лицомъ и всѣмъ достояніемъ за неимущихъ своихъ собратовъ; но имѣетъ, говоримъ, много того, что невольно привлекаетъ нашу симпатію.

Конечно, недостаточность и даже совершенное отсутствіе жалованья, присвоеннаго должностямъ дворянской и городской общественной службы, не объясняетъ того равнодушія къ нимъ сословій, которое намъ привычно и знакомо, какъ нѣчто законное и необходимое, какъ natura rerum. Въ томъ насъ убѣждаютъ различныя должности почетной службы, какъ-то: предводителя дворянства, почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ, попечителей гимназій, членовъ въ институтахъ благородныхъ дѣвицъ, которыя, сколько мы замѣчали, съ большою охотою занимаютъ богатые дворяне, не получая никакого вознагражденія за свою службу.

Причина такого безотраднаго положенія уѣздной и городской службы, кроется въ самомъ ея установленіи, въ порядкѣ опредѣленія и увольненія служащихъ и ихъ отвѣтственности.

Не долгимъ путемъ изученія науки права, наблюденія и анализа дѣйствительности мы пришли къ этому убѣжденію; но, выражая его, мы высказываемъ только убѣжденіе, общее всѣмъ дворянамъ, лицамъ городскихъ сословій и чиновникамъ, и повѣренное нашимъ собственнымъ наблюденіемъ. Въ уѣздномъ обществѣ мы привыкли слышать, что губернское правленіе безвинно гонитъ исправника, судью, засѣдателя, голову, бургомистра, или, что одинъ изъ жителей уѣзда или города, удостоенный избранія въ мѣстные магистраты, забывъ страхъ и совѣсть, безчинствуетъ безъ мѣры, а избравшіе ничего не могутъ ему сдѣлать. Это слышатъ всѣ и никто не ошибается въ смыслѣ такихъ жалобъ.

---

*) Кастовые полицейскіе чиновники въ Индіи.

Дѣйствительно, коль скоро сословіе избрало должностное лицо, это послѣднее уже нисколько не зависѣло отъ избирателей, для которыхъ, въ случаѣ неблагонамѣренной его службы, остается только право не повторить избранія надъ неоправдавшимъ довѣрія, а возможность воспользоваться этимъ правомъ представится лишъ черезъ 3 и даже черезъ 6 лѣтъ. Въ теченіи этого времени надзоръ за дѣйствіями по службѣ избранныхъ дворянами и городскими сословіями принадлежитъ начальнику губерніи, губернскому правленію и палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда, которыя, при ревизіи, дѣлъ, производившихся въ уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и ратушахъ, въ случаѣ замѣченныхъ медленности, безпорядковъ и упущеній по производству, относятся въ губернскія правленія о наложеніи взысканія на виновныхъ.

Губернское правленіе, по 908 ст. 2 т. св. зак., разсматриваетъ поступающія отъ низшихъ мѣстъ вѣдомости о дѣлахъ, о недоимкахъ и арестантахъ; понуждаетъ всѣ мѣста и лица къ скорѣйшему исполненію по всѣмъ требованіямъ другихъ мѣстъ и лицъ. Своимъ собственнымъ распоряженіемъ налагаетъ наказанія и взысканія, а именно: замѣчанія, выговоры, вычеты изъ жалованья, опубликованіе или оглашеніе, арестъ не болѣе какъ на 7 дней, удаленіе отъ должности и преданіе суду (254 ст. 2 т. св. зак.). Если чиновникъ въ теченіи года подвергался многократнымъ замѣчаніямъ, или тремъ строгимъ выговорамъ, и въ томъ же году окажется снова виновнымъ въ упущеніи, то онъ предается суду (455 ст. улож. о нак. уг. и испр.) по распоряженію губернскаго правленія. Начальникъ губерніи объ упущеніяхъ важнѣйшихъ и злоупотребленіяхъ имъ усмотрѣнныхъ при ревизіи, предлагаетъ губернскому правленію, поручая ему принять установленныя закономъ исправительныя мѣры или, когда нужно, и нарядить слѣдствіе (ст. 669 т. 2 св. зак.).

Впрочемъ, должностныхъ лицъ, подчиненныхъ полицейскихъ мѣстъ и учрежденій начальникъ губерніи подвергаетъ и непосредственно отъ себя установленнымъ взысканіямъ, безъ производства слѣдствій и предварительнаго истребованія объясненій, если о причинѣ упущеній онъ имѣетъ уже въ виду достаточныя свѣдѣнія (ст. 255 2 т. св. зак.).

Такимъ образомъ, подчиненіе низшихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ засѣдаютъ лица, выбранныя отъ дворянскаго и городскаго сословій областной центральной власти, имѣетъ двоя-

кій характеръ: съ одной стороны, онѣ ближайшимъ образомъ наблюдаютъ за поспѣшнѣйшимъ движеніемъ дѣлъ и правильнымъ переходомъ ихъ къ разсмотрѣнію въ другія мѣста; опредѣляетъ и увольняетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, составляющихъ канцеляріи присутственныхъ мѣстъ; съ другой—она налагаетъ взысканія на виновныхъ въ несоблюденіи установленнаго въ законахъ порядка. Въ первомъ случаѣ губернская административная власть, въ отношеніи къ уѣзднымъ и земскимъ судамъ и городскимъ учрежденіямъ, является съ тѣми правами, какія принадлежатъ казеннымъ палатамъ по надзору ихъ за уѣздными казначеями и подвѣдомственными ей чиновниками, палата государственныхъ имуществъ—по начальству ея надъ окружными начальниками, ихъ помощниками, волостными головами и проч., и вообще учрежденіями бюрократическаго и смѣшаннаго порядка, устроенными для различныхъ отраслей администраціи. Во второмъ—губернское правленіе разбираетъ дѣла по преступленіямъ должностей и опредѣляетъ виновнымъ взысканія въ административномъ порядкѣ. Этотъ послѣдній видъ подчиненности губернской административной власти нисколько не отличаетъ мѣста уѣздныя и городскія отъ другихъ мѣстъ и лицъ, служащихъ въ губерніи подъ вѣдомствомъ общаго и особеннаго управленій, на которыя также распространяется власть губернскаго правленія вмѣнять взысканія за преступленія должностей.

Но зависимость послѣднихъ отъ губернской административной власти существеннымъ образомъ отличается отъ той, которой подлежатъ уѣздныя и городскія присутственныя мѣста, составленныя изъ лицъ, служащихъ по выборамъ дворянства и городскаго сословія. Иниціатива обвиненія, въ отношеніи ихъ, принадлежитъ губернскому правленію, которое требуетъ объясненій въ допущеніи противузаконныхъ дѣйствій, когда представится къ тому поводъ; назначаетъ производство слѣдствія; входитъ въ обсужденіе взведенныхъ на должностныя лица обвиненій; вмѣняетъ имъ взысканія, или оставляетъ свободными, и наконецъ, въ случаѣ надобности, предаетъ суду; тогда какъ въ разсмотрѣніе поступковъ мѣстъ и лицъ другихъ вѣдомствъ губернское правленіе входитъ въ томъ случаѣ, когда начальство послѣднихъ, разсмотрѣвъ открывшіяся обвиненія, признало ихъ вины заслуживающими взысканія и о наложеніи послѣдняго отнеслось къ губернскому начальству.

Такъ, по статьѣ 552 т. 2 св. зак., начальникъ губерніи, усмотрѣвъ гдѣ либо по вѣдомству казенной палаты безпорядки и злоупотребленія, даетъ о томъ знать казенной палатѣ, для принятія зависящихъ мѣръ; но самъ собою ни въ какомъ случаѣ не налагаетъ на казенную палату и чиновниковъ ея вѣдомства никакихъ взысканій. Хотя, по предоставленному 10 п. 558 ст. 2 т. св. зак. праву, начальникъ губерніи и можетъ, при ревизіи управленій, подвѣдомственныхъ палатѣ государственныхъ имуществъ, устранять виновныхъ отъ должностей, но устраненіе это, какъ видно изъ 3540 ст. 2 т. св. зак., въ отношеніи окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ и письмоводителей, есть только временное, и слѣдовательно, не лишающее удаленныхъ отъ должностей возможности воспользоваться защитою палаты государственныхъ имуществъ, если послѣдняя находитъ ихъ или совсѣмъ незаслуживающими взысканія или заслуживающими менѣе строгаго.

Сдѣланное нами изложеніе относящихся къ настоящему предмету статей свода зак. не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что, не говоря уже о земскихъ исправникахъ и членахъ городской думы, члены уѣздныхъ судовъ, городовыхъ магистратовъ и ратушъ, безвыходно поставленные между надзоромъ губернскаго правленія и предоставленною ему властію наказывать за открываемые имъ же самимъ вины, пользуются несравненно меньшею самостоятельностію, чѣмъ мѣста и лица административныхъ вѣдомствъ. Лицъ, служащихъ въ этихъ послѣднихъ вѣдомствахъ, обвиняетъ и признаетъ заслуживающими взысканій только одно ихъ ближайшее начальство, тогда какъ дѣйствія уѣздныхъ судовъ, магистратовъ и ратушъ повѣряются судными палатами, начальниками губерній и губернскими правленіями. Всѣ они открываютъ упущенія и безпорядки, и губернское правленіе нетолько обвиняетъ, но и непосредственно наказываетъ.

Даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда губернское правленіе окончательно разсматриваетъ дѣла по преступленіямъ должностей, чиновники административныхъ вѣдомствъ имѣютъ на своей сторонѣ то преимущество, что, при неправильности обвиненія ихъ ближайшимъ начальствомъ, они могутъ надѣяться быть оправданными губернскимъ правленіемъ, въ которомъ, въ то же время, должностныя лица уѣздныхъ судовъ и магистратовъ видятъ обвинителя и вмѣстѣ судью, часто готоваго вмѣнить нака-

заніе, хоть бы для того, чтобы не идти назадъ, чтобы увѣрить себя и другихъ въ неошибочности своего перваго заключенія, и слѣдовательно, немного подающаго надежды на снисходительность.

Мы далеки отъ того, чтобы видѣть гарантію служебной самостоятельности въ жалобахъ, приносимыхъ на начальниковъ губерній и губернскія правленія въ правительствующій сенатъ и главнымъ начальникамъ. Кромѣ того, что право подачи такихъ жалобъ, по самому закону, подлежитъ ограниченіямъ,—кто не знаетъ той могущественной силы, съ которою канцелярская машина можетъ извергать изъ себя обвиненія на свои жертвы, какъ служащія теперь, такъ и служившія прежде подъ покровомъ одного зерцала. Довольно того, что жалобы на несправедливую аттестацію по службѣ, неправильныя обвиненія и незаслуженныя взысканія, какъ то: замѣчанія, выговоры и проч., у насъ попадаются только какъ рѣдкія исключенія, вызывающія общее удивленіе и участіе,—а предполагать, что у насъ господствуетъ непогрѣшимость по этой части—было бы слишкомъ смѣло.

Въ то же время, всѣ чиновники низшихъ присутственныхъ мѣстъ убѣждены въ снисходительности контроля уголовной и гражданской палатъ. И дѣйствительно, та и другая палаты очень рѣдко, и только въ крайнихъ случаяхъ, относятся въ губернское правленіе о взысканіи съ виновныхъ за открытые по дѣламъ безпорядки. Зачѣмъ, такъ обыкновенно говорятъ, возбуждать дѣла, которыя въ своемъ теченіи надѣлаютъ много непріятностей неисправнымъ чиновникамъ, и въ результатѣ не принесутъ никакой пользы службѣ. Но такъ ли бы разсуждали уголовная и гражданская палаты, если бы онѣ, подобно губернскому правленію, усматривая въ дѣлахъ упущенія, сами же дѣлали бы виновнымъ выговоры, подвергали ихъ вычетамъ изъ времени службы и отрѣшали отъ должностей — предоставляемъ объ этомъ судить читателямъ.

Не забудемъ при этомъ той особенности административныхъ управленій, что въ нихъ, по самой природѣ вещей, отъ личныхъ способностей начальника много зависитъ успѣхъ дѣла, и потому точность и быстрота въ исполненіи являются тамъ, какъ необходимыя условія достиженія единства и цѣли распорядительныхъ и исполнительныхъ дѣйствій. Безъ нравственной же самостоятельности судьи, судебная правда немыслима. Перемѣнчивость

убѣжденій судящихъ опредѣляется случайнымъ дѣйствіемъ посторонних обстоятельствъ, равно какъ и зависимость ихъ отъ тѣхъ взглядовъ, которые bona vel male fide, навязываютъ имъ поставленныя надъ ними власти, вносятъ въ приговоръ враждебныя чистотѣ правды плевелы пристрастнаго возрѣнія и эгоистическихъ разсчетовъ.

Съ опредѣленіями порядковъ отвѣтственности, находимыми нами въ положительныхъ законахъ, какое положеніе должны занять лица, выбранныя сословіями, и какихъ плодовъ можно ожидать отъ служебной ихъ дѣятельности? Кажется, не ошибемся, сказавъ, что самостоятельности въ отправленіи обязанностей службы ни отъ кого изъ нихъ нельзя ожидать; подчиненіе губернской административной власти представителей дворянства и городскаго сословія не оставляетъ никакого различія между чиновниками, составляющими штатъ канцеляріи гражданскаго губернатора и губернскаго правленія, и тѣми, которыхъ номинальное положеніе, повидимому, даетъ намъ право искать въ честномъ и разумномъ ихъ служеніи духовной потребности справедливости и порядка, болѣе сочувствія интересамъ общества и болѣе серьезной отвѣтственности передъ контролемъ избирателей.

Не будемъ отдаваться вполнѣ впечатлѣніямъ, за которыя мы обязаны непосредственному наблюденію дѣйствительности судебной и правительственной дѣятельности нашихъ уѣздныхъ и городскихъ учрежденій и литературнымъ изображеніямъ этой дѣятельности. Тотъ и другой источники нашего знакомства съ низшими присутственными мѣстами и лицами недостаточны для того, чтобы привести насъ къ вѣрнымъ и непреложнымъ заключеніямъ о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ служебной дѣятельности. Они недостаточны потому, что въ основаніи ихъ обоихъ одни конкретныя представленія, а критеріумъ, къ которому подводятся послѣднія мысли, нахватанныя отовсюду, очень рѣдко изъ науки права, и по большой части, чуждыя системы въ головахъ тѣхъ, которые ими пользуются, для оцѣнки существующихъ учрежденій.

Для того же, чтобы наблюденія надъ исправниками, становыми, уѣздными судьями и пр., которыми пользуются и авторы въ составленіи своихъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ большой успѣхъ у нашей публики, и всѣ добрые люди, про всякъ день и для себя, нужно, говоримъ, эти наблюденія под-

вергнуть строгому анализу, отвлечь все то, что есть въ нихъ случайнаго, отъ существеннаго и необходимаго, а главное дѣло— начать и окончить эту работу подъ руководствомъ отчетливаго представленія возможныхъ на землѣ справедливости и порядка въ судѣ и администраціи, заранѣе выработаннаго хорошимъ изученіемъ науки права и существующихъ учрежденій у насъ и другихъ народовъ. Тогда наши взгляды будутъ глубже и полнѣе, и мы не придемъ легкомысленно къ предположенію, что для уничтоженія произвола судящихъ и правящихъ достаточно одного увеличенія окладовъ, или другихъ, въ этомъ родѣ, полумѣръ.

Въ настоящее время наше общественное мнѣніе, въ его сужденіяхъ о чиновномъ мірѣ, похоже на брюзгливаго больнаго, который настойчиво требуетъ то одни, то другія яства и питія; не отвѣдавъ, судоржно ихъ отвергаетъ, переходя къ новымъ желаніямъ, и въ результатѣ больной не знаетъ чего онъ хочетъ, пока во снѣ не найдетъ успокоенія. У насъ нападаютъ на все, на чемъ выставленъ нумеръ регистра канцелярскихъ бумагъ, и на всѣхъ, кто носитъ чиновный мундиръ. Бранить чиновниковъ, судебную правительственную процедуру обратилось во всесильную моду, которой подчиняются всѣ отъ мала до велика. Въ порицаніяхъ этихъ слышатся то искренній голосъ души, переполненной негодованіемъ произволу и неправдамъ, подъ часъ гуляющимъ на широкомъ раздольѣ нашего внутренняго управленія, то желчное озлобленіе жертвъ дѣйствительныхъ уклоненій отъ законной справедливости и порядка, и наконецъ, одно желаніе принять участіе въ модномъ разговорѣ, сказать вмѣстѣ съ другими слово, которое говорятъ всѣ порядочные люди и повторяетъ на всѣ лады литература, наполняющая тысячи печатныхъ листовъ своими грозными филиппиками противъ взяточничества и легкими юмористическими разсказами о губернскихъ секретаряхъ, титулярныхъ и всякихъ совѣтникахъ, ихъ женахъ и дочкахъ, благополучныхъ, благодаря неправдамъ чиновной профессіи.

Отвращеніе отъ чиновнаго міра, опасеніе замарать себя прикосновеніемъ къ нему, боязнь дышать одной атмосферой съ нашимъ канцелярскимъ людомъ—вотъ наше модное comme il faut, могущественное, какъ всѣ требованія моды. Надъ канцеляріями тяготѣетъ безапеляціонный приговоръ «fi donc» просвѣщенной и полу-просвѣщеной публики. Въ этомъ приговорѣ участвуютъ и

сами чиновники, соединяющіе свои голоса во всеобщемъ хорѣ: fi donc. Не отставать же имъ, ради мундира чиновника, отъ лучшаго общества; а между тѣмъ служить хочется; хочется потому, что служба даетъ сперва жалованье, а потомъ состояніе и почетъ, которому, по какому то непонятному противорѣчію, подчиняются даже и самые злые порицатели служебной дѣятельности, почему-то неравнодушные къ великимъ заслугамъ статскихъ, дѣйствительныхъ и высшихъ совѣтниковъ. Браня канцелярію и оправдываясь служеніемъ по неволѣ, отъ нечего дѣлать, или незнаніемъ всякаго дѣла, дослуживаются мирные труженики дѣловаго письма до высокихъ чиновъ. Съ послѣдними всегда соединяются богатства. Конечно, они приходятъ, благодаря разнообразію сферы жизни, какъ даръ какого-то счастливаго случая; но этотъ deus ex machina, благосклонный къ нашимъ заслугамъ, очень рѣдко возмущаетъ наше сердце зрѣлищемъ людей высокаго положенія, оплакивающихъ измѣну ихъ божка-покровителя. Счастливый сановникъ, плодъ канцеляріи, пропитанный въ ней отъ ногтей до кости тою атмосферою, которая чуть не истерическими судорогами отгоняетъ отъ себя нашу чистоплотную публику, дѣлается предметомъ общаго уваженія; распространяетъ вокругъ себя обаятельную теплоту, и прикосновеніе къ его несравненнымъ членамъ отзывается въ насъ сладостнымъ трепетомъ. Тѣ враждебныя чувства къ канцеляріи, отъ которыхъ мы никогда не отказываемся, на этотъ разъ забыты, но съ канцеляріей мы не помирились и не перестаемъ порицать все, ей принадлежащее.

Счастливы тѣ, которыхъ высокій чинъ ставитъ въ исключительное положеніе предъ лицомъ примиряющагося съ ними общественнаго мнѣнія, и какъ достойны сожалѣнія тѣ, которымъ судьба, призвавъ ихъ для служебной дѣятельности въ уѣздѣ, навсегда отказала въ заслугахъ, передъ которыми нѣмѣетъ языкъ, таетъ сердце!

Правда, для нихъ возможны стяжанія на службѣ, о которыхъ они часто, въ простотѣ души, говорятъ: для чего же служить, если и отъ нихъ отказаться; изъ ихъ приходовъ иногда составляются порядочные куши, называемые на языкѣ провинціальныхъ чиновниковъ обезпеченіями про черный день. Но эти приходы извѣстны въ уѣздѣ всѣмъ и каждому и по частямъ. Объ ихъ сверхъестественномъ происхожденіи никто, даже и наиболѣе склонные

къ мистицизму, не говорятъ. Для уѣзднаго чиновника нѣтъ исхода. Онъ навсегда опозоренъ общественнымъ мнѣніемъ; его профессія презрѣнна, и онъ безнадеженъ къ исправленію.

Есть что-то болѣзненное въ такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія. Съ негодованіемъ отворачиваться отъ всего чиновнаго и канцелярскаго и находить самозабвеніе въ созерцаніи высшей канцелярской заслуги—противорѣчіе, съ которымъ не можетъ помириться свободная отъ темнаго предубѣжденія мысль здороваго человѣка. Къ такимъ крайностямъ, говоримъ мы, приводитъ одно непосредственное наблюденіе дѣйствительности, безъ помощи животворящей силы научнаго анализа.

Неумолимый приговоръ надъ нашими уѣздными учрежденіями и должностными лицами, высказываемый въ столь рѣзкихъ и чуждыхъ всякой снисходительности словахъ, не имѣетъ основанія, какъ всякое безусловное порицаніе тамъ, гдѣ нужны указаніе слабыхъ сторонъ и мѣры исправленія. Думаемъ, что сами приговоренные могли-бы многое сказать передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Пожалуй, они въ рядахъ своихъ указали бы на лица, исполненныя горячей и искренней готовности на честное служеніе дѣлу, для котораго призваны; въ самомъ разрядѣ несвободныхъ отъ упрека въ полученіи приходовъ, не установленныхъ по штатамъ, они бы назвали тѣхъ, которые изъ разсчетовъ корысти никогда не были нарушителями предписаній закона и внушеній совѣсти. Но почему дѣятельность ихъ безцвѣтна, почему рѣшенія, постановленныя ими, часто бываютъ несправедливы, мѣняются, какъ платья, и исполняются многіе и многіе годы? Вотъ вопросы, на которые осужденные говорили бы длинный рядъ признаній и объясненій; выслушивать и обдумывать не такъ пріятно и легко, какъ отдаваться впечатлѣніямъ ѣдко и игриво высказанныхъ словъ безпощаднаго порицанія. Случайно вырвавшееся изъ подъ бойкаго пера выраженіе въ этомъ родѣ идетъ въ ходъ и имѣетъ большой успѣхъ. Однихъ оно забавляетъ, другихъ приводитъ въ негодованіе. Смѣются и негодуютъ и чиновники и не чиновники. Ни одного слова, сказаннаго первыми въ ихъ защиту. Удивительное равнодушіе къ чести чиновной корпораціи уживается, какъ нѣчто обусловленное самою природою вещей, на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы. На должностной мундиръ мы смотримъ, какъ на что-то случайное, пригодное намъ до тѣхъ поръ, пока мы находимъ въ немъ средство для достиже-

нія цѣлей самыхъ разнообразныхъ, но никогда не совпадающихъ съ серьезными интересами службы, которую потому мы всегда готовы оставить, если нашъ капризъ или измѣнившіяся обстоятельства того потребуютъ.

Ни прибавка жалованья чиновникамъ, говоримъ, ни другія полумѣры не спасутъ нашу уѣздную магистратуру и должностныя лица отъ сдѣлавшихся гласными недостатковъ, въ которыхъ послѣдніе, если не вполнѣ, то и не въ малой мѣрѣ повинны, если публика и литература будутъ оставаться при своемъ безжалостномъ vae victis! а сами чиновники равнодушными къ ихъ же собственному дѣлу. Равнодушіе это непростительно съ одной стороны потому, что въ настоящее время, благодаря попечительной заботливости правительства, всѣмъ нуждамъ государственнымъ, общественнымъ, сословнымъ, мѣстнымъ и даже личнымъ открытъ доступъ подъ защиту типографскаго станка, а съ другой—недостатки суда и администраціи въ ихъ истинномъ свѣтѣ легко бросаются въ глаза тѣхъ, кто не посвящалъ себя служебной дѣятельности, и не всегда вѣрно обсуждаются даже и учеными, безъ практическаго знакомства съ ними.

3.

Русская хроника.

19 Февраля 1862 года.

Прошелъ годъ со дня обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ; годъ этотъ былъ первымъ днемъ возрожденія Россіи. Въ теченіи его началъ совершаться переворотъ въ нашей исторіи, возводящій народъ со степени историческаго вещества на степень живаго историческаго дѣятеля... «Съ момента своего закрытія — народъ погрузился въ летаргическій сонъ; исторія проходила мимо его, опоражнивая его карманы, высасывая изъ него кровь, перебрасывая его изъ стороны въ сторону»—и неподозрѣвая даже, что совершаетъ страшное убійство... Теперь наступила очередь народу отплатить ей тѣмъ-же. Дѣйствительно, «народъ пробуждается; припоминаетъ, что съ нимъ было, и первое его воспоминаніе, первое его слово прямо обращается къ той давно прошедшей минутѣ, которая предшествовала его вѣковому забытью». Историческая жизнь этихъ двухъ вѣковъ для него не существуетъ; онъ не знаетъ ее такъ же, какъ прежде не знала его исторія; и этимъ самымъ незнаніемъ онъ ее отрицаетъ и противу нея протестуетъ. По чрезвычайно мѣткому выраженію Рычкова въ газетѣ «День», «народъ вступаетъ во вторую половину XIX вѣка съ кристаллизованными понятіями XVII!» Фактъ многознаменательный. Въ немъ, какъ въ зародышѣ, хранится вся будущность нашего общества.

Въ жизни народа четверть столѣтія имѣетъ таковое же значеніе какъ годъ, два въ жизни отдѣльнаго лица, — полагаютъ

англійскіе писатели. Сближеніе это естественно относится къ суммѣ пріобрѣтенной народомъ исторической опытности и самодѣятельности, а потому рѣшеніе народомъ будущности нашей общественной жизни еще долго станетъ совершаться подъ вліяніемъ кристаллизованыхъ понятій XVII вѣка и долго еще народъ будетъ отвергать всѣ попытки, съ нашей стороны, сближенія съ нимъ; всѣ наши старанія внести въ его жизнь духовные элементы второй половины XIX столѣтія... скажемъ болѣе: наше современное, непрошенное участіе къ осмысленію его жизни для него будетъ едва-ли не обиднѣе нашего ничѣмъ незаслуженнаго, презрительнаго равнодушія въ его предшествовавшей жизни. Да! нескоро проститъ намъ народъ это равнодушіе; не забудетъ онъ, что не разъ въ рукахъ нашихъ была возможность возвратить ему самостоятельную, историческую жизнь, которую онъ такъ характеристично называетъ *волею*, но что мы нестолько уклонялись отъ этой священной обязанности, но казалось даже неподозрѣвая самаго ея существованія! Припомнитъ народъ, что даже великое сближеніе его съ обществомъ, которое онъ еще разъ спасалъ своею кровью и своимъ достояніемъ, многознаменательный 1812 годъ—не излечилъ насъ отъ нравственной слѣпоты, отъ деспотическаго пренебреженія къ основному элементу нашей общественной жизни, т. е. къ народу, но привелъ лишь къ тому, что мы почти полстолѣтія равнодушно смотрѣли на его ежегодно усиливавшіяся страданія, тогда какъ въ рукахъ его заключалось рѣшеніе нашей собственной жизни, нашего собственнаго возрожденія! Наконецъ, припомнится и то, что даже невольно увлеченные напоромъ исторической жизни, мы, въ минуту признанія за народомъ права на историческую, самостоятельную жизнь, обратились къ нему не какъ подсудимыя, а какъ судьи, не какъ должники, а какъ кредиторы; мы не возвращали народу того, что слѣдуетъ ему *по праву*, а *дарили* ему то, чѣмъ не имѣли права распоряжаться. Признавъ наконецъ за народомъ право самостоятельной жизни, мы тѣмъ не менѣе признали необходимость взять эту жизнь подъ свою опеку, а слѣдовательно, направлять ее по нашему желанію и соотвѣтственно нашимъ видамъ и цѣлямъ. Мы не спросили народъ о его нуждахъ и его стремленіяхъ, не дали ему высказать ихъ, а навязали ему, положимъ хотя и съ честнымъ и благимъ намѣреніемъ, свое понятіе о его нуждахъ и о томъ, каковы должны быть его стрем-

ленія. Въ самую минуту призванія народа къ самостоятельной исторической жизни, не смотря на наше крайнее отчужденіе и непониманіе народной жизни, мы отказали ему въ правѣ самостоянія, но, съ нашей-же односторонней, эгоистически сословной точки зрѣнія,—нашли его неспособнымъ къ такому самопониманію, стали за него думать, за него рѣшать его же потребности, а слѣдовательно снова дали ему понять, что считаемъ его не главнѣйшимъ дѣятелемъ въ организмѣ государства, но попрежнему—только историческимъ веществомъ!

Что-же мудренаго, что народъ не понимаетъ насъ, а если и понимаетъ, то чувствуетъ къ намъ недовѣріе, что онъ боится насъ и старается замкнуться въ самомъ себѣ, неотступая назадъ, но и недѣлая шага впередъ по той дорогѣ, на которую поставилъ его манифестъ? Что мудренаго, что этотъ народъ осматривается, вдумывается и пріискиваетъ тѣхъ проселковъ, и того широкаго пути, съ своей точки зрѣнія, которые должны скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ наши апріорическія рѣшенія, привести его къ жизни самостоятельной!

Вотъ мысли, на которыя навела насъ годовщина обнародованія манифеста; вотъ мысли, на которыя навели насъ безчисленныя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія о томъ, какъ прививается приводимое въ исполненіе положеніе о крестьянахъ. Въ этихъ мысляхъ заключается, по нашему мнѣнію, объясненіе многихъ трудно рѣшаемыхъ вопросовъ, вставшихъ повидимому неодолимою преградою къ примиренію давно извѣстныхъ требованій помѣщиковъ съ неизвѣстными, непредвидимыми, но тѣмъ не менѣе разумными, по своему, требованіями крестьянъ.

Поговорить объ этомъ намъ кажется всего приличнѣе въ эпоху годовщины, а потому мы и рѣшаемъ внести слѣдующія замѣтки въ отдѣлъ русской хроники нашего журнала.

Выше мы сказали, что десятки лѣтъ въ жизни народа едвали могутъ замѣнить собою единичные годы въ жизни отдѣльнаго лица. Изъ этого положенія, какъ прямое слѣдствіе выходитъ, что трудно формирующаяся и медленно приходящая къ самопониманію, а слѣдовательно и къ самодѣятельности жизнь народа не должна быть насилуема чрезъ навязыванье ей идей и понятій, быстро выработываемыхъ индивидуальными личностями, кругозоръ коихъ и мельче и ограниченнѣе кругозора массы. То, что въ отношеніи индивидуума, въ данный моментъ, состав-

ляетъ полноту и конкретность воззрѣнія на извѣстное явленіе жизни, послѣднее слово ея пониманія, то въ отношеніи къ массѣ, къ народу, составляетъ въ тотъ же моментъ только первую ступень осмысленія жизни. Тамъ, гдѣ отдѣльный человѣкъ останавливается какъ у предѣла, за который ему не дано силъ и средствъ переступить,—тамъ народъ совершаетъ только первый шагъ. Результаты, добытые жизнью единичныхъ личностей, составляютъ, въ данный моментъ, только матеріалы для возведенія зданія жизни народной; строителемъ же ея—является самый народъ.

Отсюда понятно: 1) что народная жизнь въ отношеніи къ самопониманію и самодѣятельности, должна слагаться несравненно медленнѣе жизни отдѣльныхъ личностей, и 2) что первая тѣмъ богаче, тѣмъ самостоятельнѣе и разумнѣе, чѣмъ покойнѣе, медленнѣе, логичнѣе она слагается, а слѣдовательно, повторяемъ, всякое насильственное навязываніе ей извѣстныхъ воззрѣній, идей и образа дѣйствій, нарушая правильность ея теченія, если не останавливаетъ совершенно, то удаляетъ надолго возможность разумнаго ея формированія. Поэтому каждая реформа, производимая въ жизни народа не самимъ народомъ, какъ единственнымъ знатокомъ и компетентнымъ судьей своихъ потребностей, а путемъ административнымъ, тогда только должна и можетъ принести пользу народу и служить, такъ сказать, руководной нитью на пути его самопониманія, когда она, т. е. реформа, совершается подъ вліяніемъ тщательнаго, до мелочныхъ подробностей доходящаго изученія нуждъ и потребностей народа въ извѣстный моментъ. Мало того, чтобы пустить въ ходъ извѣстную реформу—нужно еще прежде всего понять и глубоко обдумать, какъ примется она въ народѣ; иначе всякая реформа, предпринятая съ самою благодѣтельною цѣлью, прежде, нежели она проникаетъ въ жизнь народа, нанесетъ его жизни глубокія, трудно заживляемыя раны, рубцы которыхъ долго будутъ служить преградою къ сближенію реформаторовъ съ народомъ. Антагонизмъ и недовѣріе суть неизбѣжныя слѣдствія искуственно вводимыхъ реформъ. Задать вопросъ, какой же путь необходимо избирать для тщательнаго, до мелочей доходящаго изученія потребностей народной жизни, въ данный моментъ?—задать таковый вопросъ, въ наше время, болѣе чѣмъ странно! Передъ глазами нашими проходитъ жизнь множества обществъ, въ главѣ

которыхъ стоятъ разныя правительства, имѣющія большую или меньшую степень власти, и мы ясно видимъ, что въ тѣхъ обществахъ, гдѣ народъ поставленъ въ большую возможность высказывать свои нужны и требованія, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ правительства болѣе всего отказались отъ административной опеки и отъ желанія руководить жизнью народа, тамъ оно больше всего постановлено въ возможность знать и изучать народныя потребности и нужды, а стало быть, непрепятствовать народу достигать тѣхъ цѣлей, къ которымъ неизбѣжно влечетъ его историческая жизнь и которыхъ онъ достигнетъ помимо всѣхъ искуственныхъ реформъ.

Всѣ эти истины, далеко не новыя, слишкомъ общеизвѣстны, а между тѣмъ онѣ постоянно нарушаютъ и нарушаются, къ сожалѣнію, даже нерѣдко, съ самою благородною, гуманною повидимому цѣлью. Въ этомъ явленіи, въ свою очередь совершенно справедливомъ, нельзя не видѣть особаго рода солидарности: административная опека, связывая, во всякомъ случаѣ, ходъ народной жизни, а слѣдовательно стѣсняя ее, въ то же самое время вредитъ сама себѣ, налагая на себя путы, которыя тѣмъ сильнѣе и больше охватываютъ ее, тѣмъ болѣе лишаютъ ее энергіи, силъ, народнаго довѣрія и любви, чѣмъ, сложнѣе и настоятельнѣе дѣйствія этой опеки.

Общеполезность реформы, производимой въ жизни крестьянъ, ея громадное значеніе, благотворность ея вліянія на весь организмъ нашей общественной жизни не подлежатъ никакому сомнѣнію. Отчаянные консерваторы, выражавшіе вслухъ свое неудовольствіе за освобожденіе крестьянъ, въ настоящее время, подъ вліяніемъ вѣянія новой жизни, при видѣ вводимыхъ и обдумываемыхъ преобразованій и возбуждаемыхъ ими надеждъ, смолкли и примирились съ дѣйствительностію. Прогрессисты видятъ въ крестьянской реформѣ послѣднее слово прошлой, искуственной, навязанной петровскими преобразованіями жизни и, читая ей отходную, съ жадностью прислушиваются къ вибраціи тѣхъ, еще отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе уже слышимыхъ звуковъ, которые мало-по-малу приближаясь, должны сложиться въ стройный, правильный аккордъ и внести гармонію въ наше общество. Умѣренные, необольщая себя отдаленными надеждами, видят освобожденіи крестьянъ значительный шагъ къ улуч нашего общественнаго быта и добросовѣстно стараются

ствовать, по мѣрѣ силъ, этому улучшенію. Во всѣхъ слояхъ нашего общества видно движеніе, стараніе достигнуть самосознанія и осмысленія нашей жизни съ ея нуждами и требованіями; вездѣ видно желаніе скорѣе сбросить съ себя звенья порванныхъ цѣпей и выйдти подышать свѣжимъ, цѣлебнымъ воздухомъ свободы, въ лицѣ крестьянъ дарованной всему народу русскому. А между-тѣмъ какъ тѣнь, какъ непонятный, а потому-то и страшный, призракъ, надъ всѣмъ нашимъ обществомъ носится какое-то недоумѣніе, какой-то страхъ и тревожное ожиданіе будущаго, кажется, готоваго уничтожить всѣ надежды, истребить всѣ начинанія и вырвать, изъ нашей общественной почвы, только-что посѣянныя, неуспѣвшія даже еще и прорости сѣмена равенства и свободы. Какъ-то инстинктивно, недавая себѣ еще яснаго отчета, общество наше чувствуетъ, что, несмотря на всю великость и важность совершаемой реформы — къ ней подошли не съ того конца; что благотворный шагъ былъ сдѣланъ хотя и по параллельному, но все-таки не по настоящему прямому пути... Что непремѣннымъ слѣдствіемъ таковой ошибки должны быть болѣе или менѣе продолжительныя и трудныя, влекущія за собою многія тяжелыя явленія, попытки выбраться на прямой путь... Вотъ отчего общій страхъ, общее недоумѣніе и вообще недовѣріе къ самымъ благотворнымъ сторонамъ высокогуманной реформы, долженствующей обновить нашу жизнь.

Чтобы слова наши не показались голословными, постараемся опредѣлить, какое вліяніе произвелъ Высочайше обнародованный манифестъ какъ на помѣщиковъ, такъ и на крестьянъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что общіе выводы сдѣланы нами на основаніи оффиціальныхъ извѣстій, обнародованныхъ въ послѣднее время, и изъ критическаго обзора ихъ, сдѣланнаго въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ виду предстоявшаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ 1858 года, созываемы были губернскіе по крестьянскому вопросу комитеты. Въ составъ ихъ исключительно входили помѣщики потомственные дворяне, какъ имѣвшіе исключительное право владѣть населенными имѣніями. Этимъ комитетамъ предоставлено было право выяснить, какъ мѣстныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, такъ и послѣднихъ къ первымъ; имъ была предоставлена возможность, отказавшись отъ права личнаго владѣнія крестьянами и по надѣленіи послѣднихъ

усадебными осѣдлостями и полевыми землями и угодьями (за извѣстный, впослѣдствіи разрядами положенія опредѣленный, выкупъ) гарантировать свои выгоды и свои пользы. Помѣщики имѣли много времени обдумать свои проекты, чтобы, дѣйствуя въ видахъ правительства, въ тоже время не нарушать и своихъ прерогативъ. Здѣсь не мѣсто говорить, сколько дикихъ понятій, непостижимыхъ требованій было высказано въ губернскихъ комитетахъ, начиная, напримѣръ, съ предложенія г. гр. Б-ка, сдѣланнаго въ т—овскомъ комитетѣ, чтобы крестьянамъ дать свободу, но въ вознагражденіе за нее отнять у нихъ всякую собственность, и кончая той превосходящей всякое понятіе оцѣнкой крестьянскихъ усадебъ, по которой послѣдніе, по замѣчанію г. Рычкова, превращались въ неоцѣненныя брилліантовыя ожерелья или въ слитки самороднаго золота.

Какъ-бы ни было, но малу-по-малу дикія понятія сглаживались, непостижимыя требованія смягчались по мѣрѣ того, какъ въ умы проникало убѣжденіе въ неизбѣжности уничтоженія крѣпостнаго права и наконецъ надъ послѣднимъ былъ произнесенъ смертный приговоръ тѣми самыми лицами, которыя незадолго до этого были его жаркими поборниками. Между тѣмъ правительство не переставало дѣлать рядъ инииціативъ помѣщикамъ, вслѣдствіе коихъ послѣдніе имѣли возможность всесторонне, взглянувъ на вопросъ объ освобожденіи, осмыслить рядъ возникавшихъ изъ него слѣдствій и тѣмъ самымъ заранѣе опредѣлить въ извѣстной, новой реформой допускаемой степени, въ чемъ могли состоятьихъ выгоды.

Такимъ образомъ, манифестъ 19 февраля 1861 года не могъ, казалось, застать помѣщиковъ въ расплохъ: они были или должны были быть подготовленными къ принятію его. Между тѣмъ, что же вышло? За исключеніемъ незначительнаго числа передовыхъ людей и лицъ, поставленныхъ въ особенно счастливое матеріальное благосостояніе, большинство помѣщиковъ, казалось, въ изданіи манифеста, видѣло для себя какой то неожиданный, роковой ударъ и было готово отступиться отъ реформы, въ основаніе коей легли проекты, подробности ими же составленныя и опредѣленныя да цѣли, къ которымъ они же сами стремились.

Къ счастію, попятное движеніе было уже невозможно, та какъ принципъ крѣпостнаго права сдѣлался уже явленія « закона». Оставалось покориться неизбѣжной необходимост

всѣмъ съ нею сопряженнымъ и изъ нея вытекающимъ слѣдствіямъ, а стало быть честно приступить къ реализаціи новаго порядка вещей и къ добросовѣстному соглашенію интересовъ личныхъ съ интересами освобожденія крестьянъ уже потому собственно, что интересы послѣднихъ были не заявлены предварительно. Повторяемъ, что такого результата въ послѣдовавшихъ, за изданіемъ манифеста, дѣйствіяхъ помѣщиковъ должно было нетолько ожидать, но даже и требовать, потому что помѣщики, какъ выше было сказано, имѣли три года на подготовку своихъ дѣйствій и на обсужденіе своихъ выгодъ или потерь, отъ наступающаго новаго порядка дѣлъ. Привести отговорку, что изданіе манифеста въ 1861 году было неожиданно и что большинство разсчитывало на его обнародованіе несравненно позднѣе,— привести такую отговорку крайне неосновательно, во первыхъ, потому, что помѣщики при рѣшеніи вопроса о реформѣ, не искали себѣ поддержки въ лучшей и единственно раціональной инициативѣ, а именно въ живомъ голосѣ народа, а во вторыхъ, потому, что изъ того, какъ въ три года они подготовили себя къ принятію реформы, можно логически заключать, что они и въ девять лѣтъ не подвинули бы вопроса, касавшагося ихъ будущности, ихъ матеріальнаго и нравственнаго интереса, къ возможно осмысленному его рѣшенію.

Такое уклоненіе отъ народа въ минуту сопоставленія взаимныхъ интересовъ; такое неумѣнье поставить себя во главѣ движенія; такая неспособность къ самодѣятельности вслѣдствіе окончательнаго подчиненія себя правительственной опекѣ, внѣ коей наше общество еще не вѣдало себѣ спасенья, все это вмѣстѣ взятое, произвело тотъ паническій страхъ, тотъ нравственный столбнякъ, отъ котораго до сихъ поръ еще не освободилось большинство помѣщиковъ. Оттого мы видимъ, съ ихъ стороны, такую смутность пониманія предоставленныхъ имъ реформою правъ и возлагаемыхъ ею на нихъ обязанностей; непониманіе пріемовъ, коими должны быть приводимы въ исполненіе положенія общія и мѣстныя; наконецъ совершенное отсутствіе подготовки къ результатамъ переходнаго времени, которое должно радикально измѣнить ихъ бытъ, сословные интересы и льготы и даже подготовить окончательное уничтоженіе послѣднихъ.

Между тѣмъ срокъ переходнаго времени быстро приближается къ окончанію. Въ виду этого, дворянскіе съѣзды собираются въ

разныхъ губерніяхъ; отвсюду раздаются толки и требованія, мнѣнія и предположенія, но ни тѣ, ни другія не подвигаютъ рѣшенія дѣла уже потому, что попрежнему чужды общихъ интересовъ народа, а вращаются въ кругу замкнутости сословнаго дворянскаго интереса.

Вотъ въ общихъ чертахъ вліяніе и слѣдствіе, произведенныя крестьянскою реформою на классъ помѣщиковъ. Теперь взглянемъ на вліяніе и слѣдствія ея въ кругу тѣхъ лицъ, на пользу которыхъ она была произведена.

Нельзя не согласиться, что изданныя положенія проникнуты духомъ возможнаго примиренія интересовъ крестьянъ съ интересами прежнихъ ихъ владѣльцевъ, и что даже интересы первыхъ поставлены на первый планъ. Помѣщики, въ силу Положенія, должны принести извѣстныя жертвы, отказаться отъ части своихъ прежнихъ преимуществъ. Крестьяне же, напротивъ, пріобрѣтаютъ всѣ тѣ выгоды и тѣ преимущества, въ которыхъ имъ такъ давно и такъ негуманно было отказываемо. Такой перевѣсъ предоставляемыхъ крестьянамъ льготъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ уничтоженія крѣпостнаго права. Наконецъ, однимъ изъ главнѣйшихъ достоинствъ Положенія является то постановленіе, въ силу котораго съ минуты выхода изъ крепостной зависимости, крестьянинъ становится независимымъ землевладѣльцемъ, съ правомъ не только увеличивать свои поземельные надѣлы, но и распоряжаться ими послѣ совершенія выкупа, на основаніи общихъ законовъ о собственности. Такое постановленіе, во первыхъ, уничтожаетъ возможность пролетаріата, этой язвы западной Европы, а во вторыхъ, должно въ глазахъ крестьянъ возвысить цѣнность предоставляемыхъ имъ во владѣніе надѣловъ, потому что они нетолько получили право располагать ими, но и возможность «собственною волею оберегать эти права и отстаивать свои интересы».

Таковы въ общихъ чертахъ права, предоставляемыя Положеніемъ крестьянамъ землевладѣльцамъ. И въ этомъ случаѣ послѣдніе, по совершеніи выкупа, будутъ совершенно сравнены съ помѣщиками-землевладѣльцами. Гуманной, высоко-справедливой и вполнѣ раціональной стороны этихъ постановленій нельзя не признать съ благодарностью. Послѣ этого, казалось-бы, что, опираясь съ одной стороны на правила, изложенныя въ Положеніи, а съ другой на готовность правительства содѣйствовать самому выкупу, а также

пользуясь разными льготами, разсрочками и даже совершеннымъ предоставленіемъ въ пользу крестьянъ дополнительныхъ взносовъ, со стороны многихъ помѣщиковъ,—крестьянамъ остается только стараться какъ можно скорѣе воспользоваться всѣми предоставленными имъ правами и преимуществами. А между-тѣмъ на дѣлѣ выходитъ совершенно иное.

Общій голосъ обвиняетъ крестьянъ въ неподатливости и какомъ-то принятомъ ими на себя упорно-выжидательномъ положеніи, противъ коихъ безсильны всѣ частныя внушенія, всѣ раціональные доводы мировыхъ посредниковъ, а тѣмъ болѣе помѣщиковъ, большинство которыхъ не отказалось еще отъ извѣстныхъ домогательствъ. Въ силу этого, если дозволено такъ выразиться, оборонительнаго положенія, принятаго крестьянами, нетолько введеніе въ дѣйствіе уставныхъ граматъ, но переходъ съ издѣльной повинности, на обязательный денежный оброкъ за землю, полученную въ надѣлъ, по общему свидѣтельству, подвигается крайне туго. Такимъ-образомъ къ началу текущаго года было составлено всего 3097 уставныхъ граматъ. Изъ нихъ только по 345 граматамъ состоялись выкупныя сдѣлки на основаніи добровольныхъ соглашеній.

Въ виду приближающагося окончанія срока введенія уставныхъ граматъ высказывается множество мнѣній о причинахъ неуспѣшности ихъ составленія и о невозможности всякаго рода соглашеній съ крестьянами. Причины эти могутъ быть раздѣлены на общія и частныя.

Общія причины, по мнѣнію нашихъ публицистовъ, состоятъ:

1) Въ коренномъ убѣжденіи нашего народа: «что въ основѣ личнаго и частнаго права на землю лежитъ право общественное, которымъ первое всегда обусловливается; что общежитіе слагается не изъ разрозненныхъ и самостоятельныхъ *я* и *мое*, а строится на томъ началѣ: что *все* принадлежитъ *всѣмъ*; *мое*, какъ часть цѣлаго, *мнѣ*, какъ члену союза, семьи, рода, *общины* или государства.»

2) «Что народъ нашъ не цѣнитъ и не понимаетъ личной свободы безъ свободнаго отношенія къ землѣ, т. е. безъ права на нее, отрѣшеннаго отъ всякаго частнаго обязательства, а потому въ срочнообязанныхъ условіяхъ не признаетъ полной воли и ждетъ еще новаго исхода».

Частныя причины могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи:

1) Недостатки и неполнота, встрѣчающіяся въ самомъ Положеніи;

2) различныя, несообразныя съ духомъ реформы домогательства со стороны помѣщиковъ;

3) господствующее безденежье и недостатокъ гарантіи для помѣщиковъ въ полученіи ими съ крестьянъ дополнительныхъ платежей, а также и въ неопредѣленности срока самаго полученія;

4) въ отсутствіи безпристрастія, чувства законности, слѣдовательно въ наклонностяхъ къ произволу, равно и недостаткѣ дѣятельности со стороны большинства мировыхъ посредниковъ, которыхъ даже печатно называютъ *невидимками;*

5) вкоренившейся въ нашемъ народѣ привычкѣ кабальныхъ людей, къ обману, притворству по лѣности.

Вникая въ эти различныя объясненія одного и того-же факта и находя въ каждомъ изъ нихъ свою долю справедливости, нельзя однако не придти къ слѣдующему упущенному заключенію: что начало неподатливости, упорно выжидательнаго положенія, и явной задней мысли господствующей во всѣхъ дѣйствіяхъ крестьянъ, лежитъ въ томъ насильномъ положеніи, въ той безучастной ролѣ, которыя выпали на долю послѣднихъ, въ минуты рѣшенія ихъ участи, въ минуты призванія ихъ къ новой жизни.

Дѣйствительно, собирались, какъ уже было сказано выше, въ губерніяхъ комитеты по крестьянскому вопросу; обсуживались и составлялись проекты, на какихъ основаніяхъ, при какихъ условіяхъ, въ силу какого вознагражденія помѣщикамъ должно быть произведено освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; а крестьянамъ, для которыхъ рѣшался вопросъ о жизни и смерти, крестьянамъ, дрожавшимъ отъ нетерпѣнія, замиравшимъ отъ неизвѣстности, строго запрещено было даже говорить о той волѣ, которую для нихъ, помимо ихъ обдумывала сторона имъ враждебная. Нарушеніе такого запрещенія подвергало виновныхъ наказанію. Когда мѣстные губернскіе проекты были составлены и посланы на разсмотрѣніе; когда изъ губернскихъ городовъ помѣщики-депутаты возвратились въ свои помѣстья; а слухъ о предстоящей, готовимой царемъ для крестьянъ воли, такъ-сказать сился въ воздухѣ—запрещеніе говорить о ней все-таки не снято съ послѣднихъ! Наконецъ, зачѣмъ не высказать прав

приближеніе воли давало себя чувствовать тѣми прижимками, тѣми вымогательствами, тою, хотя и мелкою, но не менѣе сильною тираніей, которыя (желая на послѣдяхъ извлечь какъ можно скорѣе и болѣе выгодъ изъ отходившихъ на вѣчность крѣпостнаго права и сопряженныхъ съ нимъ прерогатовъ) дозволяло себѣ большинство помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ, а послѣдніе нетолько были лишены всякой возможности заявить свое слово о вопросѣ, для нихъ жизненномъ, но даже просто разузнать въ чемъ должна заключаться готовящаяся имъ воля и на какихъ условіяхъ они воспользуются ею. Нашлись даже и такіе помѣщики, которые, въ видахъ корысти, застращивали крестьянъ будущею волею, представляя ее или въ видѣ еще худшаго рабства, или же въ видѣ безвыходнаго голода и нищеты. Явились и тѣ, къ несчастію неизбѣжныя при всякомъ народномъ волненіи, роковыя милости, которыя съ благородною цѣлью выманить у крестьянина послѣднюю копѣйку, или изъ-за рюмки водки, объясняли ему ожидаемую волю согласно съ его желаніями, поддакивали его иной разъ превосходящимъ границы требованіямъ, подстрекали противу помѣщиковъ и настраивали умы къ ожиданію чего-то невозможнаго, но тѣмъ не менѣе готоваго осуществиться при содѣйствіи правительства... Кому извѣстно полное непониманіе народомъ «границъ возможнаго и невозможнаго для правительства», а также и то, съ какою быстротою разносятся между народомъ и съ какою легкостью принимаются имъ за дѣйствительность самые неправдоподобные слухи, тотъ пойметъ каково было общее настроеніе крестьянскихъ умовъ въ ожиданіи обнародованія воли, дать имъ ясное и положительное понятіе о которой никто заблаговременно не позаботился. Однимъ словомъ, думая постоянно о крестьянахъ, пришли наконецъ къ тому, что совершенно забыли о нихъ. Наступило 19 февраля 1861 года.

Если, какъ уже было сказано выше,—приготовленный тремя годами взаимныхъ сторонъ обсужденій, соглашеній и оппозицій,—если, при постоянныхъ иниціативахъ со стороны правительства, имѣвшій возможность, въ такой значительный промежутокъ времени, вдуматься во всѣ послѣдствія предстоявшей реформы, хотя и въ разной степени, но все-таки сравнительно образованный—классъ помѣщиковъ, за небольшимъ исключеніемъ, былъ буквально озадаченъ обнародованнымъ манифестомъ, то спрашивается: какое впеча-

тлѣніе этотъ манифестъ долженъ былъ произвести на массу людей, по преимуществу не грамотныхъ, совершенно не подготовленныхъ и совершенно отстраненныхъ нетолько отъ участія при рѣшеніи самаго жизненнаго для нихъ вопроса, но даже отъ права заявленія какого бы то ни было мнѣнія по этому поводу?

Положеніе человѣка, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ заключеннаго въ кельи самой строгой пенитенціарной тюрьмы, лишеннаго всякаго сношенія съ живымъ міромъ, совершенно отвыкшаго отъ всѣхъ общественныхъ условій и требованій и вдругъ неожиданно получающаго свободу, можетъ, во многихъ отношеніяхъ, объяснить положеніе крестьянъ при объявленіи имъ манифеста 19 февраля.

Страхъ, который должна возбудить въ нашемъ узникѣ возвращенная свобода; непониманіе, какъ воспользоваться ею; сознаніе своего отчужденія отъ всѣхъ живыхъ интересовъ и стремленій общества, въ среду котораго онъ снова насильственно возвращается; непониманіе, какъ осмыслить свое новое положеніе; сознаніе невозможности отказаться отъ дарованной ему свободы и сожалѣніе о тяжкой неволѣ, съ которою онъ уже совершенно сжился— вотъ тѣ многоразличныя ощущенія, кои, въ приводимомъ нами случаѣ, должны быть испытаны освобожденнымъ узникомъ и прежде всего возбудить въ немъ чувство покорности. Неестественно также, чтобъ въ первый моментъ своего освобожденія онъ не ощутилъ бы и минутнаго порыва радости, но за этимъ порывомъ неизбѣжно наступитъ вдумыванье въ свое положеніе, а за послѣднимъ также неизбѣжно явится покорность. Дальнѣйшіе поступки и образъ дѣйствія освобожденнаго узника будутъ зависѣть отъ многихъ причинъ и условій, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ степень сочувствія, встрѣченнаго имъ въ обществѣ, а также темпераментъ освобожденнаго.

Сближая съ этимъ примѣромъ явленія, сопровождавшія объявленіе манифеста 19 февраля, мы найдемъ въ нихъ и ту же моментальную радость, и то же общее недоумѣніе, и вдумыванье въ свое положеніе и ту же покорность, которая составляетъ неизбѣжное слѣдствіе этого вдумыванія. Отсюда, по нашему мнѣнію, первоначальное спокойствіе, съ которымъ былъ принятъ всюду манифестъ! Но когда, заявивъ о принятіи въ свою сре‑ только что освобожденнаго народа, большинство нашего обществ‑ вмѣсто сочувствія, встрѣтило его недоумѣніями, недомолвка‑

сословно эгоистическими требованіями, недовѣріемъ, отчасти обманомъ, отчасти даже крѣпостною тираніей, этой язвой, проникнувшей нашу жизнь до мозга костей,—то слѣдствіемъ этого явились почти повсемѣстныя частныя волненія, а за ними прискорбно строгія усмиренія ихъ вооруженной силою. Послѣ этого, при полнѣйшемъ непониманіи, что̀ ему даровано и чего отъ него требуютъ, народъ всталъ въ прямую, хотя и молчаливую оппозицію противу общества и, какъ средствомъ къ самозащищенію, вооружился тою неподатливостью, тѣмъ недовѣріемъ, тѣмъ упорно-выжидательнымъ положеніемъ, тою дающею себя чувствовать заднею мыслью, въ которыхъ обвиняютъ его наши публицисты. Задняя мысль народа, на основаніи всѣхъ доселѣ обнародованныхъ фактовъ, можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ:

Народъ стремится покончить съ прошедшимъ, но при условіи новой, *чистой воли*, на которую, не смотря на заявленіе со стороны правительства о несбыточности ея, онъ все-таки надѣется.

По общему мнѣнію, поколебать этой надежды, убѣдить въ ея несостоятельности — нѣтъ возможности; между тѣмъ ясно, что всякое насильственное противудѣйствіе ей поведетъ за собою повтореніе прошлогоднихъ волненій, которыя, при усиленіи сельскихъ обществъ, должны будутъ принять болѣе обширные размѣры. Съ другой стороны, чѣмъ энергичнѣе будутъ подавляемы подобныя волненія, тѣмъ большую массу противудѣйствующихъ началъ вызовутъ они въ народѣ, и тогда исходъ крестьянскаго дѣла роковымъ образомъ отзовется въ нашемъ обществѣ. Многіе предлагаютъ, въ качествѣ пальятивной мѣры, не спѣша приводить въ исполненіе положенія, выждать окончаніе двухлѣтняго періода временно-обязательнаго состоянія, полагая, что по истеченіи этого срока умы успокоятся и народъ придетъ въ нормальное состояніе.

Такое мнѣніе, какъ и всякое пальятивное средство, намъ кажется недѣйствительнымъ. Обманутая надежда рѣдко не производитъ реакціи. Эта реакція тѣмъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ большее жизненное значеніе имѣла самая надежда. Степень жизненнаго значенія надежды на чистую волю въ народномъ быту опредѣляется сама собою. Отсюда, нисколько не прибѣгая къ преувеличенью, можно сдѣлать прямой выводъ, что, обманувшись въ своей надеждѣ, народъ не легко откажется отъ нея, и какъ теперь увѣ-

ренъ, что листъ чистой воли выкраденъ помѣщиками и начальствомъ изъ Положенія, точно также и тогда остановится на убѣжденіи, что чистая воля скрыта или не дошла до него по милости тѣхъ и другихъ.

Куда поведетъ такое убѣжденіе, а оно явится въ народѣ непремѣнно, говорить излишне. Во всякомъ случаѣ должно, пока еще не ушло время, заботиться о томъ, чтобы предупредить катастрофу.

По нашему мнѣнію, достигнуть этой цѣли можно—слѣдуя русской пословицѣ «чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись». Дѣйствительно, такъ какъ народъ былъ совершенно устраненъ отъ участія при рѣшеніи вопроса, которымъ опредѣлялась вся его будущность, то въ высшей степени справедливо разрѣшить ему хотя въ настоящее время озаботиться о самомъ себѣ, а слѣдовательно вызвать въ немъ самодѣятельность. Единственнымъ, раціональнымъ путемъ къ этому служитъ созваніе народныхъ сходокъ, которыя-бы, происходя въ присутствіи мировыхъ посредниковъ и священниковъ, подобно бывшимъ губернскимъ по крестьянскому дѣлу комитетамъ, дали бы народу возможность высказать свои нужды и обсудить предоставляемыя ему Положеніемъ права.

Естественно, что народныя сходки должны состоять изъ выборныхъ отъ всѣхъ сельскихъ обществъ; выборы же должны производить непосредственно сами общества, и всякая инниціатива въ этомъ отношеніи, какъ со стороны помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, такъ и со стороны правительства, должна быть устранена.

Значеніе присутствія на народныхъ сходкахъ мироваго посредника должно ограничиться: 1) истолкованіемъ Положенія и объясненіемъ нашихъ общихъ законовъ, которые непонятны лишенному юридическаго образованія народу; 2) резюмированіемъ требованій и нуждъ послѣдняго.

Значеніе присутствія на тѣхъ же сходкахъ *священника* должно ограничиваться тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое санъ долженъ производить на народъ, въ случаѣ могущихъ возникнуть на сходкѣ ссоръ и увлеченій.

За тѣмъ всякаго рода споры, сужденія, рѣшенія, если только они не будутъ клониться къ нарушенію общественной безопасности и правъ собственности, должны быть, повторяемъ, предоставлены народу.

Полицейское наблюденіе за сходками должно быть предоставлено самимъ выборнымъ за круговою порукою избравшихъ ихъ обществъ. Естественно, однако, что отъ предполагаемыхъ сходокъ нельзя требовать того приличія, той уступчивости, той податливости и того знакомства съ обхожденіемъ высшаго общества, которымъ отличались, недалѣе лѣтъ шести тому назадъ, наши дворянскіе съѣзды.

Предлагаемыя нами сходки, давъ народу возможность выяснить самому себѣ свои нужды и понять во многихъ случаяхъ недоступное для него Положеніе, поведутъ, съ одной стороны, неизбѣжно къ столь желаемому правительствомъ и обществомъ, мирному окончанію исхода крестьянской реформы, а съ другой—открывъ правительству всѣ народныя язвы и всѣ народныя пожеланія, поставятъ послѣднее въ возможность приступить къ такимъ измѣненіямъ въ положеніяхъ, которыя разомъ покончатъ рядъ многихъ важныхъ недоумѣній и большую часть причинъ общаго недовольства.

Народныя сходки, предоставленныя собственной инціативѣ, повторяемъ еще разъ, настолько, насколько она будетъ совмѣстна съ законами общественной безопасности и съ ненарушимостью правъ собственности,—должны способствовать къ развитію въ народѣ того консервативнаго элемента, который будетъ служить лучшей и самой раціональной гарантіею противу всѣхъ несвоевременныхъ и крайнихъ стремленій.

Наконецъ, кромѣ того, что учрежденіе народныхъ сходокъ нравственно возвыситъ народъ и положитъ основаніе началу его самодѣятельности и самообразованія, сходки эти разовьютъ еще въ немъ разумное пониманіе о значеніи власти и о границахъ возможнаго для правительства, а слѣдовательно избавитъ послѣднее отъ всякаго рода противудѣйствій неразумнымъ, дикимъ требованіямъ, раздающимся въ народѣ теперь.

Ограничиваясь теперь этимъ легкимъ очеркомъ проекта учрежденія народныхъ сходокъ, мы надѣемся поговорить вскорѣ о нихъ подробнѣе, а пока желаемъ отъ души, чтобы вопросъ о нихъ заинтересовалъ наше общество и былъ бы обсуженъ нашими журналами съ тою любовью, которую заслуживаетъ самый предметъ.

4.

Свобода слова и ея ограниченіе.

Что право свободно мыслить и говорить всегда было и будетъ существенною потребностью и законнымъ, неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка — это истина старая, которую доказывать нечего. Такъ какъ жизнь общественная есть ничто иное, какъ совокупная жизнь отдѣльныхъ личностей, то понятно, что она должна опираться на тѣхъ же самыхъ началахъ, на которыхъ зиждется бытъ каждаго члена общества; въ составъ ея организма должны войдти всѣ нужды, потребности и стремленія, свойственныя отдѣльному лицу. На этомъ основаніи, свободное пользованіе правомъ мысли и слова должно быть непремѣнно допущено во всякомъ благоустроенномъ государствѣ: изъ взаимнаго обмѣна и столкновенія личныхъ мнѣній слагается та сила, которая извѣстна подъ именемъ общественнаго мнѣнія и которая служитъ лучшимъ мѣриломъ и руководителемъ всѣхъ явленій общественнаго быта. Подъ общественнымъ мнѣніемъмы разумѣемъ тѣ не писанные, но живущіе въ народномъ сознаніи законы, которые лучше всякихъ внѣшнихъ формальныхъ правилъ и руководствъ оберегаютъ общественную нравственность и благосостояніе. Именно этимъ внутреннимъ началомъ должны руководиться законодатели, безъ чего самая умная система законодательства, самая благонамѣренная администрація будетъ мертвою силою. Конечно, подъ словомъ общество мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ цѣлую народную массу, а не корпорацію какой нибудь извѣстной партіи. Только при существованіи этой нравственной силы въ народѣ, государство можетъ жить разумнымъ образомъ; только тогда оно составляетъ

цѣлое, стройное политическое тѣло, сильное народомъ и правительствомъ, слитыми во едино одинаковостью своихъ думъ, чувствованій и дѣйствій. Отсутствіе этого начала въ государственномъ управленіи, вслѣдствіе какихъ бы историческихъ причинъ оно не происходило, всегда болѣзненно отражалось въ жизни цѣлаго народа. Мы предвидимъ возраженіе, которое могутъ намъ сдѣлать противники нашего мнѣнія, отрицающіе значеніе общественнаго мнѣнія, какъ иниціативы въ дѣлѣ государственной жизни. «А что, скажутъ они, если народъ не *созрѣлъ* для того, чтобъ имѣть право общественнаго мнѣнія? И въ этомъ состояніи незрѣлости, развѣ для общества не нужна внѣшняя сила правителей, которая бы дала разрозненнымъ частямъ общественной жизни строй и единство, которая бы руководила дѣтьми, неспособными къ самостоятельному существованію.» Возраженіе не новое, пошедшее у насъ въ ходъ съ легкой руки оратора Пассажа. Мы бы не стали и отвѣчать на него, если бы повторяющіеся до сихъ поръ возгласы въ этомъ родѣ не напоминали намъ, что на понятіяхъ извѣстной части нашего общества лежитъ много подобныхъ подводныхъ камней, мѣшающихъ правильному развитію русскаго общественнаго мнѣнія. Отвѣчаемъ нашимъ противникамъ слѣдующее: Вопросъ о томъ, достаточно ли какой нибудь народъ созрѣлъ для права имѣть и пользоваться своимъ общественнымъ мнѣніемъ, есть такая же нелѣпость, какъ если бы кто нибудь вздумалъ серьезнымъ образомъ доказывать, что человѣкъ родится безъ головы, а что она послѣ приростаетъ къ плечамъ, вслѣдствіе извѣстной зрѣлости его организма. По понятіямъ этихъ господъ, весь народъ есть ничто иное, какъ собраніе весьма неразвитыхъ существъ, которыя, впродолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, не имѣютъ, не могутъ и не должны имѣть о себѣ никакого мнѣнія, а обязаны слушаться старшихъ, заботящихся о ихъ благосостояніи; а послѣ, когда они *вызрѣютъ*, въ этомъ искусѣ послушанія, тогда могутъ получить право разсуждать обо всемъ, даже о своихъ собственныхъ нуждахъ. На чемъ же опирается подобный монастырскій взглядъ на народную жизнь? кто эти старшіе, которымъ народъ долженъ вѣрить на слово? А старшіе это такъ называемые *передовые* люди, которые, на основаніи своего господства надъ умами какой нибудь извѣстной партіи, вообразили въ себѣ способность быть воспитателями цѣлаго народа на пути къ прогрессу. Старая пѣсня олигархическаго деспотизма, который, сознавъ, что ему въ настоящее

время не совсѣмъ удобно явиться на свѣтъ прямымъ образомъ, прячется подъ маску либерализма и прогресса, а въ сущности желаетъ только взобраться ступенькой повыше. Лучше было бы, еслибы вовсе не было такихъ передовыхъ людей, меньше было бы лжи на народную жизнь, меньше тѣхъ безобразныхъ уклоненій въ сторону отъ пути настоящаго прогресса, которыя вмѣсто помощи представляютъ только новыя препятствія естественному ходу цивилизаціи. И признаемся откровенно, мы не вѣримъ тому значенію, какое придаютъ передовымъ людямъ въ извѣстныхъ кружкахъ; народъ не есть стадо «животныхъ» съ «табунными свойствами»,—какъ утверждаютъ гг. Бланкъ и Скарятинъ,—способное скакать за первою передовою лошадью; онъ идетъ туда, куда ведетъ его инстинктъ и сознаніе своихъ нуждъ и потребностей. Характеръ проявленія этихъ руководительныхъ началъ видоизмѣняется сообразно современнымъ условіямъ общественной жизни; но принципъ остается всегда присущимъ народу. Общественное мнѣніе есть выраженіе этого кореннаго принципа жизни народовъ. И какъ съ понятіемъ о человѣкѣ неразлучно понятіе о головѣ и другихъ членахъ его тѣла, такъ съ понятіемъ о народѣ неразлучно понятіе объ общественномъ мнѣніи. Потому то смѣшны и нелѣпы толки о предполагаемой незрѣлости общества и необходимости педагогическаго обращенія съ народною массою. И какъ это не хотятъ допустить люди, что всякій народъ, на какой бы низкой степени ни находился, всегда *созрѣлъ* для того, чтобъ понимать свои нужды и потребности и стремиться къ осуществленію ихъ въ своей жизни единственнымъ путемъ своего общественнаго мнѣнія. Будетъ ли это осуществленіе совершено народомъ по дѣтски, или сообразно зрѣлому возрасту, это вопросъ другой, о которомъ можно судить только сравнительно, имѣя въ виду цивилизацію нѣсколькихъ различныхъ народовъ. Правда, если смотрѣть, напримѣръ, съ европейской точки зрѣнія на общественное мнѣніе какихъ нибудь австралійскихъ или африканскихъ дикарей, то оно можетъ намъ показаться глупымъ и бѣднымъ, а дѣйствія его нелѣпыми и безобразными, но фактъ тотъ, что общественное мнѣніе существуетъ и что именно на немъ, а не на чемъ либо другомъ, опирается бытъ каждаго дикаря. Нарушить это коренное начало внѣшнимъ, насильственнымъ образомъ невозможно, не нанеся вреда національности. Потому всякое стѣсненіе этой внутренней силы въ народѣ, всякое ограни-

ченіе и запрещеніе, будетъ ли оно выражено путемъ кулачнаго права, или либерально-деспотической фразы, есть дѣло святотатственное, какъ посягательство на общечеловѣческое право народности.

Но въ жизни народовъ бываютъ слѣдующія явленія: сила общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ историческихъ причинъ, раздробляется между различными классами и сословіями и, теряя свое единство, перестаетъ быть полнымъ, всецѣлымъ двигателемъ народной жизни. Въ это время распаденія народныхъ интересовъ между отдѣльными сословіями выступаетъ на сцену матеріальная сила какой нибудь касты, или отдѣльнаго лица, затирающая ослабѣвшую силу общественнаго мнѣнія и замѣняющая его своимъ личнымъ произволомъ. Въ эту роковую минуту народъ или подчиняется вліянію иноземцевъ, или страдаетъ подъ гнетомъ собственной тираніи партіи. Преобладаніе этого начала, чуждаго въ обоихъ случаяхъ истинной идеѣ народности, продолжается до тѣхъ поръ, пока, вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи, общественное мнѣніе, отдѣльно руководящее жизнь разныхъ сословій не сольется, воедино, пока не составитъ она той громадной силы, какую имѣетъ она въ цѣломъ народѣ и предъ которою безсильною оказывается всякая внѣшняя, матеріальная сила. Исторія показываетъ намъ, что чѣмъ сильнѣе и дольше былъ гнетъ чуждаго начала, тѣмъ жесточе и продолжительнѣе бываетъ съ нимъ расплата въ грядущихъ поколѣніяхъ. Правда, въ этомъ случаѣ казнь обрушивается не всегда на первыхъ виновниковъ народной катастрофы; чаще страдаютъ ихъ потомки, которые подъ-часъ не будучи ни въ чемъ лично виновными, являются какъ бы искупительными жертвами за заблужденія предковъ. Вмѣстѣ съ ними гибнутъ часто, подъ напоромъ вулканическихъ силъ народа, разорвавшаго преграду, люди, совершенно непричастные дѣлу, но только находившіеся по близости взрыва. Въ этихъ поразительныхъ фактахъ высказывается вѣчный законъ судьбы. И Франція въ первую свою революцію покрылась потоками крови именно потому, что вопль угнетеннаго народа въ царствованіе послѣднихъ представителей дома Бурбоновъ, подобно крови Авеля, вопіялъ объ отмщеніи. Далѣе: тотъ же историческій опытъ прямо показываетъ намъ, что никакой правительственный геній не можетъ имѣть прочныхъ успѣховъ, если его дѣйствія не опираются на народ-

номъ началѣ общественнаго мнѣнія. Примѣръ очевидный въ лицѣ Петра I-го и Наполеона I-го. Первый, несмотря на свою желѣзную волю и ревностный трудъ для блага народнаго, не пожалъ плодовъ своихъ преобразованій, привившихъ къ Россіи одну только внѣшнюю европейскую форму; второй, въ минуту опасности, не нашелъ иной для себя опоры, какъ то же общественное мнѣніе, которое онъ деспотически отрицалъ въ дни удачи. Скажемъ далѣе: никакія искуственныя мѣры (какъ бы хороши онѣ ни были по своей систематической организаціи), никакія внѣшнія усилія правительства самаго добросовѣстнаго не дадутъ народу благосостоянія, если онѣ идутъ въ разладъ съ его общественнымъ мнѣніемъ, если онѣ по идеѣ своей ничто иное, какъ нарушеніе законныхъ, неотъемлемыхъ правъ народной мысли и слова. Все, что мы говоримъ теперь, можетъ быть цѣликомъ отнесено къ современному положенію Франціи. Мы твердо убѣждены, что теперешнее благосостояніе Франціи съ ея отвѣтственностью въ 3 мильярда государственнаго долга, съ ея систематически организованнымъ порядкомъ, съ ея государственнымъ спокойствіемъ и довольствіемъ, имѣетъ въ себѣ что то зловѣщее—это тишина предъ страшной бурей. Мы несомнѣнно убѣждены, что нельзя безнаказанно смѣяться и топтать въ грязь общественное мнѣніе; нельзя заключить всю жизнь народа въ узкія благоразумныя рамки полицейской администраціи. Мысль человѣческая, по существу своему, либеральна и никогда не подчинится никакому стѣсненію. Давить ее значитъ сгущать воздухъ въ узкомъ мѣстѣ; крайность въ этомъ случаѣ грозитъ неопредѣленнымъ взрывомъ, который опасенъ не для одного машиниста. А мы до сихъ поръ копируемъ и обезьянничаемъ Европу, тогда какъ и характеръ нашего народа совсѣмъ иной и условія нашего быта отличны отъ европейскаго быта; неужели же въ самомъ дѣлѣ у насъ не можетъ быть ничего самостоятельнаго, кромѣ невѣжества. Или мы дѣйствительно, по мнѣнію извѣстныхъ личностей не *дозрѣли* до пониманія общечеловѣческихъ истинъ народнаго права!.. Трудно и больно, да вдобавокъ и невозможно согласиться съ этимъ. Что же вы, *передовые* люди суете намъ все чужое? дайте намъ наше, свое, русское право. Неужели нѣтъ его?..

Итакъ, мы пришли къ тому заключенію, что общественное мнѣніе, какъ совокупный результатъ умственной и нравственной жизни

народа, тотъ краеугольный камень, на которомъ должно быть построено зданіе государственнаго быта каждой націи. Какъ живая, органическая сила мысли, оно подвергается различнымъ видоизмѣненіямъ, восходя, напримѣръ, отъ ступени общественнаго мнѣнія дикарей на ту степень, на которой стоитъ теперь эта сила въ Англіи. Путь, которому слѣдуетъ эта сила въ своемъ развитіи, есть путь свободной гласности, имѣющей въ настоящее время въ печати свое вѣрнѣйшее, могущественнѣйшее орудіе. И такъ-какъ только при условіи свободнаго, никакою внѣшнею силою не стѣсняемаго обмѣна личныхъ мнѣній, можетъ сказаться истина общественнаго права, олицетвореніемъ котораго должно явиться правительство, то отсюда по теоріи слѣдовало-бы ожидать, что всѣ заботы правительствъ будутъ направлены къ тому, чтобъ поощрить развитіе этой силы въ народѣ, на которой опирается ихъ собственное благосостояніе, чтобъ содѣйствовать тѣмъ средствамъ, путемъ которыхъ можетъ установиться быстрый и удобный обмѣнъ мыслей; короче, чтобъ они всячески старались распространить печатную гласность.... Но практика показываетъ иное: и прежде и послѣ изобрѣтенія книгопечатанія свободная мысль человѣческая всегда возбуждала сомнѣніе и опасенія со стороны той части общества, на которой лежала обязанность государственнаго управленія. Всегда находились люди, которые въ свободной гласности видѣли или хотѣли видѣть зло для цѣлаго общества и для самихъ себя, и потому изъ всѣхъ силъ старались ограничить ее разными насильственными мѣрами. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что факты подобнаго оппозиціоннаго направленія становились особенно замѣтными именно тогда, когда новыя идеи, распространяясь въ обществѣ, требовали перестройки государственнаго зданія. Представители старыхъ началъ общественнаго быта, вслѣдствіе узкости взгляда или личнаго эгоизма невѣрившіе вѣчному закону подвижности жизни, естественно должны были видѣть въ свободномъ словѣ, какъ проводникѣ этихъ идей, своего перваго врага, подкапывавшаго ихъ неподвижное до-тѣхъ-поръ благосостояніе. Вслѣдствіе этого съ ихъ стороны началась цѣлая серія гоненій, запрещеній, опалъ и казней за свободу мысли и слова, имѣвшая въ виду невозможную, недостижимою цѣль—убіенія мысли. И чѣмъ сильнѣе было новое движеніе умовъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовала оппозиція рутинной партіи. Потому самому изобрѣтенію Гуттенберга, какъ одному

изъ величайшихъ открытій, подвинувшихъ впередъ человѣческую мысль, суждено до сихъ-поръ проходить чрезъ цѣлый рядъ запрещеній, ограниченій и другихъ формальныхъ мытарствъ. И замѣчательно, что ни одинъ вопросъ общественной жизни не обращалъ на себя такого строгаго вниманія со стороны народныхъ представителей, не подвергся такимъ радикальнымъ систематическимъ преслѣдованіямъ, какъ вопросъ о свободѣ печатнаго слова. Причина очевидна: печать есть сильнѣйшій органъ общественнаго мнѣнія, котораго всегда должны бояться тѣ люди, благосостояніе которыхъ опирается не на народномъ началѣ. Но конечные результаты подобнаго направленія всегда были неудачны для начинателей; та же самая исторія свидѣтельствуетъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ міръ, мысль человѣческая не уступила насилію ни одной іоты изъ своихъ правъ, что противъ нея безсильны всевозможныя таможни, цензуры, костры, казни и т. п. Инквизиція и іезуитизмъ, при всей полнотѣ своей систематической организаціи, не могли остановить потока протестантскихъ идей, не могли поддержать средневѣковаго католичества, когда оно отжило уже свое время. Но если дѣйствительно такова непобѣдимость мысли, то изъ-за чего-же хлопочутъ люди, противодѣйствующіе ея развитію; неужели ихъ оппозиція не имѣетъ другой опоры, кромѣ отвлеченнаго, злостнаго желанія противодѣйствія? Если-бы совершенно не было успѣховъ на сторонѣ извѣстной партіи, то самая оппозиція должна-бы прекратиться.... Дѣйствительно, исторія этой борьбы, убѣждая насъ въ истинѣ конечной побѣды мысли надъ насиліемъ, показываетъ намъ, что она не вдругъ достигаетъ той практической силы, при которой всякая оппозиція дѣлается невозможною. Будучи съ одной стороны отвлеченнымъ созданіемъ творящаго духа, она нуждается во времени для того, чтобы, воплотившись въ народной массѣ, явиться въ своемъ полномъ видѣ, получить свое настоящее значеніе общечеловѣческой истины. Только въ этомъ видѣ она можетъ быть опасною насилію, и только на эту практическую сторону бываютъ направлены нападенія ретроградной партіи. И прежде нежели мысль человѣка достигнетъ своего полнаго развитія, своего народнаго значенія, она подвержена бываетъ, вслѣдствіе своей слабости, многимъ колебаніямъ и отклоненіямъ въ сторону отъ прямаго пути. Въ этотъ періодъ видимый перевѣсъ бываетъ не на сторонѣ мысли: ее давитъ оппози-

ція внѣшней, матеріальной силы, заставляющая ее выбирать вмѣсто прямаго пути—окольный. Эти отклоненія и составляютъ весь успѣхъ насилія, въ его борьбѣ съ мыслью. Кто-же не согласится съ тѣмъ, что это успѣхъ временной и призрачный, которымъ не можетъ удовлетвориться человѣкъ, смотрящій на міръ не съ одной внѣшней точки зрѣнія. Очевидно, что такъ-какъ въ народной жизни, какъ и въ жизни природы, остановки не бываетъ, то разъ начавшееся движеніе мысли уничтожено быть не можетъ; не будучи въ состояніи обнаружиться явно и офиціально, оно продолжается тайно и результаты его скрытой дороги выйдутъ наружу при первомъ удобномъ случаѣ. Таковъ вѣчный законъ природы, который нарушить безнаказанно невозможно. Наказаніе заключается въ томъ, что мысль, отклоненная насильственнымъ образомъ, отъ пути своего нормальнаго развитія, пробиваясь окольнымъ путемъ сквозь тысячи препятствій, производитъ, вмѣстѣ съ хорошими плодами, множество безобразныхъ и уродливыхъ явленій, которыя, выскакивая наружу въ своемъ грязномъ видѣ, свидѣтельствуютъ, что они незаконныя дѣти живой матери, которой отказали въ возможности имѣть законныхъ дѣтей. Результаты понятны; вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа и измѣненіемъ характера противниковъ, самый вопросъ борьбы усложняется, и характеръ ея мельчаетъ, нисходя со ступени высшей административной власти на степень полицейскихъ преслѣдованій. Но не въ одномъ этомъ заключается зло, а въ томъ, что мысль человѣческая поступаетъ, въ этомъ случаѣ, какъ подсудимый, желающій затянуть свое дѣло въ судѣ: она впутываетъ въ свой процессъ правыхъ и виноватыхъ, и ни одно изъ ея показаній ложныхъ или истинныхъ нельзя оставить безъ вниманія, не навлекши на себя отвѣтственности предъ цѣлымъ обществомъ, спокойствіе котораго нарушено. Для рѣшенія вопроса требуются новыя мѣры и средства: начинаются аресты, ссылки, тюрьмы наполняются подозрительными людьми; обыкновенный ходъ общественной жизни парализованъ какою то неопредѣленною идеею. А главная виновница волненій, идея недостижимая, неуловимая ни въ какія сѣти, живетъ себѣ гдѣ-то въ глуши и производитъ въ тайнѣ, на грязной соломѣ, незаконные плоды своей плодовитой натуры. Подобный порядокъ вещей продолжается въ обществѣ всегда до-тѣхъ-поръ, пока то-же самое общество, или правительство, не вызоветъ своими уступками забытой идеи изъ ея

темнаго убѣжища, не возстановитъ ея отвергнутыхъ правъ свободнаго слова, не позволитъ ей вступить въ законный, любовный союзъ съ народомъ. И если она дѣйствительно истинная, народная идея, то по самому свойству своей натуры она не умретъ впродолженіе цѣлыхъ годовъ гоненій: явно или тайно обнаруживаетъ она свои дѣйствія; результатъ ея для потомства будетъ всегда одинъ и тотъ же: еще не было примѣра, чтобъ какая-нибудь идея, разъ явившись на свѣтъ, затерялась, не принеся никакой пользы обществу, среди котораго она родилась. Къ чему же ведутъ послѣ этого всѣ мѣры стѣсненія и ограниченія, когда онѣ, преслѣдуя только одинъ внѣшній призракъ побѣды, достигаютъ одного временнаго, отрицательнаго результата? Съ этимъ успѣхомъ можетъ помириться развѣ только одинъ узкій эгоизмъ личнаго права, заботящійся только о настоящемъ днѣ...

Но зачѣмъ, скажутъ намъ, подняли мы эту старую исторію, хорошо извѣстную всѣмъ и каждому чуть-ли еще не на ученической скамейкѣ. Затѣмъ, что какъ ни стара эта исторія, а факты ея повторяются и въ нынѣшнее время, и потому самое слово о ней не можетъ считаться вполнѣ анахронизмомъ; затѣмъ, что вопросъ о свободномъ словѣ есть одинъ изъ насущныхъ, современныхъ вопросовъ нашего общества; затѣмъ, наконецъ, что вся исторія цивилизаціи есть не что иное, какъ повтореніе этой избитой истины о борьбѣ естественнаго права разумной силы съ силой матеріальной. Дѣйствительно, какъ ни проста мысль о необходимости свободы печатнаго слова въ общественной жизни, но надобно съ прискорбіемъ сознаться, что до сихъ поръ далеко не все человѣчество убѣдилось въ ея истинности: за немногимъ исключеніемъ печатное слово до сихъ поръ подвергается въ различныхъ государствахъ различнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, уродующимъ нормальный ходъ его проявленія. Правда, съ теченіемъ времени характеръ этихъ стѣсненій становится слабѣе и слабѣе, съ каждымъ днемъ мысль человѣка завоевываетъ у насилія нѣсколько новыхъ шаговъ; тѣмъ не менѣе этого мало и можетъ быть еще не близко то время, когда она вступитъ въ полное пользованіе своими существенными правами абсолютной свободы. Исходя изъ той мысли, что въ народной жизни скачковъ не бываетъ, а все слѣдуетъ закону постепенности, мы думаемъ, что хотя въ настоящее время этотъ вопросъ и не до-

стигъ бы у насъ желаемаго разрѣшенія, не смотря на множество голосовъ, подымающихся на защиту свободнаго слова, тѣмъ не менѣе мы твердо и неизмѣнно вѣримъ въ его будущую побѣду. И потому теперь, когда наше правительство сдѣлало шагъ впередъ, отказавшись отъ исключительнаго руководства идеями обсолютизма, разъединяющаго народъ на двѣ оппозиціонныя партіи, когда она своимъ призывомъ общества къ участію его въ дѣлѣ преобразованія законовъ о печати признало силу общественнаго мнѣнія, мы не считаемъ излишнимъ высказать нашу мысль цѣликомъ, хотя бы полное осуществленіе ея въ настоящемъ, т. е. полная свобода печати, было бы не болѣе какъ pium de siderium. Мы думаемъ, что препятствія и трудности, представляющіеся теперь на пути надлежащаго разрѣшенія этого вопроса, еще не даютъ намъ права отказаться отъ вѣры въ самый идеалъ. На основаніи историческаго опыта, подтверждающаго нашу мысль, мы вѣримъ этому идеалу; вѣримъ также и тому, что свободное слово будетъ впослѣдствіи прочнымъ достояніемъ и лучшимъ украшеніемъ нашего отечества, именно тогда, когда подъ вліяніемъ успѣховъ цивилизаціи, наше общественное мнѣніе будетъ имѣть на себѣ печать народности, а не будетъ служить выраженіемъ направленій извѣстныхъ партій. Высказавъ нашъ общій взглядъ на всѣ ограниченія печатнаго слова, скажемъ нѣсколько словъ о цензурѣ, какъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ видовъ этихъ ограниченій, какъ объ отдѣльномъ административно-полицейскомъ учрежденіи, имѣющемъ цѣлью предупредить и прекратить тѣ волненія умовъ, которыя могутъ казаться правительству вредными. Собственно говоря, учрежденіе цензуры есть неудачная попытка заставить мысль общества идти въ одномъ извѣстномъ направленіи, искуственная мѣра, которою люди хотѣли, въ видахъ помощи природѣ, лишить дерево народной жизни той полноты жизненныхъ соковъ, которая по понятіямъ оказывается лишнею для правильнаго его развитія. Мы говоримъ неудачная попытка потому, что идея подобнаго учрежденія, невѣрная въ самомъ основаніи, никогда не достигала вполнѣ своей цѣли. Въ организмѣ дерева нѣтъ лишнихъ соковъ; природа даетъ каждому изъ своихъ продуктовъ не больше и не меньше того количества силъ, сколько потребно ему для необходимаго существованія, потому самая идея о излишней полнотѣ растительныхъ соковъ есть идея ложная. Далѣе мы ви-

димъ въ природѣ, что сила ея развитія, остановленная въ одномъ направленіи, проявляется въ другомъ, что потеря одного члена живаго организма немедленно вознаграждается усиленною дѣятельностью другихъ членовъ; отсюда понятно, что парализованіе одной части тѣла не убиваетъ, а только видоизмѣняетъ жизнь. Потому самому въ дѣлѣ попытокъ искуственнаго воспитанія народной жизни природа всегда брала свое: она давала народу новые соки взамѣнъ тѣхъ, которыхъ лишали его неискусные садовники, и онъ впослѣдствіи всегда пользовался зрѣлыми и здоровыми плодами развитія, выросшими на настоящей, природной почвѣ; между тѣмъ какъ на долю садовниковъ доставались одни оранжерейные продукты, правда иногда красивые и вкусные для хозяина, но въ то же время стоящіе громадныхъ хлопотъ и издержекъ. И садовники часто довольствовались ими одними, забывая при этомъ, что можно подъ конецъ совершенно раззориться, обращая все свое вниманіе на оранжерейный уходъ за народомъ и не думая, что впослѣдствіи на мѣстѣ выращенныхъ ими великолѣпныхъ тепличныхъ растеній можетъ вырости крапива и репейникъ. Но какъ бы ни было, подобная попытка существуетъ во многихъ видахъ: примѣръ тому современная Франція....

Идея цензуры, въ смыслѣ отдѣльнаго общественнаго учрежденія, ограничивающаго пользованіе общечеловѣческимъ правомъ мысли и слова, могли родиться въ обществѣ только тогда, когда, при отсутствіи единства между народомъ и правительствомъ, самая власть, опиравшаяся на незаконномъ началѣ произвола, имѣла поводъ бояться силы общественнаго мнѣнія и нуждалась въ искуственной поддержкѣ своего временнаго благосостоянія. Потому первые слѣды опредѣленнаго цензурнаго учрежденія мы находимъ у того народа, который, съ одной стороны, передавъ потомству полную идею систематически организованнаго государственнаго быта, въ то же время проявилъ разительный примѣръ величайшаго систематически организованнаго деспотизма военной силы. Власть римскихъ императоровъ была послѣднимъ продуктомъ того либеральнаго деспотизма касты римскихъ гражданъ, которая, во имя республики, угнетала покоренные народы. Подъ вліяніемъ разногласнаго духа партій совершилась катастрофа актійской битвы, измѣнившая навсегда устарѣвшія формы общественнаго быта: роли перемѣнились, деспоты республики

сдѣлались въ свою очередь рабами цезарей. Въ обоихъ случаяхъ власть была незаконная въ общечеловѣческомъ, гуманномъ значеніи слова, но въ отношеніи къ національности право пользованія властью было на сторонѣ той огромной партіи, изъ среды которой вышли Бруты и Кассіи. Сила римскихъ гражданъ опиралась на общественномъ мнѣніи касты патриціевъ, которая составляла существенную, коренную часть всего римскаго государства. На ихъ сторонѣ была идея національности—они были потомки Ромула и по праву первородства не хотѣли уступить союзникамъ и покореннымъ народамъ почетное имя римскихъ гражданъ; по идеѣ своей то было начало прививное, не народное. Въ другомъ видѣ является намъ власть императоровъ, неимѣвшая за собой иной опоры, кромѣ права матеріальной силы. Внутренней, народной связи между обществомъ и правителемъ не было и потому естественно императоръ имѣлъ поводъ бояться, чтобъ не всплывали наружу либеральныя идеи римскихъ гражданъ, на сторонѣ которыхъ были и народныя преданія и вѣками установившееся общественное мнѣніе. Понятно, что для императоровъ скоро сказалась необходимость искуственныхъ мѣръ для поддержанія незаконно захваченной власти; является преторіанская гвардія, долженствовавшая охранять особу монарха отъ попытокъ матеріальнаго насилія. Затѣмъ при Тиверіѣ мы уже видимъ стремленіе оградить себя со стороны умственныхъ и словесныхъ нападеній: законъ объ оскорбленіи величества былъ уже спеціально цензурнымъ учрежденіемъ; шпіоны, получавшіе извѣстную плату за доносъ, сдѣлались цензорами общественнаго мнѣнія. Но идея народности, заключавшаяся въ лицѣ римскаго гражданина, не смотря на конфискаціи и казни, не умирала и постоянно, какъ зловѣщая тѣнь прошедшаго, стояла у изголовья императоровъ: цѣлый рядъ заговоровъ показывалъ несостоятельность мѣръ, принятыхъ ими для убіенія мысли и слова. Извѣстное выраженіе Нерона, сожалѣвшаго о томъ, что у Рима не одна голова, которую можно было бы сразу отсѣчь, есть невольная исповѣдь безсилія деспотизма предъ общественнымъ мнѣніемъ. Послѣдовавшая затѣмъ отмѣна Тиверіева закона и возстановленіе его въ позднѣйшій періодъ имперіи суть не что иное, какъ неудачныя попытки внѣшней власти цезарей поддѣлаться подъ то народное начало, съ которымъ у нея не было ничего общаго.

Та же самая исторія повторилась и въ христіанскомъ мірѣ. Цензированіе мысли и слова всегда казалось якоремъ спасенія для тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ государственнаго управленія думали обойтись безъ участія общественнаго мнѣнія. Со времени крестовыхъ походовъ, когда подъ вліяніемъ новыхъ идей началъ шататься неподвижный авторитетъ католицизма, утратившій посреди злоупотребленій власти свое народное значеніе, снова начались цензурныя преслѣдованія. Но полнаго систематическаго развитія и правильной организаціи достигаетъ это учрежденіе съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, когда при улучшеніи средствъ къ взаимному обмѣну знаній общественное мнѣніе начало освобождаться отъ тѣхъ путъ, въ которыхъ держало его невѣжество. Цензура, направленная сначала исключительно противъ развитія протестантскихъ началъ въ дѣлѣ религіи, впослѣдствіи получила болѣе обширное значеніе: она стремилась обнять всю словесно-умственную дѣятельность народа и начала преслѣдовать всякое печатное выраженіе мыслей, несогласныхъ съ духомъ и формами общественныхъ постановленій. Въ этомъ видѣ досталась она въ наслѣдіе потомству, испытавъ на пути своемъ множество перемѣнъ, бывшихъ всегда въ связи съ успѣхами народной образованности. Мы уже сказали выше, что эти перемѣны шли въ нисходящемъ направленіи: увеличивающаяся образованность народовъ очевидно показываетъ ея несостоятельность относительно основной цѣли учрежденія, и цензура съ каждымъ днемъ въ различныхъ государствахъ становится все слабѣе и слабѣе. Въ настоящее время подъ цензурою подразумѣвается исключительно контроль надъ печатною мыслью.

Теперь посмотримъ на характеръ дѣйствій этого учрежденія и на тѣ средства, которыми пользовалось и пользуется оно для достиженія своей недостижимой цѣли. Существуютъ два вида цензуры—предупредительный и карательный. Оба они имѣютъ конечною цѣлью своихъ стремленій прекратить злоупотребленія печатнаго слова: первый путемъ предупрежденія вреда, могущаго произойти отъ злоупотребленія, второй путемъ наказанія за совершенное уже преступленіе. Но какія же это злоупотребленія печати? Какъ какія? возразятъ намъ; если я въ своемъ сочиненіи провожу идеи вредныя, то вотъ уже и злоупотребленіе свободою слова. Но чтобъ это возраженіе не было одною темною, общею фразою, необходимо точнѣе опредѣлить эти вредныя идеи.

Начнемъ съ того, что какъ въ природѣ нѣтъ ничего абсолютно вреднаго и какъ всякая идея есть продуктъ того же творящаго духа, который создалъ вселенную, то мы должны согласиться съ тѣмъ, что радикально общихъ вредныхъ идей не существуетъ на свѣтѣ. Если возможенъ вредъ отъ которыхъ нибудь изъ нихъ, то это вредъ частный и относительный. Исторія показываетъ, что понятія о вредѣ той или другой идеи весьма измѣнчивы у различныхъ народовъ и всегда зависятъ отъ степени образованности тѣхъ государствъ, среди которыхъ они появляются и достигаютъ значенія общепринятыхъ истинъ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно признаются вредными тѣ идеи, которыя идутъ наперекоръ соціальному порядку вещей, установившемуся въ извѣстной странѣ. Такъ, напримѣръ; въ государствѣ монархическомъ считается вреднымъ и опаснымъ распространеніе идей республиканскихъ. Но и здѣсь опять, всматриваясь глубже въ предметъ, мы едва ли можемъ признать эти противорѣчія существующему порядку вполнѣ вредными явленіями. Каждая форма государственнаго быта держится сообразно природному характеру и образованности націи. Чтобъ она могла назваться прочною, необходимо, чтобъ она признавалась за истину тѣмъ обществомъ, среди котораго она держится. А всякая истина основывается на знаніи двухъ сторонъ идеала, положительной и отрицательной. Слѣпое признаваніе той или другой формы за истину, безъ знанія оборотной стороны медали, есть состоеніе младенческое. Потому всякая новая идея, хотя прямо противоположная существующему порядку вещей, какъ новый шагъ знанія, какъ новая точка зрѣнія для того, чтобъ общество могло лучше обсудить истину, принимаемую имъ за положительный идеалъ, еще не можетъ назваться вредною для общества. Положимъ, что кто нибудь вообразилъ себя способнымъ къ перестройкѣ общественнаго быта и, написавъ проектъ своихъ преобразованій, отдастъ его печатнымъ путемъ на публичный судъ общества и правительства. Неужели же не пустить его на свѣтъ или казнить автора за его трудъ, которымъ, можетъ быть, онъ занимался долго и добросовѣстно. Да на здоровье, пусть подаютъ побольше разныхъ проектовъ. «Du choc des opinions jaillit la verité». Ошибается одинъ, другой, третій, но не всѣже. А что если изъ сотни такихъ проектовъ наберется десятая доля правды; развѣ общества

и правительства не будутъ вознаграждены за трудъ обсужденія высказанной сотни идей....

Но при этомъ можетъ быть высказано много пустыхъ, вздорныхъ вещей,—есть ли время обществу и правительству заниматься болтовней, возразятъ намъ. Но, во первыхъ, для того, чтобъ рѣшить—есть ли высказанный проектъ продуктъ болтовни или здравой мысли, надобно обсудить его, а во вторыхъ, для болтовни въ литературѣ не существуетъ цензуры. Болтуны народъ вредный только для тѣхъ людей, которые ихъ не знаютъ, и гласность есть лучшее средство для того, чтобъ общество могло отдѣлить ихъ отъ людей, толкующихъ дѣло. И потому самая либеральная мысль, самый крайній соціализмъ, высказываемый гласно, печатнымъ путемъ, не могутъ быть названы вредомъ для общества, не могутъ быть вмѣнены въ преступленіе автору, если онъ добросовѣстно, прямо, сознательно изложилъ свои воззрѣнія. Вѣдь нельзя же человѣку приказать думать такъ или иначе,—а всякая мысль есть уже непремѣнно и слово. И прямое, свободное выраженіе личныхъ убѣжденій не можетъ нарушить и поколебать тѣхъ же формъ общественнаго быта, которыхъ народъ держится по сознанію въ ихъ истинности, а не на основаніи дѣтской вѣры, незнающей ничего лучшаго. Другое дѣло, если личныя мнѣнія какого нибудь лица, или партіи, имѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ характеръ насилія и высказываются тайнымъ образомъ: подобныя проявленія мысли всегда могутъ считаться вредомъ для общества, именно потому, что, ускользая отъ полнаго контроля общественнаго мнѣнія, они могутъ соблазнить неопытныхъ людей ложными мечтаніями, и, породивъ новыя партіи, произвести расколъ въ общественной жизни. Основной источникъ этого общественнаго зла, по нашему мнѣнію, есть цензура: она, заставляя мысль человѣка уклоняться отъ законнаго проявленія себя прямымъ путемъ, возбуждаетъ въ ней ту оппозицію, которая, изощряя настоящее разумное значеніе идеи, часто принимаетъ насильственный характеръ личнаго деспотизма партіи. Иначе и быть не можетъ: всякое стѣсненіе какой нибудь силы вызываетъ реакцію въ томъ же духѣ, въ какомъ произведено было стѣсненіе: изъ рабства раждается деспотизмъ... Кого, напримѣръ, изъ насъ не поражала дикость и нелѣпость утопическаго проекта соціальнаго быта Россіи, извѣстнаго подъ именемъ «Молодой Россіи», и несостоятельность теорій, высказанныхъ въ нѣ-

которыхъ другихъ прокламаціяхъ. А между тѣмъ онѣ произвели извѣстное волненіе умовъ, потребовавшее со стороны правительства внѣшнихъ мѣръ полицейскихъ преслѣдованій. Обвиненія пали на партію соціалистовъ, которые, повидимому, хотѣли насильственнымъ образомъ нарушить существующій порядокъ государственнаго управленія. Мы отнюдь не раздѣляемъ этого взгляда, показывающаго какую то робость общественной силы предъ личнымъ мнѣніемъ горсти людей. Не соціальныя идеи, высказанныя въ прокламаціяхъ, извѣстныя большинству благонамѣренныхъ членовъ общества, не современные Катилины (если только они существуютъ въ смыслѣ партіи, пожелавшей на баррикадахъ Петербурга основать свое личное благосостояніе) составляютъ главный источникъ безпокойствъ: онъ скрывается въ запрещеніи мысли высказаться свободно. При условіи свободной печати, подобныя ненормальныя проявленія народной жизни были бы невозможны. Молодая Россія не выползла бы на свѣтъ изъ своей темной казармы, потому что могла бы навѣрно разсчитывать на осмѣяніе себя предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. А если бы и нашелся такой сумашедшій, который рискнулъ бы явиться съ подобною, выкраденною изъ Европы и изуродованною теоріею, то за нимъ бы и осталось одно право умалишеннаго. Но запрещеніе, породивъ прокламаціи, дало имъ ту силу, которой они по существу своему не имѣютъ. И общество доказало это на опытѣ. Нисколько не сочувствуя насильственнымъ планамъ, предлагаемымъ подметною литературою, оно сочувствовало идеѣ протеста, лежавшей въ основаніи прокламацій, въ которой выразилось желаніе народа относительно нѣкоторыхъ частныхъ реформъ. И только, благодаря системѣ запрещенія, подобныя прокламаціи могли имѣть интересъ для общества, какъ запретный плодъ. Источникъ всѣхъ толковъ, возбужденныхъ въ обществѣ въ послѣднее время, заключается въ томъ, что цензура, уступивъ нѣкоторымъ современнымъ требованіямъ гласности, не рѣшилась дозволить полнаго пользованія этимъ благомъ. Новыя идеи, возбужденныя въ обществѣ подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, заволновались, началось броженіе, колебаніе умовъ, предшествующее всегда прочной установкѣ здравой мысли. Пользуясь съ одной стороны сравнительно большею свободою выраженія, личныя мнѣнія различныхъ классовъ общества спѣшили высказаться; но, не находя себѣ полнаго исхода вслѣдствіе несовершенно сня-

той преграды, они пошли окольнымъ путемъ и преобразились въ уродливыя порожденія личной фантазіи, необузданной разсудкомъ. Вслѣдствіе этого все сжатое, сдавленное, за нѣсколько лѣтъ назадъ, всплыло наружу. Наконецъ, когда уже началось упомянутое нами движеніе, правительство не рѣшилось обнародовать продуктовъ тайной литературы, боясь дать поводъ къ соблазну единаго отъ малыхъ сихъ. Напрасныя опасенія: не дѣти произвели французскую революцію. Если же бы и произошелъ соблазнъ дѣтей, то подобныя преступленія могли быть обсужены тѣмъ же самымъ учрежденіемъ, которое опредѣляетъ извѣстныя наказанія за нарушеніе личныхъ, человѣческихъ правъ. Отсюда слѣдуетъ, что плоды предъидущей цензуры были не слишкомъ отрадны для нашего общества. До сихъ поръ, имѣя характеръ по преимуществу предупредительный, она не могла достигнуть своей основной цѣли. А между тѣмъ въ сущности далеко не вздорная мысль въ основаніи этой административной мѣры, но, не получивъ надлежащаго примѣненія и развитія, имѣла въ результатѣ одинъ отрицательный успѣхъ. Основная мысль учрежденія цензуры предупредительной опирается на слѣдующей истинѣ: лучше предупредить зло, нежели, давъ ему обнаружиться, покарать его проявленіе. Мысль справедливая и гуманная, но дѣло въ томъ, какъ понимать это зло и способы его предупрежденія. Мы видѣли выше, что то зло, которое имѣетъ въ виду цензура, не есть собственно зло, а скорѣе польза общества; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ дѣйствія цензуры являются чисто-на-чисто ретроградымъ движеніемъ. Но положимъ, что зло въ печати существуетъ, хоть въ смыслѣ соблазна неопытнаго юношества. Какъ предупредить его проявленіе? Будетъ ли это, напримѣръ, настоящимъ предупрежденіемъ зла, если мы голодному человѣку, бросающемуся на насъ съ ножемъ, свяжемъ руки, отнимемъ у него ножикъ и посадимъ, напримѣръ, въ отдѣльную комнату, а хлѣба не дадимъ? Мы помѣшали на время проявленію зла, это правда; но въ то же время мы нисколько не предупредили его въ смыслѣ уничтоженія. Мы обезпечили только свою личность, а никакъ не общество. Никто не поручится намъ, что этотъ же самый голодный человѣкъ, когда будутъ развязаны его руки и данъ снова ножикъ, не бросится на насъ же самихъ или на перваго попавшагося ему на встѣрчу. А вѣчно держать его въ заперти невозможно; это и негуманно и невыгодно. Не лучше

ли же накормить этого голоднаго человѣка и такимъ образомъ удовлетворить его существенной потребности, уничтожить нетолько внѣшнее проявленіе зла, но самую коренную его причину. Только тогда будемъ мы имѣть возможность сказать, что зло радикально предупреждено нами. То же самое можно отвести и къ системѣ предупредительной цензуры, которая своимъ внѣшнимъ запрещеніемъ вовсе не прекращаетъ зла, могущаго произойти во всякую минуту недосмотра. Предупреждать зло можно и должно не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ, сопоставляя взаимно однородныя силы и заставляя ихъ бороться между собою: мысль должна имѣть дѣло съ мыслью, а не съ тюрьмой и ссылкой. При всякомъ другомъ дѣйствіи зло не прекращено, а только замазано, прикрашено, подобно болѣзни, загнанной неискуснымъ врачемъ внутрь и каждую минуту грозящей обнаружиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея вовсе не ожидаютъ. И потому мы думаемъ, что самая лучшая предупредительная, административная мѣра, относительно зла печатнаго, есть немедленное дарованіе ему гласности; болѣзнь наружную лечить легче, чѣмъ внутреннюю. Не будемъ распространяться насчетъ невыгодныхъ для государства дѣйствій цензуры предупредительной; объ этомъ писано уже довольно; замѣтимъ только, что однимъ изъ отличительныхъ, дурныхъ свойствъ ея является безплодное раздраженіе умовъ, заставляющее оппозицію прибѣгать подъ часъ къ незаконному проявленію своихъ затираемыхъ правъ. Въ настоящее время въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ мысль о ней оставлена, какъ вполнѣ несовременная. Мы, повидимому, также находимся въ ожиданіи освобожденія отъ этого вида крѣпостнаго права, тяготѣвшаго надъ нашей литературой, точно такъ же, какъ недавно освободились отъ ига помѣщичьяго права. Одна блестящая, великолѣпная Франція составляетъ въ этомъ случаѣ теперь преимущественное исключеніе; но тамъ это понятно. Тамъ, гдѣ правительство опирается не на народномъ началѣ, а на внѣшней силѣ, гдѣ самодѣятельность общественной мысли подавлена фалангою полицейскихъ надсмотрщиковъ, гдѣ жизнь цѣлаго государства подведена на время подъ одну шлифованную, красивую поверхность могильной плиты; тамъ естественно должны существовать всевозможныя мѣры насильственныхъ предупрежденій, запрещеній, ограниченій. Деспотизмъ властвуетъ только надъ рабами, съ людьми свободными ему не справиться. Но повторяемъ: по-

добная власть есть жилище, построенное на скатѣ вулкана. Слава Богу! мы живемъ подъ другими условіями.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о карательной системѣ цензуры, которая, не знаемъ, привьется-ли всецѣло къ намъ изъ современной Франціи, или будетъ самостоятельнымъ продуктомъ русской жизни. Цѣль ея, какъ мы уже выше сказали, есть преслѣдованіе преступленій, совершенныхъ уже путемъ печатнаго слова. Собственно говоря, эта система есть не что иное, какъ кодексъ правилъ, опредѣляющихъ различные роды печатныхъ проступковъ и преступленій, и списокъ различныхъ видовъ наказаній, примѣняемыхъ правительствомъ къ нарушителямъ изданныхъ имъ правилъ. По нашему цензурному уставу и по «временнымъ правиламъ», изданнымъ для руководства до приведенія къ окончанію трудовъ коммисіи по дѣламъ книгопечатанія, нельзя опредѣлить съ точностью, въ чемъ именно заключаются преступленія печатнаго слова, точно такъ же, какъ нельзя ихъ вполнѣ опредѣлить по правиламъ французской цензуры, ни всякой другой. Дѣло въ томъ, что ихъ можетъ-быть и очень мало и въ то-же время очень много; потому и самый кодексъ правилъ можетъ быть написанъ на двухъ страницахъ и можетъ состоять изъ нѣсколькихъ томовъ. Какъ подвести подъ общія опредѣленныя правила ту силу человѣческой мысли, которая ни на одну минуту не остается неподвижною, которая, какъ Протей, при каждомъ новомъ движеніи, мѣняетъ свой цвѣтъ и форму; какъ наконецъ, возможно учредить правильный человѣческій контроль надъ тѣмъ, что по существу своему составляетъ частицу вѣчно творящаго духа. Мысли наши судитъ Богъ, говоритъ наша народная мудрость. А мыслить и не говорить значитъ тоже, что не мыслить. Потому, какъ-бы добросовѣстно, подробно, умѣренно, или строго ни были составлены правила, опредѣляющія преступленія печатнаго слова, они не достигнутъ цѣли, потому-что не могутъ обнять мысли въ полномъ ея составѣ. Относительное значеніе всѣхъ истинъ, существующихъ на свѣтѣ, какъ нельзя болѣе оказывается на измѣнчивыхъ свойствахъ человѣческой мысли. И какъ нѣтъ листа на деревѣ, совершенно сходнаго съ другимъ, такъ на свѣтѣ нѣтъ мысли, которая была-бы вполнѣ тожественна другой подобной. Слѣдовательно, если нельзя доставить точныхъ законовъ, всецѣло обнимающихъ необъятное значеніе человѣческой мысли, то самый приговоръ о преступле-

ніяхъ печатнаго слова будетъ всегда зависѣть отъ извѣстной точки зрѣнія судей и всегда будетъ давать различные результаты. Сохранить надлежащую справедливость и равновѣсіе, посреди такихъ постоянныхъ колебаній мысли, есть дѣло, превышающее человѣческую мудрость. Но какъ-бы ни было, люди, при существующемъ неравенствѣ своихъ природныхъ способностей, нашли необходимымъ при составленіи общества установить нѣкоторыя внѣшнія правила общежитія, получившія названіе гражданскихъ законовъ. Цѣль этихъ правилъ—стремленіе уяснить себѣ тотъ внутренній законъ совѣсти, управляющій дѣйствіями человѣчества, точно такъ же, какъ грамматика имѣетъ цѣлью—уяснить тѣ законы логики, по которымъ производится процессъ мышленія. Количество и характеръ этихъ внѣшнихъ правилъ всегда находятся въ зависимости отъ степени образованности того народа, у котораго они проявляются. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ этихъ правилъ меньше и тѣмъ меньше представляютъ они стѣсненій для свободы человѣческихъ дѣйствій. И какъ грамматика ненужна взрослому человѣку, такъ и внѣшнія правила нравственности ненужны тому обществу, которому, подъ вліяніемъ образованности, понятенъ сталъ внутренній голосъ совѣсти, опредѣляющій его разумную свободу. Достигнетъ-ли человѣчество подобнаго совершенства, это вопросъ другой; но несомнѣнно то, что оно движется именно по этому направленію: постепенное упрощеніе администравныхъ мѣръ, уничтоженіе формализма, смягченіе наказаній за преступленія, замѣчаемыя нами въ жизни европейскихъ государствъ, служатъ очевиднымъ доказательствомъ этой истины. Сказанное нами теперь мы можемъ примѣнить и къ учрежденію цензурныхъ правилъ. Какъ грамматика, они могутъ служить обществу временнымъ руководствомъ къ познанію того логическаго закона, который лежитъ въ основаніи общественнаго мнѣнія; но они ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть претензіи на созданіе собственныхъ отдѣльныхъ законовъ мышленія. Во всякомъ случаѣ, какъ всякое законодательство, они должны быть составлены тѣмъ-же самымъ обществомъ, для котораго служатъ руководствомъ, и притомъ добровольно; иначе, какъ книга, написанная непонятнымъ языкомъ, они не могутъ принести никакой пользы и самый процессъ ученія (мы употребляемъ это выраженіе въ отношеніи къ народному развитію только сравнительно, какъ подобіе, а не дѣйствительность),

какъ насильственный, не достигнетъ надлежащей цѣли. И мы думаемъ, что нечего много распространяться насчетъ вопроса о томъ, каковы будутъ у насъ эти правила: мы вѣримъ въ то, что если у насъ въ настоящее время есть общественное мнѣніе (въ народномъ смыслѣ слова), то оно неизбѣжно, непреложно ляжетъ въ основаніе этихъ видоизмѣняемыхъ правилъ; если нѣтъ, то они будутъ выраженіемъ мнѣній той части общества, на сторонѣ которой находится перевѣсъ. Это общее правило—вопли отдѣльныхъ личностей не помогутъ дѣлу, окончательное рѣшеніе котораго принадлежитъ народу. То же можно сказать и о мѣрахъ наказанія, долженствующихъ постигнуть возможныхъ нарушителей составленныхъ обществомъ правилъ для печатнаго слова. Замѣтимъ только, что сообразно современному всеобщему въ цивилизованныхъ странахъ смягченію казней за общественныя преступленія они должны потерять характеръ средневѣковой жестокости. Но какъ-бы то ни было, если изъ двухъ различно невыгодныхъ видовъ цензуры выбирать лучшій, то преимущество все-таки останется на сторонѣ цензуры карательной.

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что ни предупредительная, ни карательная системы цензуры не есть выраженія гуманной, общечеловѣческой истины, требующей ненарушимости свободныхъ правъ мысли и слова. Тѣмъ болѣе уклоненій въ сторону отъ прямаго пути прогресса представляетъ смѣшанная система цензурнаго управленія (такая существуетъ теперь во Франціи), въ которой оба вида цензуры соединены и систематически направлены къ тому, чтобъ пересадить здоровую, пахучую мысль народа изъ ея природной почвы на искуственный черноземъ великолѣпной, но узкой теплицы. Напрасныя усилія! искуственность не замѣнитъ природы!..

Что-же, спросятъ насъ, послѣ этого вы желали-ли-бы, чтобъ у насъ такъ-таки сейчасъ и явилась полная свобода печати, чтобъ результаты коммисіи по дѣламъ книгопечатанія были таковы, что каждый могъ-бы говорить прямо, такъ, какъ онъ думаетъ, и думать такъ, какъ говоритъ!... Почему-же-бы и не такъ, отвѣчаемъ мы. Если здравомыслящихъ людей не можетъ испугать мысль о женитьбѣ, такъ напримѣръ, какъ она пугала гоголевскаго Подколесина; то почему-же думать, что правительство испугается вступить въ законный любовный союзъ съ свободною мыслью народа, при которомъ только и могутъ родиться и прочная сила

и прочная слава государства. Вѣдь не испугалось-же правительство освободить народъ отъ крѣпостнаго права, не смотря на то, что въ предъидущей исторіи Россіи не было подобнаго примѣра, что по мнѣнію помѣщиковъ народъ не *созрѣлъ* для того, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ; почему-же не совершить ему этого великаго подвига въ отношеніи къ нашей *незрѣлой* (по мнѣнію литературной партіи помѣщиковъ) литературѣ. И если она дѣйствительно незрѣлая, то только освобожденіе ея отъ цензурнаго ига дастъ ей надлежащія средства къ своему правильному развитію; точно такъ же, какъ умственное и нравственное образованіе простаго народа могло начаться только съ прекращеніемъ крѣпостнаго права. Люди несвободные никогда не могутъ быть вполнѣ образованными и умѣренными. Но, говоря объ идеалѣ будущности русскаго печатнаго слова, мы не упустили изъ виду и того обстоятельства, что всякая радикальная реформа совершается постепенно, и что можетъ-быть намъ придется пережить какое-нибудь переходное состояніе. Желательно, чтобъ оно было сколько возможно короче и проще. Но существенная сторона вопроса заключается не въ томъ, чтобъ извѣстный фактъ былъ немедленно осуществленъ во всѣхъ его мелочахъ и подробностяхъ, а въ томъ, чтобъ идея этого факта была признана за истину, чтобъ при условіи признанія законныхъ правъ человѣческой мысли открылась возможность обсудить надлежащимъ образомъ тѣ мѣры, которыми можетъ быть общественное печатное слово доведено до полной, абсолютной свободы. Вотъ почему въ настоящее время, если у насъ введется одна карательная система цензуры, то этимъ самымъ со стороны правительства произойдетъ фактъ признанія за мыслью ея законнаго права появляться на свѣтъ именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ головѣ автора.

Въ ожиданіи этого времени, выскажемъ наше мнѣніе относительно того, въ какомъ видѣ можетъ быть принята у насъ карательная система. Дѣломъ первой существенной необходимости является составленіе болѣе точныхъ и опредѣленныхъ правилъ цензуры, нежели какія существовали у насъ до сихъ поръ. Всякій законъ, конечно, можетъ служить предметомъ ложныхъ толкованій и взглядовъ, но необходимо, чтобъ онъ по возможности ясно и рельефно обрисовывалъ то явленіе, противъ котораго направлено его дѣйствіе. Затѣмъ необходимо, чтобъ эти правила, будучи закономъ для общественной литературной дѣятельности,

пользовалась непремѣнно своимъ законнымъ правомъ неизмѣняемости впродолженіи извѣстнаго періода времени, въ которое можетъ сказаться его состоятельность, или невыгода. Исходя изъ той мысли, что незнаніемъ закона, если только онъ былъ надлежащимъ образомъ обнародованъ обществу, никто изъ гражданъ не можетъ отговариваться, мы желали-бы, чтобъ всѣ перемѣны цензурныхъ правилъ, какъ-то отмѣна, ограниченіе, прибавленіе совершались явнымъ, а не тайнымъ образомъ. Намъ кажется, что только при соблюденіи этого условія самое преслѣдованіе преступленій можетъ-быть названо сколько-нибудь законнымъ. Затѣмъ представляется вопросъ объ отвѣтственныхъ предъ правительствомъ лицахъ и о литературныхъ судьяхъ. Настоящимъ отвѣтственнымъ лицомъ, по нашему мнѣнію, является одинъ авторъ статьи и редакторъ, пропустившій ее въ своемъ журналѣ. Впутывать въ это дѣло типографщиковъ и книгопродавцевъ (какъ это существуетъ во Франціи) значитъ стѣснять народную промышленность и тѣмъ самымъ задерживать естественный ходъ цивилизаціи. Мы не развиваемъ нашихъ мыслей, ставя просто отвѣты на упомянутые вопросы, потому-что въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы слово въ слово повторять то, что́ высказано уже въ нашей литературѣ рядомъ статей о цензурѣ.

Судьями по теоріи могутъ быть исключительно люди, непринадлежащіе ни къ какой литературной или какой-либо другой партіи. Но такъ-какъ это на практикѣ едва-ли возможно, то намъ представляется въ неизбѣжной связи съ карательной цензурой гласное судопроизводство. Судъ присяжныхъ, хотя не вполнѣ удовлетворяетъ цѣли, тѣмъ не менѣе онъ все-таки можетъ вести ближе къ истинѣ, нежели закрытое рѣшеніе дѣла однимъ лицомъ, или людьми, исключительно избранными для этого правительствомъ. Но во всякомъ случаѣ мы не видимъ причины отдѣлять суда цензурнаго отъ обыкновеннаго суда общественныхъ преступленій. Въ сущности, слово и дѣло не что иное, какъ два различныхъ проявленія одной и той-же идеи; вся разница здѣсь только въ степени вмѣняемости, какую приписываютъ люди тому или другому факту. Притомъ литература не есть что-нибудь отдѣльное, особенное отъ общественной жизни, она есть непосредственный, живой продуктъ той-же народной силы, которая создала администрацію, торговлю, промышленность. Что-же касается до наказаній за литературныя преступленія, то, по нашему мнѣнію, ни

одна изъ мѣръ, существующихъ въ настоящее время во Франціи, не можетъ быть примѣнена къ намъ съ пользою, какъ потому, что всѣ онѣ противорѣчатъ общему началу гуманизма, такъ и потому, что несообразны съ требованіями нашей національности. Въ наиболѣе невыгодномъ свѣтѣ представляются намъ литературные залоги и право цензуры прекращать изданіе на извѣстное время. Подобная мѣра есть лучшее средство привести литературу въ то мертвенное, усыпленное положеніе, въ какомъ она не можетъ принести ни одного здороваго плода. Увеличеніе числа бѣдныхъ въ матеріальномъ отношеніи едва-ли можетъ быть когда-либо полезно для какой либо страны, а тѣмъ болѣе въ настоящее время для Россіи, въ которой капиталы молодыхъ талантовъ и матеріальныхъ общественныхъ средствъ къ жизни еще такъ недавно начали обращаться въ обществѣ. Заставлять бѣднаго человѣка (а литераторы въ большинствѣ случаевъ не богатые люди) заплатить за плоды своихъ умственныхъ трудовъ цѣною своего состоянія не значить-ли помимо запрещенія нравственной пищи лишить его насущнаго куска хлѣба, имъ же самимъ пріобрѣтеннаго. Понятно, подъ какимъ вліяніемъ обстоятельствъ эта мѣра принялась во Франціи; неужели-же она до конца вѣковъ будетъ, какъ бѣльмо на глазу, уродовать нашу русскую жизнь. Наше искреннее желаніе заключается въ томъ, чтобъ коммисія по дѣламъ книгопечатанія посмотрѣла на это существенной важности дѣло не съ европейской, а съ русской точки зрѣнія. Мы думаемъ, что никакая гарантія не нужна тому правительству, во власти котораго всегда находится каждый преступившій его законы, которому оно, сообразно мѣстнымъ условіямъ государственной жизни всегда можетъ назначить наказаніе болѣе гуманное и вѣрнѣе ведущее къ основной цѣли—сбереженію общественнаго спокойствія.

Мы окончили наши замѣтки о цензурѣ и остановились въ недоумѣніи при слѣдующемъ вопросѣ: будетъ-ли статья наша, на основаніи ея недостатковъ и можетъ быть частныхъ ошибокъ, напечатана въ томъ видѣ, въ какомъ мы сдаемъ ее въ цензуру. Можетъ быть въ это переходное время нашей литературы, на основаніи прошедшаго взгляда, высказанныя въ ней мысли покажутся либеральными и несоотвѣтствующими современному положенію дѣлъ. Желательно, чтобъ это не было такъ. Составляя статью нашу, мы гнались не за моднымъ либерализмомъ, не за желаніемъ щелкнуть фразою, или, подобно Бобчинскому, заявить

только свое имя—мы высказали прямо наши крайнія и спокойныя воззрѣнія на цензуру. Поводомъ къ этому послужилъ призывъ самого правительства, пригласившаго литературу къ участію въ дѣлѣ преобразованія цензурныхъ постановленій. Не позволить говорить свободно въ подобномъ случаѣ значило-бы посмѣяться надъ своимъ же собственнымъ позволеніемъ. Но мы никогда не допустимъ возможности подобныхъ дѣйствій со стороны русскаго правительства.

5.

Русское разномысліе.

Въ нашей журналистикѣ любятъ иногда разсуждать о направленіи русскихъ журналовъ. Недавно снова коснулись этого вопроса, и въ одной статьѣ, въ весьма систематическомъ изложеніи, были даже указаны и разнообразныя направленія, существующія въ нашей журналистикѣ. Оказывается, что у насъ есть теоретики, англичане, славянофилы, представители чего-то смѣшаннаго, неяснагѣ, смутнаго и, наконецъ, люди самаго вѣрнаго, истиннаго направленія. Послѣднихъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень немного. Оттого-то они и цвѣтъ русской мысли, русской мудрости; никто лучше ихъ не знаетъ, что нужно Россіи и русскимъ, куда идетъ Россія и куда она придетъ. Если въ Россіи существуютъ подобные мыслители, то это слѣдуетъ приписать особому счастливому устройству русскихъ головъ. Легко могло бы быть, что при множествѣ направленій всѣ они направлялись бы не туда, всѣ бы ошибались. Но случилось иначе, и среди людей, неспособныхъ видѣть вѣрно, нашлись и такіе, которымъ смотрѣть вдаль и судить правильно о дѣлахъ міра не значитъ ничего.

Но отчего же въ нашей литературѣ не одно, а нѣсколько направленій? Разумѣется, оттого, что существуютъ люди разнаго образа мыслей. А отчего же существуютъ люди разнаго образа мыслей и почему, если есть разномысліе въ людяхъ, должно существовать разномысліе и въ литературѣ? Что такое журналистика! Стоитъ она независимо отъ страны, въ которой живетъ, или, напротивъ, въ журналистикѣ именно и выражается умственная жизнь страны? Разумѣется, въ ней выражается умственная

дѣятельность страны. Если бы въ журналистикѣ выражались не тѣ мысли, которыя живутъ въ народѣ, или могутъ быть имъ приняты, то и журналистика не могла бы существовать. Къ кому бы она обращалась? Кто бы ее слушалъ? Значитъ, въ литературѣ и въ журналистикѣ выражается умственное движеніе страны и заявляются тѣ желанія и стремленія, какія существуютъ въ народѣ. Такое пониманіе значенія журналистики есть чисто теоретическое. Въ русской практикѣ дѣло существуетъ нѣсколько иначе. Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право кончилось, въ Россіи явилось много стремленій и желаній, которыхъ или вовсе не было прежде, или которыя прежде чувствовались и понимались весьма неясно. Иначе сказать, нашъ умственный горизонтъ разширился, потому что люди стали понимать и чувствовать лучше, что̀ имъ нужно и что̀ имъ полезно; они даже стали понимать, что̀ имъ нужно сдѣлать, чтобы имъ стало лучше. Но еще мало, что явилось много желаній и стремленій. Желанія могутъ быть весьма разнообразныя; существуетъ, вѣроятно, еще много людей, которымъ бы не хотѣлось разстаться съ крѣпостнымъ правомъ. Неужели для всѣхъ этихъ желаній, для заявленія всякихъ стремленій должны существовать въ журналистикѣ особые органы? Если читатель допускаетъ свободу мысли, то отчего же и не существовать—лишь бы нашелся въ каждой такой партіи человѣкъ, способный писать. При возможности заявленія своихъ мыслей и желаній только журнальнымъ путемъ, иначе и не должно быть. И отчего бы человѣку, убѣжденному, что онъ думаетъ правильно и желаетъ хорошаго, не высказать своихъ мыслей публично? Тамъ, гдѣ есть возможность высказывать свои мысли въ народныхъ собраніяхъ, съ трибуны, можно, пожалуй, и обойтись безъ печатанія всякой мелочи. Человѣку, наговорившему вздору, тутъ же докажутъ, что онъ говоритъ вздоръ, и дѣло кончается скоро. Но гдѣ подобный порядокъ невозможенъ; гдѣ всякая мысль можетъ быть заявляема только печатно,—отчего же и не печатать всего, отчего каждому отдѣльному направленію не имѣть своего журнала для людей своей партіи? А между тѣмъ этого у насъ не существуетъ, и не для всякаго отдѣльнаго сорта мыслей или желаній есть у насъ свой органъ. Напримѣръ, хоть бы въ защиту крѣпостнаго права, или тѣхъ идей, изъ которыхъ выросло оно и которыя близко къ нему подходятъ. А отчего не существуетъ такого органа? Отчего статья, написанная въ защиту

всякаго сорта насилія, не будетъ принята ни въ одинъ журналъ? Что это—журнальный деспотизмъ? Нѣтъ, не деспотизмъ, а честность, доказывающая, что не всѣ стремленія и желанія, живущія въ странѣ, признаются журналистикой справедливыми и что между людьми извѣстной страны и ея журналистикой можетъ существовать разномысліе. Но какой же мѣркой владѣетъ журналистика, чтобы опредѣлять, что́ ей печатать можно, и чего нельзя? Въ вопросахъ общественной нравственности и вообще въ вопросахъ крупнаго порядка, рѣшить дѣло нетрудно. Человѣкъ, воображающій себя бариномъ и на этомъ основаніи позволяющій себѣ бить простолюдина, не будетъ никѣмъ оправданъ, и статья, написанная въ его защиту, ужъ разумѣется не будетъ нигдѣ напечатана, какъ и всякая статья въ защиту оскорбленія человѣческаго достоинства. Точно также не примется статья противъ образованія, грамотности, всякаго сорта воровства и мошенничества, какимъ бы именемъ оно ни называлось и въ какой бы формѣ ни выражалось. О всѣхъ этихъ дѣлахъ между людьми, считающими себя передовыми, понятія уже установились и ни одинъ изъ журналистовъ не скажетъ, что драться и воровать—дѣло похвальное. Но есть вещи болѣе тонкія, когда люди не только не дерутся, не ругаются и не воруютъ, а напротивъ выражаютъ стремленія и желанія самыя возвышенныя, хотятъ говорить во имя блага своей страны, хотятъ устроить для нея счастіе, упрочить благосостояніе. Что можетъ быть благороднѣе этого? А на этомъ-то именно пути люди и встрѣчаютъ болѣе всего возраженій и противорѣчій. Каждый журналъ, думая, что только онъ одинъ понимаетъ вещи правильно и смотритъ на дѣло вѣрно, стоитъ за свое направленіе. Статья можетъ быть написана въ цѣляхъ самаго высокаго патріотизма и любви къ ближнему, а ее все-таки не примутъ въ журналъ, потому что журналъ держится другаго направленія. Направленіе журнала—это самая ужасная вещь, которую выдумала Россія послѣ сдачи Севастополя. Теперь каждому человѣку пишущему, или даже просто говорящему, и говорящему только вздоръ, нужно имѣть непремѣнно направленіе. Это его ароматъ, это признакъ самостоятельности, глубины убѣжденій и человѣческаго достоинства. Однимъ словомъ: ни одному русскому журналу и русскому человѣку невозможно быть нынче безъ направленія. Но что значитъ направленіе, гдѣ его взять и какимъ аршиномъ мѣрить, чтобы

узнать, есть ли въ статьѣ направленіе? какое оно—хорошее или дурное? много ли его или мало? Какъ изворачиваются въ этомъ случаѣ журналисты? Къ счастью литераторовъ, никакого аршина до сихъ поръ еще не придумала наша журналистика, и если бы не открытіе г. Кокорева, разумѣется ей пришлось бы плохо. Глазомѣръ — новый измѣритель, придуманный г. Кокоревымъ— спасъ нашу журналистику. Для опредѣленія направленія не существуетъ никакихъ точныхъ указаній и математическихъ инструментовъ,—все дѣлается на глазомѣръ. Глазомѣръ—это единственный масштабъ, которымъ опредѣляется качество и размѣръ направленія. Вотъ и причина, почему при плохомъ глазомѣрѣ, или при мельканьи въ глазахъ, дѣлаются иногда ошибки въ помѣщеніи въ журналахъ статей, и почему въ одной и той же книжкѣ журнала могутъ встрѣтиться статьи разныхъ направленій и даже вовсе безъ направленія. Вся вина въ глазомѣрѣ, который можетъ мѣняться отъ разныхъ причинъ. Зависимость глазомѣра отъ личныхъ свойствъ каждаго человѣка и отъ качества зрѣнія объясняетъ вполнѣ достаточно, почему на одно и то же направленіе можно смотрѣть разно. Въ этомъ же заключается и причина, почему люди близорукіе, т. е. тѣ, кто уставляетъ глаза непосредственно въ предметъ, меньше всего ошибаются въ направленіи; а больше всѣхъ дѣлаютъ промахи тѣ, кто смотритъ на русское дѣло издали, въ томъ родѣ, какъ разсматриваютъ декораціонную живопись. Причина ошибки весьма понятна; нельзя разсмотрѣть хорошо предмета: грубое кажется мягкимъ и скверно намазанная рожа идетъ за лицо. При близорукомъ взглядѣ на дѣло такія ошибки невозможны. Чтобъ наши слова не показались слишкомъ неясными читателю, мы для поясненія ихъ сдѣлаемъ отступленіе. Въ той журнальной статьѣ, о которой мы говорили вначалѣ, при перечисленіи направленій было упомянуто объ одномъ, названномъ тамъ теоретическимъ. Это направленіе было похвалено, какъ честное, сильное и вполнѣ современное; но сдѣлано одно замѣчаніе, что оно слишкомъ узко и не можетъ продержаться долго, потому что явилась уже кучка людей, умѣющихъ смотрѣть на вещи гораздо вѣрнѣе. Узкимъ это направленіе названо потому, что оно не обхватываетъ всѣхъ вопросовъ жизни въ совокупности, а бьетъ въ ближайшую цѣль и оттого находитъ себѣ сочувствіе въ большинствѣ, вообще неспособномъ понимать возвышенныя мысли и слишкомъ отдален-

ныя стремленія. На основаніи такого мнѣнія, слѣдуетъ заключить, что это узкое направленіе и есть именно то, которое нужно большинству, потому что оно и не нашло бы себѣ сочувствія въ большинствѣ. А какъ большинство и есть именно та цифра, которой опредѣляется справедливость требованій и нужды людей, то очевидно, что направленіе, удовлетворяющее ему, и будетъ самымъ вѣрнымъ. Если такое направленіе, какъ удовлетворяющее большинству, и не умѣетъ понимать возвышенныхъ мыслей и слишкомъ отдаленныхъ стремленій, если оно занимается болѣе насущными потребностями и касается вопросовъ ясныхъ и точныхъ, вмѣсто того, чтобы разсуждать на голодный желудокъ о предметахъ возвышенныхъ и стремиться въ даль, никому неизвѣстную,—въ этомъ не только нѣтъ никакой бѣды, а напротивъ именно и заключается сила направленія. Вотъ почему оно и понятно, вотъ почему на его сторонѣ большинство. Очевидно, что оно вышло сильнымъ, потому что оно узко, потому что близко смотритъ на жизнь.

Но что же значитъ направленіе? Какъ узнать, есть ли у человѣка или у журнала направленіе, или нѣтъ его! Читатель понимаетъ очень хорошо, что можно имѣть направленіе во всемъ— и въ физикѣ, и въ химіи, и въ географіи. Но мы говоримъ здѣсь не объ этомъ направленіи, потому что говоримъ не о спеціальныхъ журналахъ и о сельскомъ хозяйствѣ, а о журналахъ, занимающихся разработкой общественныхъ вопросовъ. Въ дѣлахъ, касающихся общественныхъ вопросовъ, направленіемъ называется твердое убѣжденіе въ томъ, что нужно для благосостоянія людей въ данный моментъ, знаніе тѣхъ средствъ, которыми лучше всего и скорѣе можно достигнуть данной цѣли, и употребленіе всѣхъ своихъ силъ, чтобы провести въ жизнь то, что человѣкъ признаетъ справедливымъ, полезнымъ и необходимымъ. Понятно, что направленіе можетъ быть благороднымъ, когда человѣкъ стремится устроить благоденствіе для большинства, и не болтаетъ только объ этомъ, не имѣя твердыхъ убѣжденій, а готовъ для проведенія своихъ убѣжденій въ жизнь на всякую жертву и на всякое дѣло. Такіе люди называются честными, людьми честныхъ убѣжденій и общественными дѣятелями. Но есть люди, повидимому честныхъ убѣжденій, умѣющіе говорить объ общемъ благосостояніи весьма краснорѣчиво; но противорѣчащіе себѣ въ жизни, т. е. дѣлающіе не то, что они говорятъ. Такіе люди могутъ быть

и дѣйствительно честны, но они или трусы, или флюгера. Трусы,—если при прочности и честности убѣжденій, они истощаютъ весь свой жаръ въ своихъ статьяхъ и разговорахъ и неспособны на дѣло изъ боязни. Флюгера,—когда при добромъ сердцѣ и способности сочувствовать всему благородному, они мѣняютъ свои мысли и не могутъ остановиться прочно ни на какомъ убѣжденіи. У такихъ людей всегда много и трусости. О людяхъ нечестнаго направленія едва ли и стоитъ говорить. Это такіе господа, для которыхъ личное своекорыстіе стоитъ на первомъ планѣ. Они не понимаютъ своей пользы въ связи съ пользой большинства. Они готовы защищать и крѣпостное право, и насиліе, и даже грабежъ, если лично для нихъ это выгодно. Такіе люди никогда не бываютъ умными, хотя по ошибкѣ многихъ изъ нихъ и считаютъ умными. Подобная ошибка происходитъ оттого, что нечестные люди умѣютъ дѣлать весьма послѣдовательные выводы изъ частныхъ оснований. Напримѣръ, такой человѣкъ будетъ судить логически объ извѣстномъ ему крѣпостномъ бытѣ и на основаніи его построитъ даже цѣлую теорію управленія, учрежденій, отношеній людей между собой и т. д.; но онъ не въ состояніи понять, что его точка отправленія невѣрна и что некрѣпостныя отношенія прочнѣе и выгоднѣе для общества. Люди этого сорта умны только относительно. Ихъ мозгъ, закоснѣвшій въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ, уже неспособенъ принимать другихъ впечатлѣній и работаетъ хорошо только въ предѣлахъ своихъ прежнихъ убѣжденій. Очутившись среди другихъ искривленныхъ (?) ему впечатлѣній, онъ становится костью и ужъ, разумѣется, не можетъ работать по новому; а какъ старое не нужно, а на новое мозгъ неспособенъ, то очевидно, что и владѣлецъ его не можетъ считаться человѣкомъ способнымъ или умнымъ. Уменъ только тотъ, кто уменъ для своего времени; а не тотъ, кто заднимъ умомъ крѣпокъ, или, не умѣя понять того, что у него передъ носомъ, что требуетъ немедленнаго разрѣшенія, кидается въ туманъ какихъ то отдаленныхъ вопросовъ и ищетъ въ эфирѣ небесъ чего то для него непонятнаго. Это дѣтскій міръ фантазій и волшебныхъ сказокъ, которымъ стыдно заниматься взрослымъ и разсудительнымъ людямъ, если они дѣйствительно взрослые и разсудительные, а не прикидываются таками.

Изъ этого понятно, что дѣйствительно умнымъ будетъ только

то направленіе, которое ближайшимъ путемъ идетъ противъ ближайшей коренной причины, мѣшающей общему благосостоянію. Это же направленіе будетъ и самымъ полезнымъ и самымъ сильнымъ, потому что оно опирается на массу и находитъ сочувствіе большинства. И вотъ почему оно и самое практическое, а не теоретическое, какъ назвалъ его критикъ. Разумѣется, и въ этой практикѣ не безъ теоріи, понимая подъ именемъ теоріи мечты о лучшемъ и стремленія къ нему; но кто же не знаетъ, что въ 1855 году, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ теорія, а въ 1856 году сталъ дѣлаться практикой, и стремленія къ уничтоженію откупной системы были долгое время сладкой мечтой, теоріей, а теперь это практика. Нельзя сказать, какое изъ подобныхъ стремленій теорія, и какое можно назвать исключительно практическимъ. Ужъ потому, что люди подобнаго «теоретическаго» направленія ратуютъ противъ ближайшихъ золъ и отрицаютъ то, что ни къ чему не служитъ, кромѣ продолженія старыхъ, несостоятельныхъ порядковъ, и противъ такъ называемыхъ коренныхъ и священныхъ принциповъ и убѣжденій, ведущихъ къ отупленію людей и продолженію ихъ нравственной и матеріальной неволи, что направленіе это прямо говоритъ людямъ: «бросьте эту дрянь, это старье, съ нимъ вы довольно ужъ натерпѣлись всякаго горя, соберите въ себѣ силу развязаться съ коренной причиной зла»,—ужъ по этому одному видно, что люди твердо знаютъ, чего они хотятъ и что они считаютъ спасительнымъ; а сочувствіе большинства показываетъ, что совѣту вѣрятъ и видятъ въ немъ дѣло, потому что совѣтъ хорошъ. Понятно, что такое направленіе будетъ истинное, вѣрное, практическое.

Но не тѣмъ характеромъ отличаются другія направленія,— направленія глазомѣрныя, туманныя. О русскихъ англичанахъ даже и не стоитъ говорить особенно. Дѣло ихъ уже проиграно, и за исключеніемъ немногихъ людей съ костянымъ мозгомъ, окаменѣвшимъ въ пониманіи Англіи и англійской жизни, никто не ищетъ спасенія въ англійскихъ учрежденіяхъ. Да и для чего намъ ихъ? У англичанъ и точка отправленія не та: Англія страна, покоренная Вильгельмомъ-завоевателемъ, а Россію никто не покорялъ. Отъ этого и всѣ вопросы Англіи, по отношенію къ ея королямъ, становятся тамъ особеннымъ образомъ, къ намъ неприменимымъ. Въ Англіи аристократическій элементъ сидитъ глу-

боко, въ немъ есть сила; на немъ сложились всѣ учрежденія и порядки Англіи. А чего мы то будемъ искать въ этихъ учрежденіяхъ? Или заняться ихъ переводомъ, чтобы никто не читалъ ихъ? Наконецъ, какъ повернуть мозги русскаго человѣка, чтобы онъ сталъ думать по англійски? Когда этого достигнешь? А главное—для чего, когда и свои мозги не лишились еще силы, еще работаютъ и ужъ, разумѣется, послужатъ для насъ лучше и честнѣе, чѣмъ мозги англичанъ? Наконецъ, съ какой стати англичанамъ думать и работать за насъ? Неужели ужъ мы совсѣмъ безпомощные и погибнемъ въ неустройствѣ безъ англичанъ? Нѣтъ, все это чистое умозрѣніе и признакъ гражданскаго безсилія. Только тотъ беретъ чужое, кто сознаетъ рѣшительно свою неспособность создать что нибудь самому. Правда, до сихъ поръ мы еще не заявили такой силы; но зачѣмъ же приходить въ отчаяніе и упадать духомъ? Наконецъ, пока мы будемъ переряжаться въ англичанъ и тратить на это время, кто знаетъ—можетъ быть и скажемъ русское слово?

Славянофилы это другой народъ. Это мечтатели по преимуществу. Имъ досадно, что явился Петръ, что онъ сломалъ будто бы русскую жизнь, намѣшалъ въ нее разныхъ постороннихъ элементовъ. Славянофилы хотятъ создать чистокровный русскій міръ, безъ всякой примѣси. Но возможно ли это? Гдѣ эта чистая кровь? Какъ найти и возстановить ее? Въ теченіе тысячи лѣтъ, что существуетъ Россія, не было ни одного момента въ ея исторической жизни, когда бы не происходила помѣсь и постоянная порча чистой русской крови. Пришли къ намъ сначала норманы и помѣшались съ нами кровью. Потомъ пришли татары. Потомъ вѣчное сосѣдство съ финнами да съ окружными славянами, да съ нѣмцами, которые изстари посѣщали Русь и селились въ ней; да съ греками послѣ принятія христіанства. Могъ ли при такихъ условіяхъ сохраниться русскій человѣкъ въ своей первобытной чистотѣ? Не могъ и не сохранился. Посмотрите, на кого, напримѣръ, похожъ русскій крестьянинъ петербургской губерніи? А вѣдь петровская реформа его не коснулась, онъ сохранился въ своей чистотѣ. А псковичъ, новгородецъ похожи другъ на друга и похожи они на петербуржца? Физіономіи совсѣмъ другія. Помѣсь крови шла большая: къ русской примѣшалась и польская, и малороссійская, и финская, и нѣмецкая, и греческая и татарская. Какъ бы ни была незначительна при-

мѣсь, но она все таки примѣсь. Какъ же найти-то теперь, чрезъ тысячу лѣтъ, чистую русскую кровь, или какъ выдѣлить изъ нея всякую примѣсь? Въ этомъ дѣлѣ химики, болѣе знающіе и геніальные, чѣмъ славянофилы, станутъ въ тупикъ и не съумѣютъ сдѣлать анализа, не съумѣютъ выдѣлать основное вещество въ его чистомъ видѣ. Не можетъ быть, славянофилы не хотятъ и не ищутъ химически чистой русской крови, имъ нуженъ чистый русскій духъ. И съ русскимъ духомъ случилась такая же бѣда. Сначала принесли своего духу норманы; потомъ принеслось много духу греческаго; потомъ пришли татары, а тамъ пошли нѣмцы. Въ чемъ и въ какой силѣ обнаруживалось духовное вліяніе всякихъ пришлецовъ и людей можно видѣть лучше всего изъ исторіи русскаго раскола и русской церкви. Новгородская область, находившаяся постоянно въ сношеніи съ своими протестантскими сосѣдями, почувствовала раньше всѣхъ наклонность къ толкованію св. писанія. Въ 1375 году явился уже въ ней Карпъ Стригольникъ. Чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти создалась секта жидовствующихъ. Въ XVII вѣкѣ была заведена въ Стокгольмѣ славянская типографія и въ ней напечатанъ лютеровъ катихизисъ. А переходъ къ христіанству—сконцы, христово согласіе, наполеоновщина? Наконецъ чистый раціонализмъ—молоканы, духоборцы? Гдѣ же тутъ искать чистый русскій духъ? Какъ отдѣлить русскую органическую самодѣятельность отъ всѣхъ постороннихъ вліяній? Въ этомъ случаѣ химія окажется еще безсильнѣе, чѣмъ съ очисткой русской крови; для очистки духа нужны другіе аппараты и не то знаніе, какимъ владѣли и владѣютъ химики—славянофилы. И къ чему такая очистка? Чтобы, опредѣливъ чистую русскую кровь и чистый русскій духъ, пустить ихъ на свободу для самостоятельнаго развитія? Люди недовольны всякими наслоеніями и посторонними вліяніями? Да развѣ жизнь, чья бы то ни была, возможна безъ постороннихъ вліяній? развѣ эти то именно вліянія и не составляютъ существо жизни? Гдѣ эта чистота возможна, когда рѣчь идетъ о людяхъ и человѣческихъ обществахъ? Представляетъ ли исторія хотя одинъ примѣръ безусловной національной чистоты духа и крови? Китайцы, кажется, очень хлопотали сохранить свою національную чистоту, но отъ манчжуръ и татаръ не спаслись. Такимъ образомъ стремленіе къ національной чистотѣ и къ органическому самостоятельному развитію вещь невозможная. Если мы восо-

бодимся отъ нѣмецкаго элемента, то какъ мы освободимся отъ элемента татарскаго и греческаго? А если бы посчастливилось избавиться и отъ нихъ, то какимъ реагентомъ опредѣлимъ норманское вліяніе и выдѣлимся изъ него? Да и что значитъ органическое развитіе? Развѣ неорганическое можетъ проникаться? Хоть бы маіоратство, или англійскія учрежденія, могутъ они къ намъ привиться? Нѣтъ. Ихъ оттолкнули, значитъ организмъ не принимаетъ. Очевидно, что весь вопросъ сводится не къ органичности или къ какой то чистотѣ крови и духа, а къ очисткѣ того, что не принадлежитъ къ народной жизни страны, навязывается народу силой, что раздваиваетъ нашу общественную жизнь и создавало народъ въ противоположность чему то другому, не народу. Иначе сказать, вмѣсто стремленія къ положительному, къ организаціи чего то никому непонятнаго, и къ возсозданію народности въ первобытной, никому неизвѣстной, даже самому народу, чистотѣ, нужно было идти путемъ того духа, который нельзя не признать отличительной чертой русской національности, сила котораго видна во все время исторической жизни Россіи, и чего въ такихъ большихъ размѣрахъ и съ такимъ упорнымъ постоянствомъ не представляетъ исторія ни одного западнаго государства. Эта черта русскаго народнаго духа есть отрицанье, по русски «нѣтовщина». До сихъ поръ русскій человѣкъ только отрицалъ. Принятіе христіанства было первымъ общенароднымъ отрицаньемъ; народъ отказался отъ старой вѣры легко, безъ борьбы, не придавая никакой цѣны своимъ старымъ преданіямъ. Легко заимствуя всѣ новыя религіозныя ученія, народъ отрицалъ опять и ихъ, и велъ свое отрицаніе даже много дальше, придавая ему и политическій характеръ. Вся петровская реформа— новое громадное отрицаніе. Сами славянофилы своимъ протестомъ противъ новыхъ началъ выразили полное отрицаніе. Но, отрицая новое, куда же шли они? Къ старому? Въ чемъ же основной элементъ стараго? Постройки и организаціи въ немъ нѣтъ; въ немъ только попытки къ чему то; въ немъ только стремленіе куда то; въ немъ видно только смутное желаніе чего то и неудовлетвореніе существующимъ. Это то недовольство, при чрезвычайной подвижности народнаго духа, прямо привело народъ къ отрицанью. Онъ не строитъ, да и не знаетъ, что ему строить; но онъ не удовлетворяется тѣмъ, что представляетъ жизнь; отрицаетъ то, чѣмъ владѣетъ; беретъ другое и съ нимъ кончаетъ

отрицаніемъ. Исторія не представляетъ примѣра другой подобной силы отрицанія, какую заявила Россія. Возвращаясь къ до-петровскому, славянофилы не могли остановиться на тѣхъ началахъ, которыя они нашли бы тамъ, если только имъ удалось бы найти что нибудь. Организаціи и положительнаго элемента тамъ было мало; но за то было чистое русское и громадное отрицаніе. А начавъ отрицаніемъ всего петровскаго и прійдя къ отрицанію до-петровскому, чего думали достигнуть славянофилы? Зачѣмъ идти въ глубь старины, въ туманъ чего то смутнаго, никому неизвѣстнаго, когда сила, которую бы они только и нашли тамъ, была у нихъ въ рукахъ и въ настоящій моментъ? Зачѣмъ напрасная трата времени и силъ; зачѣмъ отдаленный міръ фантазіи, когда живая, настоящая жизнь, та самая, въ средѣ которой мы вращаемся, даетъ пищу большую всѣмъ нашимъ нравственнымъ силамъ. Вы ищете отрицанья, у васъ есть сила для него—что же?—вотъ вамъ настоящее—отрицайте его!

Но не такъ смотрѣли славянофилы на дѣло, и въ этомъ ихъ ошибка и причина неудачи. Они шли въ разрѣзъ съ народнымъ духомъ, и народъ не принялъ ихъ и не нашли они сочувствія въ той странѣ, для которой хотѣли работать и счастіемъ которой дорожили.

По крайней мѣрѣ славянофилы были послѣдовательны. Полагая, что они созидаютъ, въ то время какъ въ сущности они только отрицали, славянофилы, вмѣстѣ съ сочиненнымъ ими народнымъ духомъ, одѣлись и въ русскій кафтанъ; пошли и къ отрицанью прогресса, чтобы современемъ придти къ отрицанью своего собственнаго ученія. Но расколъ славянофильства, или, вѣрнѣе, новая школа, вышедшая изъ этого ученія, не владѣла такой силой мысли и такой послѣдовательностію, какъ славянофилы. Новая школа кинулась въ электизмъ. Она чувствовала, что ходить въ зипунѣ и отрицать европейское знаніе, силу европейскаго прогресса, дающаго себя чувствовать во всю исторію Россіи, невозможно. И задумала новая школа примирить Россію съ западомъ. Русскіе эклектики не отказались ни отъ нѣмецкаго платья, ни отъ европейской науки, но они стали искать «русское слово» и собирательнаго русскаго человѣка въ видѣ «русской народности». Задача этихъ новыхъ Діогеновъ была очень трудна, потому что они и сами не знали, чего ищутъ. Да и въ чемъ они могли увидѣть русскую народность?

Въ томъ ли, что видитъ глазъ въ дурныхъ проселочныхъ дорогахъ, въ избѣ съ конькомъ, въ щахъ и кашѣ, или въ томъ, чего не увидишь глазомъ, что сидитъ въ душѣ русскаго человѣка, что бѣжитъ съ нимъ въ лѣса, что не поддается никакому оффиціальному розысканію и самому строгому слѣдствію? Но какъ увидѣть и уловить то, чего никто ни можетъ еще уловить, чего и самый народъ, котораго они разсматриваютъ и въ микроскопъ и въ телескопъ, не сознаетъ, не понимаетъ, не создалъ и не сказалъ? Какъ быть въ такомъ случаѣ? А между тѣмъ и отрицать народность невозможно. Нельзя сказать, что нѣтъ народности въ томъ, чтó успѣло сложиться громаднѣйшимъ государствомъ, чтó заявило свою живучесть и силу въ политическихъ переворотахъ и устояло, тогда какъ другія народности не вынесли ударовъ и болѣе слабыхъ. Очевидно, что сила есть. А если она есть, то она должна и выразиться въ извѣстной формѣ, сказаться извѣстнымъ словомъ. И пошли новые безплодные поиски за «русскимъ словомъ». Нетерпѣливые и горячіе люди, неумѣвшіе понять и незнавшіе, въ чемъ искать народности и народнаго духа, знали одно, что они въ прикосновеніи съ народомъ чувствуютъ, что имъ управляютъ другіе инстинкты; что его міросозерцаніе не подходитъ подъ европейскую мѣрку; что его юридическія понятія совсѣмъ несогласны съ юридической теоріей запада; что весь складъ ума у него другой; что нѣмецкая острота коробитъ русскаго человѣка, а французская шутка кажется ему глупостью, и онъ не понимаетъ ее. Люди чувствовали, что здѣсь все что то не такъ; а какъ оно быть должно—этого не могли прочесть ни въ самомъ народѣ, ни въ печатныхъ книжкахъ, потому что объ этомъ еще нигдѣ не напечатано. Отрицатели по натурѣ, недовольные тѣмъ, что имъ представляетъ жизнь, эклектики требовали и искали невозможнаго. Они видѣли и почву, видѣли и сѣмя, но никакъ не могли разобрать, что это льняное или еловое, что изъ него можетъ вырости. Видя только сѣмя, они требовали плода. И они погнались за «органическимъ» развитіемъ, какъ будто бы чье бы то ни было развитіе можетъ быть неорганическимъ; какъ будто бы человѣкъ въ своей странѣ можетъ развиться иначе, наперекоръ условіямъ, въ которыхъ онъ живетъ, наперекоръ своей натурѣ. О чисто кровномъ—русскомъ славянофиловъ—они не мечтали и даже не касались этого вопроса; но, разсуждая объ органическомъ раз-

*

витіи, они показывали, что не совсѣмъ то ясно понимаютъ то, о чемъ говорятъ. Въ этомъ случаѣ они такъ же ошибались, какъ и славянофилы, потому что никто изъ нихъ не могъ дать себѣ отчета, какой моментъ исторической жизни русскаго народа нужно признать основнымъ, и съ него ужъ пойти органическимъ путемъ, застраховавшись отъ всѣхъ постороннихъ вліяній. И хорошо люди дѣлали, что не давали себѣ отчета въ этомъ; трудъ вышелъ бы огромный, а толку никакого, потому что во всей русской исторіи не существуетъ такого момента. Ну, а если бы подобный моментъ и былъ найденъ, или, говоря проще, придуманъ, интересно знать, какъ бы повели эклектики органическое развитіе Россіи, какъ бы они застраховались отъ запада? Наконецъ, какъ бы они изгнали изъ Россіи науку, созданную не нами, а взятую отъ Европы и, слѣдовательно, у насъ неорганическую? Изгнать знаніе нельзя. Оно уже живетъ у насъ, пустило корни. Что же, нужно бы забыть все и начать снова работу своимъ умомъ? Но этого не хотятъ русскіе эклектики. Они не отрицаютъ науки, они отрицаютъ только «неорганическое» въ русской жизни; они хотятъ народности и сближенія съ народомъ, потому что только при сближеніи съ народомъ и можно открыть народность. И вотъ пошла мода на сближеніе. Всѣ заговорили о немъ и никто не разрѣшилъ вопроса: что же значитъ сближеніе, и какъ можно сблизиться съ народомъ? Славянофильское средство, т. е. зипунъ, очевидно не вело къ дѣлу; сближенія никакого не выходило, а другаго средства найдено не было. На этомъ и остановился вопросъ; всѣмъ захотѣлось сближенія, а какъ сблизиться и что значитъ сблизиться, никто еще не разрѣшилъ. И въ этомъ случаѣ ошибка произошла оттого же, отчего происходили и всѣ ошибки славянофиловъ и эклектиковъ: они не сознавали, выраженіемъ какой силы народнаго духа служили они сами. Идя путемъ отрицанія, они считали себя творцами чего то, организаторами, тогда какъ въ несознаваемомъ ими самими отрицаніи они ушли такъ далеко, что даже стали отрицать свою собственную народность. Они перестали считать себя народомъ и въ себѣ не искали ничего; а создавъ въ своемъ воображеніи народъ, какъ нѣчто отвлеченное, они искали въ немъ того, чего не признавали ни въ себѣ, ни въ окружающихъ ихъ людяхъ. Поставленные даже среди того, что они считали народомъ, они и тамъ не находили ничего и

понимали только, что это ни нѣмцы, ни французы, ни англичане. Чего же хотятъ эти люди? какая нужна имъ организація и что думаютъ они организовать и построить, когда до сихъ поръ они не нашли себѣ точки опоры, не чувствуютъ подъ ногами почвы? А все виной новое направленіе. И чѣмъ худо то, которое заявила Россія еще во времена Владиміра? Правда, ничего еще этимъ направленіемъ не выстроилось, не создалось никакихъ новыхъ формъ ни общежитія, ни въ государственномъ управленіи. Но что же дѣлать, если еще не создалось! И что же создастся въ томъ случаѣ, если мы будемъ выходить изъ себя, будемъ напрягать всѣ свои силы и способности, думать глубокую думу и все таки ничего не выдумаемъ? Зачѣмъ это напрасное напряженіе, только устанешь да заболѣешъ, а толку никакого не будетъ. Это все равно, что кто нибудь захочетъ, во что бы то ни стало, написать журнальную статью и сказать въ ней что нибудь новое, самъ не зная, что онъ хочетъ сказать. Ну и будетъ сидѣть, да думать, и все таки ничего не выдумаетъ. Проще или совсѣмъ ничего не писать, а читать въ это время написанное другими; или же, оставивъ, претензіи на самобытность направленія, держаться того направленія, какое существуетъ и находитъ сочувствіе большинства.

Слишкомъ убѣжденные въ своей правотѣ, примирители вообразили, что такъ называемые теоретики, т. е. люди того порядка (?), которые раньше всѣхъ поняли духъ народа и его силу отрицанія, будто бы эти люди не вѣрятъ ни во что святое, что у нихъ только смѣхъ, да отрицаніе; что они не вѣрятъ даже въ народность и въ возможность самостоятельнаго развитія народныхъ силъ. Это было больше ничего, какъ преувеличеніе и ошибка, въ родѣ той, какая случилась съ однимъ русскимъ полкомъ подъ Полтавой. У этого полка были мундиры того же цвѣта, какъ и у шведовъ, и русскіе, принявъ его за непріятеля, открыли по немъ огонь. Ошибка печальная отъ недоразумѣнья, а тѣмъ не менѣе все-таки (*не?*) хорошо не признавать своихъ. И наша современная журналистика страдаетъ тѣмъ же. Она не признаетъ своихъ и думаетъ простодушно, что русскій человѣкъ можетъ быть не русскимъ; что человѣкъ, живущій въ какомъ нибудь обществѣ, весь отдавшійся его интересамъ и живущій ими, можетъ быть равнодушенъ къ нимъ и смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто ему чуждое или враждебное.

Литература, разумѣется, служитъ выраженіемъ жизни и ужъ конечно нигдѣ такъ, какъ въ ней, не видна нелѣпость русскаго человѣка. А мы все хлопочемъ о новыхъ направленіяхъ, ищемъ несуществующаго и не хотимъ брать того, что уже есть, что именно и есть самое народное и самородно-русское. Не признавая этого, мы тратимся въ пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ спорахъ, думая простодушно, что эта борьба есть признакъ жизни. Жизнь точно есть и въ этомъ, но нѣтъ въ этой жизни силы. И дѣти тоже борятся и спорятъ, и жизни много въ ихъ спорахъ; но только изъ этихъ споровъ ничего не выходитъ. Но это дѣти. А какъ же не сходиться взрослымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они горячо проповѣдуютъ любовь къ своей странѣ и хлопочутъ водворить въ ней миръ и счастье. Изъ-за чего же споры? Или не всѣмъ нужна ѣда и спокойный сонъ; не всѣмъ нужно матеріальное благосостояніе? Не всѣмъ нужна правда и справедливость, и образованіе, и многое другое, что признается необходимымъ для довольства человѣка? Какіе тамъ еще законы духа человѣческаго, какое тамъ русское слово и всякіе воздушные замки въ русскомъ стилѣ, когда и стиль то еще не могъ выработаться, и не было ему возможности выработаться! Вотъ въ чемъ и наше несогласіе. Не въ томъ наше несогласіе, чтобы мы хотѣли разнаго; а въ томъ, что мы гоняемся за пустыми фразами и упускаемъ изъ виду дѣло. Метафизикъ, сидя въ ямѣ, тоже разсуждалъ, что такое веревка и искалъ міровыхъ законовъ; оттого-то онъ и до сихъ поръ сидитъ въ ямѣ. Но не въ русскомъ духѣ и дѣйствовалъ метафизикъ. Если бы онъ обладалъ русскимъ смысломъ, онъ выскочилъ бы сначала изъ ямы, и тамъ ужъ на свободѣ могъ бы приняться за изученіе народнаго духа и міровыхъ законовъ и всѣхъ отвлеченностей, какія его интересовали. Сидя за заборомъ, непрактично разсуждать о полѣ, которое лежитъ за нимъ, и о томъ, какъ мы расположимся и устроимся въ этомъ полѣ; сначала нужно выдти на свободу, перейти черезъ заборъ, или уничтожить его; а тамъ ужъ само поле покажетъ, какъ на немъ устроиться, или какой дорогой идти; въ началѣ же дѣла дорога для всѣхъ одна.

То, что шло у насъ за несогласіе въ принципахъ, выдавалось за направленіе и что такъ отстаивалось крѣпко каждымъ журналомъ и на что каждый журналъ готовъ былъ даже взять привилегію, какъ на собственное открытіе, въ сущности было отри-

цанье, но попадавшее въ разныя цѣли. Одни били въ препятствіе, которое стояло прямо предъ ихъ глазами, и не сбивши чего, невозможно идти дальше; а другіе или стрѣляли на воздухъ, или, не видя, что стоитъ противъ нихъ, и не зная, что нужно отрицать, создали врага въ своемъ воображеніи и совершенно напрасно тратились въ словопреніяхъ и разстрѣливали свои заряды, могшіе годиться для дѣла, болѣе полезнаго. Серьезнаго спора о дѣйствительномъ дѣлѣ и собственно о направленіи въ нашей публицистикѣ никогда не было. Бывали и бываютъ споры только о пустякахъ. Ну какое кому дѣло, былъ ли Рюрикъ нѣмецъ, или англичанинъ? Къ чему споры о томъ,—важенъ или неважен идеализмъ въ жизни русскаго простолюдина? Ну пусть будетъ Рюрикъ нѣмецъ, пусть русскій крестьянинъ идеалистъ, это рѣшительно все равно. Ни отъ того, ни отъ другаго рѣшенія спора, не прибавится ничего къ нашему благосостоянію, а только уйдетъ даромъ время. Вопросъ о народности и горячее желаніе выстроить что то свое—то же самое. Это въ своемъ родѣ стихи «къ лунѣ и» «къ ней», до которыхъ никому теперь нѣтъ дѣла. Какая нужна народность для того, чтобы въ судѣ жила правда, чтобы слабаго не обижали, чтобы честные люди могли высказывать открыто свои мнѣнія? Для всякой европейской народности насиліе—все насиліе, безсудіе—все безсудіе, будь это русскій, нѣмецъ, англичанинъ или турокъ. Самоуправленіе—тоже самое, и право на него не зависитъ отъ національности. Если еще и можетъ быть о чемъ споръ, такъ о фактической сторонѣ дѣла, т. е. о томъ, какими формальностями обстановить пріобрѣтенное право; но вѣдь это ужъ канцелярскій порядокъ, это окончательная работа. А ужъ будто бы мы такъ далеко договорились? Разумѣется, нѣтъ. И не смотря на то, все-таки споримъ, и каждое воображаемое направленіе считаетъ себя самымъ истиннымъ и самымъ практическимъ, не понимая самой простой вещи, что для всѣхъ насъ может существовать и дѣйствительно существуетъ только одно направленіе—отрицанье и отрицанье. Всѣ мы отрицатели, и больше ничего. Путемъ же отрицанья мы дойдемъ и до сближенія съ народомъ. Что значитъ сближеніе? Неужели тотъ маскарадъ, который придумали славянофилы? И что выйдетъ отъ того, если мы всѣ перерядимся въ смазные сапоги и въ полушубки? Этимъ средствомъ, пожалуй, можно сблизить между собой всѣ народы зем-

наго шара. Но насколько англичанинъ станетъ ближе къ намъ, надѣвъ русскую поддевку? Понятно, что сближеніе не въ костюмѣ, а въ уничтоженіи того, что создало разрозненность, что отдѣлило русскаго человѣка отъ русскаго человѣка и образовало изъ нихъ два лагеря. Сближеніе—значитъ уничтоженіе, отрицаніе; отрицаніе того, что разъединяетъ. И пока мы не пойдемъ этимъ путемъ, расколъ въ обществѣ будетъ все существовать. Нужно заложить щель досками, сравнять полъ, чтобы не существовало актеровъ и зрителей. Вотъ въ чемъ сближеніе. Кто умѣетъ смотрѣть вѣрно на отрицаніе—это единственное самобытное проявленіе русскаго духа и русской національности, тотъ найдетъ въ немъ громадную нравственную силу, разъѣдающую и созидающую въ одно время; а если нужно, то и матеріальную поддержку. Пусть все это теорія, какъ говоритъ одинъ критикъ; но въ этой единственно теоріи и есть практическая сила, необходимая для насъ теперь. Только ею одною намъ и суждено спастись.

5.

(*О цензурѣ*).

С.-Петербургъ.

Изъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ въ настоящее время нашей государственной администраціей, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ, конечно, вопросу о цензурѣ и книгопечатаніи, или прессѣ вообще. Можно надѣяться, что вопросъ этотъ, рано или поздно, будетъ разрѣшенъ у насъ удовлетворительно, ибо онъ обсуждается болѣе или менѣе гласно. Нѣкоторыя періодическія изданія наши уже высказали свои убѣжденія, какъ о существующихъ у насъ узаконеніяхъ и правилахъ касательно прессы, такъ и о тѣхъ узаконеніяхъ и правилахъ, которыми желательно было бы замѣнить существующія. Въ настоящей статьѣ, мы постараемся высказать и наши мнѣнія по этому предмету.

Читатели нашей газеты, конечно, хорошо знакомы съ ея настоящимъ направленіемъ. Они знаютъ, что она не офиціальная и не офиціозная газета и что это, конечно, не мѣшаетъ ей стараться и желать воздавать всѣмъ и каждому должное, т. е. и правительственнымъ, и частнымъ лицамъ. Полагая, что лучше всего служатъ отечеству, правительству и ближнимъ вообще тѣ, которыя служатъ имъ не кое-какъ, а во имя *правды* и *справедливости*, мы ставимъ въ основаніе всѣхъ нашихъ сужденій и выводовъ не симпатіи, не антипатіи, не болѣе или менѣе частные интересы, а только *правду*, голую *правду*. Вотъ почему, если мы и ошибаемся подъ-часъ, то ошибаемся, какъ честные люди и какъ органъ не враждебный и не дружескій, а *независимый* и *безпристрастный*. Внимательные читатели знаютъ, что мы *не угождаемъ*, никому, ни какому либо

большинству или меньшинству, ни какой либо силѣ. Мы служимъ, а не прислуживаемся.

Мы дѣйствуемъ такъ, а не иначе, между прочимъ, потому, чтобы рано или поздно пріобрѣсть для себя и для другихъ полное *право* на то, что мы ставимъ себѣ въ обязанность, которую и исполняемъ по мѣрѣ возможности, а именно—говорить всѣмъ и каждому правду. Только такимъ образомъ, думаемъ мы, можемъ мы принесть посильную пользу отечеству и сослужить ему честную службу; только такимъ образомъ пріобрѣтемъ мы довѣріе и правительственныхъ, и частныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ мелкіе, личные интересы не составляютъ всего въ жизни и въ мірѣ.

По всему этому, мы считаемъ долгомъ своимъ откровенно и категорически высказать наши убѣжденія и касательно вопроса о цензурѣ и книгопечатаніи вообще, или прессѣ.

Въ основаніи и этихъ убѣжденій нашихъ лежатъ требованія *правды* и *справедливости*, которыя, вездѣ и всегда, лучше всего остальнаго въ мірѣ соотвѣтствуютъ истиннымъ началамъ и условіямъ общаго благосостоянія, что подтверждается всѣми добытыми наукой истинами и всѣми судьбами человѣчества. Конечно, оно и должно быть такъ, ибо иначе нравственность, провидѣніе, правда и справедливость, законъ и законность—были бы только болѣе или менѣе случайными и превратными понятіями, пустыми звуками.

Чего же требуютъ, для прессы и отъ прессы, *правда* и *справедливость*? Онѣ требуютъ для нея и отъ нея *правды* и *справедливости*, т. е., чтобы она была *тѣмъ*, *чѣмъ* она должна и можетъ быть; онѣ требуютъ, *чтобы она* точно исполняла всѣ свои обязанности; для нея же онѣ требуютъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыя можетъ и должна она имѣть, ибо и безъ такихъ правъ несправедливо требовать исполненія обязанностей, точно такъ же, какъ безъ исполненія обязанностей несправедливо имѣть соотвѣтственныя имъ права.

Чѣмъ же можетъ и должна быть пресса, или литература въ обширнѣйшемъ значеніи слова? Что такое литература въ этомъ смыслѣ? Литература есть громкое мышленіе народа, мышленіе вслухъ (*). А что такое мышленіе вслухъ? О чемъ мыслитъ во-

(*) Такъ опредѣляетъ литературу извѣстный славянскій ученый, Колларъ. Мы не знаемъ лучшаго опредѣленія литературы въ немногихъ словахъ.

обще человѣкъ и народъ? Народъ, подобно отдѣльному человѣку, мыслитъ, въ большей или меньшей степени, обо всемъ, что до него касается. Въ мышленіи народа, какъ человѣка, выражаются его міросозерцаніе, его убѣжденія и вѣрованія, его чувства, нужды, желанія, словомъ, все то, о чемъ человѣкъ *можетъ* и *долженъ* думать, мыслить, разсуждать, ибо, по волѣ провидѣнія, онъ человѣкъ, т. е. существо мыслящее, а не животное. Нетрудно понять, что, какъ для человѣка, въ извѣстномъ возрастѣ, необходимъ даръ слова, такъ для народа, на извѣстныхъ ступеняхъ цивилизаціи, необходима литература, какъ мышленіе вслухъ, и что литература есть то же для народа, что языкъ для человѣка. Нетрудно понять также, что для того, чтобы литература вполнѣ была тѣмъ, чѣмъ ей слѣдуетъ быть, т. е., чтобы она развивалась по мѣрѣ развитія народа, и была возможно вѣрнымъ выраженіемъ его убѣжденій, понятій, вѣрованій, нуждъ, надеждъ и проч., необходима ей *свобода*, т. е. отсутствіе всѣхъ тѣхъ неестественныхъ и беззаконныхъ препятствій, которыя совращаютъ ее съ пути ея назначенія, и изъ вѣрнаго выраженія, или зеркала, жизни и быта народа (чѣмъ ей слѣдуетъ быть, по природѣ вещей) превращаютъ ее въ какое то анормальное, неточное и невѣрное выраженіе этого быта, этихъ нуждъ и жизни вообще. Безъ *законной* свободы литература находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится человѣкъ въ оковахъ, или растеніе въ ящикѣ, слишкомъ для него тѣсномъ и закрытомъ со всѣхъ сторонъ. Только, пользуясь надлежащей *законной свободой*, литература можетъ и обязана исполнять свое назначеніе. Переберите всю исторію человѣчества, и вы убѣдитесь, что тамъ, гдѣ нѣтъ полноправности гражданъ и свободы прессы, тамъ народами управляютъ во имя болѣе или менѣе ложныхъ интересовъ и на основаніи болѣе или менѣе превратныхъ административныхъ системъ; тамъ нѣтъ и невозможно полное благосостояніе народа; тамъ больше зла, чѣмъ добра; тамъ *непремѣнно* въ высокой степени развито казнокрадство, взяточничество, мошенничество, продажность, проституціи всѣхъ родовъ и видовъ; тамъ всегда больше бѣдности и нищеты, нежели богатства и благосостоянія; тамъ крайне *рѣдки* истинно-честные граждане и истинно-преданные подданные, и вообще вполнѣ достойные люди. Свобода и дѣйствительная законность— синонимы. Ихъ требуютъ правда и справедливость. Ихъ требу-

ють всѣ естественныя и несомнѣнныя условія благоденствія народовъ и прочности государственныхъ союзовъ. Чѣмъ болѣе законности въ жизни, тѣмъ болѣе и свободы въ ней. Чѣмъ болѣе произвола и деспотизма, какого бы рода и вида ни былъ онъ, тѣмъ менѣе и свободы. Другой свободы нѣтъ и быть не можетъ. Только люди крайне неразвитые и незрѣлые умственно и нравственно, смѣшиваютъ свободу съ своеволіемъ; только не менѣе такихъ людей незрѣлые общественные дѣятели воображаютъ, что могутъ быть хорошіе законы и дѣйствительное благосостояніе тамъ, гдѣ законы и администрація предписываютъ что либо, противное свободѣ и стѣсняющее ее. Свобода—это уваженіе къ правамъ всѣхъ и каждаго; это выраженіе вѣчной божественной *правды* въ жизни; это основное условіе, краеугольный камень общественнаго и частнаго благосостоянія.

Но конечно, какъ бы законы, администраціи и государственныя уложенія ни обезпечивали права всѣхъ и каждаго, какъ бы ни охраняли они свободу, вездѣ находятся и найдутся люди, которые, вслѣдствіе ли своей умственной неразвитости или по какой либо другой причинѣ, захотятъ и будутъ, по мѣрѣ возможности, злоупотреблять свободой, т. е. позволять себѣ своеволіе, неуваженіе къ законамъ, къ законнымъ властямъ и т. п. Такое злоупотребленіе можетъ быть, да и бываетъ, конечно, и въ литерадурѣ, прессѣ. Но развѣ нѣчто подобное можетъ быть доводомъ противъ свободы? Развѣ есть какая либо сфера человѣческой дѣятельности и человѣческаго быта, въ которой не было бы злоупотребленій и преступленій? Развѣ тамъ, гдѣ все подвержено регламентаціямъ и стѣсненіямъ, нѣтъ злоупотребленій и преступленій? Не болѣе ли, напротивъ, злоупотребленій и преступленій тамъ, гдѣ наиболѣе регламентацій и наименѣе свободы? Для того-то и существуютъ, и необходимы суды и судьи, чтобъ наказывать злоупотребленія и преступленія, и тѣмъ обезпечивать права всѣхъ и каждаго. Для того-то и необходимо, чтобъ судопроизводство и судоустройство были хороши, чтобъ обезпеченіемъ правъ всѣхъ и каждаго охранять внутренній государственный порядокъ и чтобъ граждане не только были обязаны, но и *могли* уважать своихъ правителей, права которыхъ, какъ правителей, на столько, не болѣе и не менѣе, законны и священны, на сколько они, эти правители, своимъ образомъ дѣйствій и своими мѣрами охраняютъ и обезпечиваютъ права всѣхъ и

каждаго, и тѣмъ содѣйствуютъ развитію народнаго благосостоянія.

Изъ всего сказаннаго нами читатели усмотрятъ, конечно, что мы ни коимъ образомъ не можемъ стоять за *цензуру*, какъ ее у насъ понимаютъ, т. е. за цензуру *предварительную*, и что мы стоимъ за цензуру *карательную*, т. е. за такую, которая предоставляетъ полную свободу литературѣ, прессѣ, гласности, и *караетъ*, т. е. наказываетъ злоупотребленія такой свободой.

Мы не можемъ стоять за предварительную цензуру уже потому, что повсюду и всегда она оказывалась не только несостоятельною для достиженія истинныхъ государственныхъ цѣлей, но и положительно вредною, въ высшей степени пагубною и гибельною какъ для народовъ, такъ и для правительствъ. Нигдѣ не спасала она общества отъ развитія и распространенія анархическихъ ученій. Напротивъ, она всегда содѣйствовала ихъ развитію и распространенію. Она была вездѣ и всегда вѣрною и неизмѣнною спутницей и соучастницей развитія анархическихъ ученій, т. е. была главной соучастницей и одной изъ главныхъ причинъ революцій и имъ подобныхъ золъ. Да и могло ли и можетъ ли быть иначе? Что такое предварительная цензура? Ничто иное, какъ регламентація печатнаго слова и закрѣпощеніе человѣческой мысли. Цензура, предварительная или такая карательная, какова нынѣшняя французская, нужна не для законной и благодѣтельной, по своей сущности, монархической власти и не для народолюбиваго правительства, не для способныхъ и честныхъ государственныхъ людей и не для благосостоянія государствъ: она нужна только для бездарныхъ и безчестныхъ государственныхъ сановниковъ, для казнокрадовъ и взяточниковъ, для поработителей и угнетателей человѣчества.

Вся исторія государствъ и народовъ подтверждаетъ основательность нашихъ словъ. Повсюду и вездѣ цензура оказывалась враждебной общественному благосостоянію. Ея сторонники—только іезуиты, маккіавелисты, и всѣ тѣ, для которыхъ нужна мутная вода, нужна тма и опасенъ свѣтъ. Кто требовалъ цензуры во Франціи во время реставраціи? Шатобріанъ ли, герцогъ ли Ришелье и имъ подобные честные и даровитые государственные люди, несомнѣнно-преданные своимъ государямъ и лучшіе защитники народныхъ правъ? Нѣтъ, ея требовали тѣ, которые гнали такихъ государственныхъ людей; ея требовали іезуиты, бездар-

ные и подлые придворные интриганы, тѣ роялисты, которымъ придали эпитетъ plus royalistes que le roi, словомъ, всѣ тѣ, которымъ Бурбоны обязаны своимъ вторымъ паденіемъ. Не [illegible] ли подобныхъ же людей, подобныхъ же своекорыстныхъ и безсовѣстныхъ сторонниковъ цензуры и всякаго рода угнетеній, обязаны и неаполитанскіе бурбоны своимъ недавнимъ паденіемъ? И позвольте васъ спросить, далеко ли ушла и далеко ли уходить на пути народнаго благосостоянія, государственнаго благоустройства и внутренняго государственнаго мира пресловутая Австрія, страна, бывшая до послѣдняго времени столь цензурною страною, что такъ и кажется, будто бы только въ ней и могла родиться и развиться цензура? Не существуетъ ли Австрійская имперія только потому, что Россія, Англія и нѣкоторыя другія государства *благоволятъ* поддерживать ея существованіе? Въ этомъ отношеніи не находится ли она въ такомъ же блестящемъ положеніи, какъ и Турція? Такъ какую же службу сослужила цензура Австріи? А вѣдь, кажется, австрійская цензура была куда какъ строга и вообще хороша, т. е. *хороша* съ цензурной точки зрѣнія.

Да что кивать намъ на Петровъ! Стоитъ только взглянуть на самихъ себя, чтобъ тотчасъ же увидѣть, какую услугу оказала и оказываетъ русская цензура русскому народу и русскому правительству.

Въ самомъ дѣлѣ, не заходя далеко, для краткости, обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя изъ ближайшихъ къ намъ послѣдствій мудреной цензурной опеки.

Не смотря на всѣ старанія государей и честныхъ государственныхъ людей Россіи, чтобъ суды наши были дѣйствительными судами, наши суды вообще *такого рода* суды, что ихъ *болѣе боятся* честные, невинные, нежели виновные и преступники. Вся Россія знаетъ, что высшій законъ у насъ не правда, а деньги. Почему такъ? Да потому, что нѣтъ гласности, а есть цензура, эта вѣрная и неизмѣнная прикрывательница и защитница всякаго произвола и беззаконія.

Всѣ нравственные человѣческіе и гражданскіе недуги въ высшей степени развиты въ Россіи. Кто не знаетъ, что наши благородные, высокоблагородные и даже превосходительные люди грабили бѣдныхъ солдатъ защитниковъ Севастополя? Кто не знаетъ, что *честность* называется у насъ сплошь и рядомъ *увле-*

ченіемъ, а *честная служба* и *гражданская доблесть*—безнокойнымъ характеромъ и т. п. Кто жъ и что же, болѣе всего содѣйствуетъ развитію такихъ *нравственныхъ* и *высокихъ* понятій?

Каждое анархическое ученіе, имѣющее основаніе существовать и развиваться на западѣ, вслѣдствіе развитія тамъ пролетаріата и пауперисма, каждое такое ученіе имѣетъ у насъ многочисленныхъ сторонниковъ. А почему? Да потому только, что болѣе или менѣе невѣжественные самозванцы-публицисты, никогда неизучавшіе основательно ни одной науки, увлекаясь такими ученіями, распространяютъ ихъ—подъ *покровительствомъ цензуры*. Посмотрите, какой Богъ для нихъ и ихъ учениковъ Прудонъ! Вѣдь кромѣ Прудона да главнаго поклонника его въ С.-Петербургѣ у нихъ и нѣтъ другаго бога! А развѣ соціализмъ не то же въ своемъ родѣ, что алхимія или астрологія? Развѣ нѣтъ у насъ образованныхъ людей, которые однимъ ударомъ могутъ обличить соціалистовъ въ невѣжествѣ? А почему не принимаются надлежащимъ образомъ за это дѣло, и не исполняютъ въ этомъ отношеніи своихъ обязанностей образованные люди, знакомые и съ политическими науками, и съ нуждами человѣчества? Да потому, что имъ мѣшаетъ цензура! Цензура—тма, и соціализмъ—тма, а потому и цензура покровительствуетъ соціализму, и соціализмъ уживается съ цензурой.

Мало того. Мы живемъ въ монархическомъ государствѣ, и у насъ, какъ вездѣ, люди здровомыслящіе, свѣдущіе въ политическихъ наукахъ и понимающіе современное положеніе міра, стоятъ конечно за наслѣдственную монархическую власть; а между тѣмъ мечтательныя республиканскія идеи развиваются у насъ ежедневно въ прогрессивной степени, и тотъ кто сталъ бы печатно доказывать у насъ необходимость и благотворность монархической власти, тотъ, по приговору большинства нашихъ мнимо-передовыхъ людей, непремѣнно былъ бы произведенъ въ человѣка отсталаго, продавшаго себя правительству, или желающаго выслужиться передъ нимъ. Итакъ у насъ, если не совсѣмъ удобно печатно, прямо, то косвенно очень можно распространять республиканскія идеи, а монархическихъ и печатно нельзя, и словесно опасно, чтобъ не попасть, во мнѣніи многихъ, лицъ, въ число шпіоновъ и имъ подобныхъ людей. А почему же у насъ, если и не всегда, и не вездѣ, то есть не во всѣхъ круж-

кахъ нашего общества, то очень часто, во множествѣ кружковъ его, *почетно* быть республиканцемъ и т. п.? Вѣдь есть же тому какое-либо основаніе? Есть, конечно, и притомъ не одно. Главное же изъ нихъ состоитъ въ *цензурѣ*, т. е. въ отсутствіи возможности высказывать прямо и честно свои политическія убѣжденія. Цензура въ этомъ отношеніи оказываетъ положительно такую же услугу монархической власти, какую оказалъ медвѣдь своему спящему другу, котораго, какъ извѣстно, однимъ ударомъ избавилъ и отъ *мухи*, и отъ *жизни*.

При цензурѣ стоять за монархическую власть—это значитъ стоять, между прочимъ, и за цензуру, т. е. за порабощеніе и закрѣпощеніе человѣческой мысли и человѣческаго слова; другими словами, за рабство мысли и совѣсти, за угнетеніе и подавленіе въ людяхъ ихъ человѣческаго достоинства, за неуваженіе къ несомнѣннѣйшимъ человѣческимъ правамъ, за содѣйствіе развитію безнравственности и всякаго рода тмы, за произволъ, словомъ, за все то, что противно всѣмъ божескимъ законамъ, что противно правдѣ, и съ чѣмъ нигдѣ и никогда не уживается неизвращенная человѣческая совѣсть. Какой честный человѣкъ *позволитъ себѣ* стоять за свои монархическія убѣжденія и защищать ихъ печатно, когда его противники должны *поневолѣ* молчать? Кто, кромѣ отъявленнаго мерзавца, выйдетъ на дуель, когда въ его рукѣ заряженный револьверъ, а въ рукѣ его противника—ну, хоть только тросточка напримѣръ? А развѣ при цензурѣ стоять за монархическую власть не значитъ быть вооруженнымъ и вызывать на дуель людей, не только не вооруженныхъ, но и неимѣющихъ возможности и слова произнесть въ опроверженіе доводовъ своихъ противниковъ!? Нѣтъ, вполнѣ сознательные и честные сторонники монархическаго начала въ мірѣ никогда не были и не могли быть сторонниками цензуры. Тюрго, графъ Ревентловъ, Шатобріонъ, Робертъ Пиль, Кавуръ—всѣ лучшіе друзья человѣчества, всѣ геніальнѣйшіе и честнѣйшіе государственные люди всегда были сторонниками *свободы мысли и совѣсти*, и были ими потому, что сознавали законы природы, уважали права человѣчества, искренне желали ему блага и служили своимъ государямъ не въ качествѣ временщиковъ, казнокрадовъ и угнетателей сограждань, а честно, въ полномъ смыслѣ слова—*вѣрою и правдою*. Такіе люди не унижали и не оскорбляли, образомъ своей службы и дѣятельности, монархической власти, которой они служили.

Это между прочимъ потому, что они дѣйствительно служили, а не прислуживались. Это и потому, что они, какъ истинно честные и способные общественные дѣятели и государственные люди, сознавали какъ необходимость монархической власти, такъ и условія такой необходимости. Они сознавали, что противъ всякаго другаго рода власти, наслѣдственная монархическая власть имѣетъ болѣе возможности, а потому и обязанности гарантировать, своимъ существованіемъ, всѣ несомнѣнныя права гражданъ. Такіе люди не уживались съ деспотизмомъ и не наживались служа ему. Они сознавали, что деспотизмъ—не монархизмъ, точно такъ же, какъ своеволіе—не свобода.

Много, много зла причинила и причиняетъ какъ русскому правительству, такъ и Россіи вообще, цензура. Мы можемъ представить неопровержимыя доказательства между прочимъ и тому, напримѣръ, что если бъ цензура не мѣшала высказываться людямъ, способнымъ понимать условія финансоваго благосостоянія государства, то наши настоящія финансовыя затрудненія не существовали бы и не могли бы никогда существовать. Только, благодаря тлѣтворному вмѣшательству цензуры, у насъ нѣтъ ни промышленнаго, ни поземельнаго кредита въ настоящее время, и т. п. Только при цензурѣ могутъ совершаться такія нераціональныя преобразованія какъ ликвидація нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій; только при цензурѣ могли быть терпимы такія негодныя сдѣлки, такая публичная продажа физическихъ и и нравственныхъ силъ народа, какъ откупа и т. п.

И сколько уже погибло, ни за что, ни про что, лучшихъ гражданъ Россіи, благодаря только тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя прикрывала своимъ существованіемъ цензура. Сколько жертвъ произвола и насилій, продажности судей и т. п., погибло въ нашихъ тюрьмахъ и въ Сибири! Сколько погибло честныхъ предпріятій, сколько исчезло капиталовъ, сколько потрачено напрасно самаго производительнаго труда! Кого ни спросите, всѣ, кромѣ откупщиковъ, казнокрадовъ, лихоимцевъ, кромѣ людей, способныхъ наживаться, всѣ дадутъ вамъ одинъ отвѣтъ: «душно, душно, при цензурѣ, въ Россіи; душно въ нашей необъятной, богатой дарами природы Россіи, въ которой, по вс[illegible] естественнымъ законамъ, жизнь должна бы быть и деше[illegible] легче во всѣхъ отношеніяхъ, нежели и въ Англіи, и въ [illegible] царіи, и имъ болѣе или менѣе подобныхъ странахъ!

Да не однимъ гражданамъ, или подданнымъ, душно въ Россіи при цензурѣ. И царямъ нашимъ не легче съ цензурой, а душно съ ней въ Россіи. Недаромъ Александръ I впалъ въ апатію, въ какой то мистицизмъ, во вторую половину своего царствованія; не *случайно* лишился онъ такого сотрудника и совѣтника, какъ Сперанскій, который былъ бы нашимъ Тюрго или Кавуромъ, и безъ паденія котораго у насъ не было бы, конечно, 14-го декабря. Не даромъ Николай I, умный, честный, правдивый, великодушный, дѣятельный и энергическій, высказалъ, въ минуту разочарованія, а можетъ быть и дошелъ до полнаго убѣжденія, что *онъ одинъ честный человѣкъ въ Россіи.* Окруженный множествомъ такихъ людей, на честность и благонамѣренность которыхъ онъ сначала разсчитывалъ, но въ которыхъ потомъ нерѣдко сильно ошибался, могъ ли онъ, при цензурѣ, не прійти къ такому грустному, и для него самого и для Россіи, убѣжденію? Могъ ли и онъ, при цензурѣ, знать нужды Россіи!? Не онъ виноватъ во многихъ печальныхъ для Россіи результатахъ нераціональнаго порядка вещей! Но онъ казнилъ декабристовъ! говорятъ всѣ. Да, оно должно казаться такъ—при цензурѣ; но на дѣлѣ не такъ. Не онъ погубилъ декабристовъ: ихъ погубили такіе же подлые и ничтожные интриганты и выскочки въ администраціи, каковы были и тѣ, которымъ были обязаны своимъ паденіемъ у насъ, Сперанскій, а во Франціи, напримѣръ, Тюрго. Вся ошибка императора Николая I, основная причина грустныхъ результатовъ его царствованія, состояла въ томъ, что онъ не послушался внушенія своего сердца, и, понявъ *долгъ* свой, въ этомъ отношеніи, по тѣмъ правиламъ, которыя внушались ему подлыми интригантами, бездарными государственными сановниками, онъ не помиловалъ декабристовъ, не оцѣнилъ этихъ даровитѣйшихъ и честнѣйшихъ вообще людей, естественное назначеніе которыхъ состояло въ прославленіи его царствованія. Послушайся Николай I внушенія своего сердца, догадайся онъ помиловать декабристовъ и при этомъ сказать своимъ министрамъ и государственнымъ сановникамъ: «Я помиловалъ *революціонеровъ* потому, что тогда только бываютъ революціонеры и революціи, когда государственные люди не исполняютъ надлежащимъ образомъ своихъ обязанностей»; да, поступи такъ Императоръ Николай I—и только одними благословеніями поминалось бы его царствованіе. Душно было въ Россіи и Николаю I при цензурѣ!

Кто хоть нѣсколько способенъ къ психологическому анализу, и и при этомъ знаетъ исторію, а въ томъ числѣ и царствованіе Николая I, тотъ согласится съ нами, что государственные люди, въ родѣ Тюрго, графа Ревентлова и Кавура, ужились бы съ этимъ государемъ, и при немъ болѣе принесли бы пользы своею дѣятельностью, нежели при монархахъ слабохарактерныхъ и менѣе Николая I вѣрныхъ себѣ, своимъ правиламъ и своему взгляду на вещи.

Не легко при цензурѣ и Государю *Александру Николаевичу*. И освободитель крестьянъ можетъ, а подчасъ и долженъ неминуемо, казаться нелюбящимъ народъ свой монархомъ... Покрайней мѣрѣ и Царю освободителю, при цензурѣ, почти никто не воздаетъ должнаго,—не столько вѣруютъ, напримѣръ, многіе въ Его любовь къ Россіи, сколько вѣровали бы въ нее, если бъ не было цензуры.

Да и какъ требовать, чтобъ воздавалось людямъ должное, и чтобы правда и здравый смыслъ непремѣнно одерживали верхъ тамъ, гдѣ потому только и существуетъ цензура, чтобъ не давать ходу ни правдѣ, ни здравому смыслу, и покровительствовать всякаго рода тьмѣ, произволу, казнокрадству, лихоимству и т. п.? Чѣмъ болѣе всякаго рода нелѣпостей и зла, тѣмъ лучше исполняетъ свое дѣло цензура!

Какъ должны радоваться сторонники цензуры при видѣ такихъ блестящихъ результатовъ ея дѣятельности!

Всегда и вездѣ была вредна и даже опасна для государствъ не только предупредительная, но и такая маккіавелистская карательная цензура, какова, напримѣръ, нынѣшняя французская. Въ особенности вредною и опасною должна быть, въ настоящее и ближайшее будущее время, нераціональная цензура для Россіи.

Въ настоящее время, Россія стоитъ на перепутьи. Передъ ней два пути: одинъ путь—путь истиннаго прогреса, посредствомъ мирнаго и всесторонняго развитія нравственныхъ и матеріальныхъ силъ народа; другой путь—путь революціонный. Судя по всему, что у насъ творится, благодаря частію нераціональному образу дѣйствій нашего правительства въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а частію политической неразвитости большинства не только нашего народа вообще, но и нашихъ болѣе или менѣе образованныхъ людей, Россію на каждомъ шагу *тянетъ* то къ одному,

то къ другому изъ этихъ путей, и очень легко можетъ быть, что она свернетъ не въ надлежащую сторону....

Какъ люди, искренно желающіе добра своему отечеству, мы не можемъ желать Россіи революціи. Въ Россіи революція можетъ представляться въ радужномъ цвѣтѣ и быть желанной только кое-какимъ ничему не выучившимся юношамъ, да нѣсколькимъ желчнымъ и бездарнымъ, по отношенію къ общественной дѣятельности, эгоистамъ. Какъ напримѣръ во Франціи, такъ и въ Россіи, революція поведетъ только къ безполезному и страшному кровопролитію, къ прекращенію, на долгое время, производительности страны, и разрѣшится деспотизмомъ въ родѣ наполеоновскаго. Иначе и быть не можетъ.

Инаго пути желаемъ мы для Россіи, а именно пути истиннаго прогресса, т. е. естественнаго, послѣдовательнаго, правильнаго и мирнаго развитія народныхъ и государственныхъ силъ. Для этого необходимы два главныя условія: прочное и вѣрное своему назначенію правительство, какимъ можетъ и должно быть наше правительство, и, въ полномъ смыслѣ слова, *свободное развитіе* народныхъ силъ, невозможное безъ упроченія, законами и учрежденіями, *свободы*, *совѣсти*, *мысли*, *слова*, *труда* и *жизни* вообще гражданъ.

Только болѣе или менѣе тупоумный или необразованный человѣкъ можетъ не понимать и не видѣть, въ настоящее время, что административныя стѣсненія, несогласныя съ законами природы и требованіями *правды* и *справедливости*, ведутъ у насъ не къ порядку, а къ безпорядку, и что они и у насъ, какъ это бываетъ вездѣ, разрѣшаются окончательно тѣмъ, что всѣмъ душно и тяжело жить, и притомъ не только частнымъ, но и правительственнымъ лицамъ.

Тотъ, кто болѣе или менѣе сознаетъ настоящее положеніе Россіи, тотъ согласится, что намъ всѣмъ, и правительственнымъ и частнымъ лицамъ, прежде всего и болѣе всего необходимо ясное сознаніе интересовъ отечества и какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ силъ его. А возможно ли это безъ возможности *свободно* и честно обсуждать всѣ вопросы и явленія въ нашей общественной жизни? Отсутствіе такой свободы и было именно до сихъ поръ главной причиной всѣхъ тѣхъ золъ и недуговъ, которыми такъ страдаетъ наше отечество.

Россія надѣлена отъ природы всѣми данными къ возможному

для людей благоденствію на землѣ; а многіе ли благоденствуютъ у насъ? Не больно ли, не тяжело ли должно быть каждому русскому уже при одной мысли, что изъ числа людей, приговоренныхъ къ разнымъ, даже самымъ тяжкимъ наказаніямъ, цѣлая половина, можетъ быть, подвергается имъ совершено напрасно? Кто поручится, что, при устройствѣ нашихъ судовъ и нашей администраціи вообще, это не такъ; что у насъ наказываютъ только преступниковъ, а не невинныхъ тоже? Много ли ходу у насъ честнымъ людямъ? Чья жизнь, честь и права обезпечиваются нашей администраціей? Чья личность, чье право не оскорбляется чуть ли не на каждомъ шагу? Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе въ немъ разыгрывается желчь, тѣмъ несчастнѣе онъ; а чѣмъ несчастнѣе онъ, тѣмъ менѣе можно требовать отъ него хладнокровной оцѣнки людей и обстоятельствъ.

Свобода слова, свободное вообще обсужденіе общественныхъ вопросовъ—вотъ первое и лучшее средство для успокоенія раздраженныхъ умовъ, для правильной оцѣнки того, что нужно и не нужно Россіи, для водворенія *нравственнаго* мира въ нашемъ отечествѣ, для *примиренія*....

Начиная съ правительственныхъ лицъ, всѣ желаютъ у насъ преобразованія, ибо всѣ *чувствуютъ*, если и далеко не всѣ, конечно, сознаютъ, что прежній порядокъ вещей несостояленъ. Но кто сознаетъ, вполнѣ сознаетъ все то, что́ именно нужно для Россіи? Кто довольно самоувѣренъ, чтобъ имѣть глупость сказать или подумать: «я сознаю все, что нужно для Россіи?» Не лучше ли всѣмъ намъ сознаться, что мы всѣ болѣе или менѣе прихрамываемъ въ этомъ отношеніи и что большинство изъ насъ даже *не знаетъ чего хочетъ*?

Не ясно-ли, что только одно свободное, гласное обсужденіе общественныхъ вопросовъ способно избавить наше правительство и наше общество отъ многихъ ошибокъ, а можетъ быть и бѣдствій? Не даромъ, въ первую же минуту, какъ только нѣсколько облегчились оковы нашего печатнаго слова, по окончаніи минувшей войны, всѣ у насъ потребовали прежде всего *гласности*, —гласности, а не свободной *печатной рѣчи*, потому что цензура не допускала подобныхъ *революціонныхъ*, по ея мнѣнію, выраженій и требованій. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что *если* есть между нашими государственными людьми человѣкъ истинно-

государственный по уму и способностямъ, *если* мы имѣемъ, въ настоящее время, своего Тюрго, Ревентлова или Кавура, то конечно онъ не менѣе кого либо другаго желаетъ, а потому и заботится, и хлопочетъ о томъ, чтобъ у насъ не было ни предупредительной цензуры, ни карательной въ родѣ нынѣшней макіавелистской французской. Нѣтъ никакого сомнѣнія также, что такой государственный умъ сознаетъ, почему именно нужна и къ чему именно можетъ и должна повести Россію свобода печатной рѣчи, безъ которой невозможны ни свобода мысли, ни свобода совѣсти, ни вообще сносный порядокъ вещей въ государствѣ. Да не только государственный умъ, но и умъ обыкновеннаго образованнаго человѣка, не безъ пользы изучавшаго исторію и другія политическія науки, можетъ легко предвидѣть результаты такой свободы, по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ нихъ.

Результаты эти, конечно, могутъ быть двухъ родовъ: хорошіе и дурные. Чѣмъ лучше будетъ дѣйствовать правительство, тѣмъ лучше будутъ и результаты. Мы говоримъ «правительство», а не народъ и не общество, потому что и народъ, и общество не только не помѣшаютъ, но навѣрно будутъ содѣйствовать правительству въ достиженіи хорошихъ результатовъ. Главнымъ же содѣйствователемъ въ этомъ отношеніи правительства будетъ конечно *литература*, та литература, которая такъ долго и такъ несправедливо страдала подъ игомъ цензуры.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, чтобъ большинство нашихъ литераторовъ лучше другихъ лицъ сознавало нужды Россіи и могло бы скорѣе другихъ указать на то, что именно необходимо для блага отечества. Мы очень хорошо знаемъ, что большинство нашихъ литераторовъ, подобно большинству литераторовъ въ другихъ странахъ, слишкомъ неосновательно образовано, и слишкомъ мало надѣлено отъ природы тѣми качествами, которыя необходимы для изученія и уразумѣнія общественныхъ интересовъ. Но дѣло въ томъ, что, по освобожденіи своемъ изъ подъ ига цензуры, литература сдѣлается общею для всѣхъ общественныхъ дѣятелей ареной. На нее выступятъ, *прямо* или *косвенно*, всѣ тѣ, которые въ состояніи оказать своимъ здравымъ смысломъ и свѣдѣніями услуги отечеству и правительству, точно такъ же, какъ выступятъ и тѣ, которые захотятъ отличиться, во что бы то ни стало, предъ почтеннѣйшей публикой и заявить ей о своемъ «знаменательномъ» существованіи. Конечно, не все пойдетъ какъ

по маслу; не всѣ, можетъ быть, оцѣнятъ сразу то добро и ту услугу, которую окажетъ и себѣ, и всей Россіи правительство наше уничтоженіемъ предупредительной и замѣненіемъ ея честной карательной цензурой. Конечно, явятся на литературной аренѣ и такіе молодцы, которые не преминутъ побросать грязью и камнями въ кого бы то ни было, даже въ людей, заслуживающихъ только уваженія и признательности. Можетъ быть, найдутся и у насъ такіе юродствующіе въ либерализмѣ мужи и юноши, которые не преминутъ, въ доказательство своего либерализма, ставить ошибки *отцевъ* и *дѣдовъ* въ вину *сыновьямъ* и *внукамъ*. Да, все это можетъ быть; но развѣ это опасно для правительства и государства? Но развѣ не *ругали* печатно и словесно и Тюрго, и Ревентлова, и Роберта Пиля? Унизить можно только незаслуженную извѣстность, какъ сказалъ Бѣлинскій. Сверхъ того, развѣ *всѣ* честные люди не вступятся за напрасно оскорбляемыхъ *сыновей* и *внуковъ*, которые исправляютъ ошибки своихъ *отцевъ* и *дѣдовъ*?! Разныя историческія и другія *рекриминаціи* опасны и вредны только при цензурѣ; при свободной же гласности, онѣ только *смѣшны* и *нелѣпы*; потому что при ней беретъ верхъ въ общественномъ мнѣніи не *вздоръ* и *клевета*, а *здравый смыслъ* и *правда*.

Да, только добро и пользу всѣмъ, по крайней мѣрѣ всѣмъ честнымъ людямъ, принесетъ свобода печатнаго слова. Она избавитъ правительство отъ многихъ затрудненій и ошибокъ. Она привяжетъ къ царствующей у насъ династіи всѣхъ людей честныхъ, желающихъ общественнаго блага и способныхъ принесть пользу своему отечеству. Она разъяснитъ множество изъ самыхъ жизненныхъ для Россіи вопросовъ. Она дастъ возможность правительству загладить ошибки прежняго времени, залечить многія раны, облегчить многіе недуги до полнаго ихъ исцѣленія. Она дастъ возможность Государю Императору вполнѣ воспользоваться лучшимъ изъ монаршихъ правъ—правомъ миловать. Она лучше всего можетъ содѣйствовать правительству въ облегченіи участи тѣхъ, которые, быть можетъ, приговорены неправильно судомъ нашимъ къ незаслуженнымъ наказаніямъ. Она одна только въ состояніи дать средство правительству водворить полный нравственный миръ въ Россіи. Она облегчитъ даже участь дѣйствительныхъ преступниковъ, и воротитъ въ отечество многихъ добровольныхъ или невольныхъ изгнанниковъ. Она благотворно и ми-

ротворно подѣйствуетъ на всѣхъ и каждаго; она дастъ возможность Россіи быть счастливой. Она примиритъ непримиримыхъ при цензурѣ; она успокоитъ неуспокоиваемыхъ при рабствѣ мысли и слова, и кто знаетъ? тогда возвратятся въ Россію многіе изъ нашихъ изгнанниковъ; тогда и для нихъ уяснится многое и потому, конечно, и тѣ изъ нихъ, которые болѣе, напримѣръ, *славятся* преимущественно враждой къ памяти Государя Николая Павловича, и то, такъ или иначе, а скажутъ на гробу его: «Мы болѣе осуждали тебя, нежели ты того заслуживалъ!» И въ этомъ не будетъ ничего страннаго, потому что при цензурѣ, при рабствѣ мысли и слова, всѣ, рѣшительно всѣ и болѣе осуждаютъ, и болѣе восхваляютъ, нежели того заслуживаютъ люди. При тьмѣ все покрыто тьмою, и хорошее, и дурное; но оттого, что дурное болѣе или менѣе скрыто, вреда отъ него не менѣе, а болѣе, ибо труднѣе уберечься и избавиться отъ него....

Не мѣшайте людямъ трудиться, мыслить, любить и вѣровать, т. е. не создавайте совершенно лишнихъ и неумѣстныхъ поводовъ къ ненависти и злобѣ, къ порокамъ и преступленіямъ, и будетъ миръ въ мірѣ, любовь и доброжелательство замѣнятъ ненависть и злобу.... Ненависть, злоба и имъ подобныя чувства свойственны только болѣе или менѣе больнымъ людямъ. Въ основаніи всего мірозданія лежитъ не всеразрушающая злоба, а всесозидающая любовь. Не мѣшайте же людямъ любить, не заставляйте ихъ ненавидѣть.

6.

(О цензурѣ).

С. Петербургъ.

Кого нибудь, а можетъ быть и очень многихъ изъ нашихъ читателей, нѣсколько удивитъ предметъ нашей сегоднишней статьи: мы будемъ говорить *о цензурѣ въ Россіи.* Извѣстно, что у насъ въ Россіи существуетъ цензурное учрежденіе; оно состоитъ изъ разныхъ, весьма просвѣщенныхъ особъ, обязанныхъ читать то, что́ писатель или, какъ прежде выражались, *сочинитель*, хочетъ напечатать для публики. Они обязаны были читать все это не ради удовлетворенія собственной любознательности, а совершенно въ другихъ видахъ. Лица, занимавшіяся такимъ общественнымъ дѣломъ, именовались и сегодня именуются цензорами; они получали и нынче получаютъ отъ правительства приличное жалованье и чины, а за неудовлетворительное исполненіе своихъ обязанностей подлежатъ отвѣтственности. Подробныхъ свѣдѣній о мѣрѣ и видахъ этой отвѣтственности мы не имѣемъ и можемъ только сказать, что цензоры, за пропущеніе въ печать какой нибудь мысли, несоотвѣтствующей какимъ нибудь высшимъ соображеніямъ, удалялись отъ должностей, и разумѣется теряли всѣ выгоды, этой должности присвоенныя. Имѣя въ перспективѣ такое условіе, которое никакъ не могло быть особенно пріятнымъ для этихъ чиновниковъ, они вели себя необыкновенно осмотрительно и воздерживали писателей отъ всякихъ увлеченій, а литературу—отъ той правдивости, которая составляетъ ея силу и дѣлаетъ ее голосомъ націи. Мы не можемъ здѣсь раскапывать интересные матеріалы для будущей исторіи цензуры и скажемъ

только, что въ прошедшія времена такая или почти такая *предварительная цензура*, какая существуетъ у насъ въ настоящіе дни, была повсемѣстнымъ европейскимъ учрежденіемъ; но, съ развитіемъ гражданственности въ народахъ Европы и съ уясненіемъ понятій о томъ, что дѣйствительно вредно, и что только кажется вреднымъ, предварительная цензура мало по малу исчезала, и въ наше время остается въ Римѣ, у насъ да въ Турціи. Въ другихъ мѣстахъ, по отношенію къ прессѣ, существуютъ теперь различные порядки. Такъ въ Англіи пресса совершенно свободна, свободна она въ Бельгіи, въ Германіи и въ прочихъ европейскихъ странахъ,—въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Въ одной странѣ вы можете печатно проводить политическія идеи, діаметрально противорѣчащія идеямъ вашего правительства, можете осуждать распоряженія самого правительства, заявлять себя безбожникомъ, врагомъ существующаго порядка, словомъ, чѣмъ хотите—властямъ нѣтъ дѣла до вашей пропаганды, и никакого зла отъ этого не происходитъ. А за клевету, за оскорбленіе чести сторонняго лица васъ позовутъ къ суду и осудятъ, какъ клеветника и обидчика. Въ другихъ странахъ, или, лучше сказать, въ нѣкоторыхъ странахъ, свобода прессы не такъ велика и на сколько тѣснѣе рамка этой свободы, на столько замѣтно менѣе выработки соціальныхъ понятій въ обществѣ; такъ напримѣръ во Франціи, гдѣ можно напечатать все, что хочешь, не испрашивая предварительнаго одобренія, но полиція въ правѣ арестовать всѣ отпечатанные экземпляры неправящагося правительству сочиненія, а редактору сдѣлать «предостереженіе», и затѣмъ, по второму отступленію, опять конфискація напечатаннаго, личный арестъ и денежный штрафъ, въ такомъ почтенномъ объемѣ, что изданіе лопается. Тутъ, можно сказать, нѣтъ цензуры, но и нѣтъ свободы печати. Однако, если мы будемъ сравнивать теперешнюю Францію съ теперешнимъ Римомъ или Константинополемъ, то разумѣется выйдетъ, что и французская, и австрійская, и всякая другая пресса настоящаго времени можетъ быть названа сравнительно свободною, ибо гласность «предостереженій», штрафовъ и арестовъ служатъ писателю и редактору нѣкоторой гарантіей, и никакъ не ставятъ его въ положеніе безаппеляціонно-осуждаемаго въ четырехъ стѣнахъ какимъ нибудь цензурнымъ ареопагомъ. Вообще вездѣ человѣкъ чувствуетъ себя въ правѣ напечатать то, что онъ хочетъ напеча-

тать, зная, что если напечатанное имъ будетъ стремиться къ нарушенію существующихъ въ странѣ законовъ о прессѣ, то онъ подвергается взысканіямъ по духу этихъ законовъ.

У насъ, у турокъ и у папскаго правительства другіе порядки. У насъ печатается только то, что позволятъ напечатать цензоры и непремѣнно въ томъ видѣ, въ какомъ они позволятъ. Они имѣютъ право: запретить статью и могутъ исключить изъ нея то, что имъ не нравится или не соотвѣтствуетъ ихъ взгляду. Сверхъ того, они хотя не имѣютъ права, но весьма нерѣдко позволяютъ себѣ дѣлать перефразировки и прибавленія, несоотвѣтствующія идеѣ автора и искажающія его мысли. Цензоровъ строго винить въ этомъ нельзя. Разумѣется, они дорожили весьма пріятными мѣстами и радѣли о своей карьерѣ болѣе, чѣмъ объ интересахъ литературы, но и ихъ собственное положеніе, въ отношеніи отвѣтственности, было очень затруднительное. Человѣческая мысль—не хлѣбное зерно, не подошва, не другой какой нибудь «*сортъ*», котораго всѣ достоинства и недостатки могутъ быть съ точностью опредѣлены въ инструкціи, даваемой браковщику. Здѣсь дѣло несравненно тоньше и неопредѣленнѣе; есть намеки, недомолвки, разныя тонкости, или «*финесы*», какъ говорилъ покойный И. И. Панаевъ; всего опредѣлить и поставить цензора въ положеніе человѣка, имѣющаго буквальное основаніе на каждое свое движеніе по кастраціи той или другой идеи писателя—невозможно. Это очень скоро оказалось послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава, по которому сначала цензоръ долженъ былъ всякій намекъ истолковывать себѣ въ хорошую сторону и пропускать его въ печать. Начались разныя добавочныя распоряженія по цензурѣ, такъ основательно измѣнившія до сего дня цензурный уставъ, что въ немъ прежняго осталось кажется только одно заглавіе. Вмѣстѣ съ этими измѣненіями, уставъ терялъ и свою ясность и все сильнѣе стѣснялъ литературу; цензоры больше могли давать разгула своему произволу, но и сами часто не могли поручиться за то, что пропускаютъ удобное къ пропуску и зачастую запрещали, напримѣръ, хоть такое вотъ вольномысліе (*въ повѣсти*), что г. NN «изучилъ спеціально восточные языки, былъ сначала зачисленъ по вѣдомству коннозаводства, а оттуда назначенъ директоромъ высшаго учебнаго заведенія.» Цензоры уподобились привратникамъ, получившимъ приказъ пропускать гостей, у которыхъ

довольно волосъ на головѣ; они, сами не зная, что *довольно* и что *недовольно* будетъ на взглядъ хозяина, заворачивали отъ дверей и совсѣмъ лысаго, и того, у кого мало мальски волосы не копной на головѣ. Встрѣчались между цензорами люди и съ здравыми критическими способностями, да это мало помогало дѣлу: должность ужъ такая неестественная, а человѣческая мысль такъ юрка, что лѣзетъ во всякую щель, какъ бы эта щель ни была узка.

Но вотъ, наконецъ, и мы, что говорится, на радостяхъ. Правительство наше сознало безполезность нынѣшней цензуры и не только само приступило къ реформамъ по этой части, но и не чуждается нашего голоса въ столь близкомъ для насъ дѣлѣ. Мы глубоко благодарны нашему правительству за такое довѣріе къ прессѣ, и увѣрены, что она съ достоинствомъ воспользуется имъ. Что же касается лично насъ, то мы постараемся быть краткими и искренними.

Новый указъ о цензурѣ, уже напечатанный, насъ не обрадовалъ. Онъ не обрадовалъ, впрочемъ, не насъ однихъ; газета «День», въ № 24, не обинуясь, прямо назвала распоряженія, изложенныя въ этомъ указѣ, *узаконеніемъ объ усиленіи цензуры*. Мы совершенно согласны съ «Днемъ», что это названіе, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ новой цензурной мѣрѣ. Мы нарочно начали свою статью бѣглымъ очеркомъ значенія цензуры и различныхъ видовъ ея въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи. Изъ этого очерка читатели видѣли, что самый тяжелый видъ цензуры есть *предварительная* цензура, стригущая мысль автора прежде, чѣмъ она пройдетъ чрезъ типографскій станокъ и сдѣлается общественнымъ достояніемъ. При ней авторъ импонированъ и общество обездолено. Способъ этотъ живетъ только у римскихъ поповъ, у турокъ и у насъ. Другой — *цензура карательная*, послѣ изданія статьи въ свѣтъ, можетъ быть мыслима тамъ, гдѣ есть гласный судъ и гдѣ авторъ можетъ, передъ лицомъ всего народа, представить свои оправданія присяжнымъ; но гдѣ такого суда нѣтъ, и гдѣ до сихъ поръ никто хорошенько не знаетъ, сколько есть вещей, которыхъ нельзя высказывать и какихъ вопросовъ не должно касаться, тамъ такой видъ цензуры невозможенъ, и при немъ ни одно либеральное изданіе не избѣгнетъ штрафовъ, которые его подорвутъ въ корню, поставятъ самихъ редакторовъ въ то самое положеніе,

въ какомъ стоятъ между литераторами и обществомъ нынѣшніе цензоры. При нашихъ судахъ, нельзя издавать журнала или газеты, если *предварительная* цензура замѣнится *карательною*, съ такими штрафами, какими правительство императора Наполеона взнуздало французскую журналистику.

Но наше дѣло вовсе и не въ такомъ положеніи. Отъ цензуры у насъ освобождаются однѣ *офиціальныя газеты*, каковы напримѣръ у насъ *Сѣверная Почта*, издаваемая отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Всѣ же остальныя изданія будутъ, *до выпуска ихъ, цензуроваться цензорами, а потомъ министерство внутреннихъ дѣлъ будетъ наблюдать еще, не прошло ли чего-нибудь непозволительнаго*. Такимъ образомъ, не разлучаясь съ *предварительною* цензурою, мы получаемъ и *карательную*. Это не можетъ быть благопріятно для литературы, которую тоже можно подвести на этотъ разъ подъ защиту русской пословицы, гласящей, что «съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.»

Русскій вѣстникъ, необыкновенно элегантно обращающійся съ вопросами такого тонкаго свойства, въ № 12-мъ *Современной лѣтописи* засвидѣтельствовалъ, что «мы (т. е. Р. в.) не имѣемъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, въ чемъ именно состоитъ значеніе этой мѣры,» и затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько умныхъ догадокъ, опять спрашиваетъ себя: «что же остается предположить?» «Самымъ естественнымъ предположеніемъ,» продолжаетъ этотъ журналъ «будетъ то, что *новая мѣра служитъ только приступомъ или переходомъ къ дѣйствительной реформѣ*, которой давно уже ожидаетъ наша печать.» Странное дѣло и непонятная вещь! Можетъ быть, почтенный журналъ и очень вѣрно отгадалъ причину послѣдняго распоряженія объ усиленіи цензуры, но если даже это усиленіе есть мѣра временная, даже *кратко-временная*, то все-таки мы не можемъ понять ни ея необходимости, ни ея цѣлесообразности. Переходъ (ужъ если прямо нельзя уничтожить цензуру) могъ, кажется, совершиться иначе, и мы скажемъ объ этомъ наше мнѣніе черезъ нѣсколько строкъ, а теперь обратимся къ *спеціальнымъ цензурамъ*.

Нужно знать, что у насъ цензированіе не ограничивалось предварительнымъ просмотромъ статей цензорами или цензурнымъ комитетомъ, или главнымъ правленіемъ цензуры; у насъ были еще особые цензоры въ каждомъ вѣдомствѣ. Читатели не видали ихъ именъ подъ статьями, а иная статья, являющаяся съ напечатан-

нымъ подъ нею одобреніемъ одного цензора, иногда обходила трехъ, четырехъ спеціалистовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ право и рѣдкій не считалъ себя обязаннымъ, производить въ ней любыя сокращенія, для приданія статьѣ самой идеальной чистоты и скромности. Касалось дѣло продовольствія войскъ—статью читалъ военный цензоръ; шло дѣло о балетѣ—его сглаживалъ театральный цензоръ; говорилось о размѣнной монетѣ—цензоръ министерства финансовъ; о народномъ здоровьѣ—тоже свой подлежащій цензоръ, и такъ до всего. Теперь этихъ цензоровъ не то что не будетъ, но они не будутъ вмѣшиваться на всякомъ шагу, т. е. не будутъ вмѣшиваться тогда, когда обыкновенный цензоръ, читающій предварительно статью, увидитъ, что ему нѣтъ никакой опасности принять ее на свой страхъ. «Въ *сомнительныхъ* же случаяхъ, цензурные комитеты будутъ обращаться къ министру народнаго просвѣщенія, а онъ къ спеціальнымъ вѣдомствамъ.» Опять значитъ то же самое. «Сомнительные случаи!» Да что же собственно будетъ относиться къ сомнительнымъ случаямъ? Очевидно, подъ эту рубрику станетъ подводиться все, неодобряющее извѣстныя распоряженія или извѣстныя дѣйствія по извѣстному вѣдомству. Въ чемъ же облегчается такимъ образомъ русская печать? Кажется, ровно ни въ чемъ. Слова, въ родѣ «сомнительныхъ случаевъ», «затруднительныхъ обстоятельствъ» и тому подобнаго, кажется, давно слѣдуетъ обречь совершенному изгнанію изъ законодательнаго языка: смыслъ ихъ слишкомъ неопредѣлителенъ и даетъ слишкомъ много простора чиновничьему произволу. Извѣстно, какую ширь дало этому произволу одно слово, стоящее послѣ одной статьи закона о сектахъ. Въ ней, послѣ наименованія вредныхъ ересей: духоборцевъ, иноборцевъ, іудействующихъ и скопцовъ, сказано: «*и другихъ*, признаваемыхъ вредными», и это то коротенькое словцо «*и другихъ*» было поводомъ къ безпредѣльнымъ толкованіямъ, которыя, конечно, давали себя, кому слѣдовало, чувствовать. То же самое, разумѣется, можетъ быть, да и должно быть съ относящимися къ намъ «*сомнительными случаями*». Вѣдь, говорятъ, что и самое сомнѣніе сомнительно. Какъ же увѣрять недовѣрчиваго и склоннаго сомнѣваться цензора въ несомнѣнности того, что ему покажется почему либо сомнительнымъ? Это невозможно, и потому можемъ надѣяться, что старая канитель опять потянется,

только на новый ладъ. *Духовная* же и *придворная* спеціальныя цензуры остаются на старыхъ основаніяхъ.

Наше мнѣніе таково, что всѣ преступленія, совершаемыя посредствомъ печати, должны подлежать взысканіямъ по общимъ законамъ государства. Пресса не должна произносить безотвѣтственно всего того, чего законами образованной страны непозволено публично произносить человѣческимъ устамъ—и только. За всякую сказанную публично клевету, ложь, вмѣшательство въ семейное дѣло, неоглашенное ни одною изъ тѣхъ сторонъ, до которыхъ оно касается, богохульство и порицаніе имени особъ царствующей династіи, человѣкъ подлежитъ наказанію, котораго нельзя назвать легкимъ, *если судъ будетъ праведенъ*; тѣмъ же самымъ закономъ долженъ быть осужденъ человѣкъ, который позволитъ себѣ такія нарушенія сдѣлать не устно, а печатно. Это по крайней мѣрѣ будетъ логично и справедливо, и этого будетъ совершенно довольно, какъ для удержанія людей, неумѣющихъ благоразумно пользоваться свободою, такъ и для общей безопасности страны. Если бы, при такомъ положеніи, явились секретно составляемые и также секретно печатаемые пасквили и ругательства, то они немогли бы имѣть никакого успѣха, ибо встрѣтили бы отпоръ въ безмолвствующихъ нынѣ честныхъ органахъ журналистики, и *злонамѣренныя* произведенія секретной прессы оставались бы въ нашемъ обществѣ такими же безсильными и ничтожными явленіями, какими остаются, напримѣръ, нѣкоторыя шотландскія газетки въ Англіи. Параллели, которыя можно теперь вывесть изъ различнаго положенія прессы и изъ благополучія разныхъ странъ въ Европѣ, позволяютъ намъ желать у себя водворенія англійскаго закона о прессѣ.

Если же нужны, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, переходныя мѣры, то можно, кажется, объявить публично точный списокъ вопросамъ, которыхъ, по правительственнымъ соображеніямъ, печать не должна касаться, и затѣмъ, за всякое нарушеніе этого, *точно опредѣленнаго*, ограниченія, подвести литераторовъ подъ общую отвѣтственность предъ существующими теперь судами, съ тѣмъ однако, чтобы провинность и присужденное за нее наказаніе были оглашены посредствомъ печати. Въ этомъ, смѣемъ думать, нѣтъ ничего опаснаго, но это дѣйствительно было бы можно назвать *переходною мѣрою*. Правительство могло бы самымъ опытомъ убѣдиться, что пресса умѣетъ

дорожить его довѣріемъ и держать себя въ границахъ, и тогда само оно могло бы рѣшительнѣе и спокойнѣе идти въ другихъ своихъ благородныхъ начинаніяхъ.

Теперь читатель еще можетъ спросить: откуда же въ самой литературѣ есть гг. Мельгуновы, стоящіе *за* предварительную цензуру? Изъ крайнихъ лагерей, читатель. Изъ Нашего времени и изъ другихъ мѣстъ. Послѣдніе отъ злости и покраснѣвшіе отъ досады въ извѣстныхъ пунктахъ всегда сходились, и лучшею порою была для нихъ та, когда всякое опроверженіе ихъ мнѣній они могутъ назвать доносомъ и тѣмъ заставляютъ молчать людей, способныхъ и готовыхъ отвѣчать имъ, но пренебрегающихъ всякимъ неровнымъ оружіемъ. *Точное* опредѣленіе запретныхъ пунктовъ сравняетъ права каждаго органа; щекотливое опасеніе написать, вмѣсто опроверженія, доносъ—исчезнетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ минетъ золотая пора для разноцвѣтныхъ желчевиковъ.

Давнишнее сознаніе литераторовъ, что стѣсненіе печати посредствомъ предварительной цензуры не только безполезно, но даже вредно какъ для общества, такъ и для государства, если мы не ошибаемся, дѣлается сознаніемъ *всеобщимъ*. Мы вполнѣ согласны со словами уважаемой нами, за независимость мнѣній, хотя и не солидарной съ нашими убѣжденіями, редакціи Дня, Государство, говоритъ она, въ видахъ собственнаго сохраненія, должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся въ литературѣ. Однимъ словомъ, если государство желаетъ *жить*, то должно соблюдать непремѣнное *условіе жизни*, внѣ которыхъ *смерть и разрушеніе*; условіе жизни государства есть жизнь общества; *условіе жизни* общества—есть *свобода слова*, какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія слова, есть *опасное* для государства учрежденіе, ибо, не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова лжи и лицемѣрія (*).

И дѣйствительно, странно и больше чѣмъ странно людямъ совершеннолѣтнимъ, людямъ, получившимъ надлежащее образованіе, людямъ, назначеніе которыхъ—стоять въ главѣ общественной мысли, выражать печатнымъ словомъ мнѣніе общества,—

(*) День № 31-й.

странно такимъ людямъ находиться подъ такой опекой, какая неумѣстна даже ни для малолѣтныхъ, ни для имѣвшихъ несчастіе подвергнуться разстройству умственныхъ способностей. И дѣтямъ, и сумасшедшимъ позволяютъ все говорить, а литератора, журналиста держатъ на помочахъ. Скажутъ, что между словомъ и печатью большая разница; но вѣдь и между ребенкомъ и публицистомъ тоже большая разница. Да и что такое печатно говорятъ публицисты и литераторы? Не то ли же самое, что думаетъ общество? Не служатъ ли они лишь орудіемъ выраженія общественнаго мнѣнія? А наложить оковы на мнѣніе общественное нѣтъ возможности для человѣка. Мысль не вещь—ее въ руки не возьмешь, въ темный уголокъ не засадишь. Стѣсненіе мысли въ печати не есть умерщвленіе ея, а лишь самый вѣрный способъ къ ея распространенію.

Пояснимъ это нѣкоторыми примѣрами. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Грибоѣдовъ написалъ самую лучшую русскую комедію. Еще прежде, нежели ее напечатали, она разошлась по Россіи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Ее напечатали и нѣсколько разъ перепечатывали, давали на сценѣ, но съ выпусками нѣкоторыхъ мѣстъ. Пропущенныя въ печати мѣста были въ родѣ слѣдующихъ.

Мундиръ, одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету,
И намъ за нами въ путь счастливый?
И въ женѣ, въ дочеряхъ къ мундиру таже страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали—
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.

или:

Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ,
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи! .

или:

Графиня бабушка.

Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній...

Хлестова.

И вправь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.
Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе.... да.... го.... ническій—такъ кажется зовутъ—
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи;
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня;
Чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Өедоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ два,
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! Нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,
Забрать всѣ книги да и сжечь.

Загорецкій (*съ кротостью*).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари!

Теперь «Горе отъ Ума» напечатано все безъ пропуска какъ приведенныхъ, такъ и всѣхъ другихъ *опасныхъ* мѣстъ (спѣшимъ сказать это преимущественно для успокоенія нашего цензора, который безъ этого, пожалуй, по старой привычкѣ, призадумается, особенно надъ послѣдними строками), но спрашивается: кто изъ

людей, прочитавшихъ новое изданіе грибоѣдовской комедіи, сдѣланное г. Тибленомъ, нашелъ въ ней хоть одно незнакомое слово? Вѣдь у всякаго мало-мальски образованнаго человѣка былъ рукописный экземпляръ «Горя отъ Ума» и не одинъ, а два, три; да мало этого—всѣ знали и знаютъ изъ «Горя отъ Ума» цѣлыя тирады наизусть, а особенно считавшіяся *опасными*. Многія изъ нихъ обратились даже въ пословицы, напримѣръ:

Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой.

—

Тесть нѣмецъ, а что проку?

—

Да онъ властей не признаетъ.

—

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья.

—

Въ чинахъ мы не большихъ.

—

У насъ есть общество и тайныя собранья—
Секретнѣйшій союзъ!

А этихъ словъ до 1862 года не было въ печати. Спрашивается: для огражденія какого государственнаго блага цензура 40 лѣтъ не позволяла ихъ печатать, тогда какъ ихъ всѣ знали наизусть и употребляли въ разговорахъ—за пословицы? Мы ужъ не говоримъ о томъ, какъ, во время оно, изъ поваренныхъ книгъ во фразѣ: «поставь пирогъ *въ вольный духъ*»—послѣднія слова, какъ опасныя, вычеркивались и замѣнялись словомъ *печка*. Мы уже не говоримъ, что въ такомъ даже напримѣръ Сборникѣ, какъ «Записки археологическаго общества», въ сборникѣ, назначенномъ исключительно для однихъ спеціально ученыхъ, сдѣлана была замѣчательная поправка. Говорилось о происхожденіи разныхъ русскихъ аристократическихъ домовъ и сказано было, словами старинныхъ родословныхъ книгъ и русскихъ лѣтописей: «выѣхалъ въ Москву мужъ честенъ Андрей Кобыла, и отъ него пошли Кобылины, Сухово-Кобылины» и т. д. длинный рядъ фамилій. Но въ числѣ этихъ фамилій поименована фамилія Романовыхъ, избранныхъ послѣ на престолъ. Цензура признала неприличнымъ имя родоначальника царственнаго рода, жившаго 500 лѣтъ тому назадъ, и вмѣсто русскаго прозванія *Кобыла*, было напечатано, Богъ вѣсть какое слово *Камбила*.... Мы при-

*

водимъ все это не съ какою либо другою цѣлію, какъ единственно для указанія, до какихъ странностей можетъ доходить предварительная цензура, при которой все зависитъ отъ личности цензора. Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе образованъ цензоръ, тѣмъ болѣе уважаетъ онъ науку и мысль, тѣмъ дѣйствія его благоразумнѣе и для литературы и общества менѣе вредны. Менѣе при такомъ условіи и смѣшнаго. Поэтому, когда цензоры были непремѣнно изъ университетскихъ профессоровъ, цензура была благоразумнѣе, а литература и общество теряли менѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда цензоръ изъ не университетскаго сословія получилъ характеръ чисто полицейскій. Замѣчателенъ фактъ въ исторіи русской цензуры: когда цензура отошла отъ профессоровъ, тогда увеличилась такъ называемая *рукописная литература*; когда разными неоглашенными дополненіями къ цензурному уставу литература была еще болѣе стѣснена, и послѣдовали строгія преслѣдованія рукописной литературы, явилась *заграничная русская пресса*; наконецъ, когда съ особенной строгостью стали преслѣдовать произведенія этой прессы, а русская печать подпала подъ вліяніе не одной, а двадцати цензуръ отъ разныхъ вѣдомствъ, явилась такъ называемая *подпольная пресса*, о которой объявилъ недавно с.-петербургскій оберъполиціймейстеръ.

Мы убѣждены, что Герценъ и его заграничные подражатели созданы отечественною цензурою и что произведенія домашней прессы подпольной праматерью своей имѣютъ ту же отечественную цензуру. Замѣчательно, что съ нѣкотораго времени значеніе Герцена и другихъ русскихъ заграничныхъ публицистовъ значительно ослабѣло въ Россіи, и «Колоколъ» читается далеко не съ такимъ увлеченіемъ, какъ прежде. Что это значитъ? Изсякъ талантъ заграничнаго публициста, притупились его сарказмы, или онъ измѣнилъ свои убѣжденія, или онъ и въ самомъ дѣлѣ попалъ въ отсталые, какъ говорятъ наши ультралибералы? Нѣтъ, талантъ такой же, какъ былъ прежде, сарказмы попрежнему колки, а убѣжденій своихъ такіе люди не измѣняютъ и оставить не могутъ. Отчего же «Колоколъ» не читается теперь съ такою же жадностью, съ какою читался еще очень недавно? Причину этого мы полагаемъ въ томъ, что теперь, благодаря укрощенію цензурнаго террора правительствомъ, стали въ русскихъ журналахъ появляться статьи, вовсе неопасныя и даже весьма

полезныя, однако такія, напечатаніе которыхъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, возможно было лишь за границей. Мы убѣждены, что съ того дня, когда предварительная цензура будетъ у насъ окончательно уничтожена, Герценъ долженъ будетъ прекратить свое изданіе, или ограничиться одними памфлетами.

Однако же, говорятъ рутинеры, нельзя литературу совсѣмъ безъ цензуры оставить—вѣдь этакъ, въ одинъ прекрасный день явится въ какой нибудь газетѣ что нибудь въ родѣ того, печатаніемъ чего занимается теперь подпольная пресса. Прекрасно. Мы отнюдь не отвергаемъ возможности такого случая, ибо отвергаемъ только одно противоестественное, а въ появленіи какого нибудь «Великорусса» на страницахъ петербургской газеты сверхъестественнаго нѣтъ. Но вѣдь у правительства всегда въ рукахъ средство, самое вѣрное и самое надежное для предупрежденія подобныхъ случаевъ. Вѣдь правительство разрѣшаетъ тому или другому лицу издавать журналъ или газету. Пусть же оно не даетъ этого права ни сумасшедшимъ, ни идіотамъ. Тогда приведенный нами *возможный* случай будетъ рѣшительно *невозможенъ*. Но—говорятъ рутинеры—прокламаціи такого рода будутъ являться не въ журналахъ, не въ газетѣ, а въ брошюрахъ и на отдѣльныхъ листахъ, если будетъ уничтожена предварительная цензура. Прекрасно. Мы не отвергаемъ возможности и такихъ случаевъ, но вѣдь разрѣшеніе имѣть типографіи зависитъ тоже отъ правительства—пусть оно не даетъ и этого разрѣшенія ни сумасшедшему, ни идіоту. Однако, могутъ быть тайныя типографіи, которыя и есть, говорятъ рутинеры. А, это дѣло другое, но оно на столько же касается литературы, на сколько дѣланіе фальшивой монеты — производства монетнаго двора, что́ въ Петропавловской крѣпости. Тутъ нужна не цензура, а хорошая полиція. Странно было бы отнять у всѣхъ людей ножи на томъ основаніи, что ножемъ можно перерѣзать человѣку горло, а такъ какъ необходимо же рѣзать ножемъ и хлѣбъ, то обязать каждаго, предварительно рѣзанью, показывать какой либо приставленной власти ножъ и коровай, и получивъ дозволеніе рѣзать хлѣбъ и изрѣзавъ его, представить цензурѣ для удостовѣренія отрѣзанные ломти, въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ, и затѣмъ уже, по выдачѣ билета, ѣсть ломти самому и гостей оными подчивать дозволяется....

Всѣ произведенія подпольной прессы должны быть преслѣдуемы

полиціей, а не цензурой. Печать, какъ и всякое другое дѣйствіе человѣка, можетъ быть употреблена во зло. Для предупрежденія и пресѣченія преступленій и злоупотребленій существуетъ полиція. Это ея дѣло. Она должна открыть злоупотребленіе печати и, приведя въ надлежащую ясность дѣло, предоставить суду положить законное взысканіе. Но произведенія подпольной прессы могутъ быть разнаго рода, какъ напримѣръ: а) контрфакція или тайная перепечатка сочиненій автора, безъ его или наслѣдниковъ его на то согласія,—иначе тайное литературное воровство; б) сочиненія, оскорбительныя для какихъ бы то ни было лицъ; в) противныя цензурному уставу (антирелигіозныя или оскорбительныя для лицъ императорской фамиліи); г) политическія прокламаціи и воззванія. Намъ кажется, что произведенія подпольной прессы, относящіяся къ первому разряду, должны быть преслѣдуемы не иначе, какъ по жалобѣ литератора, у котораго произведено литературное похищеніе, или его наслѣдниковъ; оскорбительныя для чьей либо личности сочиненія—не иначе, какъ по жалобѣ обиженнаго. Вѣдь по общему закону, дѣла о личныхъ обидахъ возникаютъ не иначе, какъ по жалобѣ обиженнаго... Зачѣмъ же исключенія? Мы не видимъ достаточнаго основанія для отмѣны этого вполнѣ справедливаго закона въ случаяхъ оскорбленія личности тайной или открытой печатью. Остальныя произведенія подпольной прессы должны преслѣдоваться, какъ нарушенія общественнаго порядка. Само собою разумѣется, что и въ первыхъ двухъ случаяхъ необжалованіе литераторомъ, у котораго произведено хищеніе, или оскорбленнымъ лицомъ произведенія подпольной прессы, не отстраняетъ преслѣдованія полиціей тайно существующихъ типографій, за то, что онѣ существуютъ безъ законнаго на существованіе ихъ дозволенія.

Сочиненія, напечатанныя въ дозволенныхъ типографіяхъ, должны быть, по нашему мнѣнію, преслѣдуемы закономъ только въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Въ случаѣ контрфакціи, *по жалобѣ* того, чье право на литературную собственность нарушено, или его наслѣдниковъ.

б) Въ случаѣ оскорбленія чьей либо личности, *по жалобѣ* обиженнаго.

в) Въ случаѣ напечатанія недозволенныхъ закономъ о цензурѣ сочиненій, противныхъ общественному порядку, *по обличенію* со стороны правительственнаго учрежденія или лица (прокурора,

напримѣръ). Къ этимъ сочиненіямъ (противнымъ общественному порядку) могутъ быть, по нашему мнѣнію, отнесены сочиненія антирелигіозныя, сочиненія, оскорбительныя для лицъ императорской фамиліи, и наконецъ прокламаціи, воззванія и т. п., имѣющія цѣлію нарушеніе общественнаго спокойствія или государственную измѣну.

Подъ именемъ антирелигіозныхъ сочиненій мы разумѣемъ лишь тѣ, кототыя написаны съ цѣлію прямаго и открытаго опроверженія основныхъ догматовъ христіанской вѣры, а также исключительно кощунственныя сочиненія, написанныя съ единственною цѣлію представленія христіанскихъ догматовъ и обрядовъ въ смѣшномъ видѣ. Дѣла по преслѣдованію такого рода произведеній и для суда надъ ихъ авторами должны, какъ намъ кажется, возникать также по обвиненію со стороны гражданскаго, свѣтскаго обвинителя преступленій и проступковъ, а не со стороны духовенства. Жалобы, а тѣмъ менѣе преслѣдованія со стороны духовенства, по нашему мнѣнію, несообразны съ достоинствомъ церкви и противны прямому смыслу ученія Іисуса Христа, который сказалъ: «Милости хочу, а не жертвы», а о противникахъ Своего ученія заповѣдалъ вѣрнымъ: «Буди тебѣ яко язычникъ и мытарь». Но антирелигіозное печатное слово въ рукахъ духовенства есть несравненно сильнѣйшее орудіе, чѣмъ преслѣдованіе его гражданскимъ закономъ. Это то же печатное слово. Истины христіанства такъ высоки и такъ ясны для вѣрующихъ, что опровергнуть противника ихъ и посрамить кощуна печатнымъ словомъ всегда легко для пастырей церкви. Здѣсь кстати должно коснуться духовной цензуры. По нашему мнѣнію, предварительная цензура не должна существовать, но предварительная духовная цензура нужна въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно:

а) При изданіи текста священнаго писанія.
б) — — текста богослужебныхъ книгъ.
в) — — каноническихъ правилъ церкви.
г) — — твореній св. отцовъ.
д) — — катихизисовъ и курсовъ догматическаго богословія по ученію православной церкви, а также и другихъ сочиненій, исключительно посвященныхъ разъясненію или толкованію основныхъ догматовъ вѣры.

Первые четыре разряда изданій должны поступать на предварительную духовную цензуру въ видахъ охраненія чистоты текста,

а цензура произведеній послѣдняго разряда необходима для того, чтобы книги, научающія догматамъ православія, предварительно обсуждены были людьми компетентными, съ цѣлію охраненія чистоты догматовъ. Само собою разумѣется, что это не должно относиться до духовныхъ книгъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, раскольническихъ, магометанскихъ, еврейскихъ и проч., лишь бы не было въ нихъ прямаго порицанія и кощунства надъ существенными догматами православія.

Сочиненія, въ которыхъ заключаются оскорбленія лицъ императорской фамиліи, также должны быть преслѣдуемы закономъ, но не иначе, какъ по предварительному обвиненію, пока полиціи, а по введеніи новаго судоустройства—прокурора.

Политическія прокламаціи и воззванія, противныя общественному благоустройству, должны быть преслѣдуемы тѣмъ же порядкомъ.

Употребляя слова полиція, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, мы разумѣемъ высшую ея инстанцію, т. е. министерство внутреннихъ дѣлъ. Всякое вмѣшательство въ этого рода дѣла какого бы то ни было другаго вѣдомства, хотя бы по существу своего назначенія и близкаго къ министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ только вредить дѣлу.

Вотъ въ какихъ видахъ должна существовать, по нашему личному мнѣнію, такъ называемая *карательная цензура*, она должна быть ничѣмъ другимъ, какъ обвиненіемъ передъ установленнымъ судомъ лицъ, нарушившихъ законъ о печати.

Говорить о судѣ, т. е. объ устройствѣ суда по дѣламъ прессы, мы считаемъ нѣсколько преждевременнымъ. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Мы имѣли случай читать предварительныя работы по кореннымъ реформамъ нашего судоустройства и судопроизводства, о предполагаемыхъ: совершенномъ отдѣленіи судебной власти отъ исполнительной, прокурорѣ-обвинителѣ, гласномъ судѣ, присяжныхъ, адвокатурѣ, всеобщемъ равенствѣ предъ судомъ, мировыхъ судьяхъ, судахъ окружныхъ, областныхъ и кассаціонномъ. Прочитавъ этотъ проектъ, мы пришли къ тому убѣжденію, что если онъ будетъ утвержденъ, а предполагать противное мы не имѣемъ никакого основанія, то въ учрежденіи особыхъ какихъ либо судовъ для дѣлъ о печати не будетъ никакой надобности.

Все, что мы сказали въ настоящей статьѣ, сводимъ въ заключеніе.

Карательная цензура, въ смыслѣ обвиненія и представленій суду лицъ, нарушившихъ законы о печати, должна существовать, но не должна имѣть права суда и права наказанія, которое принадлежитъ лишь судебному мѣсту.

Карательная цензура должна обвинять и представлять къ суду напечатавшихъ что либо противное основнымъ догматамъ христіанства, что либо оскорбительное для членовъ императорской фамиліи, политическія прокламаціи и воззванія, клонящіяся къ нарушенію общественнаго благоустройства. Дѣла же по контрофакціямъ и личнымъ обидамъ, должны, по общему закону, возникать не иначе, какъ лишь по жалобѣ обиженнаго.

Предварительная цензура, какъ оказавшаяся совершенно несостоятельною, непринесшая никому и никакой пользы, но повредившая правильному и естественному развитію русской литературы, внесшая въ нее ложь и лицемѣріе, породившая косвеннымъ образомъ заграничную русскую и подпольную прессы, и поставившая литературу, если не во враждебное, то во всякомъ случаѣ и не въ сочувственное отношеніе къ правительству, должна быть отмѣнена, какъ учрежденіе, положительно вредное и для литературы, и для общества, и для государства. Пресса есть сила, и сила немаловажная: она на столько же могущественнѣе силы меча, на сколько мысль сильнѣе физической силы человѣка. Это сознано всѣми образованными народами. Для уничтоженія человѣческой мысли средствъ нѣтъ и не будетъ. Пресса есть выраженіе этой мысли. Естественно, что всякому правительству полезно содѣйствіе такой силы, полезно во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ содѣйствіе штуцеровъ, нарѣзныхъ пушекъ и броненосныхъ кораблей. Русское правительство въ настоящее время не имѣетъ права сказать, чтобы отечественная пресса была ему враждебна, но и не можетъ сказать, чтобы она вполнѣ ему сочувствовала. Искуственное созданіе этой силы, въ формѣ офиціальныхъ и офиціозныхъ печатныхъ органовъ, ни въ одномъ государствѣ никогда не приносило существенной пользы правительству, а у насъ всего менѣе. Только одно *свободное печатное слово* можетъ быть сильнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства... Наше правительство теперь въ этомъ отношеніи не пользуется тою могущественною силою, которою могло бы пользоваться. По

нашему личному мнѣнію, содѣйствіе прессы необходимо правительству, благородно идущему на пути реформъ и совершеннаго переобразованія всего государственнаго строя. Только малодушныя или стремящіяся къ обскурантизму правительства пренебрегаютъ этой силой... Но содѣйствіе этой силы правительству возможно и полезно лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы оно со стороны литературы было *добровольное*, *свободное*. А это возможно лишь при *полной свободѣ печати*, т. е. при отмѣнѣ цензуры. До уничтоженія цензуры правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на содѣйствіе русской прессы, и какія бы строгія мѣры оно не предпринимало, не уничтожитъ ни враждебной ему заграничной русской прессы, ни появившейся въ послѣднее время подпольной.

Заключимъ словами прекрасной статьи «Дня». Если правительство признаетъ свободу мысли, слова и печати *необходимымъ* условіемъ развитія и преуспѣянія общества и государства; если *искренно* убѣждено въ этомъ и любитъ эту свободу такъ же, какъ любятъ пользу, благо отечества, всякое добро и всякую истину, то работа коммисіи, назначенной для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, нетрудна и не многосложна. Ея задачею будетъ провозглашеніе принципа и *устройство этой свободы*, т. е. огражденіе ея твердыми постановленіями отъ всякаго посягательства частнаго произвола и точнаго опредѣленія тѣхъ немногихъ случаевъ, когда слово, переходя въ область положительнаго дѣйствія, можетъ вызвать вмѣшательство власти. Если же правительство, приступая къ реформѣ законовъ о книгопечатаніи, вынуждено къ этому единственно «*безсиліемъ цензурныхъ постановленій* удержать (какъ любятъ выражаться) литературу въ *законныхъ* предѣлахъ», то коммисія будетъ только изыскивать новыя строжайшія мѣры къ удержанію литературы въ этихъ предѣлахъ и упрочитъ антагонизмъ, существующій теперь между литературою и офиціальнымъ міромъ. Если, вмѣсто того, чтобы вызывать къ жизни дѣятельность слова, коммисія будетъ заботиться только о томъ, чтобы создать всевозможныя плотины этой *досадной*, самовластной силѣ, то ей предстоитъ огромный, тяжкій и неблагодарный трудъ! Такъ какъ мы сами еще не очень богаты опытомъ общественной жизни, то пришлось бы прибѣгнуть къ опытности другихъ странъ и примѣнять къ Россіи все, что законо-

дательства иноземныя умѣли сочинить по части вѣдѣній стѣсненія человѣческаго слова. Что нужды до того, что иностранные законы вызваны мѣстною исторіею, особенными домашними обстоятельствами, условіями общественнаго развитія? благо есть готовые законы... Благонадежнѣе будетъ внести и ихъ въ нашъ кодексъ. Можетъ быть, въ Липпе-Детмольдскомъ княжествѣ есть... хорошенькая мѣра; отчего же ею и не воспользоваться?

Мы, впрочемъ, съ своей стороны надѣемся, что коммисія исполнитъ дѣло свое *разумно*, т. е. прямо пойдетъ къ отмѣнѣ цензуры. Разумѣемъ здѣсь цензуру предварительную; карательной же цензуры мы цензурой не признаемъ. Это есть общая полиція и общій судъ, тѣ же самая полиція и судъ, которые учреждены и противъ смертоубійствъ, и противъ воровства, и противъ поджоговъ, и противъ грабежей, и противъ другихъ преступленій, нарушающихъ права личности или всего общества. Но и тутъ оскорбленіе печатнымъ словомъ всякой личности, кромѣ лицъ императорской фамиліи, должно начинаться не иначе, какъ по общему закону, дѣйствующему въ Россіи, т. е. по жалобѣ обиженнаго.

Было бы очень грустно, если бы коммисія ограничилась (какъ это у насъ часто бываетъ) полумѣрами, т. е. не то что совершеннымъ уничтоженіемъ цензуры, не то что подтвержденіемъ ея въ настоящей силѣ. Здѣсь нуженъ рѣшительный шагъ, шагъ разумный. Мелочныя соображенія должны быть устранены, угождать рутинерамъ не слѣдуетъ. Провѣрьте хорошенько желанія рутинеровъ, и вы увидите, что не благо общее руководитъ ими, а опасенія мелочнаго, азіятскаго эгоизма. Сдѣлайте рѣшительный шагъ, скажите всякимъ пальятивнымъ мѣрамъ «мимо!» и отечеству будетъ благо. Вѣдь не все же намъ дѣлать рѣшительные шаги при взятіи какого нибудь Измаила; покажите доблесть рѣшимости на поприщѣ мирной гражданской дѣятельности, и Россія добромъ помянетъ имена ваши...

7.

(*О цензурѣ*).

«Цензура, какъ орудіе стѣсненія слова, есть *опасное* для государства учрежденіе, ибо, не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начала лжи и лицемѣрія.» Приведя это мнѣніе *Дня* (ст. 31-й, № 12, мая 1862 года) и заявляя свое совершенное согласіе съ этимъ мнѣніемъ, мы выражаемъ такимъ образомъ нашъ взглядъ на весьма опасныя цензурныя учрежденія. Особая статья о цензурѣ, изготовленная въ нашей редакціи, вскорѣ послѣ предоставленія намъ права выразить свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, не смотря на это право, не могла явиться въ печати. *День* гораздо счастливѣе, и мы сердечно радуемся, что этому честному органу удалось ловчѣе насъ формулировать свое искреннее мнѣніе о цензурѣ. Имѣя достаточно опыта и знакомства съ характеромъ цензурныхъ учрежденій, мы признаемъ положительно вредною какъ цензуру предварительную, такъ и цензуру карательную, и стоимъ за полную свободу печатнаго слова, ибо (повторяемъ выраженіе «Дня») «свобода слова относится точно такъ же къ нравственной сторонѣ человѣка, какъ свобода спать и ѣсть—къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова точно такъ же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы, въ предупрежденіе золъ, которыя можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и возможность существованія какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ.» Современныя обстоятельства, при которыхъ

появляются то здѣсь, то тамъ листки секретной печати служатъ яснымъ доказательствомъ, что у насъ начинается борьба идей и что люди, пренебрегая личною тяжелою отвѣтственностью за секретныя изданія, ведутъ свою пропаганду, не стѣсняясь существованіемъ цензурныхъ учрежденій въ Россіи. Изданія эти, расходясь въ обществѣ, волнуютъ молодые и пылкіе умы, а литература, подвѣдомая цензурнымъ учрежденіямъ, не можетъ отнестись критически ни къ одному изъ этихъ изданій. Вотъ наглядный примѣръ вреда цензуры для общества и для самого правительства, обязаннаго не пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ— которое составляетъ самую твердую его опору. Другой примѣръ, это замаскированная коммунистическая теорія и ученіе соціалистовъ, котораго нѣкоторые у насъ держатся. Въ новыхъ *временныхъ* цензурныхъ правилахъ, сообщенныхъ намъ 17-го мая, опять воспрещается развивать *вредныя* идеи соціализма и коммунизма. Значитъ, опять тѣ, которые вѣруютъ въ это ученіе, будутъ служить ему, отрицая все, что не подходитъ къ ихъ плану, а мы должны молчать, потому что они не выскажутъ ясно своихъ стремленій, и оспаривать значитъ нечего. А ужъ есть ли что нибудь на свѣтѣ безопаснѣе ученія соціалистовъ?! Вся сила этого ученія заключается въ томъ, что ему, въ нѣкоторыхъ странахъ, не даютъ высказываться. Какой соціалистъ русскій человѣкъ? Это смѣшно, это возможно только въ письмахъ Искандера къ Мишле, но никогда не на дѣлѣ, не въ Россіи. Всѣ соціалисты и коммунисты, сколько ихъ имѣется у насъ въ наличности, гораздо счастливѣе теперь, когда они волей-неволей занимаются только отрицаніемъ всѣхъ существующихъ порядковъ; но когда имъ будетъ дозволена свободная пропаганда своего ученія, то они просто будутъ.... жалки, пожалуй, смѣшны, но никакъ не опасны. Самый даровитый литераторъ-соціалистъ провалится въ мнѣніи русскаго общества тотчасъ же, какъ скажетъ послѣднее слово своей теоріи. За это сто шансовъ противъ одного, и мы увѣрены, что безвредное для Россіи ученіе соціализма завербуетъ себѣ наибольшее число новыхъ учениковъ, именно въ то время, когда открытая проповѣдь соціализма невозможна, и молодымъ ставленникамъ (?) нечѣмъ повѣрять религіи своихъ наставниковъ. Это по-нашему очень похоже на исторію съ русскимъ религіознымъ расколомъ. Примѣровъ вреда, приносимаго цензурою для общества, читающаго «ложь и лицемѣріе», можно при-

вести столько, что и міру всему не вмѣстить этихъ описаній, а литераторовъ и издателей цензура просто грабитъ. У первыхъ она отнимаетъ силы, и заставляетъ ихъ изощряться въ хитрыхъ оборотахъ, мало кому доступныхъ, а вторыхъ доводитъ до раззоренія. Вредъ этого *опаснаго*, по удачному выраженію «Дня», учрежденія несомнѣненъ, и, слава Богу, сознанъ нашимъ правительствомъ, которое готовитъ для насъ новыя правила о печати. Мы не будемъ болѣе распространяться о томъ, что было и что теперь минуетъ, а поговоримъ о томъ, что ждетъ нашу прессу.

Сатирическій журналъ Гудокъ, относясь къ вопросу о двухъ видахъ цензуры, т. е. о цензурѣ предварительной, при которой живетъ нынѣшняя наша литература, и о цензурѣ карательной, при которой идетъ напримѣръ современная литература Франціи, высказалъ такое метафорическое, но весьма меткое и справедливое заключеніе: «*Предварительная* цензура — это намордникъ, сквозь который можно лаять, нюхать, лизать, но укусить — ни какимъ образомъ; подобіе же карательной цензуры каждый русскій человѣкъ можетъ видѣть на медвѣдяхъ, которыхъ водятъ ярославскіе мужики, для увеселенія публики. *Кольцо, продѣтое въ ноздри и подпиленные зубы—вотъ эмблемы каранія.* Физически можно укусить хотя и подпиленными зубами; но какъ медвѣдь по опыту знаетъ, что за всякую дерзость бываетъ очень больно его ноздрѣ, то всякая попытка и ограничивается лишь желаніемъ. Которая цензура лучше—предоставляемъ дѣлать выводъ самому читателю; что же до насъ, то, по нашему мнѣнію, *обѣ лучше.*» Въ переводѣ съ языка сатирическаго журнала на обыкновенный языкъ это, кажется, будетъ значить «*обѣ хуже*», и именно обѣ эти цензуры хуже положительнаго подведенія преступленій по книгопечатанію подъ общій уголовный кодексъ гласнаго судопроизводства. Но, во-первыхъ, у насъ пока еще нѣтъ гласнаго судопроизводства, а во-вторыхъ правительство, кажется, не раздѣляетъ нашего мнѣнія о необходимости подвести преступленія, совершенныя посредствомъ печати, подъ общіе уголовные законы, и признаетъ необходимымъ для этого особый кодексъ. Слѣдовательно, намъ всего приличнѣе поговорить теперь объ этомъ кодексѣ. Каковы будутъ правила этого кодекса — мы, конечно, предсказать не беремся, но попытаемся изложить свой взглядъ на соображенія Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія,

сравнивая эти соображенія съ правилами, проектированными редакціею *Дня* (см. № 32) и предложенными ею на общее обсужденіе. Намъ извѣстно, что учрежденная, по Высочайшей волѣ, коммисія должна заняться не только пересмотромъ постановленій, вошедшихъ въ сводъ законовъ и касающихся цензуры, типографій, книжныхъ лавокъ, разносной торговли книгами и другихъ, относящихся къ книгопечатанію постановленій, но и особыхъ правилъ и распоряженій по цензурному вѣдомству, *которыя состоялись съ 1828 года*, и не были отмѣнены, хотя впрочемъ многія изъ нихъ уже давно не исполняются, а иныя противорѣчатъ одно другому, также постановленій о взысканіяхъ за нарушеніе цензурныхъ правилъ. При пересмотрѣ существующихъ правилъ о томъ, *что дозволяется* печатать и *чего не дозволяется*, коммисія должна имѣть въ виду: а) необходимость охраненія вѣры, православной церкви, уваженія ко всѣмъ вообще церквямъ, охраненіе основныхъ государственныхъ законовъ, неприкосновенность верховной власти и членовъ царской фамиліи, охраненіе нравственности вообще, чести и домашней жизни каждаго и въ то же время необходимость допускать сужденія о несовершенствѣ прочихъ (!?) законовъ, о несовершенствѣ и злоупотребленіяхъ администраціи, о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ, порокахъ и слабостяхъ людскихъ вообще, и различать статьи и разсужденія чисто ученыя, которыя помѣщаются въ книгахъ и ученыхъ журналахъ, отъ статей, помѣщаемыхъ въ періодическихъ литературныхъ изданіяхъ, газетахъ и особенно тѣхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, которыя читаются народомъ, привыкшимъ у насъ безусловно вѣрить всему печатаемому. Вслѣдствіе сего, коммисіи предстоитъ обсудить вопросы: а) какія книги и періодическія изданія можно бы вовсе освободить отъ предварительной цензуры; б) возможно ли освободить отъ цензуры всѣ вообще періодическія изданія, съ тѣмъ, чтобы редакторъ имѣлъ право выбора: печатать безъ цензуры подъ своею отвѣтственностію или обращаться къ цензору, не отвѣчая уже за пропущенную статью, и съ тѣмъ, что если журналъ или газета будутъ подвергнуты цензурѣ за упущенія, то чтобъ издатель выбиралъ отвѣтственнаго редактора, который просматривалъ бы статьи вмѣстѣ съ цензоромъ, и отвѣчалъ бы наравнѣ съ послѣднимъ за пропущенныя ими съ общаго согласія статьи. Коммисіи слѣдуетъ обсудить предположеніе объ установ-

леніи денежныхъ залоговъ съ періодическихъ изданій, и составить правила для залоговъ. Составить правила для полицейскаго предваренія періодическихъ изданій, въ случаѣ замѣчаемаго общаго вреднаго направленія оныхъ, также правила для надзора за типографіями и представленія изъ типографій на срочный просмотръ книгъ и всякаго рода изданій, которыя дозволено будетъ печатать безъ цензуры. Когда будутъ одобрены Государемъ Императоромъ общія начала устройства судебной части въ имперіи, коммисіи слѣдуетъ составить предположеніе объ учрежденіи особыхъ судовъ по дѣламъ книгопечатанія, на основаніи помянутыхъ началъ.

Стремясь къ исполненію такихъ предначертаній, коммисія шла къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ:

1) Нужна ли вообще предварительная цензура при настоящемъ положеніи Россіи, и можетъ ли она быть вполнѣ и безусловно замѣнена законодательствомъ преслѣдовательнымъ?

2) Должны ли всѣ безъ изъятія произведенія словесности, наукъ и искуствъ, назначаемыя къ изданію въ свѣтъ, подлежать предварительной цензурѣ, или могутъ быть нынѣ же допущены изъятія?

3) Достаточны ли нынѣ дѣйствующія у насъ полицейское и уголовное законодательства для предупрежденія и преслѣдованія проступковъ и преступленій печати?

4) Въ чемъ собственно долженъ заключаться трудъ, предстоящій коммисіи?

Не вдаваясь въ отвлеченное сужденіе о превосходствахъ одной какой либо системы законодательства предъ другой, коммисія признала полезнымъ съ возможною подробностію обсудить: вопервыхъ, тѣ побудительныя причины, которыя вызываютъ потребность реформы въ существующихъ постановленіяхъ о книгопечатаніи, и во вторыхъ, тѣ условія, при которыхъ эта реформа должна осуществиться.

Она убѣдилась, что недостатки нашихъ дѣйствующихъ постановленій не суть частные, легко исправимые поясненіемъ или дополненіемъ закона, но заключаются въ самой системѣ, неудовлетворяющей современнымъ потребностямъ правительства и литературы. Что цензурныя установленія сдѣлались *безсильными*, и представились анахронизмомъ съ той поры, какъ окружавшая ихъ среда измѣнилась.

Вторая причина заключается въ справедливомъ желаніи правительства не оставлять безнаказанными публичное распространеніе вредныхъ ученій и публичное оскорбленіе должностныхъ и частныхъ лицъ. Но всякое преслѣдованіе подобныхъ преступныхъ дѣйствій, при существованіи цензуры, дѣлается весьма труднымъ и во всякомъ случаѣ юридически несправедливымъ, и въ случаяхъ важныхъ правительство рѣшается силою административной власти карать виновныхъ, возбуждая тѣмъ болѣе сочувствіе къ проступку, чѣмъ уваженіе къ закону. Все это естественно нарушаетъ правильный строй государственныхъ учрежденій, и отвлекаетъ самыя высшія власти отъ прямыхъ ихъ обязанностей, заставляя вмѣшиваться въ полицейскій разборъ дѣлъ. Правительство, приступая къ реформѣ законодательства о книгопечатаніи, имѣетъ цѣлью: 1) удержать литературу, мѣрами дѣйствительными, практически исполнимыми, въ предѣлахъ, необходимыхъ для спокойствія государства и частныхъ лицъ; 2) имѣть возможность силою закона и законнымъ порядкомъ карать виновныхъ въ нарушеніи правилъ, и 3) имѣть учрежденія, которыя бы собственною властію, независимо отъ случайнаго вмѣшательства высшихъ государственныхъ установленій, вѣдали дѣла по вопросамъ о книгопечатаніи.

Поводы, побуждающіе литературу желать реформъ въ законахъ о книгопечатаніи, суть инаго рода. Задача цензурныхъ постановленій—предупреждать предполагаемый вредъ отъ невысказанной еще публично мысли—сама по себѣ такъ трудна, что исключаетъ всякую возможность разрѣшить ее въ формѣ хотя сколько нибудь опредѣленнаго правила. Доказательствомъ сему можетъ служить нашъ цензурный уставъ, со всѣми сдѣланными и дѣлаемыми къ нему дополненіями: въ нихъ испробованы, такъ сказать, всѣ формы и всѣ обороты рѣчи для уясненія мысли законодателя, которая тѣмъ не менѣе остается непонятною при примѣненіи ея къ частному случаю. Самый предметъ, по существу своему, не вмѣщается ни въ какія рамки положительнаго закона, какую бы форму ни придумывали для сихъ рамокъ, и мы не имѣемъ даже въ законодательствахъ другихъ народовъ ни одного образца для подражанія, ибо вездѣ мертвая буква закона была признана безсильною начертать живое руководство для оцѣнки живой и безконечно измѣнчивой мысли, выражаемой словомъ.

На этотъ-то неисправимый и существенный недостатокъ цен-

зурнаго законодательства падаетъ первое обвиненіе со стороны литературы. До тѣхъ поръ, пока литература наша, частію искуственными преградами, а частію отъ собственной незрѣлости, занимала второстепенное мѣсто въ общественной жизни, до тѣхъ поръ, пока сама эта общественная жизнь относилась совершенно безучастно къ вопросамъ государственнымъ, до тѣхъ поръ произволъ цензора въ примѣненіи цензурнаго правила не возбуждалъ такого сильнаго негодованія въ литературѣ и въ обществѣ. Теперь же обязанность цензора въ этомъ спорѣ и столкновеніи различныхъ мнѣній, убѣжденій и ученій получаетъ политическое значеніе, и всякая неизбѣжная ошибка его въ оцѣнкѣ стремленій спорящихъ даетъ огромное превосходство одному мнѣнію или ученію передъ другимъ. Къ сожалѣнію, опытъ показываетъ, что это превосходство не всегда дается истинѣ. Прикрытая таинственностію и полунамеками, ложь неуловимо является на свѣтъ, и обличать ее тѣмъ труднѣе, чѣмъ строже цензура, ограждающая ее отъ преслѣдованія. Независимому голосу истины цензура даетъ значеніе обвинительнаго акта, и оставляетъ противному мнѣнію законную отговорку облекать ученіе свое въ заманчивый покровъ таинственности.

При всемъ безсиліи цензурныхъ правилъ предупреждать распространеніе вредныхъ ученій и ограждать интересы частныхъ лицъ, власть цензоровъ—сокращать, измѣнять и вовсе запрещать представляемыя на просмотръ ихъ рукописи не можетъ не казаться придирчивою и не задѣвать авторскаго самолюбія писателей. Отсюда жалобы, неудовольствія и часто раздраженія, поставляющія литературу въ какое-то враждебное отношеніе къ правительству.

Обращаясь засимъ къ обсужденію тѣхъ *условій*, при которыхъ предпринимается у насъ преобразованіе законодательства о книгопечатаніи, прежде всего (коммисія?) замѣчаетъ, что замѣна цензурнаго предупредительнаго законодательства преслѣдовательнымъ, карательнымъ, условливается существованіемъ правильно устроенныхъ судовъ и органовъ преслѣдованія. Этого перваго и самаго существеннаго условія въ настоящее время мы не имѣемъ. Ожидаемое преобразованіе судовъ въ Россіи, при всей неотложности, не можетъ осуществиться прежде двухъ или трехъ лѣтъ, *и даже тогда, когда оно послѣдуетъ, едва ли будетъ благоразумно передать новымъ, еще не утвердившимся практикою и опы-*

томъ судебнымъ мѣстамъ полное вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ печати. Поэтому коммисія не надѣется, чтобы предпринимаемая нынѣ реформа законовъ о книгопечатаніи могла быть связана съ общимъ судебнымъ преобразованіемъ. Эта реформа, по ея мнѣнію, потребуетъ временныхъ спеціальныхъ учрежденій, какъ судебныхъ, такъ и полицейскихъ.

Наконецъ коммисія обращаетъ вниманіе на тѣ политическія условія, въ которыхъ нынѣ находится Россія и которыя во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ имѣли самое рѣшительное вліяніе на характеръ законодательства о печати. По ея убѣжденіямъ, мы вступили въ переходную эпоху, когда строй всей жизни пересоздается, когда самыя основныя учрежденія и понятія колеблются, когда всѣ общественные вопросы разомъ подымаются и ждутъ разрѣшенія,—а въ такія эпохи невозможно создать, для удовлетворенія временной потребности, учрежденія и законы вполнѣ стройные, неприлаженные къ тѣмъ особенностямъ времени и мѣста, при которыхъ совершаются преобразованія. По самому существу своему, законы о печати должны быть соображены съ особенностями того времени, въ которое имъ назначено дѣйствовать. Нельзя не признать, что отжившія уже понятія въ Россіи еще не дали мѣста новымъ, и что сіи послѣднія еще не успѣли достаточно опредѣлиться, чтобы, разсчитывая на опору ихъ, можно было создать что либо окончательно полное въ законодательствѣ о печати. Страхъ преслѣдованія и наказанія за нарушеніе законовъ о печати едва ли, при современномъ настроеніи нашего общества, будетъ достаточно ограждать отъ порывовъ писателей, которые въ общественномъ сочувствіи будутъ искать вознагражденія за временныя лишенія законами, въ видѣ наказанія, опредѣленныя. Роль мучениковъ и страдальцевъ за истину имѣетъ слишкомъ много привлекательныхъ сторонъ для восторженныхъ умовъ, и нѣкоторое время часто будутъ являться добровольные мученики за свободное слово. Съ другой стороны, ухо большинства нашего общества едва ли готово будетъ спокойно вытерпѣть первый диссонансъ дерзкой рѣчи, хотя и не оставшейся безъ должнаго взысканія. При всѣхъ положительныхъ превосходствахъ законодательства, преслѣдовательнаго предъ предупредительнымъ, нельзя, слѣдовательно, не признать, что первое требуетъ такихъ условій, которыя у насъ не существуютъ. А потому *коммисія пришла къ убѣжденію,*

что въ настоящее время совершенная и внезапная отмѣна цензуры и полная замѣна ея законодательствомъ карательнымъ не можетъ быть полезною, и предпринимаемое нынѣ исправленіе, дополненіе и измѣненіе постановленій о книгопечатаніи должно проложить путь, по которому бы правительство могло прійти со временемъ и даже въ неотдаленномъ будущемъ къ возможности принять другую систему огражденія общества отъ злоупотребленія печати.

Тѣмъ не менѣе потребность составленія яснаго и полнаго законодательства о печати представляется коммисіи несомнѣнною даже и въ томъ случаѣ, ежели бы вовсе не допущено было никакихъ изъятій отъ цензуры. *Слово*, *письмо* и *печать* суть три способа внѣшняго выраженія мысли человѣка. Свобода проявленія мысли въ сихъ *трехъ* видахъ должна быть ограничена условіями положительнаго закона. Слѣдовательно, есть много общаго въ началахъ тѣхъ ограниченій, которымъ подвергается свобода каждаго изъ упомянутыхъ трехъ видовъ выраженія мысли. Поэтому и законодательство о печати во всѣхъ образованныхъ государствахъ объемлетъ всю совокупность правилъ и регламентовъ, опредѣляющихъ ограниченія для всѣхъ формъ выраженія мысли человѣка. Недостатокъ такого полнаго законодательства становится нынѣ въ Россіи весьма ощутительнымъ. Стѣсненная въ печатномъ проявленіи мысль имѣетъ въ живомъ словѣ, въ письмѣ и въ тайной литографіи безнаказанный способъ переступать за предѣлы дозволеннаго, и правительство тщетно ищетъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ своемъ опредѣлительныхъ правилъ для успѣшнаго, путемъ законнымъ, преслѣдованія нарушенія этихъ правилъ.

Собрать во-едино всѣ дѣйствующія у насъ постановленія о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и проступковъ, учиненныхъ словомъ, письмомъ или печатью, *согласовать* эти постановленія между собою, *дополнить* ихъ сообразно указаніямъ настоящей потребности и *изложить* въ систематическомъ порядкѣ—*вотъ въ главныхъ чертахъ дѣло, которое подлежитъ совершить коммисіи, дабы трудъ ея соотвѣтствовалъ ожиданіямъ правительства и принесъ существенную, а не временную только пользу*. Такимъ образомъ въ составъ законодательства о печати войдутъ: 1) полицейскія охранительныя постановленія о типографіяхъ и литографіяхъ, книжной торговлѣ,

періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ, объ объявленіяхъ, афишахъ, гравюрахъ, рисункахъ, изданіяхъ, медаляхъ и проч., 2) уголовные законы о преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ, совершенныхъ словомъ, письмомъ, печатью и всякимъ инымъ способомъ выраженія мысли; 3) правила преслѣдованія и судопроизводства по нарушенію какъ полицейскихъ постановленій, такъ и уголовныхъ законовъ о печати.

Систематическое изложеніе правилъ по каждой изъ упомянутыхъ трехъ частей представитъ собою законодательство столь полное, что едва ли затѣмъ признано будетъ нужнымъ составить еще отдѣльный *уставъ цензурный* для спеціальнаго руководства цензоровъ. До сихъ поръ всѣ составители уставовъ цензурныхъ пытались, кромѣ запрещеній, изложенныхъ въ 3 пун. устава, опредѣлитв въ законѣ, съ одной стороны, то, что признается полезнымъ и дозволеннымъ, а съ другой—то, что почитается вреднымъ и запрещеннымъ. Для этого старались подробно исчислять предметы, о которыхъ *дозволяется* печатно высказывать разныя мнѣнія. Коммисія, послѣ тщательнаго обсужденія этого предмета, пришла къ убѣжденію, что такой способъ изложенія законовъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Весь успѣхъ и все достоинство подобныхъ законовъ зависятъ отъ неисполнимаго на дѣлѣ условія, а именно: отъ возможности исчислить и описать подробно всѣ вопросы, которые могли бы съ пользою быть предметами гласнаго осужденія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ исполнить подобную задачу? Какъ указать предѣлы дозволеннаго и сдѣлать перечень всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, мыслямъ и мнѣніямъ, о которыхъ дозволяется разсуждать?

Законы могутъ опредѣлять только предѣлы этого пользованія; они постановляютъ ограниченія—такова ихъ цѣль, такова должна быть и форма ихъ изложенія. Нельзя требовать отъ законодателя, чтобы онъ указалъ или объяснилъ то, что дозволено; его *дѣло положительно выразить запрещеніе*—тогда все то, что не запрещено, само собою представляется разрѣшеннымъ. Поэтому цензурный уставъ, какъ и всякій уголовный законъ, постановляющій ограниченіе и предѣлы свободному проявленію воли человѣка, по необходимости долженъ быть облеченъ въ *форму чисто отрицательную*. Въ сущности разница между уголовнымъ закономъ, опредѣляющимъ преступленія и проступки печати, и цензурнымъ уставомъ только та, что первый, вмѣстѣ съ опре-

дѣленіемъ запрещенія, постановляетъ и наказанія за нарушенное запрещеніе; а второй, излагая то же запрещеніе, вооружаетъ цензора властію предупредить фактическое нарушеніе сего запрещенія. Судья, опредѣляющій преступность или непреступность совершеннаго факта, и цензоръ, предупреждающій осуществленіе этого факта, дѣйствуютъ въ силу одного и того же начала: посему для того и для другаго законъ долженъ начертать признаки, по которымъ узнается преступность факта. Слѣдовательно, при существованіи закона карательнаго о преступленіяхъ и проступкахъ печати, нѣтъ нужды имѣть особаго закона предупредительнаго о томъ же предметѣ. *Все, что судъ караетъ, то цензоръ долженъ предупреждать. Такое пониманіе цензурныхъ установленій встрѣчается во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ существовала цензура. Нигдѣ не издавалось особаго законодательства въ формѣ цензурнаго устава. Безполезность его вполнѣ оправдана опытомъ и у насъ.*

Такъ вотъ все, чего мы можемъ ожидать для свободы русской прессы! Заключенія Высочайше учрежденной коммисіи таковы, что въ настоящее время намъ не только невозможно даровать полной свободы печатнаго слова, но даже нельзя и замѣнить существующую у насъ предварительную цензуру карательною. Мнѣніе коммисіи склоняется къ старому виду цензуры, т. е. къ предоставленію цензорамъ права «предупреждать» (яснѣе сказать, *вымарывать*) все то,что судъ караетъ. Послѣ того гнета, подъ которымъ такъ долго и такъ отчаянно страдала русская литература, разумѣется, надо порадоваться и тому, что цензоръ не будетъ болѣе нашимъ гувернеромъ, а поступитъ въ должность литературнаго полиціймейстера, неимѣющаго никакой произвольной власти и обязаннаго «предупреждать только то, *что законъ караетъ*». Но что сколько нибудь лучше, то еще не непремѣнно хорошо. Не смотря на то, что самыя соображенія коммисіи свидѣтельствуютъ о благонамѣренности и просвѣщенности засѣдающихъ въ ней лицъ и что желаніе этихъ лицъ изъять литературу изъ цензорскаго произвола заявляется весьма сильно, они нашли не надежное средство для огражденія авторской мысли отъ цензорскихъ кастрацій. Конечно, особый цензурный уставъ совершенно ненуженъ и всѣ усилія составить такой уставъ такъ, чтобы онъ отвѣчалъ цѣлямъ правительства и не стѣснялъ свободы слова, не только безполезны, но просто смѣшны и жалки.

Дозволеніе цензорамъ недопускать въ печать только тѣхъ мыслей, публичное выраженіе которыхъ запрещается законами страны, понятно. Если не отрѣшиться отъ несчастной мысли о необходимости какой нибудь цензуры, то, пожалуй, лучше придумать ничего невозможно, но желательно знать—надѣются ли просвѣщенные члены коммисіи найдти для цензированія русскихъ книгъ, газетъ и журналовъ такихъ людей, которые съумѣютъ останавливать *только* то, «что законъ караетъ»? Между нашими теперешними цензорами мы не знаемъ людей съ такими способностями, но знаемъ между ними людей, считающихъ обязанностью хоть что нибудь помарать въ цензируемой статьѣ. Такіе *цензоры con amore* найдутъ и непремѣнно найдутъ возможность «предупреждать» очень многое, или лучше сказать—все то, что по ихъ премудрымъ соображеніямъ можетъ возбуждать идеи, караемыя закономъ, а это ужъ какая же свобода литературы? Это опять вопросъ на вопросѣ: можно ли, не выходя изъ теоріи, разсуждать о несовременности безразводнаго брака, о выгодахъ представительнаго правленія, о неестественности абсолютнаго монархизма и т. п. Все станетъ опять спорнымъ для литератора съ цензоромъ и пойдетъ idem per idem—хлопоты правительству, обиды авторамъ, разореніе издателямъ и широкое поле для дѣятельности секретныхъ типографій, преслѣдуя которыя, считаютъ нужнымъ усиливать контроль надъ открыто существующими типографіями и литографіями, какъ будто этимъ можно остановить секретное печатаніе! Какъ будто листки, распускаемые съ цѣлію произвести безпорядки, могутъ итти изъ нашихъ типографій. Это просто несообразность. Очевидно, что ихъ печатаютъ въ заведеніяхъ, считающихъ себя внѣ всякихъ правилъ, которыми въ извѣстной степени стѣсняется открытое книгопечатаніе въ Россіи.

Переходимъ къ правиламъ, проектированнымъ почтенною редакціею *Дня*, критическій разборъ которыхъ мы считаемъ для себя обязательными.

8.

О представительномъ правленіи.

Соч. Джона Стюарта Милля.

I.

Долгое время думали, что правительство можетъ представлять меньшинство въ націи, отправляться имъ и отъ его имени; теперь же, повидимому, думаютъ, что оно должно установляться, желать и дѣйствовать въ пользу большинства.

То и другое мнѣніе ошибочны. Правительство не должно представлять собою ни малаго, ни большаго числа; оно есть органъ всѣхъ, такъ какъ оно обязано отдавать каждому то, что принадлежитъ каждому, именно справедливость, посредствомъ закона. Большинство столько же не имѣетъ права тяготѣть надъ меньшинствомъ, какъ и меньшинство не имѣетъ права тяготѣть надъ большинствомъ. Демократія не есть управленіе большинства: она есть управленіе націею посредствомъ права. Какъ странно было бы желать — обратить вопросъ права въ чисто-ариѳметическую задачу! Если бы весь міръ былъ противъ справедливости и свободы, то развѣ онѣ чрезъ это менѣе были бы справедливостью и свободой? Нѣтъ права народнаго, нѣтъ права аристократическаго: существуетъ только право.

Но право есть великій мученикъ исторіи. Оно поперемѣнно было попираемо торжествующими большинствами и меньшинствами, и попытки утвердить его господство надъ тѣми или другими до сихъ поръ были напрасны. Причина этому—самое свойство

права, состоящее въ томъ, чтобы поглощать въ себѣ и большинства и меньшинства.

Однакоже, какимъ образомъ установить эту истинно-представительную власть общины, власть, которая, давая органъ не одной какой нибудь категоріи гражданъ, а каждому гражданину въ отдѣльности и всѣмъ гражданамъ вообще, уничтожила бы собою гибельныя различія, соблюдаемыя между большинствомъ и меньшинствомъ?

Такова задача.

Большая часть людей сразу почтетъ ее неразрѣшимой. Это значить—осудить общества и народы на безпрестанное колебаніе между олигархіей и демагогіей. Нѣтъ, управленіе всѣхъ для всѣхъ не есть чистая утопія. Вѣдь никто не станетъ утверждать, что во Франціи, со временъ Меровинговъ, правительство не подвинулось на столько, чтобы представлять большую сумму справедливости; что устройство общественной власти согласно праву не есть безспорный элементъ движенія исторіи и цивилизаціи; наконецъ, что прогресъ права не имѣетъ ничего общаго съ преобразованіями государства и что усовершенствованіе этого послѣдняго ограничивается исключительно внѣшнимъ снарядомъ, который становится все болѣе и болѣе замысловатымъ, все болѣе и болѣе сложнымъ, но въ сущности никогда не приближался къ тому, что представлять и чему служить онъ назначенъ, т. е. къ общей пользѣ и справедливости? Во Франціи правительство преобразовывалось подъ вліяніемъ развивавшагося понятія о власти, которая не представляла бы собою никакого спеціальнаго класса общества, никакой категоріи интересовъ, а оказывала бы одинаковое покровительство всѣмъ классамъ и интересамъ. Весь смыслъ революціи 1789 г. заключается въ слѣдующей формулѣ: свобода въ равенствѣ, право всѣхъ, гарантированное и представляемое государствомъ. Вотъ ея духъ, сила и цѣль, которыхъ не поколеблютъ никакіе софизмы, никакія партіи. Духъ революціи не знаетъ ни большинства, ни меньшинства; онъ знаетъ только справедливость. Успѣхи справедливости суть ея собственные, и вездѣ, гдѣ справедливость нарушается большинствомъ или меньшинствомъ, страдаетъ сама революція.

Правда ли, что наименѣе несовершенное правительство есть то, которое наименѣе несовершеннымъ образомъ представляетъ принадлежащее всѣмъ? Если такъ, то цѣль правительства состоитъ

въ осуществленіи справедливости. Попробуйте опредѣлить правительство. Вамъ придется говорить объ интересахъ не большинства или меньшинства, а объ интересахъ всѣхъ. Революція дала себѣ двойную задачу: формулировать теорію правительства, сформулировавъ теорію справедливости, и приложить эту теорію, давъ праву представителя и органъ въ лицѣ общественной власти. Революція, медленно подвигавшаяся впередъ, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ временъ французской исторіи, попыталась въ одномъ громадномъ усиліи резюмировать работу вѣковъ. О чемъ предшествовавшія поколѣнія только заикались повременамъ и какъ бы во снѣ, то она вздумала высказать отчетливо передъ лицомъ міра и съ непреодолимою ясностью. Революція энергически «подумала» о правительствѣ, не для того, чтобы его уничтожить, но чтобы основать его, устранивши все, что къ ему не принадлежитъ.

Мнѣ здѣсь нѣтъ надобности до уклоненій, которыми страсть и невѣжество, запечатлѣли этотъ несравненный порывъ; я утверждаю только очевидность цѣли. Революція неповинна въ проступкахъ во имя ея. Не она, не ея духъ подавили меньшинство подъ игомъ массы, а потомъ привели массы въ ужасъ подъ удвоенными ударами дерзкаго меньшинства: эти покушенія принадлежатъ людямъ, которые совершили ихъ противъ самой революціи. Революція же, напротивъ того, заклеймила всѣхъ тѣхъ, которые, нарушая ея принципы, постарались сохранить въ своихъ уставахъ слова—свобода и право.

«Лицемѣріе, писалъ Вольтеръ, есть почтеніе, которое порокъ отдаетъ добродѣтели». Добродѣтель революціи есть справедливость, и только справедливость; и если движеніе 1789 г. не привело на практикѣ къ осуществленію власти, представляющей собою право, то это не потому, чтобы революція была ошибкой, а потому, что, будучи совершенна какъ доктрина, она до сихъ поръ, во многихъ отношеніяхъ, не нашла для себя автентическаго выраженія въ институтахъ. На самомъ дѣлѣ революція существовала уже до этого взрыва, который сдѣлалъ ее очевидною во Франціи въ концѣ минувшаго столѣтія; она существуетъ теперь и будетъ существовать постоянно. Получивъ начало вмѣстѣ съ человѣкомъ, она кончится только съ нимъ. Надъ колыбелью человѣчества брежжетъ первая заря справедливости; мерцаніе невѣрное и сомнительное, но служащее отдаленнымъ предвѣстіемъ

дня, когда яркій свѣтъ поднимется надъ общественнымъ хаосомъ. Человѣкъ ведетъ борьбу за право, и если эта борьба не должна никогда увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, то она все таки будетъ составлять честь человѣчества. Человѣческому обществу не суждено производить абсолютное; не менѣе вѣрно и то, что абсолютное живетъ въ груди человѣчества подъ видомъ несокрушимаго порыванія къ совершенству. Абсолютное и человѣчество, никогда не смѣшиваясь между собою, не могутъ однакоже никогда и отдѣлиться другъ отъ друга. Справедливость есть одинъ изъ образовъ, которые вѣчное начертываетъ въ человѣческой совѣсти; вмѣстѣ съ наукою, которая ищетъ совершенной истины, и искуствомъ, которое ищетъ совершенной красоты, справедливость есть откровеніе вѣчнаго посредствомъ исторіи.

Люди 1789 г., стараясь установить понятіе о справедливости съ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ могуществомъ діалектики, нашли двѣ вещи, которыхъ они не отдѣляли одну отъ другой: равенство и свободу. Въ самомъ дѣлѣ, они не могли ихъ раздѣлять, не опровергая самой революціи.

Существуетъ признакъ, по которому всегда можно распознать справедливость. Имѣетъ ли данный интересъ такое свойство, что онъ нарушится, если не будетъ принадлежать всѣмъ безразлично? Такой интересъ есть составная часть права. Справедливость есть право каждаго, потому что она составляетъ интересъ и потребность каждаго. Она должна служить кровомъ для всего общества; если она оставляетъ внѣ своей защиты хоть самое ничтожное отдѣльное лицо, самомалѣйшую частицу общества, то правительство, пропорціонально этому, перестаетъ соотвѣтствовать своей цѣли. Необходимая соціальная потребность есть право,—только право,—и представлять эту необходимую потребность есть дѣло государства.

II.

Итакъ, представительное правительство есть то, которое представляетъ собою справедливость.

Но между идеей и фактомъ существуютъ нѣкоторыя преграды, и отъ теоріи правленія нельзя перейти къ учрежденію его, не измѣнивъ почвы. Человѣкъ, трактующій о правѣ и о правительствѣ, не сталкивается ни съ чѣмъ, кромѣ границъ и излучинъ

своего ума; онъ разсуждаетъ хорошо или худо, но если его разумъ обладаетъ меткостью и силой, то онъ не встрѣтитъ никакого препятствія развить свое разсужденіе до того пункта, гдѣ будетъ доказано, что, по теоріи, государство должно быть вооруженнымъ представителемъ справедливости, и что внѣ этого оно не существуетъ. Но какъ только онъ начнетъ искать надлежащихъ средствъ для осуществленія правительства, опредѣленнаго такимъ образомъ, онъ увидитъ себя принужденнымъ оставить логическое пространство, гдѣ онъ двигался свободно, и войти въ сферу исторіи и дѣйствительности; противъ развитія идей, возникающихъ одна изъ другой, онъ встрѣтитъ развитіе фактовъ, совокупность учрежденій, преданій, обычаевъ, интересовъ и предразсудковъ, владѣющихъ почвой, на которой надлежитъ воздвигнуть зданіе идеальнаго правительства. Словомъ, если онъ хочетъ овладѣть будущимъ, ему придется принять въ соображеніе настоящее и въ настоящемъ—прошедшее. Тогда умъ его уже не будетъ имѣть возможности двигаться, не наталкиваясь на каждомъ шагу на эту неподатливую сложность, созданную исторіей; его вожделѣнія не будутъ имѣть никакого достоинства, если онъ не согласится допустить въ нихъ цифры, заключающіяся въ фактахъ, правахъ и учрежденіяхъ. Гордость разсужденія a priori должна будетъ, во что бы то ни стало, преклониться предъ компромиссомъ, и даже унизиться иногда до хитрости! Къ золоту идеала придется прибавить примѣсь времени и мѣста; принять въ разсчетъ не только всегдашнюю слабость и страсти человѣка, но кромѣ того, и въ особенности, массу случайностей, которую потокъ исторіи оставляетъ по себѣ какъ неплодородную тину на оставленныхъ берегахъ.

Вопросъ уже будетъ состоять не въ томъ: что̀ есть правительство? что̀ есть право? Онъ будетъ поставленъ такимъ образомъ: въ данномъ народѣ и при данномъ состояніи общества въ чемъ состоитъ средство достигнуть управленія, которое представляло бы самую большую, сколько возможно, сумму справедливости?

Такимъ же точно образомъ понимаетъ затрудненіе и м-ръ Милль:

«Нѣтъ, говоритъ онъ, безусловнаго правила для произнесенія приговора относительно способности даннаго народа выполнить условія данной формы правленія. Руководствомъ здѣсь должны

служить степень образованности народа, о которомъ идетъ дѣло, и сумма его разсудительности и практической проницательности. Есть также другое соображеніе, котораго не должно упускать изъ виду: народъ можетъ быть не приготовленъ къ хорошимъ учрежденіямъ; но возбудить въ немъ желаніе имѣть ихъ — это есть необходимая часть приготовленія. Рекомендовать и защищать извѣстное учрежденіе или какую нибудь форму правленія, показывать преимущества того или другаго во всемъ ихъ блескѣ —это одинъ изъ способовъ, и часто единственно возможный способъ воспитанія для національнаго духа, который научается такимъ образомъ не только принимать и требовать учрежденій, но и орудовать ими».

Въ глазахъ Стюарта Милля, форма правленія, которую должно превозносить похвалами и которой предназначено, подъ вліяніемъ размышленія опыта и примѣра, обойти весь цивилизованный свѣтъ, есть представительная.

«Очевидно—говоритъ англійскій публицистъ,—что единственное правительство, которое можетъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества, есть то, въ которомъ участвуетъ весь народъ; что всякое участвованіе, даже въ самой незначительной изъ общественныхъ должностей, полезно; что участвованіе должно быть вездѣ такъ велико, какъ только это допускаетъ степень цивилизаціи, которой, вообще, достигла община, и что, наконецъ, нельзя желать ничего меньшаго, какъ только допущенія всѣхъ къ участію въ верховной власти. Но какъ въ общинѣ, которая выходитъ изъ границъ небольшаго города, каждый можетъ участвовать только въ очень малой долѣ общественныхъ дѣлъ, то идеальнымъ типомъ совершеннаго правленія можетъ быть только типъ представительный».

Это исповѣданіе политическаго вѣрованія имѣетъ часто демократическій характеръ. Но оно все еще остается въ области теоріи. Между идеей о представительной демократіи и фактомъ ея установленія есть посредствующее звено—именно, вотированіе. Во всякой демократіи надлежитъ, чтобы представляемые избирали представляющихъ; и такъ, избраніе есть главная пружина демократіи. Сверхъ того, если всѣ граждане должны быть представляемы, то необходимо, чтобы всѣ граждане также участвовали въ избраніи представителей. Милль нисколько не отступаетъ предъ этимъ выводомъ; онъ храбро устраняетъ ограничен-

ную подачу голоса. Подобная смѣлость логики съ перваго раза удивляетъ въ англичанинѣ. Но она становится менѣе удивительною, когда мы начинаемъ разсматривать систему, которую предлагаетъ Милль для «организованія» всеобщей подачи голосовъ и учрежденія истинно-представительнаго правленія націи посредствомъ націи.

Мы скоро убѣждаемся, что сочиненіе Милля возникло изъ двоякой работы: съ одной стороны, обезпечить всеобщее избраніе, какъ пружину представительнаго правительства; съ другой—не допустить того, чтобы всеобщее избраніе сдѣлалось господствомъ массъ, и представительная демократія, попавъ однажды на эту крутизну, превратилась бы въ демагогію.

Нѣтъ надобности входить въ длинное изложеніе мотивовъ этого опасенія; отстранять его — это было бы ребячествомъ и могло бы сдѣлаться гибельнымъ; полезно, чтобы оно безпрестанно, даже въ интересахъ самой демократіи и всеобщей подачи голосовъ, возбуждало заботливость всѣхъ приверженцевъ свободы. Стюартъ Милль принадлежитъ къ ихъ числу. Онъ дѣлаетъ разсужденіе, совершенно естественно представляющееся уму людей, которые не желаютъ льстить ни большинству, ни меньшинству. Вообще избраніе даетъ власть наибольшему числу. Но что мы видимъ въ настоящее время въ этомъ наибольшемъ числѣ, даже въ странѣ наиболѣе образованной? Недостаточность умственнаго и нравственнаго образованія, недостаточность матеріальной независимости. И такъ, если дать массѣ перевѣсъ, опасность состоитъ въ томъ какъ-бы цивилизованное меньшинство не подпало подъ иго большинства, еще на половину погруженнаго въ невѣжество. Вслѣдствіе чисто-ариѳметическаго механизма, верховная власть, при плохихъ обстоятельствахъ, рискуетъ перейти къ умственному, нравственному и матеріальному пролетаріату.

Здѣсь не будетъ некстати привести одно письмо лорда Маколея, помѣщенное въ газетѣ «Таймсъ», такъ какъ оно характеризуетъ опасенія Стюарта Милляо Это. письмо Маколей писалъ относительно Джефферсона къ одному гражданину сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ.

«Ваша участь рѣшена, хотя пріостановлена на минуту по чисто физическимъ причинамъ. По тѣхъ поръ, пока вы будете имѣть огромное пространство плодородной и незанятой земли, ваши работники будутъ несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ

работники стараго свѣта, и подъ вліяніемъ этого обстоятельства, политика Джефферсона можетъ быть не будетъ терпѣть никакихъ бѣдствій. Но придетъ время, когда Новая Англія населится такъ же густо, какъ и старая Англія. У васъ заработная плата понизится и подвергнется тѣмъ же самымъ колебаніямъ, тѣмъ же превратностямъ, какъ и у насъ. У васъ есть свои Манчестеры и Бермингемы, гдѣ цѣлыя сотни тысячъ работниковъ навѣрное будутъ имѣть свою пору праздности. Тогда настанетъ для вашихъ учрежденій великій день испытанія. Бѣдствіе вездѣ дѣлаетъ работника недовольнымъ и мятежнымъ, естественно жертвою агитатора, который внушаетъ ему какъ несправедливо это распредѣленіе, гдѣ одинъ обладаетъ милліонами долларовъ, между тѣмъ какъ другой съ трудомъ достаетъ кусокъ хлѣба. У насъ въ тяжелые годы бываетъ много ропота и даже отчасти подымается мятежъ. Но у насъ это не важно, потому что страдающій классъ не есть классъ управляющій. Верховная власть находится въ рукахъ класса, правда, многочисленнаго, но избраннаго, образованнаго, который глубоко заинтересованъ и считаетъ себя заинтересованнымъ въ поддержаніи порядка, въ охраненіи собственностей. Отъ этого происходитъ, что недовольныхъ укрощаютъ съ умѣренностію, но вмѣстѣ и съ твердостью; мы проходимъ бѣдственныя времена не грабя богатаго, чтобы помочь бѣдному, и источники народнаго благосостоянія скоро открываются вновь: работы опять много, плата подымается, все опять становится спокойнымъ и радостнымъ. Я три или четыре раза былъ свидѣтелемъ—какъ Англія проходила чрезъ эти испытанія; и соединеннымъ штатамъ придется подвергнуться совершенно такимъ же въ теченіе слѣдующаго, а можетъ быть даже настоящаго столѣтія. Какъ вы выпутаетесь изъ нихъ? Я отъ всего сердца желаю вамъ счастливаго исхода. Но мой разумъ и мои желанія согласуются между собою съ трудомъ, и я не могу не предвидѣть худшаго. Ясно какъ день, что ваше правительство не будетъ никогда въ состояніи обуздывать страдающее и раздраженное большинство, потому что, у васъ большинство есть правительство, и богатые, составляющіе меньшинство, находятся безусловно въ его власти. Настанетъ день, когда толпа, между половиною завтрака и перспективою полуобѣда, назначитъ законодателей. Есть-ли возможность питать какое-нибудь сомнѣніе насчетъ рода законодателей, которые будутъ избраны?—Съ одной

стороны, государственный человѣкъ, проповѣдующій терпѣніе, уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ, соблюденіе общественной вѣрности; съ другой демагогъ, ораторствующій противъ тираніи капиталистовъ и ростовщиковъ, и спрашивающій себя: почему одни пьютъ шампанское и прогуливаются въ экипажѣ, между тѣмъ какъ столько честныхъ людей нуждаются въ самомъ необходимомъ? Какой изъ этихъ кандидатовъ, по вашему мнѣнію, будетъ имѣть перевѣсъ въ глазахъ работника, у котораго дѣти только за минуту предъ тѣмъ просили побольше хлѣба? Я боюсь,— вы надѣлаете тогда такихъ вещей, послѣ которыхъ благосостояніе не можетъ возвратиться. Тогда—или какой-нибудь цезарь, какой-нибудь Наполеонъ, возьметъ сильною рукою бразды правленія, или ваша республика будетъ также ужасно разграблена и опустошена въ XX вѣкѣ, какъ римская имперія была разграблена и опустошена варварами въ V-мъ,—съ тѣмъ только различіемъ, что опустошители римской имперіи, гунны и вандалы, пришли извнѣ, а вашими варварами будутъ дѣти вашей земли, порожденіе вашихъ институцій. Съ этой точки зрѣнія я не могу дѣйствительно смотрѣть на Джефферсона, какъ на одного изъ благодѣтелей человѣчества».

Планъ Милля имѣетъ цѣлію обойти именно тотъ подводный камень, на который указывалъ лордъ Маколей какъ пессимистъ, недостаточно, какъ мнѣ кажется, разсчитывая на средніе интересы и на среднія состоянія, которыя, однако же, составляютъ главное въ странѣ и служатъ къ поддержанію правительства въ Америкѣ такъ же, какъ и въ Англіи и въ Англіи такъ же, какъ во Франціи. Если бы дѣйствительно вспыхнула борьба, которой боятся, то мы скоро бы увидѣли, что собственниковъ и людей, заинтересованныхъ въ поддержаніи здраваго смысла и справедливости противъ нападеній на законъ, гораздо больше, чѣмъ мы воображали. Однако же опасеніе не совсѣмъ безосновательно. Нельзя не видѣть, что демократическія общества способны поскользнуться на этой опасной крутизнѣ, если они не будутъ постоянно бдительны, строги къ самимъ себѣ, и если они, въ своихъ учрежденіяхъ, не позаботятся оградить справедливость прочными твердынями. Стюартъ Милль думаетъ, что можно сохранить демократію, если исключить отъ подачи голоса каждаго, кто не умѣетъ ни читать, ни писать; и если съ другой стороны представить много голосовъ извѣстнымъ разрядамъ лицъ, во вни-

ваніе къ ихъ предполагаемымъ умственнымъ способностямъ, такъ чтобы установлялось равновѣсіе между силой числительною и силой интеллектуальною. Это подача голоса всеобщая, но неравная: примѣры такого неравенства бываютъ въ приходскихъ избраніяхъ Англіи, въ которыхъ одно и то же лицо можетъ подавать голосъ до шести разъ.

Прежде чѣмъ приступить къ развитію своего собственнаго плана, Стюартъ Милль рекомендуетъ планъ своего соотечественника Гера (Hare), безъ сомнѣнія считая его первымъ основаніемъ, на которомъ можно было бы утвердить всеобщую и постепенную подачу голосовъ. «Планъ мистера Томаса Гера—говоритъ Милль — имѣетъ то почти несравненное достоинство, что онъ развиваетъ великій принципъ правленія такимъ способомъ, который приближается къ идеальному совершенству въ томъ, что относится къ спеціальной цѣли, имѣвшейся въ виду, и въ тоже время случайно достигаетъ другихъ цѣлей, почти столько же важныхъ.

«По этому плану, представительное единство, т. е. часть избирателей, имѣющая право на одного представителя, опредѣляется обыкновеннымъ способомъ, употребляемымъ для вынутія жеребьевъ; число вотирующихъ раздѣляется на число стульевъ въ палатѣ: каждый кандидатъ, попадающій въ эту часть, избирается въ представители, хотя бы эта часть состояла изъ голосовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, въ большомъ числѣ избирательныхъ коллегій. Подача голосовъ, какъ теперь, есть мѣстная, но всякій избиратель свободенъ вотировать въ пользу каждаго кандидата, въ какой бы части страны этотъ кандидатъ ни былъ представленъ. И такъ, избиратели, которые не захотятъ быть представляемы ни однимъ изъ мѣстныхъ кандидатовъ, могутъ способствовать своимъ голосомъ къ назначенію лица, которое имъ наиболѣе нравится изъ всѣхъ явившихся во всей странѣ въ числѣ соискателей. Такимъ образомъ дается дѣйствительность избирательнымъ правамъ меньшинства, которое иначе на самомъ дѣлѣ *(ея?)* лишено. Но важно, чтобы не только тѣ, которые отказываются вотировать къ пользу мѣстныхъ кандидатовъ, но и тѣ, которые подали за нихъ голосъ и потерпѣли пораженіе, могли найти въ другомъ мѣстѣ представительство, которое имъ неудалось получить въ своемъ собственномъ округѣ. Поэтому-то придумано давать каждому избирателю списокъ го-

лосовъ, заключающій многія имена, кромѣ имени предпочитаемаго имъ кандидата. Голосъ одного избирателя служитъ только для одного кандидата; но если предметъ перваго его голоса потерпѣлъ неудачу въ кандидатурѣ, не получивъ достаточнаго числа голосовъ (quotité), то второй голосъ, можетъ быть, будетъ счастливѣе.

«Избиратель можетъ вносить въ списокъ бо́льшее число именъ въ порядкѣ своего предпочтенія, такъ что, если имена, находящіяся во главѣ его списка, не получатъ требуемаго числа голосовъ или получатъ его безъ его голоса, то голосъ можетъ всетаки быть употребленъ въ пользу кого-нибудь, назначенію котораго этотъ голосъ поможетъ. Чтобы получить желаемое число членовъ для полнаго состава палаты, а также воспрепятствовать очень популярнымъ кандидатамъ завладѣть почти всѣми голосами, для этого, какое бы число голосовъ кандидатъ ни получилъ, ему считается только число, необходимое для его назначенія; другіе избиратели, которые вотировали въ его пользу, служатъ своими голосами въ пользу перваго лица, которое въ ихъ спискахъ имѣло бы въ томъ нужду и которое могло бы съ этою помощію пополнить требуемое число. Чтобы рѣшить какіе между всѣми голосами, полученными кандидатомъ, должны быть употреблены для его назначенія и какіе изъ нихъ должны быть отданы другимъ, для этого дѣлалось много способовъ, о которыхъ мы не будемъ здѣсь говорить. Естественно, за извѣстнымъ кандидатомъ остаются голоса всѣхъ тѣхъ, которые не захотятъ быть представляемы какимъ-нибудь другимъ кандидатомъ, а для остальныхъ жеребій будетъ очень годнымъ средствомъ, за недостаткомъ лучшаго. Списки вотированія передаются въ центральное бюро, гдѣ голоса сосчитываются, помѣчаются и установляются по порядку первымъ, вторымъ, третьимъ и проч. Quotité дается всякому кандидату, который можетъ ея достигнуть, до тѣхъ поръ, пока палата будетъ совсѣмъ наполнена, причемъ первые голоса предпочитаются вторымъ, вторые третьимъ, и такъ далѣе. Списки голосовъ и всѣ основанія вычисленія кладутся въ общественныхъ хранилищахъ, доступныхъ для всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ; и если кто нибудь, получивъ желаемое число, не былъ назначенъ, какъ онъ имѣлъ на то право, то ему будетъ легко доказать это».

Этотъ планъ Томаса Гэра понравится всѣмъ, которые тревожатся, что сквозь грубую ткань всеобщей подачи голосовъ не-

премѣнно проскользнетъ меньшинство. Однакожъ, при всемъ моемъ желаніи разсмотрѣть поближе эту новую теорію, предсказать ея практическія послѣдствія, въ случаѣ, если она когда-нибудь будетъ приведена въ исполненіе, и отыскать неудобства, я не остановлюсь на ней, потому что она въ сочиненіи Милля играетъ только второстепенную роль. Я хочу остановить свое вниманіе на планѣ самого Стюарта Милля. На какіе вѣрные вѣсы положитъ авторъ предполагаемое имъ большинство? Что будетъ руководить имъ въ неравномъ распредѣленіи подачи голосовъ и сдѣлаетъ законными въ глазахъ всѣхъ тѣ категоріи, которыя онъ думаетъ вывести изъ самаго нѣдра избирательной всеобщности? Если мѣрой для этого распредѣленія долженъ служить умъ, то какимъ образомъ можно положить мѣтку на самомъ умѣ?

Предоставимъ самому Миллю объясниться на-счетъ этого щекотливаго пункта.

«Спѣшу сказать,—говоритъ Милль—что я считаю недопустимымъ, даже въ видѣ временной мѣры на худой конецъ, чтобы наибольшее вліяніе давалось по богатству. Я не отвергаю того, что богатство служитъ въ нѣкоторомъ родѣ ручательствомъ. Въ большей части странъ воспитаніе, хотя это нисколько не пропорціонально богатству, обыкновенно бываетъ лучше у самой богатой части общества, чѣмъ въ части самой бѣдной; но этотъ критеріумъ такъ несовершененъ, въ возвышеніи людей въ свѣтѣ такъ сильно преобладаетъ случай надъ заслугами, и человѣку, получившему извѣстную степень воспитанія, такъ трудно обезпечить для себя соотвѣтствующую ступень на общественной лѣстницѣ, что это основаніе избирательнаго преимущества всегда было и всегда будетъ въ высшей мѣрѣ ненавистно. Если предоставить большинство голосовъ какой-нибудь денежной части общества, то это не только подвергало бы порицанію само въ себѣ, но и послужило бы вѣрнымъ способомъ компрометировать принципъ и сдѣлать невозможнымъ постоянное примѣненіе его. Демократія, покрайней мѣрѣ, въ нашей странѣ, не завидуетъ покамѣсть личному превосходству; но она естественно и очень справедливо завидуетъ тому превосходству, которое основано исключительно на одномъ богатствѣ. Единственная здравая причина, по которой можно считать голосъ одного человѣка болѣе важнымъ, чѣмъ голосъ нѣскольких другихъ—въ совокупности, есть умственное превосходство отдѣльнаго лица, и недостаетъ только приблизи-

тельныхъ средствъ для опредѣленія этого превосходства. Если бы существовало что-либо подобное истинно народному воспитанію, или если бы существовала система всеобщаго экзамена, достойная довѣрія, то воспитаніе могло бы быть принято въ качествѣ прямаго критеріума. По неимѣнію этого, свойство занятій даннаго лица служитъ видомъ ручательства. Хозяинъ умнѣе работника (?), потому что онъ долженъ работать головою, а не одними руками. Подмастерье вообще умнѣе обыкновеннаго работника, а работникъ въ ремеслахъ, требующихъ большаго искуства, умнѣе работника, занимающагося ремесломъ грубымъ. Банкиръ, негоціантъ или фабрикантъ будутъ вѣроятно умнѣе лавочника, потому что они управляютъ болѣе обширными и болѣе сложными интересами. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, качества доказываются не просто тѣмъ, что извѣстное лицо имѣетъ высшую должность, но тѣмъ, что онъ отправляетъ ее хорошо. По этой причинѣ, а также и для того, чтобы воспрепятствовать людямъ принимать номинально какую-нибудь должность, для полученія права подавать голосъ, было бы полезно требовать, чтобы они сохраняли эту должность въ теченіе извѣстнаго времени (положимъ, трехъ лѣтъ). Посредствомъ этого условія можно бы предоставить два или три голоса всякому лицу, которое отправляетъ одну изъ этихъ высшихъ должностей. Свободныя профессіи естественно предполагаютъ еще болѣе высокую степень образованія. И всякій разъ, когда экзаменъ былъ достаточенъ, или когда для поступленія на извѣстное поприще требуются нѣкоторыя серьезныя условія воспитанія, можно тотчасъ же предоставить преимущество въ подачѣ голосовъ всѣмъ тѣмъ, которые избрали это поприще.

«Это-же самое правило можно приложить къ лицамъ, получившимъ ученыя степени отъ университетовъ, и даже къ тѣмъ, которые могутъ доказать, что они удовлетворительнымъ образомъ прошли курсъ ученія, требуемый школой, гдѣ преподаются высшія отрасли науки, лишь бы только было удостовѣрено, что ученіе было дѣйствительное, а не служащее только однимъ предлогомъ. Экзамены *мѣстные* или *средняго разряда* на степень *товарища* (fellow), установленные оксфордскимъ университетомъ съ такою похвальною общеполезною цѣлію, и всѣ экзамены подобнаго рода, которые могутъ быть установлены другими компетентными учеными сословіями, даютъ (подъ тѣмъ условіемъ,

что они доступны всѣмъ безъ различія) основаніе, по которому большинство голосовъ можетъ быть съ пользою предоставлено всѣмъ, которые прошли чрезъ это испытаніе.

«Если спросятъ: до чего можно доводить этотъ принципъ, или сколько голосовъ можетъ быть дано одному отдѣльному лицу въ силу его высшихъ качествъ, то я отвѣчу, что это само въ себѣ не имѣетъ большой важности, лишь бы только различія и градаціи не были дѣлаемы произвольно, *а такъ, чтобы онѣ были поняты и приняты совѣстію и умомъ всѣхъ*».

III.

Такова система Стюарта Милля. Характеръ ея можно выразить нѣсколькими словами: іерархія всеобщей подачи голосовъ. Эта іерархическая организація подачи голосовъ есть средство; цѣль же здѣсь—противоставить умъ числу, и ввести въ избраніи равновѣсіе, которое не существуетъ или которое готово уничтожиться ко вреду свободы.

9.

Въ чемъ же причина зла?

Едва ли есть газета или журналъ, въ которыхъ не помѣщались бы, чаще или рѣже, статьи о духовенствѣ. Много въ этихъ статьяхъ высказывается правды, много предлагается совѣтовъ, и дѣльныхъ, и всяческихъ. Но отчего не доходятъ до сущности дѣла, не углубляются въ *настоящія* причины того или другаго темнаго явленія?

Вотъ и еще статью прочли мы въ № 118-мъ Сѣверной пчелы. Такъ, почти все такъ; но отчего же именно это *такъ?* Авторъ статьи нѣсколько разъ натыкался на этотъ вопросъ, и...обходилъ его. Чего же хотѣлъ онъ отъ своей статьи? Чѣмъ полезнымъ отзовется она для духовенства? Пройдетъ и эта статья безслѣдною, какъ и много другихъ.

«О школьномъ семинарскомъ воспитаніи не будемъ входить въ подробное изслѣдованіе», говоритъ онъ; потому что тамъ и здѣсь, объ этомъ уже говорено много. А между тѣмъ тутъ то и основа всего зла. До тѣхъ поръ, пока не разрѣшится обслѣдованный со всѣхъ сторонъ вопросъ о воспитаніи и образованіи духовнаго юношества, до тѣхъ поръ всѣ усилія поднять духовенство не поведутъ ровно ни къ чему. «Удали причину—исчезнутъ слѣдствія»—аксіома, хорошо всѣмъ извѣстная. Вы указываете на примѣръ образовавшихся въ университетѣ, которыхъ эта прекрасная alma mater сплачиваетъ во-едино на всю жизнь, для которыхъ университетъ цѣложизненная святыня и т. п.; въ противоположность этому вы говорите о разъединеніи между духовенствомъ, и зачѣмъ было не договорить, что это разъеди-

женіе доходитъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какихъ не представляетъ ни одинъ классъ общества, что нигдѣ нѣтъ столько зависти, интригъ, ссоръ, тяжбъ и пр. и пр., какъ между духовенствомъ? Откуда же этотъ несчастный духъ, какъ не со школьныхъ скамей, какъ не плодъ *всего* образованія, съ академическими курсами включительно. Вы указываете на отчужденіе большинства духовенства отъ всякаго развитія умственнаго и нравственнаго; что же это, какъ не самый логическій выводъ изъ даннаго при воспитаніи и образованіи направленія? Вы говорите, и совершенно справедливо, что всѣ стремленія духовенства направлены къ внѣшнимъ наградамъ, къ высшимъ, блестящимъ и по возможности, денежнымъ должностямъ (благочинные, члены разныхъ управленій и т. п.); откуда же и это какъ но изъ тѣхъ же школъ—низшихъ, высшихъ и высочайшихъ? И вы, вмѣстѣ съ прочими, указываете на бѣдность въ жизненныхъ средствахъ духовенства, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, замедляющихъ его развитіе, но неужели вы думаете, что, при лучшихъ средствахъ, оно жило бы (въ нравственномъ отношеніи) и дѣйствовало лучше?—Неужели вы не знаете, что назначенное, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, жалованье повело къ самымъ грустнымъ результатамъ: къ нескончаемымъ тяжбамъ между самимъ духовенствомъ, къ ожесточеннымъ ссорамъ его съ народомъ, и пр. и пр.? Неужели вы не видывали, что получившіе наилучшія средства жизни, только тѣмъ и стали выше своей нищенствующей братіи, что облеклись въ шелкъ и бархатъ, и обставили себя всевозможнымъ жизненнымъ комфортомъ? Что же тутъ сдѣлаетъ вся духовная журналистика, даже предположивъ, что дѣйствіями ея будетъ руководить искреннѣйшее, чистѣйшее желаніе добра духовенству, а не стремленіе зашибить капиталецъ, подслужиться кому слѣдуетъ, хоть этимъ путемъ выпустить на Божій свѣтъ свои утлыя произведенія, которыя безъ того съ рукъ нейдутъ, и пр. и пр ?

Tolle Causam!...Просмотрите путь, которымъ ведутъ будущаго духовнаго дѣятеля; не вѣрьте никому, сами просмотрите со всей строгостью и безпристрастіемъ, какихъ требуетъ важность дѣла; сами всмотритесь въ возможно большее число училищъ и семинарій, и вы увидите, въ чемъ сущность зла, котораго не исцѣлятъ никакія палліативныя лекарства, хоть бы ихъ придумывали тысячи, и мѣняли каждый годъ и даже каждый мѣсяцъ. На

дѣлѣ, ихъ, разумѣется, не придумываютъ и не мѣняютъ; но мы допускаемъ возможность ихъ хоть въ будущемъ, т. е. допускаемъ возможность преобразованій, не по тому глубоко мудрому и благонамѣренному проекту, который главную свою заботливость сосредоточилъ на длиннотѣ волосъ, костюма, возможно грязной обстановкѣ и т. п., а преобразованіи на иныхъ, но все таки больше внѣшнихъ началахъ.

Азбука педагогики говоритъ, что при развитіи ребенка впереди всего должно стоять—развитіе человѣка, а не спеціалиста. Благоволите же всмотрѣться, какъ *тамъ* развивается *человѣкъ*. Мы не считаемъ нужнымъ указывать на какія либо частныя явленія, на тѣ страшно возмутительныя явленія, которыя какъ ни стараются скрыть, а все таки, тѣмъ или другимъ путемъ, дѣлаются извѣстными обществу: мы говоримъ о цѣлой системѣ, повсюдной, неизмѣняющейся, давно принятой и усвоенной, какъ норма, за которую переступать не слѣдуетъ, невозможно.

Вотъ дѣти осми, десяти и болѣе лѣтъ. Все развитіе ихъ безусловно лежитъ на учителѣ, подъ непосредственнымъ надзоромъ смотрителя. Квартирная среда также имѣетъ нѣкоторую долю вліянія на это развитіе. Теперь не угодно ли вамъ спросить любаго изъ сотень и тысячъ этихъ развивателей духовнаго юношества, о самыхъ основныхъ правилахъ педагогики, безъ которыхъ развитіе *человѣка* немыслимо? Услышите ли вы хоть что нибудь похожее на дѣльный, здравый отвѣтъ? Положительно говоримъ: нѣтъ; педагогика—разумѣемъ смыслъ, а не звукъ слова—наука, несуществующая въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и едва ли даже не презираемая тамъ, потому что еще не было примѣра, чтобы будущихъ учителей и просвѣтителей хоть сколько нибудь предварительно знакомили съ методой, напримѣръ Песталоцци и т. п. Но не восполняется ли это незнакомство съ педагогикой хоть чѣмъ нибудь? Есть отцы и матери, которые и не слыхивали о педагогикѣ, а все таки воспитываютъ *людей*. Нѣтъ ли и тутъ чего нибудь похожаго на это? А вотъ посмотримъ.

Единственно плодотворное, развивающее начало, есть любовь кроткая, терпѣливая, безкорыстная, любовь къ дѣлу и къ дѣтямъ. Но любовь ли къ дѣлу вызвала и поставила на путь учительства всѣхъ этихъ господъ? Всего менѣе. Кусокъ хлѣба, гдѣ бы то ни было — единственное ихъ призваніе. А эта несчастная

система раздаванія учительскихъ мѣстъ, безъ малѣйшаго испытанія силъ и способностей, претендующихъ на учительство, довела зло до той степени, что въ опредѣленіи на эти мѣста господствуетъ чистѣйшій произволъ. Любовь ли къ дѣлу держитъ этихъ господъ на ихъ мѣстахъ и руководитъ ихъ дѣятельностью? Всего менѣе. Они бѣгутъ съ своихъ мѣстъ, при первомъ представившемся случаѣ; они бѣгаютъ своего дѣла, какъ извѣстное существо ладана. Учитель, хотя настолько добросовѣстный, чтобы являться всегда въ классѣ съ чистой головой и высиживать въ немъ положенное число часовъ — явленіе едва ли гдѣ существующее. Любовь ли къ дѣтямъ лежитъ въ основѣ отношеній къ нимъ учителей? Всего менѣе. Господствующая, надъ всѣмъ преобладающая тутъ сила — страхъ. Изъ этого отвратительнаго источника вытекаютъ всѣ эти жестокости, все это звѣрство, которыми такъ славны духовныя училища и которыя господствуютъ во всей силѣ и до настоящаго дня. «Все изъ страха, ничего изъ любви» есть начало такъ называемаго училищнаго образованія. Но гдѣ страхъ, тамъ ненависть къ дѣлу и къ дѣятелямъ; гдѣ страхъ, тамъ всевозможныя продѣлки для избавленія себя отъ непрестанно висящей надъ головой грозы; гдѣ страхъ, тамъ ложь, подкупъ, вся нечисть человѣчества и, какъ конечный результатъ страха, взаимное недовѣріе, недоброжелательство съ привходящими: шпіонствомъ, стремленіями подгадить другому и проч. И вотъ основа развитія *человѣка*: страхъ, ложь, изощреніе умственныхъ силъ на продѣлки, ненависть къ дѣлу и ко всему, что заправляетъ дѣломъ. Только ли? Нѣтъ, и еще доброе сѣмя стараются всевозможными способами развить и укрѣпить—это тщеславіе, то дикое, ни чѣмъ неограниченное тщеславіе, которое сформировало извѣстный типъ *семинарщины*. Не правда ли, тутъ всѣ залоги человѣчнаго дѣйствованія будущихъ дѣятелей? Если же прибавить еще къ этому квартирное вліяніе, въ которомъ сосредоточена всевозможная физическая и нравственная грязь, то будетъ понятно, что эти дѣти совершенно подготовлены къ тому, чтобы быть... чѣмъ угодно, но только не духовными дѣятелями. Но нѣтъ ли тутъ, по крайней мѣрѣ, чего нибудь парализирующаго это прекрасное развитіе, хоть, напримѣръ, со стороны смотрителей. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно только вспомнить, кто и откуда эти лица. Въ большинствѣ это академики, которыхъ, по волѣ злой судьбы, не пригрѣло столичное и даже

губернское солнце, которые, промаявшись нѣсколько лѣтъ гдѣ пришлось, бѣгутъ наконецъ въ провинцію, не столько ради дѣла, сколько ради хлѣба. Что они? Въ сущности — тѣ же семинаристы, но зато съ необъятными претензіями! нельзя же, хоть лыкомъ шитъ, да академикъ. Такъ какъ хлѣбъ, т. е. средства къ жизни, т. е. деньги ему были главнымъ побужденіемъ бѣжать въ провинцію, то онъ уже не жалѣетъ ничего для пріобрѣтенія презрѣннаго металла. Для этого онъ старается сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ должности, которыя не безъ прибыли, и почти всегда успѣваетъ; онъ и протоіерей, и членъ правленія, и благочинный, и проч. и проч. На сколько онъ, при такихъ стремленіяхъ, полезенъ въ своей должности смотрителя —понять нетрудно. Но это еще лучшіе. Презрѣнный металлъ, случается, дѣлаетъ ихъ и не слишкомъ жесткими, и похожими на людей въ обращеніи съ дѣтьми, разумѣется, не со всѣми, а съ избранными и т. п. Хуже ихъ тѣ, которые, путемъ учительства, достигли смотрительства: это ужъ закаленные артисты своего дѣла, дѣйствующіе «изъ любви къ искусству». На нихъ и презрѣнный металлъ производитъ свое особенное дѣйствіе: вниманіе свое къ хорошо оплаченному ученику они выражаютъ усиленіемъ своей, страхъ и трепетъ наводящей, власти, учащеніемъ и усиленіемъ казней и т. п. Бываютъ и еще хуже—это втиснутые въ смотрители, ради какихъ либо темныхъ отношеній, связей и т. п. Соединяя въ себѣ главныя свойства первыхъ и вторыхъ, они, чтобы держаться на своихъ мѣстахъ, позволяютъ учителямъ особенно инспекторамъ все — *все*. Бываютъ и еще... но желающіе прочитать объ этомъ, могутъ прочитать въ газетѣ «День». И вотъ власти, заправляющія дѣломъ училищнаго развитія дѣтей. На сколько они парализируютъ учительское развиванье—распространяться объ этомъ, кажется, нѣтъ нужды.

Переходятъ мальчики изъ училищъ въ семинаріи: новыя лица, новыя занятія, а дѣло въ сущности старое. И здѣсь о развитіи *человѣка* и помысла нѣтъ. Лучшіе стараются набить учениковъ массою свѣдѣній—безжизненныхъ, безцѣльныхъ, ни къ чему не приложимыхъ. Худшіе — и такихъ вездѣ большинство — стараются объ одномъ: какъ нибудь проволочь время. А сила, всѣмъ заправляющая, все та же, все страхъ, и съ тѣми же благими послѣдствіями, что и въ училищахъ, лишь въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Отсюда инквизиторское преслѣдованіе учениковъ,

посягающее даже на развитіе ихъ внутренней жизни, если въ чемъ нибудь, какъ нибудь выразится самостоятельность и самодѣятельность ея съ одной стороны и всевозможное надувательство съ другой. Это два враждебные лагеря, ведущіе неутомимую борьбу, въ которой одна сторона беретъ силой, а другая хитростью. А тщеславіе между тѣмъ развивается наизаботливѣйшимъ образомъ, потому что это лучшій способъ разъединенія учениковъ между собою, ихъ взаимнаго недоброжелательства, ихъ дикаго соперничанья изъ-за мѣста на скамьѣ, изъ-за цифры въ спискахъ, соперничанья, доводящаго до всевозможныхъ низостей, до безнравственнѣйшихъ продѣлокъ. И вотъ вамъ—весь *человѣкъ*, совсѣмъ готовый на общеполезную дѣятельность!..

О образованіи, такъ называемомъ, высшемъ, не считаемъ нужнымъ говорить. Да и что, впрочемъ, говорить? Та же система, тотъ же духъ, то же общее настроеніе, что и въ самомъ низу, разумѣется, въ иныхъ формахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть въ одной газетѣ отвѣтную статью по поводу своекоштныхъ студентовъ и пожертвованій въ ихъ пользу. Здѣсь высказалось profession de foi всей этой почтенной корпораціи: болѣе іезуитскаго посягательства на личность человѣка представить себѣ уже нельзя. И, ради чести науки, ради чести человѣчества, хотѣлось бы думать, что не все здѣсь заражено и пропитано этимъ всемертвящимъ духомъ; не всѣ, по крайней мѣрѣ, участвовали въ редакціи этого profession de foi.

Чего жъ, послѣ этого, хотите, чего ждете, чего даже можете ждать отъ духовенства? Куда ни поставьте такъ направленнаго, такъ настроеннаго *человѣка*, онъ все тотъ же школьникъ, съ тѣми жъ дикими тенденціями. Скуфья, камилавка и даже, кто изъ незнающихъ повѣритъ? возможность при какомъ либо торжественномъ служеніи стать выше своего собрата, вотъ его мечты, желанія, стремленія, для осуществленія которыхъ, не задумавшись подгадить наигадчайшимъ образомъ своему собрату, пуститься на какую угодно низость, такъ или иначе подслужиться къ какому нибудь тамъ столоначальнику и проч. и проч. И во всей дѣятельности онъ тотъ же школьникъ: прикажутъ, и еще подъ страхомъ наказанія, дѣлать что нибудь—онъ дѣлаетъ (разумѣется, какъ дѣлаются при подобныхъ условіяхъ дѣла) нѣтъ—онъ совершенно спокоенъ, хоть бы на глазахъ у него всю жизнь стояло самое необходимое дѣло. Приказано являться для оче-

редной проповѣди въ городъ,—онъ, если не успѣетъ устроить сдѣлки съ цензоромъ, со всѣми охами и вздохами является и проповѣдуетъ, а у себя, въ своей приходской церкви, сначала по мѣсяцамъ, а потомъ по цѣлымъ годамъ, оставляетъ своихъ прихожанъ безъ всякой проповѣди, не потому, чтобы это было не приказано, а потому, что надъ нимъ тутъ не тяготѣетъ каждую минуту страхъ наказанія за неисполненіе. Приказано ему представлять катихизическія поученія—онъ ихъ представляетъ, но какъ? Въ концѣ года пособеретъ кое-какихъ печатныхъ матеріаловъ; скомпилируетъ, какъ съумѣетъ, десятокъ другой поученій и представляетъ, и совершенно спокоенъ, потому что приказаніе исполнено. Такъ во всемъ: во всей своей дѣятельности, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ. Дикое до нелѣпости тщеславіе и страхъ наказанія, единственныя силы, движущія и направляющія его. И до чего только можетъ доходить, напримѣръ, первое! Сейчасъ мы прочли въ послѣднемъ нумерѣ «Руководства для сельскихъ пастырей», что одинъ изъ таковыхъ, даже разсуждая о воспитаніи дѣвицъ духовнаго званія, не могъ вытерпѣть, чтобы не сослаться на авторитетъ своей скуфьи. Дико, пошло, не правда ли? А между тѣмъ, это лишь образчикъ того, что дѣлается повсюду.

И погрѣшили бы мы противъ истины, еслибъ сказали, что эти силы заправляютъ какимъ нибудь тамъ сельскимъ духовенствомъ: вездѣ—въ губернскихъ, столичныхъ городахъ, вездѣ, одно и тоже. Вмѣсто человѣчности, повсюду школьничество цѣложизненное, до сѣдыхъ волосъ, до гробовой доски. Даже заграничные, при наилучшихъ условіяхъ сформировать правильный взглядъ на свое служеніе и дѣло, сколько намъ извѣстно, не въ силахъ отрѣшиться отъ стремленія, получить, напримѣръ, поскорѣе камилавку и т. п., даже если бы для этого потребовалось и понизкопоклонничать и прибѣгнуть къ непрямымъ путямъ и т. п. Что прикажете дѣлать? «Арабъ не измѣнитъ цвѣта своей кожи, и тигръ своей пестроты.»

Слова нѣтъ, есть прекрасныя, достойныя глубокаго уваженія исключенія. Есть и въ городахъ, и въ селахъ личности, которыя какимъ то чудомъ сохранили себя отъ общаго склада и направленія, которыя, и пройдя всѣ ступени школьничества, сохранили въ себѣ все достоинство *человѣка*. Съ изумленіемъ, даже съ благоговѣніемъ останавливаешься предъ такими личностями,

хорошо зная, чего стоило имъ это. Но сколько же такихъ!! И что особенно замѣчательно, эти то исключительныя личности и осуждены на самую грустную, безотрадную жизнь. Не съ сочувствіемъ, а съ какой то затаенной враждой относится къ нимъ ихъ среда. Нечего и говорить о томъ, что ни въ комъ изъ своихъ они не видятъ вниманія, одобренія, поддержки—съ этимъ еще можно бы примириться; нѣтъ, надъ ними со всѣхъ сторонъ тяготѣетъ антагонизмъ, кидающій грязью въ ихъ дѣятельность, старающійся заподозрить и очернить чистѣйшія ихъ намѣренія, благороднѣйшія цѣли. А если еще къ этому они дерзнутъ дѣйствовать и печатнымъ словомъ, то ужъ тутъ не дадутъ имъ пощады. Мы видали примѣры такихъ ожесточенныхъ преслѣдованій лишь за то, что осмѣливались заявлять о дѣлѣ, какъ оно есть, которыя принесли бы честь самымъ ярымъ инквизиторамъ. Не довольствуясь прямыми преслѣдованіями, на нихъ взводили всевозможныя клеветы, ославляли ихъ отребіемъ человѣчества, позоромъ сословія,—ради чего? Ради того, чтобы вооружить противъ нихъ людей и иной среды, которые захотѣли бы имъ заявить свое сочувствіе, чтобы уронить ихъ и въ общественномъ мнѣніи, которое могло бы послужить имъ поддержкой и опорой.

Такъ что тутъ всѣ ваши внѣшнія мѣры, съ журналистикой включительно? Не отрицаемъ, что и онѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ принести нѣкоторую долю пользы: лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Но въ этомъ ли все дѣло? Да еще и при выполненіи указанныхъ вами мѣръ есть вся возможность сомнѣваться, чтобы онѣ принесли истинную, существенную пользу самому дѣлу, т. е. тому, чѣмъ *должно* быть духовенство въ средѣ народа. Положимъ, чего разумѣется никогда не будетъ, священникамъ, кончившимъ курсъ въ семинаріяхъ, открыта вся возможность пріобрѣтать ученыя степени; да ради какого блага, позвольте васъ спросить? Будетъ ли слово его оттого вліятельнѣе на народъ, примѣръ поучительнѣе, дѣятельность плодотворнѣе? Не укажете ли вы этимъ ему новыхъ путей для тщеславія, для исканія лучшихъ, т. е. болѣе денежныхъ мѣстъ и должностей? Или не на нашихъ глазахъ и съ учеными степенями, но ничего не дѣлаютъ, точнѣе, все дѣлаютъ лишь для себя, для всевозможнаго удовлетворенія страстей и страстишекъ? Сколько мы видимъ, сколько показываетъ намъ жизнь, преданность дѣлу до самозабвенія, до полнаго самоотверженія нисколько не зависитъ отъ

той или другой ученой степени; такъ не лучше ли позаботиться о томъ, чтобы въ дѣятелей духовныхъ вдохнуть любовь къ дѣлу, которая и есть основа этой преданности? Положимъ, что особенныя должности и даже награды будутъ «*раздаваться* въ духовенствѣ не за офиціальную только исправность, а за дѣйствительное преуспѣяніе въ образованіи и за дѣйствительную *видную* дѣятельность пастыря церкви въ своемъ приходѣ.» Но неужели вы можете думать, что изъ этого и въ самомъ дѣлѣ могло бы выйти какое нибудь добро? «Преспѣвай въ образованіи, и за то тебѣ вотъ скорехонько будетъ скуфья, а тамъ камилавка, а тамъ и благочиннымъ пожалуютъ.» Признаемся, мы не понимаемъ возможности соединить эти вещи. Тотъ, кто истинно любитъ образованіе, для того оно и конечная цѣль, и «преспѣяніе»—въ немъ высшая для него награда. Никакая другая награда для него немыслима. Тотъ же, кто поставилъ цѣлью своего «преспѣванія» скуфью или камилавку, тотъ уже чуждъ этой любви; что же это за образованіе? Тутъ можетъ быть мишура, блескъ, призракъ, а никакъ не что либо, похожее на истинное образованіе. Такъ объ этомъ ли вы хлопочете!? Да и кромѣ того, когда же наше духовенство доживетъ до того, чтобы совсѣмъ забыть обо всей этой суетѣ суетствій, что зовется наградами? Иль мало еще изъ за нихъ злоупотребленій?

Или мысль о наградѣ отъ Того, Кому служитъ духовенство—не достаточно сильное побужденіе служитъ Ему духомъ и истиною, и въ дополненіе къ нему необходимы еще скуфьи и камилавки? Вдумайтесь хорошо; вѣдь вы уничтожаете этимъ Его служеніе, и низводите въ рядъ обыкновенныхъ службъ человѣческихъ!... Подумайте и о томъ, что гдѣ человѣческія награды, тамъ неизбѣжны и человѣческія страсти; этимъ ли опаснымъ средствомъ вы надѣетесь поднять и возвысить духовенство?! И еще это *раздаваніе* должностей!... Странно, когда въ большинствѣ духовенства уже достаточно созрѣла мысль о необходимости самостоятельнаго избранія къ должностямъ, объ уничтоженіи всѣхъ и всякихъ раздавательствъ, изъ которыхъ вытекало столько зла, все еще находятся люди, которые стараются поддержать эту зловредную гниль и даже указываютъ на нее, какъ на мѣру, возвышающую духовенство! И въ добавокъ ко всему, «*видная* дѣятельность въ своемъ приходѣ»—изъ-за наградной перспективы?... Глазамъ не вѣрится, чтобы человѣкъ, разсуждаю-

щій о возвышеніи духовенства, могъ заявить такую.... неловкую мысль! А между тѣмъ это такъ.... «и за дѣйствительную видную дѣятельность пастыря въ своемъ приходѣ». Да помилуйте, чѣмъ выше, искреннѣе, чище, или по вашему дѣйствительнѣе дѣятельность пастыря въ своемъ приходѣ, тѣмъ она скромнѣе и безпритязательнѣе, тѣмъ менѣе видна она для постороннихъ, чьихъ бы то ни было глазъ. Дѣятельность, бросающаяся въ глаза, дѣятельность для чужихъ глазъ, на показъ, видная по-вашему, всегда больше чѣмъ подозрительна, потому что именно пустота и ничтожность хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы сколько можно виднѣе поставить свою приходскую дѣятельность, въ сущности ничего не значущую; они-то и дѣлаютъ все такъ, чтобы ни одинъ шагъ ихъ въ приходской дѣятельности не остался незамѣченнымъ, а вы хотите, чтобы «особенныя должности и награды раздавались и за дѣйствительную видную дѣятельность пастыря церкви въ своемъ приходѣ!» Можетъ быть, мы и ошибаемся, но намъ сдается, что пастырь, если онъ хоть сколько нибудь *истинный* пастырь, всей душей возмутился бы, если бъ его вздумали отличить передъ другими собственно за его пастырскую дѣятельность, и нельзя было бы не возмутиться, потому что награда видимая, внѣшняя, въ чемъ бы ни состояла она, есть принадлежность наемниковъ, а не пастырей по духу и ученію Христа Спасителя. И ужъ если не пришло еще время духовенству стать выше этой суеты, то пусть, по крайней мѣрѣ, раздаютъ награды именно за офиціальную только исправность въ прохожденіи, внѣ пастырскихъ должностей, какъ напримѣръ, столь благодѣтельнаго для духовенства благочинничества, не менѣе благодѣтельнаго цензорства и т. п.

Нѣтъ, повторяемъ и еще разъ: всѣ палліативы тутъ ни къ чему. Tolle causam—единственное вѣрное средство достигнуть того, чтобы духовенство сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ вы желаете его видѣть. Пусть прежде всего въ будущемъ дѣятелѣ духовенства воспитаютъ и образуютъ *человѣка*, онъ будетъ дѣятелемъ истиннымъ и вполнѣ достойнымъ, безъ всѣхъ вашихъ «особенныхъ должностей и наградъ». Прежде и главнѣе всего, развитый до полнаго сознанія своего человѣческаго достоинства не только «ради хлѣба куска», но и ради всѣхъ благъ міра, не дерзнетъ взять на себя великаго и страшнаго дѣла священнослуженія, безъ внутренняго, истиннаго призванія. А ставшій на этотъ тяжелый

путь съ такимъ призваніемъ уже не будетъ колебаться между человѣческими разсчетами, эгоистическими стремленіями и самымъ дѣломъ; нѣтъ, дѣло, ничего кромѣ дѣла, вотъ что будетъ единственной цѣлію всей его жизненной дѣятельности. И просвѣщеніе онъ полюбитъ безъ вашихъ внѣшнихъ возбужденій и привлеченій, потому что пойметъ всю цѣну его для своего дѣла. И академическія степени ему не понадобятся, потому что ему, у котораго всѣ мысли, вся дѣятельность поглощены разъ взятымъ на себя дѣломъ, некогда будетъ и думать объ нихъ.

Что же до требованія вашего, чтобы духовная журналистика преимущественно разрабатывала задачу о нуждахъ духовенства, то какъ ни разумно, какъ ни справедливо это требованіе, а едва ли оно выполнимо, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. По идеѣ, конечно, такъ: кому и разсуждать о нуждахъ духовенства, какъ не самому духовенству? Гдѣ и заявлять эти нужды и обсуждать мѣры противъ нихъ, какъ не въ духовныхъ журналахъ? Но между идеей и практикой—бездна, не всегда легко переходимая. По нѣкоторымъ опытамъ, мы знаемъ, что самыя искреннія, задушевныя, благонамѣренныя статьи о вопіющихъ нуждахъ духовенства не могли перенестись черезъ эту бездну. Почему? да, безъ сомнѣнія, по волѣ злой судьбы, которая разсуждаетъ такъ: «Заявлять свои нужды, значитъ идти противъ господствующаго порядка вещей, значитъ вопіять о несостоятельности тамъ кого нибудь или чего нибудь; значитъ выносить соръ изъ дому, и этимъ ослаблять какіе нибудь авторитеты; однимъ словомъ значитъ совершать хамово преступленіе.» Вы конечно скажете, что разсуждать такъ.... не совсѣмъ разумно. Но какого же разума и ждать отъ судьбы? Вѣдь она, что и фортуна, слѣпа, вѣдь она потому и злая судьба, что, тяготѣя надъ всѣмъ, дѣйствуетъ не по какимъ либо созданнымъ началамъ, а по своей слѣпотѣ. Кому станете жаловаться на нее? И умѣетъ же подшутить злая судьба! Вѣдь вотъ, какъ ни вертись, какъ ни лавируй, а вопросъ о духовенствѣ стоитъ на чередѣ, и общественная жизнь настоятельно требуетъ обсужденія этого вопроса. Такъ какъ же распорядилась злая судьба? Взяла да и толкнула его въ свѣтскую литературу. Для дѣла это конечно не совсѣмъ полезно. Чтобы вести дѣло съ пользой, нужно вести его прямо, открыто, честно, а не затемнять его намеками, перифразами, притчами; но что станешь дѣлать, когда нельзя дѣй-

ствовать иначе? Можетъ быть, прійдетъ время, и судьба прозрѣетъ, и сама увидитъ и сознаетъ, что скрывать недугъ, значитъ развивать и усиливать его; что давящее начало, гибельное и разрушительное начало, которое или все убьетъ, или вызоветъ реакцію, на столько сильную, чтобы сбросить съ себя всякое давленіе, сбросить больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ для противовѣса, существенно необходимаго для нормальной жизни. Можетъ быть, и прійдетъ такое время; но ужъ мы вѣрно не доживемъ до него. А теперь будемъ принимать съ искреннѣйшей благодарностью хоть то, что даютъ намъ «Православное обозрѣніе» и «Духъ христіанина». И то ужъ великая милость Божія, что не все ударилось въ дикое и уродливое странничество, за которое такъ больно прійдется намъ краснѣть передъ дѣтьми и внуками.

11.

Чего можно желать отъ нашего духовенства.

При общемъ, въ настоящую пору, стремленіи къ улучшеніямъ и полезнымъ преобразованіямъ, когда всѣ открыто заявляютъ и гласно, путемъ общественнаго мнѣнія, обсуживаютъ свои нужды, когда общимъ совѣтомъ рѣшаютъ дѣла общаго интереса, одно только духовенство молчитъ, уклоняется отъ общаго движенія на пути предположеній и преобразованій. Отчего же такъ? Или у него нѣтъ никакихъ нуждъ? Или ему чужды общіе интересы? Или у него нѣтъ голоса, или, наконецъ, оно не смѣетъ подать голоса?

Что за напрасныя, что за обидныя предположенія? Какъ не быть нуждамъ у цѣлаго сословія, у котораго есть свое особливое правленіе и законодательство, свои преданія и образцы, свои порядки и отношенія, свои училища всѣхъ родовъ, отъ приходскаго до академіи, свои канцеляріи, чиновники, злоупотребленія, бѣдность?

Какъ ему чуждаться общихъ интересовъ, когда въ нихъ заключаются его собственные интересы—распространеніе просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніе нравственной жизни въ обществѣ, упадокъ суевѣрій, ослабленіе раскола, уменьшеніе пороковъ и преступленій, распространеніе христіанской свободы и терпимости?

Какъ не быть голосу у цѣлаго сословія, которое имѣетъ столько учебныхъ заведеній, столько образованныхъ людей и столько прекрасныхъ образцовъ въ отечественной исторіи? Духовные журналы развѣ это не голосъ духовенства? Или оно не

смѣетъ заявить своихъ нуждъ, не смѣетъ подать голоса, не имѣетъ твердой рѣшимости, самоотверженія?

Но отъ чего бы ни происходило это безгласіе, это безучастіе ко всѣмъ проявленіямъ жизни, оно составляетъ печальный фактъ, грустную правду. Положимъ, что по сословной замкнутости оно не входитъ въ общіе интересы народа: но какъ быть равнодушнымъ къ своей собственной жизни? Что за апатія у столькихъ тысячъ лицъ, составляющихъ сословіе? Вѣдь всѣ недостатки современнаго общества есть и у него, и оно болитъ общимъ недугомъ, общими язвами, а оно молчитъ о нихъ, какъ-будто свыклось съ ними, считаетъ ихъ за здоровое состояніе? Пора сказать слово *вслухъ*, о нашемъ духовенствѣ и пробудить дремоту, которая держитъ его, какъ-будто въ самозабытіи и самообольщеніи. Можетъ быть, это слово вызоветъ общее участіе къ положенію важнѣйшаго общественнаго сословія, или въ немъ самомъ пробудитъ стремленія къ разсмотрѣнію и обсужденію своего положенія.

Духовенство должно имѣть нравственное вліяніе на общество. Въ этомъ его призваніе и его сила. Но оно не дается даромъ: нужно, чтобы оно, по своему образованію, по своей нравственной чистотѣ и по своему положенію, стояло въ ровень съ обществомъ, ужъ если не быть выше его. Между-тѣмъ наше духовенство, конечно, не безъ изъятій, не имѣетъ, въ желаемой степени, ни одного изъ этихъ преимуществъ, изъ этихъ правъ на вліяніе. Въ образованіи оно связано старыми преданіями, схоластикой, рутиной. Оно разорвано съ обществомъ; они непонимаютъ другъ-друга. Общество волнуется изъ-за живыхъ интересовъ; а ему читаютъ наставленія объ отвлеченныхъ предметахъ, въ самой сухой формѣ и мертвымъ языкомъ. Мы не споримъ, что духовенство лучше свѣтскихъ знаетъ догматы, церковныя правила, и можетъ-быть церковныя древности; да что пользы въ этомъ знаніи молчаливомъ, застѣнчивомъ, несвободномъ и безплодномъ? Согрѣйте его жизнію, облеките плотію и кровію, переведите его въ кругъ общихъ интересовъ, влейте его въ массу общественнаго образованія, развейте вкусъ къ нему, расположите къ нему молодое поколѣніе—не то вы останетесь при своемъ знаніи, а общество при своихъ интересахъ. Сколько книгъ съ глубокою ученостію стоитъ на библіотечныхъ полкахъ; многіе ли читаютъ ихъ, многіе ли знаютъ про нихъ?

Начало образованія и направленія лицамъ духовнаго сословія полагается въ школѣ. Судя по тому, чѣмъ является наше духовенство въ жизни, можно заключать, какъ оно приготовляется къ ней въ школѣ. На этотъ счетъ надо признаться, къ сожалѣнію, что въ духовныхъ училищахъ совсѣмъ не думаютъ о будущемъ служеніи духовенства въ извѣстномъ обществѣ. Вся обстановка ихъ воспитанія отшельническая, монастырская; ихъ закрываютъ отъ людей, отъ жизни, замыкаютъ ихъ мысль въ кругу однихъ отвлеченныхъ предметовъ, забывая о той почвѣ, о той средѣ, въ которой придется имъ дѣйствовать.

Мы слышали, что готовится преобразованіе духовныхъ училищъ, и что оно направлено къ совершенному разъединенію ихъ съ обществомъ. Каменная стѣна поднимется еще выше. Обособленный духъ еще усилится. Кто же и что выиграетъ отъ этого?

Недальновидному взору кажется иногда, что сближеніе духовнаго юношества съ окружающимъ обществомъ разслабляетъ его, изнѣживаетъ, пріучаетъ снисходительно или безразлично смотрѣть на многія вещи, предосудительныя или преступныя въ нравственномъ отношеніи; а потому, хотятъ воспитывать его вдали отъ общества, чтобы, являясь туда потомъ съ возвышенными понятіями, оно могло тѣмъ строже судить объ уклоненіяхъ въ нравственной жизни общества и дѣйствовать въ духѣ пророческой и апостольской ревности. Отдавая справедливость хорошимъ побужденіямъ, мы считаемъ, однакожъ, эту систему воспитанія непрактическою, несообразною съ цѣлію. Чтобы успѣшно дѣйствовать на людей, нужно знать ихъ. Люди мѣняются постоянно. Понятія и взгляды, желанія, страсти быстро смѣняются однѣ другими. Какъ же вы хотите дѣйствовать на нихъ, незная этихъ превращеній, по однимъ книгамъ? Возьмите двухъ врачей—одинъ обращается только съ книгами, а другой имѣетъ обширную практику. Очень часто, и даже большею частію, первый прекрасно разсуждаетъ о болѣзняхъ, ихъ распознаваніи и леченіи; но какъ дѣло дойдетъ до леченія, онъ оказывается жалкимъ и неопытнымъ. Между-тѣмъ, другой, можетъ-быть и не столько знакомый съ послѣдними открытіями въ медицинѣ, имѣетъ всѣ преимущества опытнаго практика. Такъ точно и образованное вдали отъ общества духовное юношество прекрасно напишетъ ученое сочиненіе богословскаго содержанія о порокахъ и ихъ враче-

ванія, о страстяхъ и ихъ подавленіи—а какъ встрѣтится съ жизнію, не знаетъ какъ за нее взяться. Вы скажете—опытность придетъ современемъ? А мы думаемъ: чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Дѣло не въ массѣ опыта, а въ практическомъ направленіи образованія, въ наблюдательности, въ близости къ живой почвѣ. Вѣдь въ его понятіяхъ и сочиненіяхъ займутъ же мѣсто живыхъ людей и пороковъ отвлеченные люди и пороки? Какая польза изъ этого? А этимъ и страдаетъ наше воспитаніе. О чемъ пишется и говорится въ нашихъ проповѣдяхъ? О томъ, что всякой знаетъ, въ чемъ никто не нуждается и отчего никто не получаетъ никакой пользы. Но, само-собою-разумѣется, что, связывая воспитаніе съ жизнію общества, мы предполагаемъ въ послѣднемъ возможно-полное участіе къ дѣлу воспитанія. Родители и всѣ лица, окружающія юношество, должны понимать, что въ немъ заключаются надежды народа, залоги будущихъ успѣховъ знанія и добродѣтели, опора государства и слава отечества. Ни одинъ, хотя мало развитый человѣкъ, не можетъ быть безучастнымъ къ этимъ интересамъ, если только введутъ ихъ въ его сознаніе.

Также не совсѣмъ справедливо желать, чтобы священники дѣйствовали больше примѣромъ, нежели словомъ и наставленіемъ; чтобы ихъ собственная аскетическая жизнь была образцомъ для ихъ паствы. Позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ. Нельзя требовать, чтобы священникъ проводилъ жизнь отшельника; какъ и вообще нельзя ставить обязательнымъ для всѣхъ образцомъ исключительную жизнь отшельниковъ. Примѣры святой жизни прекрасно дѣйствуютъ на нравственное чувство, пробуждая въ немъ энергію и святыя стремленія; но они не успокоиваютъ души, возмущаемой сомнѣніями и увлекаемой страстными движеніями; тутъ нужно словесное, разумное наставленіе, всякому по его состоянію. И надо желать, чтобы это наставленіе было какъ-можно непрерывнѣе, чтобы оно входило въ цѣлый порядокъ и во всѣ отношенія жизни общественной, чего, безъ сомнѣнія нельзя достигнуть при теперешней изолированности духовенства. Не отдѣляйте же его еще больше отъ общества!

Одно изъ важныхъ препятствій къ улучшенію духовныхъ училищъ заключается въ недостаточности матеріальныхъ способовъ, въ ограниченномъ содержаніи академическихъ и семинарскихъ наставниковъ. Оно, какъ хотите, а голодному наставнику не до

того, чтобы думать объ усовершенствованіи своей науки, объ улучшеніи своей методы, о хорошемъ приготовленіи уроковъ. Въ семинаріяхъ здѣшняго округа получаютъ по 429 р. Столько же получаютъ и академическіе баккалавры (пора бы замѣнить это средневѣковое и никому непонятное названіе другимъ, понятнымъ) и экстраординарные профессоры; на это содержите себя, семью (вѣдь не всѣ же могутъ вести безбрачную жизнь), помогайте отцу, бѣдному дьякону или дьячку, покупайте книги, выписывайте русскіе и иностранные журналы и газеты, печатайте и издавайте книги, все что вы хотите. Помилуйте, вѣдь сидѣлецъ или прикащикъ въ мелочной лавкѣ получаетъ больше; разнощикъ книжникъ не высокаго разбора изъ толкучаго рынча дѣлаетъ оборотъ несравненно крупнѣе; писецъ въ коммерческой конторѣ получаетъ гораздо больше. Мы слышали отъ этихъ бѣдныхъ наставниковъ, что имъ приходится иногда такъ тяжело, что думается не о наукѣ, а о хлѣбѣ. Ординарный профессоръ академіи, лѣтъ черезъ 10—12 службы, получаетъ 850 руб. и ужъ навсегда. Какое милое и высоко-поэтическое состояніе для достигшихъ этой обѣтованной земли? Ужъ не волнуютъ ихъ больше никакія надежды и желанія, потому что они достигли вѣчнаго предѣла: nec plus ultra. Правда, остается еще одинъ терминъ, который манитъ издали взоры: это пенсія за службу. И тянутъ бѣдные труженики до пенсіи, какъ тянули до профессорскаго оклада. Дотянулъ—такъ дотянулъ, свалился—такъ свалился; все равно для попечителей духовнаго просвѣщенія, не тотъ такъ другой: тутъ нѣтъ различія талантовъ и образованія.

Новое поколѣніе становится практичнѣе, умнѣе на этотъ счетъ. Мы слышали, что академіи затрудняются въ пріисканіи наставниковъ; потому что молодые, вновь выходящіе магистры на перебой стараются выдти въ священники, хоть въ богатое село, полагая, что все-таки будутъ лучше обезпечены, чѣмъ симинарскіе и академическіе наставники. Другіе выходятъ въ гражданскую службу, и хотя начинаютъ съ маленькаго, но все-таки что нибудь имѣютъ въ надеждѣ на будущее. Объ этомъ стоитъ подумать. Духовныя училища—это пульсъ духовной жизни сословія. Если состояніе ихъ худо—все сословіе худо. Какъ вообще уровень общества поднимается съ улучшеніемъ училищъ, такъ

особенно уровень духовенства будетъ зависѣть отъ состоянія духовныхъ училищъ.

Большая часть духовныхъ воспитанниковъ, поступая въ приходы, всю жизнь пробавляются тѣмъ, что дала имъ школа. Счастливѣе прочихъ постановлены законоучители въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ: они чаще заглядываютъ въ книжки, но тожъ, почти исключительно, въ изданія духовныхъ академій и семинарій.

Цвѣткомъ духовнаго образованія должна бы быть духовная журналистика. Посмотримъ, въ какомъ состояніи она у насъ? Духовныхъ журналовъ, въ послѣдніе годы, выходитъ очень много, и этому нельзя не радоваться. Но что даютъ они обществу? Надо сознаться, что вкладъ ихъ весьма ограниченъ. Офиціальные журналы, издаваемые при духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, отсталы и безцвѣтны въ высшей степени; исключеніе составляютъ нѣсколько живыхъ статей, напечатанныхъ въ трудахъ казанской и кіевской академій. Журналы, издаваемые частными духовными лицами, истощаются въ безсильныхъ порывахъ выбиться изъ рутины, освободиться изъ оковъ схоластики и сблизиться съ жизнію. Московскій журналъ, «Православное обозрѣніе», еще честно выполняетъ свою задачу, хотя нельзя не пожелать ему побольше живости. «Странникъ» превратился въ сборникъ духовныхъ повѣстей и разсказовъ анекдотическаго свойства. «Духъ христіанина» размахиваетъ руками во всѣ стороны и воображаетъ, что либеральничаетъ. Что это за журналистика?

Интересуется ли наше духовенство обществомъ, его стремленіями, преобразованіями, надеждами? Улучшеніе судьбы милліоновъ младшихъ братьевъ нашло ли въ немъ участіе, пробудило-ли хоть одинъ сочувственный голосъ? Признаемся, мы не слыхали этого.

Впрочемъ, надо сказать, что духовенство въ этомъ отношеніи стѣснено разными формальностями. Безъ приглашенія и позволенія внѣшней власти оно не можетъ сказать ни слова о предметахъ общаго интереса. Потомъ—своя внутренняя цензура. Какъ бы ни былъ уменъ и благонамѣренъ священникъ, онъ не можетъ сказать поученія своимъ прихожанамъ въ церкви безъ благочиннической цензуры; а въ иныхъ случаяхъ проповѣдь должна пройти черезъ нѣсколько инстанцій. Какой тутъ ожидать сердечной теплоты, духовной близости съ паствою, приспособленія

къ ея потребностямъ и состоянію! Мы помнимъ, какъ здѣсь въ Санкпетербургѣ одинъ священникъ сталъ было говорить съ церковной каѳедры живымъ, понятнымъ языкомъ о насущныхъ потребностяхъ жизни, и какое небывалое стеченіе публики собиралось его слушать! Не знаемъ—отчего онъ скоро кончилъ, кажется, впалъ въ ложный тонъ жеманства, началъ рисоваться передъ публикой. Конечно, что опытъ неудачный, но можетъ быть потому, что первый. Во всякомъ случаѣ онъ показываетъ, чего хочетъ народъ.

Формализмъ, самый стѣснительный, связываетъ всѣ отношенія духовной іерархіи между собою и съ паствою. Начальникъ епархіи выступаетъ передъ народомъ больше какъ судія духовныхъ дѣлъ, нежели какъ пастырь. Административная сторона его служенія совсѣмъ заслоняетъ собою пастырскую. Доступъ къ нему затрудненъ такими-жъ формальностями, какъ къ гражданскому начальнику губерніи, и часто продается за деньги? Явленіе передъ его очи наводитъ страхъ и ужасъ на всѣхъ, кого нужда приведетъ въ его пріемную. Поѣзды его по епархіи интересуютъ простой народъ звономъ колоколовъ, выправкой духовенства, торжественной службою; но о радости увидѣть пастыря, услышать отъ него привѣтливое слово мира и любви никто и не думаетъ.

Гдѣ то время, когда епископа встрѣчало все селеніе, какъ дорогаго гостя, и провожало до другаго селенія, считая минуты свиданія за счастіе! Теперь эти путешествія превратились въ поѣзды начальника, объѣзжающаго свой округъ по положенію.

Въ древней церкви, да и въ русской въ прежнія времена, близость между епископомъ и паствою поддерживалась и укрѣплялась, между прочимъ, и тѣмъ, что въ это званіе избираемы были достойнѣйшія лица изъ мѣстнаго духовенства, и обыкновенно оставались тамъ до конца жизни, если не отходили, за болѣзнію или за старостію на покой.

Между приходскими священниками и законоучителями учебныхъ заведеній много людей достойныхъ, дѣлающихъ честь своему званію. По послѣднимъ печатнымъ извѣстіямъ видно, что весьма многіе священники и дьяконы или безплатно, или съ малымъ вознагражденіемъ—чѣмъ Богъ пошлетъ, обучаютъ своихъ прихожанъ и дѣтей ихъ грамотѣ, чтенію и письму. Но сколько и темныхъ сторонъ въ жизни духовенства, которыя надо иско-

ренить? Ссоры изъ за случайныхъ доходовъ, мѣстничество въ службѣ, благочиннические поборы, лѣность и нерадѣніе въ отправленіи невознаграждающихъ требъ, унизительное заискиваніе въ богатыхъ прихожанахъ, грубость въ обхожденіи съ низшимъ классомъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не рѣдкія явленія даже въ образованнѣйшихъ городахъ; о селахъ нечего и говорить; А это крохоборство, это шатанье дьяческихъ, а иногда и дьяконскихъ и священническихъ женъ и дѣтей со своими мужьями и отцами по приходскимъ домамъ, иногда съ кошелями, побиранье хлѣбомъ, льномъ, солью, дичью, пирогами и караваями, совсѣмъ несовременно и не должно быть терпимо. «Сколько васъ тутъ», спрашиваетъ хозяинъ мужикъ у мальчугановъ поповичей.—«Десять».—«Ну, вотъ вамъ грошъ на всѣхъ». А иной еще прочитаетъ вирши въ старостиномъ домѣ и получитъ конецъ пирога.

Формализмъ идетъ crescendo отъ низшихъ инстанцій къ высшимъ, и такъ замедляетъ и запутываетъ дѣлопроизводство, что самыя простыя дѣла̀ идутъ мѣсяца по два и по три; а иныя тянутся въ безконечность.

Централизація духовной власти, сосредоточивши рѣшеніе бо́льшей части дѣлъ въ одной высшей инстанціи, превратила ее въ огромную канцелярію текущихъ дѣлъ. Невыгода этого порядка, независимо отъ замедленія дѣлопроизводства, заключается въ томъ, что у высшей инстанціи отнимаются способы и время для дѣятельности предусмотрительной, направленной къ улучшенію общаго состоянія церкви и къ устраненію препятствующихъ этому обстоятельствъ. Посмотрите, что́ есть у насъ? Есть ли миссіи для обращенія иновѣрцевъ, для наставленія раскольниковъ? Отчего расколъ съ каждымъ днемъ распространяется все больше и больше? Есть ли книги духовнаго содержанія для чтенія простаго народа? Мы слышали, что былъ учрежденъ комитетъ для изданія дешевыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, съ большимъ капиталомъ: издалъ ли онъ хоть одну книжку? Повсюду ли неопустительно совершаются христіанскія требы? Не умираютъ ли гдѣ несчастные безъ напутствованія, и не погребаются ли безъ церковной молитвы? Поддерживаемъ ли мы славянскія церкви, обращенныя къ намъ, какъ къ обѣтованной землѣ, и вещественною помощію и церковно-гражданскимъ ходатайствомъ? Заправляемъ ли мы нашими духовными училищами? Вѣдь странно было бы, еслибы оказалось, что духовное правительство отстранено

отъ надзора за воспитаніемъ юношества, предназначеннаго для церкви, и отъ наблюденія за духовными училищами, которыя содержатся на счетъ церкви! Какъ не ускорить такъ нетерпѣливо всѣми ожидаемаго русскаго перевода святой библіи? Наконецъ, можно было бы подумать о собраніи и изданіи въ общую извѣстность церковныхъ и церковно-гражданскихъ постановленій руской церкви, въ хронологическомъ порядкѣ, собранія всѣхъ постановленій въ систематическомъ изложеніи дѣйствующихъ знаковъ.

Въ обществѣ духовенство слишкомъ-принужденно и оффиціально. Сословное раздѣленіе дѣлаетъ его для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ чуждымъ. Замкнутое и схоластическое воспитаніе еще болѣе усиливаетъ сословную изолированность духовенства. Она вошла до такой степени въ понятія и нравы сословія, что духовное начальство смотритъ неблагосклонно на тѣхъ членовъ сословія, которые выдаются ласковостію, учтивостію и вообще свободными пріемами образованнаго человѣка.

При такой взаимной разобщенности духовенства съ народомъ можетъ ли вліяніе его быть такимъ полнымъ, чтобы оно входило въ цѣлый пордяокъ общественной жизни, распространяло нравственныя понятія и возвышало нравственный уровень общества?

Слишкомъ очевидно, что въ образованномъ кругу знаніе новѣйшихъ языковъ необходимо. Само общество открыто и ясно даетъ предпочтеніе тѣмъ, которые свободно изъясняются по французски, по-англійски и по-нѣмецки. И этого нельзя считать капризомъ общества и ставить въ упрекъ ему, потому-что этого постоянно требуютъ общественныя отношенія. А между-тѣмъ, развѣ одинъ изъ сотни духовныхъ говоритъ по-французски, по-англійски, или по-нѣмецки! Читать могутъ еще многіе, а объясняться почти никто. Въ семинаріяхъ почти совсѣмъ не учатъ новѣйшимъ языкамъ; а въ академіи хоть и учатъ, да такъ-себѣ для формы, посредствомъ доморощенныхъ французовъ и нѣмцевъ. Исключеніе составляютъ, безъ сомнѣнія, священники, состоящіе при нашихъ иностранныхъ миссіяхъ. Но мы разсуждаемъ о здѣшнемъ духовенствѣ.

Такое униженное положенія духовенства требуетъ того, чтобы подумать о немъ. При настоящемъ броженіи матеріалистическихъ понятій, оно должно всею силою отстаивать нравственный прин-

ципъ; но оно не достигнетъ этой цѣли, относясь къ обществу безъ чувства, или и вовсе отталкивая его отъ себя.

Духовенство есть величайшая сила въ обществѣ; пусть оно пойметъ это для пользы своей и своего служенія. Нравственный принципъ, котораго представителемъ оно служитъ, никогда не потеряетъ своего значенія. Минутное затмѣніе его въ обществѣ, выйдетъ ли оно изъ ложнаго направленія знаній, или изъ отрицательнаго вліянія отдѣльныхъ лицъ, непремѣнно вызоветъ реакцію: нужно же, чтобы кто-нибудь, съ яснымъ сознаніемъ цѣли и средствъ, поддержалъ эту реакцію и далъ ей направленіе. Но, безъ сомнѣнія, никто не можетъ исполнить этого лучше духовенства; потому что никакое другое общественное званіе не даетъ къ этому столько способовъ, сколько духовное званіе.

11.

О нашемъ духовенствѣ и духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

(По поводу статей: *Общество и духовенство* («Православный собесѣдникъ»). *Мысли, по поводу современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной церкви* («Странникъ»).

«Душа радуется, духъ торжествуетъ—такъ говорили мы въ семинаріяхъ—когда видишь, какъ со всѣхъ сторонъ нашей матушки Россіи, всѣ слои русскаго общества несутъ лохмотья своихъ старыхъ, засаленныхъ рубищъ, чтобъ предать ихъ всеобщему позору, и потомъ сбросить ихъ съ себя навсегда и облечься въ новую одежду»... Молчало одно только духовное сословіе. Неуже-ли, думали мы, оно одно только благоденствуетъ? Наконецъ, и оно откликнулось на зовъ настоящаго времени. Въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ мы увидѣли статью съ эпиграфомъ, самымъ рѣшительнымъ и смѣлымъ. Вмѣстѣ съ Премудрымъ, авторъ статьи громогласно провозглашаетъ, что *время молчати и время глаголати*. Это и есть эпиграфъ статьи. Извиняемся, что нашъ отвѣтъ покажется запоздалымъ, ужъ какъ запоздалымъ; ну, да на это были свои причины, впрочемъ, отъ насъ независящія... Итакъ, прочитавши заглавіе и эпиграфъ статьи, помѣщенной въ духовномъ журналѣ, мы порадовались въ душѣ. «Ну—думали мы себѣ—слава-Богу! Наконецъ-то... наконецъ-то, видно пришло время, что и само духовенство рѣшается высказать горькія истины о себѣ самомъ, представиться обществу во всемъ своемъ непривлекательномъ видѣ, представиться съ тѣмъ, чтобы, увидавши во-

очію всѣ недостатки, сбросить ихъ съ себя навсегда, оставить ветхій образъ и облачиться въ новый. Наконецъ-то—думали мы себѣ—духовенство наше перестало стыдиться своей старой одежды, потому-что у него, вѣрно, приготовлена уже новая; является не подъ покрываломъ, не задними и непроходимыми путями, а идетъ смѣло и прямо, высказывается не какъ-либо глухо, издали, изъ-за границы, а говоритъ о себѣ громко, всѣмъ, не обинуясь, въ полной увѣренности, что ему приходится говорить такъ въ первый и послѣдній разъ. *Время молчати и время глаголати*. Долго—думали мы—молчало о себѣ духовенство; давно скрываетъ оно себя подъ какимъ-то таинственнымъ покровомъ и только изрѣдка появлялось въ собственномъ видѣ, да и то въ туманѣ и почти-недосягаемой дали. Но прошло то время; въ настоящее время—думали мы—время глаголати о себѣ и духовенству, говорить о своихъ недостаткахъ, не стыдясь ихъ, а изыскивая мѣры къ ихъ искорененію.» Но нашимъ отраднымъ мечтамъ не суждено было сбыться: въ статьѣ глаголется не о недостаткахъ духовенства, а объ его «высокомъ назначеніи»; духовенство является здѣсь не въ собственномъ своемъ видѣ, а прикрытое таинственными покровами и высокими предметами его служенія».

И написана-то эта статья противъ какого-то столбоваго дворянина, осмѣлившагося громко заговорить объ основныхъ недостаткахъ духовенства. Вмѣсто того, чтобъ признать дѣйствительность этихъ недостатковъ, авторъ оскорбляется тономъ, въ какомъ они высказаны, и по этому поводу разбираетъ духъ и характеръ всей современной нашей литературы. «Мы—говоритъ онъ—еще не созрѣли, еще *учимся* разсуждать; учимся... ну, какъ есть, какъ въ школѣ: шумимъ, кричимъ, смѣемся, деремся, а толку нѣту». Вотъ какова наша литература, по словамъ автора. Да и по-дѣломъ ей, шумихѣ, крикуньѣ! Вѣдь она зашумѣла сначала *о мелкихъ чиновникахъ*; потомъ принялась описывать *личности съ вѣсомъ*—превосходительствъ. Наконецъ (какова!), наконецъ она, шалунья, однимъ почеркомъ пера опозорила... кого же? Духовенство!... И все это дѣлаетъ ребенокъ, только-что (года два три тому назадъ, по словамъ автора) вышедшій изъ пеленокъ. «По истинѣ нельзя не удивиться—восклицаетъ авторъ-учитель—какимъ-образомъ вдругъ, въ какіе-нибудь два-три года русскій умъ развился до такой степени, что въ состояніи теперь

развивать изъ себя такія идеи и теоріи, которыхъ не только у него незадолго прежде не было ни видно, ни слышно, но и просвѣщеннѣйшіе народы, да и самые непросвѣщенные не высказываютъ такихъ?» Ребенокъ этотъ (наша литература) до того наконецъ разшалился, что началъ кричать обо всемъ. «О чемъ, о чемъ, не кричитъ онъ. Боже! куда это летитъ стремглавъ неразумное дитя? Надобно бы, надобно подумать объ этомъ», конечно, старшимъ и болѣе разумнымъ, къ числу которыхъ причисляетъ себя и нашъ авторъ-учитель.

Что же бы это сдѣлать въ-самомъ-дѣлѣ съ раскричавшимся ребенкомъ?... Опять скорѣе въ пеленки его, въ пеленки, да покрѣпче какія! А если и тамъ будетъ кричать, дайте ему розогъ. И опять все будетъ тихо, опять все будетъ обстоять благополучно: ребенокъ, закованный въ крѣпкія пеленки, будетъ лежать-себѣ, да смотрѣть на небо, на луну, на звѣзды, судорожно всхлипывая по временамъ отъ полученыхъ ударовъ; наконецъ успокоится и не будетъ уже мѣшать заниматься *своими дѣлами* мелкимъ чиновникамъ, особенно же не будетъ мѣшать ихъ превосходительствамъ заниматься ихъ *важными дѣлами*; а главное—крикъ его не долетитъ до семинарій, углубившихся въ превыспреннія идеи.

Что такое желаніе обратить всѣхъ и все къ старому порядку вещей занимаетъ автора-учителя, это видно уже изъ того усилія, съ какимъ онъ старается вывести самые крайніе результаты изъ нѣсколькихъ словъ, брошенныхъ молодою литературою въ глаза устарѣвшимъ рутинерамъ. «Смотрите де, кому слѣдуетъ, до чего зашалился пущенный вами на свободу ребенокъ. Надобно бы, надобно подумать объ этомъ, кому слѣдуетъ...» Рѣчь, очевидно, обращена здѣсь къ старымъ нянькамъ ребенка. И какъ тонко авторъ обращается съ ними! Очевидно, что онъ и самъ былъ воспитанъ ими, и теперь заимствованныя отъ нихъ идеи прилагаетъ къ дѣлу. Чѣмъ удобнѣе можно побудить старую няньку къ тому, чтобъ она не баловала ребенка? Разумѣется, самое лучшее средство—запугать ее тѣмъ, что ей предстоитъ много хлопотъ съ избалованнымъ ребенкомъ, что ей, чего Боже упаси! придется даже *подумать*, какъ справляться съ нимъ.

Вотъ слова, съ которыми обратился авторъ-учитель къ нянькамъ нашей молодой литературы, осмѣлившейся заговорить о недостаткѣ духовенства:

«Въ литературѣ опозорено наше духовенство (далѣе приводятся позорныя слова). Опозорить публично, въ печати, цѣлое сословіе, важное по своему значенію въ обществѣ и отличное по своимъ историческимъ заслугамъ для отечества, объявить все воспитаніе его *безнравственнымъ* (курсивомъ), осрамить всѣ его учебныя заведенія, всенародно высказать свое омерзѣніе къ самымъ именамъ ихъ, и все это безъ всякихъ объясненій, безъ исключеній, однимъ залпомъ грубой, безпощадной, голословной брани; гдѣ это слыхано? У другихъ народовъ, образованныхъ, нетолько общественное мнѣніе не допустило бы этого, но еще такого отважнаго ратоборца нравственности потребовали бы къ суду за безчестіе и клевету! У насъ дѣло другое: намъ это можно; мы еще *учимся*! (курсивомъ). Неужели, однако жъ, наше общество, въ самомъ дѣлѣ, не захочетъ обсудить и оцѣнить татого поступка», заключаетъ свой монологъ оскорбленный авторъ.

А изъ-за чего, думаете вы, весь этотъ шумъ? Все дѣло то вотъ въ чемъ. Въ «Журналѣ землевладѣльцевъ» напечатана слѣдующая мысль: «Хорошо было бы, кажется, открыть при университетахъ факультеты богословія, куда могли бы быть принимаемы (для поступленія въ духовное званіе), безъ различія состояній, окончившіе полный гимназическій курсъ. Семинаріи наши, при теперешнемъ ихъ составѣ и состояніи, къ этому *совершенно негодны*, да и самыя духовныя академіи требуютъ раціональнаго преобразованія, въ особенности относительно *исключительнаго ихъ положенія*. Теперь, навѣрное, ни одинъ порядочный отецъ, естественно дорожащій нравственностью своего сына, ни за что не рѣшится отдать его въ духовную академію, а тѣмъ менѣе въ семинарію. Самое это названіе, по моему мнѣнію, должно быть изгнано изъ русскаго языка: до того оно опошлилось и омерзѣло. Слово «семинаристъ» стало почти браннымъ словомъ, выражающимъ презрѣніе. Я—прибавляетъ почтенный авторъ статьи —столбовой дворянинъ...» Этимъ оканчивается выписка изъ «Журнала землевладѣльцевъ» въ духовномъ журналѣ.

Дьячки и третьеразрядные семинаристы, можетъ быть, и оскорбились бы за эти слова, разсердились бы на автора ихъ, столбоваго дворянина, и назвали бы его человѣкомъ, незнающимъ простыхъ правилъ вѣжливости, приличія, благородства, умѣренности въ выраженіяхъ; по нашему же крайнему разумѣнію, въ приведенныхъ словахъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ обнажен-

ной правды. Будь я вѣтвь отъ древняго духовнаго корня—и то сказалъ бы то же самое, т. е., если учебныя духовныя заведенія не потерпятъ радикальнаго измѣненія, то ни одинъ порядочный отецъ, если дорожитъ *человѣчностію* сына, не долженъ помѣщать его въ эти заведенія. Но объ этомъ послѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ не сталъ, что-то, опровергать истины приведенныхъ словъ, не сталъ раскрывать достоинствъ духовно-учебныхъ заведеній. А вѣдь извѣстно, что, какъ клеветать голословно нельзя, такъ и оскорбляться голословно тоже нельзя. Къ тому же и цѣль автора была *выяснить ходъ дѣла, какъ духовенство можетъ дѣлаться лучше, или хуже*. А кто не знаетъ, какую важную роль играетъ въ жизни полученное образованіе?

Несмотря на все это, авторъ не счелъ нужнымъ «входить въ разсужденіе о духовно-учебныхъ заведеніяхъ», на томъ основаніи, что этотъ предметъ «требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, притомъ не литературнаго, а административнаго». Что это? Желаніе ли отдѣлаться фразами, чтобы не быть вынужденнымъ раскрывать настоящаго состоянія духовно-учебныхъ заведеній? или это смиреніе, подобное тому, какое выражалъ богачъ-купецъ, говоря: «гдѣ намъ со сливками чай пить? Или это пика столбовому дворянину, взявшемуся не за свое дѣло? Или это старый нашъ знакомый — ожиданіе всего отъ администраціи правительства? Но добросовѣстно ли это? Какъ правительство можетъ знать настоящее состояніе духовно-учебныхъ заведеній, когда въ отчетахъ оно только и читаетъ, что все обстоитъ въ наилучшемъ порядкѣ? Посылать ревизоровъ? И посылаютъ. Но посылаются люди—начальники тѣхъ же духовныхъ заведеній, поборники тѣхъ же рутинныхъ порядковъ, неотрѣшившіеся отъ рутиннаго взгляда на основныя начала учебныхъ заведеній. Какъ вы хотите, чтобы ревизоръ-начальникъ высшихъ заведеній возставалъ противъ тѣхъ порядковъ въ низшихъ заведеніяхъ, когда они есть и у него. Да и посылаются обыкновенно такіе люди, которые, по самому существу дѣла, не могутъ заботиться объ улучшеніи чего либо, потому что главное ихъ назначеніе — точное, буквальное, если можно, безотчетное исполненіе воли высшаго, *старшаго начальства* (*). А старшему прійдетъ ли когда въ голову

(*) См. «Чинъ иноческаго постриженія».

мысль объ улучшеніи тѣхъ заведеній, въ которыхъ онъ самъ получилъ образованіе? «Я въ этихъ заведеніяхъ учился, да и то теперь вотъ кто», говоритъ за него успокоивающій его голосъ. И такимъ образомъ идетъ все по старому. Что же касается до свѣтскихъ ревизоровъ, посылаемыхъ правительствомъ, то, можетъ быть, они и не заражены рутиннымъ взглядомъ на учебныя заведенія; но что могутъ они сдѣлать съ своимъ бѣглымъ обзоромъ этихъ заведеній? Не имѣя возможности добраться до духа этихъ заведеній, они, естественно, обращаютъ все свое вниманіе на внѣшность ихъ. Начальники заведеній, узнавши отъ своихъ благопріятелей о посылаемомъ обозрѣвателѣ, инстинктивно догадываясь, что обозрѣвающему всѣ заведенія некогда будетъ добираться до тонкостей, стараются только о томъ, чтобы дать благовидность внѣшности заведенія. И вотъ, по полученіи начальникомъ заведенія письма изъ Петербурга или изъ Москвы, въ заведеніи поднимается шумъ, гамъ, бѣготня, скребутъ, метутъ, чистятъ. Въ одной семинаріи, по поводу слуховъ о ревизорѣ, ученики, по приказанію начальства, нанимали на свой счетъ мыть полы. А такъ какъ страшный посѣтитель долго не пріѣзжалъ въ эту семинарію, то имъ, бѣднымъ, раза три-четыре, приходилось нанимать поломоекъ. И начальники заведеній дѣйствительно этими мѣрами достигали своихъ цѣлей: внѣшность прежде всего бросалась въ глаза обозрѣвающему, и онъ, наслушавшись прежде разсказовъ о непроходимой грязи по этимъ заведеніямъ, оставался доволенъ тѣмъ, что видѣлъ. Намъ самимъ пришлось слышать, какъ одинъ изъ обозрѣвателей выражалъ свое довольство одною семинаріей: «Славная, говоритъ, семинарія; вездѣ такъ чисто; отдушники вычищены отлично...» Послѣ того авторъ возлагаетъ изслѣдованіе о состояніи духовно-учебныхъ заведеній на администрацію!.. Искренно ли это? Есть слухи, что теперь составленъ комитетъ, для разсужденія о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Что, если въ основаніе этихъ разсужденій положатъ отчеты ревизоровъ и обозрѣвателей?.. Хорошо будетъ преобразованіе!.. Здѣсь требуется радикальное преобразованіе. Въ чемъ оно должно состоять, это можно усмотрѣть только изъ искренняго описанія настоящаго положенія духовно-учебныхъ заведеній, на подобіе того, какъ сдѣлало министерство народнаго просвѣщенія, дозволивъ всѣмъ разбирать уставы гимназій и университетовъ, и описывать самыя учебныя заведенія. А если бу-

дутъ оскорбляться каждымъ прямымъ словомъ, высказаннымъ на этотъ счетъ, заведенія измѣнятся по виду, но не измѣнятся въ сущности. Но объ этомъ послѣ, а теперь послѣдуемъ за нашимъ авторомъ и посмотримъ, какія онъ открываетъ причины настоящаго состоянія духовенства, разсматривая его «со стороны церковной и общественной».

«Какъ—говоритъ авторъ—покажутся читателямъ вотъ эти двѣ истины, которыя мы выскажемъ? Во первыхъ: состояніе духовенства опредѣляется состояніемъ вѣры и церкви въ обществѣ, а во вторыхъ, оно опредѣляется состояніемъ самаго общества». Не знаю, какъ вамъ, читатель, показались эти двѣ непреложныя истины; что же касается до насъ собственно, то онѣ не удовлетворили насъ, а только возбудили новые вопросы, и именно вопервыхъ: отъ кого зависитъ состояніе вѣры и церкви въ обществѣ? и во-вторыхъ, гдѣ же вліяніе духовенства, гдѣ же его *высокое значеніе* для общества, когда состояніе его самого опредѣляется состояніемъ общества?

Отвѣтъ на первый вопросъ мы находимъ и у нашего автора. «Что такое духовенство? вопрошаетъ онъ: духовенство есть сословіе, опредѣленное на служеніе вѣрѣ и церкви». Не правда ли, что тутъ полный отвѣтъ на нашъ вопросъ? Вѣра и церковь сами по себѣ ничего не могутъ сдѣлать для себя; очевидно, все состояніе ихъ зависитъ отъ того, какъ будутъ заботиться объ ихъ интересахъ слуги ихъ. Это, кажется, очевидно? А у нашего автора это выходитъ какъ то непостижимо: у него состояніе вѣры и церкви среди православныхъ христіанъ выходитъ незавидно, потому... потому... ну, незавидно, да и только, такъ себѣ незавидно... видно, уже на то воля божія, какъ незавидно положеніе въ обществѣ низшихъ мѣстъ администраціи. «Покажи—говоритъ авторъ—общество, что оно и къ этимъ мѣстамъ имѣетъ уваженіе, какъ имѣющимъ свое значеніе въ составѣ общаго благоуправленія, что оно само въ себѣ готово охранять и поддерживать ихъ правила; вѣрно, немного нашлось бы матеріаловъ для гоголевской или щедринской школы.»

Покажи уваженіе... Въ томъ то и дѣло, что общество не имѣетъ этого уваженія, объ томъ то и заботиться нужно, чтобы общество имѣло уваженіе къ вѣрѣ и церкви и нѣкоторымъ гражданскимъ учрежденіямъ. И у насъ дѣйствительно теперь стали задумываться надъ тѣмъ, какъ бы довести дѣло до того,

чтобы общество уважало низшія (да и высшія) мѣста администраціи, съ ихъ представителями; начали говорить о недостаточности нашихъ гражданскихъ учрежденій и о безнравственности представителей этихъ учрежденій въ обществѣ, чтобы съ искорененіемъ высказанныхъ недостатковъ, заставить общество уважать и гражданскія учрежденія и проводниковъ ихъ въ общество. Но, преобразованіе учрежденій, исправленіе нравственности чиновниковъ... трудная, пренепріятная, да къ тому же, и ненужная коммисія. Чтобы общество уважало ихъ, ничего этого не нужно: стоитъ только, чтобы общество показало, что оно и на такія мѣста обращаетъ вниманіе, что оно и къ нимъ имѣетъ уваженіе; тогда и мѣста и сидящіе на нихъ будутъ пользоваться уваженіемъ въ обществѣ. Не правда ли, что это и просто и легко? Взялъ, да и показалъ уваженіе, а тамъ уже и пойдетъ все отлично. Только позвольте... какъ же это: взялъ да и показалъ уваженіе? Вѣдь уваженіе то не вещь какая нибудь, которая хранится гдѣ нибудь у человѣка, и которую онъ, по первому востребованію, можетъ взять, да и показать: на-те, молъ, смотрите, вотъ мое уваженіе. Сколько намъ помнится, ни въ одномъ курсѣ, который касался этого предмета, не предлагалось такого понятія объ уваженіи. А вездѣ, напротивъ, говорилось, что это есть внутреннее чувство, возбуждаемое достоинствами какого либо предмета, или возникающее при размышленіи о нихъ; чувство, невольно выражающееся во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, при появленіи этихъ предметовъ, или при воспоминаніи о нихъ. Но что прикажете дѣлать, когда являющіеся или воспоминаемые предметы возбуждаютъ не уваженіе, а совершенно противоположное чувство? У нашего автора это очень просто: взялъ, да и показалъ къ нимъ уваженіе. Только опять позвольте... на русскомъ языкѣ это какъ то иначе называется—не уваженіемъ, когда, вмѣсто того, чтобы сказать правду человѣку въ глаза, разсыпаются предъ нимъ въ мельчайшее благоговѣніе и уваженіе... Развѣ такого уваженія требуетъ авторъ своимъ protegés?

Не имѣя надобности касаться этихъ всегда уважительныхъ господъ, мы займемся неуважительными, которые, какъ видно изъ словъ автора, составляютъ въ обществѣ большинство. Отчего не уважаютъ они низшихъ мѣстъ администрацій? Очевидно потому, что мѣста эти не обладаютъ тѣми достоинствами, которыя бы могли возбуждать уваженіе, или такъ какъ, по посло-

вицѣ: не мѣсто просвѣщаетъ человѣка, а человѣкъ мѣсто, то, вѣроятно, живыя орудія администраціи, засѣдающія на этихъ мѣстахъ, не только не просвѣщаютъ занимаемыхъ ими мѣстъ, такъ чтобы достоинства ихъ (какія въ нихъ есть) были видны всѣмъ, и возбуждали всеобщее уваженіе, но затемняютъ и послѣднія. Итакъ, общество не уважаетъ низшихъ мѣстъ администраціи—это фактъ. Объясненіе этого факта одно—несовершенство самыхъ учрежденій и особенно недостатки живыхъ представителей ихъ. Кажется, ясно? Далѣе общество не уважаетъ вѣры и церкви. Это фактъ, подтверждаемый самимъ авторомъ. Объясненіе этого факта возможно тоже одно—несовершенство вѣры и церкви, или недостатки представителей, служителей ихъ. Другаго объясненія придумать нельзя. Итакъ, что же? Вѣра ли и церковь не обладаютъ тѣми совершенствами, которыя бы могли возбуждать въ обществѣ уваженіе? Или—представители и служители вѣры и церкви, своими недостатками затемняютъ достоинства и совершенства вѣры и церкви, и такимъ образомъ лишаютъ ихъ уваженія въ обществѣ?

Очевидное дѣло, что причина неуваженія общества къ вѣрѣ и церкви не въ нихъ самихъ; этого не скажетъ, конечно, и самъ авторъ; слѣдовательно, виновато духовенство, Но съ этимъ авторъ почти соглашается; по-крайней мѣрѣ, онъ не усиливается оправдывать духовенство. Онъ поставилъ себѣ цѣлью только «выяснить ходъ дѣла, какъ духовенство можетъ дѣлаться лучше или хуже», de facto, а не de jure, хотя главное, отчего духовенство можетъ дѣлаться лучше или хуже—его воспитаніе, не хотѣлъ взять во вниманіе. Приступая къ раскрытію причинъ настоящаго неудовлетворительнаго состоянія духовенства, авторъ прежде всего удивляется: «отчего общество, равнодушное къ вѣрѣ, неравнодушно къ духовенству? Это нелогично. «Ужъ эта намъ логика! Много людей погубила она. Въ голову какого-нибудь администратора-преобразователя вѣтеръ принесетъ откуда нибудь легонькій силлогизмъ; не имѣя родной почвы и твердаго основанія, силлогизмъ этотъ вертится около самого себя въ почтенной головѣ преобразователя; нельзя ни на чемъ утвердить его: онъ наносный. Дѣйствительная жизнь не принимаетъ его: она изъ своей почвы отпускаетъ много родныхъ силлогизмовъ. Мучится почтенная голова съ своимъ наноснымъ сокровищемъ. Это бываетъ съ людьми, удалившимися отъ дѣйстви-

тельной жизни, отъ сего юдольнаго міра, въ міръ превыспренній, гдѣ, какъ извѣстно, вѣтеръ гуляетъ свободно. То же случилось и съ нашимъ авторомъ. Не знаю, кого онъ разумѣетъ подъ обществомъ, когда называетъ его равнодушнымъ къ вѣрѣ. Кто живетъ среди русскаго общества, тотъ никогда не скажетъ на него такой клеветы. Низшій и средній классы нашего общества не только не отличаются равнодушіемъ къ вѣрѣ, но развѣ погрѣшаютъ крайностью въ томъ дѣлѣ, то-есть суевѣріемъ. Не говоримъ уже о нашихъ селахъ, и въ городахъ звонъ колокола въ праздничный день привлекаетъ въ храмы всѣхъ, кому только есть малѣйшая возможность. А самые храмы, ихъ благолѣпіе, даже ихъ богатство, чтó все это, какъ не свидѣтели усердія православнаго русскаго народа къ вѣрѣ его? А непрерывныя толпы пилигримовъ! это все равнодушные къ вѣрѣ, тысячи верстъ проходятъ, чтобы поклонится подвижникамъ своей вѣры? Разумѣетъ ли авторъ высшій классъ нашего общества, наше барство, въ его собственномъ отжившемъ смыслѣ? Но вѣдь оно равнодушно ко всему, кромѣ картъ и собакъ. Объ этомъ классѣ, стало-быть, и говоритъ нечего, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время классъ этотъ очень необширенъ.

Вотъ вамъ и выспренняя логика...

Разъясняя далѣе «ходъ дѣла, какъ духовенство можетъ дѣлаться лучше, или хуже», авторъ говоритъ, что «можно поставить и такой вопросъ: возможно ли еще духовенству быть совершеннымъ въ своемъ званіи и служеніи, когда общество немного заботится о совершенномъ, съ своей стороны, соблюденіи правилъ вѣры и церкви?»

Какъ, думаете, можно поставить такой вопросъ? Тамъ въ горнемъ мірѣ, все это можно; тамъ это легко, вѣтеръ помогаетъ. Намъ, такъ-какъ мы живемъ среди православнаго русскаго общества, несоблюдающаго правилъ вѣры и церкви не по равнодушію (это, какъ мы видѣли, невозможно), а, конечно, по незнанію—намъ такого вопроса не поставить. А нашему неземному автору и отвѣтъ принесенъ изъ апріорическихъ странъ: *не совсѣмъ возможно*. По нашему крайнему разумѣнію, это не соблюденіе обществомъ правилъ вѣры и церкви должно *побуждать* духовенство быть совершеннымъ въ своемъ служеніи, то-есть исполнять первый долгъ свой: раскрывать и уяснять вѣрующимъ правила вѣры и церкви и, прежде всего, конечно, самимъ

ные дѣятели (духовенство) оказывали свое вліяніе. А теперь нетвердое въ нравственныхъ стремленіяхъ своихъ, наше общество дѣйствуетъ своимъ неотразимымъ и неизбѣжнымъ вліяніемъ и на духъ нравственныхъ дѣятелей своихъ (уже вы знаете, кто эти дѣятели), и тогда они увлекаются въ борьбу съ нимъ, большею частію неодолимую для нихъ и безплодную, въ которой нерѣдко, вѣрные своимъ идеямъ и призванію, падаютъ жертвами собственныхъ усилій и враждебныхъ силъ, или поддаются притяженію среды и колеблются въ собственной нравственной твердости».... Словомъ, чего чего тутъ нѣтъ: и идеи, и призваніе, враждебныя силы, и борьба, колебаніе и паденіе; нѣтъ только того, что̀ есть на самомъ дѣлѣ въ этомъ юдольномъ мірѣ, и что могло показаться совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ и видѣ жителю горняго міра.

Благоволите, г. авторъ, спуститься съ своей высоты и посмотрѣть на служеніе духовенства вѣрѣ и церкви. Вліяніе вѣры и церкви на чадъ ея начинается отъ самаго появленія чадъ этихъ на свѣтъ божій; и потому мы раскроемъ, какъ служители вѣры и церкви проводятъ это вліяніе на духовныхъ чадъ своихъ, съ самаго появленія ихъ на свѣтъ до отправленія въ темное царство мертвыхъ.

Какъ только младенецъ слабымъ крикомъ заявитъ о своемъ существованіи, хозяинъ дома (я разумѣю большинство православныхъ, сельскихъ жителей) снаряжаетъ свою сивку, и, прежде всего, отправляется къ неизсякаемому источнику радости и отдаетъ послѣдній рубль *за воду живую* (*). По пути мужичокъ завернетъ къ священнику. Дѣло уже къ вечеру. Священникъ сидитъ на крылечкѣ, останавливая каждаго проходящаго и разговаривая съ нимъ. Вотъ мужичокъ издали завидѣлъ сидящаго батюшку и снялъ шапку. Поставивши лошадь подлѣ задворка и прикрывши осторожно соломкой сосуды съ драгоцѣннымъ напиткомъ, онъ идетъ къ священнику, держа въ рукахъ шапку.

— Здравствуйте, бачка кормилецъ, говоритъ онъ, кланяясь и протягивая руку за благословеніемъ.

— Здорово, Пахомъ, здорово! отвѣчаетъ священникъ, дѣлая рукою въ воздухѣ какой то знакъ, вмѣсто благословенія.—Что̀

(*) Количество водки берется прежде всего, конечно, по состоянію; впрочемъ, оно всегда удвояется, если младенецъ мужескаго пола.

скажешь хорошенькаго? Между тѣмъ, священникъ догадывается, зачѣмъ пріѣхалъ Пахомъ: онъ у него давно былъ на примѣтѣ.

— Да къ вашей милости, батюшка!

— Чтó?

— Да невѣстка то наша тово.... говоритъ Пахомъ, почесывая себѣ затылокъ:—растреслась...

— Ну, что жь? Чтó Богъ далъ?

— Да чтó? Опять, батюшка... Ужь куда мнѣ съ этою дрянью дѣваться будетъ? За лошадьми поглядѣть нѣкому.

— Ну, ничего; все Богъ: справишься какъ нибудь. А это чтó? Видно въ *одинокій* ѣздилъ? говоритъ священникъ, не находя болѣе утѣшенія, и указывая на телегу, въ которой скрывалось утѣшеніе всѣхъ страждущихъ и скорбящихъ.—Что, не подорожала?

— Все то же; только ужь воды то больно не жалѣютъ.

— Что и говорить! Нынче вашъ Егоръ. Исаичевъ мать поминалъ... такъ въ ротъ нельзя взять... Когда же ты думаешь крестины то справлять?

— Да ужъ нынче, видно, не справишься: стало, завтра.

— Чтó ты? Перекрестись, Пахомъ! Да завтра чтó? говоритъ удивленный священникъ.

— Середа то, середа, да младенецъ то больно плохъ, говоритъ Пахомъ, которому представляется, что авось нежеланная родившаяся скоро умретъ.

— У васъ все плохъ, а его небось и объ уголъ не расшибешь. Нѣтъ, это—не плохъ, а картошками отдѣлаться хочешь. Знаю я васъ!—горячится священникъ. Ну, чтó? Тебѣ то, что ли, нѣ изъ чего?—скоро смягчается онъ.

— Да оно не тѣмъ, чтобы нé изъ чего: супрути другихъ достанетъ; да добра то жаль, нѣ за что...

— А ты все свое. Да развѣ не всѣ равны дѣти? Нѣтъ, Пахомъ! Ужъ ты дѣлай дѣло, какъ слѣдуетъ. Завтра то кумовьевъ собери, поприготовься, а въ четвергъ въ обѣды мы и пріѣдемъ къ тебѣ. Такъ то!—заключаетъ священникъ.

— Ужъ, видно, дѣлать нѣчего! Пожалуйте у ранніе обѣды, говоритъ Пахомъ, котораго и самого заманиваетъ ве[illegible] жирная пирушка съ кумовьями да сватьями; онъ то[illegible] въ *сердцахъ* рѣшился справлять крестины въ среду. священникъ, онъ самъ былъ бы почти недоволенъ.

— Ужъ видно такъ то, Пахомъ Панкратичъ!

— Ну, прощайте же, бачка кормилецъ, говоритъ Пахомъ, нѣсколько наклонясь и протягивая руку за благословеніемъ.

— Ну, съ Богомъ, Пахомъ! говоритъ священникъ, одной рукой приподнимая на головѣ свою шляпу, а другой дѣлая въ воздухѣ знакъ, означающій благословеніе. Раздается поцалуй руки.—Готовься же! наставляетъ священникъ.

— Стало, батюшка, такъ то, у ранніе обѣды пожалуйте къ намъ?

— Хорошо, хорошо! Пріѣдемъ, говоритъ снисходительно священникъ.

Въ четвергъ весь причтъ церковный отправляется на крестины. У Пахома уже все готово: и кумовья на лицо, и вода въ ушатѣ, и избу наполняетъ уже запахъ жирнаго. Приступаютъ къ совершенію таинства. И кàкъ совершаютъ его? Въ немъ, какъ въ таинствѣ, и такъ много непонятнаго для людей, непосвященныхъ въ тайны, а бѣглое, небрежное совершеніе его еще болѣ, затемняетъ его. Присутствующіе не усвоятъ себѣ ни смысла молитвъ, небрежно прочитанныхъ, не поймутъ и смысла дѣйствій, сопровождающихъ таинство. «Отрекохся, отрекохся; сочетохся, сочетохся... Дуньте, плюньте...» Чтó это такое? А кто же его знаетъ! Чтó это—погруженіе, помазаніе елеемъ и мνромъ? Да кто же его знаетъ?... Ввели въ крещенную вѣру — чего жъ больше?...

— Присядьте, батюшка! Чѣмъ Богъ послалъ...

И Пахомъ тащитъ изъ пуньки монаха (*), а Матрёна кладетъ на столъ пироги и ставитъ блюдо съ убоиной.

— Покройте, Евсеигнѣичъ! говоритъ Матрёна, обращаясь къ дьячку, искусному въ этомъ дѣлѣ. Евсеигнѣичъ изрѣжетъ всѣ пироги и положитъ каждому скибочки по двѣ; разрѣжетъ убоину и поставитъ среди стола. Пахомъ, между тѣмъ, съ своимъ монахомъ. Прежде всего подноситъ онъ стаканчикъ, разумѣется, батюшкѣ.

— Кушай же самъ.

Пахомъ ставитъ монаха и идетъ съ поклономъ къ батюшкѣ за благословеніемъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, благословляетъ

(*) Такъ дьячки называютъ штофъ съ водкою.

священникъ. Пахомъ кланяется, пьетъ и вытираетъ рукою губы и снова за монаха, снова наливаетъ стаканчикъ и подноситъ священнику.

— А Сидоровнѣ то, что же?

— Когда ей тамъ!

— Кушайте, батюшка! мнѣ вотъ тутъ сготовить нужно коечто, выступаетъ на сцену Матрёна, прихорашиваясь.

— Выпей на радости: Богъ внучку далъ.

— Коли бъ Господь прибралъ поскорѣе, говоритъ добрая Матрёна, очевидно, съ чужихъ словъ.

— Чтó ты? Господь съ тобой!... Ну, выпей же!

— Ну, что ли, пей, хозяйка! добавляетъ нетерпѣливый Пахомъ. Матрёна беретъ стаканчикъ, получаетъ благословеніе, кланяется, выпиваетъ (не все), корчитъ рожу, утираетъ рукою губы, кланяется и отправляется на свое мѣсто. Пахомъ снова съ стаканчикомъ къ священнику.

— Кого же еще просить? говоритъ священникъ, уже протягивая руку за стаканчикомъ.

— Кому жъ теперь больше? просимъ покорнѣйше!

— А Ивана-то Пахомыча и забыли, говоритъ священникъ, поставивши стаканчикъ на столъ и отъискивая глазами отца новорожденной.

— Кушай, батюшка-кормилецъ, выступаетъ впередъ съ поклономъ сконфуженный Иванъ, парень уже не первой молодости.

— Онъ апосля выпьетъ, тогда съ кашей.

— Ну, и такъ. За священникомъ Пахомъ подноситъ діакону, затѣмъ дьячку, пономарю и кумовьямъ. Обнесши всѣхъ, онъ начинаетъ снова, проговоривши: «по одной-то холоповато, батюшка-кормилецъ!» А Матрена, между тѣмъ, подаетъ одно за другимъ кушанья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяйка не позволяетъ себѣ рѣзать мяса, подаваемаго на столъ, а предоставляютъ это дьячку. Если подается поросенокъ жаренный, то дьячокъ отдѣляетъ самую переднюю часть его—голову священнику, разбереретъ ее на составныя части, и въ такомъ видѣ подаетъ ее ему. Иногда, впрочемъ, священникъ не позволяетъ дьячку дѣлать такую операцію надъ головою поросенка, а велитъ подать ему ее въ цѣлости. И тогда она завязывается въ чистую тряпочку и отвозится домой. Когда же подается птица жареная, курица, напримѣръ, то священнику отдѣляется задняя часть. Эта домой

никогда не возится. Въ заключеніе стола подается миска съ молочной кашей. На ней по краямъ лежатъ двѣ ложки, а въ срединѣ налито масло въ нарочито сдѣланное для этого углубленіе. Въ одну ложку дьячокъ беретъ каши и посыпаетъ ее солью, какъ можно больше. На сцену опять вызывается Иванъ, его заставляютъ съѣсть это вкусное кушанье, приправляя еще его разными плоскими остротами. Морщится Иванъ, а ѣстъ—дѣлать нечего: обычай святой. А Пахомъ, между тѣмъ, съ стаканчикомъ. Тутъ выпадаетъ уже и на долю Ивана.

— Ужъ извините, бачика-кормилецъ,—заканчиваетъ Пахомъ обѣдъ съ поклономъ.—Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Много довольны, молится священникъ Богу съ причтомъ своимъ. Получивши двугривенный за крестины, хлѣбъ и три пирога, причтъ церковный отправляется до дому, довольный собою, обѣдомъ... А нежеланная новорожденная все-таки виновата: зачѣмъ она дѣвочка?...

Само собою разумѣется, что не вездѣ такъ совершается крещеніе младенцевъ. Въ иныхъ мѣстахъ причетъ не ходитъ на домъ къ мужичку: ему присылаютъ съ кумовьями и двугривенный, и монаха, и хлѣбъ. Новорожденной отъ этого все таки не будетъ лучше... Только дорогой помнутъ ее, а если зимою, такъ еще простудятъ (это одна изъ главныхъ причинъ смертности младенцевъ у нашего народа).

Такъ пастырь принимаетъ въ свое стадо новую овцу; не лучше будетъ онъ и пасти ее, сбирая съ нея отъ времени до времени по клочку шерсти, на исповѣди, на свадьбѣ, и на крещеніи и провожая въ иной міръ.

Вы, читатель, можетъ-быть, удивитесь тому, какъ высоко-нравственные дѣятели мало приносятъ пользы обществу? «Что же удивительнаго, если духовенство нравственно или не нравственно, какъ скоро таково окружающее его общество? Какъ вы хотите, чтобъ духовенство было не грубо и не невѣжественно, тамъ, гдѣ кругомъ его нѣтъ ничего, кромѣ грубости и невѣжества? Чему вы удивляетесь въ нетрезвости духовенства, когда въ обществѣ людей, съ которыми оно живетъ, первое удовольствіе, даже своего рода обязательство—пить»? Вотъ до чего мы, наконецъ, договорились! Грубое и невѣжественное общество такъ должно и остаться такимъ. Тысяча лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій народъ высказалъ, въ чемъ полагаетъ онъ свое бла-

женство (русскому веселіе пити), и до сихъ поръ первое удовольстіе его, перешедшее въ своего рода обязательство—пить; пройдетъ еще тысяча лѣтъ, и все будетъ также; проживетъ онъ еще тысячу, и все будетъ также грубъ и невѣжественъ и также будетъ поставлять свое удовольствіе въ томъ, чтобъ пить и пить, потому что нравственные дѣятели ничего не могутъ сдѣлать тутъ. Ну, ужъ народецъ ! ничего съ нимъ не подѣлаешь! Еще тысячу лѣтъ назадъ тому пришли къ нему изъ Византіи нравственные дѣятели и просвѣтители, и до-сихъ-поръ ничего не сдѣлали съ нимъ! «Эти дѣятели увлекаются въ борьбу съ нимъ, большею частію неодолимую для нихъ и безплодную (?), въ которой нерѣдко, вѣрные своимъ идеямъ и призванію, падаютъ жертвами собственныхъ усилій и враждебныхъ силъ, или поддаются притяженію среды и колеблются въ собственной нравственной твердости». Грубость, невѣжество и пьянство продолжаются, потому, и доселѣ, будутъ продолжаться до скончанія вѣковъ. Неутѣшительно, конечно, да что дѣлать! А прогресъ-то какъ же! А молодое поколѣніе дѣятелей? А воспитаніе? Не помогаетъ... Общество грубо, безнравственно: откуда же добыть начало нравственности для воспитанія нравственныхъ дѣятелей общества? И нечего толковать «о безнравственности духовно-учебныхъ заведеній (гдѣ воспитываются эти дѣятели), когда имъ и всѣмъ извѣстно, что дѣлается въ свѣтскихъ заведеніяхъ, когда не духовныя заведенія предшествуютъ и задаютъ тонъ общественному воспитанію, а скорѣе, конечно, наоборотъ, да и самый вопросъ о нравственности не относится ли прежде всего къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ поведеніе имѣетъ характеръ общественный и выражается въ публичныхъ манифестаціяхъ и цѣлыми массами воспитанниковъ?...»

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Стало-быть, дѣло-то надо бросить вовсе: поправить же его ничѣмъ нельзя? Образованіе, воспитаніе нравственныхъ дѣятелей ничего не поможетъ: «имъ нужна нравственная сила, а сила эта развивается не книгами и не идеями, а практикою, которая опять-таки направляется и характеризуется обществомъ, окружающимъ человѣка; имъ нужно не одно созерцаніе...» и т. д.

Обождите же, обождите! дѣло, значитъ, еще не совсѣмъ пропащее. Только книжное, идеальное, созерцательное воспитаніе—воспитаніе, которое не воспитываетъ нравственныя силы въ человѣкѣ—оно не помогаетъ; а будь другаго рода воспитаніе, развивающее и укрѣпляющее въ человѣкѣ нравственную силу—такъ дѣло бы и поправилось. Можете, читатель, утѣшиться. А то уже вы, вѣрно, струсили: «мы-де хлопочемъ о воспитаніи и образованіи молодаго поколѣнія, а оказывается, оно—это воспитаніе-то—ни къ чему не ведетъ?» Такъ утѣшьтесь: это только воспитаніе *нравственныхъ дѣятелей* никуда негодно. А этого неважнаго обстоятельства авторъ и не замѣтилъ, «выясняя ходъ дѣла, какъ духовенство можетъ дѣлаться лучше или хуже», раскрывая зарожденіе и развитіе его немощей»; онъ приплелъ сюда общество... И досталось же отъ него русскому обществу за нравственныхъ дѣятелей!...

А ларчикъ-то просто открывался.

Но авторъ не хотѣлъ его раскрывать по скромности. Когда авторъ писалъ эту статью, тогда уже составлялся комитетъ для разсужденія о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Тогда-то, кажется бы, и нужно было и частнымъ лицамъ помогать комитету своими соображеніями. Но это только намъ съ вами, читатель, такъ кажется; оказывается, что мы съ вами знаемъ еще не всѣ тысячи приличій нашего этикета... По этому кодексу, въ это-то время и не слѣдуетъ входить въ разсужденіе о духовно-учебныхъ заведеніяхъ. «Этотъ предметъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, притомъ не литературнаго, административнаго».

А такъ-какъ мы намѣрены войти въ разсужденіе о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, то здѣсь мы распростимся съ авторомъ статьи «Общество и духовенство», пожелавъ ему доброй ночи и пріятнаго сна...

Ну, а что же комитетъ, составленный для разсужденія о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній?

— А ничего! разсуждаетъ... А вамъ бы хотѣлось такъ скоро, въ какіе-нибудь три-четыре года? Какіе вы скорые! Вѣдь это не то, что «тяпъ да ляпъ и вышелъ корабль». Нѣтъ, тутъ нужно спеціальное изслѣдованіе, разсужденія.—Неслышно ли по-крайней-мѣрѣ, какъ онъ разсуждаетъ?—Нѣтъ, не слышно. И литература

молчитъ? Отъ времени до времени попадаются мелкія и коротенькія замѣтки на этотъ счетъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ; да что эти замѣтки? Сейчасъ уже видно, что это не спеціальное, а главное, не административное изслѣдованіе; все это замѣтки *судей непрошенныхъ*, какъ назвалъ ихъ одинъ, должно-быть, ужъ изъ призванныхъ, коронныхъ судей этого дѣла. Замѣтки эти, значитъ, такого рода, что хоть бы ихъ и вовсе не было (какъ и наша), самому дѣлу отъ этого не было бы ни лучше, ни хуже. Замѣчающіе господа, какъ судьи непризванные, непрошенные, напрасно хлопотали высказать и свое сужденіе: имъ бы слѣдовало слушать только, что скажутъ объ этомъ дѣлѣ призванные къ тому. Что же говорятъ они? Съ своей стороны, я и готовъ бы удовлетворить вашему любопытству; только, право, не знаю, какъ бы это сдѣлать... Вѣдь намъ, знаете ли, что нужно будетъ взять въ руки для этого?... Извините, пожалуйста... «Странникъ»!... Тамъ-то и изложены «Мысли по случаю современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной церкви», мысли судіи, вѣроятно, призваннаго къ тому (онъ-то всѣхъ другихъ судей этого дѣла называетъ непрошенными). Такъ, преодолѣйте себя и возьмите и разверните декабрскую книжку «Странника»; тамъ на 111 страницѣ найдете и эти «Мысли».

Мысли поступили на страницы «Странника» съ приличнымъ приступомъ, изъ котораго читатель можетъ узнать, между-прочимъ, и то, что мыслитель знакомъ и съ *Вульфовой* философіей.

За приступомъ слѣдуетъ *трактація* о духовныхъ семинаріяхъ. Тутъ читатель прежде всего найдетъ мысли о *высокомъ слогѣ* и *хріяхъ*, какъ необходимыхъ принадлежностяхъ семинарскаго образованія. Эти мысли обличаютъ въ мыслителѣ глубокаго и основательнаго спеціалиста дѣла. Онъ, напримѣръ, пересмотрѣлъ всѣ проповѣди и бесѣды, изданныя съ 1830 по 1861 годъ, чтобъ узнать, сколько въ нихъ хрій. Чтобы ненадоѣдать читателю-неспеціалисту такими подробностями, мы не станемъ разбирать мыслей о высокомъ слогѣ и хріяхъ, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ уже, что для нравственныхъ дѣятелей нужна нравственная сила, а сила эта развивается не книгами и идеями, какимъ бы высокимъ слогомъ они ни были изложены, хоть бы даже въ хріяхъ, а практикою. Пишутъ ли семинаристы хріи, или нѣтъ, *высокимъ* или *низкимъ* слогомъ — дѣло небольшой важности: уже много-

много, что разсудокъ затуманитъ... Главное — какова практика будущихъ нравственныхъ дѣятелей? Ею развивается нужная для нихъ нравственная сила. «Практика—какъ вы вѣрно помните—направляется и характезируется обществомъ, окружающимъ человѣка». Какое же общество окружаетъ семинариста и вліяетъ на практику его? Я, право, не знаю. Видалъ ли кто гдѣ семинариста, кромѣ бурсы и семинарской квартиры?.. на общественномъ гуляньѣ? Но тамъ они тоже не среди общества, а въ сторонѣ отъ него... Изрѣдка у какого-нибудь купца или мѣщанина, встрѣтите вы семинариста, обучающаго за ничтожную плату ихъ ребятишекъ. Но это — изъ сотни одинъ. А остальные имѣютъ столкновеніе только съ хозяйками-мѣщанками. Но сказать, что семинаристы живутъ среди общества хозяекъ-мѣщанокъ, что хозяйки эти вліяютъ на нихъ, сказать этого все-таки нельзя, потому что большинство на ихъ сторонѣ. Скорѣе можно сказать, что хозяйки-мѣщанки живутъ среди семинаристовъ и подчиняются ихъ вліянію. Дѣйствительно, хозяйки эти усвояютъ себѣ даже языкъ семинаристовъ. Они знаютъ что: «дай *панису*»—значитъ, дай хлѣба, «дай *аквы*»—значитъ, дай напиться, и проч. Итакъ, семинаристъ живетъ и дѣйствуетъ среди же семинарскаго общества. Оно одно вліяетъ на его практику, развивающую его нравственныя силы для будущей нравственной дѣятельности его. Стало быть, практика каждаго семинариста направляется и характеризуется общимъ духомъ и направленіемъ семинарскаго общества? Каково же направленіе этого общества? И кто направляетъ его? (Мальчики и незрѣлые юноши, составляющіе это общество, не могутъ еще управлять сами собою). А на это въ каждой семинаріи есть семинарское правленіе, оно и направляетъ.

Что же это за правленіе? Оно состоитъ изъ трехъ членовъ: ректора, инспектора и эконома. Внѣшнія дѣла семинаріи, то-есть сношенія съ консисторіей, академическимъ правленіемъ и другими присутственными мѣстами и лицами, непринадлежащими семинаріи, заправляются всѣми членами правленія, или лучше никѣмъ изъ нихъ, а однимъ секретаремъ (они только подписываются); внутреннее управленіе семинаріи члены правленія, для удобства, дѣлятъ между собою: эконому принадлежитъ экономическая часть, то-есть содержаніе учениковъ, содержаніе домовъ и т. п.; инспектору вручается надзоръ за поведеніемъ семинаристовъ—въ бурсѣ или квартирѣ, въ городѣ, въ церкви и т. п.

(ему дается обыкновенно два-три помощника); ректору предоставленъ надзоръ за ходомъ преподаванія наукъ въ семинаріи. Кромѣ того, ему принадлежитъ верховный надзоръ надъ всѣмъ, что дѣлается въ семинаріи. Онъ контролируетъ не только наставниковъ (это его спеціальность), но и инспектора и эконома въ ихъ занятіяхъ; самъ же онъ подлежитъ контролю цѣлаго правленія... Видите, какъ все здѣсь благоустроено, какъ мало мѣста произволу лица: все контролируется. Но это только такъ кажется; а вы присмотритесь-ка попристальнѣе къ составу этого учрежденія, и вы увидите совершенно противное; вы увидите, какъ, подъ прикрытіемъ этого контроля, царитъ полный произволъ. Какъ такъ? А вотъ какъ.

Ректору принадлежитъ верховный надзоръ за всѣми дѣлами семинаріи; самъ онъ контролируется правленіемъ, то-есть двумя остальными членами его: а что это за члены? Инспекторъ семинаріи назначается и утверждается инстанціями, высшими семинарскаго правленія, стало-быть, совершенно независимо отъ ректора той семинаріи, въ которой приходится ему быть инспекторомъ. Поэтому онъ, кажется, могъ бы дѣйствовать на своей должности свободно и независимо; но... инспекторъ почти вездѣ монахъ... А вы развѣ не знаете главныхъ правилъ монашества? Въ такомъ случаѣ загляните въ «Чинъ постриженія въ иноки». Изъ этого «Чина» вы увидите, можетъ ли монахъ дѣйствовать свободно, самостоятельно, когда рядомъ съ нимъ стоитъ высшее въ монашеской іерархіи лицо? Послушаніе, послушаніе этому лицу поставляется выше всего... отреченіе отъ собственной воли въ пользу произвола высшаго лица—вотъ главный долгъ монаха въ столкновеніи съ старшимъ, высшимъ монахомъ!.. Ну, что? убѣдились теперь, что инспекторъ не можетъ дѣйствовать самостоятельно и независимо въ столкновеніяхъ съ ректоромъ? Значитъ, одинъ членъ правленія стушевался совершенно за авторитетомъ ректора. Далѣе—экономъ. Не стало, положимъ, эконома въ какой нибудь семинаріи (всегда къ величайшей радости семинаристовъ..); правленіе, то-есть ректоръ выбираетъ изъ профессоровъ *достойнаго* и представляетъ его на утвержденіе архіерею (*). По обыкновенію, архіерей утвердитъ. Не понравится экономъ ректору,

(*) Всѣ дѣла правленія представляются на утвержденіе мѣстному архіерею. Занятый дѣлами епархіи, онъ, обыкновенно, только утверждаетъ ихъ.

правленіе снова съ представленіемъ къ архіерею объ отставкѣ стараго и утвержденіи новаго, достойнѣйшаго; архіерей, по обыкновенію, утвердитъ. Понятно, какія должны быть отношенія новаго эконома къ ректору, который нашелъ его *достойнѣйшимъ* и можетъ скоро не найти его такимъ. Не желая себѣ вреда, *новый экономъ*, разумѣется, постарается не довести до послѣдняго... Воля ректора для него законъ въ его экономической дѣятельности, онъ на посылкахъ у ректора. Сначала онъ, хоть въ своемъ сознаніи, различаетъ расходы на ректора и на содержаніе учениковъ; потомъ его сознаніе не различаетъ уже расходовъ ректорскихъ, казенныхъ и его собственныхъ... Еще членъ семинарскаго правленія стушевался за авторитетомъ ректора. Такимъ образомъ, de facto—ректоръ одинъ заправляетъ дѣлами семинаріи, безъ всякаго контроля.

Но вѣдь каждая семинарія находится въ вѣдѣніи мѣстнаго архіерея? то-есть вамъ хочется перенести власть съ одного лица на другое? Будетъ ли лучше?... Впрочемъ, на дѣлѣ и этого не бываетъ. Семинарія находится въ вѣдѣніи архіерея только по своимъ бумажнымъ дѣламъ, которыя онъ утверждаетъ. Заправленіе жизнью, духомъ семинаріи остается все-таки въ рукахъ одного ректора. Въ этомъ случаѣ весь контроль архіерея надъ ректоромъ ограничивается тѣмъ, что архіерей изъ-году-въ-годъ однажды пріѣдетъ въ семинарію на публичный (рѣдко на частный) экзаменъ; ректоръ выйдетъ къ нему на встрѣчу, вмѣстѣ съ инспекторомъ приведетъ его подъ руки въ экзаменную залу. Закуска послѣ экзамена, у ректора или архіерея, заканчиваетъ обыкновенно контроль архіерея надъ ректоромъ. По отъѣздѣ архіерея изъ семинаріи, немного погнувшійся-было ректоръ снова смотритъ Зевсомъ. Такимъ образомъ то обстоятельство, что семинарія находится въ вѣдѣніи архіерея, нисколько не ослабляетъ высказаннаго уже нами положенія, что ректоръ заправляетъ цѣлою семинаріею одинъ, безъ всякаго контроля, по своему усмотрѣнію.

Что же это обыкновенно за лица, которымъ ввѣряется воспитаніе и зависящая отъ него будущая жизнь почти тысячи разумныхъ существъ? Они, конечно, извѣстны всѣмъ, или по своимъ сочиненіямъ, или по своей практикѣ, какъ хорошіе педагоги?—Нѣтъ. Ни объ одномъ изъ нихъ я что-то не слыхалъ ничего подобнаго. Намъ съ вами, читатель, никогда уже не за-

браться на ректорскій постъ, хоть бы мы съ вами хватали съ неба звѣзды, нужныя для разсѣянія мрака, покрывающаго доселѣ нашу педагогику, особенно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Да и желать этого нельзя, потому что это значило бы желать, чтобы семинаріи состояли подъ управленіемъ лицъ, знающихъ свое дѣло, основательно знакомыхъ съ дѣломъ воспитанія, съ послѣдними результатами педагогики—будутъ ли эти лица свѣтскія или духовныя—все равно. А знаете ли, на что походитъ это желаніе? Не знаете? Такъ послушайте, что скажетъ вамъ «мыслитель» «Странника»: «Желаніе это похоже на то, какъ если бы кто въ военномъ министерствѣ предложилъ опредѣлять въ полки офицерами священниковъ (Что, вы, и не подозрѣвали, чтобы наше желаніе было такъ дико: вѣдь вотъ мы куда хватили). «Да и что за надобность—продолжаетъ «мыслитель» въ свѣтскихъ начальникахъ надъ духовными училищами? Развѣ надъ ними нѣтъ властей? (*Есть! Да еще какія!...*) Чѣмъ же теперь существующіе начальники семинаріи дурны? Они монахи. Такъ чтожъ, развѣ это порокъ? Противъ этого уже совершенно нечего сказать.» Спасибо, что намъ пришлось имѣть дѣло съ «мыслителемъ»; онъ нашелся, самъ возражаетъ за насъ, да еще какъ! Они не могутъ говорить съ воспитанниками о такихъ, напримѣръ, предметахъ, какъ взаимныя отношенія супруговъ. «Апостолы, св. отцы церкви, говорили объ этомъ на церковныхъ каѳедрахъ, и болѣе того, чтó они говорили, не должно говорить. Почему же не могли бы говорить ученые монахи? А если свѣтскій начальникъ семинаріи не будетъ имѣть основательныхъ свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, которые преподаются въ семинаріяхъ, то онъ будетъ безполезнымъ.» Вотъ вамъ и свѣтскій начальникъ. Каковы мысли!

Но присмотритесь, что такое валится подъ ножемъ этихъ мыслей: плоды фантазіи: «Страннику» *показалось*, что въ начальники семинарій предлагаютъ фельдфебелей, квартальныхъ, или вѣчныхъ засѣдателей уѣзднаго суда; вотъ онъ и рубитъ съ плеча: «они будутъ безполезны»!... Перекреститесь! (Это, говорятъ, прогоняетъ всѣ діавольскія навожденія). Ктожъ отъ васъ требуетъ этого? Хотятъ противнаго, чтобы начальники были люди достойные, знающіе хорошо и разумно дѣло, которымъ имъ придется завѣдывать, а не монахи. То-есть дѣло въ томъ, почему въ семинаріяхъ начальники бываютъ *всегда* монахи и *одни*

монахи? Монополія—вездѣ монополія, всюду съ своими аттрибутами — насиліемъ, безнаказанностію для одной стороны и гнетомъ для другой—неподвижностію; застоемъ и коснѣніемъ для той и другой вмѣстѣ. Ну, скажите, Бога-ради, кто заставитъ любаго самаго честнаго откупщика (какимъ представляется намъ Кокоревъ) честно вести дѣла свои, когда онъ увѣренъ, что нечестность нисколько не повредитъ ему, а еще расширитъ сферу его откупныхъ операцій; когда онъ увѣренъ, что сколько бы онъ ни подливалъ воды въ водку, мужичекъ возметъ у него: не у кого больше? А между тѣмъ эта вода доставитъ ему возможность на слѣдующій откупъ захватить еще уѣздъ, или цѣлую губернію, «*Разумному и (?) doci*»... Кто въ самомъ-дѣлѣ опасенъ ректору? Другой такой же? Тогда у него есть выходъ въ другую, болѣе-обширную область, гдѣ онъ тоже не встрѣтитъ соперниковъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло-то, а не въ томъ, что монахи—начальники семинарій не могутъ говорить съ воспитанниками о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ... Они задерживаютъ въ семинаріяхъ всякое движеніе. При движеніи нужны хлопоты, нѣкоторое безпокойство; а имъ къ-чему безпокоиться? Они знаютъ, что ихъ немного, замѣнять ихъ нѣкемъ...

А почему бы въ самомъ дѣлѣ не замѣнять ихъ кѣмъ нибудь другимъ? Вѣдь нельзя сказать, что ректоры *nascuntur*; они тоже, какъ и всѣ смертные, *fiunt*? Отчего же бываетъ такъ, что изъ одного *непремѣнно* выходитъ ректоръ, а другой *никогда* не можетъ быть имъ? А вотъ посмотрите на тотъ разсадникъ (seminarium), изъ котораго выходятъ ректоры. Въ этомъ разсадникѣ съ незапамятныхъ временъ начальники монахи; вся атмосфера, окружающая этотъ разсадникъ, издавна пропитана духомъ застоя, неподвижности, отреченія отъ міра и себя въ пользу старшаго, высшаго, послушанія и послушанія... Само собою разумѣется, что индивидуумы, поступающіе въ этотъ разсадникъ, сначала бываютъ болѣе или менѣе свободны отъ этого духа. Вотъ они ознакомились другъ съ другомъ; въ классѣ шумъ, крикъ, движеніе. Но скоро повѣетъ на нихъ удушливый духъ заведенія въ образѣ наставника-начальника. Онъ замѣчаетъ, кто шумитъ въ классѣ при немъ—и наказываетъ, приказываетъ замѣчать, кто шумитъ въ классѣ безъ него—и наказываетъ. И вотъ изъ маленькаго міра рѣзвыхъ школьниковъ, болѣе слабые сейчасъ же и сгибаются подъ силою вѣтра, вѣющаго въ школѣ;

два-три изъ нихъ *выдѣляются* изъ этого міра, сидятъ *неподвижно*, устремивъ свои глазенки на своего учителя. Нужно тому учителю выдти изъ класса, походить по корридору и покалякать съ своимъ собратомъ по ремеслу, онъ оставляетъ въ классѣ палку, а если лѣтомъ, такъ и шляпу, сказавши своимъ питомцамъ: «Сидите тише!» Сначала все дѣйствительно тихо, какъ послѣ грозы; но мало по малу сдержанныя взаимныя переклички переходятъ въ крикъ, шумъ, возню. Кто—посмѣлѣе выскочитъ на средину класса и снова опрометью побѣжитъ за парту, когда дневальный (*), оторвавшись отъ дверной щели, скажетъ: «*идетъ*!» Окажется, что это была пустая тревога: тогда отыскиваются еще смѣльчаки: кто возметъ палку учителя, посмотритъ на нее и потомъ пристально посмотритъ на шапку, а иной, пожалуй, и къ головѣ приложитъ, будто надѣваетъ. Скоро всѣ они, испугавшись своей смѣлости, бѣгутъ, сломя голову, за парты. «Идетъ!» еще скажетъ дневальный. Теперь уже, правда, является въ классъ учитель: отвелъ онъ сухую и очерствѣлую душу въ такой же пустой бесѣдѣ съ своимъ товарищемъ. «Иванъ Козмичъ! *выдѣляется* изъ среды учениковъ голосъ—Николай Христорождественскій вашъ картузъ надѣвалъ.»

— Николай Христорождественскій!—хотѣлъ было уже расправляться Иванъ Кузьмичъ; но еще съ разныхъ сторонъ слышатся голоса: «Иванъ Кузьмичъ! Егоръ Щегловъ вашу палку бралъ! Иванъ Кузьмичъ! Николай Покровскій поднималъ картузъ вашъ!» Тогда Иванъ Кузьмичъ вызываетъ на расправу всѣхъ виновныхъ. «Вы что, негодяи, шалите?» трясётъ онъ за ухо Христорождественскаго и даетъ ему подзатыльника. «Ахъ негодные»! варьируетъ онъ и Покровскаго трясетъ уже за косичку волосъ (наказаніе особенно жестокое) и тоже даетъ подзатыльника. «Ишь озорники какіе»! переходитъ онъ уже къ Щеглову, который бойко смотритъ на него и за то получаетъ двѣ полновѣсныя пощечины. «Ты, Футоровъ, смотри, да записывай мнѣ на записочку, кто будетъ шумѣть; а ты, Цвѣтаевъ, помогай ему», обращается Иванъ Кузьмичъ уже къ доносчикамъ. Это, вѣроятно, будущіе наставники семинаріи... Въ понедѣльникъ является въ

(*) Дежурный. Должность его въ низшихъ классахъ состоитъ въ томъ, чтобъ онъ отворялъ дверь учителю и затворялъ за нимъ, готовилъ розги, наказывалъ ими своихъ товарищей, приготовлялъ мѣлъ, тряпку и пр.

классъ инспекторъ (который собственно наблюдаетъ за развитіемъ нравственныхъ силъ питомцевъ разсадника) съ бумагами въ рукахъ. Всѣ навострили уши. «Петръ Никольскій!—кличетъ инспекторъ:—Иванъ Успенскій! Егоръ Щегловъ! подите сюда!» Выходятъ.—«Что вы, негодяи, неблагопристойно стоите въ церкви»? «Меня сзади ущипнулъ Василій...» сталъ было кто-то оправдываться. «Наказать! наказать!»—указываетъ инспекторъ пальцемъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно происходитъ экзекуція. Дневальный потащилъ за воротникъ, и послѣ только и слышно: «Петръ Иванычъ! Помилуйте, помилуйте!!! Больно...» На слѣдующемъ богослуженіи вы непремѣнно увидите около инспектора нѣсколько мальчиковъ, *отдѣлившихся* отъ другихъ и притворно усердно молящихся Богу. Есть между ними и будущій ректоръ... Скоро такихъ становится не малѡ въ училищѣ... При переходѣ въ высшій классъ, имъ вручается надзоръ за поведеніемъ товарищей, выслушиваніе уроковъ ихъ и подобныя училищно-начальническія должности. Тогда же они начинаютъ усвоять себѣ какъ бы два естества: одно—которое предъ начальникомъ и учителемъ гнется и отдаетъ себя въ его полное распоряженіе; другое—которое гнетъ товарищей и отнимаетъ у нихъ послѣднее... Между ними есть непремѣнно и ректоръ...

При переходѣ въ семинарію, имъ сначала приходится оставаться снова съ однимъ естествомъ, способнымъ гнуться: гнуть уже некого. Что же? имъ нестать привыкать гнуться—дѣлать нечего. Болѣе способные къ этому отличаются начальствомъ по пословицѣ: «рыбакъ рыбака видитъ издалека» (similis similem gaudet). При переходѣ въ высшій классъ семинаріи, въ нихъ снова во всей полнотѣ проявляется двойственное ихъ естество—гнуться и гнуть... Оканчиваютъ они курсъ и выступаютъ на поприще нравственной дѣятельности (выражаясь высокимъ слогомъ). Вы, конечно, видѣли этихъ дѣятелей—раболѣпныхъ предъ помѣщикомъ и грубыхъ, дикихъ деспотовъ въ семействѣ и съ прихожанами крестьянами? Это плодъ, возращенный въ разсадникѣ нравственныхъ дѣятелей... Такимъ образомъ намъ кажется, что столбовой дворянинъ мало еще сказалъ: «кто дорожитъ нравственностію дѣтей своихъ, не долженъ отдавать ихъ на воспитаніе въ духовно-учебныя заведенія»; нужно было сказать: «кто дорожитъ человѣчностію» и пр...

Конечно, нельзя сказать вообще, чтобы изъ семинарій выходили

совершеннѣйшіе нелюди; но вѣдь всякіе люди-то бываютъ... Выходятъ, конечно, и порядочные люди; но они, какъ исключеніе изъ общаго порядка вещей, большая рѣдкость. Это—или особенно счастливыя натуры, или люди, случайно столкнувшіеся съ болѣе благопріятными для ихъ развитія обстоятельствами, и потому неподчинившіеся вліянію *семинаризма*. Такихъ, какъ неподходящихъ подъ узкую мѣрку семинарскаго станка, обыкновенно, выгоняютъ изъ семинарій *съ порядочнымъ поведеніемъ* (самая плохая аттестація нравственности).

Кому наше сужденіе о семинаріяхъ покажется черезъ-чуръ строгимъ и не совсѣмъ справедливымъ, тотъ уже пусть не взыщетъ, если я его попрошу опять заглянуть въ «Странникъ» и послушать «мыслителя», горячаго апологета настоящаго состоянія семинарій. «Никто не отрицаетъ—говоритъ онъ—что въ семинаріяхъ многое требуетъ преобразованія (это уступленіе, очевидно, сдѣлано для того, чтобы составить что-то въ родѣ *хріи*; дальше «мыслитель» совершенно подрываетъ его). Но и въ настоящее время выходятъ изъ семинаріи воспитанники, честно и съ пользою для *человѣчества* исправляющіе различныя должности во всѣхъ состояніяхъ общежитія (это, конечно, пустая, хотя и громкая фраза; а вотъ дальше слѣдуютъ и факты, подтверждающіе это). Будучи ректоромъ въ Бѣлгородѣ, Курской губерніи—разсказываетъ о себѣ мыслитель-апологетъ—я былъ знакомъ съ извѣстнымъ издателемъ латинскаго лексикона, Кронебергомъ, который 1831 года былъ профессоромъ харьковскаго университета и, бывая въ Бѣлгордѣ, посѣщалъ тамошнюю семинарію, заходилъ въ классы, слушалъ преподаваніе лекцій семинарскими наставниками и изустные въ нихъ отчеты семинаристовъ». Вы я думаю, воображаете, что Кронебергъ хвалилъ все, что̀ видѣлъ въ бѣлгородской семинаріи? ни чуть ни бывало. Онъ нашему мыслителю-апологету, между прочимъ, сказывалъ: «Чудное дѣло! когда ваши воспитанники поступаютъ въ университеты, то въ сравненіи съ гимназистами какъ-будто ничего не знаютъ, до той степени, что мы принимаемъ ихъ въ число студентовъ почти изъ милости; а посмотришь, по истеченіи одной-двухъ третей года, ваши семинаристы оказываются впереди прочихъ нашихъ студентовъ». Что доказываетъ этотъ фактъ? Ни больше ни меньше, какъ то, что̀ и мы сказали, то-есть что изъ семинарій вообще выходятъ люди никуда негодные, да еще съ

невѣжественною напыщенностію (самою пагубною), что они *всѣ науки произошли*. Попадаются, конечно, между ними особенно здоровые люди, самосознаніе которыхъ не совсѣмъ еще подавлено и заглушено. Они, хоть не ясно, сознаютъ еще недостаточность своего семинарскаго образованія и стремятся въ университеты, чтобы тамъ восполнить эту пустоту. Оказывается, что они съ своей пустотой негодятся туда. Но ихъ принимаютъ, хоть изъ милости. Теперь и для нихъ стало ясно, что годы и силы, употребленные ими на семинарское образованіе, пропали даромъ (а лучшіе годы...), и они берутся за дѣло съ энергіею человѣка, ясно сознавшаго, что теперь онъ на пути къ цѣли, а прежде блуждалъ во мракѣ и напрасно выбивался изъ силъ... Что же мудренаго, что они скоро оказываются впереди прочихъ своихъ товарищей? Бѣлгородская семинарія съ ея ректоромъ тутъ нисколько не виновата.

Мы заговорились и упустили изъ виду формацію ректоровъ. При переходѣ въ академію, они претерпѣваютъ новое превращеніе. Имъ опять приходится жить одною половиною существа своего—способностью гнуться; другая до времени подавляется. Но въ академіи, кромѣ духа неподвижности и безотчетнаго послушанія, повѣетъ на нихъ оживляющій и освѣжающій духъ современной литературы и философіи (*) (не современной). Какъ тѣни выходятъ они изъ царства мрака и застоя и съ робостію вступаютъ въ свѣтлое царство живой мысли. Какъ хорошо имъ тутъ! какъ легко и свободно дышется! Но и тутъ находятся натуры болѣе слабыя, которыя такъ сошлись съ удушливымъ воздухомъ застоя, что болѣзненно отворачиваются и готовы упасть, когда доходятъ до нихъ лучи той свѣтлой области, въ которую втупили ихъ товарищи.

Въ послѣднее время отрѣшившихся отъ міра оказывается очень и очень немного (*). Если же таковой найдется, онъ, перешедши на другой академическій курсъ, въ одинъ прекрасный вечеръ отправляется къ начальнику академіи и объясняетъ ему

(*) Во всѣхъ академіяхъ духовныхъ выписываются самими студентами почти всѣ свѣтскіе журналы. Это допущено самимъ начальствомъ. Только, если вы попадетесь начальнику съ книжкою журнала, вы будете взяты на замѣчаніе... Курсъ философіи читается сейчасъ же по открытіи академическаго курса.

(*) А въ настоящее время, ихъ, говорятъ, вовсе нѣтъ; академическое начальство замѣняетъ ихъ вдовыми діаконами и священниками, которымъ некуда дѣваться.

о своемъ рѣшительномъ намѣреніи отдѣлиться отъ людей и поступить въ чинъ монашескій. Съ тревогою въ сердцѣ ждетъ онъ рѣшенія своей участи. Приходитъ наконецъ рѣшеніе. Тогда кандидатъ на монашескій чинъ самымъ дѣломъ отдѣляется отъ своихъ товарищей, переводится на житье въ отдѣльную, для нихъ собственно и назначенную комнату. Послѣ непродолжительнаго *искуса* его тамъ, его постригаютъ. При этомъ онъ долженъ отказаться отъ своего прежняго имени, отказаться отъ міра, отъ людей, отъ всего мірскаго и человѣческаго... Загляните въ келью къ этому новому члену монашескаго міра черезъ недѣлю послѣ его постриженія. Что онъ дѣлаетъ? Онъ мечтаетъ... Вотъ онъ взялъ перо и написалъ: «инспекторъ калужской семинаріи іеромонахъ Григорій» и расчеркнулся. Потомъ, посмотрѣвши въ потолокъ, онъ взялъ перо и написалъ: «Смиренный...» Но сейчасъ же положилъ перо, сжегъ бумагу, и въ волненіи началъ ходить по комнатѣ, прицѣпляя къ петлѣ подрясника небольшую связку ключей... и еще съ бо́льшимъ волненіемъ заходилъ по комнатѣ. Сейчасъ же по окончаніи курса мечты его—первая и послѣдняя исполняются: его дѣлаютъ іеромонахомъ и посылаютъ инспекторомъ въ какую-нибудь семинарію; не замедлитъ онъ и къ петлицѣ рясы привѣсить вмѣсто ключей уже крестъ магистерскій. Взгляните вы тогда на это, прежде смиренное существо: вы не узнаете его; у васъ мурашки по кожѣ пойдутъ, какъ передъ существомъ другаго міра. И только тогда вы замѣтите въ немъ знакомыя черты, когда увидите его въ присутствіи ректора... Но вотъ онъ изъ инспектора превращается въ ректора; тогда вы совсѣмъ не узнаете его. Превращеніе совершилось полное... Теперь уже вы не замѣтите той двойственности въ его натурѣ, какъ замѣчали вы часто прежде; теперь этого случая надо ждать долго—когда архіерей или ревизоръ какой-нибудь пріѣдетъ въ семинарію. Теперь та половина существа его, которая прежде такъ часто была подавляема, развернулась во всей полнотѣ своей. И въ семинаріи все закостенѣетъ, онѣмѣетъ подъ гнетомъ этой силы. Съ трудомъ вырвется изъ-подъ этого гнета какой-нибудь Иванъ Ермолаичъ (*), измученный, обезсиленный, и выпьетъ для подкрѣпленія силъ... а иные дѣлаются потомъ пастырями, дѣятельность которыхъ мы видѣли...

(*) «Воронежская бесѣда». «Дневникъ семинариста».

12.

Расколъ.

Рядомъ съ сельской общиной, съ крестьянскимъ міромъ, другая, загадочная демократическая община—расколъ. Община эта годъ отъ году распространяется, усиливается. И теперь ужъ въ ней насчитывается до 10 милліоновъ послѣдователей, чуть не вдвое больше, чѣмъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ великорусскаго племени, которыхъ по 10-й ревизіи (1858—1859) считалось 5.420,206 душъ м. пола. Зачѣмъ исторія наша образовала и сохранила къ тысячелѣтію эту оппозиціонную, демократическую общину, пережившую, престрадавшую всѣ самыя адскія невзгоды и страданія XVIII столѣтія? Зачѣмъ это продолженіе древней народной Россіи, и вѣковое, богатырски-мученическое отрицанье петровской имперіи?.. Вопросъ этотъ рѣшитъ уже новое тысячелѣтіе.

Да, простыя массы нашего народа въ расколѣ и его лѣтописяхъ ведутъ свою народную исторію — горемычную, горько-думную, горько-слезную. Когда Петръ Великій порушилъ всю *старину* народную и ввелъ нѣмецкую *новину*, *новшества*, расколъ возсталъ за старину народную, какъ за символъ и вѣчевой завѣтъ самобытнаго, вольно-народнаго саморазвитія. И съ нимъ вмѣстѣ можно сказать, все крестьянство, самая большая часть купечества, мѣщанства и солдатства доселѣ крѣпко, упорно держатся старины народной, живутъ такъ, какъ жили ихъ до-петровскіе дѣды и отцы. Поболишь душой, поглумишься самымъ язвительнымъ сатирическимъ смѣхомъ, злой иронiей надъ этимъ «темнымъ царствомъ», да, наконецъ, уважая свободную само-

опредѣляемость жизни народной, невольно опять задумаешься, и спросишь самъ себя: «зачѣмъ же, однако, это вѣковое упорное храненіе старины огромнымъ большинствомъ нашего народа? Не есть ли это богатырскій сонъ или сидень Ильи муромца, или призракъ грубой, но здоровой, пока наглухо-закупоренной самородной силы жизни народной? Не есть ли это только историческое самохраненіе затаенныхъ въ народѣ, могучихъ, богатыхъ, здоровыхъ силъ и элементовъ будущаго самооткровенія, самовыраженія, самообразованія, самоустройства и саморазвитія народной жизни? Не есть ли это историческое самоохраненіе духа народнаго, въ грубыхъ, закоснѣлыхъ, несокрушимыхъ формахъ старины, отъ лжи чуждыхъ формъ, охватившихъ всю жизнь высшихъ круговъ общества, живущихъ чужими, отвлеченными отъ русской жизни, идеями, чужими правами? Или просто-на-просто, это грубое, невѣжественное коснѣніе огромной массы народа въ старинѣ, грубый застой, грубое упорство, самодурство и т. п. Но какъ бы то ни было, а фактъ у всѣхъ передъ глазами при встрѣчѣ тысячелѣтія—огромная масса крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства упорно держится старины народной, да раскола. Между западно-образованнымъ меньшинствомъ и огромной массой, огромнымъ большинствомъ народа, вѣковой расколъ. Петръ Великій не былъ, не приходилъ съ запада для огромной массы крестьянства, купечества, мѣщанства и солдатства и даже духовенства. Не даромъ расколъ сложилъ легенду, будто Петръ остался на западѣ, а вмѣсто него пришелъ не прямой царь, а жидовинъ—антихристъ... Да, старая, до-петровская, земско-народная Россія живьемъ цѣла въ огромной массѣ нашего народа; и не только цѣла, а по своему живетъ и развивается. Къ чему это? Ужъ будущее рѣшитъ.

Съ той самой поры, какъ Петръ Великій построилъ имперію по шведско-нѣмецкимъ формамъ, съ той поры доселѣ живущее народное согласье, называемое нами расколомъ, отрицаетъ все народно-историческое значеніе реформъ Петра, отрицаетъ всю, такъ называемую, петровскую эпоху, все историческое направленіе XVIII и первой половины XIX столѣтія, и ждетъ какого то новаго порядка вещей, съ половины прошлаго столѣтія пророчитъ объ немъ—и съ этимъ отрицаньемъ и ожиданьемъ встрѣчаетъ тысячелѣтіе. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, по всей Россіи, въ массахъ народныхъ, разнеслась иронически-отрица-

тельная челобитная раскола, подъ заглавіемъ: «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I». Въ этой челобитной, расколъ рѣшительно отвергъ «нареченіе Петра и его преемниковъ императорами», отвергъ всѣ высшія государственныя установленія Петра, всѣ «*регламенты и уставы*, какъ по духовному, такъ и по гражданскому расположенію», всѣ «*указы, разосланные Петромъ по Россіи, ревизію душъ, сословную переписную книгу*», и проч. Это рѣшительное отрицанье всего петровскаго строительства имперіи стало основнымъ началомъ всего историко-политическаго ученія раскола. Передъ 1792 г., бѣгунъ Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ, написалъ «Цвѣтникъ», руководство для своего согласья—бѣгуновъ. И онъ также началъ свое ученіе съ того, что отвергъ всѣ реформы Петра, и пошелъ дальше. За цѣлое полстолѣтіе до нашего отвлеченно-теоретическаго, отрицательнаго направленія, согласье бѣгуновъ выразило не только словесное, письменное, но и фактическое, реальное, жизненное отрицанье. Оно рѣшительно отвергло и доселѣ отвергаетъ весь порядокъ петровскаго строительства, и при этомъ проводитъ въ массы народа нѣкоторыя новыя соціальныя начала. Въ то время, какъ просвѣщенные умы, путемъ научныхъ выводовъ, подъ вліяніемъ западныхъ, готовыхъ идей, выражали въ своихъ сочиненіяхъ новыя потребности общественной жизни, новыя соціальныя идеи,—въ то время люди простаго, такъ названнаго тогда, *подлаго народа*, лишенные училищъ и свободныхъ правъ, совершенно изолированные отъ просвѣщенныхъ классовъ народа, сами собою, путемъ горькихъ опытовъ практики, путемъ саможизненной, опытной, непосредственно-бытовой науки, выработывали новые выводы и начала жизни. Они доходили до отрицанія такихъ стѣснительныхъ для народнаго развитія учрежденій, которыя отрицали просвѣщеннѣйшіе умы Европы, и въ Россіи стали отрицать лучшіе государственные дѣятели и всѣ просвѣщенные люди. Такъ Евфимій, въ своемъ «Цвѣтникѣ», отрицалъ учрежденіе *цеховъ и гильдій*, которое во Франціи отрицалъ Тюрго, у насъ Мордвиновъ. Далѣе, Евфимій отвергъ сословное разъединеніе земства—«*раздѣленіе человѣкъ на чины*», поземельное разъединеніе земства, или «*размежеваніе земель, рѣкъ и усадьбъ*», завѣщаніе однимъ наблюдать каждому свою давнюю часть, и лишеніе другихъ земли», и проч. Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, написано было бѣгуномъ Василіемъ

Москвинымъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Здѣсь также отрицается все правительство со временъ Петра, порицаются наши суды, законы, которые называются «кривосказательными книгами». Отрицаются подушныя подати и оброки, какъ средства покоренія душъ антихристу, паспорты—средства прикрѣпленія къ мѣсту или сословію. Порицаются всѣ православные и неправославные, за то, что молятся за царей. Наконецъ, проповѣдуется брань съ антихристомъ, посредствомъ противленія его волѣ и неисполненія его законовъ, и предсказывается время открытой брани. Высшаго развитія достигаетъ историко-политическое ученіе раскола въ брошюрѣ, написанной въ царствованіе императора Николая, подъ заглавіемъ: «Общая бесѣда пустынножителей нынѣшняго плачевнаго времени». Здѣсь антимонархическія идеи излагаются въ мистико-исторической формѣ, по царствованіямъ, и предсказывается прекращеніе современнаго порядка вещей.

Рядомъ съ этимъ политико-отрицательнымъ направленіемъ, въ раскольничьей общинѣ, естественно, развилось и нравственно-отрицательное міросозерцаніе. Горько-думное, горько-слезное прошедшее и «плачевное нынѣшнее», настоящее раскола, невольно навѣвало гражданскую грусть на лучшихъ людей раскола. И справедливость требуетъ сказать, что это отрицаніе, эта грусть ихъ иногда глубоко симпатична, не лишена живаго смысла, жизненна, правдива и нравственна. Гражданская грусть раскола болитъ сердцемъ о всемъ—нетолько о политическомъ рабскомъ, страдальческомъ положеніи раскольничьяго міра, собора, но и о нравственныхъ болѣзняхъ нашей общественной, семейной и частной жизни, о крайнемъ уничиженіи и забвеніи нашихъ меньшихъ братій, о вопіющихъ злоупотребленіяхъ областнаго начальства и проч. Вотъ, напримѣръ, плачъ, писанный заводскимъ человѣкомъ, Орефьемъ Лазаревымъ Клюевымъ въ 1841 году.

«По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну осѣнилъ облакъ зѣло мраченъ...Духъ антихристовъ возвѣялъ на насъ...священническій чинъ серебромъ весь плѣненъ...Мы словесныя овцы, питіе піемъ отъ очей слезы, уязвляемыя крокодилами... Неокентавры владѣютъ нами. Вавилонская блудница отъ своей чаши упоила всѣхъ. Въ сластолюбіи которые, тѣхъ почтили всѣхъ, честными нарѣкли, на сѣдалищахъ первыми учинили. Сродниковъ бѣдныхъ возгнушалися. Почитанья родителей не стало. Отцы чадъ своихъ

возненавидѣли. Съ богатыми и съ недобрыми любовью всѣ соединилися. Страхъ антихристовъ устрашилъ міръ, временны соборы въ конецъ низложилъ, изъ дальнихъ странъ многихъ возвратилъ и на изгнанье тѣхъ всѣхъ осудилъ, живущихъ внутри и тѣхъ уловилъ, милость съ лестію въ міръ пометалъ...Не могу пребыть безъ рыданья! Духовный законъ съ корня ссѣченъ. Законъ градской въ конецъ истребленъ. Вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе. Лихоимцы всѣ города содержатъ. Немилосердые въ городахъ первые. На мѣстахъ злые приставники. И въ самыя мѣста законовъ водворилось беззаконіе. Трезвость затворилася. Пьянственные дома для объяденія и веселья растворилися. Къ обычаямъ странъ чужихъ любезно всѣ пристрастилися...Познавай, душа, соборъ малъ оставшихся христіанъ!»

Какъ ни горемычна, ни горько-слезна была гражданская грусть отрицанья въ расколѣ, но она не была уныла, отчаянна, а полна была вѣры, энергіи, ожиданій. Раскольничьи общины не ограничивались однимъ отрицательнымъ ученьемъ и саможизненнымъ, фактическимъ отрицаньемъ существующаго порядка, а въ то же время дѣятельно стремились къ положительному самоустройству. Они устроялись въ общины, въ братства, которыя называются у нихъ *соборами*, *сословіями*, *согласьями*, *скитами*, *слободами*, и т. п. Общины группировались въ формѣ федераціи; напримѣръ, къ даниловскому согласію, какъ къ средоточію, относились всѣ сѣверныя и разсѣянныя въ другихъ великорусскихъ мѣстностяхъ общины; съ московскимъ преображенскимъ согласьемъ были въ связи мѣстныя общины средневолжскія, нижегородскія, саратовскія и другія. Братства согласья раскола проводили въ жизнь свою принципъ равенства. Напримѣръ, послѣдователи поморскаго даниловскаго согласья говорятъ спрашивающимъ ихъ: «мы всѣ равны и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ». Общинное, соборное самоуправленіе и выборное начало были существенною и повсемѣстною основою всѣхъ раскольничьихъ согласій. Они организовались у всѣхъ сектъ въ формѣ сходовъ, совѣтовъ, мѣстныхъ и общихъ соборовъ. Каждое согласіе имѣло свои центры общихъ сходовъ, совѣтовъ и соборовъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, нѣкоторыя старообрядческія общины обнаружили особенное стремленіе къ независимому отъ правительственнаго надзора и вмѣшательства самоуправленію. Напримѣръ, московское преображенское согласье, при знамени-

томъ устроителѣ своемъ Ковылинѣ, имѣло правильную организацію самоуправленія посредствомъ нѣсколькихъ выборныхъ попечителей. Въ 1818 году, старообрядческія общества—оренбургское, пермское и тобольское подали на Высочайшее имя прошеніе о прекращеніи всякихъ притѣсненій со стороны губернскаго начальства и о предоставленіи имъ полной свободы не только въ вѣроисповѣданіи, но и въ самоуправленіи, посредствомъ своихъ выборныхъ попечителей, въ своей особой конторѣ. Къ прошенію приложено было 11 писемъ отъ 1370 человѣкъ.

Стремясь къ самоуправленію, раскольничьи согласья, въ позднѣйшее время, нерѣдко обнаруживали попытки взаимнаго внутренняго обединенія, объобщенія. Съ этою цѣлью, даровитый наставникъ согласья бѣгуновъ, Никита Семеновъ, написалъ свое сочиненіе на 30 ересей». Онъ особенно обличалъ тѣ раскольничьи согласья, которыя отпали отъ строгаго безпоповщинскаго религіозно и гражданско - демократическаго направленія, стали молиться за царя и записываться въ единовѣрческую церковь. Въ томъ же духѣ примиренья, въ 1808 г. обнаружилась замѣчательная попытка соединенья московскаго, такъ называемаго стараго поморскаго согласья съ федосѣевой, преображенской общиной. Замѣчательны «дружескія извѣстія» ихъ по этому, въ которыхъ принципъ раскольничьяго выборнаго начала и самоуправленія достигаетъ высшаго обнаруженія, подробно начертывается планъ и излагаются правила общаго совѣта. Со всѣмъ этимъ я познакомлю своихъ читателей уже въ статьѣ о земствѣ и расколѣ. То же желаніе дружнаго, мирнаго соединенья и общиннаго самовспомоществованія выразилось въ «критическомъ воззваніи ко всѣмъ старовѣрческимъ церквамъ и ихъ пастырямъ о нерадѣніи ихъ въ просвѣщеніи и презрѣніи ихъ единовѣрцевъ своихъ, страждущихъ отъ міра въ разныхъ мѣстахъ за благочестіе». Воззваніе это писано въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Съ необыкновеннымъ мужествомъ и твердостью стремились послѣдователи раскола къ религіозной и гражданской свободѣ. Ужъ какъ ни гнали, ни мучили старообрядцевъ въ XVIII столѣтіи? Вѣсили, жгли, рубили, топили, лишали всѣхъ правъ гражданскихъ, подвергали всякаго рода публичному позору, издѣванью; а они таки устояли на своемъ, и еще тверже, непреклоннѣе стали въ своей оппозиціи и еще болѣе умножились и разнообра-

зились въ ученіяхъ и согласьяхъ. Когда ужъ безмѣрно люты были гоненія, они бѣжали изъ отечества въ чужія страны: въ Австрію, Турцію, Пруссію, даже въ отдаленные края Азіи. И такимъ образомъ устояли въ своемъ отрицаньи всѣхъ порядковъ имперіи всероссійской и церкви грекороссійской. Жестокія мѣры правительства, наконецъ, притупились объ ихъ твердость и упорство. При Александрѣ I правительство созналось, что мѣрами жестокости ничего не сдѣлать, а лучше дѣйствовать гуманными убѣжденіями. Стали обращаться съ ними гуманнѣе въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Старовѣрскія согласья, пользуясь этимъ, стали смѣлѣе и ужъ открыто стремиться къ самоустройству и самоуправленію. Чуть ограничивали ихъ гражданскія права, они тотчасъ протестовали. Раскольничьи купцы, въ родѣ Ковылина, Зеленкова, Папулина, несравненно смѣлѣе православныхъ купцовъ отстаивали свои гражданскія права, протестовали противъ распоряженій губернскаго начальства, даже требовали отмѣны Высочайшихъ указовъ, какъ напримѣръ, саратовскій городской голова, раскольникъ Матовъ, протестовалъ въ 1828 году противъ распоряженія губернскаго правленія и требовалъ, вопреки высочайшаго указа 1820 года, равноправнаго участія въ выборахъ купцамъ всякихъ вѣроисповѣданій. Закалившись, воспитавшись въ твердости, раскольники до послѣдняго времени обнаруживали необыкновенную стойкость, самовыдержанность. Показанія ихъ на судѣ изумительно смѣлы, рѣшительны и тверды. Бѣгуны, напримѣръ, въ показаніяхъ своихъ, которыхъ у насъ подъ руками нѣсколько, смѣло и рѣшительно отрицали и самодержавную власть государей императоровъ и установленныя ими власти, и законы духовные и гражданскіе, и всю всероссійскую имперію и великороссійскую церковь. Въ тюрьмахъ, въ цѣпяхъ, они непреодолимо выдерживали свой изумительно-твердый, стойкій, непреклонный характеръ. Бывали примѣры, что нѣкоторые бѣгуны до чахотки доводили себя и умирали, а все-таки на своемъ настаивали. Да, что-нибудь да значитъ это непоколебимое упорство, эта непрерывность, вѣковая живучесть, развиваемость и самовыдержанность демократической оппозиціи, поднятой расколомъ... Гражданское мужество героевъ и всѣхъ вообще послѣдователей раскола, ихъ неустрашимая, непреодолимая твердость, смѣлость, рѣшительность, прямота и самовыдержанность стоятъ въ наше время иныхъ гражданскихъ

стремленій, идей, цѣлей, иной инициативы, иныхъ требованій, иныхъ подвиговъ. Не раскольникамъ, а намъ, гражданамъ, получившимъ высшее образованіе, призваннымъ на служеніе народу, намъ бы нужно имѣть такую твердость иныхъ, лучшихъ, высшихъ убѣжденій, такую рѣшительность въ благородныхъ дѣйствіяхъ, такую гражданскую стойкость и самовыдержанность въ невзгодахъ, неудачахъ, эту смѣлость и мужественность начинаній...

Россія нажила внутри у себя много международнаго раздора, антагонизма, нажила расколъ. Не говоримъ ужъ о сословномъ антагонизмѣ и розни. Двѣ дороги врозь, раздѣльно идутъ и ведутъ насъ навстрѣчу тысячелѣтію. Первая, торная дорога, проторенная Петромъ-Великимъ, ведетъ самое малое меньшинство путемъ западнымъ, путемъ науки, путемъ университетскаго образованія. Хоть много на этомъ пути камней преткновенія, много терніевъ и волчцовъ—правительственныхъ и общественныхъ, хоть круто и тяжело инымъ бѣднягамъ-самоучкамъ, самородкамъ лбомъ пролагать себѣ дорогу и подняться въ гору; но все-таки этотъ путь чистый, освѣжительный, просвѣщенный, хоть не всегда прямой. На этомъ пути есть руководители: литература, университеты и передовые двигатели — благовѣстники будущаго. Другая дорога — темная, загадочная. Никому изъ насъ невѣдомо хорошенько, куда она ведетъ массы нашего простаго народа. Это старая дорога старины—раскола; это *сиротская дорога*, какъ называли раскольники свои тропы, по которымъ пробирались въ Сибирь. По ней идутъ бѣгуны—странники, отрицатели и отверженники имперіи и церкви, идутъ вотъ ужъ 200 лѣтъ странствующія миссіи, пропаганды всѣхъ согласій, и ведутъ за собою куда-то до десятка милліоновъ народа. Уклонившись отъ прямаго пути просвѣщенія, они въ потемкахъ, ощупью, ищутъ его. Съ жаждой ученья они вопіютъ:

Душа своей пищи дожидается,
Душѣ надо жажду утолити.
Потщися душу свою гладну не оставити.

И съ тѣхъ поръ, какъ образованный кругъ, классъ русскаго общества отшатнулся отъ массы народной и пошелъ своей новой дорогой — западной, съ тѣхъ поръ массы народа пошли своей

старой дорогой—отшатнулись въ расколъ. Образованный, верхній слой, классъ общества, воспитаемый университетами, гимназіями и т. п., создалъ для себя свой кругъ мысли, идей, ученій, стремленій. Необразованная, темная, грубая, но самая огромная масса народа, лишенная университетовъ, гимназій, лицеевъ и т. п., создала самородную науку и литературу—раскольничью. Образованный классъ общества и его литература доходили и доходятъ до своихъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій и стремленій путемъ научнаго, университетскаго просвѣщенія, путемъ вычитанныхъ идей, подъ вліяніемъ западныхъ ученій, и вообще больше путемъ теоріи, чѣмъ практики. У нихъ были и есть въ этомъ отношеніи свои, такъ-сказать, бѣгуны и свои передовые двигатели. Народно-образовательная пропаганда и письменность народныхъ раскольничьихъ согласій, путемъ горькаго саможизненнаго опыта, практически-жизненныхъ выводовъ, путемъ прочувствованнаго горя своей собственной жизни, доходили и доходятъ почти до тѣхъ же соціальныхъ вѣрованій, ученій и стремленій. Только неясно и голословно выражаютъ они эти начала въ своеобразныхъ, самородныхъ формахъ, сообразныхъ съ способами ихъ образованія и мыслительности. Во многихъ пунктахъ близко подходятъ другъ къ другу ученья народныя и идеи образованной литературы. Только на первыхъ грубая, простонародная оболочка, символическій покровъ; а идеи просвѣщенномыслящихъ людей являются въ формѣ прямаго, яснаго пониманія и сознанія, въ формѣ чистаго логическаго мышленія и опредѣленія. И въ кругѣ раскольничьей народной пропаганды и письменности всегда были и есть свои самородные, нерѣдко даровитые писатели и передовые двигатели. Не сойдутся ли когда-нибудь между собою въ этихъ точкахъ соприкосновенія путь научно-просвѣщенный, образованно-литературный и путь, пролагаемый самородной доктриной и письменностью массы народной. Это загадка новаго тысячелѣтія. А пора! Сближеніе необходимо, и путь одинъ, общенародный, необходимъ.

13.

ИЗЪ БѢЛОРУССІИ (*).

То что есть, хотя и не то, что кажется друзьямъ московскимъ.

Wzbudź się, synu Moskwy, wzbudź.
Poki Cię twoj Pan ugniata
W praw ym serew krewnych czuè
W człowieku nie znajdziesz brata.
etc. etc. etc.

Появленіе въ газетѣ «День» нѣсколькихъ статей о польскомъ вопросѣ даетъ право думать, что наконецъ и въ Москвѣ есть люди, ищущіе истины возраженіе на второй голосъ изъ Бѣлоруси, пожалуй, убѣждаетъ, что эти поиски за истиной, можетъ быть, и не поддѣльные. Это побудило меня взяться за перо, въ надеждѣ, что авось изъ этого вавилонскаго столпотворенія выйдетъ что нибудь и доброе; къ тому же мы истые христіане, хотя и католики, непричастные впрочемъ духу нетерпимости (хотя г. редактору «Дня», протестующему противъ религіознаго фанатизма, и угодно честить насъ не совсѣмъ то въ духѣ христіанскаго терпѣнія); такъ по духу то нашего христіанскаго убѣжденія, отъ возвращенія на путь истины кающагося грѣшника больше радости, нежели отъ десяти праведныхъ: вотъ и мы душевно радуемся пробужденію, хотя нѣсколько и позднему, человѣческаго чувства и въ оной страшной Московіи! А теперь къ дѣлу. Община славянская въ самомъ первоначальномъ своемъ устройствѣ носила зародышъ свободнаго человѣческаго общества;

характеръ этого племени тихій, флегматическій, почти безстрастный, а потому неспособный къ крайнимъ увлеченіямъ, облагороженный при томъ христіанскою религіею, предвѣщалъ ему великую будущность. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что вскорѣ по явленіи сего племени на историческомъ поприщѣ, оно сдѣлало весьма быстрые успѣхи на полѣ гражданственности, и хотя не наслѣдовало, подобно западнымъ народамъ, преданій древней цивилизаціи, шло себѣ однимъ своимъ путемъ, едва ли не лучшимъ, нежели всѣ западные народы, и не отставало отъ нихъ на пути просвѣщенія. Выступленіе славянскаго племени, какъ историческаго дѣятеля, нигдѣ не ознаменовалось тѣми ужасами, которыми сопровождалось выступленіе иныхъ младенческихъ народовъ. Славяне—еще варвары—были возвышеннѣе и благороднѣе тѣхъ сгнившихъ цивилизованныхъ народовъ, которые честили ихъ симъ именемъ. Самое введеніе христіанства у славянъ совершилось быстро, безъ насилія; потому что естественное настроеніе сего народа было такъ близкимъ къ духу новой религіи. Надѣюсь, что на этомъ пунктѣ мы вполнѣ согласимся съ вами; впрочемъ, взгляните на это рыцарское, въ самомъ зародышѣ своемъ, кіевское государство; взгляните на эти полныя жизни и гражданскихъ добродѣтелей республики новогородскую и псковскую; взгляните на дивную республику—королевство Польшу, озаренную блескомъ гражданскихъ добродѣтелей и выработавшую институціи, не уступающія нынѣшнимъ англійскимъ—и это у колыбели своей. Взгляните на этотъ народъ, выступающій, какъ первый ратай (ратникъ) христіанства, хотя самъ только вчера озаренный свѣтомъ истины. Взгляните на государства западныхъ и южныхъ славянъ и осмотритесь, что тогда была остальная Европа, и порадуется сердце ваше вмѣстѣ съ нами. Славяне, едва начинавшіе сами выходить изъ варварства, являются уже народомъ цивилизующимъ; взгляните, господа, на то, что васъ окружаетъ, и убѣдитесь, ежели горькая истина дорога вамъ, въ справедливости словъ моихъ. Кто образовалъ населявшія востокъ финскія племена? Кто научилъ ихъ познавать великія истины христіанской религіи? Кто сообщилъ имъ первыя начала гражданственности? Кто, какъ не мы? А кто потомъ, забывши нашу науку и пройдя отвратительную школу татарской дисциплины, вмѣстѣ съ нѣмцами и другими врагами нашими, съ адскою злобою трудился и трудится надъ уничто-

женіемъ всего добраго, что было у насъ,—кто, какъ не вы, сдѣлавшіеся изъ пасынковъ нашихъ: сперва коварными сосѣдями, а потомъ и господами нашими?... Вы называете себя друзьями нашими, защитниками отъ польской цивилизаціи, а кто же это Польша?—Чисто славянскій народъ, со всѣми его доблестями, нравственнымъ превосходствомъ возбудившій каинскую злобу вашу. А кто же вы, населяющіе прежнее московское государство?... Кто же наконецъ вы, вызвавшіе насъ на полемику?... Горсть благомыслящихъ людей, наученная нами же, рабами вашими, сколько нибудь человѣческому чувству! Осмотритесь вокругъ себя, посмотрите, что окружаетъ васъ? Не тѣ ли баскаки и лакированные французскимъ лакомъ (и то самымъ отвратительнымъ) мирзы, да фанатическая, закоснѣлая въ грубости и жестокосердіи масса, годная развѣ на матеріалъ для стѣнобитныхъ машинъ, точь въ точь, какъ 300 лѣтъ тому назадъ, — и смирится гордыня ваша. Вы обѣщаете намъ цивилизацію, но гдѣ же она у васъ? Не стали ли мы послѣ соединенія нашего съ вами почти изъ передоваго народа въ Европѣ, чуть чуть не на одной линіи съ китайцами? Нѣтъ, господа, не мѣшайте вы намъ возвратиться хотя къ тому, что у насъ было еще въ прошломъ столѣтіи; дайте намъ возможность искоренить тѣ высокоцѣнныя насажденія, которыя вы сѣяли щедрою рукою, вотъ уже болѣе полустолѣтія, а обойдемся мы и безъ вашей науки! Вы обвиняете насъ, что у насъ когда то количество гражданъ, въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, относилось къ числу народонаселенія вообще, какъ одинъ къ пяти; а вы у насъ совершенно уничтожили свободныхъ гражданъ, обратили всѣхъ и все въ государственныхъ крестьянъ и во что то въ родѣ индійскихъ паріевъ—въ «податныя сословія»; хотя, кажись, по всему бѣлому свѣту содѣйствіе къ удовлетворенію гусударственныхъ нуждъ и не считается унизительнымъ, но вы мастера налагать на все человѣческое особливое клеймо ваше! Вы хотите увѣрить насъ, что у насъ существовала безсмысленная олигархія, а сами же подарили насъ двумя величайшими благами міра сего—необузданнымъ деспотизмомъ и отвратительною олигархіею, составляющею едва $^1/_{800}$ часть всего народонаселенія. Но къ чести нашей и эта олигархія, гдѣ она чисто мѣстнаго происхожденія, далеко не такъ отвратительна у насъ, какъ у васъ, хотя и у насъ примѣшалось къ ней не мало вашего драгоцѣннаго элемента. Вы,

господа, добрые московскіе люди, какъ видно, не знаете нашей исторіи и даже нашего настоящаго; вы слишкомъ довѣряете тому, чему и васъ и насъ учили враги всего того, что у насъ было хорошаго и о чемъ еще, слава Богу, сохранились кой какія преданія, не смотря на всѣ усилія ваши изгладить ихъ изъ нашей памяти; нынѣ же вы рады вѣрить бездушнымъ ренегатамъ, изъ которыхъ одинъ и послалъ вамъ 1-й голосъ изъ Бѣлорусіи, ежели это только дѣйствительно нашъ человѣкъ.

Хотя бы вы, господа, прочли по крайней мѣрѣ конституцію 3 мая и окинули безпристрастнымъ взоромъ, что̀ тогда окружало насъ, когда составлялся этотъ великій, едва ли не величайшій на то время актъ: а можетъ быть, вы были бы справедливѣе къ нашему прошедшему; что же касается нашего настоящаго, то я долженъ вамъ объявить, что и конституція 3 мая намъ кажется уже не совсѣмъ удовлетворительною, хотя мы въ вашей школѣ и разучились многому, что необходимо народу для самосознанія и самоуправленія. Читайте вашу исторію: что̀ она была наканунѣ нашего порабощенія, и чѣмъ она, слава Богу, начинаетъ быть теперь, и то сколько тому времени? и гдѣ же еще плоды великихъ трудовъ вашихъ? а вы уже такъ самоувѣренны, такъ горды! Вѣроятно, укажете на уничтоженіе крѣпостнаго права!... А кто же подалъ первую мысль, и не разъ подавалъ ее, но понынѣ тщетно,—какъ не мы? А кто исказилъ эту мысль, какъ не вы? Наконецъ, неужели, вы, господа, серьезно думаете, что уже крестьянскій вопросъ разрѣшенъ окончательно вашимъ громаднымъ, какъ все исходящее отъ васъ, положеніемъ, которымъ вы насъ подарили? Вы распалили только алчность нашихъ слабыхъ душъ несправедливою посулою, тогда какъ прежде, когда послѣднее слово ваше было еще тайною, крестьяне были гораздо сговорчивѣе. Да при томъ, съ кѣмъ же больше бѣды, какъ не съ людьми вашего кореннаго происхожденія, да еще съ тѣми изъ нашихъ, которые прошли знаменитую школу вашего чиновничества, школу, преобразующую людей въ какихъ то нравственныхъ уродовъ, чиновничества, о коемъ мы прежде и слыхомъ не слыхали и видомъ не видали. Вотъ эти то господа, благопріобрѣтшіе себѣ состояніе на законномъ основаніи, и не хотятъ изъ онаго, какъ законно благопріобрѣтеннаго потерять ни гроша, а о сей, нѣкогда отличительной чертѣ характера нашего, — самопожертвованіи для блага общаго и слышать не изволятъ; впро-

чемъ, нельзя сказать, и въ семьѣ не безъ урода. Вы обвиняете насъ въ угнетеніи крестьянъ нашихъ по побужденіямъ разноплеменности и разновѣрія, но не на свою ли мѣрку вы насъ мѣрите? Гдѣ и когда у насъ было крѣпостное право? у насъ были поселяне, хотя правда и лишенные участія въ высшихъ гражданскихъ правахъ, въ чемъ мы искренно раскаяваемся, но и имъ ни какой законъ не воспрещалъ пріобрѣтать собственность, и не предстояло столько трудностей попасть въ число дѣйствительныхъ гражданъ, какъ это нынѣ. У насъ вѣдь не было ни паспортной системы, ни ревизіи, ни герольдіи, ни дворянскихъ собраній, а нѣсколько почетныхъ ранъ, полученныхъ въ защитѣ отечества, кунтуши и карабеля (?) составляли единственное доказательство на благородное происхожденіе. Не угодно ли знать, что́ за повинности, полтораста лѣтъ тому назадъ, поселянинъ нашъ несъ въ пользу владѣльца земли, а не души его, которая у насъ всегда считалась достояніемъ Божіимъ? напримѣръ хоть такъ: «Zcitoki (19½ десятинъ) osiadłej, po kop groszy Litewskieh, czyli zlotych 6 do 10, gęś iedna, kur dwie, jaj dwadziescia i robocizny do roku dni dziesise, nakí zaś staranajezdnej po kop ośm; a znow o naieznej po kop dwret ylko, innej nadtopow innozci odbywaci nie powinni.» Не угодно ли доказательствъ? мы пришлемъ ихъ въ подлинникѣ. Я думаю, что это не то, что три дня барщины съ тягла, которые принесли намъ благодѣтели наши, и которыя, къ чести человѣчества, большинствомъ нашихъ помѣщиковъ не были приняты; это даже и не два дня, которые, за всѣми изворотами благомыслящихъ людей, все таки остаются еще у насъ по введеніи вашего знаменитаго положенія. Вотъ одна изъ причинъ, почему то нашъ поселянинъ когда то мѣрилъ золото гарнцемъ, а нынѣ нищій, хотя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и были у насъ болѣе человѣческія, нежели у васъ. А выкупъ вашъ!—курамъ насмѣхъ это или надувательная система ten sam sztuk, tylko na enny manier, что крѣпостное право. А вашъ душевой надѣлъ, съ которымъ мы возимся, возимся, да не знаемъ что дѣлать?... а душевой вашъ оброкъ, что это такое? самое слово оброкъ уже отвратительно. Нѣтъ, господа, мы съ вами не живемъ, а мучимся, видно у насъ вѣчно будетъ вавилонское столпотвореніе, а съ Польшею то мы жили, якъ злото вожили, говоритъ простолюдинъ нашъ.

Вы подчуете насъ своимъ языкомъ, а чѣмъ онъ лучше поль-

скаго, который намъ на столько же близокъ въ этимологическомъ отношеніи, какъ и вашъ, ежели не больше, да притомъ ближе къ сердцу по многимъ и весьма многимъ причинамъ, которыя и вамъ, господа, показались бы достаточно уважительными, если бы смотрѣли на вещи естественнымъ глазомъ, а не чрезъ мутныя очки, которыми васъ наградили, тотчасъ по (?) и которыя вросли до того въ вашъ носъ, что и снять то ихъ, вамъ приходится больно.

Вы услаждаетесь мечтами, что исторгли насъ изъ тьмы невѣрія и просвѣтили насъ яркосіяющимъ, на подобіе всеустрашающихъ татарскихъ знаменій, наводившихъ нѣкогда страхъ на трусовъ въ великихъ баталіяхъ татарскихъ, православіемъ вашимъ. Не угодно ли поближе присмотрѣться къ великому дѣянію вашему? не угодно-ли вамъ видѣть, какъ попы ваши правятъ обѣдни въ пустыхъ церквахъ, или много для нѣсколькихъ бабъ, считая въ то число и супругъ своихъ? Не угодно ли вамъ видѣть народъ, нѣкогда глубоко вѣровавшій и тепло молившійся, нынѣ совершенно лишенный вѣры какой бы то ни было, предающійся пьянству, воровству и разврату, что́, во времена нашего дѣтства, было какъ то рѣдкостью? Вмѣсто почтенныхъ, любившихъ свою паству и взаимно любимыхъ ею пастырей, вы дали намъ ненавистныхъ волковъ, обирающихъ оную безжалостно, шпіоновъ по ремеслу, страшное орудіе деспатизма, возведоннаго ими въ догматъ вѣры и меньше вѣрующихъ въ истиннаго Бога, нежели самъ потерявшій вѣру бѣдный народъ нашъ; да вы и сами ничего лучшаго не имѣете,—это вѣдь не секретъ. Мы нѣкогда жили съ нашимъ народомъ въ мирѣ и согласіи, не вдавались въ теологическія тонкости, никакъ не могли понять различія между восточною и западными церквями, и оставляя папу ссориться съ константинопольскимъ патріархомъ, искренно молились вмѣстѣ съ народомъ нашимъ, и въ церквяхъ и въ костелахъ и въ домахъ нашихъ, воспѣвая съ равнымъ усердіемъ Иже херувимы и Swiety Boze, Swiety mocny Swieety nie smiertelnj zmiluj się nad nami; теперь же это благое время миновалось, благодаря непрошенному благодѣянію вашему.

А знаменитая полиція ваша, о которой дѣдамъ нашимъ и во снѣ не снилось: я думаю, что и вы сами убѣдились, что это дьявольское навожденіе изобрѣтено, не для охраненія безопасности лица и имущества, а къ совершенному уничтоженію сихъ

благъ. А бюрократія ваша, знаменитѣйшая изъ всѣхъ бюрократій земнаго шара, вертепъ воровъ и мошенниковъ! А система обученія ваша, изведшая число истинно образованныхъ гражданъ почти до нуля! А пресловутыя всемертвящія формы ваши, затмившія бумагою даже свѣтъ солнечный!... А суды ваши, карающіе мелкихъ мошенниковъ и оставляющіе жить въ почетѣ артистовъ злодѣянія, и постановляющіе приговоры свои, когда они уже никому не нужны!.. Да кто перечислитъ всѣ благодѣянія ваши, которыми вы насъ подарили — онѣ многочисленнѣе, нежели песокъ на днѣ морскомъ, чуть ли не многочисленнѣе, нежели атомы вселенной!.. Вы вѣроятно захотите свалить вину на что то отвлеченное... но чѣмъ же это отвлеченное дѣйствуетъ? на кого опирается? изъ кого сложено? виноватъ! съ кѣмъ оно борется, вотъ уже нѣсколько лѣтъ безплодно, какъ не съ вашею непонятливостію, какъ не съ вашею закоснѣлостію предразсудками, политическимъ и религіознымъ фанатизмомъ вашимъ. Если бы оно хотѣло довѣриться намъ, ежели бы вы ему позволили довѣриться нашему чувству справедливости, и мы и вы дождались бы лучшей будущности, когда-нибудь помирились бы искренно и вмѣстѣ бы помогли тѣмъ, кто имѣетъ права разсчитывать на нашу помощь, и кто нынѣ предпочитаетъ ее игу турецкому и скаредности нѣмецкой. Мы искренно вѣримъ, что concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur, и, пожалуй, готовы были бы на сдѣлку; но оставьте ваше высокомѣріе, въ которомъ вы насъ понапрасну обвиняете, не трудитесь съ такою злостію надъ нашими униженіями; не старайтесь всѣми неправдами поселять между нами раздоръ; не страшитесь того, чтобы мы не сдѣлались сильными: мы никогда не употребляли во зло силы наши! Научимся прежде уважать взаимныя права наши, выскажемъ откровенно желанія наши, откажемся добровольно отъ тѣхъ, которыя могутъ быть обидными кому либо изъ насъ, а тогда, и только тогда, можетъ поселиться между нами дружба, которая можетъ быть искреннею только между равными, какъ это было между Литвою и Польшею, но никакъ не между угнетенными и притѣснителями.

Богъ послалъ намъ общее счастіе—добраго и любящаго народъ свой Государя, и что же? Царствованіе его, по вашей милости, вѣроятно пройдетъ въ безплодныхъ порывахъ къ лучшему, и великое счастіе, ежели не окончится катастрофою,—а

все кто виноватъ, какъ не вы, какъ не торгаши ваши въ храмѣ истины, великоважныя коммисіи ваши, заботящіяся, кажись, только о томъ, какъ бы продлить до безконечности безплодный трудъ свой. А чѣмъ все это кончится—до того ихъ манадринской важности едвали есть дѣло! Впрочемъ, Богъ знаетъ что дѣлаетъ... Прощайте добрые люди Московскіе и не взыщите за откровенность съ любителя истины, хотя и не той, которая вамъ нравится (*).

(*) Мы получили и продолжаемъ получать изъ Польши и западнаго края Россіи множество писемъ отъ поляковъ или ополяченныхъ туземцевъ, съ просьбою—напечатать ихъ въ нашей газетѣ. Мы не считаемъ себя въ правѣ отказать авторамъ въ помѣщеніи ихъ статей, гдѣ впервые на русскомъ языкѣ и въ Россіи раздается голосъ свободной мысли польской, но не можемъ не выразить сожалѣнія, что наши братья поляки рѣдко сохраняютъ тонъ, достойный серьезной, строгой, честной полемики, и переносятъ споръ изъ области общихъ началъ и историческихъ вопросовъ, въ сферу современности, со всѣми ея печальными друзьями—мелочами и случайностями. Они хорошо знаютъ, что мы русскіе, возмущаемся неменѣе, если не болѣе ихъ, злоупотребленіями мѣстныхъ властей, всякимъ несправедливымъ угнетеніемъ, гоненіемъ и преслѣдованіемъ польской національности; что мы (и именно редакція «Дня»), всѣми мѣрами стареамся перенести борьбу обѣихъ народностей на общественную почву; что мы, наконецъ, вполнѣ сознаемъ и торжественно провозглашаемъ свои неправды относительно Польши. Дождемся и мы, чтобы и поляки сознали съ своей стороны *свои* неправды относительно русской нравственности? Будемъ надѣяться; а покуда, въ ожиданіе этого времени мы, должны снисходительно относиться къ ихъ запальчивымъ рѣчамъ, къ ихъ колкимъ, отчасти незаслуженнымъ, а отчасти и заслуженнымъ упрекамъ; мы должны стараться о томъ, чтобъ отнять у поляковъ, по возможности, всякій справедливый поводъ къ негодованію.

Помѣщаемое здѣсь (въ подлинникѣ и безъ измѣненія) письмо изъ Бѣлоруссіи можетъ служить образцомъ большей части получаемыхъ нами писемъ. Въ немъ много неправды перемѣшано съ правдой, много ненужныхъ колкостей, много грубой брани, много забавнаго восхваленія. Есть даже очень странныя увѣренія: что мы обязаны Польшѣ мыслью объ уничтоженіи крѣпостнаго права и что *крестьяне въ Бѣлоруссіи благоденствовали вплоть до изданія Положенія*!!! Жаль, что поляки прибѣгаютъ къ такого рода искаженію истины: они этимъ только проигрываютъ дѣло и отвращаютъ отъ себя, вполнѣ имъ благосклонное, общественное мнѣніе въ Россіи.

14.

Регламентація и бюрократія.

Въ теченіе тысячелѣтія, русскій народъ пережилъ двѣ формы, два опыта земскаго строенья: 1) опытъ свободнаго самоустройства и саморазвитія, въ формѣ *Земли русской*, земства, *Земсковѣчеваго міра*, и 2) опытъ единодержавно-бюрократическаго строительства, въ формѣ *государства*, *имперіи всероссійской*.

Въ первичной земской формѣ, земля принадлежала самому, всему народу, *земскимъ людямъ*, *земянамъ*. Не было и понятія о государствѣ, а тѣмъ болѣе объ имперіи. Идея государственности въ земскомъ народномъ міросозерцаніи отождествлялась съ идеей областности, областной автономіи мѣстныхъ *земель*. Государь былъ міръ. Напримѣръ, *весь великій государь Новгородъ*. Даже и въ эпоху московскаго государства, въ XVII-мъ вѣкѣ, по понятіямъ и языку народа, были *государство новгородское*, *государство псковское*, *государство владимірское* и т. п. До образованія же московскаго государства, всѣ областныя лѣтописи и акты говорятъ только о земско-союзномъ бытѣ и строеньи *земли русской*, удѣльно-вѣчеваго, земско-областнаго міра, да объ особно-земскомъ самоустройствѣ и саморазвитіи и союзно-земскомъ взаимоотношеніи и взаимодѣйстіи областныхъ, мѣстныхъ *земель*, напримѣръ, земли двинской, земли пермской, земли московской, земли рязанской и т. д. Всѣ *земли* свободно самоустроялись въ формѣ *міровъ*, и въ совокупности образовали одинъ земско-союзный міръ. Потому *земля* и *міръ* были понятія тождественныя, такъ что еще на языкѣ актовъ XVII-го вѣка сохранялась однозначительность, тождественность выраженій: *по-*

мыслить крѣпко всею землею, всѣмъ міромъ, на совѣтѣ всей земли, честь всему міру, всей землѣ и т. д. Главная существенная черта вѣче-областной формы земскаго строенья—свободное, вольно народное и естественное, непосредственно-натуральное самоустройство и саморазвитіе свободнаго земско-союзнаго міра. При общинно-народномъ, мірскомъ устройствѣ и значеніи земли, естественно, и всѣ формы земскаго строенья, самоустройства народнаго, развивались изъ принциповъ міра, получали мірское значеніе. Таковы, напримѣръ, принципы и формы свободнаго земско-вѣчеваго мірскаго строенья: *излюбленная* мірская *самоуправа, какова люба была всей землѣ*, сельскіе или волостные *мірскіе сходы*, такіе же городскіе *мірскіе сходы на думу на вѣча, обычай во всякомъ земскомъ дѣлѣ обговариваться или поговорить со всѣмъ міромъ, сказывать народное слово всей землѣ, мірскій самосудъ межъ себя, мірская круговая порука, мірскій отводъ земельныхъ участковъ, мірскія уложенья, сборъ или складъ денегъ въ міръ, мірскіе разрубы и разметы*, и т. п. По такимъ принципамъ самоустроялся самобытный, самозаконный, вольно-народный, земско-вѣчевой міръ.

Въ государственномъ состояніи, самонародное земское строенье, свободное самоустройство и саморазвитіе народа въ формѣ земскаго міра, земли русской—замѣнилось самодержавно-указнымъ строительствомъ государства, имперіи. По утвердившемуся съ XVI-го вѣка принципу, *чтобъ земля изъ службы не выходила*, вся земля русская и все живущее на ней земство становятся крѣпостною служебною принадлежностью государства. Въ XVII-мъ вѣкѣ, царскій указъ, боярскій приговоръ, московское и областное приказное ученье служатъ исходными началами государственнаго земскаго строенья, или *государства царственнаго и земскаго дѣла*, не нарушая еще, впрочемъ, изстариннаго географическаго строя земскаго міра, созданнаго колонизаціоннымъ земскимъ самоустройствомъ народа. Со времени Петра Великаго, государевъ указъ, «правда воли монаршей» и многосложный бюрократическій, шведско-нѣмецкій, петербургско-губернскій, военно-чиновничій механизмъ окончательно перестраиваютъ весь русскій земскій міръ, преобразуя его въ шведско-нѣмецкія формы имперіи. По указу изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета государя русская земля въ теченіе всего XVIII-го столѣтія расписывалась на губерніи и провинціи, и «Россія, по словамъ Петра Великаго,

чинами исполнялась». Земскій міръ, уже въ московскомъ государствѣ разъединившійся на *всякихъ чиновъ людей*, въ имперіи окончательно расписывался, разъединялся на сословія: ревизіями или переписями душъ по родамъ службы и повинности государству, табелью о рангахъ, петровскимъ сословно-корпоративнымъ раздѣленіемъ школъ, образованіемъ духовной касты, вслѣдствіе исключительнаго назначенія церковническихъ дѣтей въ надежду священства, развитіемъ служилаго дворянства—шляхетства, вслѣдствіе исключительной привилегированности дворянства дворянскими граматами Петра III и Екатерины II, крайнимъ униженіемъ самаго многочисленнаго, рабочаго и производительнаго народонаселенія—нашихъ классовъ земства, которые названы были въ XVIII-мъ столѣтіи *подлымъ народомъ*, окончательнымъ развитіемъ крѣпостнаго права, усиленіемъ военнаго сословія, солдатства, которое, по справедливому замѣчанію графа Воронцова, и *престоломъ распоряжало*, и проч.

Съ тѣхъ поръ, принципъ абстрактно-нѣмецкой бюрократической формаціи руской жизни, принципъ указовъ и предписаній, система регламентаціи, бюрократическаго сочиненья, коммисій, учрежденій всецѣло исключаетъ принципъ свободнаго земскаго мірскаго самоустройства и саморазвитія народной жизни. Секретная для народа, многосложная, офиціально-чиновничья, петербургско-губернская бюрократическая лабораторія централизаціоннаго механизма имперіи, бюрократическій процессъ секретнаго рѣшенія вопросовъ народной жизни, сочинительства уставовъ, регламентовъ и проектовъ народной дѣятельности и проч., всецѣло воспреобладали надъ живой саможизненной выработкой быта народнаго, надъ свободнымъ самоустройствомъ и саморазвитіемъ жизни народной. Все XVIII столѣтіе блестяще, громко формами, регламентами, учрежденіями, инструкціями, положеніями, коммисіями. Но формы эти по бóльшей части были пусты на практикѣ, отвлечены отъ жизни народной, тяжки для огромной массы народа. Оттого, во всю петровскую эпоху исторія представляетъ больше смѣну однихъ учрежденій другими или, по словамъ Сперанскаго, «непрерывный рядъ измѣненій, поправленій и преобразованій государственныхъ установленій», а не живой прогресъ и истинное улучшеніе быта всего русскаго народа, всей массы народной. Едва умеръ Петръ великій, какъ птенцы его—Меньшиковъ, Остерманъ, Макаровъ, Волковъ, въ

1726 году, указывали на излишекъ многихъ властей и учрежденій Петра, на необходимость отмѣнить многія важныя учрежденія его, обременительныя для народа. Напримѣръ, они признали необходимымъ «вовсе отставить лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы, земскихъ коммисаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ тому подобныхъ, равно и мануфактуръ-коллегію.» Петръ наставилъ по селамъ больше десятка разныхъ командировъ для производства ревизіи душъ и сбора подушныхъ податей. Птенцы его требовали отмѣны всего этого: «нынѣ, говорили они, надъ крестьянами развѣ десять и больше командировъ находится, вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно, изъ воинскихъ начавъ отъ солдата до штаба и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, коммисаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками въ стадо ворвавшимся назваться могутъ... Того ради видится весьма потребно, чтобъ всему генералитету, офицерамъ и рядовымъ, которые у переписки и ревизіи и на экзекуціи, велѣть ѣхать немедленно къ своимъ командамъ, ибо мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ и офицеровъ и солдатъ, коммисаровъ и прочихъ командировъ, кольмипаче страшны правежъ и экзекуція.» Точно также многосложность бюрократическаго механизма, даже въ глазахъ самого правительства, скоро стала оказываться безплодною и тягостною для народа. Вскорѣ послѣ смерти Петра, Екатерина I такъ отозвалась о бюрократическомъ устройствѣ: «Умноженіе правителей и канцеляріи во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже вмѣсто того, что прежде сего къ одному правителю адрессоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти и можетъ быть больше; а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои канцеляріи и своихъ канцелярскихъ служителей, и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ; и всѣ тѣ управители и канцеляріи пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ.» Во второй половинѣ XVIII столѣтія система учрежденій достигла высшей степени развитія. Царствованіе Екатерины II особенно блестяще, громко учрежденіями и коммисіями. И почти всѣ ея манифесты объ этихъ коммисіяхъ и учрежденіяхъ начинаются, прежде всего, объ.

явленіемъ несостоятельности предшествовавшихъ учрежденій, отрицаньемъ ихъ. Напримѣръ, манифестъ 14 декабря 1766 года о созваніи коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія, раскрываетъ отжилость прежнихъ законовъ, запутанность и противорѣчіе ихъ, отвлеченность отъ живыхъ потребностей времени, обиліе изданныхъ въ разныя времена узаконеній въ однихъ случаяхъ и недостатковъ ихъ во многихъ другихъ, и т. п. Манифестъ объ учрежденіи управленія губерніи раскрываетъ безпорядокъ, запутанность прежней администраціи, неправильное распредѣленіе и сосредоточеніе дѣлъ въ различныхъ правительственныхъ вѣдомствахъ, и проч. Вслѣдъ за Екатериной. и многіе государственные дѣятели и писатели стали ужъ даже нѣсколько славянофильски смотрѣть на самыя реформы Петра, стали отрицать ихъ большую пользу для Россіи. Князь Щербатовъ, въ другихъ случаяхъ защищавшій Петра, такъ, однакожъ, отозвался о его реформахъ вообще: «Сей государь жилъ долго по числу трудовъ своихъ; *но мало для пользы Россіи*». М. Платонъ, одинъ изъ лучшихъ историческихъ писателей екатерининскаго времени, доведши свою исторію до XVIII столѣтія, не сталъ писать далѣе о реформахъ Петра, заключивъ словами: «Яко старикъ остаюсь при старыхъ дѣлѣхъ». Тоже отрицанье проглядываетъ во взглядѣ Щербатова и на многія учрежденія самой Екатерины. Онъ нападаетъ на ихъ отвлеченно-теоретическую сочиненность, отрѣшеннось отъ живыхъ потребностей народной жизни, нападаетъ на процесъ ихъ бюрократическаго сочинительства. Напримѣръ, изложивши планъ учрежденія о губерніяхъ, Щербатовъ замѣтилъ: «Планъ учрежденія весьма мудрымъ съ перваго виду кажется; но не все то золото, что блеститъ; а надлежитъ ему и прочія качества, свойственныя металлу, имѣть; такъ и въ законодательствѣ, не Платонову, севарамбскую республику сочинять, а дѣлать вещи, свойственныя со страною, съ народомъ и со всѣми обстоятельствами». Говоря о банкротскомъ уставѣ, Щербатовъ нападаетъ на процессъ бюрократическаго сочинительства: «сочиняли-сочиняли этотъ уставъ, апробовали всѣми мѣстами; коммисія о коммерціи сочинила свой уставъ; по долгомъ лежаніи его пересматривали въ сенатѣ, ненавидящемъ коммисію о коммерціи; наконецъ, подали на конфирмацію императрицѣ въ 1774 году; но какъ она въ *кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи дѣлать новое пространный-*

шее уложеніе, то сего уставу и не апробовали, а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпятъ.» Такъ многіе проекты и реформы Екатерины были громки, въ манифестахъ, да въ рѣчахъ, подобныхъ рѣчамъ Бецкаго; но почти вовсе безплодны на практикѣ. Неудивительно послѣ этого, что иностранные послы называли такія блестящія учрежденія и коммисіи Екатероны *комедіями*, напримѣръ, собраніе депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія, планы и проекты о народныхъ училищахъ, лицеяхъ и проч. Система указовъ доходила до крайности. По *указу* устроялись или предписывались такія вещи, которыя *по природѣ* не могли быть. Напримѣръ, Щербатовъ, говоря о шелковомъ заводѣ на Ахтубѣ, замѣтилъ: «Сей заводъ по указу заведенъ, по указу и содержится, а пчелы и шелковые черви не могутъ по указу вельми много размножиться.»

Отрицанье, наболѣвшее въ душѣ Щербатова, вполнѣ вылилось въ его статьѣ, напечатанной въ 13 № Библіогр. записокъ за 1859 годъ, подъ заглавіемъ: «Оправданіе моихъ мыслей» и проч. Здѣсь онъ говоритъ, напр., о правительственной дѣятельности, о сочиненьи законовъ и назначеніи налоговъ въ прошломъ столѣтіи: «воззримъ на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ: не всѣ ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большой части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣнія о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ? Упражненные въ дворскихъ происках, никогда не хотятъ ни истины, ни состоянія народнаго познать; мысли заняты единственно своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ— не оставляютъ ни времени, ни мѣста на глубокія размышленія, и увлекаемые быстротою дѣлъ, лишь токмо тогда дѣйствуютъ, какъ размышлять надлежало; равно любочестны, какъ лѣнивы въ дѣлѣ, толико не свѣдущи, коль горды. А подъ сими то правителями россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ; онъ долженъ ежедневно страшиться.... и вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля, среди сурово-волнующагося моря.... *Охуляю я наши законы*; поелику они не токмо *съ согласія народнаго*, но ниже съ согласія главнаго правительства сочиняются; охуляю тѣмъ, что оные ясно показуютъ, что при

составленіи ихъ ни о состояніи, ни о пользахъ, ни о нуждахъ народныхъ ни свѣдѣнія, ни попеченія не прилагается.» и проч.

Послѣ всего указно-бюрократическаго строительства, послѣ всѣхъ регламентовъ и учрежденій, въ концѣ XVIII столѣтія, по выраженію графа Завадовскаго, «*былъ во всемъ хаосъ совершенный*: государство прежде еще зрѣлости своей, во многомъ истощено». Въ разсчетѣ XVIII столѣтія съ XIX, въ итогѣ, въ результатѣ оказалось, что строили, строили Россію, и все-таки она была не устроена. Графъ А. Р. Воронцовъ, въ «Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи», представленныхъ императору Александру I, справедливо заключалъ: «Можно сказать, къ сожалѣнію, что *Россія никода прямо устроена не была*, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было». Въ первые годы царствованія Александра I кипѣла сильная преобразовательная дѣятельность правительства. Во время этой дѣятельности и до самаго 25 года, лучшіе правительственные сановники безпристрастно разсматривали всѣ самыя главныя, самыя крупныя учрежденія XVIII столѣтія. И почти всѣ эти учрежденія они находили несостоятельными. Вотъ напримѣръ, въ 1708 году Петръ Великій указалъ изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета своего росписать всю Россію на губерніи и провинціи. Съ тѣхъ поръ до 1775 г. непрерывно длилась процедура губернскаго учрежденія, вышло нѣсколько табелей губерній и провинцій. Одна другую измѣняла, дополняла, но не исправляла сообразно съ естественно-историческими, хозяйственно-бытовыми и физико-географическими условіями областной народной жизни. Довольно прочитать въ «Статистическихъ очеркахъ Россіи» Арсеньева историческій очеркъ росписанія губерній, чтобъ видѣть длинную, но страшно-произвольную и неправильную процедуру учрежденія губерній. Вслѣдствіе этого, въ 1785 году сочинено было новое учрежденіе о губерніяхъ, которымъ, по словамъ Державина, гордилась императрица Екатерина. Тогда «*учреждены* были *на точномъ основаніи и правѣ великороссійскомъ*, яко для *государства полезнѣйшемъ*», и вновь присоединенныя къ Россіи области, въ этнографическомъ и историческомъ отношеніи совершенно-отличныя отъ великорусскихъ областей. Не прошло и 30 лѣтъ, какъ учрежденіе о губерніяхъ, сочиненное при Екатеринѣ, и тогда ужъ, какъ мы видѣли, заподозрѣнное Щербатовымъ, оказалось неудобнымъ, требовало

отмѣны. Графъ Воронцовъ въ «Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи» писалъ: «Рѣшилась императрица Екатерина внутреннему управленію нѣкоторымъ образомъ дать новую форму, издавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло, хотя нѣсколько и излишнихъ судовъ надѣлано было, на внутреннія россійскія губерніи, гдѣ многаго недоставало, но едва-ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя нами провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на азіятскія, коимъ по пространству земель и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей, таковое управленіе несвойственно и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденію участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ, довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва-ли уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны». Въ частности, само правительство чувствовало неприложимость общаго губернскаго учрежденія къ Сибири, неправильность губернскаго устройства этой, совершенно-отличной отъ Великороссіи, страны. Въ 1818 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ отрицалъ принятую правительствомъ въ XVIII столѣтіи систему усиленія власти начальниковъ губерній въ Сибири, и предполагалъ необходимымъ ограничить ее выборными городскими правительствами или магистратами. Сперанскій исторически раскрылъ недостатки всѣхъ вообще государственныхъ установленій: сената, совѣта, коллегій и постоянную безполезную измѣняемость ихъ, отмѣны и возстановленія, взаимныя неурядицы и замѣну одного учрежденія другимъ. Обзоръ Сперанскаго, напечатанный въ Архивѣ г. Калачева, ясно показываетъ внутреннюю несостоятельность, отвлеченность отъ русской жизни такихъ государственныхъ шведско-нѣмецкихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, коллегіи, почему онѣ и исчезли. Или возьмемъ еще въ примѣръ коммисіи XVIII столѣтія, для сочиненія проекта новаго уложенія. Съ 1700 по 1826 годъ, въ теченіе 126 лѣтъ, образовано было въ разное время 10 коммисій. Одна смѣняла другую. Замѣчательнѣйшею изъ всѣхъ коммисій была восьмая, 1767 года. Она была составлена изъ депутатовъ отъ всѣхъ при-

сутственныхъ мѣстъ, отъ всѣхъ сословій и народовъ, обитающихъ въ Россіи, числомъ 365 человѣкъ, и въ руководство ей данъ былъ знаменитый *наказъ о сочиненіи проекта новаго уложенія*. Но ни эта знаменитая коммисія, ни всѣ другія ничего не сдѣлали: однѣ оставили только нѣсколько проектовъ неимѣвшихъ силы закона, другія существовали только по имени, а нѣкоторыя остановились при самомъ началѣ труда. Извѣстенъ и юмористическій исходъ знаменитой коммисіи депутатовъ, созванныхъ манифестомъ 14 декабря 1766 года. При Александрѣ I, составлена была новая коммисія для сочиненія проекта законовъ и также шла медленно. На вопросъ государя о причинахъ этой медленности, графъ Завадовскій отвѣчалъ: *огромная машина сія по натурѣ своей идетъ тихо и медлительно*. Отрицая по этому случаю почти всѣ прежнія системы законовъ, раскрывая несостоятельность всѣхъ прежнихъ коммисій, гр. Завадовскій присовокупилъ, что къ «совершенству правленія привести могутъ только добрые законы, которые изъ собственной воли всѣ возлюбятъ». Или еще возьмемъ примѣръ развитія системы регламентаціи. При Петрѣ Великомъ сочинено было до 28 регламентовъ и уставовъ. Регламенты эти обставляли подробнымъ кодексомъ строгихъ правилъ и формальностей всю гражданскую и торговопромышленную дѣятельность народа. Столѣтній опытъ показалъ, что Россія не только не была устроена регламентами, а еще стѣснена была до несносности, и останавливаема въ своемъ свободномъ развитіи. Адмиралъ Мордвиновъ такъ отрицалъ систему регламентаціи въ народной торговлѣ и промышленности: «Еще въ правительствѣ нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воздѣйствовалъ духъ предразсужденія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой природы, никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода единственное есть достовѣрное и надежное руководство къ успѣхамъ дѣятельности народной. Уставы нерѣдко содержа въ себѣ противорѣчіе и недоразумѣніе, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коими и самое основаніе учрежденія часто совсѣмъ ниспровергается; вообще же они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, а къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій за-

нятіями и производствами частныхъ людей; ибо сіе значило бы то же, что и принимать на себя учреждать необъятность видовъ частной пользы. Предоставляя самой ей полную свободу дѣйствовать, правительство можетъ токмо съ своей стороны способствовать: распространеніемъ хозяйственныхъ и искуственныхъ свѣдѣній, обнародованіемъ новыхъ изобрѣтеній, усовершенствованіемъ по какимъ либо частямъ хозяйства и искуствъ, умноженіемъ всеобщаго просвѣщенія въ земледѣліи, ботаникѣ, минералогіи, металлургіи, технологіи, химіи, физикѣ и другихъ подобныхъ занятіяхъ, открытіемъ новыхъ источниковъ къ стяжанію богатствъ, введеніемъ удобнѣйшихъ машинъ и лучшихъ орудій и инструментовъ, размноженіемъ и улучшеніемъ путей сообщенія... и наконецъ, усиленіемъ мѣръ, чтобъ свобода въ дѣйствіяхъ, равно какъ и принадлежность каждаго трудящагося, ограждены были отъ всякаго непріязненнаго прикосновенія къ нимъ».

Отрицая систему правительственной регламантаціи уставности въ дѣлѣ свободной торгово-промышленной самодѣятельности народа, Мордвиновъ, вообще, въ своемъ прекрасномъ докладѣ «о причинахъ разстройста финансовъ въ Россіи», въ запискѣ «о росписи доходовъ и расходовъ на 1821 годъ», и во многихъ своихъ «мнѣніяхъ», отрицалъ многія самыя радикальныя правительственныя учрежденія и установленія относительно народнаго экономическаго и юридическаго быта. Изобразивъ въ отрицательномъ духѣ разныя государственныя иституціи и начала экономической жизни и дѣятельности народной, и сказавши «о крайнемъ обѣдненіи земледѣльческаго сословія, вслѣдствіе обремененія его, болѣе всѣхъ другихъ сословій, и казенными налогами, и личными повинностями, и рекрутскими наборами и дальносрочнымъ служеніемъ въ полкахъ, Мордвиновъ, съ истинно-гражданскою болью грусти и отрицанія воскликнулъ: «*какое нельпообразное великой части имперіи состояніе!*» Наконецъ, вспомнимъ, что и самъ императоръ Александръ I глубоко недоволенъ былъ современнымъ ему государственнымъ порядкомъ и придворными его распорядителями. «Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя лакеями, писалъ Александръ:—въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабежъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно»... Послѣ недовольства и отрицанья, высказавшагося въ офиціальныхъ сочиненіяхъ лучшихъ госу-

дарственныхъ сановниковъ первой четверти XIX столѣтія, и закравшагося даже въ душу самого императора Александра I, настало «строгое охраненіе порядка извнѣ и *внутри*»... Но вотъ, пережито и оно, и миновалось безвозвратно. Настала новая эпоха сильной правительственной дѣятельности, особенно сосредоточенной въ бюро министерства внутреннихъ дѣлъ. И опять видимъ радикальное отрицанье прежнихъ учрежденій. Великій крестьянскій вопросъ разомъ отрицаетъ многія коренныя начала строительства всей петровской эпохи, отвергаетъ камень преткновенія для политической свободы—крѣпостную основу государства. Это радикальное отрицанье неизбѣжно вызвало въ проектахъ разныхъ правительственныхъ коммисій нѣсколько частныхъ, но существенныхъ отрицаній, напр., отрицаніе централизаціи, отрицаніе прежней системы земскихъ повинностей. Относительно устройства земскихъ повинностей, съ предварительнаго положенія 1805 года до устава о земскихъ повинностяхъ 1851 года, правительство назначало нѣсколько комитетовъ для исправленія податной системы. Каждый комитетъ, поочередно, браковалъ, отрицалъ одинъ другой, и ни одинъ не сдѣлалъ ничего положительнаго. Въ 1851 г. изданъ былъ нынѣ-дѣйствующій уставъ о земскихъ повинностяхъ, на основаніяхъ прежняго положенія. Теперь и онъ, по суду правительства, отрицается. Новая коммисія, въ своемъ проектѣ преобразованія земскихъ повинностей, рѣшительно отвергла всѣ прежніе проекты и положенія правительства, относительно земскихъ повинностей. Такимъ образомъ въ непрерывномъ послѣдовательномъ отрицаньи предшествовавшихъ учрежденій установленіями послѣдующими, въ измѣненіи коммисій, проектовъ и положеній или уставовъ состоитъ сущность всего правительственнаго строительства въ теченіе XVIII и первой половины XIX столѣтія. И результаты этого вѣковаго отрицанья и взаимной преемственной смѣны учрежденій жизнь народная на себѣ уже вполнѣ испытала, пережила!

15.

О выкупѣ.

Записка, читанная въ с.-петербургскомъ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи 1862 года.

Девять мѣсяцевъ прошло съ обнародованія положенія о крестьянахъ. Этотъ промежутокъ времени достаточенъ для того, чтобы судить о справедливости и удобоисполнимости мѣропріятій новаго законоположенія. Не говоря уже о томъ, что Положеніемъ 19 февраля 1861 года потрясено основаніе права собственности, многочисленныя подробности этого Положенія, имѣющія въ виду возможно точное опредѣленіе отношеній крестьянъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, только усложнили крестьянскій вопросъ и вовсе не разрѣшили его съ тою ясностію и положительностію, которая не оставляла бы мѣста малѣйшему сомнѣнію. Неопредѣлительность правилъ, установленныхъ Положеніемъ и сохраненіе онымъ обязанныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, не совмѣстныхъ съ понятіемъ о личной свободѣ, естественно должны были повести къ недоброжелательству и разъединенію сословій. Полагаютъ, что со введеніемъ уставныхъ граматъ, точно опредѣлятся права и обязанности обѣихъ сторонъ и возстановится желаемое равновѣсіе между двумя сословіями. Но это весьма сомнительно, и по введеніи граматъ неопредѣлительность отношеній по имущественнымъ правамъ останется та же. Помѣщикъ, сохраняя мнимыя права собственности на отведенныя въ крестьянскій надѣлъ земли, лишенъ будетъ всякаго права распоряжаться этими землями; крестьяне, пользуясь этими землями по своему произ-

волу, въ то же время должны смотрѣть на нихъ, какъ на чужую собственность, и потому, не столько будутъ заботиться объ улучшеніи этихъ земель, сколько объ извлеченіи временной пользы, хотя бы съ истощеніемъ ихъ производительности, имѣя право отказаться впослѣдствіи отъ ихъ пользованія и перейдти въ другія сословія. Необходимо положить конецъ неопредѣлительности имущественныхъ правъ; необходимо разъ навсегда обозначить рѣзкою чертою границу между помѣщичьими и крестьянскими угодьями, предоставивъ всякому въ предѣлахъ его владѣнія распоряжаться по своему усмотрѣнію. Необходимо проникнуться сознаніемъ, что̀ твое и что̀ мое и укрѣпить за каждымъ сословіемъ на вѣчныя времена священныя и неприкосновенныя права собственности. Чтобы достигнуть такой цѣли, казалось бы съ перваго взгляда, достаточно помѣщикамъ воспользоваться только предоставленнымъ имъ въ Положеніи правомъ, требовать немедленнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, и избѣгнувъ такимъ образомъ столкновеній съ поселенными на ихъ земляхъ крестьянами, спокойно пользоваться остающимся за надѣломъ крестьянъ въ распоряженіи помѣщиковъ участками. Но къ несчастію, на этомъ пути встрѣчаются неодолимыя препятствія. Выкупъ на предложенныхъ выкупнымъ положеніемъ основаніяхъ, неосуществимъ, взаимное соглашеніе съ крестьянами на счетъ выкупа невозможно; они не могутъ согласиться на взносъ дополнительныхъ платежей въ пользу помѣщика. Требовать выкупа безъ согласія крестьянъ предоставлено исключительно владѣльцамъ оброчныхъ имѣній, которыхъ даже въ С.-Петербургской губерніи не болѣе половины, да при томъ каково положеніе помѣщика, который при выкупной сдѣлкѣ долженъ отказаться не только отъ $^1/_5$ части выкупной суммы, т. е. получить только $^4/_5$ стоимости пріобрѣтенныхъ крестьянами угодій, по офиціальной оцѣнкѣ, да еще и на эту часть получаемаго вознагражденія пользоваться 5% вмѣсто 6%, предоставляемыхъ денежнымъ оброкомъ, словомъ, лишенныя (?) посредствомъ такой операціи $^1/_3$ предоставленныхъ ему положеніемъ и, стало быть, законныхъ неотъемлемыхъ доходовъ.

Объяснимъ примѣромъ. Владѣлецъ 600 крестьянскихъ надѣловъ, получающій на основаніи положенія 6000 р. сер. оброка, пользуется 6% съ капитальной стоимости имѣнія 100,000 р. сер. Соглашаясь на выкупную операцію, онъ получаетъ отъ пра-

вительства выкупную ссуду, равняющуюся $^{4}/_{5}$ этой стоимости, т. е. 80,000 р., которые выдаются ему пятипроцентными бумагами и, стало быть, до обмѣна этихъ бумагъ, на наличныя деньги, въ теченіи весьма продолжительнаго срока, доходъ его ограничится 4,000 руб. Такимъ образомъ согласиться на выкупъ для помѣщика одно и то же, что отказаться добровольно отъ $^{1}/_{3}$ узаконенныхъ доходовъ. Но это еще не все. Если имѣніе помѣщика, при совершеніи выкупной сдѣлки, заложено въ кредитномъ установленіи, то онъ однимъ разомъ долженъ потерять половину капитальной стоимости имѣнія. Обратимся къ тому же примѣру. Допустимъ, что на каждомъ крестьянскомъ надѣлѣ остается 60 р. долга кредитному учрежденію, что составитъ 60+600=36,000; за вычетомъ этого долга изъ выкупной ссуды, т. е. изъ 80,000 р., считается въ пользу владѣльца 44,000 р. На эту сумму, пользуясь 5%, владѣлецъ 600 крестьянскихъ надѣловъ будетъ получать 2,200 р. ежегоднаго дохода. Кто изъ владѣльцевъ не призадумается при мысли о выкупѣ, имѣя въ виду подобные результаты! Противъ этихъ выводовъ легко предвидѣть возраженія.

1-е возраженіе. А) Владѣльцу заложеннаго имѣнія и до выкупа не могло оставаться въ чистый доходъ болѣе 2,200 р., такъ какъ онъ обязанъ вносить ежегодно въ кредитное установленіе около 2,000 р. (по 1980). Это не такъ. Отвѣтъ. Владѣльцу означеннаго въ примѣрѣ имѣнія, за вычетомъ банковыхъ взносовъ, все-таки оставалось 4020, и притомъ банковые платежи, составляющіе почти половину его доходовъ, суть платежи временные, а при выкупѣ онъ лишается этой половины доходовъ на всегда.

2-е возраженіе. Б) Долги кредитнымъ установленіямъ не могутъ быть при выкупѣ списаны со счетовъ; ссудами этихъ установленій землевладѣльцы дѣйствительно воспользовались и, стало быть, обязаны удовлетворить оныя наравнѣ со всякими казенными и частными взысканіями. Отвѣтъ. Это такъ. Никто не можетъ быть освобожденъ отъ исполненія долговыхъ и другаго рода обязательствъ съ казною или частными лицами; но никто не вправѣ измѣнить условіе договора безъ взаимнаго согласія договаривающихся сторонъ. Какимъ же образомъ кредитное установленіе можетъ требовать отъ заемщика возврата цѣликомъ ссуды, произведенной на условіяхъ 28 лѣтняго займа. По какому

праву лишаетъ оно заимщика выгодъ постепеннаго погашенія долга, когда это было главнымъ непремѣннымъ условіемъ займа. Допущеніе такого правила причинило бы огромный ущербъ поземельной собственности, съ явнымъ нарушеніемъ законовъ справедливости; тѣмъ болѣе, что и выкупная операція основана на постепенномъ погашеніи выкупной суммы въ теченіе 49 лѣтъ. Скажутъ, наконецъ, что помѣщикъ можетъ неподчиниться этимъ невыгоднымъ для него условіямъ, т. е. можетъ не требовать выкупа крестьянскихъ угодій. Къ несчастію, помѣщикъ долженъ сдаваться на всевозможныя условія и рѣшаться на какія угодно пожертвованія, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

Вникнемъ въ главныя правила выкупнаго положенія, чтобъ еще болѣе убѣдиться въ несправедливости ихъ основанія—ст. 113, 114, 141, 143. По системѣ сложныхъ процентовъ при погашеніи долга въ 49 лѣтъ требуется ежегодно 5% интереса и $^1/_2$% на погашеніе капитальной суммы. Очевидно, что въ запасный капиталъ выкупной операціи, предназначенной для покрытія издержекъ по управленію, отчисляется тоже $^1/_2$% со всей выкупной ссуды, т. е. $^1/_{12}$ часть или $8^1/_2$% поступающихъ отъ крестьянъ ежегодныхъ выкупныхъ платежей. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ $^1/_2$% выкупной ссуды, назначенной для запаснаго капитала, приращаясь 5% интереса въ теченіи 49 лѣтъ могъ бы достигнуть до размѣра полной выкупной суммы и вмѣстѣ съ первымъ $^1/_2$% погасить капиталъ, равняющійся двумъ выкупнымъ ссудамъ. Это почти одно и то же, что если посредствомъ предложенной выкупной операціи въ теченіи 49 лѣтъ погашенъ будетъ выкупной капиталъ положимъ въ 50 м. р., то сколько же, т. е. еще 50 м. въ теченіи 49 лѣтъ израсходуется на управленіе. Казалось бы, что съ отчисленіемъ въ запасный капиталъ ежегодно $^1/_2$% со всей выкупной ссуды или $^1/_{12}$ части крестьянскихъ выкупныхъ платежей съ излишкомъ могли бы быть покрыты всѣ расходы по выкупной операціи и вполнѣ обезпечены всевозможныя ея потери, когда такой размѣръ вноса вполнѣ достаточенъ на погашеніе выкупнаго капитала. Далѣе этихъ предѣловъ увеличеніе запаснаго капитала не слѣдовало бы желать, а между тѣмъ положеніемъ о выкупѣ выкупному учрежденію предоставлена возможность еще болѣе увеличивать свой запасный капиталъ въ ущербъ поземельной собственности. Это легко доказать цифрами:

положимъ что выкупная ссуда извѣстнаго имѣнія 100,000 р., банковый долгъ лежащій на этомъ имѣніи 40,000 р., за вычетомъ долга владѣльцу выдается выкупное свидѣтельство на сумму 60,000 р. Выкупное учрежденіе, по совершеніи этой операціи будетъ получать съ крестьянъ выкупнаго имѣнія ежегодно въ теченіи 49 лѣтъ на 6,000 р. т. е. 6% со всей выкупной ссуды, равняющейся 100,000 руб., или 60,000—40,000 руб. За отчисленіемъ изъ этихъ платежей 500 р. въ запасный капиталъ выкупное учрежденіе обращаетъ ежегодно 3,300 р. т. е. $5\frac{1}{2}\%$ отъ 60,000 р. на уплату интересовъ и капитала по выкупному свидѣтельству, которое дѣйствительно при 5% интереса и $\frac{1}{2}\%$ погашенія будетъ погашено въ 49 лѣтъ и 2,200 р. т. е. $5\frac{1}{2}\%$ отъ 40,000 р. оно обращаетъ на уплату банковаго долга; но этотъ послѣдній, при 4% интереса $1\frac{1}{2}\%$ погашенія, погашается въ 33 года; въ слѣдующія затѣмъ 16 лѣтъ $5\frac{1}{2}\%$ отъ 40,000 р. т. е. 2,200 р. ежегодно будутъ поступать въ запасный капиталъ выкупной операціи, что составитъ 88% на долговую банковую сумму или 35,500 р. (не считая процентовъ на проценты) которыхъ лишается землевладѣльцевъ въ пользу выкупнаго учрежденія.

Конечно, на дѣлѣ вышеизложенная операція совершится нѣсколько иначе, но результатъ выйдетъ одинъ и тотъ же, а именно выкупное учрежденіе будетъ ежегодно уплачивать кредитному установленію $5\frac{1}{2}\%$ не отъ 40,000 р., т. е. не отъ суммы лежащаго на имѣніи долга въ день выкупа, а $5\frac{1}{2}\%$ отъ первоначальной банковой ссуды, которая немногимъ болѣе этой суммы, но за то и срокъ погашенія наступитъ гораздо ранѣе, а слѣдовательно, ежегодные банковые взносы въ продолженіи большаго числа лѣтъ будутъ поступать въ пользу выкупнаго учрежденія. Такъ напримѣръ: въ настоящее время по С.-Петербургской губерніи, въ среднемъ выводѣ, остается долгу кредитнымъ установленіямъ на каждую заложенную въ кредитное установленіе ревизскую душу 60 р. (первоначальный же долгъ равнялся 70 р.). Окончательный срокъ погашенія этого долга наступитъ не далѣе какъ чрезъ 25 лѣтъ. Слѣдовательно, причитающіеся кредитнымъ установленіямъ ежегодные платежи заемщиковъ, по истеченіи 25 лѣтняго срока, будутъ поступать сполна въ пользу выкупнаго учрежденія въ продолженіи 24 лѣтъ. Отъ этого произойдутъ слѣдующіе результаты. Положимъ, что подъ залогъ насе-

леннаго 1000 душами имѣнія получено въ ссуду на каждую душу 70 р., а всего 70,000 р. Процентовъ и погашенія при 33 лѣтнемъ займѣ, считая по $5^1/_2$% со ста, причитается ежегодно 3850 р.; помножая эту сумму на число лѣтъ, въ продолженіи которыхъ имѣнія будутъ состоять въ залогѣ, т. е. на 25, находимъ, что въ этомъ періодѣ времени выкупное учрежденіе внесетъ въ кредитное установленіе 96,250 р. Въ выкупное же учрежденіе поступитъ съ крестьянъ заложеннаго имѣнія на погашеніе остающагося на немъ долга въ 60 т. р. по 6% съ этой суммы, т. е. по 3600 р. въ годъ, что составитъ въ теченіи 49 лѣтъ 176,400 р., а за исключеніемъ уплаченныхъ 96,250 р. остается въ чистую прибыль 80,150 рублей. Такое обогащеніе выкупнаго учрежденія на счетъ поземельной собственности изумительно, но тѣмъ не менѣе достовѣрно.

Послѣ всего вышесказаннаго законно и справедливо ходатайствовать у правительства объ измѣненіи столь обременительныхъ для землевладѣльцевъ выкупныхъ условій на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ видахъ поощренія выкупныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками и облегченія крестьянъ, при единовременномъ взносѣ установленнаго выкупнымъ положеніемъ дополнительнаго платежа въ пользу помѣщика, составляющаго отъ 20 до 25% выкупной суммы, выдавать крестьянамъ въ ссуду подъ пріобрѣтаемыя ими земли полную выкупную сумму (и въ случаѣ выкупа по требованію помѣщика).

2) Выкупныя свидѣтельства и билеты, или вообще 5% выкупныя бумаги, выпускать на полную выкупную сумму по каждому выкупаемому имѣнію, какъ въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтаемыя крестьянами земли свободны отъ залога, такъ и въ томъ, когда эти земли заложены въ кредитномъ установленіи.

3) При разсчетахъ съ владѣльцами выкупаемыхъ имѣній вмѣсто вычета изъ слѣдующей владѣльцу выкупной суммы банковаго долга, удерживать и отсылать въ кредитное установленіе въ обезпечиваніе этого долга на такую сумму выкупныя свидѣтельства, чтобы проценты съ этихъ свидѣтельствъ равнялись ежегоднымъ банковымъ взносамъ, причитающимся съ выкупаемаго имѣнія въ уплату банковаго долга. По разсчету на каждые 100 р. первоначальнаго долга по ссудѣ, необходимо представить въ обезпечиваніе ссуды выкупныхъ свидѣтельствъ на 100 р., или

на каждую заложенную въ банкѣ ревизскую душу, подъ которую выдавалось въ ссуду 70 руб., удержать выкупныхъ свидѣтельствъ, при условіяхъ 33-хъ лѣтняго займа, по 77 р., а при 28 лѣтнемъ займѣ по 84 руб.

Разсчетъ этотъ основанъ на разницѣ между процентами, платимыми въ кредитное установленіе и процентами, установленными на выкупныя свидѣтельства, а именно: въ кредитныя установленія при 33 лѣтнемъ займѣ платится ежегодно 5½%, а при 28 лѣтнемъ 6%; выкупныя же свидѣтельства приносятъ по 5% въ годъ. Вотъ почему выкупныя свидѣтельства при представленіи ихъ въ обезпечиваніе 33 л. банковой ссуды должны превышать первоначальную ссуду $^1/_{10}$ частію или 10%; при ссудѣ же на 28 лѣтній срокъ 20%.

4) По погашеніи такимъ образомъ банковаго долга посредствомъ зачета въ ежегодную уплату % съ выкупныхъ свидѣтельствъ, самыя свидѣтельства возвратить владѣльцу по принадлежности.

5) Однакожъ, тѣмъ владѣльцамъ, для которыхъ срокъ окончательнаго погашенія банковскаго долга уже приближается, т. е. долгъ, остающійся на ихъ имѣніи, незначителенъ, не воспрещать, вмѣсто обезпеченія банковаго долга выкупными свидѣтельствами, представлять таковыя въ дѣйствительную уплату этого долга, или просить о вычетѣ этого долга изъ выкупной суммы, съ переводомъ его на выкупное учрежденіе.

Таковы начала справедливости, на которыхъ должна быть основана выкупная операція, имѣющая цѣлью скорое окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Только такимъ образомъ можетъ быть доставлено помѣщикамъ за отходящія отъ нихъ въ пользу крестьянъ лучшія земли, законное вознагражденіе, безъ ущерба казенному интересу и безъ обремененія крестьянъ новыми повинностями.

16.

Еще о мировыхъ судьяхъ.

Въ іюльской книжкѣ «Время» была помѣщена моя замѣтка «о мировыхъ судьяхъ»; пиша ее, я имѣлъ главнымъ образомъ въ виду разобрать и опровергнуть нѣсколько *помѣщичьихъ проектовъ*, о которыхъ повѣдалъ міру г. Сумароковъ. Цѣль замѣтки была «обличить во лжи» мнимый помѣщичій либерализмъ. Но, однако, чтобы избѣжать упрека, который такъ часто нынче приходится слышать со всѣхъ сторонъ: *критиковать то умѣетъ, а пусть-ка самъ выдумаетъ что нибудь получше*», я изложилъ въ концѣ статьи общіе принципы, которые, по моему мнѣнію, должны лежать въ основаніи рождающагося, или, лучше сказать, имѣющаго родиться у насъ мироваго института. Этихъ общихъ принциповъ я считалъ на первый разъ достаточнымъ, чтобы избавиться отъ упрека. Господа, отъ которыхъ обыкновенно слышишь его, довольствуются всегда только общими идеями, принципами; вглубь они никогда не пускаются. И потому то, мнѣ кажется, я удовлетворилъ ихъ. Больше имъ ничего и ненужно. Они замолчатъ. Но вѣдь не всѣ же похожи на этихъ господъ. Многіе глядятъ на это дѣло гораздо глубже. Они слишкомъ любятъ народъ, слишкомъ близко принимаютъ къ сердцу все, что прямо или косвенно его касается, чтобы могли въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о мировыхъ судьяхъ, остановиться на однихъ общихъ взглядахъ, общихъ принципахъ. Они спросятъ: какъ ихъ примѣнить къ практикѣ, какъ разрѣшить тѣ затрудненія, которыя возникаютъ при приложеніи этихъ теорій къ дѣйствительной жизни; однимъ словомъ, до малѣйшей частности,

до малѣйшихъ подробностей, захотятъ они прослѣдить постепенное, послѣдовательное развитіе этихъ принциповъ. Только такой подробный анализъ удовлетворитъ ихъ. Не знаю, много ли или мало у насъ теперь такихъ людей, но, что они есть, въ этомъ я увѣренъ. И вотъ имъ то и посвящаю я эту статью.

Въ какомъ то № «Сѣв. пчелы», не помню именно въ какомъ, помѣщена была небольшая замѣтка г. *Неизвѣстнаго,* противъ статьи г. Юматова (помѣщенной въ той же «Сѣв. пч.» въ № 191, если не ошибаюсь, въ отвѣтъ на *Деревенск. жизнь* г. Сумарокова). Замѣтка эта начиналась приблизительно такимъ образомъ: «мировыхъ-де судей у насъ теперь нѣтъ, да можетъ никогда и не будетъ, такъ и говорить объ нихъ не стоитъ» (не ручаюсь за буквальную точность выраженія, но смыслъ-то нисколько неизмѣненъ; жалко, что не могъ отыскать этого № «Сѣв. пч.», затерялся вѣрно куда нибудь). Послѣ этого прелестнаго начала слѣдуетъ опроверженіе, или, какъ говоритъ г. Юматовъ, «отверженіе» (зри статью его «отвергать не значитъ опровергать» «Сѣв. пч.» № 202) мыслей г. Юматова. Но дѣло тутъ не въ самой этой замѣткѣ, а въ ея началѣ. Нехорошій, чтобъ не сказать болѣе, смыслъ этого начала не требуетъ коментарій. Да, конечно, положимъ палецъ молчанія на уста наши, и не будемъ говорить ни слова о мировыхъ судьяхъ, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ созданы. Тогда только будетъ прилично и умѣстно высказать о нихъ свое мнѣніе, даже и покритиковать; отчего же и не покритиковать? только, разумѣется, слегка, осторожно, не слишкомъ увлекаясь!

«А вѣдь лучше бы было, еслибы *то-то* и *то-то* сдѣлать вотъ *этакъ-то* да *этакъ-то*», кричитъ одинъ.

«Нѣтъ, возражаетъ второй, вотъ *этакъ бы* надо сдѣлать!»

«А что бы произошло, замѣчаетъ остроумно третій:—если бы вотъ *это-то* и *это-то* прибавить, и вотъ *то* и *то* отнять?»

«Здѣсь, здѣсь необходимо исправить!» кричитъ съ пѣною у рта четвертый.

«Нѣтъ, вотъ тутъ, тутъ», возражаетъ пятый, и т. д., безъ конца.

Веселая, право, забавная игра. Жалко, что время только тратится по пустому. Ну, да къ этому намъ не привыкать стать! Хорошо еще, что безвредно тратится.

Но отъ чего же это, однако, происходитъ? Отчего это всѣ наши

литературные совѣты и предостереженія могутъ быть уподоблены «горчицѣ послѣ ужина»? Происходитъ ли это оттого, что литература не хочетъ, или лучше, не можетъ начать говорить о многихъ вопросахъ, прежде, чѣмъ получитъ наитіе свыше? Или она боится быть, можетъ-быть, гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ?

Предоставляю читателю рѣшить эти вопросы, какъ онъ самъ знаетъ; что же касается собственно до меня *лично*, то я не боюсь, что голосъ мой будетъ «гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ». Пусть онъ не дойдетъ до ушей тѣхъ, «кому вѣдать надлежитъ», мы хотимъ только, чтобъ его услышало общество, чтобъ мысли наши вошли въ общественное сознаніе. Пусть только общество будетъ знать, *какимъ должно быть* извѣстное учрежденіе, или извѣстная реформа, пусть передъ глазами его носится всегда идеалъ того или другаго учрежденія, той или другой реформы, и тогда, какова бы ни была данная реформа, общество съумѣетъ отнестись къ ней. Напримѣръ, если общество будетъ знать, *какъ* и *чему* долженъ удовлетворять у насъ мировой судъ, если онъ будетъ знать болѣе совершенную степень этого суда, то тогда ни г. Юматову, ни г. Сумарокову, со всею ихъ братіей, неудастся, привлечь общественное вниманіе на свои *проектцы*, неудастся *поддѣть* на нихъ общество. Общество будетъ знать тогда, какими глазами надо смотрѣть на ихъ. А развѣ этого мало? И потому-то вотъ я и не боюсь быть гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, и не жалѣю того времени, которое тратится на споры о мировомъ судѣ, хотя правительство и не сказало объ немъ еще *своего слова;* когда оно его скажетъ, будетъ уже поздно разсуждать, тогда надо повиноваться!

До положенія 19 февраля судъ надъ крестьянами повсѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя подлежатъ обыкновенно вѣдѣнію мироваго суда, принадлежалъ частью помѣщикамъ, частью земскимъ властямъ, исправнику, становому и т. д. Крестьяне были лишены такимъ образомъ права *самосуда*, права самостоятельнаго, независимаго суда. И такъ это и должно было быть. Отсутствіе самосудности вытекало прямо изъ сущности крѣпостнаго права. Крестьяне сами лишены были личной свободы, самостоятельности, на нихъ не смотрѣли какъ на равноправныхъ членовъ государства, ихъ считали *собственностью* владѣльца, а потому и судъ ихъ не былъ самостоятельнымъ, составлялъ тоже собственность владѣльца, помѣщика. Но это времячко наконецъ

прошло, наступила другая пора, *переходная пора*; на крестьянъ перестали смотрѣть, какъ на *собственность*, вѣчныя крѣпостныя отношенія ихъ къ помѣщику замѣнились *временно-обязанными*. Съ измѣненіемъ этихъ отношеній и самый судъ долженъ былъ измѣниться. Крестьяне стали теперь болѣе или менѣе лично свободными; судъ какъ необходимое слѣдствіе этой свободы, долженъ былъ перейти въ ихъ руки; но такъ какъ свобода ихъ была еще не полная, такъ какъ они пріобрѣли только полу-самостоятельность, потому что все еще находились въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику; то судъ перешелъ къ нимъ не весь, а только частью, и притомъ самою ничтожною частью (*); главнымъ образомъ онъ находится въ рукахъ мировыхъ посредниковъ, да земскихъ властей. Иными словами: крестьяне хотя и получили право самосудности, но въ очень ограниченной степени, сообразно съ тою долею свободы, которою они теперь пользуются. Но вотъ и это переходное время проходитъ. Личная свобода крестьянъ все болѣе и болѣе гарантируется, она пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе самостоятельности; во многихъ мѣстахъ уже обязательныя отношенія крестьянина къ помѣщику прерываются. Очевидно, что чѣмъ болѣе независимости, личной свободы пріобрѣтаетъ онъ, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ живѣе онъ чувствуетъ насущую потребность въ правѣ *самосуда*. И что такое личная свобода, личная самостоятельность безъ этого права? Пустыя слова—и ничего болѣе! *Самосудность* же проявляется въ мировомъ судѣ; чѣмъ онъ независимѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ онъ *народнѣе*, тѣмъ очевидно полнѣе и шире самосудъ крестьянъ. Слѣдовательно, мировой судъ, если онъ хочетъ дѣйствительно удовлетворить жизненную потребность освобождающагося народа, долженъ стремиться къ возможно-большей самостоятельности, долженъ находиться внѣ всякихъ вліяній помѣщиковъ и бюрократіи. Того ли же хотятъ разнообразныя предположенія и проекты о мировомъ судѣ, которые мы читали и въ литературѣ, и о которыхъ слышали такъ часто въ обществѣ?

Народъ, сказали мы, съ окончаніемъ переходнаго времени, вступитъ въ такое положеніе, при которомъ право самосудности является законною, необходимою потребностью его; мировой судъ

(*) Объ обширности власти нынѣшняго *волостнаю* суда можно судить по ст. 65, 68, 101 и др. Об. полож.

только тогда удовлетворитъ этой потребности, когда въ основаніи его будутъ лежать принципы, дѣлающіе его самостоятельнымъ, народнымъ судомъ. Въ предыдущей статьи мы разбирали проекты г. Сумарокова, въ основаніи коихъ лежатъ, какъ мы видѣли, принципы скорѣе совершенно противоположные. А это еще, не забудемъ, самые *либеральные* проекты, есть еще и хуже. Г. Юматовъ, съ братіей (т. е. съ современною лѣтописью «Дня»; онъ самъ сказалъ, что мнѣнія его раздѣляются этимъ почтеннымъ органомъ русской журналистики), предлагаетъ ввести въ мировой судъ начало чисто *бюрократическое*, чиновничіе.

Англоманны, которые хотятъ перенести съ англійской почвы цѣликомъ на нашу начало поземельно-аристократическое. А есть и такіе господа, которые убѣждены, что для того, чтобъ рѣшить удовлетворительно, а вмѣстѣ быстро и просто, вопросъ о мировыхъ судьяхъ, стоитъ только сосредоточить судебно-мировую власть въ рукахъ нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, и дѣло съ концемъ, и не будетъ это стоить никакихъ хлопотъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо придумано! Какъ просто, какъ скоро, какъ незатѣйливо устроимъ мы у себя мировой судъ. А что касается до того—удовлетворитъ ли этотъ судъ ту жизненную потребность народа, о которой мы говорили выше, то объ этомъ и не заботилися эти господа. «Хоть не ново, да благо уже готово». А до народа имъ и дѣла никакого нѣтъ. Точно также ни Сумароковъ, ни Юматовъ, и весь ихъ причетъ, рѣшительно и въ мысляхъ-то своихъ не имѣли ни народа, ни его современныхъ потребностей, составляя свои не мудреные проекты. Ихъ, впрочемъ, и упрекать за это нельзя; вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не для *мужиковъ* же они ихъ писали, и хоть правда, у нихъ подчасъ и встрѣчаются краснорѣчивыя разсужденія о нуждахъ и интересахъ земства, ну да, вѣдь, мы знаемъ, и читатель тоже вѣрно знаетъ, что

Умыселъ иной тутъ былъ.

Но довольно. Вернемся къ тому, на чемъ мы остановились. Мировой судъ, сказали мы, долженъ быть народнымъ, самостоятельнымъ судомъ, прежде всего. Какъ же достигнуть этого, какъ сдѣлать, чтобы судья стоялъ внѣ вліяніи аристократіи (поземельной, разумѣется), бюрократіи помѣщиковъ. Для этого

нужно, вопервыхъ, чтобы судья выбирался самимъ земствомъ *непосредственно* и, вовторыхъ, чтобы онъ постоянно находился подъ контролемъ выбравшаго его міра. Эти два условія необходимы. Но какъ достигнуть ихъ? Объ этомъ-то мы и будемъ теперь говорить. Прежде о первомъ выборѣ судьи. Долженъ ли *міръ* выбирать судью по большинству голосовъ, или по *сговору*, по единодушному согласію всѣхъ членовъ міра? Предположимъ, что міръ въ данномъ случаѣ представляетъ волость въ 1010 человѣкъ. Изъ нихъ 1000 человѣкъ крестьянъ, десять человѣкъ, положимъ, дворянъ помѣщиковъ. Разсмотримъ первый случай; пусть волость выбираетъ себѣ судей по большинству голосовъ *всей* волости; въ такомъ случаѣ очевидно большинство будетъ на сторонѣ крестьянъ, помѣщики должны будутъ подчиниться судьямъ, выбраннымъ крестьянами, т.-е. по большой части судьямъ изъ крестьянъ. Съ точки зрѣнія дворянъ это будетъ, разумѣется, вопіющая несправедливость. Хорошо еще, если дворяне довѣряютъ *судьямъ-мужикамъ*, а если нѣтъ? Въ мировомъ судѣ, какъ мы сказали въ нашей первой статьѣ, все основывается на довѣріи, а тутъ-то его именно и нѣтъ. Справедливо ли же это будетъ по-крайней-мѣрѣ съ точки зрѣнія земства? Положимъ, что 1000 человѣкъ крестьянъ состоятъ изъ крестьянъ имѣнія А., въ числѣ 100 душъ, изъ крестьянъ имѣнія В., въ числѣ 50 душъ, изъ крестьянъ имѣнія С., въ числѣ 150 душъ, и наконецъ изъ крестьянъ имѣнія X., въ числѣ 700 душъ. Положимъ, что крестьяне первыхъ имѣній А. В. С., въ ссорѣ съ крестьянами имѣнія X. А потому первые не хотятъ имѣть кандидатовъ вторыхъ мировыми судьями, и вторые—кандидатовъ первыхъ. Но такъ какъ вторые, т.-е. крестьяне имѣній X., составляютъ безусловное большинство, то понятно, что кандидаты первыхъ потерпятъ рѣшительное пораженіе, кандидаты послѣднихъ побѣдятъ. И такимъ образомъ крестьянамъ трехъ имѣній будутъ навязаны судьи, выбранные однимъ имѣніемъ, судьи къ которымъ они не чувствуютъ никакого довѣрія. А мировой судъ безъ довѣрія — чистая нелѣпость!

Итакъ, и съ точки зрѣнія земства выборъ по большинству голосовъ всего земства, также какъ и съ дворянской точки зрѣнія несправедливъ. Но можетъ быть намъ скажутъ, что мы взяли исключительный случай. Нисколько; это встрѣчается сплошь-да-рядомъ. Исключительности здѣсь нѣтъ никакой.

Разсмотримъ теперь второй случай. Для выбора судей по *сговору* необходимо единодушное согласіе всѣхъ членовъ волости, въ данномъ примѣрѣ всѣхъ 1010 человѣкъ.

Возможно ли это? Возможно ли, чтобы всѣ эти лица, съ столь противоположными интересами, какъ напримѣръ дворяне и крестьяне (при настоящемъ положеніи дѣлъ), или какъ крестьяне имѣній А, В, С, Х, довѣрялись, всѣ единодушно, одному или нѣсколькимъ людямъ. И опять-таки повторяю—это ни чуть не исключительный примѣръ. Потому-то мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, т.-е. въ выборѣ мировыхъ судей, способъ избранія по *соглашенію* всѣхъ членовъ волости и трудно примѣнимъ къ практики и даже совершенно излишенъ. Другое дѣло, еслибы рѣчь шла о выборѣ какого-нибудь должностнаго лица, власть котораго *одинаково обязательна* для всѣхъ членовъ волости, какъ напримѣръ волостнаго старшины, тогда дѣйствительно справедливѣе и лучше, по нашему мнѣнію, было бы, чтобъ для избранія его требовалось согласіе всѣхъ членовъ міра, безъ исключенія.

Совсѣмъ не то съ судебно-мировою властью мироваго судьи. Она обязательна только для тѣхъ членовъ міра, которые довѣряютъ судьѣ. Для другихъ членовъ, недовѣряющихъ ему, она не обязательна, но за то для нихъ обязательна власть другаго судьи, которому они довѣряютъ; для третьихъ—власть третьяго и т. д.

Слѣдовательно, мы видимъ, что оба способа избранія мировыхъ судей — избраніе по сговору, и избраніе по большинству голосовъ всего міра, никуда не годятся, и потому мнѣ кажется разумнѣе и справедливѣе выборъ мироваго судьи устроить такимъ образомъ. Пусть его выбираютъ не по большинству голосовъ всей волости, а просто по извѣстному числу голосовъ. Всякій кандидатъ, имѣющій *такое-то* число голосовъ, положимъ хоть 300, имѣетъ право быть мировымъ судьею.

Опредѣлять это число, равно какъ и число мировыхъ судей, разумѣется, слѣдуетъ предоставить самой волости, самому міру; онъ назначитъ его сообразно съ своимъ взглядомъ на этотъ предметъ, и своими средствами (*).

(*) Выборы могутъ производиться и иначе, какъ я уже сказалъ въ моей статьѣ «О мировыхъ судьяхъ», «Время» III книж. Каждая волость составляетъ предва-

*

Однако или напримѣръ, кандидатъ, выбранный дворянами, помѣщиками, не имѣетъ установленнаго числа голосовъ, и дворяне между тѣмъ не хотятъ подчиниться судьямъ-мужикамъ, то, имѣя въ виду то недовѣріе, тотъ можно сказать антагонизмъ, который господствуетъ въ настоящее время между крестьянами и помѣщиками, мнѣ кажется, *во имя справедливости*, слѣдуетъ предоставить послѣднимъ право выбирать мироваго судью изъ своей среды, не стѣсняясь опредѣленнымъ числомъ голосовъ. Конечно, мѣра эта будетъ мѣрою временною, переходною такъ сказать. По мѣрѣ того, какъ это недовѣріе будетъ исчезать, изглаживаться, разумѣется, мѣра эта потеряетъ всякое значеніе.

До сихъ поръ недовѣріе между обоими сословіями, между крестьянствомъ и дворянствомъ, имѣло своимъ источникомъ то положеніе, въ которомъ находились оба сословія, въ отношеніи другъ друга. Крестьяне смотрѣли на помѣщиковъ, какъ на своихъ враговъ, посягающихъ на ихъ собственность, налагающихъ свою тяжелую руку на самую ихъ свободу; очевидно, что они, какъ только представлялся удобный случай, старались высвободиться изъ подъ этой руки. Помѣщики, въ свою очередь, смотрѣли на нихъ, какъ на существа *низшія*, какъ на свою собственность, платя сторицею за всякое непріязненное дѣйствіе со стороны крестьянъ. Отсюда между ними или вѣчная борьба, борьба невидная, незамѣтная, не поражающая, быть можетъ, ваши глаза, но тѣмъ не менѣе существующая, или тупое, подобострастное рабство съ одной стороны и безграничный, наглый деспотизмъ съ другой. Могло ли же при такомъ положеніи дѣлъ установиться что нибудь похожее на довѣріе?

Но вотъ личная свобода крестьянина все болѣе и болѣе выбивается изъ подъ ферулы помѣщика; его матеріальное благосостояніе получаетъ новыя гарантіи, увеличивается, и вслѣдствіе этого увеличивается и его умственный капиталъ; онъ начинаетъ

рительный списокъ кандидатовъ; кандидатомъ можетъ быть всякій, имѣющій извѣстное число голосовъ — какое это будетъ число, пусть опредѣлитъ само земство. Въ уѣздномъ съѣздѣ депутатовъ всѣхъ волостей уѣзда, составляется изъ предварительныхъ списковъ кандидатовъ, общій списокъ мировыхъ судей, для всего уѣзда, и потомъ они распредѣляются по волостямъ. Въ сущности это одно и то же. Только въ первомъ случаѣ земство непосредственно назначаетъ нужное число мировыхъ судей, а во второмъ непосредственно, черезъ своихъ депутатовъ, вотъ и вся разница.

развиваться, образоваться; отношенія его къ помѣщику измѣняются; онъ перестаетъ смотрѣть на него, какъ на непремѣннаго властелина своей судьбы, какъ на своего врага. Помѣщикъ тоже мѣняетъ свой взглядъ на крестьянина, какъ на свою собственность, начинаетъ мало по малу признавать и уважать въ немъ права *человѣка*, такого же, какъ и онъ самъ.

Положеніе дѣлъ такимъ образомъ измѣняется, а съ измѣненіемъ его исчезаетъ и главная причина, порождавшая недовѣріе между сословіями. А исчезнетъ эта причина, исчезнетъ и самое недовѣріе, исчезнетъ антагонизмъ. Интересы дворянства и земства обобщются!

Ну, а пока это вожделѣнное времечко не пришло еще, предоставимъ помѣщику право имѣть судей, также независимыхъ отъ крестьянъ, какъ крестьяне будутъ имѣть судей, независимыхъ отъ помѣщиковъ.

Это, конечно, анахронизмъ. Но что дѣлать, потерпимъ его покамѣстъ—потерпимъ, какъ мы терпимъ въ настоящее время превеликое множество другихъ, неменѣе чудовищныхъ анахронизмовъ.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что существованіе отдѣльнаго суда для дворянства и крестьянства будетъ новымъ пунктомъ разъединенія между сословіями, надолго отдалитъ слитіе ихъ, продлитъ настоящій порядокъ дѣлъ. А мы такъ думаемъ напротивъ. Это будетъ новою точкою соприкосновенія, новою ступенью къ сближенію, соединенію. Судья-мужикъ будетъ сидѣть на одной скамьѣ съ судьею-дворяниномъ. Оба будутъ облечены одинаковою властью; равноправность, хотя въ этомъ одномъ отношеніи, возвыситъ мнѣнія крестьянина о самомъ себѣ, заронитъ въ душу его сознаніе своего собственнаго достоинства. Помѣщикъ тоже иначе станетъ смотрѣть на *мужика*, сидящаго на одной съ нимъ судейской лавки. Потому то мнѣ и кажется, что *отдѣльность* и вмѣстѣ *самостоятельность* судовъ будетъ способствовать слитію, примиренію сословій, и способствовать во всякомъ случаѣ уже болѣе, чѣмъ *общность суда*. Общность суда, при настоящемъ положеніи дѣлъ, при настоящемъ отношеніи дворянъ къ крестьянамъ, будетъ только еще больше ссорить сословія, разжигать теперешній антагонизмъ, поддерживать недовѣріе.

Навязать одного судью—будетъ ли этотъ судья изъ крестьянъ или изъ дворянъ, все равно,—сословіямъ съ столь противупо-

ложными интересами и симпатіями (разумѣется, я говорю только о настоящемъ времени)—такъ же нелѣпо, какъ навязать напримѣръ общаго государя Франціи и Англіи, или Австріи и Италіи. Выдумывать подобныя соединенія довольно безсмысленно. Съ насъ довольно и того, что мы нашли способъ сдѣлать мироваго судью, земство независимымъ отъ помѣщиковъ и бюрократіи. А что касается до мудреныхъ и остроумныхъ фокусовъ, въ родѣ *навязыванія* судьи одного сословія и другому, или соединеніе Италіи и Австріи подъ благодушнымъ скипетромъ Франца-Іосифа, то мы предоставляемъ ихъ людямъ съ болѣе широкимъ и смѣлымъ полетомъ фантазіи, чѣмъ наша собственная.

Мировой судья земства будетъ непосредственно выбираться самимъ земствомъ, безо всякихъ постороннихъ вліяній.

Но это еще не все. Мало того, что выборъ судьи независимъ, надо еще, чтобы и въ продолженіе всей своей практики сохранилъ онъ эту независимость; надо, чтобы приговоры и судъ его, такъ же какъ и выборы, стояли внѣ всѣхъ *неземскихъ* вліяній; только тогда судъ этотъ будетъ справедливъ. Отсутствіе *противуземскихъ* вліяній будетъ мѣркою справедливости суда; иными словами: *чѣмъ судъ независимѣе, тѣмъ онъ справедливѣе.* Простѣе, понятнѣе этой формулы ничего не можетъ быть. Какъ же достигнуть этой независимости? Или лучше, что надо сдѣлать, чтобы приговоры суда были всегда справедливы, настолько, разумѣется, насколько это зависитъ отъ судьи?

Прежде всего необходимо, чтобы судьи выбирались изъ людей честныхъ, *благородныхъ,* справедливыхъ, добросовѣстныхъ и т. п.— это понимается само собою. Но вѣдь кромѣ отвлеченныхъ понятій долга, справедливости и т. д. есть еще неменѣе могучій двигатель человѣческихъ поступковъ—это личная выгода, личный интересъ. Пусть судья будетъ *лично* заинтересованъ въ томъ приговорѣ, который онъ произноситъ; пусть онъ видитъ, что съ *справедливымъ* приговоромъ сопряжена его *личная* выгода, и наоборотъ, съ несправедливымъ—его личный проигрышъ, убыль,—и будьте увѣрены, несправедливыя рѣшенія судовъ исчезнутъ, или покрайней мѣрѣ значительно уменьшатся. Справедливость приговора получитъ новую, сильную гарантію. Да, личная выгода великій двигатель, она вліяетъ на всѣ, даже самые незначительные человѣческіе поступки. И вотъ, основываясь именно на этомъ, я говорилъ въ моей первой статьѣ, что мировые судьи должны

получать вознагражденіе отъ *міра* сообразно съ числомъ совершенныхъ ими дѣлъ. Изъ этого положенія, по моему мнѣнію, вытекаютъ слѣдующіе результаты: мировой судья будетъ стараться привлечь къ себѣ какъ можно больше тяжебныхъ, спорныхъ дѣлъ; но привлечь къ себѣ тяжущихся онъ можетъ только постоянною справедливостью своихъ приговоровъ, потому что мы довѣряемъ только тому суду, въ справедливыхъ рѣшеніяхъ котораго не сомнѣваемся. Итакъ, быть въ своихъ приговорахъ *возможно-справедливымъ* — требуетъ собственная выгода судьи. Такимъ образомъ мѣра эта, ставя судью внѣ постороннихъ, противуземскихъ вліяній, подчиняя его общественному контролю съ одной стороны, съ другой—гарантируетъ правильность его суда.

Однако, на наше предложеніе намъ могутъ возразить слѣдующее: судья—скажутъ намъ—долженъ получать жалованье сообразно числу вершенныхъ дѣлъ; но развѣ можно измѣрять заслуги судьи количествомъ, а не качествомъ вершенныхъ дѣлъ; у одного судьи, положимъ, въ годъ перебываетъ шестьдесятъ тяжбъ, но такихъ пустыхъ, что для рѣшенія ихъ ему будетъ достаточно какихъ нибудь четырехъ недѣль въ годъ; у другаго въ годъ перебываетъ неболѣе тридцати дѣлъ, но такихъ дѣлъ, что для рѣшенія ихъ онъ долженъ употребить полтора или даже два мѣсяца, т. е. шестьдесятъ дней, слѣдовательно въ теченіе года одинъ судья—первый, будетъ занятъ тридцать дней, другой шестьдесятъ. И однако, несмотря на это, несмотря на то, что второй судья занятъ въ два раза больше чѣмъ первый, послѣдній получитъ жалованья въ два раза болѣе, чѣмъ второй, т. е. какъ разъ, трудъ занятій судей обратно пропорціоналенъ ихъ вознагражденію. Гдѣ же тутъ справедливость?

Это такъ. Очень можетъ быть, что вознагражденіе и не будетъ вполнѣ, до малѣйшей точности равно труду судьи. Но разница эта будетъ такъ незначительна, что о ней и говорить не стоитъ.

Въ мировомъ судѣ вѣдаются обыкновенно дѣла до того пустыя и несложныя, что по скорости рѣшенія ихъ они почти всѣ равны, такъ что не будетъ большой ошибки, если мы станемъ соразмѣрять трудъ судьи по количеству, а не по качеству (такъ какъ въ этомъ отношеніи онѣ почти равны) вершенныхъ дѣлъ. Если же какъ-нибудь и встрѣтится судьѣ запутанное дѣло (хотя мы никакъ не можемъ допустить, чтобы всѣ дѣла запутанныя,

сложный — шли къ другому; это рѣшительно невозможно, это чистая нелѣпость), то онъ будетъ стараться рѣшить его съ возможною скоростью, не упуская при томъ изъ виду справедливости, такъ какъ этого будетъ требовать его собственная, личная выгода—и эта выгода на этотъ разъ совпадетъ съ выгодою самихъ тяжущихся. Чѣмъ скорѣе и справедливѣе рѣшитъ онъ трудное дѣло, тѣмъ больше чести для него, тѣмъ больше довѣрія пріобрѣтетъ онъ. Слава его упрочится, и вмѣстѣ съ этимъ увеличится и самая его прибыль, его вознагражденіе; итакъ, каждое скорое, правильное рѣшеніе запутанной тяжбы повлечетъ за собою увеличеніе *количества* дѣлъ, и пропорціонально этому и увеличеніе жалованья. Такимъ образомъ запутанныя, многосложныя тяжбы скорѣе выгодны, чѣмъ невыгодны для судьи. Этимъ мы и покончимъ съ вопросомъ о вознагражденіи мировыхъ судей. Поговоривъ достаточно о матеріальныхъ двигателяхъ правосудія, скажемъ нѣсколько словъ и о духовныхъ. Какія нравственныя качества требуются отъ мироваго судьи? Отъ него требуется, разумѣется, добросовѣстность, честность, извѣстная доля здраваго смысла, наконецъ самостоятельность, твердость характера; а такъ какъ предполагается, что человѣкъ одаренный всѣми этими прекрасными качествами, долженъ пользоваться довѣріемъ *міра,* или на оборотъ, довѣріе *міра* есть вѣрный признакъ того, что человѣкъ, пользующійся имъ, обладаетъ всѣми *вышеупомянутыми* качествами, то слѣдовательно первое условіе для выбора мироваго судьи должно быть *довѣріе* къ нему общества. Другимъ ограничительнымъ условіемъ при выборѣ — какъ я сказалъ въ первой статьѣ—должно быть умѣнье читать и писать. И только эти два условія мы и допускаемъ; всѣ другія, въ настоящее время, и безцѣльны и не современны.

Противъ этого, однако, намъ часто случалось слышать мнѣнія и въ обществѣ и въ литературѣ. Самые проекты о мировыхъ судахъ, почти всѣ до одного, ясно даютъ замѣтить, что они тоже держатся противнаго мнѣнія, потому что всѣ они передаютъ судебную власть въ руки образованнаго, привилегированнаго класса: въ руки чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, другіе — многоземельнымъ помѣщикамъ, третіи — выбраннымъ (земствомъ или дворянствомъ) лицамъ, получившимъ образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (то-есть привиле-

гированнымъ, все-таки, классамъ) и т. д. Но на чемъ же основываютъ всѣ эти господа свое мнѣніе?

Но сколько намъ случалось слышать вотъ на чемъ.

«Въ нашихъ необразованныхъ, простыхъ мужикахъ» — говорятъ они—«*чувство законности* слишкомъ мало развито, чтобы положиться на правильность ихъ суда, не гарантируя себя ничемъ, кромѣ внутренняго убѣжденія, что его *правда* согласна съ *правдою* закона. Какъ не просты и не запутаны дѣла, подлежащія вѣдомству мироваго суда, все-таки нельзя вполнѣ положиться въ рѣшеніи ихъ, на простаго мужика, не знающаго законовъ, никогда и въ глаза невидавшаго ни одного изъ многочисленныхъ томовъ свода законовъ Россійской имперіи, на мужика, въ которомъ нѣтъ врожденнаго чувства справедливости, чувства долга, который грубъ, невѣжественъ, не развитъ, испорченъ, и т. д. и т. д....»

Но спросимъ прежде всего у этихъ господъ: на чемъ основываютъ они свое безотрадное мнѣніе о русскомъ крестьянинѣ? почему думаютъ они, что онъ лишенъ чувства справедливости, законности и т. д.?

Одинъ ученый мужъ, пользовавшійся нѣкоторое время незаслуженною славою хорошаго професора, разсуждая, кажется, годъ тому назадъ, на одной публичной лекціи (читанной имъ въ залѣ Пассажа) о присяжныхъ, упрекалъ тоже нашъ бѣдный народъ за отсутствіе въ немъ чувства долга, справедливости, законности. Свое грустное мнѣніе о русскомъ народѣ почтенный профессоръ основывалъ на слѣдующихъ фактахъ: народъ нашъ боится, бѣгаетъ суда, на судей онъ смотритъ почти какъ на своихъ враговъ, не довѣряетъ имъ (другой причины, объясняющей это дѣйствительно, повидимому, странное явленіе — профессоръ, видите ли, не потрудился поискать); спасти осужденнаго, способствовать побѣгу каторжника, укрыть его, уберечь его отъ погони, отъ сыщиковъ, считаетъ онъ дѣломъ милосердія, своимъ долгомъ, своею обязанностью; забывая или лучше сказать не понимая,— что исполняя этотъ мнимый долгъ — онъ нарушаетъ *святой законъ*, онъ оскорбляетъ справедливость, — и еслибы професоръ говорилъ слова эти, теперь, въ августѣ мѣсяцѣ 1862 года, онъ не преминулъ бы въ подкрѣпленіе ихъ привести тотъ случай, который произошелъ ныньче въ Таганрогѣ. Плотники отказались чинить эшафотъ, который понадобился начальству для наказанія плетьми

двухъ преступниковъ на томъ же основаніи: что «не хотятъ-де они топоровъ своихъ марать объ этакое срамное дѣло» (*).

«Вотъ», вскричалъ бы торжествующій професоръ,—какъ «заглохло чувство законности и справедливости въ русскомъ крестьянинѣ. Взгляните на этихъ невѣжественныхъ плотниковъ. Они отказываются исполнить *законное* требованіе начальства; они не въ состояніи понять всей справедливости приговора, всей разумности закона. Жалкое мягкосердіе да мнимое милосердіе—вотъ, что руководитъ всѣми ихъ поступками, вмѣсто разумныхъ требованій закона и правды. О невѣжественный, о грубый народъ!»

Да, жалѣемъ мы, очень жалѣемъ, что не могъ тогда же подтвердить почтенный профессоръ своихъ словъ этимъ блистательнымъ доказательствомъ, рѣшительнымъ доказательствомъ рѣшительнаго невѣжества русскаго народа, отсутствіе въ немъ всякаго чувства справедливости. Однако, мы утѣшаемъ себя покрайней-мѣрѣ тѣмъ, что нынѣшніе сторонники г. професора, отрицающіе, подобно ему, чувство долга, законности и справедливости въ крестьянинѣ, — не преминутъ воспользоваться этимъ случаемъ, какъ новымъ побѣдоноснымъ доказательствомъ справедливости своего мнѣнія.

Да, случай этотъ убѣдителенъ — убѣдилъ и насъ. Да, наши противники правы, совершенно правы,—мы не сходимся съ ними только въ словахъ; но это сущіе пустяки. Такъ напримѣръ, то, что они называютъ жалкимъ мягкосердечіемъ, мнимымъ милосердіемъ, или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого,—мы, на своемъ невѣжественномъ языкѣ осмѣливается назвать: глубокою гуманностью, разумною, высшею справедливостью. А такъ какъ по нашему мнѣнію, не знаю такъ ли, по мнѣнію нашихъ противниковъ,—законъ долженъ быть выраженіемъ этой высшей справедливости, то да позволено намъ будетъ признать въ крестьянинѣ высокое развитіе *истинно-законнаго* чувства, стремленіе къ правосудію. И все это мы основываемъ, разумѣется, на тѣхъ же самыхъ фактахъ, которые приводятъ наши противники для доказательства, какъ разъ противоположнаго. Такъ, ложь и клевета всегда поражаютъ себя своимъ же собственнымъ орудіемъ.

Наконецъ, если мы вспомнимъ теперь ту грустную обстановку, среди которой жилъ нашъ народъ, многовѣковое рабство, ни въ

(*) «Современное слово», «Сѣв. Пч.» №№ до 22 августа.

какомъ случаѣ, конечно не способствовавшее развитію въ немъ честности, чувства справедливости и законности; если мы вспомнимъ грустную, печальную жизнь его, въ которой онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ обманъ, насиліе, произволъ, несправедливости всякаго рода,—то поневолѣ станемъ удивляться что сохранилъ онъ еще въ себѣ столько истинной гуманности, столько человѣколюбія, мягкости и состраданія къ своимъ страждущимъ братьямъ; что сердце его осталось еще такимъ чистымъ и не испорченнымъ, не смотря на всю грязь и испорченность окружающей его среды. Да, сильно должно быть было въ немъ врожденное чувство справедливости, коли ничто не могло поколебать его, коли онъ устоялъ противъ всевозможныхъ искушеній. А ихъ было не мало.

Уже это одно служитъ важнымъ поручительствомъ за правильность приговоровъ судьи-крестьянина; уже это одно составляетъ для тяжущихся не малую гарантію.

Впрочемъ, мы отнюдь не отрицаемъ, что знаніе, въ нѣкоторой степени, закона для мироваго судьи необходимо.

Уже не говоря о томъ, что чувство справедливости крестьянина очень часто въ разлукѣ съ закономъ, — опредѣлить мѣру взысканія, степень виновности подсудимаго, человѣку, неимѣющему никакого понятія о законѣ, рѣшительно невозможно.

Приведите къ простому крестьянину двухъ спорящихся. Онъ тотчасъ вамъ скажетъ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Глаза его еще не настолько затемнены различными туманными теоріями *доказательствъ* да *законныхъ уликъ*, чтобы сразу не отличить *хорошаго* отъ *худаго*; сердце его, если не настолько черство и испорчено, чтобы не понять, почти инстинктивно, что *дурно*, что *хорошо*.

Но какъ только спросите его, въ *какой мѣрѣ* виноватъ или виновенъ спорящійся, какое взысканіе или вознагражденіе слѣдуетъ опредѣлить—вы увидите: онъ или станетъ въ *тупикъ* или назначитъ и то и другое *наобумъ*, что называется «по вдохновенію». Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ обратиться за помощью закона. Онъ это и укажетъ ему, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Тамъ, гдѣ молчитъ внутренній законъ—подскажетъ формальный. Но опять-таки повторяю, для этого не надо ни высокаго образованія, ни особенныхъ патентовъ и атестатовъ изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, ни спеціальнаго изученія законовъ.

Въ нѣсколько времени добросовѣстной практики, судья пріобрѣтетъ себѣ то знаніе закона, которое требуется его службою, особенно, если мы вспомнимъ быструю смѣтливость и сообразительность русскаго человѣка.

Наконецъ, чтобы еще болѣе облегчить исполненіе судейскихъ обязанностей — судьѣ-крестьянину, стоитъ только ввести въ нашихъ народныхъ школахъ элементарное изученіе законовъ имперіи. Польза этого нововведенія была бы очевидна. Крестьяне знали бы тогда права и обязанности, налагаемыя на нихъ закономъ; знаніе это избавило бы крестьянина отъ многихъ проступковъ, заблужденій и ошибокъ, въ которыя онъ очень часто впадаетъ по невѣдѣнію *преступности* этихъ дѣйствій, по незнанію, какъ относится къ нимъ законъ. Присяжные юристы смѣются надъ этимъ обыкновенно; они считаютъ отговорку «по невѣдѣнію закона» пустою, не стоющею вниманія отговоркою. Имъ кажется, что еслибъ крестьянинъ и дѣйствительно не зналъ, что *такое-то* дѣйствіе запрещается закономъ, а *такое-то* нѣтъ, то и тогда внутренній голосъ долженъ бы ему подсказать, что *это* дѣлать дурно, нехорошо, а *то* похвально, хорошо; а если внутренній голосъ молчитъ, то значитъ крестьянинъ испорченъ — его надо наказывать. Чрезвычайно убѣдительно. Только эти мудрые судьи забыли, что правда крестьянина, *простаго*, *темнаго* человѣка, часто—и можетъ-быть даже чаще, чѣмъ они думаютъ,—расходится съ *правдою* закона.

Мы кончили съ разборомъ мнѣній нашихъ противниковъ. Ихъ главное положеніе, заключающееся въ отрицаніи чувства *законности* и справедливости въ народѣ, — не имѣетъ никакого основанія; что если уже кого и можно упрекнуть въ недостаткѣ этого чувства—то конечно никого больше, какъ ихъ самихъ; что, наконецъ, знаніе закона, на первое время, нужное для мироваго судьи, легко и скоро можетъ быть пріобрѣтено практикою, а введеніе элементарнаго обученія законовѣдѣнія въ народныя школы еще болѣе облегчитъ судьѣ-крестьянину исполненіе его судейскихъ обязанностей.

Но что же мы скажемъ теперь въ пользу *своего* мнѣнія. Опровергнувъ противоположные доводы, мы доказали его *отрицательно*, сдѣлали дѣло только на половину. Какія же *положительныя* доказательства приведемъ мы, для подкрѣпленія способа и выбора мироваго судьи, предлагаемаго нами. А вотъ какія.

Кромѣ того, что такой судъ будетъ удовлетворять *законной* потребности народа, вступающаго въ новое положеніе, въ новую эру своей исторіи—потребуется *самосуда*; кромѣ того, что онъ будетъ новой точкой соприкосновенія, новой ступенью сближенія дворянства и крестьянства, какъ мы говорили выше, — онъ одинъ только въ состояніи пріобрѣсти довѣріе и уваженіе земства. До сихъ поръ этотъ судъ былъ въ рукахъ людей, на которыхъ земство смотрѣло, какъ на своихъ враговъ; теперь онъ переходитъ въ руки самаго земства, дѣлается *земскимъ*, *народнымъ* судомъ. Причины, которыя порождали въ первомъ случаѣ недовѣріе, неуваженіе къ суду, которыя заставляли бояться и избѣгать его, недовѣрять, отрицать его правосудіе—эти причины исчезнутъ сами собой. Довѣріе, уваженіе къ суду, *сознательное* подчиненіе его приговорамъ—возстановятся съ полною силою. И пусть тогда тѣ, которые теперь наивно утверждаютъ, что народъ нашъ боится суда хуже смерти, по отсутствію въ немъ чувства справедливости и т. д., посмотрятъ тогда на этотъ же самый народъ. Будетъ ли онъ бѣгать отъ суда, будетъ ли онъ бояться его правосудія и т. д., однимъ словомъ перемѣнятся ли его отношенія къ новому суду, или все останется по прежнему?

Для того, чтобы связать судъ еще тѣснѣйшими узами съ земствомъ, чтобы еще болѣе гарантировать правильность суда, я предлагаю, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ, т. е. когда дѣло запутано, трудно, не *въ моготу* судьѣ,—предоставить ему право призывать въ судъ *мировыхъ присяжныхъ*. По выбору той и другой тяжущейся стороны судья, разумѣется, опять повторяю, только въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ, призываетъ въ судъ нѣсколько лицъ, указанныхъ тяжущимися, излагаетъ сущность спорнаго дѣла, свое о немъ мнѣніе, и наконецъ съ ихъ помощью и совѣтомъ рѣшаетъ его. Мѣра эта будетъ служить сильнымъ ручательствомъ для тяжущихся въ справедливости приговора. Тяжущіе сами выбрали себѣ судей, какъ же и не довѣриться этимъ судьямъ?

Намъ только могутъ замѣтить на это, что такая мѣра можетъ быть обременительна для присяжныхъ; отъ работы, въ самую горячую пору, съ неубраннаго, быть можетъ, поля ихъ отрываютъ въ судъ.

Но, во первыхъ, намъ кажется, что рѣдкость и исключительность этихъ случаевъ сдѣлаютъ для нихъ эту обязанность почти

нечувствительною, а во вторыхъ, ее можно сдѣлать еще менѣе замѣтною, еще болѣе легкою, стоитъ только уничтожить *принудительность* явленія въ судъ вызванныхъ присяжныхъ. Хотятъ—пусть идутъ, не хотятъ—пусть остаются дома. Если судья не найдетъ себѣ присяжныхъ—онъ рѣшитъ дѣло по собственному разумѣнію. Гарантій въ правдивости приговора будетъ, разумѣется, менѣе; но кто же отъ этого будетъ страдать? Конечно, само же земство. Всякое неправильное рѣшеніе, всякое самое малѣйшее уклоненіе суда отъ истины, непремѣнно отзовется цѣлому міру, непремѣнно окажетъ, рано или поздно, дурное вліяніе даже на самое матеріальное благосостояніе земства. И потому прямая выгода каждаго члена общества состоитъ въ томъ, чтобы стараться о возможно большей справедливости своего суда, не упускать изъ виду ни одного отъ него зависящаго средства, чтобы достигнуть этой цѣли; и потому то безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ каждый гражданинъ, каждый членъ міра пойметъ, что и долгъ и выгода его требуютъ не отказываться присутствовать въ судѣ, если присутствіе это хотя сколько нибудь можетъ помогать и гарантировать правильность рѣшеній. Принудительныя же мѣры тутъ будутъ и излишни и вредны. Исполнять свой долгъ, по внутреннему убѣжденію въ его полезности и разумности, легко и пріятно; исполнять его по принужденію, подъ страхомъ подвергнуться взысканію *столькихъ-то* копеекъ, за уклоненіе отъ него—отвратительно, тягостно.

Теперь, въ заключеніе этихъ замѣтокъ, рѣшимъ еще одинъ вопросъ: «на долгій или короткій срокъ слѣдуетъ выбирать судью? Нормою короткаго срока пусть будетъ, напримѣръ, два-три года, долгаго—десять, восемь лѣтъ.

Преимущество короткаго срока состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ ставитъ судью въ большую зависимость отъ земства, подчиняетъ его сильнѣйшему общественному контролю. Долгій срокъ имѣетъ ту выгоду, что онъ дастъ судьѣ время ознакомиться съ законами, съ обязанностями своей службы, пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ *въ дѣлахъ судейскихъ*. А это очень важная выгода. И если мы примемъ въ соображеніе, что судья и безъ короткости срока службы, уже достаточно подчиненъ земству, что общественный контроль и безъ того будетъ довольно силенъ, что и безъ того уже земство будетъ имѣть много могущественныхъ гарантій справедливости своего суда, то

мы должны будемъ склониться въ пользу долгаго срока службы; судья все таки не уйдетъ отъ мірскаго контроля, не подчинится противуземскимъ вліяніямъ, не отречется отъ интересовъ земства; слѣдовательно, долготы срока бояться нечего, и такъ какъ онъ притомъ приноситъ такія очевидныя выгоды, то безъ всякаго сомнѣнія онъ и долженъ быть предпочтенъ короткому.

Формулируемъ теперь наши мысли.

Мировой судъ долженъ въ настоящее время удовлетворить заслуженную, законную потребность освобождающагося народа—потребность *самосуда*. Чтобы удовлетворить этой потребности мировой судъ долженъ быть прежде всего *народнымъ земскимъ* судомъ, независимымъ отъ вліяній помѣщиковъ и бюрократіи. Для достиженія этой цѣли слѣдуетъ въ 1) дать право всѣмъ грамотнымъ людямъ земства быть мировыми судьями, *если земство того хочетъ*; 2) устроить такъ, чтобы выборъ въ мировые судьи *исключительно* и *непосредственно* зависѣлъ отъ земства. Чтобы гарантировать правосудіе мироваго суда, надо: 1) подчинить судей общественному контролю, 2) соразмѣрить жалованье судьѣ по числу вершенныхъ имъ дѣлъ, 3) учредить мировыхъ присяжныхъ.

17.

(О безпорядкахъ въ Пензенской губерніи при объявленіи Положенія.)

Вѣсть о совершившемся въ Россіи великомъ преобразованіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости была въ первыхъ числахъ марта привезена въ Пензу командированнымъ по Высочайшему повелѣнію свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Дренякинымъ. Быстро разлетѣлись повсюду листки манифеста, такъ что черезъ три дня вся Пензенская губернія и всѣ помѣщичьи крестьяне, до 260 тысячъ душъ, знали уже объ открывающейся для нихъ новой и свѣтлой будущности. Но, не сознавая еще вполнѣ своихъ правъ, крестьяне находились въ лихорадочномъ ожиданіи присылки Положенія о своемъ переходномъ состояніи. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, послѣ оглашенія манифеста, прибылъ и фельдъегерь съ опоздавшими экземплярами Положенія, которые немедленно были разосланы по всѣмъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Не будучи въ состояніи въ точности уразумѣть Высочайше дарованныя имъ милости, крестьяне обращались къ каждому грамотѣю съ просьбою разъяснить имъ изложенныя въ положеніи правила. Вслѣдствіе этого, не только каждая деревня, но почти каждый крестьянинъ по своему толковалъ каждый параграфъ Положенія, и по этому случаю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникли было незначительныя недоразумѣнія, которыя, впрочемъ, тотчасъ же разрѣшались самими помѣщиками, если это случалось въ имѣніяхъ, гдѣ они находились на лицо или же немедленно прибывавшими на мѣсто происшествій уѣздными предводителями дворянства или чиновниками земской полиціи. При этомъ не лишнее замѣтить, что большая часть ослушаній крестьянъ случалась въ имѣніяхъ, завѣдываемыхъ управляющими, которые, какъ къ сожалѣнію извѣстно, никогда не пользовались осо-

беннымъ довѣріемъ крестьянъ, потому и при правильномъ толковании Положенія, крестьяне имъ не вѣрили, полагая, что ихъ обманываютъ. И дѣйствительно, крестьяне были правы: могли ли они придавать вѣру словамъ людей, ихъ притѣснявшихъ и, почти утвердительно можно сказать, выжимавшихъ изъ нихъ сокъ. При просьбѣ крестьянъ о смягченіи работъ или же другой какой либо повинности, у каждаго управляющаго всегда была въ запасѣ отличная отговорка: «никакъ не могу, ребята, этого сдѣлать безъ разрѣшенія моего довѣрителя; онъ съ меня же взыщетъ». А довѣритель между тѣмъ жилъ гдѣ нибудь въ Петербургѣ или за границей и конечно не зналъ о злоупотребленіяхъ, дѣлавшихся въ его имѣніи, да и какое ему было до этого дѣло, лишь бы въ срокъ, да и побольше высылалось ему денегъ.

Такъ случились незначительныя недоразумѣнія въ имѣніяхъ г.г. Данилевскаго, Дубенскаго и другихъ, гдѣ по прибытіи военной команды и уѣздныхъ предводителей все успокоилось и пришло въ надлежащій порядокъ.

Но 5 апрѣля Чембарскаго уѣзда всѣ имѣнія графа Уварова, въ числѣ до 4 т. душъ, совершенно отказались отъ работъ и отправленія повинностей въ пользу своего помѣщика. Чембарскій уѣздный предводитель дворянства. кн. Енгалычевъ, немедленно отправился съ земскимъ исправникомъ Андреевымъ въ дер. Черногай, главное мѣсто сборища уваровскихъ крестьянъ. Но всѣ внушенія князя Енгалычева и его вразумленія остались тщетными. Собравшаяся толпа упорно отвѣчала: знать не хотимъ помѣщика!...

«Кто же вамъ это сказалъ, ребята?» спрашивалъ предводитель. «Намъ сказалъ это нашъ священникъ. Послали за священникомъ ихъ прихода, Студенки, который въ это время находился въ Черногаѣ и бражничалъ съ крестьянами. По прибытіи его въ избу, гдѣ помѣщался предводитель съ другими чиновниками, священникъ Ѳедоръ Померанцевъ, при находившихся въ избѣ крестьянахъ, обратился прямо къ князю Енгалычеву: «для чего вы уговариваете крестьянъ работать? гдѣ вы это въ манифестѣ вычитали, полноте философствовать!» Послѣ этихъ словъ онъ вышелъ изъ избы, и всѣ крестьяне, конечно, послѣдовали за нимъ (*). Предводитель

(*) Священникъ Померанцевъ, какъ впослѣдствіи оказалось при снятіи показаній съ крестьянъ, былъ, почти утвердительно можно сказать, главнымъ виновникомъ возмущенія: онъ сосланъ на вѣчное житье въ Соловецкій монастырь.

вторично послалъ за стариками домохозяевами, надѣясь уговорить ихъ образумиться. Но едва они вошли въ избу, какъ вслѣдъ за ними вбѣжалъ молодой крестьянинъ, по прозванію Минцевъ (*), закоренѣлый малаканъ, выбранилъ всѣхъ чиновниковъ и въ шею вытолкалъ стариковъ, говоря имъ, что они вольные и никого не слѣдуетъ слушаться.

Видя, что никакія увѣщеванія и ничто не дѣйствуетъ, вся коммисія отправилась обратно въ Чембаръ и донесла объ этомъ происшествіи начальнику губерніи.

По полученіи донесенія, въ тотъ же день за № 1382, губернаторъ предписалъ чембарскому земскому исправнику слѣдующее:

«Соберите уваровскихъ крестьянъ и объявите имъ отъ моего имени слѣдующее: новое Положеніе для помѣщиковъ и крестьянъ утверждено царемъ. Ни я, губернаторъ, и никто въ свѣтѣ не можетъ къ нему ничего ни прибавить ни убавить. Кто сего Положенія не будетъ выполнять въ точности, дворянинъ онъ или мужикъ, будетъ ослушникъ царской воли и наказанъ по всей строгости законовъ. Если уваровскіе люди поймутъ мои слова и пойдутъ на работу, то на первый разъ я имъ прощаю; если же не образумятся, то сейчасъ соберите временное отдѣленіе и произведите строгое слѣдствіе. Если нужно, поставьте у нихъ военную команду. Всѣхъ упорныхъ отправьте въ городскую тюрьму и предайте суду. Когда ихъ приговорятъ къ поселенію въ Сибирь, они будутъ горько плакать, валяться у меня въ ногахъ и мнѣ будетъ ихъ жалко. Но не въ моей власти будетъ тогда имъ простить».

Русскій человѣкъ, когда получаетъ приказанія, то ужасно не

(*) Сила убѣжденій Минцева была такъ велика, что когда г.-м. Дренякинъ, въ присутствіи всей мірской сходки, отбиралъ отъ него показанія, то онъ во всемъ сознался, говоря, что и теперь готовъ повторить то же, что прежде сдѣлалъ.

На вопросы: ходитъ ли въ церковь? отвѣчалъ: нѣтъ!—Есть ли Богъ? говорилъ: не знаю!—Есть ли начальство? тоже отвѣчалъ: не знаю!

Послѣ снятія съ него показанія пришла его жена, молодая женщина лѣтъ 18, которая, не проронивъ ни одной слезы, обращалась ко всѣмъ съ слѣдующими словами: какою смертью будете мужа моего казнить, тою смертью казните и меня! Коли ссылать же будете, то сошлите и меня и, если можно, то за Кавказъ, куда сосланъ уже отецъ мой (закоснѣлый малаканъ). Просьба ея не могла быть исполнена. Минцевъ сосланъ въ Сибирь и жена его не могла послѣдовать за нимъ, ибо она была обвѣнчана маловскимъ обрядомъ; въ церкви же это таинство надъ ними не было совершено, потому бракъ считался недѣйствительнымъ.

любитъ слова «если»; *чтобы было это сдѣлано тотчасъ*— и приказаніе исполняется безпрекословно, и почти всегда успѣшно. Такъ и случилось съ г. Андреевымъ, исправникомъ, человѣкомъ въ этомъ случаѣ, вполнѣ русскимъ; прочитавъ въ предписаніи губернатора нѣсколько «если», онъ рѣшительно не зналъ, что и дѣлать; обратился за совѣтомъ къ уѣздному предводителю, который, въ свою очередь, счелъ себя обиженнымъ, въ томъ отношеніи, что губернаторъ помимо его сдѣлалъ распоряженіе объ усмиреніи, и потому не призналъ нужнымъ еще разъ съѣздить въ Черногай, чтобы возстановить нарушенное спокойствіе. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, земская полиція рѣшилась дѣйствовать. 9-го апрѣля, исправникъ, становой приставъ, вмѣстѣ съ 10-ю ротою тарутинскаго велик. герц. ольденб. полка, отправились въ дер. Черногай, куда, между тѣмъ, ежедневно стекались толпы изъ окружныхъ селъ и деревень разныхъ владѣльцевъ. Прибывши въ Черногай, исправникъ передалъ ротному командиру, поручику Линденбауму, списокъ восьми человѣкамъ крестьянъ, съ просьбою арестовать ихъ; крестьяне эти, въ поѣздку предводителя въ Черногай, замѣчены были имъ въ особенномъ упорствѣ къ неповиновенію и подстрекательствѣ къ тому же другихъ. Арестовавъ ихъ, исправникъ надѣялся успѣшнѣе переговорить съ обществомъ; но едва успѣли ихъ взять и посадить въ отдѣльную избу, какъ крестьяне, отбивъ поставленный караулъ, дали арестованнымъ возможность уйдти въ расшибленныя ими окна и вмѣшаться въ толпу, которая къ тому времени значительно увеличилась прискакавшими верхомъ крестьянами деревни Починокъ, находящейся въ 2-хъ верстахъ отъ Черногая. При этомъ солдаты, стоявшіе на часахъ около арестованныхъ, отбивались прикладами ружей отъ крестьянъ, наступавшихъ на нихъ съ дубинами. Во избѣжаніе кровопролитія, исправникъ не рѣшался на дальнѣйшія дѣйствія, выжидая прибытія вызванной имъ сюда же 9-й роты тарутинскаго полка. Вечеромъ же, нѣсколько человѣкъ крестьянъ, депутатовъ отъ всей толпы, пришли въ избу, гдѣ помѣщался исправникъ, съ просьбою, чтобы онъ пригласилъ въ Черногай управляющаго имѣніями гр. Уварова, Пичугина, живущаго въ с. Чернышевѣ, главной вотчинной конторѣ. Крестьяне увѣряли, что они желаютъ полюбовно переговорить съ нимъ, прибавляя къ этому, что если онъ самъ пріѣдетъ къ нимъ, то можетъ быть, они и согласятся работать, и такимъ образомъ по

общему соглашенію устранятся возникшіяся недоразумѣнія; при этомъ они обѣщались ничѣмъ, даже словомъ, не оскорблять управляющаго и поручались въ томъ за все общество. Не желая отказомъ еще болѣе раздражить толпу, исправникъ немедленно послалъ нарочнаго за Пичугинымъ, который на другой день, т. е. 10-го числа, утромъ прибылъ въ Черногай. Рѣшено было говорить съ крестьянами только тогда, когда подойдетъ 9-я рота того же полка изъ Алексѣевки; часа въ три пополудни, крестьяне начали подступать къ квартирѣ исправника, вызывая Пичугина на улицу, желая говорить съ нимъ. Къ этому времени толпа возрасла примѣрно до 3-т. человѣкъ, такъ что вся улица и крыши домовъ были наполнены народомъ. Рота была размѣщена на двухъ сосѣднихъ дворахъ; исправникъ же, желая переговорить съ крестьянами миролюбиво, не приказалъ даже собраться ротѣ около себя, а вышелъ съ Пичугинымъ къ черногаевскимъ крестьянамъ, которые по уговору наканунѣ стояли отдѣльно. Но какъ только исправникъ и Пичугинъ вышли на улицу, они немедленно были окружены всею толпою и тотчасъ же раздались крики: «бей, души ихъ!» Вслѣдъ за словами послѣдовало и дѣйствіе; ротный командиръ велѣлъ ударить сборъ и рота начала пробиваться прикладами черезъ толпу, желая освободить исправника и управляющаго. Народъ же, съ дубинами, пешнями и вилами въ рукахъ, самъ началъ наступать на роту, хватаясь за штыки и пытаясь обезоружить солдатъ. Вся толпа кричала: «бей сначала начальниковъ; зачѣмъ ихъ подкупилъ Пичугинъ, отдалъ три тысячи», разумѣется, приправляя свои слова безчисленнымъ множествомъ бранныхъ словъ. При этомъ одинъ старикъ (какъ послѣ оказалось, Петръ Ѳедотовъ) занесъ дубину на поручика Линденбаума, который впрочемъ во время предупредилъ ударъ: выстрѣломъ изъ револьвера онъ на мѣстѣ положилъ старика. Видя, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ, что безчинства только увеличиваются и что онъ никакъ не можетъ высвободить окруженныхъ толпою исправника и Пичугина, пор. Линденбаумъ, охраняя уже военную честь, вынужденъ былъ открыть пальбу для того, чтобы очистить себѣ путь къ отступленію изъ деревни, чтобы по возможности ограничиться меньшимъ числомъ жертвъ. Мѣру эту онъ счелъ тѣмъ болѣе необходимою, что часть толпы бросилась къ плотинѣ, желая отрѣзать ротѣ отступленіе. Пробиваясь черезъ толпу болѣе одними прикладами, рота перешла че-

резъ плотину на возвышенность, требуя, чтобы крестьяне выдали исправника, Пичугина, двухъ избитыхъ нижнихъ чиновъ и два вырванныя ружья; но толпа рѣшительно отказала въ выдачѣ и съ криками: «всѣхъ до одного убивай; но не выдадимъ» снова бросилась на роту, кидая въ то же время кирпичи съ крышъ, разобравъ печныя трубы. Видя таковое упорство и не зная, чтó предпринять, ротный командиръ съ ввѣренной ему ротою въ тотъ же вечеръ возвратился на свои постоянныя квартиры, с. Ерасоло, оставивъ въ рукахъ бунтовщиковъ исправника Андреева, управляющаго Пичугина и разсыльнаго земскаго суда, отставнаго унтеръ-офицера Петрова.—Результатами этого дѣла было: убито крестьянъ 3, ранено 4, раненъ сильно въ голову и избитъ дубиной вольноопредѣляющійся изъ дворянъ ун.-оф. Мешвицъ и трое рядовыхъ—впрочемъ, всѣ не опасно; остались въ рукахъ бунтовщиковъ исправникъ, управляющій, двое нижнихъ чиновъ и два ружья, которыя послѣ того развозились по разнымъ селеніямъ, какъ трофеи и знаки своей побѣды: «одну роту разбили и прогнали, вотъ и ружья отобрали, теперь бояться намъ нечего.» Становой приставъ успѣлъ уйти съ ротой и немедленно дать знать въ городъ объ этомъ событіи и самъ вмѣстѣ съ предводителемъ поскакалъ сломя голову въ Пензу, оставивъ плѣнныхъ на произволъ судьбы. Оставшіеся же въ Черногаѣ, избитые почти до полусмерти, исправникъ и Пичугинъ были закованы крестьянами въ конскія желѣза, прикованы къ скамьямъ въ избѣ; разсыльный же Петровъ былъ закованъ тоже въ желѣзо, но прикованъ къ полу и къ нимъ приставленъ строгій караулъ. Старшина же и сотскій, останавливавшіе бунтовщиковъ, были избиты крестьянами: у нихъ вырваны бороды, они смѣнены и на мѣсто ихъ назначено было новое начальство, избранное бунтовщиками. На утро (какъ послѣ показали сами крестьяне) скованнымъ готовилась мученическая смерть, которую впрочемъ не успѣли привести въ исполненіе, ибо на подводахъ прибыла 9-я рота тарутинскаго полка, которая безъ кровопролитія высвободила всѣхъ плѣнныхъ и съ ними возвратилась въ с. Чернышево. Причина этого скораго освобожденія заключалась въ томъ, что сторонніе крестьяне на ночь разъѣхались по своимъ селеніямъ, оставивши въ Черногаѣ только незначительный караулъ, составленный изъ сотскихъ и десятскихъ.

Извѣстіе объ этомъ горестномъ событіи было привезено кн. Ен-

галычевымъ въ Пензу 12 апрѣля утромъ, и въ полдень того же числа свиты Его Величества ген.-маіоръ Дренякинъ съ пенз. жанд. штабъ-офицеромъ, маіоромъ (нынѣ подполковникъ) Лаксомъ, отправился на мѣсто происшествія; но по причинѣ снесенія нѣсколькихъ мостовъ, разлитія рѣкъ, мѣняя колеса на сани и обратно, только 14 апрѣля они прибыли въ с. Поимъ, небунтовавшееся имѣніе гр. Шереметева, въ 15-ти верстахъ отъ Черногая, куда въ то же время прибылъ и вытребованный заранѣе 1-й баталіонъ казанскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка. Въ тотъ же день были здѣсь захвачены двое крестьянъ села Студенки, посланные «міромъ» въ Поимъ звать всѣхъ крестьянъ на новое сборище въ Черногай, слушать «чистую волю».

Не взирая на доходившіе неблагопріятные слухи о продолжающихся безчинствахъ временно-обязанныхъ крестьянъ гр. Уварова и другихъ владѣльцевъ, въ числѣ до 26 селъ и деревень Керенскаго и Чембарскаго уѣздовъ, ген. Дренякинъ, къ водворенію между ними спокойствія, рѣшился, однако же, предварительно испробовать мѣры кротости; тѣмъ болѣе, что половодье не благопріятствовало быстрому передвиженію войскъ, каковое было необходимо, ибо половина помѣщичьихъ имѣній Чембарскаго и Керенскаго уѣздовъ начали волноваться и дѣлать безчинства. Не прибѣгая такимъ образомъ къ военной силѣ, ген.-м. Дренякинъ разослалъ въ волновавшіяся имѣнія гр. Уварова слѣдующій циркуляръ:

«Временно-обязаннымъ крестьянамъ гр. Уварова (селъ: Чернышево, Сентянино, Студенки, дер. Черногая и др.)

«Надо думать, что вы не знали, что я присланъ Государемъ Императоромъ въ Пензенскую губернію съ манифестомъ и положеніями къ оному, Высочайше утвержденными въ 19-й день февраля сего 1861 года, и притомъ для наблюденія за порядкомъ: иначе бы вы не надѣлали грубостей и глупостей 10 апрѣля въ д. Черногаѣ, а пришли бы съ жалобою въ Пензу къ губернатору или ко мнѣ, ежели кто васъ притѣснялъ. Но вы вмѣсто того грубили даже противъ войска Его Императорскаго Величества, и не вняли словамъ нашего Отца-Государя, сказаннымъ въ манифестѣ, чтобы до окончательнаго введенія новаго порядка оставаться въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія обязанности.

«Много надѣлали вы грѣха! но я самъ своими ушами хочу слышать отъ васъ: какъ было дѣло, и потомъ, ежели вы, не забывая Бога и милостей Государя, чистосердечно мнѣ все разскажете и раскаетесь, то я подумаю, какъ бы помилосердовать.

«Для чего *съ полученія сего* пришлите ко мнѣ въ с. Поимъ изъ вашего селенія шесть разумныхъ стариковъ и молодыхъ хозяевъ, сколько вздумаете. Тутъ они сами разскажутъ свою жалобу на управленіе вами и что за причина, почему вы оказали неповиновеніе.

«Недалеко уже до праздника свѣтлаго христова воскресенія. Лучше намъ, братцы, похристосоваться съ вами, нежели ссориться. Со мною же вамъ ссориться и неразумно и будетъ невыгодно.

«До утра буду ждать посланныхъ отъ васъ, обѣдать же завтра думаю въ с. Знаменскомъ-Студенки». Подлинные подписалъ: свиты Его Величества генералъ-маіоръ Дренякинъ.

Циркуляръ этотъ былъ разосланъ по деревнямъ, черезъ небунтовавшихся крестьянъ гр. Шереметева. Доступный пониманію крестьянъ, онъ произвелъ желаемое дѣйствіе, не смотря на крайнія сомнѣнія относительно благопріятнаго его результата, ибо духъ неповиновенія и своеволія быстро развился по всѣмъ сосѣднимъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ тотъ же день вечеромъ и 15 апрѣля утромъ прибыли депутаціи съ изъявленіемъ покорности, не сознаваясь, впрочемъ, въ участіи въ черногаевскомъ дѣлѣ, говоря, что хотя они и пріѣзжали въ Черногай взглянуть на «штурму и приступу», но сами въ немъ не участвовали; буянили же одни черногаевскіе, которые въ свою очередь ссылались на стороннихъ.

Такимъ образомъ, вѣроятно считая себя вправѣ не розыскать и оставить безъ наказанія главныхъ зачинщиковъ, ген.-м. Дренякинъ, 15 апрѣля, съ 3-мя ротами казанскаго и 3-мъ баталіономъ тарутинскаго полковъ, перешелъ въ дер. Черногай. Въѣхали въ селеніе, ни одной души не было видно на улицѣ—точно вся деревня вымерла; услыхавъ о приближеніи войска, большая часть крестьянъ разбѣжалась, остальные же попрятались по задворкамъ. Ген. Дренякинъ былъ встрѣченъ только однимъ сотскимъ — старикомъ лѣтъ 70, отставнымъ солдатомъ Алексѣевымъ. Первое впечатлѣніе генерала вѣроятно было не совсѣмъ благопріятно, ибо по выходѣ изъ экипажа, его глазамъ предста-

вилось печальное зрѣлище: убитые 9 апрѣля 4 человѣка лежали непохороненные на улицѣ. На вопросъ: почему они непохоронены, сотскій отозвался, что священникъ отказался хоронить и крестьяне не позволяютъ, говоря: тотъ, кто убилъ, тѣ пускай сами и хоронятъ. Сдѣлавъ распоряженіе о преданіи землѣ мертвыхъ тѣлъ, ген. Дренякинъ послалъ сотскаго сбирать сходку и разсыльнаго въ дер. Починки (2 версты отъ Черногая) съ приказаніемъ прислать всѣхъ домохозяевъ. Къ вечеру прибыли починковскіе и собралась сходка черногаевскихъ. Починковскіе совершенно отказывались отъ участія въ черногаевскомъ дѣлѣ: «слышать мы слыхали, что была штурма, а сами мы не были». Черногаевскіе же тоже не сознались ни въ чемъ, ссылаясь на то, что били и сковали исправника и управляющаго сторонніе. Видя, что никакія увѣщеванія не дѣйствуютъ, всѣ крестьяне, числомъ до 100 человѣкъ, подъ строгимъ карауломъ, были отправлены въ господскую ригу съ обѣщаніемъ, если они къ завтрашнему дню не одумаются и не выдадутъ главныхъ зачинщиковъ, то будутъ строго наказаны. На другой день утромъ часовъ въ пять всѣ крестьяне подъ конвоемъ были снова приведены къ квартирѣ ген. Дренякина, и всѣ безъ исключенія упали на колѣни, со слезами умоляли о пощадѣ и немедленно выдали крестьянъ, которые сковывали вышеупомянутыхъ лицъ. При этомъ они сознались, что побудительною причиною неповиновенія было истолкованіе, священникомъ сел. Студенки Өедоромъ Померанцевымъ, манифеста, въ которомъ, по его словамъ, не указано работать. Свое же упорство и сопротивленіе военной командѣ они объясняли поддержкою, встрѣченною ими со стороны крестьянъ, собиравшихся въ Черногаѣ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ съ 5 по 10 апрѣля.

Не наказавъ ни одного крестьянина, ген. Дренякинъ, по лично сдѣланнымъ имъ дознаніямъ и по указанію уѣздныхъ властей и командировъ 9 и 10 ротъ тарутинскаго полка, арестовалъ 12 человѣкъ главныхъ бунтовщиковъ и въ томъ числѣ крестьянъ, которые сзывали изъ сосѣднихъ деревень другихъ на сборище въ Черногай, откуда повсюду распространялись самыя возмутительныя толкованія и нелѣпые вымыслы.

Раскаяніе уваровскихъ крестьянъ, повидимому, было искренее. Почему ген. Дренякинъ отправилъ только вышесказанныхъ 12 преступниковъ въ поимскій этапный домъ, для поступленія съ ними по законамъ. Остальные же были оставлены безъ всякаго

наказанія и прощены. Смѣло можно сказать, что неповиненіе и возмущеніе крестьянъ, породившія горестную катастрофу 9-го апрѣля, произошли преимущественно отъ заблужденія, въ которое крестьяне были вовлечены превратнымъ толкованіемъ манифеста священникомъ Померанцевымъ, и толкованію этому крестьяне вѣрили потому, что въ тамошнемъ краѣ, всѣ имѣнія, въ коихъ были волненія, принадлежали нѣкогда одному графу Разумовскому, въ настоящее время управляются суровыми управляющими, которые не успѣли (да и при своихъ наклонностяхъ никогда не успѣютъ) пріобрѣсти довѣрія крестьянъ.

Такимъ образомъ не утушенное 9 апрѣля волненіе въ Черногаѣ быстро разлилось по всѣмъ сосѣднимъ помѣщичьимъ имѣніямъ Чембарскаго, Керенскаго, Моршанскаго и Кирсановскаго уѣздовъ. Новымъ мѣстомъ для сборища сдѣлались Керенскаго уѣзда сел. Кандѣевка г. Волкова, куда изъ 4-хъ сосѣднихъ уѣздовъ собиралась масса народа, доходившая до 10 т. человѣкъ, о чемъ ежедневно присылалъ донесеніе г. Дренякину предводитель Петръ Алексѣевичъ Ранцевъ.

Въ одно и тоже время въ Пензеской губерніи Чембарскомъ и Керенскомъ уѣздахъ волновались слѣдующія имѣнія, находящіяся въ одномъ ......(?) сел. Чернышева: деревни Лопатино, Черногай, Каменка, Починки, Грязнуха и село Студенки графа Уварова, село Высокое и дер. Кулеватова г. Кожина, дер. Алексѣевка барона Фитингофа, дер. Никульская г. Бородина, село Покровское и деревни Пландвка, Екатериновка и Петровская г. Веригина, деревни Николаевка и Михайловка г-жи Эспехо. Села Подгорное, Знаменское, большой Бурмасъ и Самариха графа Віельгорскаго, сел. Кандѣевка г. Волкова, дер. Ильинская г. Охотникова, село Троицкое и Куземское (?), наслѣдницъ графа Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго, и кромѣ того, значительное число смѣжныхъ имѣній въ Тамбовской губерніи. Во всѣхъ сказанныхъ селеніяхъ крестьяне рѣшительно отказались отъ работъ, всюду самовольно смѣняли старшинъ и сотскихъ, нанося имъ при этомъ побои, и вездѣ безпорядки сопровождались различнаго рода безчинствами; такъ, въ имѣніи г. Конинса селѣ Высокомъ, крестьяне выгнали управляющаго и его семейство, разбросали все господское имущество, запечатали домъ, разграбили суконную фабрику. Въ дер. Никульской, г. Бородина, найденъ былъ у одного крестьянина Алексѣя Тиханова мышьякъ, которымъ, по его сознанію, хотѣлъ

отравить управляющаго, и порохъ, чтобы взорвать господскій домъ, но приближеніе войска заставило отложить эти замыслы.

До какой степени доходили безчинства крестьянъ можно видѣть изъ прилагаемаго при семъ подлиннаго донесенія ген. Дренякину священника сел. Покровскаго, гдѣ все господское имущество, скотъ—было раздѣлено крестьянами. Упоминаемый въ этомъ донесеніи крестьянинъ сел. Высокаго, Леонтій Егорцевъ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ безпорядковъ. Принадлежа къ сектѣ малакановъ, непризнающей никакихъ властей, онъ успѣлъ пріобрѣсти огромное вліяніе во всемъ краю. Какъ къ грамотѣю, къ нему изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжали депутаціи крестьянъ на тройкахъ, съ просьбою пріѣхать въ ихъ селеніе для разъясненія Положенія. Пользуясь безграмотствомъ крестьянъ, онъ толковалъ имъ, «что земля вся принадлежитъ крестьянамъ, которые теперь совершенно вольные, потому не должны слушаться начальниковъ, которые всѣ подкуплены помѣщиками, потому не слѣдуетъ ни работать на помѣщика, ни платить ему оброкъ». Вслѣдствіе его ложныхъ толкованій и присвоенія себѣ особенныхъ правъ, вліяніе его на народъ было такъ сильно, что его водили подъ руки, носили за нимъ скамейку, становили на возвышеніе, съ котораго онъ по своему возвѣщалъ всѣмъ «волю». Власть его, наконецъ, возрасла до того, что онъ ѣздилъ по деревнямъ и безпрекословно дѣлалъ денежные поборы по 50 коп. сер. съ тягла, которые крестьяне бросали ему въ шапку, и чтобы склонить успѣхъ возмущенія на свою сторону, грозилъ вѣшать тѣхъ, которые его ослушаются, а потомъ и начальниковъ усмиренія. Кромѣ того, подъ опасеніемъ смерти, онъ убѣждалъ всѣхъ не поддаваться войску и не вѣрить никакимъ начальникамъ, которые всѣ, безъ исключенія, будто бы, подкуплены помѣщиками, и, если войска будутъ въ нихъ стрѣлять, то выдержать только три залпа, послѣ которыхъ имъ тотчасъ сами начальники объявятъ «чистую волю».

Узнавъ о ежедневныхъ сборищахъ въ Кандѣевкѣ, предводитель дворянства Керенскаго уѣзда, П. А. Ранцевъ, съ исправникомъ, становымъ приставомъ и стряпчимъ, составилъ временную коммисію и немедля отправился въ сказанное село. Прибывъ туда, онъ подъѣхалъ къ шумящей на улицѣ толпѣ, съ желаніемъ образумить ее. Но лошади его были взяты подъ уздцы и повсюду посыпалась на него площадная брань, такъ что онъ тотчасъ же

отправился въ господскій домъ, построенный внѣ селенія и вытребовалъ роту казанскаго полка. расположенную въ 5-ти верстахъ отъ Кандѣевки, въ селѣ Колесовкѣ; при этомъ не лишнее обратить вниманіе на замѣчательный фактъ, разъясняющій справедливость того, что бывшее возмущеніе произошло отъ нерасположенія и недовѣрія крестьянъ къ своимъ управляющимъ. Не смотря на то, что Колесовка находится подъ вѣдѣніемъ одного управляющаго съ Кандѣевкою, но она не дѣлала никакихъ безпорядковъ и безпрекословно отправляла всѣ повинности и работы на помѣщика, между тѣмъ, какъ кругомъ этого селенія на разстояніи 40 верстъ не было ни одного помѣщичьяго имѣнія, въ которомъ бы не произошло безпорядковъ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ Колесовкѣ расположенъ ротный дворъ, рота казанскаго полка, и командиръ оной, капитанъ Баниnъ, по полученіи въ селеніи «Положенія», сбиралъ сходку и ежедневно совершенно правильно толковалъ крестьянамъ правила ихъ переходнаго состоянія, увѣщевая ихъ не обращать вниманія на другія волнующіяся имѣнія и не увлекатьсяся ихъ примѣромъ.

Нѣсколько разъ посылалъ П. А. Ранцевъ къ толпѣ приказаніе разойтись и прислать къ нему нѣсколько выборныхъ для разъясненія имъ «Положенія». Но всѣ его увѣщеванія были тщетны, такъ что временная коммисія ежедневно писала журналъ слѣдующаго содержанія: «и сегодня сидимъ въ блокадѣ, обложенной возмущающимися крестьянами, ежедневно прибывающими въ Кандѣевку, и, повидимому, не для добрыхъ намѣреній».

Обо всемъ происходящемъ П. А. Ранцевъ ежедневно доносилъ генералъ-маіору Дренякину, прося его немедленно прибыть съ войскомъ, ибо волненіе принимало угрожающіе размѣры: крестьяне избили старшинъ, положили въ телегу колесо, въ его ступицу воткнули шестъ съ привязаннымъ флагомъ и возили по селеніямъ этотъ импровизированный значекъ въ сопровожденіи толпы и съ крикомъ «воля! воля!»

Вслѣдствіе этихъ донесеній, ген.-м. Дренякинъ, испросивъ (*) по телеграфу Высочайшаго повелѣнія, не наполняя остроговъ, рѣшить (дѣло?) для того, чтобы быстро подавить возмущеніе и на мѣстѣ пре-

(*) Депеша отъ 16 апрѣля г.-м. Дренякина. Петербургъ. Шефу жандармовъ. «Испрашиваю Высочайшаго разрѣшенія, не наполняя остроговъ, судить виновныхъ на мѣстѣ преступленія».

ступленія наказать зачинщиковъ, отправился въ Кандѣевку, по дорогѣ заѣхалъ въ с. Высокое, гдѣ оставилъ для поддержанія спокойствія роту Его Величества и арестовалъ главныхъ зачинщиковъ, выданныхъ обществомъ; главный же возмутитель, вышеупомянутый Леонтій Егорцевъ, старикъ лѣтъ 60, не могъ быть захваченъ, ибо еще наканунѣ, узнавъ о приближеніи войска, былъ вывезенъ изъ селенія въ возу соломы двумя крестьянами, братьями Черновыми. Къ вечеру 16-го апрѣля г.-м. Дренякинъ прибылъ въ Кандѣевку, опередивъ направленное имъ войско. Въ экипажѣ своемъ, съ находившимися при немъ для порученій углицк. пѣх. полка подпоручикомъ Худяковымъ и жандармомъ, рядовымъ Торуровымъ, онъ подъѣхалъ къ значительной толпѣ, усмотрѣнной имъ на улицѣ сказаннаго селенія. Прежде всего, ген.-м. Дренякинъ началъ съ ласковаго привѣта къ стоявшему впереди толпы старому отставному солдату, повидимому заслуженному, съ произвольными, впрочемъ, красными полулацканами и орденскими лентами отъ плеча до плеча, какъ оказалось, въ двойномъ количествѣ нашитыми. На обычные вопросы: «здорово, старикъ, гдѣ служилъ?» онъ отвѣчалъ уклончиво, съ прибавленіемъ словъ, коими, повидимому, увлекалъ народъ: за Бога и за царя умереть готовы. Несмотря на приказаніе отойдти, онъ оставался около толпы, продолжая свой говоръ. Тогда ген.-м. Дренякинъ приказалъ жандарму Торурову захватить этого солдата, чтó было удачно исполнено. Солдатъ этотъ, 72-хъ лѣтъ, Елизаровъ, по показанію самихъ крестьянъ, оказался однимъ изъ главныхъ возмутителей; онъ также дѣйствовалъ за-одно съ Егорцевымъ и увѣрялъ всѣхъ, что барщина кончилась еще съ 1857 года, и что они почти два года уже лишнихъ работаютъ; кромѣ этого, послѣ событія 18-го апрѣля былъ еще подслушанъ разговоръ его съ другимъ арестованнымъ: «жаль, говорилъ онъ, что насъ не было, иначе дѣло бы тѣмъ не кончилось».

Захвативши Елизарова, ген.-м. Дренякинъ привѣтливо перешелъ къ толкованію крестьянамъ Высочайше дарованныхъ имъ правъ, предлагалъ имъ смириться и до уставной граматы повиноваться помѣщику, работая въ его пользу по новому положенію, или же перейдя на опредѣленный закономъ оброкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривалъ крестьянъ покаяться въ ослушаніи и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ими уѣздному предводителю дворянства и земской полиціи, объяснивъ имъ, что если они не повѣ-

рили ихъ истолкованіямъ, то, наконецъ, ему, какъ посланному Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, они обязаны вѣрить безпрекословно. Но вмѣсто ожидаемаго раскаянія, всѣ въ одинъ голосъ закричали: «не будемъ работать на помѣщиковъ и на оброкъ не хотимъ, хоть всѣхъ насъ перевѣшай!» Видя, что толпа начинаетъ волноваться, ген.-м. Дренякинъ отправился къ прибывшему войску, расположенному бивуакомъ около господскаго дома. Въ его распоряженіи находилось 7 ротъ въ числѣ 600 штыковъ.

По прибытіи въ домъ былъ немедленно посланъ сотскій и разсыльный къ толпѣ, съ приказаніемъ разойдтись и прислать нѣсколько человѣкъ опытныхъ домохозяевъ, для разъясненія имъ новаго положенія; но сотскій и разсыльный съ бранью были прогнаны и приказаніе не было исполнено.

Другой день, т. е. 17-е апрѣля, былъ снова оставленъ крестьянамъ на размышленіе. Чрезъ наемнаго бурмистра г. Волкова, ген.-м. Дренякинъ снова требовалъ отъ нерасходившейся толпы присылки къ нему нѣсколькихъ разумныхъ стариковъ-домохозяевъ, для объясненія имъ новыхъ законоположеній, съ тѣмъ, чтобы, выслушавъ толкованіе внѣ подстрѣкательства толпы, они могли бы образумить прочихъ. Но бунтовщики не отпустили ни одного человѣка и прогнали посланнаго. Тогда былъ отправленъ къ нимъ приходскій священникъ съ крестомъ и съ порученіемъ образумить толпу. Но и его увѣщеванія остались тщетными; священникъ былъ съ угрозами прогнанъ. Вечеромъ еще разъ посылали сотскихъ, съ приказаніемъ, чтобы толпа опомнилась и разошлась. Но все было безуспѣшно. Явно, что бунтовщики были увѣрены въ мнимой правотѣ своей, и что успѣхъ останется на ихъ сторонѣ. Въ этотъ же день ген.-м. Дренякинъ, узнавши, что крестьяне с. Колесовки безпрекословно исполняютъ свои обязанности, не смотря на то, что къ нимъ каждый день пріѣзжали посланные изъ Кандѣевки съ увѣщаніемъ прибыть на сборище въ ихъ селеніе, для того, чтобы отстаивать свои права, написалъ имъ слѣдующее, предполагая, что и кандѣевцы, вѣроятно, узнаютъ объ этомъ:

«Временно-обязаннымъ крестьянамъ г. Слонгеръ с. Колесовки.»

«Не безъизвѣстно вамъ, добрые люди, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ гр. Уварова, крестьяне, по безграмотству и глупости, не поняли манифеста и положеній, Высочайше утвержденныхъ въ

19-й день Февраля сего года, а больше другихъ нагрубили черногаевцы, да и некому было имъ растолковать.

«Вы вѣрно знаете, что Государь Императоръ прислалъ меня въ Пензенскую губернію и велѣлъ строго смотрѣть, чтобы ни помѣщикамъ, ни крестьянамъ, ни отъ кого не было обиды, и чтобы они все дѣлали, какъ велѣлъ Государь. Почему я, заслышавъ, что у графа Уварова, Кожина и у Волкова крестьяне дурятъ, прискакалъ къ нимъ, да налетѣло и войско, которому я главный начальникъ, какъ посланникъ отъ Царя.

«Вотъ, мои друзья, побывалъ я въ уваровскихъ деревняхъ и у Кожина; поговорилъ я съ крестьянами по христіански, какъ Богъ и Государь велятъ, прочиталъ и растолковалъ имъ новые порядки, и они плакали и раскаялись. За что я, какъ власть имѣю отъ Царя, простилъ ихъ и никого пальцемъ не тронулъ, и принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль. А нѣсколько человѣкъ, которые не покаялись, арестовалъ, и самъ буду судить, чтобы поскорѣе порѣшить, какъ неслушавшихся царскаго манифеста и моихъ отеческихъ наставленій. Не пожалѣю ихъ, пусть же они одни пропадаютъ, а не всѣ.

«Въ Кандѣевкѣ же все еще грубятъ. А я грубостей и неповиновенія не люблю, и ежели дури не выкинутъ изъ головы, то, суди меня Государь, я за ослушаніе крестьянъ противъ манифеста, пощады не дамъ, сколько бы ихъ ни было; а ежели покаятся, то и Богъ велитъ прощать.

«Вы же, добрые люди села Колесовки, хотя сосѣди съ Кандѣевкою, но, помня Бога и присягу, продолжаете быть добрыми и послушными крестьянами, за что наградитъ васъ Богъ, спасибо скажетъ Царь, и помѣщица поможетъ вамъ. Что вы добрые люди, мнѣ сказалъ г. предводитель Ранцевъ, жандармскій маіоръ и квартирующій у васъ ротный командиръ, капитанъ Банинъ.

«Спасибо вамъ и отъ меня, православные жители с. Колесовки, за то, что храните законъ божескій и царскій и не огорчаете помѣщицу, за то, помните мое слово: будете здоровы вы и дѣти ваши, и Господь уродитъ у васъ и хлѣбушка.»

«Самъ бы пріѣхалъ къ вамъ поцѣловать васъ и выпить съ вами водки за Царя и ваше здоровье; но право, нѣкогда, все уговариваю дураковъ кандѣевскихъ. Солдатъ у меня много, да и какіе молодцы; одинъ десятерыхъ турокъ возметъ; но хотѣлось бы,

чтобы дѣло обошлось безъ ссоры. Я старый воинъ и не такіе виды видалъ за мою жизнь. Кандѣевцамъ со мною невыгодно ссориться. Потуда не уйду отъ нихъ, пока не покорятся. 17 апрѣля 1861 г., село Кандѣевка».

18-го апрѣля, получивъ Высочайшее разрѣшеніе (*) рѣшить и убѣдясь, что ничто не дѣйствуетъ на бунтовщиковъ, ген.-маіоръ Дренякинъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, ибо отвсюду получались самыя печальныя свѣдѣнія, что возмущеніе разлилось по 4 смежнымъ уѣздамъ, откуда крестьяне, выжидая развязки, толпами стекались въ Кандѣевку, перехватывая разсыльныхъ, посылаемыхъ съ различными распоряженіями. Сверхъ того, было дознано, что между бунтовавшимися въ томъ краѣ, вкоренилось твердое убѣжденіе, что если они не отобьются (принявъ слово отбывать барщину, за отбивать оную) къ святой недѣлѣ, то на вѣчныя времена останутся въ крѣпостномъ состояніи, не вѣря, что изъ онаго уже вышли. На крышахъ и на гумнахъ Кандѣевки всюду видны были крестьяне, зорко слѣдившіе за каждымъ движеніемъ въ отрядѣ. На нѣкоторыхъ крестьянскихъ дворахъ, по доходившимъ слухамъ, сложены были топоры, колья съ насаженными на нихъ косами и другими орудіями.

Кромѣ того, окружные помѣщики и управляющіе пріѣзжали къ генералу Дренякину, съ просьбою и какъ можно поспѣшнѣе утушить возмущеніе, ибо приходила рабочая пора — время посѣва яровыхъ хлѣбовъ; еслибы оно было упущено, то краю предстоялъ неминуемый голодъ, ибо озимые всходы были весьма плохи и представляли мало надежды на хорошій урожай.

Въ десятомъ часу утра ген. Дренякинъ съ четырьмя ротами направился ко входу въ селеніе съ площади противу господскаго дома, раздѣляющей село на двѣ улицы; въ правой, длиною болѣе версты, стояла шумящая толпа. Остановивъ колонну у крайнихъ дворовъ шагахъ въ 300 отъ бунтующихъ, генералъ Дренякинъ одинъ вышелъ впередъ къ толпѣ и снова обратился къ ней съ увѣщеваніями: предлагалъ крестьянамъ разойтись до времени и засѣвать свои и помѣщичьи поля, но слова его были заглушены крикомъ: «не повинуемся, ничего не хотимъ; всѣ до

(*) Генералъ-маіору Дренякину Кирсановъ и по эстафетѣ Поимъ *(sic)* 17 апрѣля: «Вамъ Высочайше предоставлено рѣшить дѣло о виновныхъ на мѣстѣ происшествія». Князь Долгоруковъ.

одного умираемъ «за Бога и за Царя». Произнося слово умираемъ, не смотря на то, что ни одинъ изъ нихъ не только не былъ наказанъ, но даже не былъ задержанъ.

Тогда ген. Дренякинъ угрозилъ имъ, что если они добровольно не покорятся и не выдадутъ главныхъ зачинщиковъ, то онъ прикажетъ стрѣлять въ нихъ, какъ въ ослушниковъ Высочайшей воли и манифеста. Вмѣсто ожидаемой покорности, шумъ еще болѣе увеличился, и по приказанію былъ сдѣланъ залпъ первою шеренгою головнаго полувзвода 9 роты казанскаго полка.

Раздались выстрѣлы! Въ толпѣ упало нѣсколько крестьянъ, но масса не дрогнула. Напротивъ того, поднявъ руки, кричали громче и громче: «умираемъ всѣ до одного».

Просите пощады! обратился снова генералъ, иначе буду продолжать въ васъ стрѣлять! На это толпа въ одинъ голосъ отвѣчала: «всѣ до одного умремъ, но не покоримся!»...Тогда былъ сдѣланъ второй залпъ. Не смотря на то, что упало еще нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, но народъ, поднявъ руки и стоя на томъ же мѣстѣ, съ бóльшимъ еще жаромъ продолжалъ кричать: «всѣ до одного умираемъ, но не покоряемся!»

Послѣ этого ген. Дренякинъ показалъ толпѣ находившійся при немъ походный образъ Иверской Божіей Матери, перекрестившись, приложился къ нему и клялся, что говоритъ правду, и правильно толкуетъ имъ, Высочайше дарованныя права. Но и клятвѣ этой не повѣрили и съ поднятыми руками снова кричали: «всѣ до одного умремъ!» Третій залпъ тоже не привелъ ни къ чему. Толпа не двигалась! Такимъ образомъ было пущено 41 пуля и убито 8 (*) и ранено 26 крестьянъ.

Тогда ген. Дренякинъ, не обративъ уже болѣе вниманія на то, что на крестьянскихъ дворахъ сидѣли въ засадѣ вооруженные дубинами и другими орудіями, рѣшился попробовать отхватить хоть нѣсколько человѣкъ изъ толпы, не углубляясь, впрочемъ, слишкомъ въ деревню, изъ опасенія, чтобы не пострадали солдаты. Приказаніе было быстро и удачно исполнено 3 стрѣлковою ротою, при чемъ отхвачено отъ толпы, доходившей до 1000 человѣкъ, и выведено изъ улицъ 410 крестьянъ изъ 14 селеній трехъ уѣздовъ. Остальные же разбѣжались и попрятались въ селеніи, уйдя изъ оной въ ночь.

(*) Въ Journal de S.Petersbourg число убитыхъ въ Кандѣевкѣ увеличено до 12. Откуда взята эта цифра! интересно бы знать.

Необъяснимыя въ то время стойкость крестьянъ и твердое намѣреніе ихъ умереть, какъ оказалось впослѣдствіи, происходило отъ того, что вышеупомянутый Егорцевъ, находившійся въ бѣгахъ (*), разъѣзжая по селеніямъ, говорилъ: если войско будетъ въ васъ стрѣлять, то выдержите только три залпа и тогда сами начальники объявятъ вамъ чистую волю.

Выведя изъ деревни захваченную толпу, ген. м. Дренякинъ снова обратился къ оной съ вопросомъ: согласны ли они повиноваться, добавивъ къ этому, что въ случаѣ покорности, онъ готовъ ихъ помиловать. Но и на это всѣ единогласно отвѣчали: умремъ всѣ, но не покоримся.

Толпа, окруженная войскомъ, приведена была къ господскому дому и немедленно было приступлено къ снятію допросовъ съ главныхъ ослушниковъ, упорнѣе другихъ несоглашавшихся ни на какія предложенія.

Убитые были похоронены. Раненымъ же тотчасъ были поданы должныя пособія батал. лекаремъ, кол. асс. Полумордвиновымъ; имъ отведено особое помѣщеніе, во все время ихъ болѣзни готовилась нѣжная пища и до самаго ихъ выздоровленія попечительность о нихъ не ослабѣвала. По снятіи допросовъ, а именно часовъ черезъ , генералъ снова увѣщевалъ захваченныхъ, которые, не смотря на то, что были окружены штыками, отвѣчали по прежнему: всѣ до одного умремъ, но не покоримся, повторяя безпрестанно затверженную фразу.

Упорство и сила вкоренившихся въ крестьянахъ убѣжденій были такъ велики, что они стали виниться только тогда, когда надъ 12 крестьянами былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ наказанія шпицрутенами. Въ числѣ ихъ были такіе закоренѣлые, что одинъ изъ нихъ крестьянинъ с. Кандѣевки, Барановъ, былъ до такой степени упоренъ, что когда его провели сквозь строй черезъ сто человѣкъ одинъ разъ, то на вопросъ: готовъ ли покориться? онъ отвѣчалъ: убивай сейчасъ, а не покорюсь; онъ былъ проведенъ черезъ сто человѣкъ пять разъ и каждый разъ къ нему обращались съ тѣмъ же вопросомъ и получали одинъ и тотъ же отвѣтъ, такъ что и когда исполнена была надъ нимъ конфирмація, то и тогда онъ отвѣчалъ одно и тоже: хоть убейте сейчасъ, но не покорюсь!

(*) По полученнымъ въ настоящее время свѣдѣніямъ, онъ умеръ въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи.

Кромѣ этого, нѣсколько человѣкъ еще были наказаны розгами, а остальные, давшіе руки, что будутъ повиноваться, прощены и распущены по домамъ, съ обѣщаніемъ слушать и безпрекословно исполнять новыя законоположенія.

Въ этотъ же день получено было свѣдѣніе, что въ с. Покровскомъ г. Веригина, собирается толпа и начинаетъ снова буянить; потому ген.-м. Дренякинъ отправилъ туда двѣ роты и слѣдующее приказаніе:

«Временно-обязаннымъ крестьянамъ с. Покровскаго г. Веригина.

«Слушайте, покровцы! Ежели вы будете продолжать грубить, дурить и слушать разсказа какого нибудь мерзавца, васъ путающаго, а меня, посла царскаго, ослушаетесь, то приду къ вамъ и буду больно сѣчь, даже больнѣе нежели кандѣевцевъ, потому что вамъ больше ихъ было время одуматься.»

«Ежели по безграмотству и мужицкой глупости, чего не понимаете, то пришлите ко мнѣ сегодня же въ Кандѣевку умныхъ стариковъ и умныхъ молодыхъ хозяевъ, пожалуй хоть человѣкъ 20, и я имъ самъ прочитаю новые порядки.»

«Перестаньте дурить! да и другимъ скажите тоже! со мною невыгодно ссориться: христолюбиваго царскаго войска у меня много и солдатики больно сѣкутъ виноватыхъ. Которые же чистосердечно покаятся, тѣхъ могу и помиловать. Подписалъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Дренякинъ.

На другой день покровцы, узнавъ о совершившемся въ Кандѣевкѣ, прислали съ хлѣбомъ-солью и совершеннымъ раскаяніемъ человѣкъ 30 стариковъ, и село Кандѣевка и всѣ окружныя селенія представляли уже совершенно другое зрѣлище. Все какъ бы ожило! Спокойное движеніе началось, пути сообщенія сдѣлались безопасными; не смотря на наступившіе великіе дни, всюду начались работы и порядокъ водворился.

По 26 апрѣля г-лъ Дренякинъ оставался въ Кандѣевкѣ для указанія вотчинной конторѣ необходимости смягченія господскихъ работъ, такъ что по сдѣланному имъ разсчету и основываясь на надѣлѣ крестьянъ землею, смѣшанная повинность была уничтожена и все селеніе переведено на оброкъ по 27½ руб. сер. съ тягла.

26, 27, 28 и 29 апрѣля ген.-м. Дренякинъ провелъ въ с. Высокомъ, Покровскомъ и Чернышевѣ, гдѣ крестьяне, собравшись съ 15-ти окружныхъ селъ, подступили къ вотчинной конторѣ гр.

Уварова, хотѣли разграбить кассу, но были остановлены собравшимися дворовыми людьми въ числѣ 50 челов.; послѣ этого они вошли въ домъ, гдѣ помѣщался только что пріѣхавшій главноуправляющій имѣніями гр. Уварова Черноголовкинъ, съ бранью и ругательствами въ 11 часовъ ночи вошли въ залу, съ крикомъ: выходи, разорвемъ! и пробирались въ кабинетъ, гдѣ находился Черноголовкинъ. Но въ дверяхъ были остановлены крестьяниномъ Крохинымъ, парнемъ лѣтъ 23-хъ, который всталъ въ дверяхъ и на угрозы толпы говорилъ: прежде убейте меня, а потомъ Черноголовкина, иначе я васъ до него не допущу. Энергическія слова Крохина подѣйствовали на толпу, которая отошла назадъ и приставила караулъ къ дому, чтобы управляющій не могъ бѣжать. Но, узнавши, что къ селенію подходило войско, толпа разбѣжалась и Черноголовкинъ былъ спасенъ.

Во всѣхъ этихъ селахъ главные возмутители были наказаны и сосланы въ Сибирь на поселеніе. Ген.-м. Дренякинъ, удостовѣрившись въ искренности раскаянія волновавшихся селеній, которыя встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, 30 апрѣля возвратился въ Пензу.

Смѣло можно сказать, что примѣръ усмиренія кандѣевцевъ благотворно подѣйствовалъ на всю Пензенскую губернію. Всюду водворилось совершенное спокойствіе, которое до сего времени не нарушается и, вѣроятно, со вступленіемъ мировыхъ посредниковъ въ исправленіе своихъ обязанностей, болѣе не нарушится. Всѣхъ крестьянъ сослано въ Сибирь 114 человѣкъ.

—

Вотъ какимъ образомъ, послѣ стрѣльбы 14 апрѣля, производились допросы съ крестьянъ ген.-м. Дренякинымъ. Дознанія производились большею частью на чистомъ воздухѣ, на дворъ выносили столъ, съ одной стороны котораго становились крестьяне всей деревни, въ которой производилось слѣдствіе; и сами крестьяне указывали на людей, ихъ смущавшихъ, съ просьбою избавить ихъ отъ нихъ и удалить изъ общества. Большею частью выдаваемые міромъ крестьяне тотчасъ же сознавались, въ противномъ же случаѣ самъ «міръ», въ присутствіи г. Дренякина, ихъ уличалъ слѣдующимъ образомъ: «зачѣмъ же ты врешь, что ты намъ будто не говорилъ, что ненадо работать на помѣщика?

А помнишь у насъ надысь была сходка у избы дяди Панфила, и ты сказалъ, что слышалъ объ этомъ въ Высокомъ, и какъ мы просили тебя пояснить намъ новые порядки, то ты пошелъ къ кумѣ Маланьѣ, гдѣ собча поднесли тебѣ косушку, и тамъ намъ снова по-свойски началъ толковать.» Послѣ подобныхъ доводовъ обвиняемый непремѣнно сознавался. Такъ что изъ всѣхъ 114 человѣкъ, сосланныхъ въ Сибирь на каторгу и на поселеніе, не было ни одного не сознавшагося.

(Приложенная копія объясненія священника с. Покровскаго, Евѳимія Глѣбова:)

Вашему превосходительству честь имѣю объяснить, что сего апрѣля 5 и 6 чиселъ мои прихожане—крестьяне гг. Веригина и Жемчужникова, дѣлали со мною разныя неистовства и ругательства, и хотѣли меня лишить жизни мучительною смертію, требовали отъ меня того, чего у меня совершенно нѣтъ и чего они сами не понимаютъ; требовали отъ меня какую-то чистую волю, совершенную независимость ихъ отъ помѣщиковъ и ни отъ кого, рѣшительно ни отъ кого. За это тащили меня изъ комнаты на улицу и хотѣли лишить жизни самымъ жестокимъ образомъ, хотѣли по клочку разорвать.

5-го числа, послѣ божественной литургіи, часа въ 2 по полудни, къ моему дому приступила толпа разъяренной черни—человѣкъ 500 или болѣе, всѣ г. Веригина крестьяне села Покровскаго, и деревень: Ивановки, Петровской и Екатериновки—кричатъ, бранятъ, сквернословятъ, требуютъ волю, чистую волю, совершенную, рѣшительную независимость ихъ отъ помѣщика и ни отъ кого: подай, сей часъ подай... Мои увѣщанія и убѣжденія оказались безсильными, никуда негодились. Погодите, подождите, что́ у людей будетъ, то и у насъ будетъ, погодите подождите, небунтуйтесь... Нѣтъ, подай, сейчасъ подай, она у тебя, нынѣ же подай, а къ Святой бумага отошлется назадъ, и мы опять на 20 лѣтъ останемся барскими. Что ни говори, въ отвѣтъ, слышишь одно: врешь! — со всѣми бранными

выраженіями и скверными ругательствами; убьемъ, зарѣжемъ, задушимъ, по клочку разорвемъ; міръ великъ, ты съ барина подарки взялъ, въ людяхъ пришла воля, а у насъ нѣтъ; врешь, она у тебя... Вотъ въ с. Высокомъ пришла воля, и они теперь вольные.» Тутъ былъ одинъ старикъ высокинскій, главный начальникъ бунта, имени его не знаю, но по всему видно, что онъ недобрый человѣкъ, усерднѣйшій сотрудникъ сатаны. Подходятъ ближе, приступаютъ плотнѣе, разбиваютъ двери, растворяютъ, кричатъ, бранятъ, сквернословятъ, входятъ въ комнату въ шапкахъ, требуютъ настоятельно, подай, сейчасъ подай; она у тебя, по клочку разорвемъ, міръ-великъ человѣкъ. Иной кричитъ: бей его, бей его, другой—тащи его сюда, тащи сюда; иной—куй его, свяжи его, души его....а манифестъ твой намъ не надо; подай волю, чистую волю подай, она у тебя, врешь—съ ругательствами... Защиты не было ни отъ кого, за меня никто ни слова не сказалъ, всѣ противъ меня. Ну, когда у него нѣтъ, наконецъ кто-то сказалъ, взять съ него росписку, нѣтъ, такъ нѣтъ, а какъ послѣ окажется, отъ нашихъ рукъ неуйдетъ, и тогда...Сѣлъ, написалъ и отдалъ имъ въ руки при всѣхъ ихъ за подписомъ всего причта, что въ покровской церкви указа объ увольненіи крестьянъ отъ помѣщика нынѣ же—объ увольненіи рѣшительномъ никакого нѣтъ, кромѣ одного Высочайшаго манифеста, даннаго въ 19 день февраля 1861 г., который манифестъ и обнародованъ всему покровскому приходу прочтеніемъ въ церкви послѣ божественной литургіи, и отправлено благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ 15 числа минувшаго марта; росписка эта должна быть у нихъ.

Получивши отъ меня такую росписку, бунтовщики отправились въ вотчинную контору, избили тамъ бурмистра и конторщика, а управляющаго дома не было,—по клочку разорвали бы; счастье его добра, такъ говорили сами, но были у него въ домѣ, также въ шапкахъ, комоды, ящики перерыли, волю искали. Изъ конторы опять пришли ко мнѣ, и привели съ собою бурмистра и конторщика, жестоко избитыхъ. Злость ихъ примѣтно усилилась еще болѣе. Подошли къ моему, дому обступили вокругъ, выходу никуда не даютъ, ожидаютъ старика—начальника бунта. Подходитъ старикъ и говоритъ: погодите, рабята, схожу въ шинокъ, выпью винца, и тогда *попа* задушимъ. Сходилъ, выпилъ, приходитъ. И вотъ пьяный, злобный, точно су-

масшедшій, а за нимъ и всѣ, какъ безумные, вызываютъ меня на улицу, кричатъ: выдь суда, выдь суда, добромъ выдь—съ ругательствомъ старикъ впереди стоитъ. Я было вышелъ, посмотрѣлъ на нихъ; нѣтъ: выдь сюда, подальше выдь, а то вытащимъ... Дьячекъ мой сказалъ что то старику, а онъ ударилъ его кулакомъ въ лицо, и у того потекла кровь. Видя сіе, я возвратился назадъ въ комнату, обратился съ молитвою къ Матери Божіей, и, стоя на колѣнахъ, читалъ акафистъ Покрову Божіей Матери, въ ожиданіи страшной смерти. Домашніе мои всѣ молились и плакали. Не видя моего выхода на улицу, бунтовщики растворяютъ двери, входятъ въ комнату въ шапкахъ, съ бранью, съ крикомъ. Старикъ, пьяный, разъяренный, злой вырвалъ у меня книгу и бросилъ на полъ, говоря: ты, пожалуй, всю ночь будешь молиться, нечего глядѣть на тебя, рванулъ меня за рукавъ, перевернулъ и сильно тащилъ на улицу; ему двое помогали: одинъ ивановскій—Иванъ Маркинъ, а другой, говоритъ кантонистъ екатерининскій; двери давно растворены, и одинъ крестьянинъ покровскій Иванъ Живовъ, стоя на порогѣ, громко кричалъ: тащи, тащи его сюда, міръ—великъ человѣкъ; подай, сейчасъ подай, по клочку разорвемъ; нечего глядѣть—поскорѣй... Но при помощи Царицы Небесной я сильно противился имъ; словъ никакихъ не говорилъ, испугался, языкъ онѣмѣлъ, почти весь помертвѣлъ—жена и дѣти плакали, кричали.—Не смотря на всѣ усилія, бунтовщики не вытащили меня, оставили пока, и строго пригрозили: вотъ мы завтра съѣздимъ въ Высокое, возмемъ съ собою конторщика и бурмистра, привеземъ оттуда бумагу—*волю*, и тогда ужъ не прогнѣвайся, попа задушимъ; намъ солдаты не солдаты, пушка не пушка, мы на то пошли, и отправились отъ меня въ 8 часу вечеромъ.

6-го числа, только-что отслуживъ обѣдню, иду изъ церкви, опять собираются къ моему дому тѣ же г. Веригина крестьяне верхомъ и пѣшкомъ и съ ними еще г. Жемчужникова дер. Аршуковки крестьяне, и старикъ высокинскій тутъ же. Всякаго пола и возраста безчисленное множество, 500 или болѣе конныхъ, верхомъ.—Изъ Высокаго возвратились. Прочитали тамъ манифестъ до двухъ разъ, одинъ брали изъ церкви, а другой изъ конторы, вытребовали и у меня тотъ же Манифестъ, прочитали два раза: 1-й разъ читалъ конторщикъ Иванъ Бокаревъ, а во 2-й—дворовый человѣкъ Иванъ Ульяновъ съ толкованіями. Вотъ

еще бѣда: въ Высокомъ къ Высочайшему манифесту подвязанъ указъ, а у насъ не подвязанъ, тамъ пять листовъ, а у насъ четыре. Бей попа, не то, вретъ, утаилъ—посыпались ругательства. Спрашиваю конторщика, какъ же тамъ 5 листовъ, отвѣчаетъ: тамъ указъ подвязанъ къ манифесту, и вышло 5 листовъ. Вынесъ указъ. Да развѣ такъ то, по лоскутику-то даютъ, врешь, не то... Но конторщикъ и бурмистръ растолковали имъ: такъ это, такъ.—Да развѣ въ людяхъ такая-то воля? что это за воля! Тутъ должна быть золотая печать, георгіевскій крестъ, царское знамя, царская рука. Врешь, не то: листы выдраны, сговорились, не то.—Подай намъ царскій указъ 20 марта. Ни дня, ни минуты, ни секунды барину работать не будемъ. Царь съ насъ податей не будетъ требовать 20 лѣтъ. Земля вся намъ, лѣса, луга, господскія строенія—все наше, а барину нѣтъ ничего. Господъ, поповъ—бей, души. Крикъ, шумъ, буйство всеобщее, безумію ихъ и конца нѣтъ.—Требуютъ еще таблицу, а какую таблицу, никто не объяснилъ, а требуютъ настоятельно; но у насъ въ церкви ни какой таблицы нѣтъ. Конторщикъ приносилъ имъ изъ конторы таблицу и читалъ.

У меня теперь жена и дѣти больные отъ испуга, да я и самъ чувствую отъ такого возмущенія сильное круженіе головы. Къ тому же и нынѣ всѣ толкуютъ: попа выгнать по шеи; по лоскутику выноситъ, затаилъ; выгнать его, выгнать; поповъ много, еще дадутъ.

При семъ не излишнимъ считаю вашему превосходительству объяснить, что при такомъ разстройствѣ, я боюсь ѣздить по деревнямъ съ христіанскими требами, особенно ночью—убьютъ; тамъ, чисто, гнѣздо разбойническое; тамъ народъ постоянно на улицѣ большою толпою, и строятъ свои замыслы. Во время бунта діаконъ и дьячекъ находились у меня въ домѣ, и видѣли и слышали все вышеписанное.

Съ 5-го числа апрѣля и до сего времени поставлены вездѣ караулы, будто бы ожидаютъ управляющаго: хотятъ его помять немножко; такъ я слышалъ, да разсчитать его, обобрать все имущество его и выпроводить отсюда. 12-го числа бунтовщики хотѣли выслать жену управляющаго изъ дома и разграбить все ихъ имущество; всѣхъ перепугали, держатъ ихъ подъ строгимъ карауломъ, боясь, чтобы не вывезли имѣніе; такъ мнѣ объяснялъ сотскій села Покровскаго, Василій Свадбинъ.

Главные бунтовщики—представители бунта: села Покровскаго: Онуфрій Трифоновъ, Иванъ Живовъ, Василій Трофимовъ, Егоръ Бѣлынцевъ, Климентъ Никифоровъ, Иванъ Романовъ, Антонъ Даниловъ, Левъ Яковлевъ, Савелій Гавриловъ, Ульянъ Михайловъ, Петръ Павловъ, Петръ Семеновъ, Аѳанасій Архиповъ, Степанъ Исаевъ, Ефимъ Исаевъ, Потапъ Ивановъ, Ѳеодосій Аѳанасьевъ, Андріанъ Іудинъ, и другіе.

Деревни Ивановки: Ефимъ Карповъ, Тихонъ Никитинъ, Сергѣй Карповъ, Антипъ Ивановъ, Алексѣй Никитинъ, Иванъ Маркинъ, Аксентій Карповъ, Николай Гордѣевъ, Севастьянъ Герасимовъ, Иванъ Гордѣевъ, Евдокимъ Зиновьевъ, Иванъ Терентьевъ, Яковъ Архиповъ, Ѳома Никитинъ, Савинъ Никитинъ, Егоръ Яковлевъ, Савелій Дмитріевъ, Максимъ Матвѣевъ, и прочіе.

Деревни Петровской: Ѳедоръ Юдинъ, Ѳедоръ Сущевъ, Иванъ Козаковъ, Никаноръ Гребенниковъ, Григорій Сущевъ, Егоръ Шеноваловъ, Иванъ Вандышевъ, Петръ Легошинъ, Иванъ Шедринъ, Василій Бѣловъ, Дмитрій Толоконниковъ, Акимъ Кудрявцевъ, Андрей Юдинъ, Михаилъ Ереминъ, Степанъ Михѣевъ, Василій Ереминъ и другіе.

Деревни Екатериновки: Павелъ Петровъ, нѣкто Руканъ и многіе,—я ихъ не знаю, потому что они не моего прихода.

Деревни Аршуковки, Головья тоже: Ананій Чулинъ, Прохоръ Сизовъ, Михаилъ Сизовъ, Захаръ Шаршуковъ, Илья Шаршуковъ, Филиппъ Качемировъ, Василій Сироткинъ и Степанъ Шаршуковъ, и другіе.

Въ этомъ дѣлѣ участвовали и отставные солдаты: села Покровскаго: Иванъ Петровъ Лакеевъ, Кирилъ Макаровъ и Гавріилъ Алексѣевъ; дер. Аршуковки: Алексѣй Ивановъ Чулинъ и Петръ Дмитріевъ Дильдипъ.

Что̀ объяснивъ вашему превосходительству и подписуюсь. 1861 года, апрѣля дня. Къ сему объясненію, села Покровскаго священникъ, Евѳимій Глѣбовъ, руку приложилъ.

19.

Для введенія уставныхъ граматъ въ здѣшнемъ уѣздѣ военная команда была употреблена въ теченіи мая въ 2-хъ имѣніяхъ: въ д. Щ., имѣніи помѣщика С. и въ с. Л. Я., имѣніи княгини Р. Въ 1-й 200, во 2-й—940 р. д. Въ первомъ имѣніи крестьяне отказывались отъ принятія какого бы то ни было надѣла земли, на томъ основаніи (какъ показали они на допросѣ), «что по бѣдности не въ состояніи отбывать ни положенныхъ въ граматѣ повинностей, ни оброка». По дѣлу этому содержится въ тюрьмѣ четыре человѣка, признанныхъ мировымъ съѣздомъ зачинщиками, а 8 человѣкъ при самомъ введеніи граматы высѣчены розгами, но оставлены на свободѣ. Военная команда пробыла въ деревнѣ 8 дней, успѣвъ въ промежуткѣ уничтожить, конечно, всю живность деревни. Слѣдствіе поручено было судебному слѣдователю, окончено въ два дня и представлено въ судъ на рѣшеніе. Во второмъ имѣніи, т. е. въ с. Л. Я., крестьяне не принимали уставной граматы потому, что (какъ показали на допросѣ), въ Высочайшемъ манифестѣ сказано было, что до истеченія 2-хъ лѣтъ крестьяне должны оставаться на прежнемъ положеніи, пользуясь прежнимъ надѣломъ земли, отбывая 3-хъ дневную мужскую и 2-хъ дневную женскую барщину; объ уставной же граматѣ и оброкѣ мы тогда ничего не слышали, а потому и полагали, что до истеченія 2-хъ лѣтъ никакихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи безъ новаго манифеста быть не можетъ». По дѣлу этому содержится въ тюрьмѣ 3 человѣка, а 11 высѣчены розгами. Военная команда пробыла въ селеніи 10 дней. Дѣло поручено было слѣдственной коммисіи, окончено въ 4 дня и представлено въ судъ на рѣшеніе.

При рѣшеніи этихъ дѣлъ судъ затрудняется въ томъ: кого

судить и какъ судить? И въ самомъ дѣлѣ... Но для большей ясности лучше разсказать весь процесъ.

Дѣло о непринятіи крестьянскимъ обществомъ уставной граматы обыкновенно начинается такъ: Мировой посредникъ послѣ *неоднократныхъ, тщетныхъ выѣздовъ*, для убѣжденія крестьянъ къ принятію граматы, доноситъ мировому съѣзду. Мировой съѣздъ, въ полномъ составѣ своемъ, при бытности членовъ земской полиціи, *совершаетъ свой вьѣздъ* въ имѣніе, гдѣ общество уже собрано, и *самымъ простымъ и удобопонятнымъ для крестьянъ языкомъ убѣждаетъ ихъ принять грамату*. Крестьне остаются при своемъ убѣжденіи. Мировой съѣздъ раздѣляется по числу членовъ; каждый изъ нихъ (въ томъ числѣ и члены земской полиціи) избираетъ часть крестьянъ и убѣждаетъ ихъ принять грамату. «Якъ громада, такъ и мы», отвѣчаютъ крестьяне. А громада несогласна. Тогда мировой съѣздъ, убѣдившись въ тщетности своихъ убѣжденій, составляетъ протоколъ и проситъ губернатора о подачѣ помощи. Приходитъ военная команда. Собираютъ крестьянъ. Снова мировой съѣздъ совершаетъ свой выѣздъ и снова начинаются убѣжденія. При чемъ не малую услугу оказываютъ и защитники отечества помощію военнаго краснорѣчія. Тутъ же записываются и имена *болѣе упорныхъ и дерзкихъ*, т. е. продерзостно отвѣчающихъ на вопросы за всѣхъ другихъ. Иногда для увѣщанія крестьянъ призываютъ священника. Затѣмъ уже пускаютъ въ ходъ убѣдительнѣйшее изъ убѣжденій—«*экзекуцію*». При чемъ мировой съѣздъ не перестаетъ убѣждать самымъ удобопонятнымъ для крестьянъ языкомъ принять *добровольно* грамату, и крестьяне *мало по малу добровольно принимаютъ* грамату. Въ заключеніе члены прикажутъ отправить благодарственный молебенъ Господу Богу съ колѣнопреклоненіемъ, и граммата объявляется введенною. Болѣе же упорныхъ передаютъ на попеченіе земскаго исправника для преданія суду. Исправникъ отправляетъ упорныхъ въ земскій судъ. Судъ, отобравъ отъ нихъ показаніе, отправляетъ упорныхъ въ тюрьму, а дѣло поручаетъ судебному слѣдователю, или же наряжаетъ слѣдственную коммисію. Обязанность слѣдователя, разумѣется, во 1-хъ, возстановить объективнее дѣло преступленія, т. е. опредѣлить самый фактъ преступленія—corpus delicti; а во 2-хъ, отыскать виновника преступленія. Но фактъ преступленія уже опредѣленъ. Крестьяне не соглашались принимать грамату, пока

ихъ не принудили къ тому. Значитъ, остается отыскать виновныхъ. Въ обвинительномъ актѣ прямо указаны виновные, какъ замѣченные членами мироваго съѣзда въ наибольшемъ упорствѣ и дерзостяхъ. Но слѣдователь допрашиваетъ обвиняемыхъ, а потомъ и все общество и, получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: каждый изъ насъ на столько виноватъ на сколько и всѣ и всѣ—на сколько каждый.—«Да почему-жъ такихъ то взяли въ тюрьму?»—Да потому-жъ, що не всимъ же разомъ говорить, бо скажуть опять бунтуются; отъ ми и виставили степеннійшихъ, щобъ одвичали якъ что спитаютъ. А ихъ, бачите, въ тюрьму побрали. Кажутъ зачинщики. А вони яки зачинщики?!.—Дакъ може, хлопци, ви на кого изъ стороннихъ пеняете у симъ ділі? Може хто васъ пидвивъ на сіе изъ стороннихъ? Кажить—виновнаго й Богъ не потаіить, допрашиваетъ слѣдователь.—Ни, нихто насъ не пидводивъ. Грихъ колякать по постому. Хиба бъ ми давно де сказали, бачивши отсюю турбанцію».—За тѣмъ слѣдователь обращается къ отысканію прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ pro и contra обвиняемыхъ. Но таковыхъ по справкамъ не оказывается, и дѣло въ такомъ видѣ представляется въ судъ на рѣшеніе. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, находитъ, что въ немъ нѣтъ главныхъ зачинщиковъ, подстрекателей, сообщниковъ. Дѣло возвращается слѣдовательно «*съ носомъ*», т. е. съ предписаніемъ отыскать главныхъ зачинщиковъ. И вотъ слѣдователь, почесавъ затылокъ, ѣдетъ отыскивать главныхъ зачинщиковъ.

Иногда это отыскиваніе главныхъ зачинщиковъ и подстрекателей въ дѣлѣ доходитъ до смѣшнаго. Такъ, въ с. *Л. Я.*, во время введенія уставной граматы (гдѣ была уже и военная команда), пріѣхали, ничего, конечно, не вѣдая, 2 литвина съ горшками для продажи. По въѣздѣ въ село и при первомъ кликѣ: «*по горшки!*» бабы окружили литвиновъ, и тѣмъ болѣе, что, по случаю прошлаго населенія, потребность на горшки значительно усилилась. Въ числѣ покупателей явилась попова наймичка, которая никакъ не могла уговорить литвина отдать ей горшокъ за 3, а не за 4 гроша. Между тѣмъ литвины, видя, что село наполнено москалями, которые разъѣзжаютъ верхами, спросили о причинѣ. Бабы отвѣтили имъ, что «*се у насъ сикуція*».—«А и возлѣ нашего села была «*дзѣкуцья*», отвѣчали имъ литвины, да солдаты постояли, постояли да и ушли. А мужички, кто побогаче, сталъ платить оброкъ пану, а кто побѣднѣй, сталъ на

субъективная сторона преступленія обозначены. Остается приложить законъ къ дѣлу.

Въ сводѣ закон. уг. т. XV, изд. 1857 г., въ главѣ «*о сопротивленіи распоряженіямъ правительства, и о неповиновеніи установленнымъ отъ онаго властямъ*» сказано:

Ст. 296. «За явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе, съ намѣреніемъ или воспрепятствовать обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ, законовъ, или другихъ постановленій и объявленій правительства, или же не допустить исполненія указанія, или предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ, или принудить сіи власти къ чему либо несогласному съ ихъ долгомъ», то:

Ст. 298. «Если сіе преступленіе учинено невооруженными людьми и безъ явныхъ насильственныхъ съ ихъ стороны дѣйствій, но однако же для возстановленія порядка начальство было въ необходимости прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ усмиренія, (то) виновные въ ономъ присуждаются:

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ, а неизъятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, и къ наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 21 уложенія для 7-й степени наказаній сего рода (т. е. отъ 30 до 40 ударовъ), съ наложеніемъ клеймъ.»

Ст. 306. «Если и безъ всякаго явнаго возстанія или сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, нѣсколько человѣкъ согласятся не исполнять какое либо предписаніе сихъ властей, или уклоняться отъ исправленія какихъ либо законныхъ государственныхъ или общественныхъ повинностей, то за сіе:

Зачинщики и подговорщики подвергаются лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ, на основаніи 54 ст. уложенія, правъ и преимуществъ, и заключенію въ смирительный домъ на время отъ 2 до 3 лѣтъ.»

Которая же изъ этихъ двухъ статей закона *прилична*, болѣе подходитъ, *къ несоглашенію крестьянъ принять уставную грамату, для введенія которой призвана была военная команда?* Неужели, какъ думаетъ большинство юристовъ нашего уѣзда, первая изъ нихъ? т. е., лицъ, признанныхъ мировымъ съѣздомъ болѣе виновными въ несогласіи крестьянъ принять уст. грамату, *лишить всѣхъ правъ состоянія*, *наказать плетьми чрезъ пала-*

чей, *заключить и сослать въ каторгу*... Неправда ли, содрогнешься поневолѣ? А сколько такихъ виновныхъ есть и будетъ еще?..

Нѣтъ, по-моему, указанныя статьи, какъ и все Уложеніе вообще и отдѣлъ «о сопротивленіи распоряженіямъ правительства и неповиновеніи установленнымъ отъ онаго властямъ» въ особенности, *необходимо* требуютъ, въ настоящее время, пересмотра.

Будемъ ждать и надѣяться.

20.

Хотинъ (Подольской губ.).

Приближается *косовиця*; рабочія руки нужнѣе, чѣмъ когда нибудь. Всѣ многоземельные помѣщики устроили какъ-то такъ, что граматы *отложены* были на это горячее время. Сочувствовало ли дѣйствительно большинство мировыхъ нуждамъ богачей, или сами обстоятельства *такъ* сложились, только граматы въ высшемъ слоѣ не подвигаются и въ большинствѣ имѣній работаютъ *по инвентарю*. Нѣкоторые такого мнѣнія, что богатые, ненуждаясь въ выкупѣ, отстраняютъ его, а посредники, сочувствуя имъ, не вводятъ выкупъ и у тѣхъ, которые бы того хотѣли,—чтобы не подать худаго примѣра крестьянамъ большихъ землевладѣльцевъ. Можетъ быть, дѣло случая тутъ совершенно совпадаетъ съ желаніями помѣщиковъ. Есть множество неуловимыхъ для печати и невсплывающихъ до мировыхъ съѣздовъ дѣйствій, которыя тѣмъ не менѣе обусловливаютъ общій ходъ явленій по крестьянскому дѣлу. Напр. *окричали* народъ, что онъ ждетъ третьяго указа. Этимъ указомъ всѣ огораживаются и прикрываютъ свое неумѣнье обойтись съ дѣломъ, или нежеланіе вести дѣло.

«*Что ваши крестьяне*, спрашиваете вы: — *на что согласились?*»

— Да ни на что—говоритъ печально помѣщикъ—дожидаются третьяго указа.—А между тѣмъ этотъ господинъ тянетъ день за день втихомолку, чтобы такъ, какъ-нибудь, хоть до осени, хоть до жнивъ, прошло по старому.

«*Какъ въ вашемъ участкѣ*»? спрашиваете вы у мироваго разумѣется не у Ге).—Нейдетъ, отвѣчаетъ онъ съ озабоченнымъ

видомъ—что съ олухами дѣлать; говорятъ: будемъ ждать третьяго указа. А между тѣмъ этотъ баринъ не былъ ни въ одномъ селеніи, кромѣ развѣ для выгона на панщину, не говорилъ и не слушалъ никогда крестьянъ, чтобы не прослыть холопоманомъ и болѣе заботился о постройкѣ новыхъ конюшенъ у своего дома, чѣмъ объ устройствѣ новаго порядка. Вотъ въ селеніи проявилась мысль о выкупѣ; помѣщикъ проситъ мироваго, чтобы воспользовался благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, *Pan mirowy* обѣщается поговорить съ волостнымъ и пріѣхать съ исправникомъ. Разумѣется, ничего не выходило изъ этого, и проходилъ срокъ, а граматы не вводились...Мировые бюрократы проснулись: *надо сдать дѣла*; появилась лихорадочная энергія; начали вводить уже *безъ обясненій*, а чтобы обезпечить успѣхъ, употребляется сей оригинальный способъ: наканунѣ пріѣзда мироваго для объявленія граматы присылаются солдаты заготовлять розги, что́ производитъ, разумѣется, паническій страхъ, и все разбѣгается прежде чѣмъ догадливый мировой появиться въ селеніи. *Никого нѣтъ! Никто невышелъ вимать медотчнымъ устамъ чиновника—посредника! Это ужъ бунтъ, возмущене...* О такого рода возстаніяхъ безпрестанно слышно то въ одномъ, то въ другомъ уголку. То тамъ, то тутъ *посредники* требуютъ войска.

Что ни говорите, а пріятно *требовать* отъ губернатора войска для усмиренія... *усмирять* и *усмирить*... какое лестное положеніе! Офицеръ, розги и солдаты въ распоряженіи посредника... сама полиція является по первому требованію маленькаго диктатора съ цѣпью на шеѣ. Онъ можетъ лишить жизни, или здоровья нѣсколькихъ согражданъ своихъ безъ всякаго контроля; потому что нѣтъ голоса со стороны крестьянъ, нѣтъ защитника ихъ интересовъ, нѣтъ лица, которое бы объяснило, что *не понимать* или *бояться* не значитъ бунтовать. Впрочемъ, все это вздоръ; мужиковъ и прежде засѣкали и калѣчили, только въ разбивку, а не массами, не по нѣскольку вдругъ и съ меньшею торжественностію,—это пустяки; но тутъ произошло нѣчто другое, болѣе неожиданное. Такъ-какъ помѣщики въ теченіи двухъ десятилѣтій подвергались наѣздамъ полиціи, доносамъ становыхъ, разграбленію прямому или косвенному,—то до послѣдняго времени полиція не заглядывала въ панскіе дома, зная, что тамъ встрѣтятъ ее съ затаенною боязнью и ненавистью: теперь *она приглашается*, защищаетъ, она сдѣлалась *другомъ дома* и какъ

будто говоритъ съ улыбкой: «*Вы сами теперь сознаете, какъ худо неповиновеніе...Родитесь вы, господа, десятью саженями далѣе отъ этого дома, тамъ, въ хатѣ, съ вами было бы тоже! А вы поете злакачественные гимны, носите омерзительные, возмущающіе душу однобортные сюртуки съ нехристіанскимъ названіемъ чамары.*» Посредники въ этомъ случаѣ дѣйствительно миротворцы: они примирили двѣ враждебныя стороны, показали имъ точку, на которой они могутъ побрататься и кровью изъ крестьянскихъ спинъ запечатлѣли братскій союзъ они. Нѣсколько лѣтъ назадъ, во время взаимнаго антагонизма, полиція брала на себя роль защитницы мужиковъ и искала случаевъ открыть грѣшки *худаго обращенія*. Засѣчетъ ли кого помѣщикъ, свернетъ ли скулы на сторону—полиція являлась преслѣдовательницею; грозно становилась предъ помѣщикомъ, какъ теперь предъ *бунтующимъ* народомъ и требовала *кошелекъ* или *все имѣнье*! Отдавался, разумѣется, кошелекъ, а имѣнье оставалось. Я люблю слушать разсказы исправниковъ тѣхъ временъ, нѣкогда лихихъ наѣздниковъ закона, а нынѣ хилыхъ стариковъ.

Возвращаясь изъ Ярмолинецъ (тамъ ярмарка Петра и Павла) въ Кіевъ малыми дорогами чрезъ *Михаль-поль*, *Баръ*, я попалъ въ одно село на холодную экзекуцію. Въ селеніи Ящинцы, чрезъ которое я проѣзжалъ, *бунтъ* (скоро такъ исказятъ значеніе слова, что будетъ немалый трудъ русскимъ понимать русскихъ)... Въ воскресенье, 4-го іюля, крестьяне д. б. снести чиншъ (23 р. 17 к.), но нѣкоторые не имѣли къ тому времени, о чемъ волостной *донесъ* мировому; тотъ призналъ это бунтомъ и прислалъ *трехъ* разсыльныхъ, называемыхъ здѣсь жандармами. Замѣчательно, что помѣщица была въ Ярмолинцахъ, и никто о томъ посредника не просилъ. Три усмирителя или «*мировые — жандары*», какъ называли ихъ крестьяне, гарцовали по селу (душъ въ 200), рѣзали куръ, поросятъ, высыпали лошадямъ кукурузу и крупу вмѣсто овса; избили старосту, который обратился-было въ постыдный побѣгъ изъ села; поймали въ корчмѣ какого-то русскаго (такъ здѣсь называютъ раскольниковъ), уличая его въ *подмущеніи* мужиковъ. Его увлекли за поясъ во дворъ. Послѣ я узналъ, что эта встрѣча съ янычарами мироваго обошлась ему въ два рубля. Разсказывали, что они уже два мѣсяца переходятъ съ экзекуціи на экзекуцію и нажили рублей по 100 и находятъ, что имъ житье—умирать не надо. Впечатлѣніе, произво-

димое этими людьми, обращенными въ бичи, въ нагайку, лишенную всякаго смысла—отвратительно-досадное. Нельзя болѣе унизить не только солдата, но вообще человѣка, какъ обративъ его *въ экзекуцію*, въ наказаніе другому человѣку, да еще своему; когда во время войны отдается какой нибудь городъ на разграбленье (напр. въ венгерскую войну позволено было въ Дебречинѣ погулять полдня), то тамъ не доходятъ солдаты до такого нахальства и наглости, тамъ, покрайней мѣрѣ, есть нѣкоторая степень уваженія къ *иностранному народу*, всегда большая, чѣмъ къ русскому мужику. Вѣроятно, двухмѣсячные разъѣзды еще болѣе ихъ оскотинили, и едва ли эти три рыцаря, видѣнные мною, возвратятся когда на путь истинный. На другой день пріѣхала изъ Ярмолинецъ помѣщица и упросила ретиваго посредника отозвать своихъ мировыхъ жандармовъ.

Проѣзжая чрезъ *Шегинцы* (около Бара), я не засталъ уже тамъ экзекуціи, которая была со всѣми аттрибутами *мира*: солдатами, розгами. Иному бѣдному мировому такой несчастный участокъ достается, что безъ розги ни-ни! Я думаю, что все это отъ участка зависитъ. Вотъ у Ге такой ужъ участокъ, что все идетъ какъ по маслу, безъ бунтовъ, безъ розогъ, безъ солдатъ, безъ крови.

Сосѣдній попъ сдѣлалъ доносъ на N, что, дескать, собираются у него и разсуждаютъ о вещахъ злокозненныхъ. По слѣдствію оказалось вздоръ. Онъ снова донесъ на исправника, что, дескать, прикрываетъ. Между тѣмъ мировой Буцкій произвелъ, или устроилъ, *возстаніе* въ Лозней (деревня): солдаты, экзекуціи, засѣканія, допросы. Кто-то проврался, что попъ (доносщикъ) читалъ имъ 5-й указъ за 2 р. съ слушателя. Исправникъ къ попу съ разсыльными—*взять живьемъ*; не пускаютъ, двери заперты, начинается *приступъ* и борьба разсыльныхъ съ женой и дочерьми осажденнаго; защищались упорно и долго—это, конечно, возмутительно, но самое возмутительное впереди. Когда бѣдныя женщины, защищая *свой домъ*, *свою крѣпость*, утомились и, перебросавъ въ осаждающихъ все, что было подъ руками, отступили,—разсыльные врываются въ комнаты и хватаютъ хозяина. Такъ какъ онъ сидѣлъ въ одной рубашкѣ (безо всего) и не хотѣлъ одѣваться, то въ *такомъ видѣ* его силою взяли на руки, посадили на телегу и повезли по селу. Ропотъ

неудовольствія пронесся между *прихожанами*, при видѣ такимъ образомъ влекомаго *священника*, но такъ какъ въ сосѣднемъ селѣ сдирали кожу съ крестьянъ розгами и палками, то здѣсь все было тихо.

СЪ ВЫСОТЫ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

Прекратилось понемногу введеніе граматъ *по добровольному согласію*, при содѣйствіи офицеровъ и розогъ.

Взывающіе о помощи розогъ были сперва не очень чувствительны. Отуманенные воображаемымъ убыткомъ (а инымъ мерещилась галиційская рѣзня)... они и не видѣли въ чемъ дѣло... имъ представлялась только *косовица*; крестьяне, пожалуй, не пойдутъ... надобно предупредить, напугать,—ну,—а чѣмъ напугать простаго человѣка?.. вотъ и *лупи его*!..

Однако — что́ значитъ грубая кожа! были такіе случаи, что какъ упрется—несогласенъ, не подпишу,—такъ сколько ни катай—ничего. Такъ случилось въ Ш. «*Тутъ лежитъ мой батько и я тутъ ляжу! а не подпишу*»... говорилъ послѣ 300 розогъ крестьянинъ. Экзекуція происходила возлѣ кладбища, вѣроятно для эффекта: дескать, на смерть, канальи, будемъ бить!..

Если роль сѣктаторовъ играли русскіе (солдаты), то требователи розогъ были большею частію поляки... Почему не вспомнили они, что предковъ ихъ за «nie pozwalam»! никто не сѣкъ? У страха глаза велики, а память коротка.

Вообще нѣкоторые мировые не прочь задать страха и даже обжаловать съ канцелярскою ловкостію, словомъ вставить крючокъ на пакость ближнему, неуступающій крючку записнаго приказнаго. Вотъ напр. исторія—и буквально «крючокъ», и въ переносномъ смыслѣ—крючокъ.

Мировой, вслѣдствіе... ну да это все равно—вслѣдствіе того, что онъ—мировой, приказалъ втащить въ комнату, гдѣ онъ засѣдалъ (кажется, вводилась dobrowolna umowa), виновнаго мужика, дверь на крючокъ и началъ пороть... (но для чего же запираться?) Жена сѣкомаго и, разумѣется, кричащаго, плѣнника бросается къ дверямъ просить мироваго, дверь отворяется при ея прикосновеніи и она мѣшаетъ такимъ образомъ занятіямъ посредника. Составляется донесеніе, что такъ и такъ... *ворвалась... замкнутую на крюкъ дверь отбила... бунтъ*, *мятежъ*...

Назначено слѣдствіе и оказалось, что дѣйствительно дверь была заперта на крючокъ, да крючекъ то былъ изъ проволоки и достаточно было самаго немятежнаго движенія, чтобы онъ разогнулся и дверь отворилась... Слѣдователь представилъ и крючекъ въ губернскій комитетъ. Вотъ-какъ составляютъ *донесенія!*

Офицеры экзекуціонныхъ командъ, какъ незаинтересованные въ этихъ неповиновеніяхъ и выходахъ на панщину, смотрятъ на дѣло хладнокровнѣе и имѣютъ случай видѣть, какъ зрители, то, что ускользаетъ отъ лицъ дѣйствующихъ.

Такъ, требовалась команда въ селеніе Г.; офицеры отправились впередъ. Пріѣхали, призываютъ старосту, говорятъ ему, какую бѣду они ведутъ за собой, что уговорилъ бы онъ крестьянъ, что вотъ слышали, вѣрно, какъ пороли въ сосѣдствѣ (верстъ 15).

Мнется староста, а послѣ, видя, что господа добрые, на откровенность пошелъ. «Да что, сказать правду... извѣстно, дурачье... вѣдь они думаютъ, что васъ тамъ подкупили...

— Насъ?

— Да, васъ и всѣхъ... паны закупили, а царь того дѣла не знаетъ.

И такая мысль между крестьянами преобладаетъ. Въ другомъ имѣніи непокорные хотѣли, чтобы послѣ экзекуціи всѣ подписались на граматѣ — и офицеры и исправникъ, чтобы знать, съ кого потомъ искать *нашу кривду*....

«*Вотъ пріидетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ.*»

По ихъ понятіямъ, все это дѣйствительно кривда. Дѣло въ томъ, что они придаютъ очень большое значеніе присягѣ, слову, подписи... Нашъ братъ двадцать разъ присягнетъ — не задумается; какая-нибудь случайная перемѣна въ производствѣ порядка введенія, или стеченіе побочныхъ обстоятельствъ сбиваетъ ихъ съ толку. Такъ, въ одномъ имѣніи, наканунѣ ввода граматы, исправникъ потребовалъ присяжныхъ по слѣдственному дѣлу и на другой день снова присяжныхъ депутатовъ. Изъ этого такая вышла каша, что 200 человѣкъ объѣдали деревню три недѣли. Самыя слова они понимаютъ иначе, напр. *старшина* употребляется часто въ смыслѣ имени собирательнаго, и склоняется въ женскомъ родѣ.

«Пійду просити старшину, якъ *вона* скаже, такъ и буде».

При одномъ случаѣ мирнаго введенія граматы съ ружьями, какой-то крестьянинъ, вѣроятно — агитаторъ, видя, что толпа

увлечена, или запугана и хочетъ подписать грамату, голосомъ стентора закричалъ: «*Приймайте приймайте тую грамоту... буде вона вами гра* и *мотае*!!...» И тутъ, какъ вездѣ, была у него мысль, что *всѣ подкуплены*. Странный, хотя и очень естественный, ежели сообразить, случай дѣлалъ то, что экзекуціи были только у богатыхъ помѣщиковъ, а у бѣдныхъ нѣтъ. Натурально и родилась мысль, что это удовольствіе недешево стоитъ панамъ, и бѣдному не подъ силу. Теперь, припоминая факты, не одинъ задумался надъ этимъ. «А дѣйствительно, вѣдь только у богатыхъ».

Періодъ экзекуцій, кажется, кончился въ началѣ іюля; теперь бѣдствія селянъ потеряли свой багрово-красный оттѣнокъ и приняли съѣдобный или объѣдательный. Посылаются экзекуціи за неуплату чинша, т. е. чуть накануне назначеннаго дня не снесутъ оброка, помѣщикъ мировому жалуется, а тотъ требуетъ разсыльныхъ и начинается литься кровь — куръ и поросятъ. Впрочемъ, многіе не рѣжутъ куръ, а берутъ живьемъ, возятъ съ собой въ курятникахъ и откармливаютъ ихъ на счетъ крестьянъ. Говорятъ, что это необходимо для внушенія уваженія къ *законности*, а другіе добавляютъ въ душѣ «*пусть знаютъ какова воля*!.. *это не что за паномъ бывало: панъ и подождетъ и поможетъ... а теперь пусть-ка попробуютъ*! *этого не могутъ, ну, а гдѣ же возьмутъ еще больше платить, когда на выкупъ пойдутъ*! *Пропадутъ... а впрочемъ чортъ ихъ возьми...*

Это грустно со стороны глядя, но нѣкоторые смотрятъ на *освободившихся*, какъ на отрѣзанный ломоть — нѣтъ, какъ на проданнаго вола, отъ котораго нечего ждать, и ежели онъ, по старой привычкѣ, на базарѣ протягиваетъ свою морду въ знакомыя сани, то его кнутомъ...

Я слышалъ какъ молодой *господарь*-помѣщикъ говорилъ: «*не позволю я имъ собирать колосья... для меня лучше пусть волы съѣдятъ, пусть свиньи съѣдятъ, а то насбираетъ иная съ гарнецъ, а какая мнѣ польза.*

Нелюбители крутыхъ мѣръ и полицейской помощи обходятся и тутъ потихоньку. Вотъ, къ одному помѣщику (*) не несутъ чиншъ—ждетъ что́ будетъ, не несутъ день, не несутъ два—молчитъ, наконецъ приносятъ сами съ поклономъ: «Вездѣ платятъ... видно, надо и намъ платить, такъ вотъ принесли».

(*) Докторъ Лентксвичъ.

Въ другомъ мѣстѣ отправляетъ мировой въ волость приказъ о востребованіи куроѣдовъ на экзекуціи; на другой день приходитъ волостной и возвращаетъ приказъ.

— Что это значитъ? Какъ смѣли!

— Да я пообождалъ — что тревожить начальство, они уже сносятъ и нынче вѣрно всѣ снесутъ.

— Въ такомъ случаѣ—конечно.

Хорошо, что подчиненный разсуждающій, а не нѣмецъ — формалистъ, а то сколько бы пропало неповинныхъ цыплятъ и барановъ.

Въ настоящее время (конецъ іюля) всѣ селяне, за ценсомъ стоящіе (крестьяне), пляшутъ и поютъ въ буквальномъ значеніи слова. Оканчиваются жнива то у одного, то у другаго помѣщика, и, по-обыкновенію этой мѣстности, жнецы съ вѣнкомъ изъ пшеницы идутъ во дворъ съ пѣснію (довольно невольничьяго содержанія), вѣнокъ подносятъ хозяину-пану или пані. Помѣщикъ заранѣе велитъ приготовить столъ съ хлѣбомъ и водкой для всей громады. Выпиваетъ сперва экономъ, потомъ всѣ, потомъ начинается пляска и продолжается до глубокой ночи, пока не надоѣстъ это помѣщику, такъ какъ это происходитъ обыкновенно на барскомъ дворѣ. Чѣмъ небогатѣе помѣщикъ, тѣмъ болѣе обрядъ принимаетъ видъ искренности, и наоборотъ — у магнатовъ дѣлается простымъ засыпаньемъ овса: «*а дать саврасымъ сегодня по двѣ мѣрки*».

На этихъ засыпаніяхъ лишнихъ двухъ мѣрокъ и основываются доказательства патріархальныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Случайно (имѣя надобность видѣть одного члена) попалъ я на дняхъ на одинъ мировой съѣздъ, такъ какъ на нихъ нельзя быть, наперекоръ желанію членовъ, хотя, по смыслу Положеній, они должны быть публичны; но до сихъ поръ мы не съумѣли сдѣлать ничего публичнаго и изъ этого учрежденія...

Толковали долго въ интересахъ какого-то магната съ подобающимъ участіемъ. Выждавъ, какъ казалось, минуту, одинъ изъ посредниковъ попросилъ слова. По волненію, съ которымъ онъ говорилъ, видно было, какъ сильно тронутъ онъ этимъ дѣломъ. «Позвольте, господа... мнѣ принести жалобу...» и онъ изложилъ грустную исторію, какъ крестьянинъ привелъ къ нему сына 14 лѣтъ, избитаго бывшимъ его паномъ отъ плечъ до

ногъ нагайкой, такъ что-кожа была прорвана по всѣмъ направленіямъ, хотя прошло уже болѣе 10 дней. Все это за то, что мальчикъ, по оплошности, пустилъ свиней въ огородъ!... Въ срединѣ рѣчи одинъ изъ посредниковъ, видя такой недостойный предметъ для разсужденія, не воздержался отъ саркастической улыбки, глядя на гр. С. (*).

— Чему смѣетесь?.. Не смѣяться мы должны, а плакать... плакать!...

Смѣхотворъ сконфузился и поджалъ хвостъ; предводитель старался прерывать нѣсколько разъ пламенную рѣчь заступника крестьянъ, обращая вниманіе членовъ то на тотъ, то на другой болѣе важный предметъ, но сбить съ предположеннаго пути было трудно. Должно было выслушать до конца.

— Ну, такъ чтó же? сказалъ самымъ безслезнымъ и ласковымъ голосомъ предводитель; вы, какъ посредникъ, можете въ своемъ участкѣ дѣйствовать по данному вамъ праву... Можете оштрафовать господина Подгурскаго—на волость, что ли тамъ... или какъ знаете; это до насъ не касается...

— Оштрафовать!... Взять три рубля и можетъ быть два на церковь... Нѣтъ, господинъ предводитель: я внесъ это дѣло сюда, чтобы посовѣтоваться съ товарищами... Я полагаю, это дѣло предать суду...

Двое сейчасъ приняли сторону гр: С—го, остальные были видимо сконфужены такимъ оборотомъ дѣла; но марать себя заступничествомъ никто не хотѣлъ.

Написано было сейчасъ отношеніе къ слѣдователю о произведеніи слѣдствія надъ крестьяниномъ такимъ-то и такимъ, и помѣщикомъ Подгурскимъ, обвиняемыми въ нападеніи на крестьянскаго мальчика такого-то.

Лакеевъ, которые держали мальчика, признали соучастниками въ насиліи, потому что, какъ вольные люди, они не должны были слушать подобныхъ приказаній.

Какой-то голосъ пробовалъ еще возвыситься, что дескать этимъ ничего не выиграете, потому-де, что слѣдователь взятку возьметъ и все ничѣмъ не кончится.

С—й задумался.

— Вашá правда... надобно въ то же время сообщить и начальнику губерніи.

(*) Гр. С.

Всѣ подлежащія бумаги приготовлены и отправлены въ то же засѣданіе.

Грустнѣе всего, что обвиняемый—молодой человѣкъ, вступившій въ управленіе уже по увольненіи крестьянъ. Закваска прошлаго слишкомъ сильна, чтобы не отрыгаться еще хоть на одно поколѣніе. Все это вступившее въ жизнь юношество воспитывалось на розгахъ, чубукахъ, нагайкахъ.

Я не оскорблю членовъ присутствія предположеніемъ сочувствія къ общему дѣлу, но все мнѣ кажется, что они не придавали значенія такому факту, какъ порка нагайкой, забывая, что она по новому инвентарю не допускается, и потому то имъ казалось страннымъ, изъ чего такъ выходитъ изъ себя предъявитель дѣла.

21.

Областныя корреспонденціи московскихъ еженедѣльныхъ журналовъ.

«Въ настоящее время, когда общественная реформа, совершаясь внѣ столицъ и городовъ, а такъ сказать въ уѣздѣ и въ полѣ, обхватываетъ собою всю внутреннюю земскую жизнь Россіи, касается самаго быта народнаго, весь интересъ дѣйствительности сосредоточился или, вѣрнѣе сказать, рассосредоточился изъ столицъ по провинціямъ. Корреспонденціи съ мѣста получаютъ теперь особенное значеніе.....» Эти слова объявленія о выходѣ газеты Ив. Серг. Аксакова какъ нельзя лучше характеризуютъ важность новаго элемента, который внесло въ нашу повременную литературу 19 февраля прошлаго года.... Приведеніе въ дѣйствіе «Положеній» вызвало голосъ, уже давно не раздававшійся на Руси, голосъ всѣхъ слоевъ земства. Областныя корреспонденціи тѣмъ особенно важны, что въ нихъ выражаются и мысли, пробужденныя реформою въ нашемъ крестьянствѣ, насколько онѣ поддаются наблюдателямъ изъ другой сферы, и отношенія къ нимъ образованнаго слоя провинціи, тѣхъ *среднихъ людей*, которыхъ редакція «Русскаго вѣстника» считаетъ призванными къ разрѣшенію общественной задачи русской земли. Чтó въ самомъ дѣлѣ думаютъ теперь наши средніе люди, съ какимъ чувствомъ прислушиваются они къ неясному, мало сознанному голосу своихъ низшихъ братій, заявить нужды которыхъ, по мнѣнію людей, раздѣляющихъ убѣжденія и сочувствія московскаго журнала, они призваны исторіей. Заявить нужды, быть представителями интересовъ цѣлаго земства, интересовъ, вовсе не раздѣленныхъ

между его вертикальными слоями,—кто же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ выполнить такую задачу лучше людей, знакомыхъ съ жизнію окружающей ихъ среды и въ тоже время умудренныхъ опытомъ жизни образованныхъ народовъ древней и новой Европы? Но, оставляя въ сторонѣ разнообразіе выводовъ, къ которымъ могутъ привести указанія этого опыты, посмотримъ къ чему приводитъ образованныхъ людей нашихъ провинцій (какъ то неловко употреблять это слово, заимствованное изъ языка народа, который дѣйствительно зналъ только провинціи—завоеванныя земли, въ примѣненіи къ русскимъ областямъ, на общемъ сходѣ выбравшемъ царя-основателя нынѣшней династіи—но къ сожалѣнію оно слишкомъ укоренилось въ нашемъ языкѣ и только оно одно выражаетъ понятіе уѣзда, края, въ противоположность центру страны—столицѣ), къ чему приводитъ ихъ знакомство съ жизнію и понятіями неграмотнаго люда, съ жизнію и понятіями народа, который, не смотря на вѣковой тяжелый гнетъ, сохранилъ свою самость, коренныя начала своей духовной природы? Во многихъ корреспонденціяхъ проглядываетъ сознаніе совершенной отчужденности высшаго слоя земства отъ низшаго, и наоборотъ. «Именно дѣло въ томъ, что крестьянинъ и дворянинъ другъ другу чужіе; крестьянинъ со своими—одинъ, съ чужими—другой; вся бѣда въ томъ, что дворяне и крестьяне составляютъ два чуждые міра....» (Письмо изъ Каширы въ 16 № Дня). Такое сознаніе корреспондента, держащагося направленія умѣреннаго, хотя нѣсколько робкаго, но тѣмъ не менѣе способнаго «смиряться предъ народною правдою» и вслѣдствіе этого, по нашему мнѣнію, единственнаго, способнаго къ развитію направленія, которое принято многими корреспондентами «Дня»; такое сознаніе мало говоритъ въ пользу практической возможности представленія помѣщиками цѣлаго земства, даже и той части его, которая по инстинкту нисколько не довѣряетъ помѣщикамъ. За то корреспонденты другаго направленія, господствующаго на страницахъ «Современной Лѣтописи», не чуждаго также и нѣкоторымъ письмамъ, помѣщеннымъ въ «Днѣ», впрочемъ, по большой части съ оговоркою редакціи,—направленія чисто отрицательнаго, убѣждаетъ насъ, что крестьяне руководятся вполнѣ вѣрнымъ инстинктомъ.... Гг. корреспонденты съ такимъ высокомѣріемъ, съ такою педантическою самоувѣренностью, трактуютъ особенности русскаго быта, не подходящія подъ пред-

писаніе книжекъ, возводящихъ въ теорію практику западно-европейской жизни, что подивишься смыслу крестьянина, затаившаго свою мысль про себя и отдѣлывающагося отъ гг. плантаторовъ-просвѣтителей словами: «гдѣ намъ! извѣстно, мы люди темные. Вамъ то лучше знать. Нешто мы противъ васъ-то что понимаемъ? Ужъ гдѣ-жъ крестьянину и понять (ibid). Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма рязанскаго корр. (Совр. лѣт. № 1). «Вообще въ крестьянствѣ неуваженіе къ чужой собственности развито до размѣровъ очень нежелательныхъ, и злу этому до сихъ поръ не помогаютъ никакія строгія мѣры. Уничтожить зло можно, нападая не на самое зло, а на причину онаго; причина же эта, въ настоящемъ случаѣ, какъ намъ кажется, заключается въ привычкѣ крестьянъ пользоватся всѣмъ сообща.... Не по этому ли и чужой лѣсъ, и чужая пашня кажутся имъ общимъ достояніемъ?... Если бы предположеніе наше оказалось вѣрнымъ, то зло уничтожилось бы только тогда (и безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ), когда крестьяне сдѣлались бы собственниками, и, стало быть, долго пришлось бы еще намъ бороться отъ нашествій безцеремоннаго общиннаго землевладѣнія....» Кажется, просвѣщенному представителю цѣлаго земства можно бы было отнестись почеловѣчнѣе къ коренному началу русской жизни; впрочемъ нельзя не быть благодарному г. А. К-у, корресп. за то, что онъ посмотрѣлъ на общинное землевладѣніе въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями этой жизни. Такой важный бытовой фактъ, какъ общинное землевладѣніе, не можетъ стоять одиноко: подъ вліяніемъ его непремѣнно долженъ развиться въ русскомъ крестьянинѣ особый складъ воззрѣній на общественныя отношенія. Любопытный образчикъ такого особеннаго склада, мы встрѣтили въ письмахъ г. Якушкина, помѣщенныхъ въ послѣдней прошлогодней книжкѣ Основы. Одинъ крестьянинъ, услышавъ разсказы о повсюдномъ измѣреніи земли, возразилъ:

» — У насъ не одну землю мѣряютъ.

» — Какъ не одну землю?

» — Десну мѣряютъ! проговорилъ старикъ, къ ужасу всѣхъ слушателей...

» — Какъ Десну?

» — Десну!

» — И я видѣлъ...

« — Всѣ видѣли...

» —Я, братцы мои, диву дался, заговорилъ одинъ:—что такое это означаетъ? воду Богъ создалъ, вода у насъ вольная: кто хочетъ, по этой водѣ ступай, бери эту воду, сколько себѣ знаешь; сколько тебѣ надо, столько и бери... и эту то воду Божію мѣряютъ!... Своими бъ глазами не видалъ,—людямъ бы и вѣры не далъ... да и вѣрить то какъ?» (Ст. 95).

Гг. проповѣдующіе о невѣжествѣ русскаго народа увидятъ въ этомъ только подтвержденіе своей мысли; какъ могло придти человѣку въ голову видѣть въ простомъ измѣреніи длины рѣки — присвоеніе ея въ чью нибудь собственность? Не нелѣпа ли самая мысль о возможности такого присвоенія? Пожалуй, что и нелѣпа; но мы попросимъ читателей припомнить слѣдующія слова г. Чернышевскаго въ декабрьской книжкѣ Современника (въ статьѣ: Правительственное вліяніе, очерки политической экономіи по Миллю).

«По теоріи, силы природы должны принадлежать обществу людей, а не отдѣльному человѣку. Господствующая теорія сама не одобрила бы попытокъ монополизировать, обратить въ частную собственность силу пара, или силу электричества, или дождь, попытокъ, которыя очень легко представить себѣ въ теоріи и которыя оказались бы удобоисполнимыми даже на практикѣ, если бы явилась и укоренилась въ обществѣ мысль о ихъ законности. (Напр., развѣ нельзя составить правилъ, при которыхъ сталъ бы частною собственностію дождь? Количество упавшаго дождя легко измѣряется очень простыми инструментами. Почему же нельзя съ лица, владѣющаго участкомъ или воздѣлывающаго участокъ, брать плату, соразмѣрно количеству упавшаго дождя? Право на полученіе такой платы могло бы передаваться отъ одного лица къ другому наслѣдствомъ, продажею и всѣми другими способами, какими передается право на полученіе ренты. Капитализированная цѣнность составляетъ то, что называется поземельною собственностью. Капитализированная цѣнность платы по упавшему дождю точно также составила бы право собственности надъ дождемъ). По принципу совершенно таковъ же случай права частной собственности надъ силами, лежащими въ землѣ». (Стр. 537—538). Нашъ крестьянинъ не слышалъ о способахъ измѣренія количества упавша дождя, потому ему и въ голову не приходитъ возможность подобнаго оброка; но чтожъ мудренаго, если ему, убѣжденному въ общемъ правѣ всего рус-

скаго народа на землю, которую онъ занимаетъ, со всѣми ея даровыми угодьями, кажется вполнѣ послѣдовательнымъ и присвоеніе въ чью нибудь собственность водъ русскихъ рѣкъ, когда допущено подобное присвоеніе въ отношеніи къ предметамъ, по его понятіямъ совершенно однороднымъ.

Нѣтъ, не мѣшало бы гг. толкующимъ о признаніи существующей дѣйствительности, какъ единственно твердой основы для дальнѣйшаго развитія, подумать о томъ, что если нельзя отвергнуть фактовъ жизни тѣхъ слоевъ общества, которые своими особенностями во многомъ обязаны внѣшнему вліянію—фактовъ, вовсе не имѣющихъ крѣпости, составляющей несомнѣнный признакъ жизненности начала, котораго выраженіемъ служить такой фактъ, то тѣмъ менѣе позволительно игнорировать явленія народной жизни, сложившейся вѣками и такъ прочно, что никакія вліянія не были въ силахъ изгладить изъ народа воззрѣній, установившихся во время болѣе свободнаго ея развитія. Въ 4 № Современной лѣтописи, въ письмѣ съ юга разсказанъ одинъ случай, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важный для доказательства этой крѣпости народныхъ понятій: «временно-обязанная крестьянка одного изъ помѣщиковъ принесла мѣстному волостному старшинѣ жалобу на владѣльца за нанесенныя ей побои. Старшина собралъ сходъ и вмѣстѣ съ огромной толпой крестьянъ отправился въ домъ помѣщика для разбора дѣла. Освидѣтельствовавъ побитую женщину, сходъ рѣшилъ подвергнуть помѣщика штрафу (нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей отвергаютъ фактъ наложенія штрафа и утверждаютъ, что крестьяне ограничились однимъ актомъ осмотра женщины; впрочемъ, это обстоятельство не имѣетъ особаго вліянія на существо дѣла) (*). Хотя выборные вели себя скромно—безъ всякаго насилія,—но тѣмъ не менѣе мировой посредникъ счелъ поступокъ волостнаго старшины столь важнымъ, что рѣшился предать его уголовному суду....» Дальнѣйшія обстоятельства, ради которыхъ собственно авторъ и разсказалъ этотъ случай, очень интересны для характеристики отношенія между различными властями уѣзда, но для насъ еще не такъ важны, какъ приведенное. Мы не остановимся на раз-

(*) Не имѣетъ особаго вліянія на дѣло съ той стороны, съ которой смотритъ на него авторъ письма; для насъ, напротивъ, было бы очень важно знать самыя мелкія подробности этого дѣла.

борѣ юридической стороны дѣла и вопроса—имѣлъ ли мировой посредникъ достаточныя основанія для преданія старшины суду. Для разъясненія этого дѣла съ исторической точки зрѣнія, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ статьи проф. Иванищева «о древнихъ сельскихъ общинахъ югозападной Россіи», помѣщенной въ 3-й книжкѣ Русской бесѣды за 1857 годъ:

«Вѣдомству копы (*) подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, предоставлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики, вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу (*). По окончаніи суда копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ возными излагали дѣло и объявляли рѣшеніе для внесенія въ градскія книги. Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоя-

(*) Сельскаго схода.

(*) Въ градской книгѣ Владимірской (1608 г. листъ 286), на которой основывается это изложеніе, и выписку изъ которой г. Иванищевъ привелъ на стр. 51 и 52 своего изслѣдованія, сказано: «Тогда мы всѣ судьи копные, которыхъ было около 150 человѣкъ, поступая по обычаю права нашего копнаго, видя упорное непослушаніе поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ и крестьянъ ихъ (бачечи упоръ непослушенства впродъ-реченныхъ пановъ Вербскихъ и подданныхъ ихъ Вербскихъ), засвидѣтельствовавъ все это возными и бывшею при насъ шляхтою, опредѣлили декретомъ своимъ взыскать удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный паньѣю Аврамовой Пузовской съ поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ, съ нихъ самихъ и съ крестьянъ ихъ, Вербскихъ.—

тельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду градскому» (Русск. бесѣда 1857 г. № 3. Науки, стр. 8, 9, 10). Изъ послѣднихъ словъ видно, что право крестьянъ судить помѣщиковъ уже и въ это время (въ началѣ XVII столѣтія) было ограничено; видно, что послѣдніе очень косо на него смотрѣли и пользовались возможностью переносить дѣло въ высшія инстанціи; если мы обратимъ вниманіе на порядокъ собранія копы, то для насъ станетъ совершенно ясною невозможность широкаго примѣненія этого права: «Истецъ для собранія копы обращался къ помѣщикамъ, которые, по его просьбѣ, высылали своихъ крестьянъ на вѣче (*). Истецъ могъ также обратиться въ урядъ градскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу. Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію» (стр. 12). Понятно, что крестьянину, еслибъ онъ вздумалъ отыскивать свое право противъ своего же помѣщика, невозможно было бы добиться и самаго созванія сходки. Какъ бы то ни было, но для насъ важенъ самый принципъ признанія за крестьянскимъ судомъ общеземскаго значенія и особенно важно сознаніе своего права самими крестьянами.... Но и такіе слабые остатки древняго строя русской земли не могли уцѣлѣть при развитіи новаго порядка вещей. «Не смотря на постановленія статута литовскаго, говоритъ г. Иванищевъ, имѣвшія цѣлью распространить сельскія народныя собранія въ юго-западной Россіи и дать имъ законную силу, сельскія общины въ XVI и XVII вѣкахъ являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противорѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены крестьяне въ это время,—сельскія общины юго-западной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія, среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ

(*) Вѣчемъ названо совѣщаніе копы въ памятникѣ, относящемся къ 1564 году.

созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣщиковъ (стр. 20).» «Вслѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе, ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ Батуринѣ. На основаніи этого приговора вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала урядпику своему заплатить за покражу вола. Пани Храбтовичева отвѣчала: *я на голое слово мужицкое платить не приказываю* (стр. 24).» Замѣчательно, что общинный судъ, потерявъ свое широкое земское значеніе, перестаетъ называться копнымъ судомъ и получаетъ названіе сельскаго суда — sad wieiski (стр. 10). Воззрѣніе, такъ выразительно формулируемое словами Хребтовичевой, развиваясь все болѣе и болѣе, достаточно окрѣпло въ массѣ гг. помѣщиковъ. Но приводимый корреспондентомъ «Русскаго вѣстника» случай, надѣемся, убѣдитъ каждаго, какъ твердо сохраняетъ народъ память о *томъ* далекомъ времени (*), и что онъ понимаетъ, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ понимать въ возвращеніи воли....

P. S. Въ 7 № «Современной лѣтописи» г. Ростиславовъ также остановился на разсказѣ Туриста (автора письма съ юга въ 4 № «Совр. лѣт.») и подвергъ, по нашему мнѣнію, весьма основательному разбору дѣйствія мироваго посредника. Но онъ поступокъ или, если угодно—проступокъ, старшины, а слѣдовательно, и схода, извиняетъ «ихъ крайнею неразвитостью» и потому, намъ кажется, замѣтки наши, имѣющія цѣлію попытку—разъяснить этотъ поступокъ, какъ актъ народнаго воззрѣнія, не будутъ совершенно лишними....

(*) Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, спѣшимъ прибавить, что мы вовсе не предполагаемъ въ крестьянахъ сознательнаго стремленія къ возвращенію старины; мы не предполагаемъ такого сознанія, какое выразилось, напримѣръ, словами гостей и торговыхъ людей на земскомъ соборѣ 1642 года: «а при прежнихъ государяхъ того не было»—мы хотимъ сказать только, что въ народѣ инстинктивно сохраняется идеалъ, выработанный исторіей предыдущаго развитія.

22.

Письмо къ Редактору.

Я не хочу представлять вамъ обстоятельно описаніе того, что́ въ прошломъ мѣсяцѣ, происходило въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи: но мнѣ хотѣлось бы показать нѣкоторые факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. По незнакомству со взглядами и цѣлями представителей нѣкоторыхъ предложеній, но, основываясь на поверхностной оцѣнкѣ самыхъ предложеній, часть публики была поставлена въ необходимость, произнести не совсѣмъ правильный приговоръ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ было въ Петербургѣ чрезвычайное дворянское собраніе, для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся учрежденія земскаго банка. Дворяне петербургскаго уѣзда воспользовались этимъ случаемъ, чтобы представить нѣкоторыя предложенія на разсужденіе губернскаго собранія. Они выразились въ своемъ письменномъ предложеніи: «что во время разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса, мы имѣли неоднократно случай доказать наше сочувствіе къ основной мысли совершившагося преобразованія и постоянную готовность забывать объ одностороннихъ своихъ интересахъ, въ виду общей пользы отечества. Мы не допускаемъ и нынѣ мысли о возможности ограниченія уже предоставленныхъ крестьянамъ правъ, но ходатайствуемъ лишь о принятіи мѣръ, необходимыхъ, по нашему убѣжденію, для правильнаго развитія нашей гражданской и общественной жизни.

«Ходатайство наше обнимаетъ три главные предмета:

«1) Устраненіе главныхъ препятствій къ осуществленію дѣй-

ствительной свободы крестьянъ. 2) Пріобщеніе самостоятельныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій и представителей крестьянскихъ обществъ, владѣющихъ землею на правѣ собственности, къ составу и правамъ нашего собранія, и 3) Организація на выборномъ началѣ губернскихъ учрежденій для завѣдыванія мѣстными хозяйственными интересами».

Для этого они предлагали, *чтобы, по введеніи въ каждомъ имѣніи въ дѣйствіе уставной грамоты, крестьяне немедленно вступили въ то гражданское состояніе, которое имъ предназначается по истеченіи 9-ти лѣтняго срока*. Находя также, что дѣйствительное и окончательное осуществленіе личной свободы крестьянъ, затрудняется въ сильной мѣрѣ существующимъ подушнымъ окладомъ податей и повинностей; что это стѣсненіе, весьма тяжкое, могло быть устранено *обращеніемъ всѣхъ подушныхъ податей и повинностей въ поземельныя*»; что «исключеніе лицъ другихъ сословій изъ совѣщаній дворянъ было бы оскорбительною несправедливостію» — они предлагали, чтобы лицамъ всѣхъ сословій, владѣющимъ поземельною собственностію въ опредѣленномъ размѣрѣ, *предоставить право участія въ собраніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ*.

Въ концѣ же предложенія они говорили: «Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ возобновить свое ходатайство о возможно-скорой организаціи мѣстнаго губернскаго учрежденія, для непосредственнаго завѣдыванія мѣстными хозяйственными интересами и приходомъ и употребленіемъ всѣхъ мѣстныхъ повинностей.» Это предложеніе подписали: графъ Андрей Шуваловъ, князь Григорій Щербатовъ, графъ Александръ Строгоновъ и князь Ѳедоръ Паскевичъ.

Изъ этого видно, что представители предложенія хотѣли, чтобы, сохраняя временно-обязаннымъ крестьянамъ всѣ имъ дарованныя права, освободить ихъ отъ обязанности 9-ти лѣтняго пребыванія на помѣщичьихъ земляхъ, дать имъ лучшее изъ благъ свободы—право передвиженія. Хотѣли перевести подать съ душъ на землю, и этимъ самымъ уничтожить эту обидную для податныхъ сословій дворянскую привилегію; наконецъ, ослабить духъ касты, отворивъ всѣмъ сословіямъ двери нынѣшнихъ дворянскихъ собраній, соединивъ въ одно собраніе всѣ сословія каждой губерніи. Но въ то самое время, какъ представлялось

вышеупомянутое предложеніе, царскосельскій уѣздный предводитель дворянства Александръ Платоновичъ Платоновъ заявилъ совершенно другое. Въ своемъ предложеніи Александръ Платоновичъ предлагалъ собранію ходатайствовать объ учрежденіи государственной земской думы. Предложеніе свое Александръ Платоновичъ основывалъ на существовавшихъ у насъ до-петровскихъ земскихъ соборахъ, гдѣ каждое сословіе имѣло своихъ представителей. Предложеніе это находилось въ прямомъ противорѣчіи съ предложеніемъ дворянъ Петербургскаго уѣзда. Послѣдніе хотѣли слить въ одно всѣ сословія, уничтожить касты, антагонизмъ между классами русскаго общества, стереть оставшіеся еще слѣды крѣпостнаго права, учредить губернскія представительныя собранія, которыя могли бы служить ступенью для дальнѣйшаго развитія. Александръ Платоновичъ, напротивъ того, хотѣлъ увѣковѣчить нынѣ существующія различія сословій, посредствомъ учрежденія земской думы, основанной единственно на представительствѣ сословій. Слѣдовательно, Александръ Платоновичъ держался тѣхъ мнѣній, представитель которыхъ — г. Бланкъ. А потому нѣкоторые были на сторонѣ предложенія Александра Платоновича, сильно возставали на переводъ податей съ душъ на землю, и успѣли отстоять привилегію дворянъ — не платить податей наравнѣ съ другими. Проектъ о губернскихъ собраніяхъ изъ всѣхъ сословій встрѣтилъ не меньшую оппозицію съ ихъ стороны. Александръ Платоновичъ и придерживающіеся его мнѣнія не хотѣли уничтожить сословныя привилегіи; они, какъ мы уже сказали, держались началъ гг. Бланка и Безобразова. Поэтому часть предложенія дворянъ Петербургскаго уѣзда не могла иначе пройти, какъ съ измѣненіемъ сохранить, рядомъ съ этимъ общимъ губернскимъ собраніемъ, особое дворянское. Вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, возбудила также оппозицію часть вышеупомянутаго предложенія Петербургскаго уѣзда относительно немедленнаго для временно-обязанныхъ крестьянъ права перехода. Въ духѣ же предложенія Александра Платоновича было предложено оставить душевные надѣлы временно-обязанныхъ крестьянъ только во временное ихъ пользованіе. Но предложеніе это было отвергнуто собраніемъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Если мы будемъ такимъ образомъ смотрѣть на предложеніе Александра Платоновича, въ связи съ другими, какъ-то: сохраненіе несоотвѣт-

ствующей духу нашего времени дворянской привилегіи въ неплатежѣ податей, желаніе увѣковѣчить существованіе дворянскаго сословія, лишеніе помѣщичьихъ крестьянъ всего поземельнаго надѣла, то намъ нетрудно будетъ понять причину оппозиціи и въ отношеніи этого предложенія. Противники этого предложенія вовсе не были недоброжелателями представительнаго учрежденія, но не хотѣли сословнаго представительства; по ихъ мнѣнію, лучше обуздать свое нетерпѣніе, нежели немедленно ввести пародію нашихъ до-петровскихъ земскихъ соборовъ. Въ этомъ смыслѣ говорилъ с.-петербургскій губернскій предводитель: *Я надѣюсь*, сказалъ онъ, *дожить до того счастливаго дня, когда у насъ будутъ представительныя учрежденія; но дайте время, чтобы поднятые вопросы улеглись, чтобы сословія организовались*. Гдѣ же тутъ протестъ противъ представительныхъ учрежденій? Въ этомъ же смыслѣ говорилъ графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ. Такъ-какъ все, что ни происходило въ этомъ замѣчательномъ засѣданіи, достойно вниманія, то мы считаемъ нелишнимъ привести всю рѣчь графа Андрея Павловича, за подлинность которой мы ручаемся.

«Не могу, къ крайнему моему сожалѣнію,» сказалъ онъ, «раздѣлять съ Александромъ Платоновичемъ сочувствія его къ допетровскимъ представительнымъ учрежденіямъ; не могу также принять предложеніе его о новомъ государственномъ представительномъ учрежденіи.

«Боярскія наши думы, земскіе наши соборы зависѣли постоянно отъ произвола царей; они не съумѣли ни оградить личной свободы гражданина, ни даже упрочить свободное свое существованіе.

«Не вѣрю ни свободѣ нашихъ предковъ, ни гражданской ихъ самостоятельности, и лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что они, не смотря на закоренѣлыя свои предубѣжденія, могли покориться такъ легко жестокому самоуправству Петра и крутому перевороту, сдѣланному имъ въ общественной и семейной жизни Россіи.

«Что же касается настоящаго предложенія Александра Платоновича, то не могу не признавать, что во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должны существовать учрежденія, охраняющія законы. Но какъ всякое растеніе идетъ отъ корня, такъ и всякій новый политическій порядокъ долженъ, по моему

убѣжденію, развиваться постепенно изъ новыхъ интересовъ, новыхъ потребностей, новаго устройства народнаго. Нынѣ же интересы эти, потребности эти, новое устройство народа только что устанавливаются, и въ настоящую минуту всякое предположеніе о той окончательной цѣли, къ которой мы должны идти, можетъ быть основано на однихъ только умозрительныхъ выводахъ, а не на фактическихъ основаніяхъ.

«Исторія народовъ показываетъ намъ, до какой степени опасны подобные опыты; опасны, говорю я, не для насъ однихъ, господа, а то можно, пожалуй, и пожертвовать собой; но они опасны именно для того, чего мы всѣ желаемъ, для неприкосновенности закона и для личной свободы каждаго. Мы видимъ, по новѣйшимъ примѣрамъ запада, какъ шатки политическія учрежденія, основанныя на однихъ теоріяхъ. Мы видѣли какъ они легко рушатся, при первомъ столкновеніи, и какъ вмѣстѣ съ ними уничтожаются не только существующія вольности, но даже и всякая надежда на будущее ихъ установленіе.»

Для того, чтобы построить прочное зданіе, дворянское собраніе отложило на годъ разсмотрѣніе предложенія Александра Платоновича. Въ наше время, въ годовой срокъ много воды утекаетъ, и кто знаетъ, можетъ быть, чрезъ годъ предложеніе Александра Платоновича, очищенное отъ крѣпостныхъ и дворянскихъ предубѣжденій, явится вторично на свѣтъ, не какъ скороспѣлый плодъ и не въ обществѣ ретроградныхъ стремленій, но какъ зрѣло обдуманная идея, которая будетъ въ силахъ перенести всѣ непогоды. Терпѣніе есть залогъ всякаго успѣха.

25.

Было время, когда во всей Европѣ бредили, что дворянство составляетъ консервативный элементъ государства, что оно лучшій оплотъ престола и правительства противъ демократическихъ стремленій. Нынѣ мысль эта, какъ опровергнутая на опытѣ тѣмъ ничтожествомъ, въ какомъ являлось дворянство во время народныхъ волненій, иногда даже само приставая къ нимъ, давно уже брошена, какъ нелѣпая, и повторяется только закоренѣлыми *сословниками*. Дворянство въ общей массѣ народонаселенія всегда представляетъ собою цифру самую ничтожную. Когда начинаются народныя волненія, имѣющія въ основаніи своемъ всегда почти общее недовольство народа,—что́ можетъ сдѣлать противъ этой громадной силы малочисленное дворянство, за свои привилегіи неимѣющее обыкновенно нравственнаго кредита въ народѣ? Но если бы даже предположить, что дворянство можетъ противостоять силѣ народныхъ волненій, то въ высшей степени странная политика—основывать твердость государства на образованіи въ немъ двухъ враждебныхъ между собою силъ и противопоставленіи ихъ одна другой. Гарантіей твердости государственнаго организма долженъ быть не разсчетъ на силу противъ возмущеній, а такое устройство государства, въ которомъ не представлялось бы никакого повода къ возмущеніямъ, при которомъ всякій бы гражданинъ, чувствуя свое благосостояніе подъ защитою государства, смотрѣлъ на неблагонамѣренныхъ людей, возмущающихъ спокойствіе государства, какъ на общественную язву. Хорошіе законы, выработанные самимъ обществомъ, твердое и точное исполненіе ихъ всѣми, отсутствіе произвола, насилій—вотъ что можетъ быть прочною основою государственнаго устройства и вѣрною гарантіею противъ всѣхъ возмущеній! Гдѣ есть такіе законы, гдѣ они свято всѣми сохраняются, тамъ го-

сударству противъ возмущеній, если бы они и случились, не нужно употреблять ни войска, ни особенно создаваемой на такіе случаи силы, какъ напримѣръ, дворянство. Возмущенія эти ни въ комъ не найдутъ ни сочувствія, ни поддержки и уничтожатся сами собою, при содѣйствіи самихъ гражданъ. Силу государства составляютъ безчисленные мелкіе собственники, которымъ, если они пользуются хорошимъ государственнымъ устройствомъ, нѣтъ никакого разсчета сочувствовать и содѣйствовать возмущеніямъ. Такъ какъ они составляютъ самую значительную, по числу и средствамъ матеріальнымъ и нравственнымъ, силу народныхъ массъ, то даже тѣ государства, въ которыхъ есть много безземельныхъ пролетаріевъ, безопасны противъ возмущеній, если въ нихъ есть хорошее государственное устройство, удовлетворяющее мелкихъ собственниковъ. Тѣмъ болѣе было бы безопасно противъ всякихъ возмущеній, при хорошемъ внутреннемъ устройствѣ, такое государство, въ которомъ никогда не можетъ образоваться безземельнаго пролетаріата, гдѣ всякій имѣетъ или можетъ легко имѣть осѣдлую собственность.

Однимъ словомъ, консервативный элементъ государства, его силу, составляютъ народныя массы, владѣющія отдѣльной собственностію, крестьянство. И вотъ на чемъ должна сосредоточиться въ настоящее время вся заботливость правительства, чтобъ дать внутреннюю силу государственному организму и безопасность противъ всѣхъ случайностей.

24.

Чѣмъ далѣе мы вчитываемся въ протоколы губернскихъ по крестьянскому дѣлу присутствій, тѣмъ болѣе и болѣе начинаемъ, особенно въ послѣднее время, убѣждаться, что нѣкотораго рода какъ бы антагонизмъ, если позволятъ намъ такъ выразиться, то есть, конечно, не междоусобица, а глухозавѣтная недовѣрчивость освобожденнаго сельскаго населенія къ благонамѣренности дѣйствій бывшихъ своихъ помѣщиковъ, и, vice versa, надменность, ходульная надутость и спѣсивость отношеній иныхъ помѣщиковъ къ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ—начинаютъ мало по малу какъ бы сглаживаться. Если они кое-гдѣ подчасъ и проявляются, то проявляются уже только мелькомъ, то тутъ, то тамъ, и не частыми уже, а какъ бы исключительными, урывочными явленіями, изъ которыхъ, конечно, все таки по временамъ слагается цѣлая драма, но уже не съ трагическимъ оттѣнкомъ, а скорѣе съ комическими эпизодами.

Матеріялъ къ такому выводу мы находимъ въ массѣ тѣхъ постановленій мировыхъ учрежденій, которыя такъ заботливо, съ такимъ уваженіемъ къ общественному мнѣнію припечатываются въ губернскихъ вѣдомостяхъ, для свѣдѣнія всей публики. Матеріялы эти свидѣтельствуютъ о высокой степени развитости тѣхъ представителей лучшаго нашего дворянства, которому государственная власть ввѣрила веденіе этого общенароднаго дѣла. Такое настроеніе нашего дворянства и нашихъ мировыхъ учрежденій почти повсемѣстно. Исключенія рѣдки. Мы готовы назвать даже блестящимъ исключеніемъ въ этомъ родѣ двѣ губерніи—С.-Петербургскую и Астраханскую. И петербургское и астраханское губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, кажет-

ся, окончательно порѣшили, чтобъ ничего о своихъ дѣйствіяхъ не печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Гдѣ и какъ оглашаются ихъ протоколы, и куда они расходуются — это должно быть извѣстно единому Господу Богу. Подъ стать къ нимъ можно бы наименовать присутствія: пермское (*), курское, воронежское, полтавское и иныя, которыя въ нынѣшнемъ году что-то скупятся на обнародованіе своихъ постановленій, посредствомъ губернскихъ вѣдомостей; есть многія губерніи, если и не совсѣмъ скупыя въ этомъ отношеніи, то и не очень-то тороватыя; но за то всегда полны высокаго интереса постановленія присутствій: ярославскаго, саратовскаго, орловскаго, тульскаго, пензенскаго, черниговскаго, псковскаго, рязанскаго и даже смоленскаго, и съ нѣкоторыхъ поръ новгородскаго.

Рѣшеній мрачнаго колорита появляться теперь стало гораздо меньше. Конечно, много еще встрѣчаемъ мы явленій нерадостныхъ, но мы встрѣчаемъ ихъ уже какъ агонію, какъ предсмертныя судороги «крѣпостнаго» страшилища, мучающагося терзаніями о послѣднемъ для него днѣ.

Губернскія присутствія теперь меньше отличаются церемонностію толкованій съ сановитыми, но закоренѣлыми крѣпостниками. Немедленное освобожденіе дворовыхъ отъ обязательныхъ отношеній, на основаніи извѣстной статейки Положенія, приглашеніе немедленно подать уставную грамату, или подведеніе для того подъ первую очередь, и постоянно рекомендація извѣстнаго землевладѣльца вниманію предводителей дворянства — вотъ мѣры, которыми избранное въ губернскія присутствія дворянство охлаждаетъ пылъ и горячность тѣхъ, кому тяжко разстаться съ тишками, съ фишками, съ васьками, съ надьками, съ прошками, да съ матрешками. И странная вещь: въ цѣломъ мірѣ, кажется, никто такъ горячо не налегаетъ на право давать другимъ затрещины и оплеухи, какъ наши православные помѣщики извѣстнаго закала, какъ будто бы набравшіеся по-горло тенденцій сіятельнаго флигель-адъютанта и полковника князя Эмиля фонъ-Вит-

---

(*) Только въ послѣднеполученномъ нами № 12 пермскихъ вѣдомостей есть нѣсколько отрывочныхъ данныхъ, скомканныхъ кое-какъ и на живую руку, какъ видно изъ офиціальныхъ актовъ, рукою редактора вѣдомостей, С. С. Пенна, и не дающихъ даже сколько нибудь удовлетворительнаго понятія о ходѣ крестьянскаго дѣла въ краѣ.

генштейна. Сколько въ теченіе минувшаго мѣсяца перебывало въ нашихъ рукахъ рѣшеній, которыми губернскія присутствія сочли необходимымъ оглашать имена «дерзкихъ на руку» баричей! Всѣхъ ихъ мы не переупомнимъ, но въ памяти нашей, въ послѣднее время, особенно врѣзались рязанскій помѣщикъ, коллежскій секретарь Тимофей Антоновичъ Фроловъ-Багрѣевъ и новгородскій землевладѣлецъ господинъ Голенищевъ-Кутузовъ — ни чина, ни имени и отчества его знать чести не имѣемъ, потому что высшее губернское начальство, признавъ необходимымъ огласить его фамилію *во всевѣдѣніе*, не пояснило этихъ атрибутовъ.

Г. Фроловъ-Багрѣевъ хотя и бьетъ мужиковъ и дворовыхъ дѣвушекъ, по крайней мѣрѣ онъ оправданія представить совѣстился. Губернское присутствіе прямо обвиняетъ его въ жестокомъ обращеніи. Мировой посредникъ свидѣтельствуетъ, что «таковыя дѣйствія случались съ нимъ уже не первый разъ», что одинъ разъ побитый мужикъ, по христіанскому чувству, отпустилъ ему его вину, что баринъ съ мужикомъ тогда помирились; что, не смотря на это, онъ еще разъ поколотилъ другаго мужика, потомъ еще третьяго мужика, а потомъ избилъ и дворовую дѣвушку. Но на судъ къ посреднику ни господинъ помѣщикъ, ни господинъ опекунъ, по повѣсткамъ, не пожаловали и отзывовъ не прислали. Разумѣется, высокоуважаемые представители дворянства этого дѣла безъ огласки не оставили, и напечатали свое постановленіе о немедленномъ освобожденіи всего семейства побитыхъ отъ обязательныхъ, къ г. Фролову-Багрѣеву, отношеній.

Г. Голенищевъ-Кутузовъ не такъ поступалъ, а началъ отпираться и представлять свои резоны. Вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ его дворовыхъ пожаловался посреднику, что г. Голенищевъ-Кутузовъ ударилъ его при постороннихъ. Если ударъ рукою для полудикаго киргиза — смертная обида, что́ извѣстно всякому, знакомому съ ихъ бытомъ, то нѣтъ основанія не допускать, что и дворовый человѣкъ, какъ человѣкъ, не чуждъ чувства чести, хотя нѣмцы въ родѣ князя Эмиля Витгенштейна этого и не допускаютъ; но на то они и нѣмцы! Посредникъ пишетъ къ г. Голенищеву-Кутузову письмо и проситъ его: если это правда, не давать дѣлу хода, а удовлетворить обиженнаго и помириться; если же тотъ лжетъ, то опровергнуть его клевету. Г. Голенищевъ-Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ своего двороваго не билъ, а

дѣло было вотъ какъ: онъ велѣлъ ему задать скоту кормъ, а дворовый, вмѣсто того, чтобъ исполнить это скромное приказаніе, началъ такъ дерзко отказываться, что хотѣлъ было схватить барина за грудь, а онъ, какъ помѣщикъ, оберегая свою личность, ударилъ его по рукамъ—только. Мировой посредникъ печатно сознается, что онъ самъ видѣлъ, что подобный отзывъ и бездоказателенъ, и неправдоподобенъ (у жалобщика были свидѣтели), но что все таки онъ пригрозилъ дворовому статьями Положенія; а такъ какъ дворовому *увѣчья не нанесено да и слѣдовъ никакихъ на тѣлѣ не осталось* (послѣ оплеухи мужикъ, дескать, утрется—и краска сойдетъ!), то я, говоритъ, склонилъ двороваго прекратить искъ объ обидѣ и удовольствоваться тѣмъ, что помѣщикъ не ищетъ самъ на немъ судебнымъ порядкомъ. Въ дѣлѣ умиротворенія, подобная уловка со стороны посредника, пожалуй, еще и туды и сюды! Но г. Голенищевъ-Кутузовъ не унялся. Недѣльки черезъ три къ посреднику пришелъ ужъ не дворовый, а крестьянинъ, жалуется, что баринъ, при четырехъ постороннихъ людяхъ, ударилъ его въ щеку. Мировой посредникъ потребовалъ отъ помѣщика отвѣта, Г. Голенищевъ-Кутузовъ сталъ опять отпираться и на этотъ разъ написалъ въ отвѣтѣ, что крестьянину тому онъ велѣлъ отвести въ деревню лошадь подковать и для этого далъ ему два куска желѣза; но крестьянинъ, вмѣсто исполненія барской воли, наговорилъ ему дерзостей и бросилъ ему въ ноги желѣзо съ такою силою, что одинъ кусокъ, рикошетомъ, попалъ таки ему въ лѣвую ногу. Вотъ, тогда онъ, г. Голенищевъ-Кутузовъ, оттолкнулъ отъ себя дерзкаго крестьянина и ударилъ его по щекѣ, но только *двумя пальцами*. Подобная дерзость, говоритъ онъ посреднику, не можетъ быть терпима: я прошу васъ взыскать за это съ крестьянина. Нечего дѣлать было посреднику: такъ какъ это была уже не первая жалоба, то теперь посредникъ счелъ долгомъ разобрать дѣло и поэтому просилъ г. Голенищева-Кутузова пожаловать къ нему въ усадьбу въ такое-то воскресенье. Но въ назначенный день г. Голенищевъ-Кутузовъ не пожаловалъ, а написалъ къ посреднику письмо такого рода, что такъ какъ по воскресеньямъ у посредника бываютъ сборища постороннихъ мужиковъ, то онъ, г. Голенищевъ-Кутузовъ, никогда не станетъ при подобномъ сборищѣ *на одну доску съ своими крестьянами*, да и они противъ *своего* помѣщика свидѣтелями быть не могутъ.

А не угодно ли — говоритъ помѣщикъ—въ общій гражданскій судъ (что съ канцелярскими тайнами и не гласностью)? тамъ я готовъ дать отвѣтъ! Посредникъ пришелъ въ затрудненіе: какъ тутъ быть? вѣдь всѣ помѣщики такъ смотрятъ на свои права? да правъ ли и онъ-то самъ, какъ посредникъ? Опять же дѣло числится нерѣшеннымъ?... Посредникъ кинулся съ представленіемъ въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе указало ему всѣ статьи Положенія, которыми онъ долженъ былъ въ данномъ случаѣ руководствоваться, и, изъявивъ соболѣзнованіе, что онъ напрасно былъ приведенъ въ нерѣшимость относительно поступка г. Голенищева-Кутузова, постановило: въ избѣжаніе на будущее время, объявить объ этомъ во всевѣдѣніе, а мѣстнаго предводителя дворянства просить: *внушить* г. Голенищеву-Кутузову, чтобы онъ впередъ законныя требованія мироваго посредника исполнялъ неуклонно. Послѣ этого, полагаемъ мы, мудрено будетъ застращать мужика статьями гуманнаго Положенія.

Третій случай, который намъ пришелъ теперь на память, совершенно инаго рода. Онъ важенъ сколько по своему существу, столько же и по гуманности взглядовъ лучшихъ представителей нашего дворянства. Вотъ въ чемъ дѣло:

Въ Пензенской губерніи, въ Инсарскомъ уѣздѣ, мировой посредникъ Панчулидзевъ вводилъ въ дѣйствіе, въ началѣ текущаго года, въ имѣніи помѣщика Литвинова уставную грамату. Къ сожалѣнію, крестьяне отказались дать подписку въ принятіи копіи съ граматы и въ томъ, что они, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, имѣютъ право пожаловаться на дѣйствія посредника. Это было въ селѣ Пятинѣ, центрѣ Пятинской волости. Конечно, тутъ случился и самъ старшина волостной, Василій Лапшинъ. Лапшинъ этотъ тоже отъ дачи подписки уклонялся. «Не могу!» говоритъ, «міръ этого не желаетъ!»

— «Да, братецъ, законъ такъ велитъ!»

— «Воля міра мнѣ пуще закона!» возразилъ волостной голова.

Такъ ли онъ, дѣйствительно, сказалъ, или выразился, какъ свидѣтельствуетъ г. Панчулидзевъ, что «мнѣніе міра», по его понятію, «выше закона», хотя постройка этой фразы необычна для крестьянина, которому легче сказать: «а что мнѣ законъ? мнѣ міръ указъ?»—только посредникъ подобнаго отзыва оставить безъ взысканія не могъ; онъ наказалъ волостнаго старшину, на

основанiи статьи закона, семидневнымъ арестомъ. А такъ какъ въ этомъ же провинился и писарь, то его посредникъ приказалъ наказать тѣлесно, розгами, двадцатью ударами. Тѣмъ бы дѣло и должно было кончиться: но землевладѣлецъ, г. Литвиновъ, поѣхалъ на мировой съѣздъ и тамъ, разсказавъ на словахъ про этотъ случай, придалъ ему особенное значенiе и просилъ удалить отъ должности старшину за то вредное влiянiе, которое *можетъ* имѣть его поступокъ. Мировой съѣздъ велѣлъ произвесть дознанiе и главнымъ обвинителемъ, по печатнымъ документамъ, намъ представляется, какъ можно было и ожидать, становой приставъ. Онъ пуще всего напираетъ на *рѣзкость выраженiй* волостнаго старшины и драматизируетъ разговоръ его съ посредникомъ, въ такой формѣ:

— «Законъ велитъ!» говорилъ посредникъ.

— «Что же законъ, когда мiръ не велитъ? нельзя же быть противъ мiра?»

— «Я тебя заставлю дѣйствовать по Положенiю!»

— «А я исполнять не буду!» поперечитъ старшина.

— «Будешь оштрафованъ.»

— «Всякiй день не наштрафуетесь!»

— «Да вѣдь за это тебя подъ судъ надо?»

— «Хоть сейчасъ въ Сибирь посылайте!»

— «Отъ тебя требуютъ только исполненiя закона.»

— «Требованiе мiра для меня выше закона!» настаивалъ неугомонный старшина, по увѣренiю становаго.

Мировой съѣздъ нашелъ невозможнымъ по этимъ даннымъ рѣшить судьбу старшины и писаря и начѣревался поручить земскому суду произвести предварительное дознанiе, которое вмѣстѣ съ прикосновенными къ дѣлу лицами представить снова на съѣздъ, а между тѣмъ волостнаго старшину временно отъ должности удалить. А какъ г. Панчулидзевъ, находя эту мѣру излишнею, отъ исполненiя сего отказался—то дѣло пошло дальше, въ губернское присутствiе.

Посредникъ Панчулидзевъ просилъ губернское присутствiе обратить вниманiе на то, что волостной старшина Лапшинъ и его писарь уже подверглись указанному закономъ взысканiю; что предположенная мировымъ съѣздомъ мѣра наказанiя была бы слишкомъ жестока и несоразмѣрна съ проступкомъ; что волостной старшина, съ самаго вступленiя въ должность, никогда и ни въ

какихъ дурныхъ поступкахъ не замѣченъ; на него ни отъ помѣщика, ни отъ крестьянъ не было никогда никакихъ жалобъ; онъ извѣстенъ своею опытностію и распорядительностію; онъ необходимъ для волости существеннѣйшимъ образомъ и, при надзорѣ и хорошемъ исправленіи, эта личность можетъ быть очень полезною; но, конечно, если онъ будетъ заслуживать нынѣ рекомендаціи, то самъ г. Панчулидзевъ первый представитъ губернскому присутствію объ его удаленіи и преданіи суду.

Губернское присутствіе нашло, что виновные уже наказаны; помѣщикъ поступилъ неправильно; ему и слѣдовало бы принесть жалобу губернскому присутствію, а не заявлять мировому съѣзду своего неудовольствія на дѣйствія посредника; мировой съѣздъ тоже не правъ: онъ былъ бы правъ тогда, когда бы на его рѣшеніе предложенъ былъ вопросъ самимъ посредникомъ. Поэтому губернское присутствіе и рѣшило дѣло тѣмъ, что производство новаго дознанія и временное удаленіе старшины отъ должности теперь уже неудобно. Оно объявило это мировому съѣзду, а на г. Панчулидзева возложило обращать на старшину особенное вниманіе и, въ случаѣ чего либо, подвергнуть его законной отвѣтственности; но тутъ же прибавило, что ему, г. Панчулидзеву, слѣдовало бы самому, при жалобѣ помѣщика Литвинова, передать дѣло на разсмотрѣніе мироваго съѣзда.

Противъ этого гуманнаго, но справедливаго, рѣшенія возсталъ только одинъ членъ присутствія, И. Н. Горсткинъ (*), напиравшій на совокупность столь тяжкихъ обвиненій противъ Лапшина въ неистовствахъ его и на «зловредство его власти...» но, слава Богу, съ г. Горсткинымъ никто не согласился—и человѣкъ былъ спасенъ!

(*) Мнѣніе И. Н. Горсткина оглашено въ газетахъ по собственному его желанію.

25.

Крестьянское дѣло.

Въ Саратовскихъ губ. вѣд. сообщаютъ, что въ имѣніи помѣщика Столыпина окончены обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику. Помѣщикъ, на основаніи 123 ст. Положенія 19 февраля, подарилъ крестьянамъ по 1 десятинѣ земли на душу. Тоже онъ сдѣлалъ и въ самарскомъ своемъ имѣніи. Самарскіе крестьяне прислали къ г. Столыпину депутатовъ благодарить его за подарокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просили: *помочь имъ устроить школу и чтобы помѣщикъ при измѣненіи правилъ продажи вина не допускалъ въ своемъ имѣніи завести кабакъ.*

Сообщая это извѣстіе, редакція саратовскихъ вѣдомостей добавляетъ, что въ Саратовской губ. во многихъ богатыхъ вотчинахъ, какъ напр. Гурьевыхъ, Нессельроде, Кочубеевъ, Орловыхъ-Денисовыхъ, князей Щербатовыхъ, гр. Шуваловыхъ и др., обязательныя отношенія крестьянъ съ помѣщиками оканчиваются по обоюдному соглашенію, на основаніи 123 ст. мѣстнаго положенія для великорос. губерній. Крестьяне получаютъ въ вѣчное владѣніе $1/4$-ю часть душеваго надѣла и тѣмъ оканчиваются между ними и помѣщиками всякіе разсчеты. Крестьяне дѣлаются свободными землевладѣльцами — по мнѣнію нѣкоторыхъ, почти пролетаріями по мнѣнію нашему. Согласіе крестьянъ на такія сдѣлки мы можемъ объяснить себѣ только непреодолимымъ желаніемъ съ ихъ стороны покончить во что бы то ни стало обязательныя отношенія, мало отличающіяся въ ихъ глазахъ отъ крѣпостнаго состоянія. Это фактическое подтвержденіе высказаннаго нами не разъ взгляда на значеніе обязательныхъ отношеній кре-

стьянъ къ помѣщикамъ. Грустно, конечно, что дѣло развязывается такимъ, а не инымъ способомъ. Обѣ стороны видимо въ матеріальномъ отношеніи теряютъ. Крестьяне остаются съ такимъ ничтожнымъ количествомъ земли, что, избѣгая обязательныхъ отношеній, становятся неизбѣжно въ положеніе работника, зависящаго отъ сильнаго землевладѣльца. Помѣщики же дарятъ, слѣдовательно тоже теряютъ, хотя и не очень много, потому что если бы они надѣлили крестьянъ полнымъ надѣломъ и предложили имъ выкупиться, то получили бы 80 коп. за рубль всей суммы, которая слѣдовала бы имъ по разсчету того оброка, который имъ причитался бы; слѣдовательно, при этомъ они лишились бы $^1/_5$ стоимости уступленной крестьянамъ земли и, дѣйствуя такъ, какъ дѣйствуютъ вышеупомянутые помѣщики, они теряютъ $^1/_4$; слѣдовательно, теряютъ 5 коп. на рубль болѣе, нежели въ первомъ случаѣ. А можетъ быть не потеряютъ и этого если принять въ разсчетъ съ одной стороны цѣнность бумагъ, которыя получатся вслѣдствіе выкупа, а съ другой то, что земля будетъ возвышаться въ цѣнѣ съ каждымъ годомъ. Всякій, конечно, пойметъ, что, разрѣшая такимъ образомъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, въ будущемъ, — и быть можетъ не весьма отдаленномъ,—готовится къ разрѣшенію другой вопросъ, надъ которымъ ломаютъ головы на западѣ и экономисты и соціалисты. Правительство наше, разрѣшая крестьянскій вопросъ, въ предложенной имъ формѣ, имѣло конечно въ виду предупредить этотъ другой, болѣе трудный къ разрѣшенію вопросъ. Обстоятельства складываются иначе,—что дѣлать! Обѣимъ сторонамъ предоставлена была свобода избирать способы окончить взаимныя отношенія; если крестьяне избираютъ худшій, по нашему мнѣнію, для нихъ способъ, то намъ остается только жалѣть, что дѣло принимаетъ такой оборотъ—помочь же горю нечѣмъ.

Въ засѣданіе 3 февраля 1862 года состоялось въ саратовскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи слѣдующее постановленіе.

Временно-обязанные крестьяне графа Орлова-Денисова села Ключей Вольскаго уѣзда, Антропъ Аникинъ, Сергѣй Игнатьевъ, Семенъ Тимофѣевъ, Матвѣй Гавриловъ и Василій Филипповъ, подали въ губернское присутствіе, отъ имени общества своего, прошеніе, въ которомъ объявляютъ что они приняли по принужденію отъ помѣщика въ даръ $1^1/_4$ дес. на душу, и что за изъ-

явленія ими этого неудовольствія уже послѣ окончательной повѣрки граматы четверо крестьянъ изъ ихъ общества были наказаны розгами г. посредникомъ и земскимъ исправникомъ. За тѣмъ крестьяне изъявляютъ желаніе получить землю въ даръ или позволеніе въ размѣрѣ, установленномъ Положеніями, т. е. въ высшемъ. Къ прошенію приложенъ мірской приговоръ, уполномочивающій 8 крестьянъ подписать уставную грамату. По справкѣ оказалось, что уставная грамата по селу Ключамъ заключаетъ въ себѣ добровольное условіе, по которому крестьяне приняли отъ помѣщика въ даръ, на основаніи ст. 423 мѣст. пол. по 1 дес. 300 саж. на душу, и что за тѣмъ они отказались отъ права пользованія остальной частью своего надѣла; кромѣ того, по особому договору, приложенному къ граматѣ, помѣщикъ даритъ крестьянамъ еще по 900 саж. на душу, что̀ составляетъ съ подаренными по уставной граматѣ 1 дес. 300 саж., всего 1 дес. 1,200 саж. на душу. Какъ грамата, такъ и особый договоръ составлены совершеннно согласно правиламъ, изложеннымъ въ Положеніяхъ, и подписаны уполномоченными отъ крестьянъ по особому приговору и добросовѣстными. Въ актѣ г. посредника, также подписанномъ уполномоченными и добросовѣстными, сказано, что крестьяне на всѣ пункты изъявили полное согласіе; въ мірскомъ приговорѣ, составленномъ въ ключковскомъ волостномъ правленіи 11 декабря 1861 г., сказано, что крестьяне уполномочиваютъ своихъ односельцевъ подписаться за все общество къ уставной граматѣ, состоящей въ четвертой части надѣла. Опредѣлили: просить г. мироваго посредника 1 участка Вольскаго уѣзда объявить временно-обязаннымъ крестьянамъ села Ключей, что они, согласно Высочайшей воли, выраженной въ ст. 36 прав. о пор. привед. въ дѣйст. Полож., по совершеніи добровольнаго условія съ помѣщикомъ и по засвидѣтельствованіи его въ законномъ порядкѣ, не могутъ отказываться отъ дальнѣйшаго приведенія его въ исполненіе и что, такъ какъ уставная грамата составлена и подписана ими и засвидѣтельствована на точномъ основаніи Положеній, то всякія претензіи ихъ относительно условій граматы должны быть признаны незаконными и служатъ лишь проявленіемъ упорства, которое должно быть строго преслѣдуемо, какъ неповиновеніе властямъ и закону. Самая же грамата, вмѣстѣ съ граматами по другимъ имѣніямъ того же владѣльца, по собраніи надлежащихъ справокъ, будутъ

немедленно утверждены присутствіемъ и препровождены къ г. посреднику для введенія ихъ въ дѣйствіе.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года поступила въ пензенское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе жалоба одного крестьянина на посредника.—Дѣло въ томъ, что на крестьянина пало почему то подозрѣніе въ покражѣ у другаго крестьянина изъ амбара гречихи на сумму 41 р. 50 коп.—Мировой посредникъ, по словамъ Комелева (фамилія жалующагося крестьянина), потребовалъ отъ него уплаты этихъ денегъ; когда же Комелевъ сталъ оправдываться, то посредникъ, не выслушавъ его оправданій, сталъ бить его оплеухами до крови и дотого, что сбилъ его съ ногъ; а потомъ наказывалъ розгами до тѣхъ поръ, пока онъ изъ памяти вышелъ, а затѣмъ велѣлъ старостѣ взыскать съ него деньги.—Старшина, исполняя приказаніе посредника, отобралъ у Комелева лошадь и какъ ее оцѣнили въ 45 руб., то Комелеву выдали 3 р. 40 коп. денегъ.—Комелевъ заключаетъ свою жалобу тѣмъ, что въ кражѣ гречихи не чувствуетъ себя виновнымъ.—Мировой посредникъ объясняетъ это дѣло нѣсколько иначе; онъ говоритъ, что дѣйствительно вызвалъ Комелева по подозрѣнію въ кражѣ гречихи, но какъ Комелевъ вмѣсто вѣжливаго оправданія произнесъ разныя неблагопристойности, заключающіяся въ томъ, что онъ отвѣчалъ: «*что какъ онъ правъ, то денегъ не уплатитъ никогда*», то онъ, посредникъ, толкнулъ крестьянина отъ себя и, не производя побоевъ, наказалъ его розгами, на основаніи 52-й статьи Положенія, всего 19-ю ударами, въ видахъ примѣра другимъ крестьянамъ, и внушенія имъ повиновенія и послушанія властямъ, нынѣ надъ ними постановленнымъ.

Губернское присутствіе, разсмотрѣвъ это дѣло, постановило: «какъ кража крестьяниномъ Комелевымъ изъ амбара 9 четвертей гречи и 5 мѣръ пшена есть уголовное преступленіе, то оно, на основаніи 101 ст. общ. пол., не могло подлежать не только волостному суду, но даже и разбирательству мироваго посредника, а должно бы, на основаніи 96 ст. пол. о губ. и уѣзд. учр., поступить на разсмотрѣніе судебнаго мѣста. *Просьбу крестьянина Комелева оставить безъ послѣдствія.*

Читатели наши, безъ всякаго сомнѣнія, убѣждены въ уваженіи, которое мы къ нимъ имѣемъ, и вѣроятно не считаютъ насъ способными шутить такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ постановленіе

всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вообще и по крестьянскимъ дѣламъ въ особенности; но вышеприведенное постановленіе намъ самимъ кажется до того непонятнымъ и несбыточнымъ, что мы чувствуемъ потребность оговориться и завѣрить нашихъ читателей, что постановленіе это нами не выдумано и перепечатано слово въ слово.

Въ присутствіи нашелся, однако, одинъ членъ, которому показалось оставить просьбу Комелева безъ послѣдствій недостаточно, и потому по этому случаю одинъ изъ членовъ губернскаго присутствія подалъ особое мнѣніе, слѣдующаго содержанія.

«Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и оставляя безъ уваженія тѣ обстоятельства жалобы крестьянина Комелева, которыя мировой посредникъ положительно опровергаетъ, онъ, Шахматовъ, не можетъ, однако, не замѣтить, что и въ томъ видѣ, въ какомъ это дѣло изложено г. мировымъ посредникомъ, обнаруживаются неправильныя дѣйствія и значительныя отступленія отъ правилъ, установленныхъ законодательствомъ 19-го февраля. Волостной судъ, войдя въ разбирательство кражи на сумму выше 30 р. сер., т. е. такого уголовнаго преступленія, которое, согласно 101 ст. общ. пол. и по соображеніи съ правилами, по сему предмету установленными въ уставѣ сельско-судебномъ для государственныхъ крестьянъ, подлежало разсмотрѣнію судебнаго мѣста, превысилъ тѣмъ свою власть: такъ какъ по ст. 95 общ. пол., волостной судъ вѣдаетъ только о маловажныхъ проступкахъ крестьянъ. Мировому же посреднику, при разборѣ объ уклоненіи крестьянина Комелева отъ присужденнаго волостнымъ судомъ взысканія, не слѣдовало подвергать Комелева за дерзость тѣлесному наказанію, такъ какъ въ ст. 58 пол. о губ. и уѣзд. учреж. указанъ порядокъ наложенія взысканій за нарушеніе приличій и должнаго уваженія къ лицу мироваго посредника, и въ этой статьѣ опредѣлена постепенность самыхъ мѣръ взысканія, высшею мѣрою котораго положено преданіе виновныхъ суду».

На основаніи этихъ соображеній, г. Шахматовъ полагаетъ: 1) предоставить посреднику передать дѣло о кражѣ мѣстному судебному слѣдователю; 2) разъяснить посреднику, что за проступки, по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, возлагаемымъ на мировыхъ посредниковъ, крестьяне ни въ какомъ

случаѣ не могутъ подлежать тѣлесному наказанію, безъ суда, по рѣшенію или распоряженію мироваго посредника, а должны подвергаться взысканіямъ и наказаніямъ, опредѣленнымъ въ «Положеніяхъ». Это мнѣніе г. Шахматова, вопреки рѣшенія губернскаго присутствія, было приведено въ исполненіе.

Предлагаемъ нашимъ читателямъ наше собственное мнѣніе, которое тѣмъ болѣе безопасно, что не приведется, вѣроятно, въ исполненіе.

Редакція Русскаго инвалида, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и не имѣя основанія оставить безъ уваженія тѣ обстоятельства жалобы Комелева, которыя посредникъ не опровергаетъ, а только отрицаетъ, находитъ: 1) что волостной судъ принялъ къ разсмотрѣнію дѣло, неподлежащее его сужденію, ибо сумма пени превышала 30 р. с.; 2) что мировой посредникъ, вмѣсто того, чтобы указать волостному суду, что онъ преступилъ данную ему закономъ власть, самъ зашелъ еще далѣе, ибо: а) дозволилъ себѣ наказать, по собственному его сознанію, розгами Комелева за такой поступокъ, который, на основаніи 96 статьи, не подлежалъ его разбирательству; б) обстоятельно рѣшалъ дѣло о взысканіи съ Комелева денегъ по дѣлу, которое по цѣнѣ иска рѣшить не имѣлъ права, и в) что на основаніи 380 ст. XV т. свода зак. уголовныхъ и исправительныхъ, чиновникъ признается превысившимъ власть, ему ввѣренную, когда выступитъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, которыя предписаны ему по его званію, должности или мѣсту, присвоитъ себѣ право, ему не принадлежащее, самовольно рѣшитъ какое либо дѣло. Что на основаніи 383 ст. того же тома виновный въ превышеніи власти, смотря по важности дѣла и сопровождающимъ оное обстоятельствамъ, подлежитъ или отрѣшенію отъ должности, или исключенію изъ службы, или же заключенію въ крѣпости на время отъ одного года до двухъ лѣтъ. А потому, принимая все вышепрописанное въ соображеніе, намъ кажется, что слѣдовало бы: 1) передать дѣло не объ одной кражѣ, но и о поступкахъ мироваго посредника судебному слѣдователю для изслѣдованія и передачи за тѣмъ въ надлежащее судебное мѣсто, и 2) во время производства слѣдствія и суда удалить отъ должности посредника и чиновъ волостнаго суда, участвовавшихъ въ приговорѣ по дѣлу Комелева.

26.

Пойдемте въ Смоленскую губернію, тамъ вѣчные курьезы! Вотъ напримѣръ, г. Яновичъ представляетъ мировому посреднику увольнительное свидѣтельство временно-обязаннымъ дворовымъ людямъ, Савелію Петрову съ матерью его Анисьей. Въ свидѣтельствѣ этомъ онъ пишетъ, что увольняетъ этихъ дворовыхъ людей за развратное поведеніе, буйные поступки и угрозу убить его!!!... Вотъ ужъ, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ что! Извините! И не хочешь, а вспомнишь выраженіе гоголевскаго почтмейстера! Но этого мало, г. Яновичъ пишетъ къ посреднику письмо, въ которомъ соглашается выдать свидѣтельства и безъ этихъ милыхъ оговорокъ, но тогда пусть люди эти платятъ ему оброкъ, а если не согласятся ни на то, ни на другое, да осмѣлились еще просить отъ него содержаніе, то онъ начнетъ противу нихъ уголовный искъ! Понимаете вы тутъ что-нибудь? Человѣкъ обвиняетъ людей въ посягательствѣ на убійство его и соглашается имъ это простить за 40 р. с. годоваго оброка?! Вотъ второй годъ читаемъ постановленія губернскихъ присутствій; много разныхъ курьезовъ попадалось, ну а подобной штуки нигдѣ не встрѣчали. Очень назидательная вещь! Бываетъ, что люди просятъ вознагражденья за безчестье, но чтобы искать его за посягательство на убійство, этого намъ никогда не случалось слушать!

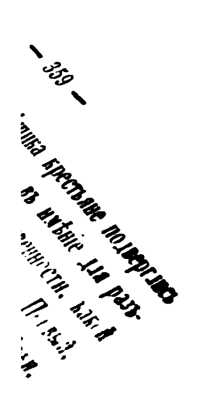
Въ заключеніе представимъ одинъ случай, бывшій въ Смоленской же губерніи, наводящій на вопросъ о правахъ посредника. Въ одномъ имѣньи крестьяне, правильно, или неправильно, не стали исполнять нѣкоторыхъ требованій помѣщика; но не въ томъ дѣло. Крестьяне жаловались мировому съѣзду на помѣщика; мировой съѣздъ призналъ ихъ жалобу неосновательною и за неис-

полненіе законныхъ требованій помѣщика крестьяне подверглись денежному штрафу. Посредникъ прибылъ въ имѣніе для разъясненія крестьянамъ ихъ обязанностей и отвѣтственности, какой они подвергаются за ослушаніе. Увѣщаніе не помогло. Первый, подавшій примѣръ къ ослушанію, былъ десятникъ при имѣньи, за что мировой посредникъ отправилъ его въ земскій судъ для наказанія; тогда изъ остальныхъ крестьянъ двое объявили, что и они пойдутъ въ земскій судъ, чтобы ихъ наказали наравнѣ съ ихъ десятникомъ. Мировой посредникъ распорядился наказаніемъ и этихъ двоихъ, каждаго 20 ударами розогъ. Имѣлъ-ли на это право посредникъ—такъ какъ поступокъ двухъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, крестьянъ, какъ намъ кажется, выходилъ изъ предѣловъ его власти?

27.

Какія бываютъ дворянскія собранія. Мы никогда не стояли и не стоимъ за сословные выборы, но всегда признавали и признаемъ ихъ не совсѣмъ удобными какъ для всякой страны, такъ и для самихъ сословій. Намъ сообщаютъ теперь любопытныя подробности объ одномъ бывшемъ недавно провинціальномъ съѣздѣ дворянъ. Оказалось, что губернскій предводитель дворянства, человѣкъ съ отсталыми понятіями, состоитъ въ ссорѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ за то, что послѣдній назначалъ мировыхъ посредниковъ по собственному соображенію и по совѣщанію съ нѣкоторыми уѣздными предводителями. Извѣстно, что губернаторъ, какъ представитель общей государственной власти, не долженъ склоняться исключительно на сторону одного какого-нибудь сословія, но обязанъ наблюдать законность въ отношеніи къ каждому. Но этого не понимаютъ или не хотятъ понимать нѣкоторые поборники сословныхъ интересовъ, которые нашли приличнымъ обратить собраніе въ демонстрацію противъ мировыхъ посредниковъ. Въ губерніи, о которой мы говоримъ, на обсужденіе собранія предложены были пять извѣстныхъ нашимъ читателямъ вопросовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія коихъ была назначена коммисія. Когда въ коммисіи предложено было допустить другія сословія въ залу собранія, то на другой день утромъ въ собраніи поднялся такой шумъ и гвалтъ, что полтора часа ничего не было слышно, кромѣ брани и криковъ. То было послѣднее отчаянное усиліе приверженцевъ крѣпостнаго права. Мнѣніе меньшинста было списано въ нѣсколькихъ экземплярахъ и положено на уѣздныхъ столахъ; но эти тетрадки мгновенно исчезли и были изорваны поборниками сословныхъ интересовъ.

чинства было забаллотировано. При выборѣ предво-
...мъ уѣздѣ, одинъ помѣщикъ уличенъ въ задержа-
...овъ, вслѣдствіе чего тоже поднялся гвалтъ.
...безпорядковъ въ этомъ собраніи было такъ
не припомнятъ ничего подобнаго.

28.

Палатскій споръ.

—

Г. М. Богоявленскій разсказываетъ въ газетѣ «День» слѣдующій, кажется небывалый еще въ судебной практикѣ, случай. Крестьяне Р. и П. самовольно нарубили два воза дровъ, цѣною на двѣнадцать съ половиною коп. сер. Дѣло пошло судомъ, и к—ій уѣздный судъ приговорилъ за такое преступленіе Р. и П. къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, наказанію розгами и взысканію за одинъ возъ еловыхъ и за одинъ березовыхъ $12^1/_2$ коп. сер. — Усматривая изъ дѣла, что: 1) порубка произведена на ничтожную сумму; 2) что Р. и П. добровольно сознались при первомъ допросѣ; 3) что они учинили преступное дѣйствіе въ первый разъ, и что на повальномъ обыскѣ въ поведеніи одобрены; 4) что рубили лѣсъ въ дачѣ своего селенія, которую всѣ крестьяне признаютъ своею собственностію, по общему народному убѣжденію, и 5) что Р. и П. порубили лѣсъ по крайней ихъ бѣдности, для отопленія своихъ избъ,—п—ая палата государственныхъ имуществъ заключила, что приговоръ к—аго уѣзднаго суда *довольно* строгъ, и достаточно было бы Р. и П. подвергнуть одному только тѣлесному наказанію и денежному взысканію. Но п—ая уголовная палата такое требованіе со стороны палаты государственныхъ имуществъ нашла *неумѣстнымъ* и пожаловалась сенату, изъясняя, что палата государственныхъ имуществъ нарушаетъ законъ, изображенный въ 160, 916 и 2238 ст. 1 кн., 1005 и 1006 2 кн. XV т. и 1599, 1600 ст. VIII т. Уст. лѣсн., и что подобныя требованія, повторяющіяся неоднократно,

какъ *неисполнимыя*, составляютъ лишь одну *безполезную* переписку и служатъ обремененіемъ для судовъ первой степени и уголовной палаты. Сенатъ своимъ порядкомъ потребовалъ отъ п—ой палаты государственныхъ имуществъ объясненія по этому дѣлу. Вотъ что она, между прочимъ, донесла сенату: «Палата государственныхъ имуществъ, обсуждая обстоятельства дѣла, не могла согласиться съ рѣшеніемъ к—аго уѣзднаго суда, гдѣ духъ закона принесенъ формальной сторонѣ онаго. Палата сознавала, что приговоръ Р. и П. къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ будетъ явною несправедливостью, и находила необходимымъ, на основ. 166 и 167 ст. 1 кн. XV т., ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о смягченіи имъ наказанія не только въ степени, но и въ самомъ родѣ онаго, и представила дѣло на ревизію въ уголовную палату.» Кромѣ изложенныхъ законовъ, палата государственныхъ имуществъ говоритъ, что «въ настоящемъ случаѣ она руководствовалась словами Высочайшаго манифеста 26-го августа 1856 г., который тоже есть законъ: *правда и милость да царствуетъ въ судахъ*. Какая же будетъ правда и милость, если виновный будетъ приговариваемъ къ наказанію свыше мѣры содѣяннаго имъ преступнаго дѣйствія?»

Предварительно, разрѣшить этотъ споръ—разума съ формою, сенатъ предоставилъ министру государственныхъ имуществъ. Какое онъ дастъ мнѣніе и чѣмъ будетъ разрѣшенъ—этотъ вопросъ еще неизвѣстно. Извѣстно одно, что годъ отъ году нужды и потребности не уменьшаются, а увеличиваются, и увеличеніе ростетъ въ громадной пропорціи. Трудность жизни особенно чувствуется въ среднемъ сословіи и низшемъ — между крестьянами. По милости покойнаго крѣпостнаго права, крестьянинъ не скопилъ денегъ, разстроилъ здоровье и притупилъ душевныя способности. Не безъ основанія говоритъ Уильямъ Чиннингъ, что рабство есть источникъ всѣхъ пороковъ. На практикѣ это оправдывается. До настоящаго времени въ крестьянскомъ быту совершалось чрезвычайно много преступленій. Да и какое понятіе могъ составить себѣ крестьянинъ о справедливости или честности, когда лица, стоящія по положенію выше его, дѣлали иногда еще болѣе предосудительные поступки, чѣмъ онъ? Кому неизвѣстны поступки многихъ помѣщиковъ, становыхъ, исправниковъ, окружныхъ и проч. и проч., а всѣ эти господа, называя себя людьми обра-

зованными, служили примѣромъ простому народу. Какіе-жъ примѣры, повторяю, могли они дать неученому, вѣчно работящему, вѣчно угнетенному мужику?... Къ чему, напримѣръ, онъ, при безденежьи и невниманіи начальства, долженъ былъ прибѣгнуть, когда отъ холода кости ломятъ? Вотъ крестьянинъ и рубитъ дровъ на шесть копѣекъ, не думая, что за это его накажутъ и лишатъ правъ, со взысканіемъ за порубленный лѣсъ денегъ. Какъ же послѣ этого не сказать спасибо п—ой палатѣ государственныхъ имуществъ, показавшей несостоятельность существующаго закона? Палата госуд. имуществъ, въ донесеніи сенату, говоритъ, что «страхъ тяжкихъ казней и наказаній ни мало не отвращаетъ самовольныхъ порубокъ, но напротивъ, порождаетъ въ народѣ убѣжденіе въ несправедливости наказанія, такъ-какъ и за нечаянно вырубленный прутикъ въ одну и двѣ копѣйки, и порубку въ значительныхъ размѣрахъ, сдѣланную съ явнымъ злостнымъ умысломъ и другими увеличивающими вину обстоятельствами, виновные подвергаются потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и имуществъ. При необразованіи простаго народа, при недостаточныхъ средствахъ къ охраненію лѣсовъ и при увеличивающейся нуждѣ въ лѣсѣ, самовластныя порубки, и въ особенности мелкія, повторяются очень часто, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно увеличивается число лицъ, лишенныхъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, такъ что во многихъ селеніяхъ предстоитъ серьезная опасность, что всѣ жители будутъ лишены правъ состоянія и некого будетъ выбрать ни въ головы, ни въ старосты, ни въ другія сельскія власти. При такихъ обстоятельствахъ, нынѣ дѣйствующее законодательство о порубкахъ должно быть измѣнено сообразно основнымъ началамъ правды и духу времени.»

Законъ дозволяетъ рубить казенный лѣсъ, если будетъ на то выправлено свидѣтельство. Но что значитъ *выправить* свидѣтельство мужику? Вѣроятно, дѣло не совсѣмъ легкое, иначе онъ не сталъ бы подставлять спину и губить себя на всю жизнь изъ-за одного воза дровъ. Замѣчательно, что слѣдователи никогда не дѣлали вопроса подсудимымъ: почему Н. Н. не обращались за разрѣшеніемъ рубить лѣсъ къ начальству, а рубили самовольно? Можетъ быть, отвѣтъ на этотъ вопросъ послужилъ бы къ оправданію виновныхъ... Печатая эту статью, редакторъ «Дня»

прибавляетъ отъ себя между прочимъ слѣдующее: Не смѣемъ надѣяться, но желаемъ, чтобы и тѣ, «до кого сіе надлежитъ», вошли въ ближайшее, не формальное только, разсмотрѣніе вопроса, возбуждаемаго этимъ споромъ, и облегчили участь несчастныхъ крестьянъ Р. и П.—Уголовная палата—что́ и говорить—дѣйствовала въ предѣлахъ закона, формальнаго права, и заслуживаетъ награды не только за свое мужество въ примѣненіи статей и пунктовъ уголовнаго уложенія, но и за то негодованіе, которое дышетъ въ ея представленіи сенату, негодованіе оскорбленнаго чувства законности, вызванное въ ней *неумѣстнымъ* и *безполезнымъ* ходатайствомъ палаты государственныхъ имуществъ. Право, можно было бы подумать, что члены уголовной палаты вышли изъ школы г. Бориса Чичерина, и также неустрашимо послѣдовательны въ своемъ поклоненіи закону, какъ и нашъ знаменитый профессоръ и публицистъ. Тѣмъ не менѣе мы спѣшимъ выразить наше полное сочувствіе палатѣ имуществъ за ея разумное и человѣчное воззрѣніе на дѣло. Мы чуть-чуть не готовы примириться съ самимъ учрежденіемъ; въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи суда присяжныхъ, гласности и другихъ гарантій или ручательствъ въ томъ, что начало нравственное и бытовое не будетъ поглощено бездушіемъ формальнаго закона,—кто явится ходатаемъ за безгласныхъ и угнетенныхъ? Впрочемъ, между палатами госуд. имуществъ не всѣ же такъ дѣйствуютъ, какъ п—ая, и невыгоды учрежденія едва ли не перевышаютъ самыя выгоды!

29.

Въ прошедшемъ № нашего журнала мы сообщили нашимъ читателямъ извѣстіе, что тринадцать лицъ, принадлежащихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, письменно заявили губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они впредь намѣрены руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ возрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ Положеніемъ 19 февраля 1861 года, и что всякій другой образъ дѣйствія они признаютъ враждебнымъ обществу; что вслѣдствіе этого сдѣлано распоряженіе объ арестованіи означенныхъ лицъ и преданіи ихъ суду 1 отдѣленія 5 департамента правительствующаго сената, коему подвѣдомствена Тверская губернія.

Ни мы, да и никто, конечно, въ настоящее время, не зная всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не можетъ сказать: въ какой мѣрѣ виновны означенныя лица, даже виновны ли они. Очень, вѣдь, можетъ быть, что судъ, выслушавъ отъ нихъ объясненія, изслѣдовавъ положеніе дѣла, въ силу котораго они сдѣлали сказанное выше заявленіе, освободитъ ихъ отъ всякой отвѣтственности. Можетъ быть, конечно, иначе; можетъ быть, судъ признаетъ ихъ вполнѣ виновными и подвергнетъ ихъ законной отвѣтственности. Во всякомъ случаѣ, тотъ или другой исходъ суда въ настоящее время—дѣло совершенно неизвѣстное.

Тѣмъ страннѣе показалась намъ та предупредительность, съ которою г. Б. Чичеринъ, не дождавшись даже печатнаго извѣщенія о дѣйствіяхъ означенныхъ 13 лицъ, по однимъ слухамъ объ ихъ дѣйствіяхъ, *изрекъ* въ 35 № «Нашего времени» обвинительный надъ ними приговоръ!

Мы бы не сказали ни слова, если бы это сдѣлалъ какой нибудь легкомысленный фельетонистъ, незнакомый съ нашимъ законодательствомъ, или человѣкъ, чуждый гуманныхъ тенденцій, находящій, по особенному сердечному влеченію, удовольствіе въ томъ, чтобы отягчать участь другихъ. Но вѣдь это сдѣлалъ профессоръ университета, спеціально знакомый съ законодательствомъ не только русскимъ, но и всѣхъ странъ, которому совершенно извѣстно, что по нашему законодательству никто не можетъ быть обвиненъ безъ выслушанія отъ него самаго полнаго объясненія дѣла, безъ подробнаго и точнаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ дѣла; что основою приговоровъ нашего суда по закону должно служить извѣстное правило, что «лучше простить десять виновныхъ, нежели обвинить одного невиннаго». Далѣе, это дѣлаетъ человѣкъ новыхъ идей, человѣкъ гуманный. По крайней мѣрѣ, никто въ г. Чичеринѣ не примѣчалъ доселѣ желанія дѣйствовать по отношенію къ обвиняемымъ лицамъ *не гуманно.*

Какими же побужденіями водясь, г. Чичеринъ, не зная въ точности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не зная отъ самихъ арестованныхъ причинъ, которыя побудили ихъ на сказанный поступокъ, могъ позволить себѣ печатно изрекать приговоръ надъ ихъ дѣйствіями?

Но приговоръ г. Чичерина замѣчателенъ не своею только преждевременностію и легкостію, съ которою онъ сдѣланъ,—мимоходомъ сказать, необъяснимою въ профессорѣ права, — онъ еще болѣе замѣчателенъ своею суровостью и жестокостію. Въ немъ не проглядываетъ и тѣни человѣческаго чувства, которое пробивается и въ самыхъ жестокосердыхъ судьяхъ, при произнесеніи обвинительнаго приговора надъ своимъ собратомъ.

Вмѣсто того, чтобы сказать въ извиненіе обвиняемыхъ, что ихъ могла увлечь къ проступку или гражданская доблесть, положимъ, неправильно понятая, или любовь къ своимъ меньшимъ братьямъ, г. Чичеринъ говоритъ, напротивъ, что поступокъ ихъ, вполнѣ беззаконный, показываетъ не гражданскую доблесть, а скорѣе *равнодушіе къ судьбѣ тѣхъ, которые въ настоящее время ежеминутно должны имѣть нужду въ лицѣ посредника.* Мы не будемъ препираться съ г. Чичеринымъ относительно вѣрности его взгляда. Подобный взглядъ говоритъ самъ за себя. Мы думаемъ, что ни одинъ человѣкъ, у котораго есть капля

человѣческаго чувства, не произнесетъ такого суда надъ своимъ собратомъ, не зная ни побужденій, по которымъ онъ дѣйствовалъ, ни обстоятельствъ дѣла... Судъ произнесенъ г. Чичеринымъ очень, очень суровъ... Мы, впрочемъ, и говорить начали о тверскомъ происшествіи не съ тѣмъ, чтобы препираться съ г. Чичеринымъ, а чтобы по поводу этого происшествія сказать нѣсколько о нашемъ чиновничествѣ.

Чиновникъ нашъ въ настоящее время находится въ странномъ положеніи. Онъ съ одной стороны исполнительный органъ правительства, и слѣдовательно долженъ служить тѣмъ идеямъ, которыя хочетъ привести въ исполненіе правительство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ же онъ; нельзя же требовать, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ личныхъ взглядовъ, никакихъ убѣжденій. Что если случится такъ, что онъ, положимъ неправильно, найдетъ какія нибудь распоряженія правительства ошибочными? Какъ ему поступить въ такомъ случаѣ: продолжать службу или не продолжать?

Если продолжать, то ему придется поступать постоянно противъ своихъ убѣжденій и дѣлать то, что онъ признаетъ вреднымъ. Такъ честный человѣкъ дѣйствовать не можетъ. Онъ непремѣнно откажется отъ службы и поищетъ другаго поприща для своей дѣятельности; только человѣкъ своекорыстный, наемщикъ станетъ дѣлать то, что противно его убѣжденіямъ изъ разсчетовъ матеріальныхъ.

Все, что мы говоримъ теперь, такъ близко прилагается къ случившемуся въ Твери происшествію, что могутъ подумать, что мы беремся быть апологетами дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ, не зная такъ же, какъ и г. Чичеринъ, ни побужденій, по которымъ они дѣйствовали, ни самаго дѣла. Повторяемъ опять, что мы не имѣемъ въ виду быть судьями, не зная дѣла. Наши слова идутъ къ сказанному происшествію, потому что происшествіе это, по существу своему — есть одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ, повторяющихся въ другой формѣ на каждомъ шагу въ чиновничьей жизни. Случаи эти вовсе не случайны, не исключеніе изъ общаго правила, напротивъ, они явленія чисто нормальныя и будутъ повторяться дотолѣ, доколѣ существуетъ наше чиновничество въ настоящемъ его видѣ. Причина ихъ въ томъ противорѣчіи, въ которомъ поставлено чиновничество по отношенію къ жизни.

Въ чемъ же это противорѣчіе? Противорѣчіе находится въ самой сущности чиновничества, въ самой сущности этого учрежденія, придуманнаго Европой, именно, въ невозможности примирить гражданское чувство человѣка съ чиновничьей исполнительностью. Какъ человѣкъ и гражданинъ, чиновникъ долженъ жить интересами своей страны, понимать ихъ, сочувствовать имъ; какъ чиновникъ, онъ долженъ быть исполнительнымъ органомъ такихъ идей, которымъ онъ можетъ и не сочувствовать. Отъ чиновника требуется исполнительность и повиновеніе въ такой же степени строгое, какое полагается и воинской дисциплиной; но въ то же время чиновникъ долженъ умѣть и соображать и думать, но столько, чтобы не зайти за извѣстный предѣлъ, потому что дальше начинается уже вольнодумство. Но какъ же указать мысли границы? Какъ предписать человѣку, чтобы онъ думалъ только до извѣстнаго предѣла? А если голова сильна и идетъ дальше предѣла, дозволеннаго начальствомъ, что дѣлать въ такомъ случаѣ? Очевидно, что такой человѣкъ не годится для службы; годится же такой, у котораго голова сама по себѣ, безъ всякихъ приказаній, неспособна думать далѣе указанной черты. Что же выходитъ изъ этого? Выходитъ то, что, по сущности самаго бюрократизма, онъ долженъ формироваться въ своихъ середнихъ слояхъ изъ людей средняго уровня понятій и средней мыслительной способности. А эта серединность опять противорѣчитъ тѣмъ цѣлямъ, которыя задаютъ себѣ правительства. Они хотятъ служить благу управляемыхъ ими народовъ и въ то же время исполнителями своими должны избирать людей ограниченныхъ способностей. Какое же можетъ быть тутъ пониманье народныхъ нуждъ и стремленій? Можетъ ли быть вѣрна передача ихъ лицамъ, поставленнымъ въ главѣ правительства? Нѣтъ. И вотъ почему выходятъ вѣчныя ошибки въ управленіяхъ, вѣчныя недоразумѣнія: правящіе и управляемые никакъ не могутъ сойтись и иногда похожи скорѣе на два враждебныхъ лагеря, чѣмъ на людей, у которыхъ общія цѣли. Причиной всего этого бюрократическая система, которая, какъ клинъ, въѣхала въ народную жизнь и раздѣлила то, что по существу своему должно быть нераздѣльно.

При прежнихъ понятіяхъ и бюрократическій порядокъ былъ понятенъ. Прежде династическіе интересы правителей стояли впереди всѣхъ и чиновники были простыми исполнителями выс-

шей воли. Но съ XIX столѣтія явились другія мысли; управленія пошли въ народныхъ интересахъ, всѣ заговорили о пользахъ народа и народы сами начали чувствовать и сознавать свои права. Если все идетъ для народа, если чиновники должны работать для блага народа; то очевидно, что одинъ выходъ изъ того противорѣчія, какое представляетъ бюрократическая система — нужно, чтобы чиновники были выборные, и чтобы совершенно не существовало особаго чиновничьяго сословія, исключительно поставляющаго чиновниковъ. Вопросъ этотъ уже чисто экономическій.

У насъ дворянъ и чиновниковъ считается 445,400 человѣкъ; въ томъ числѣ живущихъ службой едва-ли менѣе 300,000. Эта громадная масса людей явилась не вдругъ и разрослась до такой цифры вслѣдствіе петровской реформы, когда для исполненія идей правительства потребовались особые люди, потому что на способность народа сочувствовать своимъ цѣлямъ правительство не полагалось. Чиновничество шло частью изъ дворянства, а больше изъ самаго народа. Отдѣлившись отъ народа, посвятивъ себя на всю жизнь чиновничьей карьерѣ, чиновникъ отрѣшился совершенно отъ народныхъ интересовъ; но въ то же время онъ не могъ пристать и къ интересамъ дворянъ, если не удалось ему скопить денегъ и купить крестьянъ. Такихъ, что̀ наживались и дѣлались помѣщиками, было между чиновниками немного. Большая же часть вели самое жалкое существованіе и утѣшались исключительно чиновничьими отличіями — коллежскимъ ассесорствомъ, или крестомъ. Изъ 445 т. дворянъ и чиновниковъ было только 24 т. среднепомѣстныхъ и великопомѣстныхъ владѣльцевъ (имѣвшихъ отъ 100 до 500 и болѣе крестьянъ), 79 т. малопомѣстныхъ (т. е. имѣвшихъ менѣе 100 крестьянъ) и 342 тысячи не имѣютъ вовсе помѣстій. Эти то и составляютъ то чиновное дворянство, которое, отставъ отъ народа и неприставъ къ помѣщикамъ, составили какое-то странное среднее сословіе, бѣдствующее и въ матеріальномъ отношеніи и не особенно богатое талантами, образованіемъ и развитіемъ.

Статистика не говоритъ ничего, какъ расло чиновничество, сколько было его при Петрѣ Великомъ, изъ какого слоя народа шли въ него люди. Но шли люди, разумѣется, изъ народа; не изъ-за границы же выписывали ихъ. Что же побуждало идти въ чиновничество? Очевидно, что выгоды; иначе люди не шли бы

на чиновничью карьеру. Была приманка—и поживы и отличія, хоть и не всѣ наживались и не всѣмъ везла служба. Въ службу шли потому, что ихъ прежнее положеніе было хуже. Попавъ разъ въ чиновники, человѣкъ оставался чиновникомъ на вѣкъ и сынъ и внукъ не оставляли этой дороги,—и чиновникъ сформировался наконецъ въ особое сословіе. Сословіе это самое бѣдственное изъ всѣхъ. Ему нужно непремѣнно разсыпаться, уйти въ народъ, изъ котораго оно вышло, потому что съ развитіемъ самоуправленія ему будетъ еще хуже,—останется много лишнихъ людей, которымъ будетъ рѣшительно не чѣмъ существовать. Еслибы наше чиновничество, ограничивая мѣрой крайней необходимости, довести до числительности, относительной съ англійской, т. е. до 50 т., то оказалось бы болѣе 250,000 людей, лишенныхъ, при нынѣшнемъ экономическомъ развитіи, всякихъ средствъ существованія. Куда бы дѣться имъ? Идти на фабрики? Да много ли фабрикъ,—и что понимаетъ чиновникъ въ этомъ дѣлѣ? Пахать? Нѣтъ ни земли, ни денегъ, чтобы купить ее, а самъ пахать чиновникъ не умѣетъ. Учить въ школахъ? И школъ мало, и жалованье невозможное для жизни. Что же дѣлать чиновнику? Можно еще завести табачную лавку, но вѣдь не всѣмъ же 250 тысячамъ заняться этимъ дѣломъ. А между тѣмъ и чиновникомъ оставаться долѣе нельзя и чѣмъ дольше людямъ не будетъ открыта дорога выйдти изъ чиновничества, тѣмъ будетъ хуже не только имъ, но и всей Россіи. Если всѣ 342 тысячи людей, неимѣющихъ ничего кромѣ вицъмундира и принужденныхъ жить службой, останутся въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся теперь, то чрезъ 100 лѣтъ,—принимая періодъ удвоенія въ 35 лѣтъ,—число ихъ возрастетъ до 2.700,000. Что же станется съ этимъ потомствомъ чиновничьяго пролетарія? Какой пролетаріатъ составятъ они сами? Ужъ, разумѣется, ни фабричный, ни земледѣльческій. Это будетъ пролетаріатъ самобытно-русскій. Что придется съ нимъ дѣлать тогда? Чѣмъ помочь? Въ чемъ дать средства существованія? Выбирать тогда изъ чиновниковъ—исполнительныхъ органовъ правительства, или обратить ихъ на службу земству? Но развѣ они въ состояніи будутъ понимать интересы крестьянъ? Нѣтъ. Они будутъ въ состояніи понимать только свои чиновничьи интересы. А въ чемъ чиновничій интересъ? Въ службѣ, въ чиновничествѣ. Служить, однако, будутъ не всѣ два милліона семьсотъ тысячъ;

какими же средствами будутъ жить остальные? Все это вопросы такого рода, на которые нѣтъ прямыхъ отвѣтовъ въ статистикѣ Европы, да и искать ихъ тамъ не зачѣмъ; но не нужно обладать ни особенной ученостью, ни глубокомысліемъ, чтобы видѣть, что существующее чиновничество не на благо Россіи живетъ въ ней, что это наша экономическая язва, отъ которой нужно лечиться; что нужно спасти несчастныхъ людей и отъ печальнаго настоящаго, и отъ еще болѣе печальнаго будущаго, людей, вина которыхъ вся лежитъ лишь въ томъ, что отцы ихъ, попавъ въ чиновники, создали цѣлое чиновничье поколѣніе. Никто такъ не чувствуетъ своего бѣдственнаго экономическаго положенія, какъ сами чиновники. Никто такъ не чувствуетъ ужасовъ бюрократіи, никто такъ не страдаетъ отъ чиновничества, какъ народъ, какъ все управленіе Россіи. И сами чиновники, разумѣется, не понимая причины, страдаютъ не меньше народа оттого, что и ими управляетъ чиновничество. Всѣмъ не хорошо. Очевидно, что нельзя же успокоиться на этомъ. И все зло кончится,—стоитъ только исчезнуть чиноновнику и явиться на свѣтъ Божій, подобно фениксу, въ новомъ образѣ—въ образѣ лица выборнаго отъ міра, міра частнаго и общаго. Но для этого нужно, чтобы чиновникъ ушелъ въ міръ и чтобы міръ его принялъ. Въ этомъ вся и задача..

И будто бы задача эта такъ трудна? Вѣдь весь вопросъ въ сущности все таки экономическій. Значитъ, что́ нужно по условіямъ русскаго экономическаго быта? Земля и деньги. Земли у насъ много — 1.767.000,000 десятинъ, считая европейскую и азіатскую землю,—достанетъ на всѣ 60 м. народу. Недостаетъ, значитъ, денегъ. Англія для выкупа негровъ-невольниковъ сдѣлала въ 1835 году заемъ въ 125.000,000 руб. сер. Неужели наши пролетаріи чиновники не стоятъ хоть десятой доли такого займа, если дома нѣтъ денегъ? И чѣмъ можетъ пугать такой заемъ Россію? платимъ же мы ежегодно по внутреннимъ и внѣшнимъ долгамъ 54.296,187 руб.; что значитъ прибавка къ нимъ какихъ нибудь 6 и 7, даже 10 милліоновъ? Дайте чиновникамъ свободныя земли, откройте кредитъ или даже просто окажите помощь тѣмъ, кто будетъ приписываться въ сельскія общества и охотниковъ явится много. Лучше быть обезпеченнымъ сельскимъ хозяиномъ, чѣмъ чиновникомъ-пролетаріемъ. Пахать, пожалуй, и ненужно своими руками,—можно и нанять людей. Но вѣдь и

кромѣ паханья найдется дѣло. А служба міру по выборамъ?— Чѣмъ худо быть головой или старшиной? А если и это не почетно для тѣхъ, кому нравится общественная служба, найдутся и болѣе высокія должности. И все это вовсе не утопія. Съ развитіемъ экономическаго благосостоянія явится въ народѣ много потребностей, которыхъ до сихъ поръ не было. Потребность образованія ужъ и теперь замѣтна, значитъ откроются школы и нужны будутъ учителя. При средствахъ, избыткѣ сельскихъ произведеній и высшемъ уровнѣ образованія, капиталы должны будутъ искать помѣщенія въ земско-промышленныхъ предпріятіяхъ. А тутъ опять нужны и техники, и управляющіе, и продавцы. Однимъ словомъ, въ томъ сильномъ экономическомъ развитіи, которое ждетъ Россію, когда всѣмъ силамъ ея данъ будетъ просторъ, дѣла будетъ всѣмъ много; потребуется много способныхъ рукъ и умныхъ головъ, лишь бы ихъ достало. Дѣла всѣмъ найдется; но не такого дѣла, при которомъ страна разбивается на кружки и на сословія, парализирующія другъ друга, раздувающія вражду вмѣсто мира; и найдется дѣло одно общее—свободное развитіе личныхъ силъ и способностей каждаго въ одномъ общемъ стремленіи къ одной общей цѣли. Тогда и человѣкъ, избранный на службу обществу, не пойдетъ противъ него, потому что его выгоды—выгоды цѣлаго, и выгоды цѣлаго—его выгоды. Тогда не будутъ чиновники, а будутъ граждане, и никто не откажется отъ своей службы, потому что служебная исполнительность будетъ выраженіемъ требованій общей народной жизни. И только тѣнь Н. Ф. Павлова—мы говоримъ тѣнь, допуская, что это случится не скоро—не останется довольна такими порядками; потому что не такъ г. Павловъ понимаетъ гражданскія обязанности и не того онъ желаетъ для Россіи: онъ больше любитъ смотрѣть въ мракъ прошедшаго, глядитъ назадъ, а не впередъ.

30.

Денегъ нѣтъ. На безденежье всѣ плачутся. И помѣщики и мужики—всѣ волкомъ воютъ: помѣщиковъ у насъ считается что-то до полуторыхъ сотъ тысячъ, а крестьянъ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Но чуть ли не всѣхъ больше охаютъ господа чиновники, а самыя-то горькія жалобы заявляютъ чиновники петербургскіе. Да и какъ имъ не плакаться? молодой, образованный человѣкъ, занимающій видное мѣсто, метящій на видную должность въ губерніи, гдѣ онъ можетъ избрать видную роль, получаетъ всего-на-все шестьдесятъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ жалованья, по парижскому счету, двѣсти сорокъ франковъ—цифра почтенная, дающая возможность человѣку жить весьма безбѣдно. По петербургскому же счету шестьюдесятью рублями въ мѣсяцъ человѣку съ претензіями едва-едва извернуться можно. Квартира дорога; чай, сахаръ недешевъ; обѣдъ обходится тоже въ копейку; прислуга почти недоступна; а тутъ еще надо подумать о чистенькомъ вицъ-мундирѣ, о циммермановской шляпѣ, о боярской шапкѣ, о лайковыхъ перчаткахъ, о батистовыхъ платкахъ, о щегольскомъ бѣльѣ, о модномъ пальто, о маскерадѣ, о театрахъ, объ отношеніяхъ къ прекрасному полу—ну, какъ тутъ шестьюдесятью рублями извернуться? надо же вѣдь подумать и объ умственной пищѣ, надо пробѣжать газету, надо прочитать журналъ? Конечно, на это могутъ возразить, что чиновникамъ эта статья достается легче всего: всѣ департаменты и всѣ палаты выписываютъ множество жуналовъ, можество газетъ и все это, конечно, на казенный счетъ. Съ этимъ бы и можно согласиться, но надо то взять во вниманіе, что на казенный счетъ выписываетъ періодическія изданія не все чиновничество, а только начальство—ну, начальство ихъ и читаетъ, начальство ими и

пользуется; а мелкому чиновнику нерѣдко нельзя и осмѣлиться бросить дѣло и схватиться за газету, которая несется прямо въ кабинетъ къ его превосходительству, предсѣдателю, директору, или какъ тамъ ихъ титулуютъ. Вѣдь если по всѣмъ вѣдомствамъ собрать, лѣтъ за десять, свѣдѣнія о массѣ выписанныхъ для начальства на казенныя денежки періодическихъ изданій, то ужъ изъ одного этого очень цѣннаго для казны груза при каждой палатѣ, при каждомъ департаментѣ можетъ составиться изрядный матеріалъ для чтенія бѣдныхъ тружениковъ.

Мелкіе чиновники, оставаясь безъ умственной пищи, конечно, должны искать иныхъ развлеченій въ тѣ часы отдыха, праздности и бездѣйствія, которыя на ихъ долю достаются. А свободнаго времени у господъ чиновниковъ должно оставаться множество. Разумѣется, они, въ продолженіе присутственныхъ часовъ, а самые маленькіе чины и дома по вечерамъ, дѣлаютъ свое дѣло, толкутъ воду, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, или, другими словами, перебѣляютъ отпуски, пишутъ отношенія и запросы изъ комнаты въ комнату и изъ этажа въ этажъ, исписываютъ груды бумаги, переводя подлинный документъ въ докладную записку, тогда какъ проще всего, надежнѣе всего и справедливѣе всего слѣдовало бы докладывать непремѣнно подлинные документы, а не затягивать дѣла составленіемъ обширныхъ записокъ. Но вся эта, такъ сказать, черновая работа удѣлъ только маленькихъ тощихъ чиновниковъ. Тѣ, кто побольше и посытнѣе—тѣ ведутъ дѣла иначе; тѣ разгуливаются своими соображеніями по готовенькому: ну, за то, большому кораблю большое и плаваніе!

Средняя пропорціональная величина между тощими и между сытными дѣятелями—это столоначальникъ: на немъ все держится; онъ альфа и омега всего бумагоизводительнаго процеса; онъ главный дѣятель; онъ кряхтитъ и пыхтитъ надъ дѣломъ; онъ за него отдувается; онъ заводитъ скрыпотню перьевъ; онъ задаетъ накликающій чахотку трудъ мелкотѣ; онъ составляетъ рѣшающія вопросъ мнѣнія; онъ подготовляетъ высшія соображенія и представляетъ дѣло, какъ облупленное яичко, начальству—и вотъ его-то трудъ и оцѣнивается шестьюдесятью рублями въ мѣсяцъ, или двумя рублями поденной платы. Тамъ, выше, берутъ сотнями; а тѣ кто ниже — ниже и ставятся. Есть чиновники-труженики въ Петербургѣ, получающіе три рубля въ мѣсяцъ; а есть и такіе,

которые, въ чаяніи будущихъ благъ, состоятъ при присутственномъ мѣстѣ просто безъ жалованья и довольствуются тѣмъ, что имъ Господь Богъ пошлетъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ офиціальномъ своемъ органѣ, въ недавнее время, кажется, довольно вразумительно разъяснило, что вся эта потѣха съ проектами о сокращеніяхъ канцелярской переписки была поводомъ только къ новой громаднѣйшей перепискѣ и не разыгралась ничѣмъ положительно дѣльнымъ. Но, дѣлая свои отзывы о новыхъ и повсемѣстныхъ громадныхъ грузахъ писанной бумаги по этому предмету, оно обошло одинъ важный источникъ, который послужилъ бы ему великолѣпнымъ аргументомъ для доказательства безплодности всякихъ непрямыхъ и нераціональныхъ, а косвенныхъ мѣръ къ сокращенію канцелярскаго письма. Стоило бы изъ каждаго вѣдомства, изъ каждой отдѣльной его части забрать справку — но справку вѣрную, добросовѣстную, что, конечно, довольно затруднительно—о количествѣ ежегодно заподряжаемой писчей бумаги и другихъ канцелярскихъ принадлежностей. Можно поручиться, что тамъ, гдѣ лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ, чернила покупались сотнями стклянокъ и бутылокъ, теперь заподряжаютъ ихъ ведрами; гдѣ песокъ покупали по фунтикамъ, теперь поставляютъ его пудами; гдѣ бумага заподряжалась сотнями стопъ, теперь мало ихъ и тысячи. Положимъ, что чиновники много таскаютъ домой казенной бумаги; извѣстно, что это за грѣхъ ни кѣмъ не считается, начиная съ предсѣдателя и до послѣдняго сторожа; положимъ, что, по различнымъ отношеніямъ, нерѣдко кое-гдѣ случается, что одна и та же стопа бумаги разъ по пяти вносится въ новый приходъ, все-таки казенная переписка истребляются десятки, сотни милліоновъ листовъ! Вѣрная выправка въ почтовомъ департаментѣ тоже выяснила бы сколько пудовъ канцелярскаго груза перевозилось по святой Руси лѣтъ пятнадцать, двадцать назадъ и сколько этого добра теперь перевозится изъ города въ городъ, изъ провинцій въ столицы и обратно.

Мы увѣрены, что если бы обсужденіе вопроса о сокращеніи письма и штатовъ, предоставлено было литературѣ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что при открытіи вѣрнѣйшаго способа упростить канцелярскую переписку и значительно, громаднымъ образомъ сократить составъ вѣдомствъ и число должностей, служащимъ чиновникамъ, въ случаѣ оставленія ихъ за штатомъ,

будетъ гарантировано по смерть нынѣшнее ихъ содержаніе въ вѣчную пенсію, проекты эти явились бы самые блестящіе, самые раціональные, самые надежные и притомъ въ самомъ скоромъ времени; казна тутъ ничего не потеряетъ.

Дѣло, о которомъ мы теперь говоримъ, кажется, дѣло самое серьезное, за которое, дѣйствительно, пора горячо взяться. Мы не знаемъ точнаго числа чиновныхъ лицъ въ Россіи. У насъ нѣтъ подъ рукою свѣдѣній и о числѣ служащихъ чиновниковъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Но изъ недавно напечатанныхъ офиціальныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ отчетовъ департаментовъ военнаго министерства, мы видимъ, что по одному военному вѣдомству въ 1851 году, считалось 7,926 гражданскихъ чиновниковъ; въ 1858 году, ихъ было 9,978; въ 1859 году 8,438 человѣкъ, въ томъ числѣ сто одинъ статскій генералъ, 270 чуть-чуть не генераловъ и около 3,200 статскихъ штабъ-офицеровъ. Приравнивая къ этому явленію то, что можетъ встрѣтиться и по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, мы почти увѣрены, что, несмотря на всѣ бывшія уже сокращенія штатовъ, нынѣшняя численность служащихъ чиновниковъ далеко превышаетъ ту ихъ массу, которая была лѣтъ пятнадцать, двадцать назадъ.

И вся эта масса плачется теперь на недостаточность казеннаго содержанія! Нѣтъ денегъ; скудно жалованье; помилуйте, столоначальнику шестьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ! А приходило-ли когда нибудь въ голову господину чиновнику, хотя бы и крупнаго чина, подумать, что значатъ эти шестьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ для тѣхъ, кто отпускаетъ эти деньги изъ своего кармана, кто выработываетъ ихъ потомъ и слезами?

Капиталъ въ шестьдесятъ рублей серебромъ, это не частный, а счастливый доходъ не бѣдной, а довольно зажиточной крестьянской семьи за тяжкіе труды въ продолженіе цѣлаго года. Сколько душевныхъ терзаній и тяжкихъ заботъ и лишеній должно перенести крестьянское семейство, начиная съ престарѣлаго дѣда и до малаго ребенка, прежде чѣмъ, не всегда вдосталь сытые, а подъ часъ и голодные, хозяинъ съ хозяйкой наживутъ эту значительную для мужика, но ничтожную для чиновника сумму. Къ зимнему Николѣ мужикъ обыкновенно самъ сидитъ безъ хлѣба; но мы беремъ на выдержку крестьянина съ кое-какимъ достаткомъ и съ малою толикою спрятаннаго про запасъ зерна, достаточнаго для обсѣмененія полей. Сколько мукъ и хлопотъ

долженъ перенести крестьянинъ цѣлой семьей, чтобъ вспахать землю, обработать ее, взростить хлѣбъ, снять его и обмолотить. Сколько тревогъ и волненій, сколько оскорбленій и униженій, сколько неласковыхъ словъ, пинковъ, тычковъ и затрещинъ долженъ перетерпѣть онъ, пытаясь свезти свое зерно въ городъ и продать его купцу, который привыкъ принимать его отъ мужика на свою неклейменую мѣру и опутывать деревенщину придирками и разными скверными ухищреніями, чтобъ выгадать лишній рубль барыша. Кто знаетъ, хотя бы изъ книгъ, бытъ нашего мужика; кто знаетъ, какъ онъ вноситъ подати, какъ у него выбивали въ бывалыя времена недоимку; какъ его стараются притянуть къ слѣдствію; какъ заботливо пекутся втянуть его въ соприкосновеніе съ полиціей; кто знаетъ, чѣмъ мужикъ кормится и какъ онъ голодаетъ только для того, чтобъ «всею полностію» внести въ казну свою лепту, идущую на уплату жалованья чиновникамъ, тотъ врядъ ли съ хорошимъ аппетитомъ будетъ кушать, можетъ быть, сладкій пирожокъ, но купленный на деньги, добытыя, быть можетъ, лишеніемъ нашихъ меньшихъ братій послѣдняго, насущнаго куска чернаго хлѣба. Вѣроятно, у насъ найдется не одна тысяча чиновниковъ, вся тяжесть труда которыхъ ограничивается лишь тѣмъ, что они однажды въ мѣсяцъ роспишутся въ полученіи своего жалованья, да развѣ-развѣ иной разъ зайдутъ въ комитетъ потолковать о новостяхъ да выкурить пріятельскую сигару?

Впрочемъ, вѣдь на деньгахъ особыхъ примѣтъ не имѣется: въ серебряныхъ рубляхъ—серебро чистое!

31.

«И дурень каши наварыть, абы пшоно було», говоритъ старинная малороссійская пословица и, разумѣется, противъ этой аксіомы никто спорить не станетъ. Въ томъ то и дѣло, что добыть «пшена», обезпечить потребности частнаго лица, или и цѣлаго народа, создать богатство, пустить въ ходъ всѣ подручные его элементы, не у всякаго хватаетъ достаточнаго запаса силъ, знанія, умѣнья и энергіи. Безъ изученія фундаментальныхъ основъ народной дѣятельности, безъ энергической распорядительности въ крутыя минуты и безъ доброй воли, конечно, ни въ чемъ, никогда и никто не успѣетъ. Тутъ нужна не одна ломка враждебныхъ обстоятельствъ, не одно насильственное преоборанiе препятствій, образовавшихся путемъ историческимъ, а сила нравственная, умѣнье, наука, талантъ обойти всѣ преграды, не губительно ихъ сокрушая, а самихъ же ихъ обращая на служеніе благой цѣли—благу общественному. «Не той казакъ, що поборовъ, а той, що вывернувсь», говорятъ въ такихъ случаяхъ наши малоросы, употребляя, можетъ быть, немножко искривленное, но зато весьма картинное сравненіе.

«Денегъ нѣтъ; нѣтъ капиталовъ, а безъ нихъ мы погибнемъ!» кричатъ намъ со всѣхъ сторонъ. Ну, такъ создайте ихъ; у насъ есть знанія, есть трудъ, есть всѣ основы богатства; нужно только, чтобъ кто нибудь ихъ сочеталъ живительными нитями, двинулъ по угаданному направленію, съумѣлъ возобладать, подчинить своимъ цѣлямъ препятствія, которыя теперь считаются преградою непреоборимою, съумѣлъ извернуться, могъ вывернуться изъ тѣсныхъ обстоятельствъ... «ай, дуже добрый казакъ!» скажемъ мы всѣ общимъ говоромъ, и тогда на дѣлѣ увидимъ новое доказательство, что умъ и талантъ все на свѣтѣ рѣшаютъ. «Колы Богъ поможе—та и все переможе!»

Долго думали русскіе люди, какъ приступиться къ уничтоженію крѣпостнаго права, думали, гадали—и съ поникшими головами, опустивши руки, отступались отъ мудреной задачи,—задачи, дѣйствительно, одной изъ самыхъ головоломныхъ, на рѣшеніе которыхъ, признаться сказать, великое славянское племя никогда мастеромъ не слыло. «Вотъ еслибы не это» да «вотъ коли бы не то», разсуждали наши мудрецы, незнавшіе какъ извернуться при самыхъ щекотливыхъ, самыхъ карманныхъ, самыхъ задушевныхъ вопросахъ, «ну, тогда мы бы вотъ что тутъ сдѣлали», заканчивали они свои умствованія. `Но опять-таки напомнимъ: «и дурень кашы наварыть, абы пшоно було!» Да малоль чего нѣтъ? коли все сваливать на *коли* да на *если*, то вѣдь придется прибѣгать къ пословицамъ на этотъ счетъ. И нѣмцы ужъ поютъ, что wenn was nicht wäre, so würde der Bauer ein Edelmann seyn.» «Колы-бъ хлибъ та одёжа, то йивъ бы казакъ лёжа!» Дѣло не въ томъ, что только будто теперь время приспѣло, пора тому наступила давно, да приступу не было, а выискался талантъ, явилась энергія, сказала свое слово могучая воля, и крѣпостнаго права нѣтъ, и на Руси оно ужъ никогда не возродится.

Положимъ, есть заминки и замѣшки; не все досказано, случается путаница; неудовольствіе тлѣетъ подъ пепломъ, хотя навѣрное та̀къ, подъ пепломъ, и потухнетъ; подчасъ крутенько приходится, нельзя ни побарничать, ни поваляться въ охотку, ни въ полной нѣгѣ far niente. Все это такъ. И денегъ нѣтъ; и нѣтъ кредита; и застой въ торговлѣ страшный. И это та̀къ; но все же таки это не безъисходное положеніе: ключъ тутъ одинъ— талантъ и добрая воля. Озарись умъ въ счастливую минуту еще одною великою идеею, положи рѣшительный, но возможный по средствамъ конецъ между освобождаемымъ крестьянствомъ и освобождающимъ дворянствомъ, оплати протори и убытки послѣдняго за его великодушный подвигъ; одѣли мужика землей подъ условіемъ выносливаго налога, пошатни подпорки старовѣрческихъ убѣжденій, обезпечь обѣ стороны абсолютнымъ полноправіемъ, и конецъ будетъ несомнѣнный.

Конечно, задача эта мудреная; на случайное разрѣшеніе ея, на всеблагое «авось» разсчитывать не подобаетъ; но слѣдуетъ разобрать дѣло по ниточкамъ, а «по ниточкѣ дойдешь и до клубочка». Нужно поговорить — и рано или поздно навѣрное

можно—договориться; но для этого нужна полная свобода высказываться; нужна правда, искренность и доступность совѣщательныхъ соглашеній всѣми сторонами, всѣми сословіями. Литература дѣлала и дѣлаетъ свое дѣло на столько, на сколько ей возможно; остается примѣнить къ дѣлу другаго рода обсужденіе.

32.

Важнѣйшая новость послѣдней недѣли есть, конечно, *бюджетъ*, или «табель доходовъ и расходовъ государственнаго казначейства, напечатанная, сперва въ 19 № официальной газеты «Сѣверная Почта», и перепечатанная потомъ во всѣхъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ нашей. Это, безспорно, важное событіе подало поводъ нашей публицистикѣ къ многообразнымъ и очень характеристичнымъ выраженіямъ радости, а редактору «Нашего Времени» внушило даже хвалебный дифирамбъ. Восторженность не знаетъ предѣловъ, и потому понятно, что г. Павловъ обнародованіе бюджета призналъ одинаковой важности съ освобожденіемъ 20-ти милліоновъ крестьянъ. Но причина его радости заключается преимущественно въ томъ, что это «идея вѣка», что объ этомъ дадутъ знать по телеграфу въ чужіе краи, и что Европа, благосклонно и милостиво улыбаясь, погладитъ насъ по головкѣ и выдастъ намъ патентъ на званіе прогресистовъ и даже «въ нѣкоторомъ родѣ» либераловъ! Какая-то петербургская газета пошла дальше и назвала публикацію бюджета дѣломъ *земскимъ*. Нельзя не задуматься надъ злоупотребленіемъ этого слова. Пущенное въ ходъ славянофильскою. историческою школой и долго не признаваемое публикой, оно, наконецъ, попало въ такую моду, и до такой степени истаскано и истрепано, что мы невольно затрудняемся всякій разъ, когда приходится къ нему прибѣгнуть. Въ самомъ дѣлѣ, куда его не суютъ, къ чему не приставляютъ! Это слово — нѣкогда столь общепонятное и извѣстное, полное живаго, реальнаго значенія, выражавшее собою цѣлый принципъ, цѣлое созерцаніе народное,— неужели и этому слову грозитъ участь такого же опошленія, какъ словамъ: гласность, прогресъ, либералъ? Намъ было бы

жаль этого, жаль именно потому, что это слово не отвлеченное понятіе, а взято изъ дѣйствительнаго міра русской народной исторіи,—и мы убѣждены, что только тогда это слово получитъ жизненное, неотвлеченное содержаніе, когда оно вновь воскреснетъ въ памяти и сознаніи народа и станетъ произноситься не нашими, а народными устами. Въ настоящее время, впрочемъ, нерѣдко случается видѣть, какъ западный либерализмъ рядится въ русскую *одежду*; такова сила моды и вещей. Но «это либерализмъ à la moujik еще не есть настоящая русская свобода, и внѣшнее переряженье не поможетъ дѣлу нашего сближенія съ настоящимъ мужикомъ, съ народомъ, пока не совершится это сближеніе въ области духа, и пока не устранятся послѣднія матеріальныя и нравственныя узы, еще опутывающія русскую землю!

Но мы увлеклись въ сторону, вѣроятно потому, что намъ объ этомъ предметѣ говорится охотнѣе, чѣмъ о бюджетѣ, о которомъ мы обязаны говорить, въ качествѣ журналиста, и о которомъ, покуда, сказать много нечего. Къ тому же и выразить всего, что бы мы желали, мы не можемъ. Мы, впрочемъ, очень искренно привѣтствуемъ обнародованіе государственной смѣты, какъ явленіе новое и важное въ нашей административной и общественной жизни; но чтобъ эта мѣра была вполнѣ плодотворна, необходимо: во 1-хъ, чтобъ бюджетъ былъ публикованъ вмѣстѣ съ объяснительной запиской и всѣми документами, къ нему относящимися (иначе многое остается въ немъ непонятнымъ); во 2-хъ, чтобъ была допущена полная свобода критики.

Бюджетъ на первый взглядъ не представляетъ дефицита: 310 милліоновъ дохода и 310 милліоновъ расхода. Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что къ числу доходовъ отнесенъ заемъ, составляющій ровно то количесмво (такъ ровно, что копѣйка въ копѣйку приходится), какое въ суммѣ доходовъ оказывается въ недостаткѣ противъ суммы расходовъ.

Именно: всего доходовъ. . . .	295.861,839	р.	27¹/₄ к.
расходовъ . . .	310.619,739	»	
разница	14.757,899	»	72³/₄ »

Эта разница покрывается причисленными къ доходамъ, подъ рубрикою «чрезвычайныхъ суммъ», и подъ названіемъ «изъ по-

Въ послѣднее время стали встрѣчаться въ иностранныхъ газетахъ извѣстія о предстоящемъ для Россіи заграничномъ займѣ. Нисколько не касаясь вѣроятности подобнаго обстоятельства, т. е. не отрицая и не утверждая его возможности, мы хотимъ представить нѣсколько соображеній о тѣхъ вѣроятныхъ послѣдствіяхъ, какія заграничный заемъ не замедлитъ оказать на нашу промышленность и торговлю. Помимо государственной потребности въ заграничномъ займѣ, если таковая существуетъ, насъ интересуетъ знать на сколько подобная мѣра будетъ въ состояніи вдохнуть жизнь въ разстроенный организмъ нашей производительности, и дѣйствительно ли, какъ утверждаютъ нѣкоторые, отъ прикосновенія иностраннаго золота, какъ отъ галваническаго тока, воспрянутъ наши производительныя силы, и не на одно мгновенье, какъ это обыкновенно бываетъ при физическихъ опытахъ.

Первымъ слѣдствіемъ заграничнаго займа, если сумма его не будетъ израсходована за границей за счетъ государственнаго казначейства, должно быть повышеніе заграничныхъ курсовъ. Будетъ ли сумма займа привезена къ намъ металломъ, или вытрассирована по курсу, результатъ будетъ тотъ же: возвышеніе нашихъ заграничныхъ курсовъ, или иначе, удешевленіе заграничныхъ затратъ и старыхъ разсчетовъ. Въ статьѣ, напечатанной въ нумерѣ 205-мъ Сѣв. пчелы 1861 года, мы имѣли случай высказать какія неблагопріятныя послѣдствія бываютъ для нашей вывозной торговли, и слѣдовательно и нашего торговаго баланса отъ ненормально высокихъ заграничныхъ курсовъ. Что высокіе курсы, во время самой навигаціи, будутъ имѣть неблагопріятныя вліянія на вывозъ нашихъ продуктовъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Слѣдовательно, поощренія производительности и уси-

ленія ея отъ заграничнаго займа ожидать нельзя, а слѣдовательно и радикальнаго поправленія нашего торговаго баланса. Не знаемъ сколько болѣе или менѣе стѣсненное денежное положеніе нашихъ высшихъ и среднихъ классовъ, бывшихъ доселѣ почти исключительными потребителями иностранныхъ продуктовъ, можетъ отразиться на будущемъ ихъ привозѣ; но очень вѣроятно, что случай для иностранцевъ выгодно перевести за границу свои капиталы и вымѣнять съ барышемъ 10 мил. или болѣе процентовъ на курсѣ, находящіеся за границей 4% металлическіе билеты — случай для банкировъ нажить на курсѣ,—удешевленіе заграничныхъ поѣздокъ и затратъ, къ чему открытіе желѣзной дороги и лондонская выставка послужатъ такимъ сильнымъ побужденіемъ и т. д. Все это, вѣроятно, съ лихвой покроетъ могущій быть недостатокъ въ суммѣ привозныхъ товаровъ. А если этого недостатка въ привозѣ иностранныхъ продуктовъ не будетъ, что́ очень вѣроятно, потому что нынѣшній годъ прибавляется къ нимъ новый продуктъ, кантонскій чай, а во-вторыхъ потому что мы не легко отказываемся отъ потребленія того, къ чему разъ привыкли,—тогда вся сумма вышесказанныхъ затратъ и оборовъ, вызванныхъ и усиленныхъ внезапнымъ повышеніемъ курсовъ, ляжетъ на нашъ торговый балансъ. И лишь только сумма займа будетъ израсходована, настанетъ реакція, и курсы должны будутъ опять принять свое нормальное положеніе, основываясь на однихъ производительныхъ силахъ государства. Мечтающіе открытіемъ размѣна привлечь къ намъ иностранные капиталы, очень удивятся, когда увидятъ, что иностранцы воспользуются этимъ случаемъ, чтобъ извлечь отъ насъ наши, оставя насъ философствовать надъ черепками разбитой кружки, и... gros Jean comme devant.

34.

Понемногу денежныя и торговыя замѣшательства дошли у насъ въ Россіи до такихъ размѣровъ, что остановились почти всякія дѣла, основанныя на какомъ-нибудь кредитѣ. Лучшіе дома нерѣдко вынуждены бываютъ теперь просить отсрочки въ своихъ платежахъ, что̀ почти равняется несостоятельности, потому-что запродавъ внутри Россіи въ сроки болѣе или менѣе продолжительные, отъ 6 до 12 мѣсяцевъ и болѣе, товары, купленные за границею на трехмѣсячные векселя, не могутъ достать денегъ къ срокамъ своихъ платежей. Ненормальное положеніе нашего рынка выказывается уже тѣмъ, что учетный процентъ государственнаго долга стоитъ ниже учетнаго процента частныхъ банкировъ, а между тѣмъ спросъ на деньги большой и денегъ нѣтъ.

Еще хуже положеніе разныхъ нашихъ акціонерныхъ предпріятій. Трудно многимъ изъ нихъ удержаться отъ полнаго разоренія. Въ особенности въ плачевномъ состояніи находятся наши вновь устраиваемыя желѣзныя дороги.

Главному обществу желѣзныхъ дорогъ правительство уже помогло, и теперь, съ Божіей помощію, безъ вмѣшательства французовъ, общество это успѣетъ довершить начатыя имъ постройки варшавской и нижегородской линій.

Рижская дорога окончена, движеніе на ней открыто.

Въ большой нуждѣ находятся саратовская и ярославская линіи, и хотя довершеніе ихъ принесло бы большую выгоду русской торговлѣ и промышлености, безъ денегъ эти обѣ линіи не въ состояніи быть оконченными. Необходимо, по нашему мнѣнію, и мы надѣемся, что всѣ наши экономисты раздѣляютъ съ нами это убѣжденіе,— необходимо, говоримъ мы, чтобы правительство наше неотлагательно протянуло руку помощи этимъ обществамъ. Правительство должно помочь тутъ не увеличеніемъ процентовъ,

не разными измѣненіями въ уставѣ, но должно помочь чистыми деньгами, купивъ у общества, напримѣръ саратовскаго, облигацій на 20 мил. руб. сер., съ тѣмъ чтобы погасить ихъ постепенно въ продолженіе всего времени существованія общества. Такая поддержка должна быть сдѣлана безъ всякаго новаго усиленнаго вмѣшательства правительства въ управленіе дѣлами общества, потому-что никакое частное общество, ни въ одной странѣ, находящееся подъ опекой правительства, не можетъ идти настоящимъ коммерческимъ путемъ. Саратовская линія чрезвычайно необходима для русской торговли, а потому, когда денежный рынокъ нашъ въ плохомъ положеніи, правительству нечего ждать, что общество вынуждено будетъ бросить начатое имъ предпріятіе.

Затѣмъ, вотъ прошло уже 6 лѣтъ со времени окончанія послѣдней войны, а у насъ устройство удобныхъ путей въ южной Россіи нисколько не подвинулось впередъ. Въ то время, когда въ западной Европѣ правительства могутъ мгновенно пересылать массы войскъ изъ одного конца государства въ другой, у насъ по прежнему солдатъ пройдетъ мѣсяцы, пока доберется до границы, гдѣ требуется защита, а на походѣ раздражены будутъ всѣ селенія этимъ проходомъ войскъ.

Въ настоящее время въ Россіи не дадутъ копѣйки за акцію какого-либо новаго общества желѣзныхъ дорогъ, а потому необходимо привлечь для этого или наши капиталы, или заграничные какими-нибудь выгодными условіями. Мы полагаемъ, что эти условія могутъ быть слѣдующія:

1) Не дозволять строить болѣе одной линіи дороги между двумя данными пунктами.

2) Правительство вовсе не вмѣшивается въ дѣла общества. У правительства общество не обязывается испрашивать разрѣшеніе на свои постройки или на систему ихъ, а только, когда общество объявитъ свою линію готовою, то правительство посылаетъ своихъ инженеровъ повѣрить—безопасна ли дорога и мосты для пассажирскаго проѣзда.

3) Правительство гарантируетъ или 6°/₀ чистаго дохода акціонерамъ, или единовременно платитъ 30,000 руб. сер. за каждую версту открытой дороги для ѣзды между станціями.

4) Разрѣшить свободный ввозъ всѣхъ матеріяловъ и машинъ

изъ-за границы, но съ назначеніемъ преміи на машины, сдѣланныя въ Россіи и изъ русскихъ матеріаловъ.

При такихъ условіяхъ можно надѣяться, что общества желѣзныхъ дорогъ явятся въ Россіи, а это весьма важно для насъ, потому-что доставитъ деньги рабочему классу, отъ довольства котораго зависитъ процвѣтаніе отечественной фабричной промышленности.

35.

Съ 1 мая въ государственномъ банкѣ открытъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото и серебро, выдавая и принимая полуимперіалъ до 1 августа по 570 коп., а съ 1 августа по 569 коп.; а серебрянный рубль по 1 руб. $10^1/_2$ к. и 1 руб. $08^1/_2$ коп.

Такъ какъ эта мѣра не имѣетъ еще значенія возстановленія серебряннаго рубля нашей разсчетной единицей, при чемъ кредитный рубль при всѣхъ разсчетахъ долженъ былъ бы цѣниться только въ $89^1/_2$ копѣекъ, и что навлекло бы незаслуженную потерю какъ на частныхъ заемщиковъ, такъ и на казну, то мы и будемъ разсматривать эту мѣру, только какъ *установленіе цѣнъ для промѣна въ банкѣ золота* и *серебра* для тѣхъ, кто пожелаетъ получить или отдать ихъ и вовсе не обязательнымъ для частныхъ сдѣлокъ; причемъ кредитный рубль по прежнему останется нашей денежной единицей.

По своимъ послѣдствіямъ, эта мѣра можетъ быть разсматриваема относительно: *заграничныхъ курсовъ*, *резервнаго фонда*, *достоинства кредитныхъ билетовъ*, *внутренняго денежнаго обращенія* и *пользы для казны ихъ обмѣна*.

Для *заграничныхъ курсовъ* размѣнъ имѣетъ значеніе поддержки ихъ, напр. на Лондонъ *не ниже* 34 коп. за рубль, или почти того же курса, какой банкъ, въ теченіи навигаціи прошлаго года, поддерживалъ выдачею своихъ тратъ на заграницу.

Прямое слѣдствіе подобной мѣры, какъ извѣстно, есть противодѣйствіе естественному возстановленію торговаго баланса. Въ № 205 прошлогодней Сѣверной пчелы мы подробно говорили о невыгодныхъ послѣдствіяхъ поддержки курсовъ для нашей вывозной торговли и торговаго баланса и находимъ излишнимъ перечислять здѣсь вновь наши доводы. Замѣчательно, однакоже,

это періодическое проявленіе желанія банка поддерживать курсы въ то самое время, когда происходитъ главный обмѣнъ нашихъ произведеній на иностранныя. Въ это время курсы обыкновенно повышаются, а такъ какъ они и теперь стоятъ нѣсколько выше 34 коп. на Лондонъ, то, гарантируя въ теченіи трехъ навигаціонныхъ мѣсяцевъ этотъ курсъ, банкъ или имѣетъ причину опасаться, что при естественномъ ходѣ торговли, курсы упадутъ, или, что вѣроятнѣе, надѣясь на повышеніе курсовъ, увѣренъ, что золото по 570 коп. брать отъ него не будутъ, а что онъ скорѣе самъ по этой цѣнѣ получитъ его не малое количество. Но открытіе размѣна по 570 к., удерживая курсы отъ паденія, въ то же время должно въ нѣкоторой степени противодѣйствовать ихъ возвышенію, потому что банкъ, скупая золото дороже другихъ, будетъ удерживать его отъ ухода за границу, отчего сумма долга, покрывавшагося доселѣ золотомъ, должна будетъ ложиться на курсы и давить ихъ книзу.

На *резервный фондъ* эта мѣра будетъ имѣть то вліяніе, что при курсѣ 34 пен. онъ будетъ уменьшаться. При настоящемъ же положеніи торговыхъ дѣлъ нельзя ожидать высокихъ курсовъ и если не послѣдуетъ отъ какихъ либо непредвидимыхъ причинъ рѣшительнаго улучшенія торговаго баланса, то и новый заемъ большой поддержки резервному фонду не окажетъ. Слѣдовательно, *уменьшеніе* резервнаго фонда при открываемомъ размѣнѣ, вѣроятнѣе нежели его *увеличеніе*.

Достоинство кредитныхъ билетовъ отъ прежде временнаго открытія размѣна должно вдвойнѣ потерпѣть: *нравственно* отъ офиціальнаго скупа ихъ 10% ниже нарицательной стоимости, и *матеріально*—отъ вѣроятнаго *уменьшенія резервнаго фонда*, пропорція котораго въ такомъ случаѣ будетъ уменьшаться относительно остающагося въ обращеніи количества кредитныхъ билетовъ, не смотря на то, что вымѣненные билеты будутъ уничтожаемы.

Для *внутренняго обращенія* золото и серебро вовсе не требуется, ихъ скупаютъ только: золото для отправки за границу, серебро, вѣроятно, для передѣлки на разныя вещи, по цѣнамъ, пропорціональнымъ съ заграничнымъ курсомъ. Слѣдовательно, на внутренній денежный рынокъ эта мѣра не произведетъ никакого дѣйствія, кромѣ увеличенія нужды въ деньгахъ отъ уменьшенія количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, потому что вы-

пускаемое за нихъ золото будетъ уходить за границу, а билеты будутъ уничтожаемы.

Выгоды для казны отъ размѣна никакой не предвидится. Да и какая же можетъ быть, если принятый по 5 р. 70 к. полуимперіалъ, будетъ впослѣдствіи выдаваться по 5 р. 60 к. и дешевле.

Что касается до ожиданія, что иностранцы теперь явятся къ намъ со своими капиталами, зная по какому курсу они могутъ получить ихъ обратно, то мы сильно сомнѣваемся, чтобы ожиданія эти могли исполниться *вслѣдствіе только открытія одного размѣна*. Иностранные капиталы удерживаетъ отъ прилива къ намъ то же самое, что́ заставляетъ и наши капиталы праздно скопляться въ государственномъ банкѣ, т. е. множество причинъ, распространяться о которыхъ здѣсь мы не имѣемъ возможности.

Слѣдя за нашей производительностью и вѣря въ торговый балансъ, иностранцы лучше нашихъ финансистовъ знаютъ наши средства и положеніе счета Россіи съ заграницей. Они жалуются на низкіе курсы потому, что они задерживаютъ сбытъ ихъ товаровъ, дѣйствуя на нихъ также тяжело, какъ и возвышеніе пошлины.

Открытіе размѣна есть третья мѣра, предпринимаемая государственнымъ банкомъ въ теченіи какого нибудь года времени, съ цѣлію поддержки заграничныхъ курсовъ, т. е. удешевленія заграничныхъ затратъ. Мы сильно опасаемся, что она, какъ и первыя двѣ: созданіе металлическихъ билетовъ и трассировка на заграницу, окажется несостоятельною. Мы считаемъ эту мѣру слишкомъ преждевременною, чтобъ она могла быть долговѣчною. Но такъ какъ высказывая наши мнѣнія, мы задаемся только извѣстными намъ фактами и вовсе не посвящены во всѣ таинства финансовыхъ соображеній и не обладаемъ даромъ предвидѣнія грядущихъ событій, то очень можетъ быть, что мы и ошибаемся. Не имѣя глупой претензіи знать все лучше другихъ и искренне желая улучшенія нашихъ финансовыхъ обстоятельствъ, мы отъ души порадуемся, если чрезъ годъ, другой времени увидимъ, что ошиблись въ нашихъ предположеніяхъ.

36.

Въ отвѣтъ г. Ламанскому и Гр. С.

Найдя въ напечатанномъ въ Биржевыхъ вѣдомостяхъ «Краткомъ извлеченіи изъ отчета государственнаго банка за 1861 г.», довольно курьезное мнѣніе, будто чеканка мелкой серебряной монеты заграницей доставляетъ казнѣ и государству *особенную прибыль*, мы въ № 189-мъ Сѣверной пч., выразили сомнѣніе въ дѣйствительности такого финансоваго *фортеля*. Наше сомнѣніе и способъ его выраженія не понравились г. Ламанскому и нѣкоторымъ другимъ,—впрочемъ, сколько намъ извѣстно и какъ того слѣдовало ожидать,—только *крайне немногимъ* лицамъ. Г. Ламанскій и нѣкоторые изъ сторонниковъ его въ этомъ отношеніи отвѣтили намъ на нашу статью, за что мы и просимъ ихъ принять отъ насъ глубочайшую благодарность, потому что отвѣты ихъ, въ особенности отвѣтъ г. Ламанскаго, служатъ, между прочимъ, подтвержденіемъ основательности нашего убѣжденія и нашей замѣтки.

Въ самомъ дѣлѣ, опровергаетъ ли г. Ламанскій или кто либо изъ его сторонниковъ, въ этомъ отношеніи, выраженное нами сомнѣніе въ дѣйствительности подобной прибыли? Нѣтъ! Да и не могло быть иначе, потому что наше мнѣніе основано на цифрахъ, на знаніи и сознаніи какъ политико-экономическихъ законовъ, такъ и науки о финансахъ, а также и на здравомъ смыслѣ. Самый отвѣтъ г. Ламанскаго, напечатанный въ № 195-мъ Сѣверной пчелы, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что если и можно *стараться* опровергнуть наше мнѣніе, тѣмъ не менѣе достигнуть этого нельзя, въ особенности безъ знанія политической экономіи и науки о финансахъ.

Г. Ламанскій прежде всего упрекаетъ редакцію Сѣверной пчелы въ томъ, что она, сознавая *офиціальный характеръ* записки (т. е. вышеупомянутаго краткаго извлеченія изъ отчета государственнаго банка за 1861 годъ), называетъ тѣмъ не менѣе содержаніе ея—*статьей г. Ламанскаго*, и относитъ всѣ свои замѣчанія исключительно къ нему, и притомъ въ тонѣ личныхъ обвиненій за правительственныя распоряженія.»

На это прежде всего замѣтимъ, что г. Ламанскій голословно утверждаетъ, будто бы редакція Сѣверной пчелы сознавала офиціальный характеръ записки, или, что то же, статьи г. Ламанскаго въ Биржевыхъ вѣдомостяхъ. Напротивъ, мы имѣли основаніе не придавать этой запискѣ офиціальнаго характера, ибо: а) она напечатана въ Биржевыхъ вѣдомостяхъ подъ рубрикой: *часть неофиціальная;* а такъ какъ Биржевыя вѣдомости, по крайней мѣрѣ въ офиціальной ихъ части, суть органъ министерства финансовъ, то конечно редакціи этой газеты не для чего было бы помѣщать офиціальную статью въ неофиціальномъ отдѣлѣ, въ который она помѣстила статью г. Ламанскаго; б) эта статья названа *извлеченіемъ изъ отчета*, который, какъ значится въ началѣ ея, былъ читанъ въ собраніи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. По всему этому, если бъ подъ этой статьей было подписано имя не г. Ламанскаго, а напримѣръ г. Штиглица или Ротшильда, то мы назвали бы ее статьей г. Штиглица или Ротшильда, и подумали бы, что г. Штиглицъ или Ротшильдъ—сотрудникъ Биржевыхъ вѣдомостей, чѣмъ считаемъ и г. Ламанскаго, тѣмъ болѣе, что немало родственнаго и общаго между духомъ, направленіемъ и характеромъ мнѣній и дѣйствій г. Ламанскаго и современнымъ духомъ, направленіемъ и характеромъ Бирж. вѣд. Напримѣръ, и эти вѣдомости стараются *отдѣлать* Сѣв. пчелу, и г. Ламанскій дѣлаетъ то же самое. Les beaux esprits se rencontrent. Вся разница между Биржевыми вѣдомостями и г. Ламанскимъ, въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что г. Ламанскій *отдѣлываетъ* Сѣв. пчелу словами болѣе или менѣе благовоспитаннаго *барина*, а Биржевыя вѣдомости употребляютъ выраженія *холопей*, желающихъ угодить барину и выслужиться передъ нимъ.

Во вторыхъ, напрасно г. Ламанскій воображаетъ, будто бы мы очень имъ заняты, и потому будто бы оскорбляемъ его личность въ статьѣ безличной. Мы уже не разъ объявляли, что

статьи безъ подписей принадлежатъ редакціи, которая и отвѣчаетъ за нихъ. Не мы его оскорбляемъ; его, какъ видно, оскорбляютъ здравый смыслъ и здравыя финансовыя понятія, хотя и не прямо, а только косвенно, въ видѣ вопроса, выраженныя въ нашей статьѣ; но за это насъ не за что обвинять, не мы въ томъ виноваты. Въ статьѣ нашей имя г. Ламанскаго названо было только потому, что оно подписано подъ упомянутой статьей и что онъ одинъ изъ представителей всѣмъ извѣстныхъ довольно курьезныхъ финансовыхъ мнѣній, которыя прямо противорѣчатъ здравымъ экономическимъ понятіямъ. Насъ интересуетъ не личность г. Ламанскаго, до которой намъ нѣтъ никакого дѣла, а его ложныя финансовыя мнѣнія, которыя мы считаемъ долгомъ опровергать, какъ мнѣнія ложныя и вредныя. Притомъ же г. Ламанскій, можетъ быть, и очень важная особа для него самого и для нѣкоторыхъ другихъ лицъ; тѣмъ не менѣе онъ не столь важная особа для насъ, чтобы мы имѣли время заниматься имъ. Вѣдь чиновниковъ въ Россіи сотни тысячъ, такъ неужели можно каждому изъ нихъ придавать такое громадное значеніе, какое многіе изъ нихъ сами придаютъ себѣ? Согласитесь, что это было бы ужъ черезчуръ смѣшно!

Далѣе, вмѣсто того, чтобъ болѣе или менѣе здравыми объясненіями и доводами опровергнуть наше мнѣніе, для чего, повидимому, и написанъ отвѣтъ его (къ издателю Сѣв. пчелы, въ № 193-мъ) на нашу статью, г. Ламанскій повторяетъ въ большей или меньшей степени, сказанное имъ въ «краткомъ извлеченіи изъ отчета банка» объ операціи чеканки мелкой серебряной монеты за границей и предается педагогическимъ разсужденіямъ о необходимости билона изъ мѣди и серебра.

Но развѣ такъ опровергаютъ мнѣнія своихъ противниковъ лица, которыя уважаютъ самихъ себя и общественное мнѣніе? Развѣ мы говорили что либо противъ необходимости билона и размѣнной монеты? Для чего же разглагольствованія г. Ламанскаго объ этомъ предметѣ? Неужели только для того, чтобъ удивить публику своею ученостью и закидать своихъ противниковъ, вмѣсто невозможныхъ дѣльныхъ возраженій, неумѣстными фразами, точь въ точь, какъ это дѣлаютъ люди, которые, чтобъ придать себѣ значеніе, котораго они не имѣютъ и не могутъ имѣть, пускаютъ пыль въ глаза? Если такъ, то невѣренъ и въ этомъ отношеніи разсчетъ г. Ламанскаго. Ученость, которую

высказываетъ онъ такимъ образомъ, доступна едва-ли не каждому гимназисту 5-го или 6-го класса. Такая ученость, въ настоящее время, уже никого не удивляетъ, кромѣ, развѣ, лицъ, которыя сами удивляются подобной учености своей, всегда болѣе или менѣе поверхностной, а потому и мнимой, и мало полезной. Отъ такой учености тепло только обладателямъ ея, наслаждающимся блаженнымъ самодовольствіемъ. Въ Сѣверной пчелѣ уже давно, до выпуска размѣнной монеты гг. Капгеромъ и К° и до учрежденія государственнаго банка, была заявлена мысль о необходимости серебрянаго билона.

Да, г. Ламанскій, неумѣстными, отписными фразами нисколько не опровергаетъ, а только подтверждаетъ основательность выраженнаго нами сомнѣнія въ дѣйствительности прибыли отъ операціи чеканки мелкой серебряной монеты за границей. По прежнему мы утверждаемъ, что отъ этой операціи нѣтъ дѣйствительной прибыли ни для казны, ни для государства, а если есть прибыль, то развѣ для чиновниковъ государственнаго банка, которые, на основаніи устава этого учрежденія, должны получать отъ 3% до 5% изъ прибылей его. Основательность нашего мнѣнія подтверждается самыми неопровержимыми доказательствами, а въ томъ числѣ и цифрами, которыя мы находимъ въ «Краткомъ извлеченіи изъ отчета государственнаго банка за 1861 г.,» т. е. въ статьѣ, подписанной *вами*.

Вотъ эти цифры:

«По продажѣ французскому банку золотой монеты на 7.725,000 р., въ обмѣнъ на французскую пяти-франковую монету, которой получено въ Парижѣ на сумму 31.077,019 франк. 85 сант., государственный банкъ приступилъ къ перечеканкѣ сей послѣдней въ русскую мелкую монету на парижскомъ и страсбургскомъ монетныхъ дворахъ, подъ наблюденіемъ двухъ русскихъ чиновниковъ и подъ контролемъ правительственной французской коммисіи монетъ. Всѣ расходы по чеканкѣ и доставкѣ монеты въ Россію, исполненныхъ черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ заключенія контрактовъ, на сумму 9.120,294 р., вѣсомъ болѣе 11,201 пуда, обошлись въ 228,126 р. 58 к., а прибыль отъ операціи составила 1.107,168 руб. 37 к. или болѣе $13^3/_4$%».

Эти цифры раждаютъ только сомнѣніе въ *математической* точности ихъ. Ни одинъ математикъ, ни финансистъ въ мірѣ не добьется въ нихъ толку. Но намъ пришлось бы утомлять чита-

телей разными, сдѣланными нами, повѣрками этихъ цифръ, и потому ограничимся только слѣдующимъ ихъ разборомъ.

7.725,000 р. золотомъ заставляютъ предполагать, что государственный банкъ продалъ французскому банку 1.500,000 полуимперіяловъ за 31.077,019 франковъ 85 сант., т. е. получилъ за полуимперіялъ $\frac{31.077,019-85}{1.500,000-00}$ или 270,180 фр. Считая франкъ равнымъ четвертаку, государственный банкъ получилъ за полуимперіялъ 20,7180 четвертака или $\frac{20.7180}{4}$ руб., т. е. около 5 руб. 18 коп. за полуимперіялъ, и это въ то время, когда цѣна ему, т. е. полуимперіялу, была въ Петербургѣ не менѣе 5 р. 70 к. Понятно, что французскій банкъ и не могъ цѣнить русскій полуимперіялъ въ 5 р. 70 или 5 р. 80 коп., а далъ за него столько, сколько онъ стоитъ по содержанію въ немъ золота, и если, вмѣсто 5 р. 15 к., нашъ государственный банкъ получилъ за полуимперіялъ около 5 р. 18 к., то эти лишнія 2—3 коп. составляютъ или плату за перевозку русской монеты въ Парижъ, или премію золоту, т. е. *барышъ* или *прибыль* нашего банка отъ такого обмѣна; а можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, французскій банкъ ничего *не подарилъ* нашему русскому банку, ни русскій банкъ французскому, и мы увѣрены, что этотъ обмѣнъ обошелся безъ всякаго надувательства, и обѣ стороны сошлись и разошлись съ чувствомъ такого взаимнаго почтенія, уваженія и даже высокопочитанія, которое достойно всякой похвалы и подражанія. Словомъ, мы увѣрены, что если только французскій банкъ *не обидѣлъ* русскаго, то нашъ русскій банкъ ужъ никакъ не *обидѣлъ* французскаго, и потому вся прибыль нашего государственнаго банка отъ продажи или обмѣна русскаго золота на французское серебро, ограничивается около 3-хъ к. на полуимперіялъ, не считая расходовъ на перевозку. Но положимъ, что перевозка совершена на какой либо *казенный* счетъ, и обошлась банку *даромъ*; положимъ, что онъ получилъ барыша ровно 3 коп., на полуимперіялъ; это составитъ 3×1.500,000 к., т. е. 45,000 р. Вотъ и весь возможный барышъ государственнаго банка и Россіи отъ такого обмѣна или такой продажи, кромѣ чести, разумѣется, имѣть дѣло съ французскимъ банкомъ и обмѣнивать русское золото на французское серебро. Такимъ образомъ, если бы полученное отъ французскаго банка серебро было привезено въ Россію, то ме-

таллическій фондъ остался бы почти такимъ же, какимъ былъ, ибо, не считая платы за перевозку французскаго серебра въ Петербургъ, фондъ отъ этой операціи банка увеличился бы всего-на все на 45,000 р., или же фондъ не увеличился бы нисколько, но за то банкъ пріобрѣлъ бы 45,000 руб. барыша. Какимъ же образомъ, спрашивается, получена прибыль отъ этой операціи въ 1.107,168 р. 37 коп. какъ увѣряетъ г. Ламанскій? А вотъ какимъ образомъ: французское серебро отправлено не въ Петербургъ, а на монетные дворы въ Парижѣ и Страсбургѣ; на этихъ монетныхъ дворахъ оно, конечно, не выросло, не разбухло и не потяжелѣло, т. е. не пріумножилось само-собою вѣсомъ, а было перечеканено въ русскую мелкую монету 72-й пробы. Эта операція съ провозкой монеты въ Россію обошлась нашему банку въ 228,126 р. 58 к. Ясно, что если расходъ равенъ 228,126 р., а доходъ или барышъ 45,000 р., то отъ всей операціи получено *не прибыли*, а *убытку* 183,126 р., *что̀ и требовалось доказать*.

Очень можетъ быть, что, за отсутствіемъ положительныхъ, математически-точныхъ свѣдѣній, мы ошибаемся не только въ рубляхъ, но и въ тысячахъ; во всякомъ случаѣ, мы того мнѣнія, что вся эта операція государственнаго банка причинила нашей казнѣ и Россіи только *ущербъ*, *убытокъ*, и не принесла имъ *ни копѣйки* пользы. Только финансовыя соображенія г. Ламанскаго и ему подобныхъ финансистовъ могутъ видѣть барышъ и прибыль тамъ, гдѣ убытокъ несомнѣненъ, явенъ, и гдѣ онъ *непремѣнно долженъ* быть по требованіямъ политической экономіи, здраваго смысла и общедоступной ариѳметики.

На чемъ же основываютъ г. Ламанскій и ему подобные финансисты *мнимую* прибылъ въ 1.107,168 руб. отъ этой операціи? Они основаютъ ее *на произволѣ*, т. е. на требованіяхъ, противныхъ и политической экономіи, а потому и наукѣ о финансахъ. По рѣшенію такого произвола, можно заставить людей, надѣленныхъ здравымъ смысломъ, мѣдную копѣйку величать серебрянымъ рублемъ, и принимать ее за него! Пожалуй, такимъ образомъ можно получать не только $13^3/_4$%, а, какъ мы сказали въ прежней нашей статьѣ, даже болѣе $130^3/_4$ процентовъ прибыли. Да такимъ образомъ можно получать прибыли даже 1,300 и 13,000 процентовъ; но кто же, кромѣ человѣка, ничего несмыслящаго по части разумныхъ финансовыхъ операцій

повѣрить въ дѣйствительность подобныхъ прибылей! Повинуясь такому произволу, слѣдуетъ и г. Ламанскаго считать чѣмъ-то въ родѣ Кольбера, Брука или Роберта Пиля; но, благодаря Бога, есть еще на Руси люди, которыхъ не заставишь вѣрить по приказанію въ то, что́ противно здравому смыслу, правдѣ и дѣйствительности. А давно ли, какъ подумаешь, г. Ламанскій острилъ и возставалъ противъ *китайскихъ* ассигнацій? Чѣмъ же фортели китайскихъ финансистовъ уступаютъ новѣйшимъ финансовымъ соображеніямъ г. Ламанскаго? Или неужели г. Ламанскій воображаетъ, что стоитъ ему только высказать какое либо мнѣніе, хотя бы и ни на чемъ неоснованное, то тотчасъ же всѣ такъ и повѣрятъ ему, какъ несомнѣнному авторитету? Сколько намъ извѣстно, еще никто у насъ, кромѣ развѣ редакціи Биржевыхъ вѣдомостей, не считаетъ его такимъ авторитетомъ. Слава Богу! мы еще не китайцы, и потому не созрѣли еще для такого фетишизма!

Другое было бы дѣло, если бъ г. Ламанскій, вмѣсто того, чтобъ настаивать на томъ, что операція банка, о которой идетъ рѣчь, принесла казнѣ 1.107,168 р. прибыли, доказывалъ, что и намъ, какъ всѣмъ другимъ, болѣе или менѣе цивилизованнымъ націямъ, необходима серебряная размѣнная монета, и что чеканка ея требуетъ *расходовъ*. Въ такомъ случаѣ, какъ бы мало ни была полезна объ этомъ предметѣ рѣчь г. Ламанскаго, мы бы въ большей или меньшей степени согласились съ нимъ; смотря по тому, въ какой степени вѣритъ онъ въ способность или неспособность серебряной низкопробной монеты прятаться и уходить за границу при невыгодномъ торговомъ балансѣ, излишнемъ количествѣ кредитныхъ билетовъ или имъ подобныхъ цѣнностей съ обязательнымъ курсомъ и т. п. Но утверждать, что вышеупомянутая операція перечеканки монеты принесла казнѣ и государству *прибыль*, и притомъ относительно *громадную*, тогда какъ, вмѣсто прибыли, она причинила *явный расходъ*—это значитъ или, не знать не только основныхъ началъ политической экономіи, но даже и первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, или же это значитъ измѣнять своимъ честнымъ убѣжденіямъ экономиста (хотя бы и не очень сильнаго въ политической экономіи), или наконецъ, ни въ грошъ не ставить общественное мнѣніе, и паясничать съ нимъ и передъ нимъ.

Если же мы ошибаемся, если вышеозначенная операція при-

несла *дѣйствительную*, а не *мнимую* только пользу казнѣ въ 1.107,168 р., какъ утверждаетъ г. Ламанскій, и не потребовала отъ казны дѣйствительнаго расхода, примѣрно въ 180,000 р., какъ утверждаемъ мы, то, въ такомъ случаѣ, на основаніи мнѣнія г. Ламанскаго и ему подобныхъ финансистовъ, обмѣнять напримѣръ одно *серебряное* кольцо на пять равныхъ и подобныхъ ему высеребренныхъ *мѣдныхъ* колецъ, цѣнность которыхъ, взятыхъ вмѣстѣ, равна цѣнности одного серебрянаго кольца, значило бы получить громадную прибыль, т. е. произвесть выгодную коммерчески-финансовую операцію, доставляющую 400% барыша, или, что то же, изъ рубля сдѣлать пять рублей и нажить четыре рубля. Вѣроятно, подобныя финансовыя операціи и совершаются на толкучихъ рынкахъ; но, сколько намъ извѣстно, въ наше время уже ничего подобнаго не совершается европейскими государственными финансистами, которымъ очень хорошо извѣстно, изъ исторіи вообще и изъ исторіи финансовыхъ администрацій въ особенности, къ чему ведутъ подобныя финансовыя операціи. Судя по доводамъ и разсчетамъ г. Ламанскаго, надо полагать, что онъ или не знаетъ ни политической экономіи, ни политической исторіи вообще, ни исторіи финансовыхъ администрацій въ особенности, или, подобно нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ, убѣжденъ, что какъ исторія, такъ и всѣ остальныя науки—вздоръ, вздорныя, *непрактическія теоріи*, или же надо полагать, что г. Ламанскій, какъ мы сказали выше, ни въ грошъ не ставитъ общественное мнѣніе, передъ которое онъ выступилъ вновь для опроверженія нашей *основательной* замѣтки и высказаннаго нами сомнѣнія въ дѣйствительности прибыли для казны отъ перечеканки монеты за границей.

Добро бы еще подобная операція была, хотя бы въ какомъ либо отношеніи, необходима и выгодна, но она безполезна и невыгодна для Россіи рѣшительно *во всѣхъ отношеніяхъ*.

По мнѣнію г. Ламанскаго, выраженному, впрочемъ, не очень-то категорически, но тѣмъ не менѣе очень ловко, т. е. такъ, что можно и отказаться, въ случаѣ надобности, отъ этого мнѣнія, какъ мнѣнія, невыраженнаго *положительно*, — по мнѣнію г. Ламанскаго, говоримъ мы, операція перечеканки монеты за границей представляетъ только свѣтлыя стороны, а именно, она обошлась дешево и произведена очень скоро, въ какіе нибудь пять мѣсяцевъ, что едва ли было бы возможно при чеканкѣ этой мо-

неты въ Россіи. «Чрезъ пять мѣсяцевъ, говоритъ г. Ламанскій, правительство имѣло болѣе 9.000,000 р. сер. въ размѣнной монетѣ, и чрезъ посредство же банка могло распространить ее въ короткое время въ публикѣ до такой степени, что въ ней уже *здѣсь* (т. е. *только* въ Петербургѣ) (*) не чувствовалось никакого недостатка, тогда какъ та же публика платила за монету отъ 7 до 10 к. промѣна. Наконецъ, правительство получило чистаго дохода 1.107,168 р., или болѣе $13^3/_4$% на принадлежавшій ему капиталъ, между тѣмъ, какъ въ виду удовлетворенія настоятельной потребности въ мелкой размѣнной монетѣ, оно предоставляло даже прежде всю выгоду отъ выпуска монеты частному торговому дому, покупая серебро въ обмѣнъ на мелкую монету, по чистотѣ заключающагося въ ней металла, въ томъ предположеніи, что, *при существовавшемъ курсѣ* (sic!!!), при издержкахъ на чеканку и другихъ расходахъ, остатокъ прибылей едва ли достаточенъ для вознагражденія трудовъ по распространенію монеты въ публикѣ.»

Не останавливаясь на вопросѣ о громадности трудовъ банка по распространенію монеты въ публикѣ, преимущественно, если только не исключительно, петербургской да московской, громадности, которая, сколько намъ извѣстно, по силамъ каждому казначею и служащему въ частномъ банкѣ артельщику; мы, не смотря на авторитетъ г. Ламанскаго, убѣждены, что перечеканка монеты могла бы быть произведена съ большей пользой для Россіи на русскихъ монетныхъ дворахъ, нежели на французскихъ. Во-первыхъ, во Франціи она произведена скорѣе, чѣмъ это можетъ быть, или даже по всей вѣроятности, могло бы быть сдѣлано въ Петербургѣ, преимущественно потому, что она производилась на двухъ монетныхъ дворахъ, тогда какъ въ Петербургѣ всего одинъ монетный дворъ; поэтому скорость, съ которой совершена перечеканка, не говоритъ еще въ пользу необходимости чеканить русскую монету во Франціи, а не въ Россіи. Во-вторыхъ, если бъ перечеканка производилась въ Россіи, то, по мѣрѣ изготовленія монеты, она могла бы быть пускаема въ обращеніе, тѣмъ болѣе, что публика платила отъ 7% до 10% промѣна. Интересъ русскаго общества, а также и русской казны, требовалъ нестолько того, чтобъ выжидать изготовленія на 9.000,000 р. монеты,

(*) Слова между скобками принадлежатъ намъ, а не г. Ламанскому.

сколько того, чтобъ, по мѣрѣ ея изготовленія, она пускалась въ обращеніе, и чтобъ какъ можно скорѣй понижался процентъ промѣна. Съ этимъ, конечно, согласится каждый дѣйствительный экономистъ и финансистъ, понимающій интересы общества, а потому не жертвующій ими какимъ либо финансовымъ кунштикамъ, фокусамъ или фортелямъ, приносящимъ дѣйствительные убытки и только мнимыя прибыли государству. Правда, при изготовленіи размѣнной монеты въ Россіи и при выпускѣ этой монеты въ обращеніе по мѣрѣ ея изготовленія, громадность трудовъ банка по ея распространенію въ публикѣ была бы менѣе громадна, нежели при чеканкѣ монеты за границей; но Россія, сколько намъ извѣстно, не столько нуждается въ какой либо подобной громадности, сколько въ раціональности финансовыхъ операцій, и потому подобной громадностью ея не удивишь, тѣмъ болѣе, что она издавна выносила, да и теперь еще выноситъ на своихъ плечахъ и не такія громадности, и это, замѣтимъ къ слову, благодаря отчасти нѣкоторымъ изъ ея бывшихъ и настоящихъ финансистовъ. Въ-третьихъ, издавна, или по меньшей мѣрѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ особенности со времени графа Канкрина, наши монетные дворы принадлежали къ числу лучшихъ, и, сколько намъ извѣстно, не было случая, чтобъ они не успѣвали выдѣлывать необходимую для Россіи монету. Неужели же они въ послѣднее время измѣнили себѣ и своему назначенію? Такъ не обязаны ли они этимъ нѣкоторымъ изъ нашихъ знаменитыхъ экономистовъ и финансистовъ? А если не имъ, то кому же, или чему же? Но если допустить, что дѣйствительно наши монетные дворы не могутъ, въ настоящее время, по недостатку въ машинахъ или людяхъ, чеканить нужное для Россіи количество монеты, то не лучше ли было бы назначить *часть расходовъ*, употребленныхъ на чеканку монеты во Франціи, на улучшеніе или покупку машинъ для нашихъ монетныхъ дворовъ, вмѣсто того, чтобъ поощрять монетное производство во Франціи? За 228,000 р. и наши монетные дворы, по всей вѣроятности, не только вычеканили бы на 9.000,000 р. размѣнной монеты, но и нашли бы средства къ улучшенію своихъ машинъ или покупкѣ новыхъ. Въ такомъ случаѣ и серебра, а значитъ и монеты, осталось бы поболѣе въ Россіи, чѣмъ теперь, да и монетное производство было бы у насъ улучшено. Вѣдь не даромъ же чеканили нашу монету во Франціи, и французы взяли съ насъ по

*

меньшей мѣрѣ необходимое за трудъ и за производство вообще; не изъ одной чести также служили намъ въ этомъ отношеніи французскіе чиновники, да и поѣздка русскихъ чиновниковъ во Францію обошлась же во что нибудь нашей казнѣ, ибо, какъ извѣстно, чиновникъ не простое лицо или человѣкъ, а лицо чиновное, которому потому и полагаются разъѣздныя и содержаніе вообще по чину, т. е. иному столько, сколько нужно ему, а иногда и менѣе, а иному такъ столько, сколько нужно десятерымъ, а иногда и болѣе. И гдѣ, какъ не на петербургскомъ монетномъ дворѣ, вычеканена монета, выпущенная въ обращеніе гг. Капгеромъ и К°? Если все это сообразить, то и выйдетъ непремѣнно, что выгоднѣе было бы чеканить монету въ Россіи. Не думаемъ также, чтобъ французскіе монетчики болѣе русскихъ нуждались въ полученіи платы за болѣе или менѣе лишній для нихъ трудъ чеканки русской монеты, и чтобъ французское монетное производство было болѣе русскаго достойно высокаго покровительства нашего государственнаго банка. Но правда, однако, что въ нашихъ, представленныхъ здѣсь, соображеніяхъ не приняты во вниманіе ни то, что велика честь имѣть дѣло съ великой французской націей, ни то, что у насъ теперь монета не кое-какого домашняго, русскаго, а настоящаго французскаго производства, такъ что смѣло можно бы выпустить ее въ обращеніе нетолько изъ какого либо магазина à la ville de Lyon, но даже и изъ самаго магазина à la ville de Paris.

Вообще, съ какой стороны ни смотрѣть на эту операцію нашего государственнаго банка, она невыгодна для Россіи. Съ этимъ согласится каждый, кто здраво разсуждаетъ о финансовыхъ операціяхъ. Ни государственное казначейство, ни государственный банкъ, ни Россія вообще положительно ничего не выиграли, а только понесли ущербъ отъ этой операціи, потому что прибыль въ 13³/₄ процентовъ, которою такъ гордится г. Ламанскій, составляетъ *разницу въ вексельномъ курсѣ*, что *отчасти*, если только не вполнѣ, понимаетъ и г. Ламанскій, судя, по крайней мѣрѣ, по вышеприведенной нами выпискѣ изъ его статьи. Государственный банкъ, продавая французскому банку свое золото, не получилъ и 3 к. прибыли на полуимперіалъ, т. е. не получилъ и *одного* процента прибыли; слѣдовательно, не могъ получить и 13³/₄ процентовъ. Да и не могло бы быть иначе. Не дураки же управляютъ французскимъ банкомъ, чтобъ

подарить русскому, ни за что, ни про что $13^{3}/_{4}$ процентовъ, при покупкѣ золота, когда можно его получить за границей въ большей или меньшей степени по нарицательной цѣнѣ, т. е. полуимперіалъ по 5 р. 15 к. Воображаемая г. Ламанскимъ прибыль въ $13^{3}/_{4}$ процентовъ, произошла отъ обмѣна золотой монеты *по нарицательной цѣнѣ*, тогда какъ цѣна ей въ Россіи несравненно выше нарицательной. Еслибъ государственный банкъ выпустилъ тогда золото *по курсу*, а не по нарицательной цѣнѣ, по которой продалъ его французскому банку, и если бъ, взамѣнъ этого золота, получилъ кредитными билетами, подобно тому, какъ онъ теперь получаетъ ихъ за мелкое серебро, то такая операція была бы и для Россіи, и для него выгоднѣе той, которую восхваляетъ г. Ламанскій, выгоднѣе, между прочимъ, потому, что курсъ тогда былъ еще ниже настоящаго.

Однимъ изъ доказательствъ, что подобная операція могла бы быть совершена съ большей выгодой для государственнаго казначейства, служитъ, между прочимъ, сдѣланное около того времени однимъ иностраннымъ банкиромъ предложеніе вычеканить за границей мелкое серебро на 10 милліоновъ (по 500,000 р. въ мѣсяцъ), и получить за него *кредитными билетами* съ уплатою еще въ пользу государственнаго казначейства по 2 процента. Если бъ это предложеніе было принято, то конечно можно было бы считать эти 2 процента чистою прибылью, и въ такомъ случѣ, *безъ высылки за границу 7 милліоновъ золота*, мы получили бы оттуда 10.000,000 руб. *серебряной размѣнной монеты* за наши *кредитные билеты*.

Вообще можно смѣло утверждать, что если наше денежное обращеніе и наша кредитная система находятся не въ блестящемъ состояніи, то это не вслѣдствіе недостатка средствъ Россіи, а по совершенно другой причинѣ. Такіе финансисты, какъ г. Ламанскій, неотличающіе *фиктивныхъ* прибылей отъ *дѣйствительныхъ*, немного и нескоро помогутъ улучшенію нашей денежной кредитной системы. При другомъ образѣ дѣйствій, государственный банкъ могъ бы легко, *безъ всякихъ займовъ за границей*, увеличить металлическій фондъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, и это однимъ правильнымъ, прочнымъ и соотвѣтственнымъ нуждамъ Россіи кредитомъ, значительной выгодой для банка и государственнаго казначейства. Но для этого, правда, надо умѣть пользоваться тѣми денежными средствами, которыми

обладаетъ нашъ банкъ; для этого нужны и дѣйствительные, а не мнимые экономисты и финансисты.

Г. Ламанскій не ограничивается въ своемъ отвѣтѣ тѣмъ, что старается доказать дѣйствительность *мнимой* прибыли въ $13^3/_4$ процентовъ отъ операціи чеканки мелкой серебряной монеты за границей; онъ, какъ подобаетъ столь ученымъ административнымъ дѣятелямъ, наставнически читаетъ еще нотацію редакціи, и начальнически внушаетъ этой редакціи, какъ она должна пользоваться печатнымъ словомъ. И по дѣломъ намъ! Какъ могли мы смѣть свое сужденіе имѣть — безъ соизволенія г. Ламанскаго! Какая дерзость съ нашей стороны утверждать, какъ это мы сдѣлали, что чиновники банка получили изъ упомянутой мнимой фиктивной 13-ти процентной прибыли дѣйствительные два или три процента, согласно уставу банка! Но зато и досталось же намъ отъ г. Ламанскаго! Судите сами, читатели!

«Удостовѣреніе,» говоритъ г. Ламанскій, «что правленіе банка и служащіе получили дѣйствительно часть изъ этой прибыли, есть чистѣйшая *неправда* и *неправда произвольная, умышленная*; 1) потому, что отчетъ банка официально удостовѣряетъ, что вся операція была поручена банку и произведена на счетъ казны; объясненіе операціи помѣщено подъ главою операцій, производимыхъ за счетъ казначейства, и 2) потому, что редакція газеты, принимаясь за разборъ дѣйствій управленія, не можетъ *отговариваться незнаніемъ устава банка*, по которому служащіе имѣютъ, сверхъ опредѣленнаго содержанія, право на участіе въ чистыхъ прибыляхъ по *коммерческимъ операціямъ* только, а всѣ коммерческія операціи банка изложены въ отчетѣ подъ особою рубрикою, и между ними не упоминается о чеканкѣ размѣнной монеты.

«Такое *искаженіе истины* со стороны редакціи, и искаженіе, въ совокупности съ собственными ея предположеніями насчетъ побужденій правленія, становится публичнымъ обвиненіемъ лицъ, нетерпимымъ бездоказательно, ни гражданскими, ни нравственными законами, и недостойнымъ органа гласности, для котораго истина должна быть всего дороже.»

Этими строками г. Ламанскій бьетъ насъ, какъ говорится, наповалъ, разбиваетъ въ пухъ и прахъ. Мы поражены, мы уничтожены такой наставнической нотаціей и такой начальнической

головомойкой. Что намъ дѣлать теперь, какъ не пасть публично на колѣни передъ г. Ламанскимъ и умолять его о пощадѣ! Мы это и дѣлаемъ. Да, г. Ламанскій, пораженные и уничтоженные вашими *правдивыми* рѣчами и вашими *грозными* внушеніями, мы на колѣняхъ публично просимъ у васъ прощенія, умоляемъ васъ о пощадѣ, и, въ доказательство искренности нашего раскаянія, тотчасъ же беремъ въ руки *знакомый уже намъ* государственнаго банка *уставъ*, *названіемъ котораго мы не можемъ отговариваться*, и читаемъ въ немъ:

Статья 3. «*Чистыя прибыли отъ операцій банка* обращаются: а) на погашеніе пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ и займовъ государственнаго казначейства изъ кредитныхъ установленій, и б) на составленіе резервнаго капитала для покрытія потерь по банковымъ операціямъ.

Статья 4. «*Прибыли банка* опредѣляются за каждые шесть мѣсяцевъ. Окончательное *распредѣленіе прибылей*, согласно съ ихъ назначеніемъ, утверждается разъ въ годъ и т. д.

Статья 5. «При окончательномъ *распредѣленіи прибылей* въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій, по представленію министра финансовъ, имѣетъ быть отдѣляемо *изъ оныхъ* отъ *трехъ* до *пяти* процентовъ въ вознагражденіе правленія и служащихъ въ банкѣ.»

Читаемъ далѣе; доходимъ до статьи 21-й, которая гласитъ:

«Всѣмъ операціямъ, возлагаемымъ на банкъ государственнымъ казначействомъ, ведется счетъ особо отъ собственно коммерческихъ операцій банка.»

Продолжаемъ чтеніе устава, доходимъ до послѣдней 179-й статьи его и... *ни въ одной статьѣ* не находимъ различенія *коммерческихъ* прибылей банка отъ *другихъ*.

Какъ же такъ, г. Ламанскій? За что же вы *изволите* гнѣваться на насъ, ваше превосходительство? Вся ошибка наша состоитъ только въ томъ, что, понадѣясь на свою память, и не раскрывъ *знакомаго* намъ устава банка, мы сказали, что чиновники банка получаютъ изъ чистыхъ прибылей его два или три процента, вмѣсто того, чтобъ сказать: отъ трехъ до пяти процентовъ, какъ значится въ уставѣ. Но за такія, *невольныя* и *неважныя* ошибки, сколько намъ извѣстно, у насъ людей не шельмуютъ и не казнятъ. Да и сами вы, г. Ламанскій, если мы только не ошибаемся, съ достойнымъ великихъ мужей снисхож-

деніемъ къ промахамъ людей, принадлежащихъ къ толпѣ, великодушно и милостиво прощаете намъ такую ошибку, и не за нее изволите гнѣваться на насъ. Но, такъ за что же изволите вы гнѣваться на насъ, ваше превосходительство? За что ваши грозныя рѣчи и наставническія внушенія? Въ чемъ же и какъ *исказили* мы *истину*? Въ чемъ заключается *неправда* и *неправда произвольная*, *умышленная*, въ которой вы насъ *публично* обвиняете? Развѣ мы виноваты, что уставъ банка *подтверждаетъ* наши слова, что служащіе въ этомъ учрежденіи получаютъ свою законную, указанную долю изъ чистыхъ *прибылей вообще*, а не изъ прибылей только отъ *коммерческихъ* операцій банка, какъ вамъ *угодно* утверждать, совершенно противно уставу банка? Спросите любаго юриста, обратитесь ко всѣмъ адвокатамъ въ мірѣ, и всѣ они поручатся вамъ головою, что, на основаніи устава банка, и вы, и всѣ чиновники этого учрежденія имѣютъ право на полученіе отъ 3 до 5 процентовъ изъ чистыхъ прибылей отъ всѣхъ вообще, *а не только коммерческихъ* операцій банка, а въ томъ числѣ и отъ операціи чеканки серебряной размѣнной монеты за границей, если только возможна для государственнаго учрежденія какая либо дѣйствительная, а не мнимая, фиктивная только прибыль отъ подобной операціи.

Знаемъ мы, г. Ламанскій, уставъ государственнаго банка; знаемъ мы и то, что хорошаго и выгоднаго, и что убыточнаго и вреднаго для Россіи въ этомъ учрежденіи и отъ него. Но сами вы знаете ли этотъ уставъ, г. Ламанскій? Мы, конечно, не имѣемъ права отговариваться его невѣдѣніемъ, когда говоримъ о образѣ дѣйствій банка; но имѣете ли вы такое право, вы, *товарищъ управляющаго банкомъ?* Какимъ же образомъ рѣшаетесь вы публично осуждать насъ за то, что́ совершенно согласно съ этимъ уставомъ?! Что жъ это такое, г. Ламанскій? Какъ назвать вашъ поступокъ? Не желаніе ли это, *во что бы то ни стало*, оправдаться, и потому даже рѣшимость неправильно обвинять и осуждать другихъ? Да вѣдь это *нехорошо*, *неприлично*, *безнравственно*, г. Ламанскій! Это значитъ ни во что не ставить общественное мнѣніе, не уважать ни себя, ни личности другихъ. Поймите, г. Ламанскій, что это значитъ не оправдываться, а *отписываться*, какъ отписываются извѣстнаго сорта чиновники, когда ихъ уличаютъ въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ! Поймите также, что не каждая подобная отписка сходитъ такъ съ рукъ, какъ

напримѣръ сходитъ съ рукъ *покуда*, но *только покуда*, извѣстнымъ вамъ лицамъ отписка ихъ по дѣлу о похищеніи у г. Дарагана 5% банковыхъ билетовъ.

Право, г. Ламанскій, вмѣсто того, чтобъ читать некстати нотаціи редакціи, полезнѣе было бы для васъ повторить ариѳметику и политическую экономію, а также изучить незнакомый вамъ, но *невѣдѣніемъ котораго вы не имѣете права отговариваться*, уставъ государственнаго банка...

Нужно ли намъ послѣ этого отвѣчать на письмо гр. С., напечатанное въ № 194-мъ Сѣв. пчелы? Такъ и кажется, что гр. С. еще очень молодой человѣкъ, и только, погорячившись некстати, вступился за ложное мнѣніе г. Ламанскаго. Впрочемъ, это еще небольшая бѣда. Кому и горячиться некстати, какъ не молодымъ людямъ?

37.

Отвѣтъ новаго лица на статью г. Ламанскаго,

помѣщенную въ № 193-мъ Сѣверной пчелы.

Въ № 189-мъ Сѣверной пчелы, редакція означенной газеты возставала противъ г. Ламанскаго и направила преимущественно свои замѣчанія противу того мнѣнія, по которому: въ операціи чеканки серебряной размѣнной монеты за границею, заключается значительная прибыль для государства.

Въ опроверженіе этой статьи появился нынѣ отзывъ, разсмотрѣніе котораго составляетъ предметъ настоящаго разбора. Какъ опроверженіе Сѣверной пчелы, такъ равно и слѣдующее за нимъ краткое извлеченіе изъ отчета государственнаго банка, подписаны за управляющаго г. Ламанскимъ.

Въ этомъ отзывѣ, вызванномъ, какъ видно изъ онаго: передовою статьею Пчелы и написанномъ «по порученію начальства», г. Ламанскій оправдывается преимущественно противу личныхъ на него нападеній и выставляетъ неумѣстность выраженій газеты, относящей къ его вліянію то, чему онъ не причастенъ. Хотя у неизвѣстнаго намъ автора передовой статьи № 189-го, быть можетъ, и было нѣкоторое основаніе полагать, что г. Ламанскій, какъ подписавшій отвѣтъ, участвовалъ тѣмъ или другимъ способомъ въ составленіи какъ этого отчета, такъ равно и краткаго извлеченія изъ онаго, но изъ этого еще дѣйствительно вовсе не слѣдуетъ, чтобы г. Ламанскій участвовалъ и въ тѣхъ дѣйствіяхъ и операціяхъ, въ которыхъ онъ представляетъ отчетъ, и мы, съ своей стороны, никогда и не придерживались того мнѣнія: что правильность или неправиль-

ность дѣйствій банка обезусловливается личнымъ воззрѣніемъ г. Ламанскаго. Въ выраженіи такого мнѣнія дѣйствительно слѣдуетъ видѣть немного желчную выходку Пчелы! Мы, съ своей стороны, оставивъ всѣ личности, желаемъ только самымъ скромнымъ образомъ обратить вниманіе читающей публики на нѣкоторыя замѣчательныя мѣста, помѣщенныя въ отзывѣ, отпечатанномъ въ № 193-мъ.

Почтенный авторъ возраженія объясняетъ редакціи Сѣверной пчелы и публикѣ огромную выгоду отъ операціи по чеканкѣ мелкой монеты и остается, очевидно, при томъ убѣжденіи, что мѣра эта принесла большую выгоду Россіи и принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ финансовыхъ операцій. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Казалось бы кому не понятно, что изъ 7 милліоновъ сдѣлать 9—афера великолѣпная. Но какимъ же образомъ оборотъ этотъ можетъ быть достигнутъ? Если изъ 10 полтинниковъ я сдѣлаю 20 четвертаковъ, повѣритъ ли мнѣ кто нибудь, что я сдѣлалъ выгодную аферу? Для того, чтобы обратить эти полтинники въ четвертаки, я же долженъ былъ употребить издержки на перечеканку и, стало быть, ежели я не желаю оставаться въ убыткѣ, я не могу уже никакъ пускать въ оборотъ четвертаки изъ серебра той же пробы, изъ которой были приготовлены полтинники.

Для достиженія возможно меньшей убыли я долженъ стараться, чтобы два четвертака новаго чекана содержали вмѣстѣ менѣе серебра, нежели прежній перечеканенный полтинникъ, на столько, на сколько я употребилъ капитала на производство работы; если же я не довольствуюсь устраненіемъ убытковъ, но домогаюсь еще и прибыли, то, чѣмъ значительнѣе должна быть для меня эта послѣдняя, тѣмъ болѣе я къ измѣненной мною, уже по необходимости, массѣ прибавлю мѣди и замѣню ею серебро.

Такимъ дѣйствіемъ я дошелъ до того, что изъ 10-ти полтинниковъ я сдѣлалъ 30 четвертаковъ и сердце мое преисполнилось радости. Я сдѣлалъ аферу; монета моя пошла въ ходъ; я разбогатѣлъ на 150%.... Но такъ ли? разбогатѣлъ ли я и каково будетъ, кромѣ, того положеніе тѣхъ, которые приняли мою монету?

Авторъ возраженія оправдываетъ перечеканку серебряной монеты прежней пробы на настоящую тѣмъ что *билонъ существу-*

етъ во всѣхъ государствахъ. Отсюда видно, во первыхъ: что въ статьѣ, написанной въ офиціальномъ тонѣ, ходячая монета признается прямо за билонъ; а во-вторыхъ г. авторъ, упустилъ изъ виду, что, если въ другихъ государствахъ и существуетъ билонъ, то, кромѣ того, въ нихъ существуетъ еще и другая бездѣлица, которой у насъ нѣтъ. Тамъ есть въ обращеніи и золотая и крупная серебряная монета не въ качествѣ билона, мы же пока ждемъ и не дождемся появленія золота у насъ въ обращеніи, не смотря на значительное количество, внесенное, хотя бы только въ послѣднее время, въ банкъ.

Если билонъ называть представителемъ цѣнности, то, сравнительно съ нимъ, для краткости, мы назовемъ золотую и хорошую серебряную монету цѣнностью. При существованіи этой послѣдней представители могутъ быть условной стоимости и даже они, будучи прочнѣе бумаги, имѣютъ для мелкихъ расплатъ преимущество предъ нею, хотя бы содержаніе серебра въ нихъ было очень незначительно. Но для того, чтобы эти условные представители не были вредны для общества, необходимо, чтобы сама цѣнность, которую они представляютъ, существовала и была неизмѣнна, и чтобы билонъ всегда могъ быть обмѣненъ на оную. При положительности того факта, что золото у насъ давно уже не находится въ обращеніи, цѣнность у насъ выражалась какъ мелкою серебряною монетою, такъ равно (и преимущественно) серебряными рублями; представители были бумажныя деньги и мѣдная монета.

Вслѣдствіе перечеканки монеты и послѣдняя цѣнность у насъ уничтожилась безвозвратно, и мы получили, вмѣсто оной, новый представитель несуществующей вовсе у насъ цѣнности; ибо рубли, которые будто существуютъ по прежней пробѣ, не обращаются, не смотря на то, что во всѣхъ счетахъ и разсчетахъ частныхъ и правительственныхъ они принимаются за монетную единицу.

Г. авторъ возраженія допускаетъ, что мѣдная монета и билонъ должны быть только средствами для облегченія повседневнаго размѣна; онъ говоритъ, что никто не обязанъ принимать этихъ представителей на большую сумму... Но на что же намъ ихъ мѣнять? не на бумажныя ли деньги, которыя, какъ о томъ объявилъ самъ банкъ, не стоятъ нарицательной суммы? Очевидно, что всякій ухватывается за такъ называемое (по при-

вычкѣ) серебро, какъ утопающій за соломенку, и даже за мѣдь, потому что участь, какая ожидаетъ бумажный рубль, еще неизвѣстна.

Слѣдствіемъ этой обязанности принимать вездѣ и всегда воображаемыхъ представителей за настоящую цѣнность, есть та безвыходная дороговизна, которая существуетъ у насъ нынѣ. Въ Москвѣ, въ которой за пудъ сѣна платили очень недавно 45 и до 120 коп. сер., мнѣ случалось слышать, что дороговизну считаютъ слѣдствіемъ неблаговидныхъ дѣйствій откупа. Не будетъ откупа, все будетъ дешевле прежняго, говорили мнѣ. Другіе сѣтуютъ на желѣзныя дороги, какъ на причину возвышенія цѣнъ... Но увы! и тѣ и другіе ошибаются жестоко. Откупъ на столько никогда не усиливалъ своихъ требованій, чтобы поднять цѣны отъ 15 коп. на 1 р. 20 коп., а желѣзныя дороги, хотя, при неповсемѣстномъ ихъ существованіи, и имѣютъ послѣдствіемъ усиленный вывозъ по одному направленію, а слѣдовательно, и дороговизну въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до пресыщенія рынка, должны способствовать въ другихъ мѣстахъ удешевленію и упадку цѣнъ, если не на все то, по крайней мѣрѣ на многіе предметы... Этого, однако, мы не замѣчаемъ. Вездѣ, гдѣ только имѣютъ ходъ русскія деньги, та же дороговизна предметовъ житейской потребности, та же дешевизна денегъ!

Правы ли послѣ этого москвичи? и не въ другомъ ли неразгаданномъ ими событіи надлежитъ искать корень зла?

Не въ уничтоженіи ли цѣнности заключается вредъ и въ несовершенности нашего кредитнаго рубля? Не выразилась ли мнимая выгода казны отъ перечеканки убылью народнаго богатства не на два милліона рублей, а на два милліона, умноженные *почти* на число оборотовъ этой суммы? Эта же убыль не отзовется ли она и самому банку, а во всякомъ случаѣ правительству?

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе экономиста Гофмана, столь превосходно имъ доказанное, что крупная серебряная и золотая монета, какъ цѣнности, не должны имѣть примѣси лигатуры. Ошибочно мнѣніе, что монета съ лигатурою прочнѣе; напротивъ того, будучи подверждена окисленію, она портится и истирается скорѣе чистой; но если цѣнность, въ выше принятомъ смыслѣ, должна быть неподдѣльна, то каково же должно быть положеніе страны, въ которой билонъ замѣняетъ цѣнность?

При такихъ очевидныхъ невыгодахъ трудно уловить ту выгоду, которая была послѣдствіемъ перечеканки. Говорятъ, что этимъ способомъ мы дошли до того, что теперь наше серебро не вывозятъ за границу! Очевидно, что только цѣнные предметы подлежатъ вывозу; на нецѣнные же немногіе прельстятся. Но неужели на нашей сторонѣ выгода; если вмѣсто хорошаго серебра, которое хотя и вывозилось, но возвращалось все же къ намъ въ видѣ разныхъ продуктовъ, мы пріобрѣли такое, которое за границею не принимаютъ? Неужели можетъ быть рѣчь о великолѣнной финансовой операціи: если вслѣдствіе этой операціи мы обязаны пріобрѣтать наше же золото дорогою цѣною, а внутри имперіи обязаны платить и получать уплаты бумажными деньгами, офиціально пониженными на 11%, или билономъ?

Опасеніе чрезмѣрнаго вывоза металла составляло всегда кошмаръ всѣхъ посредственныхъ финансовыхъ способностей. Политическая экономія хотя и учитъ ихъ, что бѣда не отъ вывоза, а вывозъ есть слѣдствіе бѣды, выражающейся въ чрезмѣрномъ накопленіи бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ курсомъ... тѣмъ не менѣе все тѣ же ошибки, все тѣ же промахи, съ тою только разницею, что иные сознаютъ ошибочность мѣры, но выставляютъ ее какъ необходимое, неотвратимое зло, а другіе восторгаются при этомъ собственною мудростью.

38.

Общественное училищевѣдѣніе.

Сначала мы разберемъ извѣстныя уже читателямъ изъ первой статьи цѣли, съ которыми учреждены наши учебновоспитательныя заведенія, а потомъ изложимъ тѣ основанія, на которыхъ, по нашему мнѣнію, должна быть устроена система общественнаго училищевѣдѣнія.

Прежде всего здѣсь представляется вопросъ: слѣдуетъ ли вообще учредить *учебно-воспитательныя* заведенія съ какою нибудь опредѣленною, спеціальною цѣлію? Что такое цѣль? Что нибудь извѣстное, заранѣе предположенное, къ чему мы стремимся, чего мы желаемъ достигнуть. Учебно-воспитательное заведеніе, учрежденное съ извѣстною спеціальною цѣлію, естественно будетъ стремиться къ достиженію этой цѣли и приготовлять своихъ питомцевъ къ извѣстному спеціальному дѣлу, постановляемому этою цѣлью. И можемъ ли мы знать, будутъ ли 10—12 лѣтнія дѣти, помѣщаемыя въ учебно-воспитательное заведеніе, способны къ тому дѣлу, къ которому ихъ готовятъ въ этомъ заведеніи? — Конечно нѣтъ. Поэтому, учреждая учебно-воспитательное заведеніе съ извѣстною спеціальною цѣлью, мы вмѣстѣ съ тѣмъ заставляемъ и воспитывающихся въ немъ приготовляться съ раннихъ лѣтъ къ этой цѣли, т. е. мы заранѣе назначаемъ дѣтямъ ихъ будущее дѣло, хотя бы они, по природѣ своей, вовсе не были способны къ нему; слѣдовательно, мы самовольно распоряжаемся будущностью дѣтей. Такое самовольное распоряженіе участью человѣка въ то время, когда онъ, по

малолѣтству своему, по слабости и неразвитости, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ силъ своихъ, не въ состояніи не только противодѣйствовать намъ, но даже понять, что мы съ нимъ дѣлаемъ, должно быть признано въ наше время *высшею безнравственностью*, потому что оно нарушаетъ основное естественное право человѣка, по которому только онъ одинъ, а никто другой, можетъ располагать собою, можетъ опредѣлять себя на какое нибудь дѣло. Кромѣ того, приготовляя воспитывающагося не къ тому дѣлу, которое соотвѣтствуетъ его способностямъ, а къ произвольно нами предназначенному, мы не только отвлекаемъ его отъ настоящаго дѣла, но извращаемъ и разрушаемъ его природныя способности, потому что неправильно упражняемъ и развиваемъ ихъ, даемъ имъ направленіе, совершенно противное ихъ природѣ. Прямое и неизбѣжное слѣдствіе такого заранняго предназначенія и насильственнаго приготовленія человѣка къ извѣстному дѣлу есть то, что, окончивъ свое воспитаніе и обученіе, онъ становится въ большей части случаевъ ни къ чему неспособнымъ, и даже то дѣло, къ которому его приготовляли, онъ можетъ совершать только машинально.

Итакъ, учебно-воспитательныя заведенія не должны быть учреждаемы съ какою бы то ни было отдѣльною спеціальною цѣлью; они всѣ должны имѣть одно общее дѣло—воспитаніе и обученіе дѣтей или правильное развитіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ ихъ. Если же учебно-воспитательное заведеніе имѣетъ отдѣльную спеціальную цѣль, то въ такомъ заведеніи, какъ бы его не устроивали, дѣти не получатъ правильнаго воспитанія и обученія.

На основаніи уже одного этого, всѣ наши учебно-воспитательныя заведенія, учрежденныя съ спеціальными цѣлями, являются *несостоятельными*. Но чтобы несостоятельность ихъ еще очевиднѣе и полнѣе выступила предъ читателями, мы поближе разсмотримъ спеціальныя цѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ. Начинаемъ съ военно-учебныхъ заведеній, такъ какъ они имѣютъ *обширную* спеціальную цѣль.

Большая часть военно-учебныхъ заведеній имѣютъ общею спеціальною цѣлью приготовленіе *малолѣтныхъ* дворянъ для всѣхъ отраслей военной службы; но вмѣстѣ съ тѣмъ питомцы ихъ, оказавшіеся *неспособными* къ военной службѣ, *имѣютъ право опредѣляться во всѣ вѣдомства гражданской службы*. Этимъ послѣднимъ постановленіемъ, по нашему мнѣнію, признается не-

состоятельность военно-учебныхъ заведеній, какъ воспитательно-учебныхъ учрежденій для малолѣтныхъ. Питомцы ихъ могутъ оказаться неспособными къ военной службѣ, къ которой они приготовлялись, или *физически*, т. е. по тѣлесному организму своему, или *нравственно*, по своимъ духовнымъ способностямъ. Но какъ физическая, такъ и нравственная неспособность оказывается только вслѣдствіе того, что дѣти съ малыхъ лѣтъ готовятся къ военной службѣ, когда еще никакъ нельзя судить будутъ ли они способны къ ней. Очевидно, что если бы молодые люди, которые уже могутъ сознавать свои способности и свое призваніе, вслѣдствіе этого сознанія, по собственному желанію поступали въ военно-учебныя заведенія, то такая неспособность не могла бы имѣть мѣста, и эти заведенія могли бы исключительно заниматься приготовленіемъ къ военной службѣ учениковъ, *способныхъ* и *имѣющихъ къ ней призваніе*, сосредоточивая ихъ вниманіе на усвоеніи военныхъ познаній теоретическихъ и практическихъ. Теперь же курсъ военно-учебныхъ заведеній, состоящій изъ общихъ классовъ и спеціальныхъ, необходимо долженъ быть переполненъ различными дополнительными, общеобразовательными предметами, да и дѣятельность ихъ раздѣлена и не можетъ быть вся устремлена на достиженіе спеціальной цѣли. Военно-учебныя заведенія необходимо должны заниматься и общимъ образованіемъ своихъ малолѣтныхъ питомцевъ, которое также ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти правильно, потому что оно не есть собственно настоящее полное общеобразованіе, имѣющее цѣлію правильное развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ учащихся, чтобы сдѣлать ихъ способными къ сознательному и самостоятельному избранію себѣ дѣятельности, но оно состоитъ только въ сообщеніи учащимся пріуготовительныхъ общеобразовательныхъ свѣдѣній, необходимыхъ и направленныхъ не для правильнаго развитія ихъ, а для подготовленія ихъ къ слушанію извѣстнаго спеціальнаго курса. Кромѣ того, въ продолженіи всего 4-хъ класснаго общаго приготовительнаго курса много времени употребляется на спеціальныя военныя ученія, на марширование, на обученіе различнымъ ружейнымъ пріемамъ, и на все это обращается гораздо бóльшее вниманіе, чѣмъ на учебныя общеобразовательныя занятія, для которыхъ 4-хъ лѣтъ во всякомъ случаѣ слишкомъ мало, если бы даже и все время употреблялось на нихъ.

Очевидно, что при такомъ смѣшеніи общаго образованія съ спеціальнымъ, которое неизбѣжно при настоящемъ устройствѣ военно-учебныхъ заведеній, имѣющихъ вмѣстѣ и спеціальное и общеобразовательное назначеніе, ни то, ни другое не могутъ идти какъ слѣдуетъ. Общее образованіе здѣсь всегда будетъ занимать второстепенное мѣсто, такъ какъ оно есть только приготовленіе къ спеціальному военному образованію, которое составляетъ главную цѣль военно-учебныхъ заведеній. Но и на спеціальномъ военномъ образованіи ни учащіе, ни учащіеся не въ состояніи сосредоточить всего своего вниманія, ибо этому мѣшаютъ общеобразовательныя занятія. Слѣдовательно, если съ одной стороны все приготовительное воспитаніе и обученіе необходимо съ самаго начала должно уже принять военное направленіе, то съ другой стороны и этого направленія на дѣлѣ нельзя строго и послѣдовательно провести съ начала до конца, потому что учебные предметы, которыми совершается приготовительное образованіе, не содержатъ въ себѣ ничего воинственнаго, да и такое военное направленіе воспитанія всегда встрѣтитъ себѣ сильное противодѣйствіе въ самой природѣ малолѣтныхъ воспитывающихся, сколько бы ее ни насиловали, потому что она развивается по извѣстнымъ общечеловѣческимъ законамъ и требуетъ себѣ общечеловѣческаго воспитанія, согласнаго съ этими законами, а не военнаго или статскаго.

При этомъ смѣшеніи общаго образованія съ спеціальнымъ становится также невозможнымъ найти людей, которые бы имѣли всѣ нужныя свѣдѣнія и были бы способны для веденія воспитанія и обученія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Директоромъ кадетскаго корпуса назначается военный и, положимъ человѣкъ, обладающій всѣми нужными для этого военными познаніями, который дѣйствительно въ состояніи руководить спеціальнымъ военнымъ образованіемъ воспитывающихся. Такого человѣка можно найти; но вѣдь этого мало, чтобы быть настоящимъ, вполнѣ способнымъ директоромъ кадетскаго корпуса; настоящій директоръ долженъ еще умѣть вести и общеобразовательную часть, которая составляетъ совершенно отличное дѣло отъ спеціальнаго военнаго образованія, и требуетъ особенныхъ познаній. Гдѣ же найти человѣка, который бы зналъ эти два, совершенно различныя дѣла на столько, чтобы могъ руководить ими, какъ слѣдуетъ. Точно также едва-ли найдутся воспитатели, которые

могли-бы правильно вести воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Безъ знающихъ же и способныхъ руководителей и исполнителей никакое дѣло, даже фабричное, а не только образованіе людей, никогда не пойдетъ хорошо.

Вотъ въ какое безвыходное положеніе становится образованіе и воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе того, что они, имѣя вполнѣ спеціальное назначеніе, остаются вмѣстѣ съ этимъ и воспитательными учебными заведеніями.

Могутъ ли они послѣ этого, при настоящемъ устройствѣ, достигать цѣли учрежденія ихъ? Могутъ ли они воспитать и образовать знающихъ и сознательныхъ, способныхъ военныхъ дѣятелей для отечества? Мы не говоримъ объ исключеніяхъ: особенно одаренныя, талантливыя натуры всегда и вездѣ выработаются, проложутъ себѣ путь и будутъ полезными дѣятелями; но и такимъ натурамъ военно-учебныя заведенія вовсе не облегчаютъ хода ихъ развитія, а напротивъ того неправильностью доставляемаго образованія только затрудняютъ.

Какихъ же дѣятелей могутъ доставить они для гражданской службы? Въ этомъ отношеніи они являются еще болѣе несостоятельными, и право поступать во всѣ вѣдомства гражданской службы, предоставляемое окончившимъ въ нихъ курсъ ученія и оказавшимся неспособными къ военной службѣ, не можетъ быть оправдано тѣмъ, что военно-учебныя заведенія дѣйствительно дѣлаютъ учащихся способными для поступленія въ гражданскую службу, но есть только прямое слѣдствіе той *особенной привилегированности*, которою они пользовались и пользуются до сихъ поръ.

Начиная съ Петра Великаго, перенесшаго къ намъ готовыя иностранныя государственныя учрежденія, административныя, финансовыя, законодательныя, военныя, и такимъ образомъ заключившаго нашу народную жизнь въ совершенно чуждыя ей формы европейскихъ государствъ, правительство наше постоянно и преимущественно заботилось о расширеніи предѣловъ нашего отечества и доставленіи ему внѣшняго политическаго могущества и блеска, оставляя внутренне строеніе государства далеко на второмъ планѣ. При такомъ преобладательномъ стремленіи правительства къ внѣшнему государственному усиленію, войско естественно должно было казаться ему самымъ необходимымъ и полезнымъ дѣятелемъ въ государствѣ, и потому вовсе не удивительно, что прави-

тельство признавало военную службу гораздо почетнѣе, полезнѣе и благороднѣе гражданской, и каждаго военнаго офицера способнымъ ко всѣмъ гражданскимъ должностямъ. Послѣ этого становится вполнѣ понятнымъ, почему у насъ военно-учебныя заведенія пріобрѣли всѣ свои особенныя привилегіи, почему оканчивающіе въ нихъ курсъ и оказывающіеся неспособными къ военной службѣ, получаютъ право поступать на службу во всѣ гражданскія вѣдомства, почему на содержаніе военно-учебныхъ заведеній употребляются огромныя суммы, почему офицеры, учащіеся въ николаевской военной академіи получаютъ двойное содержаніе и проч.

Что касается до *военныхъ училищъ* для дѣтей нижнихъ военныхъ чиновъ, то мы, разсматривая цѣли ихъ, хорошенько не понимаемъ, почему эти училища считаются *военными*? Учащіеся въ нихъ приготовляются большею частью въ писаря военнаго вѣдомства (изъ 19 военныхъ училищъ, 16 занимаются *исключительно* этимъ дѣломъ (*), потомъ въ учителя гимнастики и въ учители для преподаванія наукъ въ военныхъ училищахъ, въ граверы, словорѣзы, и проч.). Мы не знаемъ, почему для обученія всѣмъ этимъ искусствамъ и познаніямъ необходимы и особенныя *военныя* училища? Развѣ переписываніе различныхъ бумагъ въ военномъ вѣдомствѣ составляетъ совершнно особенное дѣло, чѣмъ въ гражданскихъ вѣдомствахъ и поэтому для него необходимы особенно приготовленные военные писаря, а не вообще люди, умѣющіе четко переписывать? Развѣ *военное* словорѣзаніе и гравированіе есть какое нибудь особенное искусство? Развѣ преподаватели наукъ въ военныхъ училищахъ должны быть иначе приготовлены, чѣмъ учители въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Развѣ для образованія учителей гимнастики, хотя бы и преимущественно военной, необходимы особенныя военныя училища? Мы съ 1850 до 1852 года постоянно посѣщали петербургское гимнастическое заведеніе, принадлежавшее тогда г. Дерону. Именно въ это время у г. Дерона (**) начали обучаться первые

(*) Карман. справочн. кн. для русск. офиц. Изд. 3 подъ редакц. капит. Махотина—(часть I, отд. 1, стр. 53 и 54).

(**) Г. Дерономъ было заключено особенное условіе съ военнымъ министерствомъ, по которому онъ, получая ежегодно 10,000 р. сер. отъ министерства, обязался въ теченіи пяти лѣтъ обучить 50 военныхъ кантонистовъ гимнастическому искусству ,и кромѣ того, могли пользоваться безмездно лечебною гимнастикою въ его заведеніи 50 человѣкъ изъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ или дѣтей ихъ.

учители военной гимнастики, изъ кантонистовъ петербургскаго баталіона. Мы слѣдили за ихъ обученіемъ и не замѣчали, чтобы они дѣлали какія нибудь особенныя *военныя* гимнастическія упражненія, кромѣ ружейнаго фехтованія.

Послѣ всего этого мы видимъ, что эти военныя училища вовсе не приготовляютъ питомцевъ къ спеціальнымъ военнымъ занятіямъ, или не обучаютъ ихъ какимъ-нибудь спеціальнымъ военнымъ познаніямъ и искусствамъ, и объясняемъ себѣ названіе и отдѣльное отъ другихъ училищъ существованіе ихъ только тѣмъ, что они назначены для воспитанія и обученія солдатскихъ дѣтей и для приготовленія ихъ хотя и на службу въ военныя вѣдомства, но только вовсе не для военнаго дѣла.

Прежніе баталіоны и полубаталіоны военныхъ кантонистовъ, въ числѣ вышеозначенныхъ цѣлей, приготовляли учащихся еще и къ нѣкоторымъ дѣйствительно военнымъ занятіямъ, напр. унтеръ-офицеровъ въ учебные карабинерные полки, или резервные кавалерійскіе корпуса, или фейерверкеровъ въ артиллерію. Кромѣ того, по прежнему положенію, сыновья солдатъ непремѣнно должны были оставаться и служить въ военномъ вѣдомствѣ; слѣдовательно, и существованіе отдѣльныхъ военныхъ училищъ имѣло еще кое-какое основаніе. Теперь этого положенія, къ счастію, уже не существуетъ, и сыновьямъ нижнихъ воинскихъ чиновъ предоставляется свободное избраніе рода жизни и занятій. Зачѣмъ же все-таки существуютъ для нихъ особыя военныя училища, которыя, какъ мы видѣли, даже и не приготовляютъ учащихся къ военнымъ спеціальнымъ занятіямъ? — Неужели солдатскія дѣти должны необходимо воспитываться и обучаться въ особо для нихъ учрежденныхъ училищахъ? Природа-ли ихъ совершенно иная, чѣмъ у всѣхъ другихъ дѣтей?—Да и можетъ-ли быть, въ настоящее время, какими бы то ни было обстоятельствами оправдано существованіе училищъ, которыя, доставляя дѣтямъ самое ограниченное образованіе и приготовляя ихъ съ малолѣтства къ самому тѣсному и непроизводительному спеціальному занятію, этимъ самымъ извращаютъ правильное свободное развитіе природныхъ способностей человѣка, останавливаютъ это развитіе въ самомъ началѣ, слѣдовательно лишаютъ человѣка всякой возможности воспользоваться своими, отъ природы полученными, силами, употребить ихъ на произвольное имъ пригодное занятіе и заставляютъ его такимъ образомъ на всю жизнь ограничиться тою одно-

стороннею тѣсною и машинальною дѣятельностью, къ которой они приготовляются? — Естественныя производительныя силы нашего обширнаго отечества обильны; изъ-за тысячи лѣтъ раздаются намъ вѣщія, полныя неутраченной истины, слова нашихъ предковъ: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Ввести этотъ порядокъ, воспользоваться великимъ естественнымъ обиліемъ земли нашей, могутъ только свободно и полно развившіяся человѣческія силы, сознающія себя и потомъ могущія сами себѣ выбрать постоянную дѣятельность. Въ такихъ-то разумныхъ человѣческихъ силахъ, мы имѣемъ крайній недостатокъ; мощные и здравые зародыши этихъ силъ лежатъ въ природѣ русскаго человѣка, но эти зародыши остаются или вовсе неразвитыми, или искажаются въ неправильномъ развитіи, которое сообщается имъ всѣмъ воспитаніемъ и обученіемъ, совершенно противнымъ природнымъ законамъ развитія и чуждымъ русской народной жизни, въ подобныхъ воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ. Вѣдь все это извѣстно и не подлежитъ сомнѣнію; зачѣмъ же мы употребляемъ не только безъ всякой пользы, но и съ положительнымъ вредомъ, цѣлыя сотни тысячъ на содержаніе такихъ училищъ, въ которыхъ 8800 человѣкъ, прямо вслѣдствіе получаемаго воспитанія и обученія, лишаются всякой возможности правильно развить свои природныя способности и потомъ употребить ихъ произвольно, по своему собственному сознательному усмотрѣнію? Не ясно ли изъ этого слѣдуетъ, что подобныя воспитательно-учебныя заведенія способны только лишать отечество тѣхъ разумныхъ производительныхъ человѣческихъ силъ, отъ правильнаго и возможно полнаго развитія которыхъ зависитъ и нравственное и матеріяльное благосостояніе его.

Мы безпристрастно разобрали цѣли военно-учебныхъ заведеній. Мы видимъ изъ этого разбора, что военныя училища для дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ оказываются *совершенно лишними*, потому что тѣмъ спеціальнымъ занятіямъ, къ которымъ они приготовляютъ, ученики могутъ обучаться и въ другихъ гражданскихъ нашихъ училищахъ, или въ частныхъ мастерскихъ.

Кадетскіе же корпуса, при настоящемъ устройствѣ ихъ, не могутъ достигнуть цѣли учрежденія ихъ и вообще все воспитаніе и обученіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ является несостоятельнымъ, съ которой бы стороны мы на него не взглянули, именно вслѣдствіе того, что они, имѣя спеціальную цѣль, вмѣстѣ

съ тѣмъ остаются и воспитательными заведеніями; т. е., вопреки всѣмъ законамъ развитія человѣческой природы, воспитываютъ и обучаютъ или приготовляютъ своихъ питомцевъ къ заранѣе назначенному дѣлу. Можно прибавлять сколько угодно спеціальныхъ классовъ въ кадетскихъ корпусахъ; можно заказывать какія угодно руководства, устроивать какія угодно лабораторіи и заводить всевозможныя учебныя пособія,—дѣло этимъ не поправится, а только потратятся лишнія деньги, которыхъ и теперь не мало уходитъ на военно-учебныя заведенія. Дѣло пойдетъ правильно и успѣшно только въ томъ случаѣ, если измѣнено будетъ въ основаніи теперешнее устройство этихъ заведеній, именно, если общихъ *классовъ* въ нихъ вовсе не будетъ, а останутся только одни *спеціальные,* какъ это уже сдѣлано въ михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, и если посѣщать эти спеціальные классы и заниматься практическими военными упражненіями будутъ, по собственнымъ желаніямъ, молодые люди, основательно усвоившіе себѣ общее образованіе или курсъ гимназическій.

То же самое, что̀ мы говорили здѣсь о военно-учебныхъ заведеніяхъ, мы можемъ сказать и о всѣхъ прочихъ нашихъ спеціальныхъ воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ, о лицеѣ, объ училищѣ правовѣдѣнія, о разныхъ межевыхъ и лѣсныхъ институтахъ (*), объ институтахъ горныхъ инженеровъ, путей сообщенія и т. п. Всѣ эти учебно-воспитательныя заведенія, имѣющія и спеціальное назначеніе, необходимо должны быть признаны несостоятельными, потому что всѣ они смѣшиваютъ и общее образованіе съ спеціальнымъ; всѣ они приготовляютъ малолѣтныхъ дѣтей къ извѣстнымъ занятіямъ, и слѣдовательно, не позволяютъ способностямъ ихъ развиваться, какъ требуетъ ихъ личная природа, извращаютъ эти способности и лишаютъ наше отечество разумныхъ, свободно, правильно и полно развитыхъ силъ человѣческихъ.

(*) Въ лѣсномъ институтѣ приготовительный курсъ уже закрытъ и предположено принимать въ спеціальный курсъ окончившихъ ученіе въ гимназіяхъ, или вообще получившихъ общее образованіе, равное гимназическому.

39.

Политика.

Зловѣщія птицы начинаютъ каркать похоронную пѣсню надъ существующимъ порядкомъ западной Европы. Каркали онѣ давно —такая ужъ ихъ натура; но карканье карканью рознь. Ворона кричитъ безпрестанно; но когда она кричитъ такъ себѣ, по одному влеченью натуры, унылое ея карканье глухо и въ немъ слышится только ея безсильная злоба. Тотчасъ можно отличить отъ этихъ заунывныхъ звуковъ тотъ веселый, звонкій крикъ, съ которымъ поднимается она летѣть на добычу, прослышавъ запахъ трупа. Такъ и зловѣщія птицы западной Европы долго кричали заунывнымъ, глухимъ тономъ, выражавшимъ только ихъ собственную досаду на спокойный порядокъ ихъ странъ и на ихъ безсилье поклевать его. Теперь не то. Самоувѣренное предчувствіе приближающагося разгула для нихъ даетъ какую то адскую веселость крику ихъ, и пронзительно разносится онъ, заставляя дрожать хранителей порядка.

Мы не скажемъ, что ошибаются зловѣщія птицы. Обоняніе у нихъ тонкое; очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ скоро начнется пиръ для нихъ, что не даромъ онѣ

> Зовутъ голосомъ
> На кровавую долину побоища,
> Зовутъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,—

но мы скажемъ, что ошибаются онѣ, если думаютъ, что проченъ или хотя долгъ будетъ готовящійся имъ праздникъ. Въ народахъ

Европы, какъ и во всякихъ другихъ народахъ, есть недовольство существующимъ порядкомъ, и отъ времени до времени стекаются обстоятельства, доводящія недовольство до взрыва. Но вѣдь взрывъ произведенъ только стеченіемъ обстоятельствъ, только неопредѣленнымъ недовольствомъ, и разрушивъ прежнее, толпа не знаетъ, какъ ей быть съ постройкой новаго: своего плана нѣтъ у ней, а жить безъ крова и пріюта нельзя: надобно строить, поскорѣе строить. И начинается торопливое возсозданіе: обломки стараго подъ руками,—это и прекрасно по ея мнѣнію; обтесывать новый матеріалъ некогда, да онъ можетъ быть и не запасенъ: со старымъ матеріаломъ работа пойдетъ скорѣе; а планъ? —Что жъ, когда нѣтъ новаго плана, развѣ нельзя воспользоваться воспоминаніями о прежнемъ зданіи? Развѣ все въ немъ было уже безусловно дурно? Если оно было неудобно, такъ не отъ того ли только, что обветшало? Можетъ, быть самый планъ его и былъ хорошъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей.

Вотъ и возстановляется торопливо почти все по старому плану изъ обломковъ прежняго.—«Въ чемъ же прогрессъ?»—воскликнутъ младенцы болѣе или менѣе солидныхъ лѣтъ, называющіе васъ утопистомъ за то, что вы не отказываетесь для ихъ крохотныхъ планчиковъ отъ предвидѣнія счастливой жизни для человѣчества въ будущемъ, и тутъ же, не переводя духа, называющіе васъ скептикомъ или нигилистомъ за то, что вы не вѣрите въ безмятежное осуществленіе ихъ маленькихъ иллюзій на завтрашній же день,—«гдѣ же въ такомъ случаѣ прогрессъ и къ чему же стремиться, если послѣ завтра возстановится то, что падетъ завтра? Если такъ, зачѣмъ же работать? лучше сложимъ руки. Ваши слова ведутъ къ отчаянію, а отчаяніе повергаетъ въ апатію.» — Нѣтъ, унывать не зачѣмъ, и прогресъ вовсе не отвергается разрушеніемъ иллюзій. Будутъ строить изъ стараго матеріала; но вѣдь часть его разсыпалась въ порошекъ и унесена вѣтромъ; стало быть, стараго матеріала не достанетъ, поневолѣ прибавится новый. Да и старый планъ нельзя же запомнить совершенно точно,—кое-что забылось; значитъ, кое-что надобно устроить и не по старымъ воспоминаніямъ, а по нынѣшнимъ соображеніямъ. А главное то, что съ каждымъ поколѣніемъ жилища расширяются; отъ одного этого приходится брать для нихъ очень много новаго матеріала и очень много измѣнять прежній

планъ, при всевозможной охотѣ обойтись однимъ старымъ, по старинному. Вотъ, значитъ, все таки и оказывается прогрессъ при каждой перестройкѣ.

Всѣ эти размышленія о прогрессѣ и нигилистахъ вызваны у насъ карканьемъ зловѣщихъ птицъ, чующихъ поживу себѣ въ западной Европѣ, а карканье ихъ оживлено ходомъ дѣлъ во Франціи. Вѣдь что тамъ ни говорите, а Франція все таки остается, по прекрасному выраженію консерваторовъ, волканомъ, взрывы котораго потрясаютъ Европу. Она какъ будто и пріутихла; отъ этого даже потеряла репутацію въ глазахъ нѣкоторыхъ солидно-лѣтнихъ младенцевъ, вышеупомянутыхъ нами. Но тонкіе люди, дипломаты и хорошіе консерваторы, никогда не обманывались видимымъ ея усмиреніемъ. Вѣдь уже три раза, со временъ нашихъ прадѣдовъ, прикидывался этотъ везувій угасшимъ и остепенившимся: тихо было внутри Франціи при Наполеонѣ I, много лѣтъ прикидывалась она усмирѣвшей при Бурбонахъ, потомъ опять много лѣтъ при Луи-Филиппѣ, и каждый разъ, если можно цинически выразиться, надувала почтеннѣйшую Европу. Вотъ и теперь, чуткое ухо злонамѣренныхъ людей слышитъ въ подземныхъ слояхъ Франціи глухой гулъ — предвѣстникъ приближающагося изверженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали носиться неопредѣленные слухи о какомъ то звѣрскомъ тайномъ обществѣ, называющемся «Маріанною». Съ той поры все идутъ слухи, будто оно ростетъ и ростетъ. Успѣвали иногда, какъ будто поймать какую нибудь отрасль его, — пойманныхъ наказывали, какъ слѣдуетъ; но къ прискорбію видѣли, что они вовсе не главные люди; а гдѣ и въ комъ найти главныхъ людей этой вредной закваски, никто не зналъ. Вотъ и теперь, въ февралѣ 1862 года, нахватали въ Парижѣ нѣсколько человѣкъ,—въ числѣ ихъ Греппо, бывшаго единственнымъ, изъ 1,200 членовъ конститувнаго собранія 1848 года, подавшимъ голосъ за знаменитое предложеніе Прудона, объ уменьшеніи цифръ платежа во всѣхъ существующихъ контрактахъ. Посмотрѣли, посмотрѣли на этого Греппо, повертели, повертели его на разныя стороны,—не оказывается въ немъ никакихъ слѣдовъ злоумышленія—и отпустили его опять заниматься своимъ коммерческимъ дѣломъ, а руководителей «Маріанны» все таки не нашли, не добились и того, чтобы хотя узнать, точно ли отъ «Маріанны» надобно ждать опасностей, или съ другихъ сторонъ, а «Маріанна» только фантомъ.

Этого не разберутъ люди, спеціально занявшіеся разузнаніемъ о «Маріаннѣ»; а со стороны очень видно, что собственно она—не важный фантомъ, и дѣло не въ ней, а въ отношеніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, въ актахъ, печатаемыхъ самимъ французскимъ правительствомъ, въ недовольствѣ, ни мало не скрываемомъ уже и самыми трусливыми французами, чувствуемомъ и самыми смирными французами.

Зачѣмъ, напримѣръ, обнародованъ французскимъ правительствомъ докладъ Фульда, о которомъ говорили мы мѣсяца два тому назадъ? Развѣ не понимало французское правительство, что этимъ актомъ отнимаетъ оно у себя возможность отрицать разстроенное положеніе финансовъ? Конечно, понимало; но продолжать запирательство не было уже ни пользы, ни возможности. Возможности не было потому, что изсякли всѣ средства прикрыть дефицитъ обыкновенными секретными оборотами; приходилось возвышать налоги и заключать новый заемъ; значитъ, явился бы фактъ, понятный всѣмъ и безъ признанія въ немъ; пользы не было продолжать запирательство потому, что уже никто давно ему не вѣрилъ. Значитъ, лучше было уже признаться прямо и формально. Такъ; но изъ этого возникаетъ новый аргументъ для противниковъ: «вы, дескать, сами признались, что довели финансы до разстройства; значитъ, ваша система не годится».

И вотъ изъ такихъ то, можно сказать, пустяковъ, посмотрите, какой поднимается гвалтъ. Законодательный корпусъ обезкураженъ въ своей преданности правительству: нѣтъ, думаетъ онъ, преданностью не огородишься отъ бѣды, когда правительство призналось, что дѣла его плохи. Тутъ надобно дѣйствовать иначе. Явимся мы сами защитниками истинныхъ благотворныхъ для страны принциповъ, если правительство оказывается несостоятельнымъ. Начнемъ дѣлать ему оппозицію; пріобрѣтемъ этимъ популярность, она замѣнитъ намъ милость правительства».

Тутъ начинается комедія. Вообразите себѣ толпу Павловъ Ивановичей Чичиковыхъ, вздумавшихъ, что имъ нужно либеральничать, дѣлать оппозицію, выступать приверженцами демократическихъ принциповъ. Но вѣдь они не имѣютъ никакого понятія обо всемъ этомъ и либерализмъ свой поставятъ въ чиновническихъ привязкахъ къ какимъ нибудь пустякамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ у нихъ мысль, что вѣдь они «вольнодумничаютъ», а вольнодумство вообще вредно, для нихъ же непри-

лично, а главное — вольнодумство не одобряется начальствомъ. Все это такъ именно и было, когда члены законодательнаго корпуса вздумали дѣлать оппозицію.

Предметъ для нея выбрали они самый мелкій, какъ извѣстно читателю: награду генералу Монтобану. Генералъ этотъ не отличается дарованіями, кромѣ одной способности: онъ пріобрѣлъ себѣ порядочное состояніе, въ китайской экспедиціи, которою начальствовалъ. Это фактъ; есть сплетня, говорящая о другой его способности: онъ сосваталъ дѣвушку очень красивой наружности, доставившую очень доходное мѣсто при нынѣшней системѣ,—должность сенскаго префекта, то есть должность парижскаго оберъ-полиціймейстера и губернатора,—своему отцу. Монтобанъ разсчиталъ, что дѣвица Гаусманъ будетъ и для мужа не менѣе полезна, чѣмъ для отца. Впрочемъ, это—парижская сплетня, неимѣющая, разумѣется, никакого отношенія къ слѣдующей уже достовѣрной исторіи. Генералъ Монтобанъ, нашедши въ Китаѣ два милліона франковъ, получаетъ съ нихъ тысячъ сто или больше франковъ дохода. Жалованье его, по разнымъ должностямъ, простирается также до ста тысячъ франковъ; но за жалованье можно ручаться только при нынѣшней системѣ: случись перемѣна въ правительствѣ, Монтобану дадутъ отставку и жалованье пропадетъ, а капиталъ въ два милліона франковъ —имущество благопріобрѣтенное; родоваго имущества генералъ Монтобанъ не имѣетъ. А человѣкъ, неимѣющій родоваго имущества,—человѣкъ бѣдный; слѣдовательно, Монтобанъ—человѣкъ бѣдный. Если же бѣдный человѣкъ оказываетъ государству великія услуги, то надобно обезпечить его въ матеріальномъ отношеніи. Заслуги генерала Монтобана въ китайской экспедиціи очень сомнительны и притомъ награждены прибавкою жалованья и титуломъ графа Паликао, по имени китайскаго мѣстечка, гдѣ было сраженіе, въ которомъ онъ командовалъ плохо. А важнѣйшая и уже несомнѣнная заслуга—вступленіе въ бракъ съ дѣвицею Гаусманъ, еще невознаграждена.

По такому соображенію былъ представленъ въ законодательный корпусъ проектъ закона о назначеніи графу Паликао съ потомствомъ наслѣдственной и вѣчной пенсіи въ 50 тысячъ франковъ. Вотъ, на этотъ проектъ и обрушился либерализмъ законодательнаго корпуса. «Какъ, потомственная пенсія?» заговорили [Па]влы Ивановичи Чичиковы законодательнаго корпуса: «но, вѣдь

это будетъ маіоратъ, а маіораты запрещены во Франціи! Вѣдь это будетъ возвращеніе къ революціонному порядку, нарушеніе законовъ, ниспроверженіе демократическихъ принциповъ», и т. д., и т. д. Короче сказать, для разсмотрѣнія проекта выбрана была коммисія, пылавшая къ демократическимъ принципамъ тою же самою любовью, какую имѣлъ Чичиковъ къ правдѣ, за которую и страдалъ по службѣ. Монтобанъ, услышавъ про оппозицію его пенсіи, написалъ къ императору, что онъ отказывается отъ предполагаемой награды, и хотя онъ человѣкъ бѣдный, но... и т. д. Немедленно явилось въ газетахъ отвѣтное письмо императора, говорившее, что императоръ не возьметъ назадъ проектъ закона о пенсіи; что законодательный корпусъ не умѣетъ цѣнить заслугъ, оказанныхъ Франціи, но Франція разсудитъ между императоромъ и законодательнымъ корпусомъ, и проч. Что же законодательный корпусъ? «Мы навлекли на себя гнѣвъ начальника, заговорили Павлы Ивановичи, но страдаемъ за правду, защищаемъ права народа, демократическіе принципы, и (вотъ неожиданная то штука!) немилость начальства для насъ ничего не значитъ, пусть оно, если хочетъ, выгоняетъ насъ изъ службы». Во французскомъ переводѣ это выражалось такъ: «спасеніе имперіи для насъ драгоцѣннѣе самой милости императора. Если онъ недоволенъ нами, пусть онъ распуститъ законодательный корпусъ и назначитъ новые выборы; но людей, болѣе насъ преданныхъ ему, онъ не найдетъ.» Во французскомъ переводѣ рѣчи Павловъ Ивановичей выходили мягче, нежели въ русскомъ подлинникѣ, но фактъ оставался; законодательный корпусъ упорствовалъ въ либерализмѣ; коммисія, разсматривавшая проектъ о пенсіи, представила докладъ въ томъ смыслѣ, что, несмотря на письмо императора къ Монтобану, пенсію надобно отвергнуть. Но императоръ не допустилъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ довести скандалъ до конца. За нѣсколько дней до срока, назначеннаго для преній о докладѣ коммисіи, президентъ законодательнаго корпуса, графъ Морни, публично вынулъ изъ кармана, въ началѣ засѣданія, и прочелъ письмо императора къ нему, графу Морни, говорившее, что императоръ не хочетъ огорчать законодательный корпусъ, не желаетъ ставить его членовъ въ необходимость тяжелаго для нихъ выбора между угожденіемъ ему, императору, и вѣрностью ихъ демократическимъ убѣжде-

ніямъ, и потому беретъ назадъ проектъ закона о пенсіи графу Паликао.

Люди, склонные все объяснять тонкими интригами и во всякомъ поступкѣ видѣть преднамѣренную хитрость, думаютъ, что все съ самаго начала было разыграно по предварительному условію. Видите ли: захотѣлось показать императоръ французовъ, что онъ очень любитъ повиноваться конституціоннымъ формамъ и нарушать ихъ никакъ не хочетъ; что если иногда онъ и порывается дѣйствовать произвольно, то лишь по увлеченію заботами о славѣ Франціи; но, по первому напоминовенію объ оттѣнкѣ произвольности въ его патріотическомъ энтузіазмѣ, онъ слѣдуетъ совѣту представителей французскаго народа, — однимъ словомъ, «предъ закономъ нѣмѣетъ и благоговѣетъ».

Мы не приверженцы того мрачнаго взгляда, который старается все объяснить хитрымъ разсчетомъ, каждую развязку считаетъ предусматривавшеюся заранѣе. Дѣло происходило гораздо проще. Императоръ французовъ много разъ прибѣгалъ къ средству, употребленному имъ теперь для уничтоженія попытокъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ: когда какой нибудь проектъ возбуждалъ неудовольствіе депутатовъ, депутатамъ говорилось, что такова личная воля императора, что они оскорбятъ его, несогласившись съ нею, и что Франція осудитъ ихъ за то. Въ теченіе десяти лѣтъ это было сдѣлано сто разъ (хотя и безъ такой огласки, какъ теперь), и всегда удавалось. Теперь не удалось. Вотъ и все. Но отчего же не удалось? Обстоятельства не тѣ. Что не тѣ они, могъ видѣть императоръ французовъ ужъ изъ представлявшейся ему надобности дать дѣлу огласку, какой не нужно было прежде. Бывало, достаточны были конфиденціальныя внушенія депутатамъ чрезъ графа Морни. Внушенія были сдѣланы и не подѣйствовали. Оставалось прибѣгнуть къ мѣрѣ, болѣе сильной—къ печатному письму. Но какъ же было не разсчитать, что если огласка даетъ больше важности обороту, то она же и отнимаетъ у него всякій шансъ успѣха? Вѣдь тутъ повиновеніе депутатовъ было бы понято всею публикою, какъ слѣдствіе страха. Публичность отрѣзывала имъ путь отступленія и они превратились въ леонидовыхъ спартанцевъ: «умремъ, дескать, но не отступимъ», т. е. въ переводѣ: «подвергнемся случайностямъ новыхъ выборовъ, возможности потерять мѣста и жалованье, но не можемъ же мы формально вы-

ставить себя передъ всею Францiею людьми, неимѣющими никакой самостоятельности». Помните «Утро дѣловаго человѣка», какъ тамъ, у Гоголя, разсуждаетъ Иванъ Петровичъ съ Александромъ Ивановичемъ.

Алекс. Иван. Такъ вамъ чины, можно сказать, пóтомъ и кровью достались?

Ив. Петр. (*вздохнувъ*). Именно, пóтомъ и кровью. Чтожъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не осталось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намѣкать часто, и экивоки подпускать; но сказать прямо, попросить чего, непосредственно для себя, — нѣтъ, это не мое дѣло! Другiе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (*вздухнувши.*) Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось — еслибъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманiе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшiй Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсукова-де въ канцелярiи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что нибудь подобное.

Алекс. Иван. Съ большимъ удовольствiемъ, если представится случай...

Великолѣпныя слова: «до всего могу унизиться, но до подлости никогда!» Вообразите же себѣ, что Александръ Ивановичъ отвѣчаетъ Ивану Петровичу: «я выпрошу вамъ награду отъ его высокопревосходительства, если вы унизитесь до подлости», и представьте, что это говорится при многочисленныхъ свидѣтеляхъ,—Ивану Петровичу останется только явиться героемъ и пострадать за правду.

Конечно, онъ готовъ будетъ пострадать за правду, т. е. ослушаться приказанiя начальства только въ томъ случаѣ, когда пронюхалъ, что начальство скоро перемѣнится, и возъимѣлъ планъ поставить себѣ передъ новымъ начальствомъ въ заслугу то, что разошелся съ прежнимъ начальствомъ.

Но это все постороннiй анекдотъ изъ нашихъ нравовъ, а настоящее дѣло шло во Францiи такимъ манеромъ. Правительство было очень удивлено, что депутаты упорствуютъ, хотя само

укрѣпило ихъ въ упорствѣ слишкомъ крутою мѣрою внушенія, неразсчитанною по обстоятельствамъ. Оно рѣшилось распустить законодательный корпусъ и предписать новые выборы. Но префекты и другіе полицейскіе начальники, обязанные разузнавать о настроеніи умовъ, донесли изъ всѣхъ концовъ Франціи одно и то же: при нынѣшнемъ, дескать, затруднительномъ положеніи обстоятельствъ и неблагонамѣренномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, выборы были бы неблагопріятны правительству. Итакъ оказалось, что не слѣдуетъ распускать нынѣшняго законодательнаго корпуса, и пришлось правительству уступить.

И передъ кѣмъ же уступить? Передъ людьми, которые назначены въ депутаты по волѣ самого правительства, которые всѣ —его собственное созданіе! Эти люди отваживаются храпѣть и фыркать! Видно, что плохо положеніе дѣлъ.

Хотите ли видѣть другое доказательство? Оно дано преніями объ адресѣ. Размышленія о нихъ мы представимъ послѣ. Сначала попросимъ васъ прочесть голый и сухой отчетъ объ этихъ преніяхъ, составленный самимъ графомъ Морни и напечатанный въ «Монитерѣ».

Едва ли нужно напоминать, что въ концѣ 1860 г. уже почувствовалась во Франціи надобность сдѣлать что нибудь, могущее казаться расширеніемъ правъ законодательной власти и уменьшеніемъ произвола правительства, и что это было сдѣлано декретомъ 24 ноября того года. Онъ, между прочимъ, возвратилъ депутатамъ право, которымъ они пользовались при прежнемъ конституціонномъ порядкѣ: представлять правительству свои замѣчанія, относительно общей политики правительства и требованія о томъ, въ какомъ смыслѣ надобно измѣнить или общій духъ ея, или ту или другую отрасль. Средствомъ къ этому былъ при конституціонномъ порядкѣ адресъ, служившій отвѣтомъ на тронную рѣчь. Итакъ, законодательному корпусу съ прошлой зимы дано право представлять императору адресы.

Далѣе, читатель знаетъ, что въ нынѣшнемъ законодательномъ корпусѣ находятся пять членовъ, нераздѣляющихъ приверженности всего остальнаго собранія къ нынѣшней системѣ. Когда проектъ адреса былъ напечатанъ избранною для того коммисіею, эти пять членовъ предложили сдѣлать въ немъ исправленія, — конечно, не въ надеждѣ, что ихъ мнѣніе будетъ принято законодательнымъ корпусомъ, а только для того, чтобы формально

заявить свой взглядъ и развить его въ преніяхъ, которыя будутъ прочтены всею Франціею. Изъ измѣненій, предложенныхъ пятью оппозиціонными членами, самое важное относится къ первому параграфу проекта, излагающему одобреніе общей политики правительства законодательнымъ корпусомъ. Теперь приводимъ самыя пренія, въ точномъ переводѣ изъ офиціальнаго отчета о нихъ.

Измѣненіе въ первой статьѣ проекта адреса законодательнаго корпуса, предложенное пятью оппозиціонными членами, и пренія о немъ.

Измѣненіе, предложенное Жюлемъ Фавромъ, Эномомъ, Даримономъ, Пикаромъ и Эмилемъ Олливье.

«Общественное довѣріе можетъ возродиться только искреннимъ возвращеніемъ къ системѣ свободы;

«журналистика должна перестать быть монополіею, подчиненною тройной цензурѣ, искажающей проявленія общественнаго мнѣнія;

«дѣла по преступленіямъ журналистики должны подлежать суду присяжныхъ, единственной компетентной судебной власти по политическимъ дѣламъ, и должны производиться публично;

«выборы, дѣлаемые избирателями, а не префектами, съ правомъ собраній и съ равными шансами публичности и охраненія избирательной свободы каждаго;

«муниципальная власть, назначаемая общиною, а не правительствомъ, такъ, чтобы общественные интересы перестали подчиняться политическимъ требованіямъ;

«личная свобода, ограждаемая совокупностью мѣръ, первою изъ которой должно быть отмѣненіе закона всеобщей безопасности (*).—Таковы главныя условія политики, опирающейся на принципы 1789 г.

«Такова реформа, повелительно требуемая нравственными интересами страны, ея достоинствомъ, развитіемъ ея дѣятельности и ея богатства, и немогущая быть отсрочиваема безъ того, чтобы Франція не стала въ положеніе, униженное передъ другими націями.»

(*) Законъ этотъ, изданный послѣ орсиньевскаго дѣла, даетъ правительству власть безъ суда арестовать и отправлять куда ему угодно на жительство подъ надзоръ полиціи всякое подозрѣваемое лицо.

Засѣданіе 7 марта.

Рѣчь Пикара.

«Знаменитый министръ финансовъ сказалъ нѣкогда: «пусть будетъ у васъ хороша политика, и финансы будутъ у меня хороши». Когда разразились въ «Монитерѣ» признанія, заключавшіяся въ письмѣ Фульда, что финансовое положеніе очень дурно, первою мыслью общества былъ вопросъ: не связано ли оно съ политическимъ положеніемъ? Основательные наблюдатели понимали, что открытое теперь зло, финансовое разстройство, значительные дефициты, — все это ничтожно сравнительно съ нравственнымъ зломъ, которому уже давно подвергаетъ страну наша бѣдственная политическая система (въ палатѣ ропотъ).

Съ этимъ чувствомъ я требую права разъяснить отношенія, породившія эту систему. Мы перечислимъ ихъ въ исправленіи прочитаннаго вамъ. Они связаны съ отношеніемъ, которое господствуетъ надъ всѣми остальными. Я говорю о положеніи журналистики. По нынѣшнимъ законамъ правительство имѣетъ надъ нею произвольную власть, право жизни и смерти. Министръ внутреннихъ дѣлъ приглашаетъ къ себѣ редактора и говоритъ ему: «даю вамъ полную свободу въ такомъ-то вопросѣ; вы можете нападать на Австрію, но уважайте Пруссію. Занимайтесь Италіею, но не трогайте клерикальной партіи». Надобно отдать министру справедливость,—иногда онъ говоритъ: «занимайтесь клерикальною партіею, сколько хотите» (смѣхъ). «Тогда ею и занимаются» (новый смѣхъ). «Мнѣ кажется, что это—отрицаніе свободы. Человѣческая мысль дѣлается тутъ низкимъ орудіемъ полиціи.

«Скажутъ, что журналы однакоже обсуждаютъ вопросы.—Это давнишнее возраженіе. Я оцѣню его словами писательницы, обезсмертившей себя сопротивленіемъ подобному деспотизму. Эту видимую свободу, оставляемую журналамъ, г-жа Сталь характеризовала такъ: «это—искусство распространять фальшивое мнѣніе, посредствомъ журналовъ, кажущихся свободными, а на самомъ дѣлѣ пишущихъ подъ диктовку». Права ли тогда г-жа Сталь? Права ли была бы она теперь? Скажите можно ли сомнѣваться въ этомъ?

«Угодно ли вамъ знать послѣдствія этого умственнаго порабо-

щенія? Я буду умѣренъ въ словахъ, но непозволительно мнѣ скрывать истину.

«Порабощеніе прикрывается именемъ общественнаго блага, но служитъ всяческимъ интересамъ, даже личнымъ интересамъ.

«Напримѣръ, вы принимаете извѣстный законъ,—положимъ, о замѣнѣ $4^{1}/_{2}\%$ облигацій государственнаго долга 3%-ми. Правительство, связывая журналистику, пользуется этимъ закономъ для личныхъ выгодъ. Министры пишутъ префектамъ, префекты говорятъ всѣмъ офиціальнымъ лицамъ: удерживайте отъ продажи $4^{1}/_{2}\%$ облигаціи, чтобы не было возможности сдѣлать съ ними ничего, кромѣ, какъ обмѣнять ихъ на 3%-я. У меня въ рукахъ находятся такіе циркуляры.

«Когда г. Миресъ выпускалъ облигаціи римскаго займа и акціи римскихъ желѣзныхъ дорогъ, одна газета хотѣла разсмотрѣть достоинство этихъ бумагъ. Ее офиціально попросили молчать. Спрашиваю: можетъ ли что нибудь быть предосудительнѣе такихъ фактовъ для правительства и для законовъ о журналистикѣ? Когда истина противна чьей нибудь выгодѣ, она подавляется» (многіе члены восклицаютъ: нѣтъ, нѣтъ, вы преувеличиваете). «Повторяю: положеніе дѣлъ очень бѣдственно и унизительно. Я не могъ безъ глубокой печали слышать слова, противъ которыхъ нечего было возразить: «въ Австріи больше свободы печатному слову, чѣмъ во Франціи» (въ палатѣ шумъ). Вотъ каково, повторяю вамъ, положеніе журналистики. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ я прочелъ слова: «сановникъ имѣетъ право получать жалованье и еженедѣльно по одной похвальной статьѣ въ газетахъ» (хохотъ). Когда газета предается суду, протоколъ суда остается тайной. Говорятъ: надобно успокоить честныхъ людей и устрашать неблагонамѣренныхъ. Я желаю того, чтобы никто не страшился говорить истину».

Засѣданіе 8 марта.

Рѣчь Пикара.

«Вчера я хотѣлъ прямо поставить важные вопросы, возбуждаемые нашимъ исправленіемъ. Я старался показать, какъ журналистика лишена свободы механизмомъ нынѣшняго законода-

тельства, и какъ эта система сдѣлала журналистику настоящимъ монологомъ правительства самого съ собою. Покидаю теперь этотъ предметъ, но, покидая его, выражаю мое уваженіе тѣмъ мужественнымъ журналистамъ, которые борятся шагъ за шагомъ, и если не всегда не говорятъ все, что хотѣли бы сказать, то по крайней мѣрѣ не говорятъ того, что говорить заставляютъ ихъ. Я никогда не присоединюсь къ людямъ (полагающимъ?), что запретить значитъ опровергнуть.

«Перехожу къ вопросу о судѣ присяжныхъ. Я говорю, что присяжные — единственные компетентные судьи въ дѣлахъ журналистики, потому что никакимъ другимъ судьямъ въ этихъ дѣлахъ я не довѣряю. Не довѣряю я не собственно самимъ этимъ судьямъ, а правительству.

«Президентъ. Приглашаю г. Пикара выражаться приличнѣе.

«Пикаръ. Я полагаю, г. президентъ, что выражаюсь прилично.

«Президентъ. Я не позволю вамъ въ этой палатѣ нападать на основные законы страны, говорить, что какой нибудь существующій законъ унизителенъ для страны. Вы можете подвергать критикѣ политику и распоряженія правительства, но не можете говорить о существующемъ законѣ, что онъ унизителенъ для Франціи. Здѣсь дѣло идетъ объ уваженіи къ существующему порядку, и я могу напомнить вамъ о приличіи.

«Пикаръ. Я не раздѣляю вашего мнѣнія.

«Президентъ. Продолжайте вашу рѣчь.

«Пикаръ. Возвращаюсь къ вопросу, мною разсматриваемому: онъ состоитъ въ томъ, какому суду должны подлежать дѣла журналистики. Я говорю: суду присяжныхъ. Меня перервали на тѣхъ словахъ, что другимъ судьямъ я не довѣряю, и не довѣряетъ само правительство, которое предоставляетъ себѣ поступать съ журналами безъ суда, административнымъ порядкомъ. Почему же судъ присяжныхъ одинъ только натураленъ въ дѣлахъ печатнаго слова? Во-первыхъ, потому, что проступки по нимъ не могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ и разсуждать о нихъ не могутъ другіе судьи, обязанные только прилагать точные законы къ точно опредѣленнымъ случаямъ и немогущіе быть представителями общественнаго мнѣнія, которое одно оцѣниваетъ дѣла печатнаго слова.

«Другая причина та, что когда журнальное дѣло отдается правительственному судьѣ, ему предается сама свобода, и, осуждая писателя, онъ смертельно поражаетъ свободу. Это говорилъ Ройе-Коларъ еще въ 1822 году; а онъ былъ человѣкъ умѣренный. Правительственные судьи сами желаютъ, чтобы ихъ избавили отъ страшной обязанности судить дѣла журнатистики; они бываютъ смущены, когда судятъ такое дѣло; они сами сознаютъ, что некомпетентны въ этихъ дѣлахъ, въ которыхъ, какъ и во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, компетентенъ судъ присяжныхъ». (Послѣ этого Пикаръ говоритъ о свободѣ выборовъ и о независимости общиннаго управленія, затѣмъ переходитъ къ вопросу о личной свободѣ).

«Пикаръ. Что такое личная свобода? Обезпеченность лица въ томъ, что оно будетъ судиться по законамъ своей страны, съ гарантіями, отстраняющими произволъ. Существуютъ ли теперь эти гарантіи? Правительство можетъ арестовать и осудить на заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года всякое лицо, ведущее интриги, враждебныя правительству, и имѣющее преступныя сношенія внутри страны или заграницею. По этому праву оно можетъ у каждаго гражданина потребовать отвѣта на вопросъ: «не имѣете ли вы преступныхъ сношеній съ кѣмъ нибудь?» Возможно ли подозрѣваемому доказать противное? (Ропотъ) «Господа, я не понимаю этого ропота на мои слова противъ закона, осуждаемаго вашею совѣстью. Доказать противное тутъ невозможно, потому что обвиненіе не опредѣлено. А если люди наказываются по неопредѣленному подозрѣнію, то господствуетъ произволъ. Президентъ законодательнаго корпуса черезъ г. вице-президента Шнейдера сказалъ, что коммисія, составлявшая проектъ адреса, нашла наше исправленіе противорѣчащимъ общей политикѣ правительства.

«Шнейдеръ. Я говорилъ только о политикѣ большинства палаты.

«Пикаръ. Политика этого большинства—политика правительства, и я очень жалѣю о томъ и о другомъ» (Ропотъ). «Я вамъ объясню, почему жалѣю. Франція не хотѣла бы подвергаться новой революціи» (многочисленные голоса: правда, правда, не хотимъ). «Не хотите, а дѣлаете все, что нужно, чтобы произвести революцію» (продолжительный шумъ). «Правительство само опровергаетъ себя» (Новый шумъ).

«Президентъ. Чѣмъ же?

«Пикаръ. Тѣмъ, чтó начало дѣлать въ послѣднее время.

«Президентъ. Объясните это.

«Пикаръ. Объясню, если вы дадите мнѣ объяснить.

«Президентъ. Объясните; иначе было бы слишкомъ легко отказываться отъ объясненій.

«Пикаръ. Я отказываюсь отъ объясненій потому, что не имѣлъ бы въ нихъ свободы (шумъ).

«Президентъ. Однакоже, г. Пикаръ...

«Пикаръ. Что же, вы хотите, чтобъ я говорилъ о всѣхъ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ главѣ исполнительной власти... (Шумъ).

«Президентъ. Я не дозволю вамъ говорить о личныхъ дѣйствіяхъ императора, котораго называете вы только главою исполнительной власти.

«Пикаръ. А между тѣмъ я имѣлъ бы на это право. Онъ говоритъ, что министры отвѣтственны передъ нимъ, а онъ отвѣтствуетъ за нихъ передъ націею; слѣдовательно, его личныя дѣйствія подлежатъ отвѣтственности. Впрочемъ, я такъ хорошо понимаю, что былъ бы тутъ связанъ, что не хочу и начинать рѣчи объ этомъ.

«Президентъ. Это—преніе, невозможное въ нашей палатѣ.

«Пикаръ. Вы говорите правду.

«Президентъ. Ваша партія имѣла власть и возбудила противъ себя неудовольствіе, отнявшее у нея власть.

«Эмиль Олливье. Вы также теряли власть: первая имперія пала.

«Барошъ (министръ). Развѣ первая имперія была низвергнута націею?

«Пикаръ. Я вамъ скажу...

«Президентъ. Это—преніе невозможное. Въ интересѣ общества я не могу допустить его продолженіе. Замѣчу только, что когда вы сказали, что правительство само опровергаетъ себя, вы были несправедливы; я могъ бы прибавить, что вы поступаете съ правительствомъ невеликодушно,—если можно такъ выразиться. Вы не великодушны къ нему, потому что чѣмъ больше оно обезоруживаетъ себя, тѣмъ больше вы на него нападаете, вмѣсто того, чтобы съ умѣренностью пользоваться свободою, которую оно даетъ странѣ.

«Пикаръ. Я не принимаю упрека, сдѣланнаго моей партіи, моимъ принципамъ. Я чту безкорыстіе и величіе людей, имѣвшихъ власть въ эпоху, о которой упомянулъ г. президентъ, и покинувшихъ власть безукоризненно. Но возвратимся къ настоящему. Вы утверждаете, что вы—нація свободная, а г. Буркне, сенаторъ и бывшій посланникъ, говоритъ въ лицо всему сенату, что въ Австріи больше свободы, чѣмъ во Франціи. Съ печалью слышу я, господа, что Франція не только не свободна, но что ее называютъ недостойною свободы. Она покажетъ, что достойна ея. Она все замѣчаетъ, наблюдаетъ и нѣкогда потребуетъ отчета, правильнаго отчета за все.

«Правительство, говорите вы, обезоруживаетъ самого себя. Да, оно дало намъ свободу пренія въ этой палатѣ, и я дорожу этою свободою, потому что она даетъ намъ возможность доказать, что всякой другой свободы мы еще лишены.

«Есть два правительственные метода: одинъ опирается на добрые инстинкты, на благородныя стремленія; другой обращается къ дурнымъ страстямъ. Если правительство склоняется къ этому послѣднему методу, мы обязаны обличить его предъ общественнымъ мнѣніемъ. Я заявляю, что оно склоняется въ эту сторону.

« (Барошъ, президентъ государственнаго совѣта и министръ безъ портфеля, отвѣчаетъ на рѣчь Пикара. Послѣ Бароша встаетъ Жюль Фавръ).

Рѣчь Жюля Фавра.

«Обстоятельства, въ которыхъ ведутся пренія палаты, очень важны. Я скоро займусь разсмотрѣніемъ границъ власти палаты, а теперь скажу вещь, противъ которой никто не можетъ спорить: слова, произносимыя здѣсь, слышитъ и судитъ вся Франція. Скоро она будетъ призвана посредствомъ выборовъ дать свое одобреніе или выразить порицаніе политики, которую постоянно поддерживала эта палата. Потому не безполезно будетъ разсмотрѣть вопросы, возбуждаемые внутреннимъ положеніемъ Франціи.

«Сейчасъ г. президентъ государственнаго совѣта говорилъ вамъ, что наши исправленія должны считаться програмою,

выставляемою противъ офиціальной редакціи адреса (Сильный шумъ).

«Президентъ. Что называете вы офиціальной редакціей адреса?

«Эмиль Олливье. Г. президентъ, не мѣшайте же говорить! (шумъ).

«Президентъ (къ Эмилю Олливье). Вы не имѣете права давать мнѣ приказанія. Я не допускаю вашего вмѣшательства. Я спрашиваю у г. Жюля Фавра, что онъ разумѣетъ подъ словами: офиціальная редакція адреса?

«Жюль Фавръ. Разумѣю офиціальную редакцію коммисіи (шумъ).

«Президентъ. Вѣроятно вы находите это объясненіе очень простымъ? Но я знаю, и вы сами знаете, что такое хотѣли вы сказать словами: офиціальная редакція адреса.

«Жюль Фавръ. Если я буду прерываемъ каждую минуту, я прекращаю рѣчь. Вы, г. президентъ, — конечно невольно, — отнимаете у меня свободу мыслей (шумъ). Я отказываюсь отъ слова (садится).

«Президентъ. Я никогда не отнималъ у васъ слова, никогда не стѣснялъ свободы преній. Вы придаете дѣлу оборотъ неискренній.

«Жюль Фавръ. Я не дозволяю вамъ, г. президентъ, приписывать мнѣ неискренность.

«Президентъ. Обращаюсь къ суду палаты. Проницательность ея поняла смыслъ употребленныхъ вами словъ. Я имѣлъ право остановить васъ, потому что вы употребили выраженіе, намекавшее, что адресъ составленъ не столько коммисіею палаты, сколько правительствомъ (многочисленные голоса: вы правы, вы правы). Потому не прибѣгайте къ отговоркамъ.

«Жюль Фавръ. Я и не прибѣгалъ къ нимъ.

«Президентъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ: выраженіе «офиціальная редакція адреса» употреблено ораторомъ не столь искуснымъ, какъ вы, употреблено непреднамѣренно. Серьезнѣйшимъ образомъ прошу васъ, г. Фавръ, продолжать вашу рѣчь.

«Жюль Фавръ. Наше положеніе въ этой палатѣ, господа, исполнено затрудненій. Повѣрьте, что не въ удовольствіе себѣ мы остаемся въ немъ и что только чувство обязанности удер-

живаетъ насъ въ немъ. Возвращаюсь къ замѣчаніямъ, которыя были начаты мною. Я говорилъ, что это преніе полезно, полезно особенно для народа, нашего судьи.

«Въ послѣднія десять лѣтъ произошли новые факты. Особенно важныя два. Первый изъ нихъ—декретъ 24 ноября 1860 г. (возвратившій законодательному корпусу право, чтобы его пренія печатались). Какъ назвать этотъ декретъ? Удержусь отъ опасныхъ опредѣленій, скажу только, что онъ служитъ доказательствомъ слѣдующей истины: нераздѣльная власть одного оказывается неудовлетворительною и принуждена призвать на помощь себѣ законодательную власть.

«24 ноября 1861 г. произошелъ другой фактъ, также имѣющій свое значеніе. Говорю о письмѣ, которымъ императоръ призывалъ г. Фульда въ министры финансовъ, и о докладѣ, напечатанномъ г. Фульдомъ. Всѣмъ извѣстно, какіе дефициты были засвидѣтельствованы этимъ докладомъ.

«Что слѣдуетъ изъ этихъ двухъ фактовъ? То, что императоръ принужденъ раздѣлить власть съ представителями націи. Если же, господа, чрезъ десять лѣтъ царствованія пришли къ такому заключенію, то благоразумно ли, логично ли предоставлять одному правительству право руководить общественнымъ мнѣніемъ, выборами, администраціей и руководить безконтрольно? Нѣтъ, милостивый государь,—и вотъ цѣль нашего исправленія.

«Съ высоты своей административной власти правительство даетъ уроки журналистикѣ; значитъ, оно считаетъ себя ученѣе, нравственнѣе, религіознѣе всѣхъ на свѣтѣ. Эта система не нова. Она владычествовала до 1779 г. Тогда можно было сказать, что умъ Франціи въ рукахъ правительства. Но, къ счастію для Франціи, онъ ускользалъ иногда изъ нихъ, благодаря тому, что въ другихъ мѣстахъ Европы имѣла пріютъ свобода мысли. Содрогаешься, вспоминая, что «Духъ законовъ» Монтескьё остался бы неизвсѣтенъ Франціи, если бы не было тогда типографій въ Голландіи и Лондонѣ. Теперь во Франціи только одинъ журналистъ—императоръ (крики и ропотъ). Въ моемъ выраженіи нѣтъ ничего оскорбительнаго кому бы то ни было.

«Публицистика состоитъ не въ томъ, что теперь пишется въ газетахъ. Публицистика—то, когда газеты руководятъ и удерживаютъ. А у насъ она ежеминутно зависитъ отъ власти, кото-

рая только по снисходительности дозволяетъ существовать всякой газетѣ, и можетъ уничтожить ее, когда захочетъ. Такимъ образомъ общественная мысль, повторяю, находится въ рукахъ правительства. Президентъ государственнаго совѣта говорилъ, что разрѣшены 31 новыя политическія газеты. Эти созданія только увеличатъ число писателей, обреченныхъ подъ страхомъ уничтоженія быть послушными внушеніямъ, идущимъ сверху.

«Я знаю, что правительство не всегда прилагаетъ къ дѣлу суровый законъ; но въ такомъ случаѣ журналисту оказывается милость, оскорбляющая его достоинство.

«Ваше правительство слабо, оно не можетъ выносить свободы слова. По словамъ г. президента государственнаго совѣта, правительству кажется, будто и общество не могло бы существовать, еслибы правительство не было облечено чудовищною властью подвергать гражданъ безъ суда арестамъ и всѣмъ пріятностямъ, составляющимъ сущность системы, защищаемой г. Барошемъ. Многое могъ бы я еще сказать о законѣ общестенной безопасности, дающемъ правительству эту власть: оно пользуется ею очень осмотрительно. Недавно (по поводу лекцій Ренана), по случаю внезапнаго волненія, полиція бросилась на невинныхъ молодыхъ людей (ропотъ), арестовала ихъ массою, и забыла всякую умѣренность (новый шумъ).

«Личная свобода, милостивые государи, такъ драгоцѣнна намъ потому, что безъ нея нѣтъ уваженія къ человѣку. Врываются въ домы, возмущаютъ спокойствіе семействъ. Я приведу фактъ, относящійся ко мнѣ.

«На этихъ дняхъ я имѣлъ честь находится подъ особеннымъ наблюденіемъ и замѣтилъ, что даже въ судебныя мѣста, куда отправлялся я, какъ адвокатъ, сопровождалъ меня молодой человѣкъ, и надобно сказать, очень милый; онъ слѣдовалъ за мною изъ комнаты въ комнату, безъ сомнѣнія желая учиться у меня адвокатскому искусству (смѣхъ). Оно послужило ему въ пользу. Онъ обратился къ младшему изъ моихъ секретарей, и секретарь этотъ былъ принужденъ отправиться къ полицейскому коммиссару, гдѣ было ему пересказано все, что дѣлалъ я въ этотъ день, который, слава Богу, былъ совершенно невиненъ. Полиція расходовалась даромъ. Но не могу ли я спросить, не напрасная ли это расточительность государственныхъ денегъ? Нынѣ, когда столько говорятъ объ экономіи, удобно ли расходовать такимъ

образомъ деньги, которымъ легко было бы дать полезное употребленіе? Думаю, что всей контрибуціи, взятой съ Китая, не достанетъ на плату за свѣдѣнія, получаемыя изъ такихъ источниковъ (нѣсколько голосовъ: прекрасно, прекрасно!!). Милостивые государи! единственное средство исправить такое положеніе дѣлъ то, чтобы изгладить изъ нашихъ законовъ все, могущее походить на произволъ.

«Если правительство не хочетъ того, пусть же оно имѣетъ твердость открыто признавать свою систему. Держитесь системѣ Ришельё; но пока держитесь ея, не приписывайте себѣ чести, что управляете свободнымъ народомъ.»

Съ холодной, исторической точки зрѣнія, отъ которой мы никогда ни на шагъ не отступали, самая важная часть переведенныхъ нами страницъ отчета заключается не въ самомъ содержаніи рѣчей Пикара и Жюля Фавра, — на него даже и не слѣдуетъ обращать вниманія; но дѣйствительно замѣчателенъ способъ обращенія графа Морни, представителя правительства и палаты, съ оппозиціонными депутатами. Не понравится ему какое нибудь колкое выраженіе, онъ останавливаетъ оратора; прежде такъ и кончалось дѣло: ораторъ чувствовалъ себя принужденнымъ смириться и поправлялъ свою фразу; теперь не то: поднимается длинный споръ, и оппозиціонные депутаты наступаютъ, тѣснятъ президента; онъ и вся палата чувствуютъ себя неловко, и побѣда остается за оппозиціоннымъ ораторомъ, онъ торжественно повторяетъ колкую фразу и продолжаетъ въ томъ же тонѣ; а между тѣмъ въ палатѣ только пятеро оппозиціонныхъ депутатовъ; голоса ихъ не имѣютъ никакого вѣса при вотированіи; въ самой палатѣ оппозиція ихъ формальнымъ образомъ совершенно ничтожна. Такъ ее и третировали еще года полтора тому назадъ. «Мы позволяемъ вамъ говорить только по нашей снисходительности», слышалось въ каждомъ словѣ президента, обращенномъ къ оппозиціи. А вотъ теперь не то!....

. . . .

40.

Болгарскія происшествія и начало новаго переселенія въ Россію.

Въ Одесскомъ вѣстникѣ пишутъ: «Немаловажныя происшествія разыгрались недавно въ Болградѣ и многихъ другихъ колоніяхъ въ Молдавіи. Извѣстно, что болгарское водвореніе, присоединенное къ Молдавіи по мировому трактату 1856 года, пользовалось въ Россіи особенными правами и преимуществами. Желая удержать эти священныя права, болгарскіе колонисты, съ присоединеніемъ ихъ къ молдавскому княжеству, начали ходатайствовать у новаго своего правительства о сохраненіи имъ всѣхъ тѣхъ привилегій, которыя дарованы были имъ русскимъ правительствомъ, въ разныя времена. Изъ уваженія ли къ добрымъ качествамъ этого народа, или же изъ личныхъ какихъ-либо временныхъ видовъ, молдавское правительство, по первому поступившему ходатайству отъ болгарскаго населенія, согласилось сохранить всѣ права и преимущества, которыми пользовались болгаре въ Россіи, и даже, по желанію населенія, выдало имъ письменный о томъ актъ, за подписью бывшаго владѣтеля Молдавіи и министровъ его, въ родѣ той священной для болгаръ грамоты, въ которой изложены привилегіи, дарованныя болгарамъ—задунайскимъ переселенцамъ—русскимъ правительствомъ, въ 1820 г. Послѣ этого и многихъ другихъ, неоднократно повторяемыхъ обѣщаній молдавскаго правительства, болгаре не только не видѣли никакихъ побужденій къ выселенію оттуда, по праву, предоставленному парижскимъ трактатомъ жителямъ отшедшей части Бес-

сарабіи,—но даже старались еще болѣе утвердиться на своихъ мѣстахъ. Съ этою цѣлью, въ началѣ 1858 года, съ разрѣшенія правительства, учреждена была въ Болградѣ, на счетъ болгарскагѡ водворенія, 7-ми классная гимназія и женскій пансіонъ. Вся эта внѣшняя обстановка и дипломатическая маска молдавскаго правительства, наброшенная княземъ Кузою, во время посѣщенія имъ этого края, въ первой половинѣ текущаго года, не могли не льстить болгарамъ надеждами на небывалое еще для нихъ «великое будущее». Такъ выражались передъ болгарами всѣ молдаване, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые всѣми силами старались объ искорененіи въ болгарскихъ колоніяхъ всего русскаго. Спрашивается: могли ли болгаре-колонисты послѣ всего этого подозрѣвать возможность тѣхъ событій, которыя разыгрались въ настоящее время. Возмутительно было неожиданное уничтоженіе дарованныхъ правъ, но еще возмутительнѣе — допущенное недавно варварство среди болгарскихъ поселенцевъ; послѣ торжественныхъ, письменныхъ и словесныхъ, обѣщаній молдавскаго правительства о сохраненіи всѣхъ привилегій, дарованныхъ болгарамъ въ Россіи, колонисты, противъ всякаго ожиданія, внезапно подвергнуты были рекрутской повинности. Для объявленія болгарскому населенію этой неожиданной «милости» молдавскаго правительства,—на 8-е число ноября мѣсяца вызваны были въ Болградъ по нѣскольку колонистовъ изъ всѣхъ колоній. Предварительно этого общаго съѣзда, окружный старшина Кагуло-Прутскаго округа, А. Дропуло, вызвалъ въ кол. Хаджи-Абдулъ довѣренныхъ колонистовъ этого округа, вѣроятно съ цѣлью, какъ слѣдуетъ предполагать, для объявленія имъ послѣдовавшаго распоряженія правительства на счетъ рекрутскаго набора. Согласно вызову, колонисты съѣхались въ кол. Хаджи-Абдулъ, но старшина Дропуло явился туда лишь на третій день, послѣ пріѣзда довѣренныхъ. При этомъ случаѣ, какъ показываетъ дѣло, г. Дропуло находился подъ вліяніемъ задней мысли: пріѣхавши въ колонію, онъ не говоря ни слова народу, ожидавшему его два дня, вошелъ прямо въ канцеляріюокружнаго приказа и вслѣдъ за тѣмъ, выйдя оттуда, объявилъ колонистамъ, что кѣмъ-то ограблена общественная касса, въ которой хранилось до 3 тыс. червонцевъ. Тотчасъ послѣ этого объявленія, онъ, въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа, выѣхалъ по направленію къ сосѣдней колоніи. Оскорбленные этимъ умышлен

нымъ поступкомъ г. Дропуло, колонисты отправились вслѣдъ за нимъ въ погоню, но, при въѣздѣ въ Болградъ потеряли изъ виду. Послѣ тщательныхъ разспросовъ, колонисты отыскали однакожъ преслѣдуемаго Дропуло въ домѣ болградскаго колониста Мунжія, откуда вытащили его на дворъ, для отобранія отъ него общественныхъ суммъ, и, въ пылу общаго огорченія, наградили его нѣсколькими ударами. Вѣсть обо всемъ происшедшемъ въ ту же минуту достигла до слуха управляющаго колоніями Тинки, который, вмѣсто отобранія общественныхъ суммъ отъ Дропуло и взысканія съ него за это не первое уже расхищеніе денегъ, приписалъ этому частному дѣлу характеръ возмущенія противъ правительства и, по невозможности его, потребовалъ военной помощи отъ начальника войскъ, пребывающихъ въ Болградѣ, для усмиреній колонистовъ. Благоразумный командиръ, по ничтожности этого дѣла, которое не выходило изъ предѣловъ частной ссоры, нашелъ, однакожъ, неумѣстнымъ употреблять военную силу тамъ, гдѣ достаточно было двухъ полицейскихъ, чтобы разобрать все дѣло, и отказалъ въ отрядѣ войскъ. Послѣ этого, колоніальный начальникъ Тинко поспѣшилъ донесть по телеграфу, въ молдавскій диванъ, что въ Болградѣ произошелъ мятежъ противъ правительственныхъ властей, для усмиренія котораго необходимы войска; вслѣдствіе чего по распоряженію правительства немедленно отряжены были въ Болградъ всѣ войска изъ Браилова, Галаца и Измаила, и сданы въ распоряженіе г. Тинко. Одновременно съ появленіемъ этихъ войскъ, а именно 8-го ноября, съѣхались въ Болградъ, по распоряженію колоніальнаго начальства, по нѣскольку колонистовъ отъ всѣхъ колоній и, по приказанію г. Тинки, собрались въ училищное зданіе, для общаго совѣщанія по предмету рекрутскаго набора. Туда долженъ былъ явиться и самъ г. Тинко. Всѣхъ колонистовъ, собранныхъ для совѣщанія по рекрутскому дѣлу, было до 500 душъ; изъ нихъ одна часть находилась въ залѣ училищнаго зданія, а другая, по невмѣстимости залы, расположилась на дворѣ. Въ то время, когда колонисты заняты были обсужденіемъ рекрутскаго дѣла, училищный дворъ внезапно осажденъ былъ съ двухъ сторонъ молдавскими войсками, которыя, подъ командою героя Тинки, сдѣлавъ залпъ изъ ружей и послѣ громкаго «ура!», ударили въ штыки на мирныхъ колонистовъ. Множество раненыхъ и убитыхъ колонистовъ пали на мѣстѣ, и училищный дворъ залился потоками

крови. Въ обыкновенныхъ сраженіяхъ бываютъ всегда убитые и раненые съ обѣихъ сторонъ, но здѣсь всѣ жертвы оказались на сторонѣ только болгаръ: народъ собрался для совѣщаній, а не для брани, которой избѣгалъ до послѣдняго времени. Послѣ такой кровавой сцены, народъ разбѣжался въ разныя стороны, а побѣдоносному молдавскому войску предоставлено было право на всякаго рода неистовства. Своенравные милиторы умѣли вполнѣ воспользоваться неслыханною привилегіею, и съ 12 час. пополудни до другаго дня, предавались всякаго рода грабежу и насиліямъ надъ женами и дочерьми колонистовъ, которыхъ извлекали изъ домовъ. Прибывшій черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія молдавскій военный министръ за все это варварство, выдалъ еще, въ видѣ награды, за усмиреніе будто бы колонистовъ, по одному леву на каждаго милитора. Что бы вышло, еслибъ болгаре вздумали защищаться противъ своеволія молдавскихъ солдатъ, и какъ слѣдовало ожидать, весь отрядъ обратили бы въ жалкіе остатки милиторовъ! Какъ бы то ни было, послѣ описаннаго нами поступка молдавскихъ властей, болгаре,— изъ которыхъ нѣкоторые съ женами и дѣтьми, другіе, покинувъ семейство,—бросились въ кол. Кубей, куда, въ теченіе нѣсколькихъ дней перешло до 600 душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Неожиданное переселеніе представило печальное зрѣлище: оно напомнило намъ другое, которое происходило въ 1854 году, во время переселенія болгаръ изъ-подъ Силистріи, отъ преслѣдованій турокъ. Всѣ, бѣжавшіе въ Кубей, выдерживали тамъ 6-ти дневную карантинную обсервацію въ нѣсколькихъ колонистскихъ домахъ, отведенныхъ попечителемъ болгарскихъ колоній въ Бессарабіи, который, на другой же день, пріѣхалъ въ Кубей, для предоставленія дневнаго пропитанія и пріюта бѣднымъ болгарамъ, пришедшимъ въ ненастное зимнее время, безъ пищи и даже одежды. Кромѣ самаго радушнаго участія г-на начальника области въ предоставленіи пріюта болгарамъ, генералъ-лейтенантъ Фантонъ де-Веррайонъ прислалъ недавно, какъ слышно, попечителю колоній, г. Иванову, 1000 руб. сер. для оказанія пособія наиболѣе нуждающимся изъ поселенцевъ. Все это, равно какъ и своевременное распоряженіе о предоставленіи имъ пріюта, показали болгарамъ, что судьба ихъ близка сердцу Россіи. Говорятъ, что молдавское правительство обратило теперь рекрутскую повинность въ денежную, замѣнивъ человѣка ста-пятидесятью

червонцами. Такое распоряженіе приведетъ болгарское населеніе къ ежегодной уплатѣ огромной суммы. Болгаре въ Молдавіи обложены слѣдующими податями: съ главы каждаго семейства взимается по 2 чер. въ годъ, съ каждой трубы въ домѣ по 3 червонца; кромѣ того платится десятая часть со всего скота и, особо, поземельная подать, по 24 коп. сер. съ каждой десятины земли, и по 24 коп. сер. съ души, на содержаніе колоніяльныхъ управленій. Независимо отъ всего этого, каждый колонистъ обязанъ посѣять по 6 мѣрокъ кукурузы въ пользу молдавскихъ войскъ. Изъ этого видно, что молдавское правительство, въ подражаніе турецкой системѣ, открывъ такіе огромные поборы, вовсе не думаетъ о благосостояніи народа. Едва ли, впрочемъ, молдавскому казначейству придется воспользоваться непосильными для народа податями, потому что, хотя колонисты и подверглись уже уплатамъ всѣхъ податей и, особо, за рекрутскую повинность, за то съ другой стороны они сбываютъ за безцѣнокъ все свое имещество и, съ открытіемъ весны, думаютъ начать переселеніе въ Россію. Они вполнѣ убѣждены, что правительство не откажетъ принять ихъ, какъ вѣрныхъ подданныхъ, и предоставитъ имъ оставленныя татарами крымскія степи. Если это осуществится, то можно ожидать, что трудолюбіе болгаръ нѣсколько поможетъ настоящему положенію Крыма. Вотъ какая судьба постигла болгаръ въ Молдавіи, гдѣ, до истеченія трехлѣтняго срока, имъ обѣщали золотыя горы. Впрочемъ, нельзя было и ожидать, чтобы болгаре могли ужиться въ Молдавіи, въ странѣ, гдѣ ничто ни соотвѣтствуетъ ни ихъ характеру, ни духу, ни религіознымъ убѣжденіямъ, ни даже ихъ расположенію къ восточнымъ славянамъ, къ которымъ румыны питаютъ самыя враждебныя чувства. Жаль болгаръ; жаль имущества ихъ, которое понемногу складывалось въ потѣ лица, многими десятками лѣтъ, въ Россіи, подъ заботливымъ попеченіемъ колоніяльнаго управленія; жаль, наконецъ, тѣхъ огромныхъ общественныхъ капиталовъ колоній, которые должны сдѣлаться жертвою роскоши молдавскихъ властей, самовольно назначающихъ себѣ, на счетъ общественныхъ суммъ, награды, временныя пособія, увеличеніе жалованья, разъѣздныя деньги по 10 червонцевъ въ сутки, какъ это сдѣлалъ г. Тинко, во время путешествія въ Россію для собственнаго удовольствія. Впрочемъ, болгаре живутъ теперь одною надеждою, что голосъ ихъ найдетъ сочувствіе тамъ, гдѣ они и

прежде нашли радушный пріютъ и гдѣ страданія отцевъ ихъ, подъ игомъ турокъ, замѣнены были истинною отрадою и спокойствіемъ. Скажу въ заключеніе, что обстоятельства, происшедшія въ Молдавіи, равносильны сирійскимъ происшествіямъ (*).

К. Кубей, 20 ноября.

41.

Греція.

(Отъ нашего собственнаго корреспондента).

Афины, $^{2}/_{14}$-го іюля. Какъ скоро затихла революціонная буря, два мѣсяца волновавшая наше общество, органы правительства не переставали проповѣдывать каждый день, что вотъ—вотъ издается всеобщая амнистія, столько необходимая при настоящихъ обстоятельствахъ для водворенія согласія между разными стихіями народа, которыя съ такою яростію бросились другъ противъ друга. Это, говорили намъ, первый шагъ, какой сдѣлаетъ новое правительство, чтобы изгладить изъ памяти народа печальное прошедшее.

Можетъ быть, еще было время предать забвенію это безславное прошедшее; можетъ быть, искреннее и съ твердою рѣшимостію принесенное раскаяніе (правительства) могло бы усыпить кровавыя тѣни закланныхъ жертвъ коварства и обмана, которыя теперь съ угрозами стоятъ надъ нами....

Но для этого нужно было (какъ я сказалъ) искреннее раскаяніе, а на такое раскаяніе, кажется, согласны были только *по-видимому* тѣ, которые столько разъ насъ обманывали. «Забвеніе прошедшаго», твердятъ они постоянно. А сами что сдѣлали они для того, чтобы забыто было дѣло ихъ рукъ? какую уступку сдѣлали они, хотя и поняли ошибочность и опасность прежняго своего направленія? Сами не хотятъ сдѣлать ничего, а отъ насъ требуютъ забвенія прошедшаго. Только они напрасно, кажется,

(*) Статья эта получена въ редакціи только 13-го декабря.

хлопочутъ, ихъ голосъ будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; они должны, наконецъ, убѣдиться, разъ навсегда, что народъ не поддастся болѣе обману....

Народъ обманутъ былъ 1843 года въ ту ночь, когда мы—народъ, соединившись съ нашимъ храбрымъ войскомъ, которое дѣйствительно доказало въ этомъ случаѣ, что оно выходитъ изъ нашихъ нѣдръ и, слѣдовательно, имѣетъ идеи, желанія и склонности, общія съ нами, — когда въ эту ночь мы сокрушили тиранскую голову баварократіи и заявили и свое главное желаніе... Народъ обманутъ былъ въ 1854 г., когда мы, выступивъ въ томящіяся подъ турецкимъ игомъ провинціи, думали, въ простотѣ своей, что, посредствомъ господствующей системы, возможно осуществленіе сладчайшей изъ грезъ панэлліона... И часто, часто былъ обманываемъ народъ. Но теперь уже напрасно разставляютъ противъ него новыя сѣти; онъ не допуститъ, чтобы его обманули еще разъ.

Министры увѣряютъ въ искренности своихъ намѣреній; а между тѣмъ, доселѣ не исполнили ни одного изъ своихъ обѣщаній, торжественно данныхъ народу. И вотъ завтра—послѣ завтра въ Ламіи произнесутъ приговоръ надъ обвиняемымъ въ заговорѣ, г. Вулгари (*). Невольно призадумаешься о добрыхъ намѣреніяхъ министерства Геннеоса (Великодушнаго). Исключить изъ амнистіи человѣка, котораго прежнее министерство заключило въ тюрьму, будто по подозрѣнію въ заговорѣ объ оказаніи помощи черногорцамъ и о нарушеніи *многоцѣнныхъ съ дружественной державой* нашихъ отношеній,— это какъ-то не похоже на добрыя намѣренія. Когда настоящее министерство, подобно предшествовавшему, не перестаетъ требовать крови и головъ, какая тутъ доброта намѣреній!

А вотъ и еще доказательство вступленія министерства Колокотрони на *совершенно народный и конституціонный путь*. Одинъ изъ кровожаднѣйшихъ членовъ павшаго министерства, который въ короткій промежутокъ времени успѣлъ нанести столько бѣдъ отечеству, г. Боцарисъ, посланъ въ Европу, чтобы дѣйствовать въ пользу *великой эллинской идеи*. Для этой же цѣли отправлены въ Европу еще: г. Христопуло—другая знаменитость

(*) По новѣйшимъ, полученнымъ нами извѣстіямъ, судъ надъ г. Вулгари, по причинѣ всеобщаго народнаго волненія, долженъ быть отложенъ безъ назначенія срока. *Ред.*

павшаго министерства, и г. Левиди, извѣстный своими анти-народными стремленіями, издатель газеты Надежда (Элпиѳъ). Возложеніе на такихъ людей великаго народнаго дѣла ясно обнаруживаетъ намѣренія настоящаго министерства, которое, заключая въ себѣ совершившихъ измѣну 1845 г., обѣщаетъ теперь новую, ужаснѣй той.

Вотъ кто эти, которые, осудивъ прошедшее, взялись заткнуть открытую ихъ предшественниками, великую пропасть, раздѣляющую народъ отъ управляющихъ имъ!

Изъ германскихъ газетъ видно, что покровительствующія державы Греціи намѣрены вести новые переговоры о преемствѣ греческаго престола. Директоръ министерства иностранныхъ дѣлъ Баваріи г. фонъ-Даксембергъ отправился, въ послѣднее время, въ Лондонъ, съ порученіемъ къ англійскому правительству, которое, какъ утверждаютъ, имѣетъ связь съ этимъ важнымъ вопросомъ. Король Максимиліанъ, удостоивая г. Даксемберга своею особенною благосклонностію, говорилъ съ нимъ долгое время въ день его отъѣзда. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго и мертваго сна, пробуждается опять интересный вопросъ о наслѣдствѣ греческаго престола, не для того, быть можетъ, чтобы за одинъ разъ быть рѣшеннымъ, но чтобы послѣ того, какъ поволнуетъ нѣсколько времени умы, снова пасть въ объятія Морфея. Вѣрно ужъ такъ предопредѣлено, чтобы вопросъ этотъ тревожимъ былъ время отъ времени, дабы не впалъ въ совершенное усыпленіе.

Съ большимъ удовольствіемъ прочитали мы въ газетахъ Іоніи о составленіи въ Корфу, подъ президентствомъ архіепископа, коммисіи о вспомоществованіи нашимъ единовѣрцамъ-черногорцамъ. Это дѣло и христіанское, и народное, и политическое, и достойно греческаго честолюбія. Четыре вѣка мы, греки, вмѣстѣ съ черногорцами, гнули шею подъ однимъ варварскимъ и беззаконнымъ игомъ, и четыре вѣка мы братски вмѣстѣ воевали «за вѣру во Христа и за свободу отечества». Въ этотъ многоскорбный періодъ никогда греки не отдѣлялись отъ черногорцевъ. И когда раздался народовозбудительный голосъ Ригаса, онъ созывалъ на славный бой всѣхъ во Христѣ братьевъ:

«Черногорскіе львы, орлы Олимпа и соколы
«Аграфскіе, соединитесь въ одну душу.

Настало возстаніе, началась страшная борьба за свободу. Вторженіе въ Грецію турецкихъ полчищъ отдѣлило грековъ отъ остальныхъ нашихъ братьевъ. Война кончилась, наступили миръ и реставрація. Но сначала внутреннія волненія и раздоры, а потомъ анти-народная правительственная политика, всегда старавшаяся отдѣлить эту малую Грецію отъ другой, великой Греціи, братскіе народы сдѣлались неизвѣстными другъ другу и чужими.

Но вотъ вдругъ гулъ орудій Черногоріи пріятно поразилъ нашъ слухъ и пронесся отъ Тенара до Пинда. Греція на вѣсть о побѣдахъ послала братской Черногоріи любезный привѣтъ. А Іонія спѣшитъ оказать пособіе воюющимъ нашимъ братьямъ, призрѣть ихъ вдовъ и сиротъ и положить братскій бальзамъ на раны героевъ. Отъ Іоніи, конечно, не отстанемъ и мы. Вѣдь и мы недавно страдали, обагрены были кровію, покрыты были ранами, которыя и теперь еще не успѣли закрыться; потому мы живо сочувствуемъ ратующимъ за свободу черногорцамъ.

42.

Пруссія.

Доктринерство и романтизмъ. По поводу послѣдняго пораженія министерства въ палатѣ народныхъ представителей, въ «Гетро» помѣщена слѣдующая, не лишенная интереса статья. О покойномъ прусскомъ королѣ говорили, что это былъ романтикъ на престолѣ, т. е. человѣкъ, плѣненный прошедшими средневѣковыми учрежденіями и желавшій ихъ возстановленія. Если Фридрихъ-Вильгельмъ представилъ типъ короля-романтика на престолѣ, его преемникъ захотѣлъ, повидимому, послужить образцомъ короля-доктринера. Мы здѣсь не назовемъ доктринеромъ человѣка, создавшаго себѣ правительственную теорію, потому что всякое правительство можетъ быть доведено до теоріи; доктринеръ—тотъ, чьи теоріи произвольны, а принципы—искусственны. Карлъ X былъ

доктринеръ потому, что опирался на правѣ, которое онъ считалъ бѣдственнымъ, но которое, однако, не опиралося болѣе ни на чемъ, ни на прочномъ мнѣніи, ни на соціальномъ фактѣ. Король Вильгельмъ доктринеръ, потому что онъ составилъ себѣ изъ королевскаго права понятіе, которое можетъ быть правдоподобно и найти какую нибудь поддержку въ буквѣ конституціи, но которое все таки въ противорѣчіи со всею реальностью правительства, съ духомъ его народа, стремленіями его вѣка, наконецъ съ естественнымъ ходомъ представительныхъ учрежденій. Со времени паденія Стюартовъ въ исторію пріобрѣтена эта истина, что едва только будетъ представленъ какой нибудь налогъ на утвержденіе представительнаго собранія, немедленно затѣмъ это собраніе облекается фактически въ высшую власть. Эта власть, однако, въ конституціонномъ государствѣ не уничтожаетъ королевской. Монархъ сохраняетъ значительную часть прямаго участія, а еще значительнѣйшую косвеннаго участія и вліянія. Ясно только одно, что въ случаѣ столкновенія уступать долженъ король, потому что у него нѣтъ никакого законнаго средства для одолѣнія парламентскихъ сопротивленій. Изъ этого можно сказать, что въ государствахъ, какъ Англія, Бельгія, Пруссія или Италія король только по имени государь, что фактическая власть перешла въ руки народа и его представителей, «что конституціонная монархія самый простой видъ республики. Эту истину трудно допустить государю, нестряхнувшему еще всѣхъ преданій божественнаго права, но какъ-бы то ни было—истина эта есть необходимое начало управленія введеннаго въ упомянутыхъ нами странахъ; и по нашему мнѣнію, нѣтъ средины между безусловнымъ принятіемъ этого принципа и возвращеніемъ къ одной изъ различныхъ формъ диктаторской власти. Ошибка короля Вильгельма состоитъ въ томъ, что онъ принялъ слишкомъ буквально свою верховную власть. Онъ не захотѣлъ понять, что учрежденія его страны отнимаютъ отъ реальности власть, отъ которой остается у него только имя. Будучи гораздо менѣе могущественнымъ, нежели онъ себѣ воображаетъ, тѣмъ самымъ онъ гораздо менѣе отвѣтственный. Вся его роль заключается въ умѣньи остановиться во время, обязанности же его по большой части состоятъ въ скрытной иниціативѣ и наущеніи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключить, что конституціонный государь остается безъ средствъ и возможности дѣйствовать въ виду мѣры, которую онъ счи-

таетъ пагубною. Извѣстно, что онъ можетъ сдѣлать возваніе къ мнѣнію избирателей. Но даже въ случаѣ, если народъ утвердилъ снова прежніе выборы, королю остается сдѣлать воззванія къ умамъ гражданъ успокоенныхъ послѣ побѣды. Если общественное мнѣніе ошиблось, то лучшимъ торжествомъ короля будетъ привести его къ умѣренности и истинѣ. Положеніе прусскаго короля,— мы первые признаемъ это,—весьма печальное. Его намѣренія по видимому благія. Весьма вѣроятно, что право на его сторонѣ. Понятно, что онъ безъ печали не можетъ видѣть неосуществленіе проектовъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависитъ безопасность и могущество государства. Но какъ бы не было прискорбно положеніе короля, нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ поведенія, которому онъ долженъ слѣдовать. Мелкія средства, помощью которыхъ его министры стараются одолѣть сопротивленіемъ палаты, будутъ имѣть результатомъ ослабленіе его нравственнаго результата. Что касается до насилія, оно было бы опасностью, если не преступленіемъ. Единственное почетное и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное средство выхода изъ затруднительнаго положенія—это уступить законно выраженной народной волѣ, но уступить совершенно честно и безъ задней мысли. Иными словами, надобно оставить самимъ обстоятельствамъ рѣшить этотъ вопросъ. Если рѣшеніе палаты нанесетъ истинный ударъ военной силѣ Пруссіи, то невозможно, чтобы другая сессія или палата не возвратилась къ прежнему. Столкновеніе властей даетъ умамъ совершенно иное направленіе, нежели требуется разработываемымъ вопросомъ. Вмѣсто того, чтобы судить о проектѣ закона по его предполагаемымъ выгодамъ или недостаткамъ, доходятъ до того, что видятъ только интересъ борьбы, доводящей всѣхъ до крайне восторженнаго состоянія. Затѣмъ, по окончаніи столкновенія, вопросъ принимаетъ свои прежнія формы; онъ появляется въ новомъ свѣтѣ, и мы часто видѣли, какъ ложно направленное сначала мнѣніе становилось потомъ въ пользу отвергнутыхъ имъ началъ. Прусскій король долженъ бы прочесть исторію Франціи. Изъ нея онъ выучитъ, что значитъ доктринерная политика. Онъ тамъ увидитъ какими судьбами пали два трона собственно потому, что опирались на правительственныхъ вымыслахъ. Реальная истина относительно правительства состоитъ въ томъ, что власть въ силѣ, а сила въ числѣ; государственный же мужъ долженъ заботиться, чтобы на сторонѣ силы было и правосудіе.

43.

Намъ кажется, наступила минута, поговорить о краеугольномъ камнѣ государства, которое философы прошедшаго вѣка и люди любознательные нынѣшняго столѣтія рисуютъ намъ обѣтованною землею.

Намъ кажется, наступило время сказать нѣсколько словъ объ англійской конституціи, о сущности политической и гражданской свободы, ею предоставляемой. Или мы ошибаемся, или взглядъ на дѣло дастъ намъ много поучительнаго. Монтескьё, выхваляя уставы Англіи, дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «не мнѣ судить, пользуются ли англичане свободою, или нѣтъ. Скажу только, что свобода въ Англіи постановлена закономъ, и я больше знать ничего не хочу.» (*Духъ законовъ*). Это что? Стало быть, обладаніе свободой независимо отъ законовъ? А нѣсколько страницъ выше, тотъ же Монтескьё говорилъ: «свобода есть право дѣлать все то, что дозволяетъ законъ.» Но если законы самоуправны, тогда что? Ужъ не въ прогресивной ли отмѣнѣ правительственнаго дѣйствія состоитъ свобода? не въ томъ ли, что́ другой французскій писатель называетъ *анархіей*, безначаліемъ, а англичане опредѣляютъ словомъ: self-governement.

По нашему мнѣнію, послѣдній принципъ, устарѣлый, какъ устарѣлъ нашъ бѣлый свѣтъ, родился въ головѣ людей, одаренныхъ крѣпкими мышцами и широкими плечами; это уставъ дикарей: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ!» Къ чему же тутъ законы? Но съ той минуты, какъ постановлены условія, уравновѣшивающія силу и слабость, съ той минуты съ ними вмѣстѣ, какъ среднее пропорціональное, выдвигается правый судъ. Стало быть, для слабости и для тѣхъ, кому дороги права слабаго, идея свободы нераздѣльна съ правительствомъ.

За симъ важно то обстоятельство, чтобъ поровну для всѣхъ и для каждаго былъ доступенъ правый судъ. Если который нибудь изъ слоевъ общества въ тискахъ, то не говорите, что тамъ есть свобода: здѣсь только найдете вы льготы, привилегіи, болѣе или менѣе розданныя.

Основа свободы — правый судъ, а безъ равноправности его нѣтъ. Есть ли что нибудь подобное въ англійской конституціи? Да прежде всего, есть ли еще англійская конституція? Кто видѣлъ, кто читалъ англійскую конституцію? Мы знаемъ, что о ней толкуютъ у насъ съ восторгомъ; но мы не солжемъ, сказавъ, что конституція Англіи—миѳъ. Въ Англіи нѣтъ конституціи, если подъ этимъ названіемъ вы не укажете на хартію, исторгнутую отъ Іоанна Безземельнаго баронами Нормандіи.

То, что англичане называютъ «*Our institution*», есть именно кодексъ льготъ и привилегій, ревностно хранимыхъ. А политическая организація Англіи есть именно послѣдствіе постепенныхъ ограниченій, наложенныхъ англичанами на королевскую власть во время многочисленныхъ переворотовъ государства. Такимъ образомъ, конечно, составилась благонадежная система политической гарантіи въ Англіи, и понятенъ становится восторгъ Монтескьё. Но въ сущности зерно гражданской свободы ищите не въ уставахъ Англіи, а въ самыхъ свойствахъ характера ея.

Нѣтъ! разумная свобода не создается уставами и хартіями. Она предполагаетъ въ каждомъ человѣкѣ сознаніе личныхъ правъ и средствъ пользоваться этими правами. Отсюда проистекаютъ два условія, необходимыя для разумной свободы гражданина: одно—нравственное: воспитаніе; другое—экономическое: кредитъ, или орудіе труда. Одѣньте въ существенность эти два условія во всѣхъ слояхъ общества, и вы создадите свободу на самомъ дѣлѣ. Преграды упадутъ, какъ сгнившіе шлагбаумы, а между тѣмъ царство закона не прекратится; законъ—охрана, гарантія личной свободы.

Англія представляетъ намъ именно образецъ государства, гдѣ личная неприкосновенность недостаточно ограждена закономъ; Да и могутъ ли законы Англіи дать эту охрану? Они проистекли изъ льготъ, изъ исключительныхъ привилегій, стало быть, не могутъ охранять равноправность всѣхъ и каждаго. Это не все; въ Англіи, воспитаніе, нравы, уставы—все развиваетъ сознаніе личной свободы, потребность борьбы: «души дѣтей моихъ я стараюсь закалить, какъ желѣзо!» говоритъ англичанинъ. «Первое твое дѣло,» говоритъ отецъ сыну, «доказать, что ты не дерево и не солома, но что въ тебѣ есть свойства жизни.»

Въ смыслѣ развитія личнаго, индивидуальнаго, конечно въ этихъ признакахъ есть величіе. Само собою разумѣется, что на

этой наковальнѣ выковываются люди, годные на борьбу съ жизнію, способные удовлетворять нуждамъ своимъ, ходить безъ помочей. Но развитіе собственно этихъ себялюбивыхъ свойствъ не есть еще развитіе гражданскихъ доблестей. Само собою разумѣется, что поощрительная борьба между равными—могущественный двигатель прогреса; но тамъ, гдѣ силы состязующихся неравны, борьба приводитъ только къ низложенію слабаго, а съ такими началами въ сердцѣ, слабый не жди пощады. Такое зрѣлище представляетъ намъ Англія.

И Спарта, гдѣ воровство было въ почетѣ, Спарта, къ слову сказать, снабжавшая Грецію булатомъ и сталью, тоже души гражданъ своихъ закаляла сталью; но эта пресловутая Спарта на страницахъ бытописанія оставила по себѣ неизгладимую память крѣпостнаго права: она создала илотовъ, цѣлое племя, обратившееся въ животныхъ, водворившихся на заводахъ и фабрикахъ—Ирландію Лакедемоніи.

Но въ Англіи не одна лохмотьями покрытая Ирландія проситъ хлѣба; въ Англіи шумно расходилось племя рабочихъ, что ваша Ирландія. Въ Англіи народъ требуетъ реформы въ выборахъ, и хочетъ принять участіе въ управленіи. А этою реформой убьетъ себя аристократія, если только допуститъ ее.

И дѣйствительно, въ настоящее время, четыреста семействъ правятъ и рядятъ Великобританіей, и пишутъ смѣты ея. Эти семейства заняли всѣ государственныя мѣста и должности въ Англіи. Скамьи лордовъ наслѣдственны, а скамьи нижняго парламента продажны: имъ есть тарифъ, почти постоянный въ Англіи.

Такимъ образомъ большинство голосовъ здѣсь продается, такъ сказать, съ публичнаго торга: это безнравственное явленіе глубоко пустило корни. Богатство въ Англіи даетъ такія существенныя льготы, противъ которыхъ нѣтъ ни закона, ни расправы. Земля въ Англіи оплачиваетъ одну сорока-осьмую часть государственныхъ налоговъ; богатые классы одну шестую часть; торговля, промышленность, трудъ человѣка платятъ остальное.

44.

Воззваніе Мадзини къ итальянцамъ.

Знаменитый итальянскій агитаторъ обнародовалъ недавно слѣдующее воззваніе къ итальянскому народу: «Королевская пуля, ранившая Гарибальди, вырвала послѣднюю строку того контракта, который заключили мы, республиканцы, съ монархіей. Совершенно свободный за себя, еще въ маѣ настоящаго года, отъ всякаго обязательства къ правительству во всемъ, что касалось дѣйствій въ пользу Рима и Венеціи, я говорилъ: «Теперь вопросъ идетъ не о республикѣ или монархіи; вопросъ о дѣйствіи или бездѣйствіи, о единствѣ или раздробленіи, о томъ—терпѣть ли долѣе присутствіе чужеземцевъ въ Италіи, или изгнать ихъ.» Отъ моего имени, и отъ имени всѣхъ моихъ друзей, я уничтожаю теперь эти слова—мое послѣднее предостереженіе правительству— и объявляю, что мы истощили всѣ усилія къ соглашенію съ этимъ правительствомъ; что въ насъ умерла всякая надежда на уступку или на возможность истинной дѣятельности въ интересахъ итальянскаго дѣла отъ учрежденія, которое, будучи безсильнымъ для веденія этого дѣла, способно только попирать грубымъ и тиранническимъ образомъ священнѣйшія и законнѣйшія стремленія народа, обращающагося съ просьбами къ своей монархіи, которое не хочетъ, не можетъ создать націю, волнуемое предчувствіемъ своей приближающейся судьбы; оно быстро разрушаетъ ту часть націи, которая создалась кровавымъ трудомъ другихъ. Во имя единства, угрожаемаго естественнымъ, возрастающимъ неудовольствіемъ, во имя нашихъ мучениковъ, всѣхъ республиканцевъ, которые рядомъ жертвъ, въ теченіе полувѣка, заложили основаніе итальянскаго отечества; во имя совѣсти, возмущенной двумя годами безполезныхъ двусмысленностей, пагубнымъ лицемѣрствомъ, наконецъ, уступками, которыми понапрасну приносится въ жертву наше національное достоинство, пятнается наше знамя и развращается поколѣніе, которому предстоитъ начать новую жизнь, жизнь будущаго—мы отдѣляемъ себя навсегда отъ монархіи, которая въ Сарнико сражается за Австрію, а въ

Аспромонте — за папу. Мы обращаемся, свободныя отъ всякаго обязательства, спасти то, что связываетъ насъ съ священнымъ дѣломъ нашей родины, къ нашему старому знамени, къ вѣрѣ нѣсколькихъ изъ нашихъ великихъ людей, къ республиканскому лозунгу, создавшему нашу славу, къ народу—этой единственной, впредь, надеждѣ Италіи—къ логикѣ, къ истинѣ.

«Исторія засвидѣтельствуетъ, что мы были великодушны и терпѣливы. Вопреки безсмысленнымъ клеветамъ развращенной и продажной прессы, исторія докажетъ, что частью изъ вниманія къ мнѣнію народа, хотя и ошибочному, частью же изъ любви къ Іосифу Гарибальди, не пренебрегая малѣйшимъ шансомъ къ согласію, мы повергли къ стопамъ монархіи, отмѣтившей себя только ошибками, алчностью и преслѣдованіями—наши планы, надежды, догадки, замѣтки, наши средства для дѣйствія, расположеніе всей Европы къ Италіи, созданное нами, наше вліяніе на рабочіе классы и тысячи юношей, исповѣдующихъ наши доктрины. Исторія докажетъ, что послѣ постыднаго вилла-франкскаго мира, монархія, устрашенная или преступная, оставила Венецію, занялась какъ бы покончить дѣло съ неаполитанскими бурбонами и, подчиняясь желанію человѣка 2-го декабря, отказалась отъ Италіи; мы—весь народъ, волонтеры, писатели продолжали прерванное дѣло, возбуждали вопросъ о присоединеніи центральчой Италіи къ ея остальной части; возбуждали возстаніе въ Сициліи, возбуждали агитацію въ Неаполѣ; приняли наконецъ—хотя оскорбляемые и оклеветанные—программу Гарибальди; привѣтствовали *плебисцитъ*, которымъ отдавалось въ руки трепещущей, безпечной монархіи нѣсколько милліоновъ народа, освобожденнаго не ею, но его собственной и гарибальдіевой рукою. Исторія замѣтитъ, что мы, желая отклонить всякій поводъ къ несогласію, уклонились въ сторону отъ нашей цѣли и уступали монархіи могущественныя экспедиціи, приготовленныя золотомъ—только не ея, ведомой людьми—только не ея; что дважды, въ Католликѣ и Неаполѣ, Гарибальди, не желая затемнять въ глазахъ народа блеска, которымъ онъ окружилъ монархію, съ печалію на сердцѣ, отказался отъ своихъ плановъ дѣйствія протъ Рима, добровольно обрекалъ себя уединенію Капреры; что мы потеряли цѣлыхъ два года на ободреніе и поднятіе духа монархіи, что мы указывали ей пальцемъ, что слѣдуетъ вооружить народъ, пріобрѣсть его любовь, собрать ея раздроб-

ленныя силы; мы говорили ей: «Помоги намъ сдѣлать Римъ и Венецію твоими; если у тебя нѣтъ на столько храбрости, чтобъ помочь намъ, не препятствуй по крайней мѣрѣ нашему дѣлу, и мы вставимъ еще два драгоцѣнныхъ камня въ твою корону»; что еще за нѣсколько дней до той минуты, когда пуля монархіи повергла Гарибальди, онъ, обманутый, оскорбляемый, объявленный возмутителемъ, торжественно объявлялъ народу, что «италіянцы только въ свободномъ Римѣ освятятъ монархію Виктора-Эммануила.»

«Исторія запишетъ на своихъ страницахъ, какъ монополистская монархія, обращающаяся отъ имени Италіи, къ европейской дипломатіи, объявляла неизбѣжнымъ то движеніе, которое сама же подавляла, гдѣ только могла, и надѣялась пріобрѣсти содѣйствіе народа, угрожая революціи, вспыхнувшей подъ нашимъ вліяніемъ; какъ, обѣщая единство и смѣлость довершить его, монархія привлекла на свою сторону Гарибальди и его друзей вмѣстѣ съ нами, за тѣмъ нарушала обѣщанія и загораживала полдороги; какъ, съ цѣлью пріобрѣсть большинство голосовъ въ свою пользу на югѣ, монархія ручалась за свобооу, уваженіе къ законамъ, безпредѣльную любовь къ народу и уваженіе къ его желаніямъ, а за тѣмъ лишила народъ права, свободнаго избранія своихъ представителей, объявляя себя враждебной всякому заявленію народомъ его стремленій; какъ, желая утаить свое обязательство вооружить страну, монархія объявляла, что въ теченіе года у ней будетъ 400,000 солдатъ подъ ружьемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, она едва можетъ вывести теперь въ поле 200,000 солдатъ; какъ она проводила націю, стремившуюся утвердиться, обѣщаніями о Римѣ и Венеціи, и потомъ объявила, что Венеція можетъ быть пріобрѣтена только по особенной милости Европы, а Римъ — по милости Франціи. Исторія разскажетъ, какъ равнодушно смотрѣла монархія на разбойничество въ неаполитанскихъ провинціяхъ, — разбойничество вооруженное, организованное, оплачиваемое папой на глазахъ французскихъ войскъ — не протестуя ни противъ папы, ни противъ этихъ охранительныхъ войскъ; какъ, напротивъ, монархія относилась съ такою рабскою дружбою къ этимъ послѣднимъ, что удалила министра, — я не скажу враждебнаго — но только не лакействовавшаго предъ Лудовикомъ-Наполеономъ, удалила, устранивъ голосъ парламента, и замѣнила человѣкомъ, пріят-

нымъ французскому императору, болѣе того—избраннымъ этимъ послѣднимъ. Исторія, краснѣющая за неблагодарность короля, опишетъ на страницахъ ту минуту, когда Гарибальди, утомившійся отъ постоянныхъ ошибокъ и заблужденій итальянскаго правительства, призвавъ на совѣтъ только свое сердце и Бога, хотѣлъ пожертвовать собою разъ навсегда во имя короля и во благо своей страны; монархія, ползающая у ногъ Лудовика-Наполеона, неожиданно подавила революціонерную энергію, объявила Гарибальди бунтовщикомъ, а всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли единой и свободной Италіи—измѣнниками, и начала междоусобную войну, оттачивая въ пользу Австріи и Франціи свое оружіе противъ человѣка, которому она обязана своимъ настоящимъ положеніемъ, который примкнулъ къ ней въ союзъ республиканскую партію, пріучилъ народъ сливать въ едино любовь къ родинѣ съ любовію къ Виктору-Эммануилу.

«За исключеніемъ войны въ Ломбардіи, сдѣлавшейся неизбѣжною вслѣдствіе вторженія австрійцевъ, веденной рука объ руку и подъ начальствомъ французскаго императора, всѣ подвиги монархіи въ дѣлѣ возстановленія Италіи ограничиваются: занятіемъ Умбріи и Мархій, приготовленнымъ нашими единомышленниками въ Римѣ, отторженіемъ отъ Италіи Савойи и Ниццы, и раненіемъ Гарибальди.

«Нѣтъ! Монархія не можетъ сдѣлать Италію единой; и если бы даже, благодаря нашимъ жертвамъ и дѣятельности, съ одной стороны и своей честолюбивой мечтѣ, возложить на свою главу великій вѣнецъ всей Италіи, ей удалось бы овладѣть всей страной, мы пріобрѣтемъ только внѣшнюю форму Италіи, но не увидимъ возставшій ея великій духъ,—сонъ нашей жизни, предметъ нашихъ трудовъ, страну великую своими стремленіями, освященную любовью и миромъ, свободную по завѣту Бога, въ третій разъ передоваго народа въ Европѣ. Монархія не можетъ дать намъ все это. Необладая очарованіемъ своего прошлаго на массы, руководимая въ средѣ самой Италіи иностранцами, вскормленная въ преданіяхъ, заставляющихъ колебаться, то между той, то между другой иностранной державой, безъ сознанія и довѣрія къ своей собственной жизни, безъ всякой религіи, воспоминаній—кромѣ развѣ подчиненія ею иностранцамъ могущественнаго и храбраго народа, составившаго ея могущество, и продажи чужеземцамъ гробницъ своихъ предковъ, безъ вѣры въ свои соб-

ственныя дѣйствія, надъ которыми тяготѣетъ осужденіе прогресивныхъ умовъ Европы, безъ вѣры въ народъ, котораго она только боится, даже когда онъ рукоплещетъ, мучимая ужасами, которые ей мерещатся въ каждомъ признакѣ жизни страны, принуждаемая своей природой, возставать противъ этой жизни при посредствѣ чужестраннаго деспотизма—монархія породила вновь, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, всѣ тѣ преграды къ единству, которыя было устранились на минуту движеніемъ самаго народа. Сильная готовностью на жертвы 22.000,000 гражданъ, монархія, по трусости осталась подъ ярмомъ политики иностранца, который по самой простой логикѣ не хочетъ, не можетъ хладнокровно видѣть насъ сильными въ національномъ единствѣ; окружаемая энтузіазмомъ и любовью цѣлаго народа, монархія не могла до сихъ поръ понять, что можно управлять этимъ народомъ и безъ постояннаго угнетенія его. Она породила антагонизмъ между провинціями, классами страны, арміей и народомъ; она начала и въ Италіи, юной и блестящей свѣжей жизнью, систему развращенія націи, заимствованную отъ монархій упадающихъ націй. Теперь, спустя только два года, какъ занялась заря новой жизни надъ Италіей, итальянская монархія управляетъ страной, точно такъ же, какъ Луи-Филиппъ управлялъ когда то Франціей, послѣ 18-ти лѣтъ постоянныхъ раздоровъ: осаднымъ положеніемъ, систематическимъ насиліемъ надъ личной свободой, кавалерійскими аттаками, безчетными битвами между братьями той же страны, и все это—съ цѣлью продлить временное положеніе страны, кладущее пятно на чело Италіи, задерживающее движеніе законодательства, гнетущее торговлю и развитіе промышленности, порождающее разрывъ между частями націи, дающее преобладающее вліяніе въ странѣ иностранцамъ, сѣющее отчаяніе и печаль, возстановляющее силы реакціи, уничтожающее безполезно наши финансы и осуждающее всѣхъ насъ на опасности и вредныя послѣдствія революціи, не доставивъ намъ ни одной изъ ея добрыхъ сторонъ.

«Выводъ, который можно сдѣлать изъ этой печальной страницы нашей исторіи, подтверждается всей исторіей Европы за послѣднія 50 лѣтъ.

«Мы, не льстившіе и не служившіе никому, уступившіе голосу большинства, согласившіеся, чтобы сдѣлана была снова попытка, рушившаяся для насъ въ 1848 году; мы, которые выше

всего любимъ будущность нашей страны, не знаемъ другаго господина, кромѣ Бога и народа; мы не можемъ долѣе оставаться безмолвными, видѣть, какъ страна клонится къ анархіи, и терять плоды долгихъ жертвъ, сдѣланныхъ для примиренія двухъ, прямо противоположныхъ элементовъ. Настало время, когда кому нибудь приходится, не обольщая себя разсчетами на немедленный успѣхъ, сказать Италіи безъ утайки (она преступна и въ настоящія минуты) всю правду. Настало время, чтобы кто нибудь, глубоко убѣжденный, что нравственный вопросъ преобладаетъ надъ всѣми другими, призвалъ нашу молодежь къ распространенію началъ, безъ которыхъ мы никогда не увидимъ единой итальянской націи. Этотъ долгъ мы беремъ на себя: будь, что будетъ.

«Итальянскій народъ обманутъ.

«Страна не можетъ освободиться, не имѣя начала, слѣдствія котораго она безбоязненно рѣшилась бы провести въ своей жизни. Мы противъ начала монархіи—ошибочнаго, по нашему мнѣнію.

«Чужеземный деспотизмъ, преслѣдующій свои собственные интересы, у котораго свои страхи, свои логическія стремленія, пользуется нуждами монархіи, съ цѣлью пріобрѣсть территоріальное вознагражденіе за свою помощь, и преслѣдуетъ политическую систему, схожую съ ея собственной: союза съ своими союзниками, изысканіе приверженцевъ для себя въ итальянскомъ правительствѣ, и наконецъ медлитъ въ своемъ созерцаніи національнаго итальянскаго дѣла, которое, сообщивъ единство и силу странѣ, должно бы освободить ее отъ всякаго покровительства, вырвать изъ рукъ Лудовика-Наполеона ключъ итальянской политики въ Римѣ, ключъ къ Средиземному морю въ Чивита-Веккіи.

«Начиная съ 1859 года, мы вращаемся въ томъ же кругѣ, и пока нація выйдетъ изъ него, у насъ должна быть нетолько Венеція, но Римъ, національное единство, внутренній миръ, свобода.

«Паденіе одного министерства, вступленіе другаго—вещь неважная. Затрудненіе стоитъ выше; оно заключается въ недостаткахъ учрежденія, которое, вмѣсто того, чтобы слить жизнь страны съ ея правительствомъ, ищетъ этой жизни внѣ страны; каждый кабинетъ думаетъ только о большемъ или меньшемъ господствѣ надъ страной.

«Люди, которые, по извѣстнымъ для насъ причинамъ, счита-

ютъ долгомъ защищать учрежденіе, осужденное здравой логикой, исторіей, преданіями Италіи, чувствомъ гражданскаго равенства, укоренившагося между ними глубже, чѣмъ гдѣ нибудь, обладаютъ только однимъ способомъ, продлить его существованіе. Они должны принудить его къ вооруженію всей страны, къ политикѣ, опирающейся на всю Европу, чтобы имѣть возможность сбросить съ себя гнетъ французскаго имперіализма, къ рѣшительному, немедленному движенію противъ Рима, къ войнѣ за Венецію, къ національному договору, который замѣнилъ бы піемонтскій статутъ 1848 года.

«Пусть монархія возьметъ на себя предпріятіе Гарибальди. Только такой цѣной она можетъ еще простоять нѣсколько въ Италіи.

«Но мы убѣждены въ ея неспособности къ подобной инииціативѣ; вотъ почему мы отступаемъ отъ нея. Мы отклоняемся отъ нея сами, и смѣлая откровенность, съ которой мы заявляемъ объ этомъ, должна укрѣпить безусловное довѣріе честныхъ людей въ слѣдующую декларацію: не предпринимая рѣшительной борьбы съ монархіей, не навязывая народу, если бы даже мы и могли, единственно(й?) логичной формы правительства, не подчиняя политическаго вопроса національному, но, возстановляя только свое право, откровенно сказать своимъ братьямъ:

«Итальянцы! рѣшитесь ли вы погибнуть презрѣннымъ образомъ между анархіей, вызванной безсильнымъ правительствомъ и стаями враговъ вашего короля, или же ускорить, довершить дѣло нашей національной революціи, и, доставивъ странѣ Римъ и Венецію, положить предѣлъ тѣмъ временнымъ обстоятельствамъ, которые искусственно подготовлены нашими врагами, полагавшими, что раздоры рушатъ святую мысль о вашемъ единствѣ? Вы хотите дождаться отъ монархіи, которая управляетъ вами и подчиняется намѣреніямъ Бонапарте, нетолько Венеціи, но и Рима. Правда, вы услышите когда нибудь новыя обѣщанія, если только захотите остаться бездѣйственными и быть рабами. Но развѣ съ васъ мало еще подобныхъ обѣщаній, которыя вамъ давалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ каждый новый министръ? Подвинули ли эти господа вопросъ хоть на одну ступень ближе къ его разрѣшенію? Все, что было пріобрѣтено со времени виллафранкскаго мира до сихъ поръ, было пріобрѣтено возстаніемъ и дѣйствіемъ народа. Приготовьтесь же снова возстать во имя Рима и Вене-

ціи; вѣрьте только въ самихъ себя, въ 26.000,000 населенія страны. Если по первому зову Гарибальди вы возстали единодушно и энергично, если пламенные и утомленные ожиданіемъ, забывая всѣ распри, вы поймете, что этотъ зовъ никогда не могъ быть заглушенъ или обезсиленъ,—Римъ будетъ вашимъ безъ войны, и исторія не хочетъ записать на своихъ страницахъ постыднаго факта, который можетъ быть смытъ лишь долгими жертвами, что Гарибальди—это живое воплощеніе нашего единства, былъ раненъ итальянской пулей на пути къ Риму.

«Никто, ни Лудовикъ-Наполеонъ, поставленный лицомъ къ лицу съ Европой, враждебной къ нему, ни кто другой, не могутъ противодѣйствовать цѣлому народу. Венеція и Римъ ваши; тотъ, кто поддерживаетъ отдѣленіе этихъ областей отъ нашей общей матери, врагъ нашъ, тѣмъ опаснѣйшій, что онъ разыгрываетъ роль друга; тотъ, кто препятствуетъ вамъ побѣдить этого врага и возвратить себѣ то, что ваше по праву, тотъ также врагъ вашъ, тѣмъ болѣе низкій и безчестный, что онъ зоветъ себя также итальянцемъ и выставляетъ себя представителемъ вашей національности. Вы можете низложить того и другаго враговъ силою воли, самоотверженнымъ согласіемъ, рѣшительностью дѣйствія. Освободите себя сами отъ путъ лжи, которыми опутываютъ васъ ваши лжепророки. На васъ лежалъ одинъ долгъ: «сдѣлать Италію единой; теперь же дѣло чести примыкаетъ уже къ дѣлу вашего долга. Вы слишкомъ уже громко засвидѣтельствовали ваше право, вашу способность держаться безупречно на занятомъ вами пути предъ лицомъ Европы. Помните, что пятно безчестья на челѣ возраждающагося народа можетъ разъѣдать его славу и силу въ теченіи полувѣка. Итакъ, если грудь ваша бьется любовью, если вы не хотите замарать себя грязнымъ пятномъ, неблагодарностью, вспомните о плѣнномъ Гарибальди, плѣнномъ за васъ. Теперь вы должны отплатить ему за все, что онъ сдѣлалъ и хотѣлъ сдѣлать для васъ: воплотить свой духъ въ васъ, точно также, какъ онъ воплотилъ въ себѣ духъ всей Италіи.

«Создайте Италію, вопреки всѣмъ, это ваша цѣль. Убѣдите народъ сдѣлать это дѣло своими собственными силами—это вашъ единственный путь.

«Монархія не дастъ вамъ Венеціи. Она не можетъ этого сдѣлать безъ вашей помощи; она не можетъ позволить вамъ ни воо-

ружиться, ни сражаться; она не можетъ допустить васъ до сознанія, что побѣды ваши, а не ея; возвратите же себѣ права, которыя отнимаютъ у васъ.

«Монархія не дастъ вамъ Рима. Сдѣлвъ (?) Пломбьера связала ей руки для вторженія въ этотъ городъ. Надежда всегда встрѣтить въ Лудовикѣ-Наполеонѣ защиту противъ вашихъ справедливыхъ требованій свободы; привязанность монархіи къ Турину, гдѣ она встрѣчаетъ опору себѣ въ аристократіи, преданіяхъ и долгой административной централизаціи—поддерживаютъ монархію. Но у васъ есть противу Австріи ея національности, съ которыми соединеніе ваше послужитъ сигналомъ для Лудовика-Наполеона; у васъ есть любовь націй, враждебныхъ къ нему, которыя помогутъ вамъ, когда увидятъ, что вы единодушно и рѣшительно взялись за дѣло; общественное мнѣніе Франціи также растетъ въ вашу пользу. Затѣмъ, за вами вѣчное право ваше, всемогущая сила народа и Богъ. Въ Римѣ, подчиненномъ народомъ, вы вспомните, что только одному народу, а (не?) тѣмъ, кто загораживаетъ ему дорогу, принадлежатъ плоды побѣды.

«Вспомните великій завѣтъ вашихъ предковъ, завѣтъ, который мы теперь снова надписываемъ надъ нашимъ знаменемъ.

«Верховная рѣшимость остается вашимъ дѣломъ. Для насъ же достаточно свободной совѣсти, свободнаго выраженія вашей вѣры, увѣренности въ будущемъ.

Іосифъ Мадзини.

Сентябрь 1862 г

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Stanford University Libraries
3 6105 001 353 791

